ВЛАСТЬ ТЬМЫ

ВЪ ЦАРСТВѢ СВѢТА

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

СВ. IОАННА ЗЛАТОУСТА.

СОЧИНЕНІЕ

Ф. В. ФАРРАРА

КАНОНИКА КЭНТЕРБЕРІЙСКАГО, АВТОРА СОЧИНЕНІЙ „ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА", „ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВ. АП. ПАВЛА". „ПЕРВЫЕ ДНИ ХРИСТІАНСТВА", „ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВВ. ОТЦОВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ", „НА ЗАРѢ ХРИСТІАНСТВА" И ПР. И ПР.

ПЕРЕВОДЪ

А. П. Лопухина

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.

1897.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА

(въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Садовая улица, Гостинный дворъ, № 45).

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Навиль Эрн. Христосъ. Публичныя чтенія. М., 1881 г., ц. 75 к.

Наумовичъ І., прот. Какъ въ простотѣ живутъ люди. Спб., 1890 г., ц. 50 к. *Министъ. Народ. Просв. одобрено для пріобрѣт. въ ученич. библ. средн. учебн. зав.* 21 іюля 1894 г. №14375.

— Христіанскія добродѣтели. Спб., 1895 г., ц. 25 к. 1. Вѣра.—2. Надежда.—3. Любовь.—4. Кротость—5. Мудрость.—6. Воздержаніе.—7. Молчаливость—8. Справедливость.—9. Честность.—10. Бережливость.—11. Богобоязненность.—12. Смиреніе.—13. Терпѣніе.—14. Милосердіе. *Минист. Народ. Просв. одобрено для пріобр. въ ученич. библ. средн. учебн. зав.* 21 іюля 1894 г. № 14375.

Недешевъ І., свящ. Законъ Божій для полковыхъ учебныхъ командъ. Одобр. Главн. Комитет. по образованію войскъ. Изд. 5-е. Спб., 1891 г., ц. 30 к.

— Замѣтки касательно преподаванія Закона въ полков. учебн. команд. Спб., 1881 г., ц, 15 к.

— Поученія воинамъ *Одобр. Гл. Ком. по образ. войскъ.* Спб., 1881 г., ц. 20 к.

Никаноръ, еп. Арх. и Холмог. Православно-Христіанское Богословіе. Сост. примѣн. къ семин. программѣ. Изд. 2-е. Ком. при Св. Сvн. въ 1891 г. допущ. въ пріобр. въ библ. дух. сем. Спб., 1891 г., ц. 80 к.

Нордовъ В., прот. Сѣятель Благочестія, или полный кругъ церковн. бесѣдъ, поученій и словъ (съ портретомъ автора). Въ двухъ томахъ. Спб., 1891 г., ц. 5 р., въ коленк. переп. 7 руб. *Минист. Народ. Просв. одобрено для пріобрѣт. въ ученич. библ. средн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

— Катихизическія поученія на Сvмволѣ вѣры молитву Господню, Блаженства Евангельскія и на 10 заповѣд. Божіихъ. Изд. 5-е Спб., 1891 г., ц 1 р. *Минист. Народ. Просв. одобрено для пріобр. въ ученич. библ. сердн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г № 14375.

— Бесѣда самаго съ собою или мысли на досугѣ. Спб., 1868 г., ц. 60 к.

— Бесѣды въ воспоминаніе священныхъ событій и приснопамятныхъ лицъ, произнесенныя на всенощныхъ бдѣніяхъ. Изд. 2-е. Спб., 1870 г., ц. 75 к.

Одинцовъ Н. Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка. Церковно-историческое изслѣдованіе. Спб., 1881 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 25 к. *Одобрено Учебн. Ком. при Свят. Сvнодѣ для фундамент. библіот. дух. Семинарій.*

Писакія мужей Апостольскихъ, изд. въ русскомъ перев. со введеніемъ и примѣч. къ нимъ, прот. П. А. Преображенскимъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 1 р. 50 к.

Полисадовъ І., прот. О загробной жизни. Противъ спиритовъ. Слово на Евангел. Притчу о богатомъ и Лазарѣ. Спб.. 1881 г. ц. 15 к.

Поминанье (для записыванія о здравіи и за упокой), отпечат. на лучшей почтов. бумагѣ. Спб , ц. въ красив. коленк. переп. съ футляромъ 60 к , въ бархатѣ съ золотымъ обрѣз. ц. 2 р.

Поповъ Евг., прот. Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Общенародныя бесѣды. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. ц. 2 р., въ коленк. переп. 3 руб.

— Объ исповѣди. Домашнія наставленія духовнаго отца говѣющимъ съ приложеніемъ свойственныхъ исповѣднику молитвенныхъ вознош. къ Богу. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. ц. 50 к.

— О святомъ причащеніи. Домашнія наставленія пастыря, готовящимся ко святому причащенію, съ прилож. молитвен. вознош. къ Богу во дни причастные. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., цѣна 50 коп.

— По православно-догматическому богословію. Общенародныя бесѣды. Въ 6 частяхъ. Спб., 1895 г., ц. 6 р.

Послѣднія минуты православ. христіанина. Спб., 1886 г., ц. 30 к., въ коленк. переп. 75 к.

Причастникъ святыхъ Христовыхъ тайнъ. Размышленія, взятыя изъ сочиненій св. Димитрія митр. Ростов. Спб., 1888 г. ц. 20 к.

Православно-церковный календарь на 1888, 89, 93, 94, 95 и 96 гг. съ изложеніемъ краткихъ свѣд. о жизни и подвигахъ святыхъ, ежедневн. воспом. прав. церкви, исторіи праздниковъ, и указаніемъ особенностей Богослуженія въ нѣкоторые праздничные и великопостные дни, цѣна за каждый годъ 30 к.

Путятинъ Р., прот. Полное собраніе поученій. Съ портрет. автора. Изд. 22-е. Спб., 1893 г., ц. 2 р., въ коленк. переп. 3 р. *Одобрено Минист. Народ. Просв. для учен. библ. и для народ. чтенія* (стр. кат. 48, 1882 г.).

Разумовскій А. Святый пророкъ Даніилъ и его книга. Спб., 1891 г., ц. 1 р. *Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сvнодѣ къ употр. въ духовн. Семинар. въ качествѣ учебн. пособ. по Священ. Писанію* (Церк. Вѣд. № 6, 1891 г.).

Робертсонъ и Герцогъ. Исторія христіанской церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Перев. съ англ. А. П. Лопухина. Въ двухъ томахъ. Спб., 1890—91 г., ц. 10 руб., въ коленк. перепл. 12 р.

Рождественскій Н. П., проф. Христіанская апологетика. Курсъ основнаго Богословія 2 тома. Спб., 1893 г. ц. 4 р., въ колен. пер. 5 р.

Романовъ І., прот. Полное собраніе поученій Два тома. Спб., 1887 г., ц. 4 р. 50 к., въ коленк. переп 6 р.

— Поученія и нѣсколько словъ. Новый третій выпускъ (выбрано изъ полн. собр. поученій). Спб., 1877 г., ц. 1 р.

— Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Въ 4-хъ выпускахъ. Спб. 1882—94 г., ц. 95 к. (Выпускъ первый *Мин. Нар. Просв. допущенъ къ употр. въ начальн. учил. въ качествѣ учебнаго руководства.* 24 Сент. 1884 г. № 13237).

— Краткія поученія о богослуженіи православной церкви. Спб., 1869 г., ц. 50 к.

— Краткіе уроки о нравственной жизни и о главнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина. Спб. 1889 г., ц. 15 к.

— О правильномъ и душеполезномъ приготовленіи къ исповѣди. Спб., 1889 г., ц. 10 к.

ВЛАСТЬ ТЬМЫ
ВЪ ЦАРСТВѢ СВѢТА

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

СОЧИНЕНІЕ

Ф. В. ФАРРАРА

КАНОНИКА КЭНТЕРБЕРІЙСКАГО, АВТОРА СОЧИНЕНІЙ „ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА", „ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВ. АП. ПАВЛА", „ПЕРВЫЕ ДНИ ХРИСТІАНСТВА", „ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВВ. ОТЦОВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ", „НА ЗАРѢ ХРИСТІАНСТВА" И ПР. И ПР.

ПЕРЕВОДЪ

А. П. Лопухина

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.

1897.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 11 октября 1896 года. Цензоръ Архимандритъ *Меѳодій.*

СКОРОПЕЧАТНЯ И ЛИТОГРАФІЯ ИВ. О. ПУХИРА.
(Телѣжный пер., № 3—5).

Предисловие

КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемая благосклонному вниманію русской читающей публики книга представляетъ собою новый плодъ замѣчательно производительнаго пера духовнаго англійскаго писателя, имя котораго хорошо извѣстно всему христіанскому міру по его крупнымъ библейскимъ и церковно-историческимъ сочиненіямъ, нашедшимъ себѣ широкое распространеніе и въ нашемъ образованномъ обществѣ, въ которомъ, отчасти благодаря имъ именно, въ послѣднее время пробудился не малый интересъ къ возвышеннымъ предметамъ богословскаго и церковно-историческаго знанія. Обладая обширнымъ научно-литературнымъ знакомствомъ съ обработываемой имъ областью знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающимся литературно-художественнымъ изложеніемъ, дающимъ ему возможность воспроизводить излагаемыя имъ событія съ поразительною ясностью и живостью, авторъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ даетъ превосходные образцы той художественной исторіографіи, которою справедливо славятся англійскіе историки. Каждое его историческое сочиненіе читается какъ художественное произведеніе, — такъ оно полно жизни и духа. Но не ограничиваясь строгимъ изложеніемъ фактовъ и событій

въ предѣлахъ исторической дѣйствительности, авторъ въ послѣднее время сдѣлалъ опытъ изложенія этихъ же фактовъ и событій съ точки зрѣнія художественной правды, т. е. въ видѣ историческихъ разсказовъ, дающихъ больше простора для обрисовки эпохи и дѣйствующихъ въ ней лицъ, чѣмъ строго историческое изложеніе, по необходимости стѣсняющее автора рамками документальности. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ была книга „На зарѣ христіанства“, въ которой авторъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ изложенія художественно воспроизвелъ знаменитую эпоху, когда христіанство впервые появилось въ столицѣ языческаго міра — Римѣ и когда завязалась та грандіозная борьба, въ которой побѣда осталась не за грознымъ величіемъ императорскаго самовластія, а за презрѣнными рыбарями, проповѣдывавшими „безуміе креста“. Теперь авторъ избралъ предметомъ подобнаго же художественнаго изложенія другую, не менѣе интересную въ церковно-историческомъ и культурномъ отношеніи эпоху, именно четвертый вѣкъ съ однимъ изъ величайшихъ и типичнѣйшихъ его представителей — знаменитымъ святителемъ и вселенскимъ учителемъ святымъ Іоанномъ Златоустомъ. Начиная съ изображенія извѣстнаго антіохійскаго мятежа, послужившаго поводомъ для св. Іоанна Златоуста къ произнесенію его знаменитыхъ бесѣдъ къ антіохійскому народу о статуяхъ *), вся книга въ сущности представляетъ собою мастерское въ художественномъ смыслѣ изложеніе жизни великаго святителя. Жизнь Златоустаго учителя и вообще такъ поразительна и такъ богата всевозможными испытаніями и превратностями, что сама собой напрашивается на кисть художника-лѣтописца, и подъ перомъ англійскаго писателя выступаетъ въ самыхъ яркихъ, увлекательныхъ краскахъ. Такъ какъ авторъ съ свойственнымъ ему искусствомъ вво-

---

*) Помѣщены во II томѣ новаго „Полнаго собранія твореній“ св. І. Златоуста въ русскомъ переводѣ, изд. Спб. Дух. Акад. 1896 г.

дить въ свой разсказъ и другихъ знаменитѣйшихъ представителей четвертаго вѣка, какъ государей, такъ и іерарховъ, которые всѣ выступаютъ какъ совершенно живые люди, то вслѣдствіе этого вся эпоха жизни великаго святителя обрисовывается съ поразительною ясностью и наглядностью. Въ виду этого понятно все образовательное значеніе этой книги, и можно сказать, что изъ чтенія этой книги всякій читатель не только вполнѣ познакомится съ главными историческими моментами излагаемой эпохи, но даже, такъ сказать, умомъ и сердцемъ переживетъ ихъ, какъ бы личный участникъ и зритель совершавшихся тогда знаменательныхъ событій. Если прибавить къ этому, что какъ въ первомъ своемъ разсказѣ, такъ и здѣсь, авторъ, какъ духовный писатель, повсюду выдерживаетъ строгій нравственный тонъ, столь рѣдкій въ свѣтскихъ произведеніяхъ этого рода, то даже и въ смыслѣ литературнаго противовѣса разрушительнымъ для нравственности произведеніямъ свѣтской беллетристики книга англійскаго писателя-богослова можетъ имѣть не малое воспитательное значеніе, и ее смѣло можно рекомендовать какъ пріятное и полезное чтеніе молодымъ образованнымъ людямъ обоего пола, — тѣмъ болѣе, что такого рода произведеніями далеко не можетъ похвалиться наша отечественная литература.

Въ виду такого характера и интереса новой книги каноника Фаррара, мы сочли не излишнимъ присоединить и ее къ той уже не малой серіи переводовъ, которая была издана нами изъ выдающихся произведеній иностранной богословской литературы. Что касается перевода, то въ виду самаго характера книги мы не считали нужнымъ рабски держаться подлинника, и въ нѣкоторыхъ главахъ, особенно тамъ, гдѣ авторъ сводитъ счеты съ своими противниками, мы нашли возможнымъ допустить значительныя отступленія, именно въ тѣхъ полемическихъ тирадахъ, которыя не представляютъ никакого интереса для русскихъ

читателей, какъ стоящихъ внѣ борьбы партій англиканизма. Съ устраненіемъ этихъ полемическихъ мѣстъ книга только выигрываетъ въ своей изящной простотѣ и производитъ болѣе цѣльное впечатлѣніе спокойною художественностью изложенія событій знаменитаго въ исторіи христіанской церкви вѣка. Съ цѣлію дать болѣе ясное понятіе о содержаніи книги, мы замѣнили ея довольно неопредѣленное англійское заглавіе *) другимъ, которое, по нашему мнѣнію, ярче выражаетъ идею излагаемаго въ ней возстанія силъ міра сего на св. Церковь Божію въ лицѣ ея величайшаго святителя. „Власть тьмы“, по изреченію самого Господа Христа, это есть именно царство той демонической и космической силы, которая неустанно ведетъ борьбу противъ „царства свѣта“, т. е. церкви Божіей, и по временамъ успѣваетъ наносить ей въ лицѣ ея величайшихъ праведниковъ жестокіе удары. Но какъ бы ни ярилась буря житейскаго моря, не пошатнуть ей скалы, на которой Христосъ основалъ Церковь; какъ бы власть тьмы ни возставала на царство свѣта, не омрачить ей солнца правды, потому что не ложно обѣтованіе, данное св. Церкви ея божественнымъ Основателемъ, что и врата адовы не одолѣютъ ея.

А. Л.

5 сентября 1896 г.
Балаклава.

*) Въ подлинникѣ она носитъ заглавіе: Gathering Clouds („Собирающіяся тучи“).

Предисловіе автора.

Въ своемъ сочиненіи „На зарѣ христіанства“ я старался въ формѣ разсказа иллюстрировать эпоху, имѣющую чрезвычайный историческій и нравственный интересъ, — именно изобразить происходившую въ первомъ вѣкѣ борьбу между зародившимся христіанствомъ, вооруженнымъ только „непреодолимымъ могуществомъ немощи“, и отживавшимъ язычествомъ, которое было поддерживаемо остроуміемъ, геніемъ, религіей, философіей, императорской властью и всѣми силами міра сего. Я показалъ, что христіанство одержало побѣду добродѣтелью чистоты и непорочности, которою оно одушевляло своихъ послѣдователей, и ничто не въ состояніи было противиться вѣрѣ, которая ставила достиженіе идеала святости въ предѣлы доступности для нижайшихъ и смиреннѣйшихъ членовъ человѣчества. Старался я показать также (насколько это было возможно) и тотъ страшный духовный упадокъ, за который отвѣтственно было болѣе чѣмъ наполовину атеистическое язычество, равно какъ выставить и тѣ благородные характеры, которые христіанство возвело на степень красоты не только дотолѣ недостижимой, но и невообразимой — ни для высшихъ, ни для нисшихъ классовъ народа. Насколько дѣло касалось историческаго изложенія, данная въ книгѣ картина была не воображаемымъ ландшафтомъ, а безусловно фотографическимъ снимкомъ.

Всѣ обстоятельства, всѣ подробности—даже въ описаніи одежды и обычаевъ—были непосредственно заимствованы изъ исторіи, поэзіи, сатиръ и повѣстей классическихъ писателей, или изъ литературы и памятниковъ первыхъ дней христіанства. Если бы я не слѣдовалъ этому методу, то не былъ бы вѣренъ главной цѣли, которую поставилъ себѣ.

Съ благодарностью признаю я добрый пріемъ, съ которымъ встрѣчена была многочисленными читателями моя книга „На зарѣ христіанства", и по многимъ, доходившимъ до меня свѣдѣніямъ, имѣю основаніе думать, что мнѣ отчасти удалось заставить понять и оцѣнить мою цѣль. Съ своей книгой обращался я не къ обычнымъ читателямъ повѣстей, а желалъ возбудить интересъ гораздо болѣе глубокій и высокій, чѣмъ мимолетное удовольствіе.

На разъясненіи этого я остановился потому, что планъ настоящей книги близко сходенъ съ тѣмъ, которому я старался слѣдовать въ книгѣ „На зарѣ христіанства", хотя истины, которыя я хочу иллюстрировать, и характеристическія черты вѣка, съ которымъ я имѣю дѣло, совершенно различнаго свойства.

Тамъ я показалъ тѣ вліянія, которыя дали возможность церкви восторжествовать надъ міромъ; теперь моя задача болѣе печальна и состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ міръ вновь вторгался и даже отчасти торжествовалъ надъ номинальною церковью. Тамъ я показалъ, какъ тьма язычества была разсѣяна зарей христіанства; здѣсь мнѣ приходится изображать, какъ солнце правды, взошедшее на своихъ всеисцѣляющихъ крыльяхъ, было затѣняемо черными и зловѣщими тучами...

Но какъ бы божественный идеалъ ни омрачался, онъ никогда вполнѣ не исчезалъ. Солнце часто затемнялось тучами, но за этой завѣсой темной мглы, даже въ тѣ дни, которые казались наиболѣе мрачными, оно всегда продолжало свой царственный путь и, пламе-

нѣя въ зенитѣ, могло пронизывать своими лучами самыя черныя тучи. Со времени Христа не было такого до крайности испорченнаго вѣка, въ которомъ бы не выступали пророки и святые Божіи. Эти провозвѣстники правды изъ вѣка въ вѣкъ подвергались гоненіямъ, были распиливаемы и убиваемы мечемъ царей и первосвященниковъ *); но уже слѣдующее поколѣніе, которое воздвигало имъ гробницы, по крайней мѣрѣ отчасти пользовалось уроками ихъ ученія и жизни.

„Церковь, говорилъ св. Іоаннъ Златоустъ, не можетъ поколебаться. Чѣмъ болѣе міръ злоумышляетъ противъ нея, тѣмъ болѣе возрастаетъ она; волны разсыпаются, а скала остается недвижимой".

При чтеніи настоящей книги поэтому читатель будетъ имѣть дѣло съ исторической картиной, въ которой воображенію предоставлена свободная игра лишь въ предметахъ, не затрогивающихъ главные факты; а всѣ обстоятельства, имѣющія отношеніе къ моей главной цѣли, строго точны или, во всякомъ случаѣ, заимствованы изъ подлинныхъ свидѣтельствъ современныхъ язычниковъ, а также и отцовъ и учителей Церкви Божіей.

Ф. В. Фарраръ.

*) Чтобы яснѣе понять эту фразу, достаточно припомнить ужасы инквизиціи, какъ излюбленнаго орудія римскихъ первосвященниковъ...

Перев.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВЪ АНТІОХІИ.

ГЛАВА I.

Надвигающаяся буря.

ГЛАВА II.

Мятежъ.

ГЛАВА III.

Бѣдственность города и его утѣшитель.

ГЛАВА IV.

Два ночныхъ посѣтителя.

ГЛАВА V.

Пустынникъ и мальчикъ.

ГЛАВА VI.

Бѣсноватый.

ГЛАВА VII.

Судъ надъ городомъ.

ГЛАВА VIII.

Отведенный ударъ.

ГЛАВА IX.

Крещеніе Филиппа.

ГЛАВА X.

Счастливѣйшіе годы.

ГЛАВА XI.

Готы въ Антіохіи.

ГЛАВА XII.

Пресвитеръ.

КНИГА ВТОРАЯ.

БУРНЫЕ ДНИ.

ГЛАВА XIII.

Два іерарха.

ГЛАВА XIV.

Новый патріарха.

ГЛАВА XV.

Неожиданный отъѣздъ въ столицу.

ГЛАВА XVI.

По пути въ Константинополь.

ГЛАВА XVII.

Въ Константинополѣ.

ГЛАВА XVIII.

Императоръ и императрица.

ГЛАВА XIX.

На императорскомъ пиршенствѣ.

ГЛАВА XX.

Первыя впечатлѣнія.

ГЛАВА XXI.

Тревоги и хлопоты; друзья и враги.

ГЛАВА XXII.

Борьба съ различными нестроеніями.

ГЛАВА XXIII.

Борьба съ церковными нестроеніями.

ГЛАВА XXIV.

Консульство Евтропія.

ГЛАВА XXV.

Готы.

ГЛАВА XXVI.

Паденіе Евтропія.

ГЛАВА XXVII.

Въ священномъ убѣжищѣ.

ГЛАВА XXIII.

Неизбѣжное возмездіе.

ГЛАВА XXIX.

Негодованіе Евтихія.

ГЛАВА XXX.

Готы въ Константинополѣ.

ГЛАВА XXXI.

Осужденные на смерть.

ГЛАВА XXXII.

Трое юношей спасаютъ Константинополь.

ГЛАВА XXXIII.

Побоище.

ГЛАВА XXXIV.

Послѣдующая судьба Гайны.

ГЛАВА XXXV.

Валамиръ и Евтихiй.

ГЛАВА XXXVI.

Мертвая голова.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

БЕЗДНА НЕНАВИСТИ И ЗЛОБЫ.

ГЛАВА XXXVII.

Міръ, плоть и діаволъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Новыя смуты.

ГЛАВА XXXIX.

Среди бездны злоупотребленій.

ГЛАВА XL.

Встрѣча съ Вигилянціемъ.

ГЛАВА XLI.

Разлука.

ГЛАВА XLII.

Козни Северіана.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

БОРЬБА НА ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

ГЛАВА XLIII.

Долгіе братья.

ГЛАВА XLXI.

Неудачное вмѣшательство.

ГЛАВА XLV.

Совѣтъ нечестивыхъ.

ГЛАВА XLVI.

Землетрясеніе.

КНИГА ПЯТАЯ.

ПОРАЖЕНІЕ ВЪ ПОБѢДѢ И ПОБѢДА ВЪ ПОРАЖЕНІИ.

ГЛАВА XLVII.

Статуя Евдоксіи.

ГЛАВА XLVIII.

Подложная проповѣдь.

ГЛАВА XLIX.

Торжество козней.

ГЛАВА L.

Продолжающаяся агонія.

ГЛАВА LI.

Изгнаніе.

ГЛАВА LII.

Пожаръ.

ГЛАВА LIII.

Крестный путь.

ГЛАВА LIV.

Царство ужаса.

ГЛАВА LV.

Юные страдальцы за правду.

ГЛАВА LVI.

Проблески возвращающейся зари.

ГЛАВА LVII.

Возвращеніе Калліаса.

ГЛАВА LVIII.

Валамиръ и святой Телемахъ.

ГЛАВА LIX.

Праведное возмездіе.

КНИГА ШЕСТАЯ.

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ.

ГЛАВА LX.

Филиппъ и императоръ.

ГЛАВА LXI.

Въ скитѣ св. Нила.

ГЛАВА LXII.

Встрѣча Филиппа съ блаж. Іеронимомъ.

ГЛАВА LXIII.

У Деспосиновъ.

ГЛАВА LXIV.

Двѣ счастливыя свадьбы.

ГЛАВА LXV.

Филиппъ въ Антіохіи.

ГЛАВА LXVI.

Изгнанникъ въ Кукузѣ.

ГЛАВА LXVII.

Мученическій вѣнецъ.

ГЛАВА LXVIII.

Послѣдняя аудіенція у Аркадія.

ГЛАВА LXIX.

Положеніе дѣлъ на западѣ.

ГЛАВА LXX.

Счастливое дѣтство и годы благоденствія.

ГЛАВА LXXI.

Воздаяніе послѣднихъ почестей.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Добрый правитель востока.

ОПЕЧАТКИ.

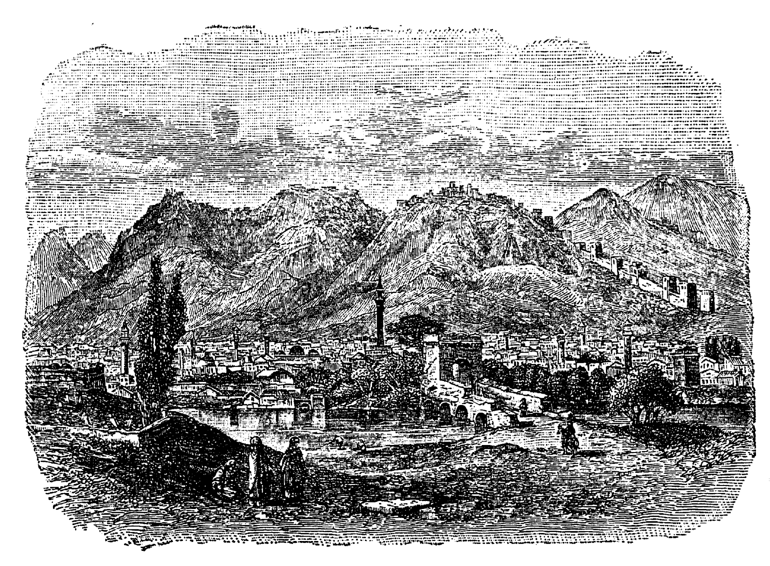
стр.	строка.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
82	2 сверху	у нихъ	ихъ
96	17 снизу	драпоцѣнности	драгоцѣнности
106	4 сверху	добившихся	добивавшихся
106	8 „	и всѣ такъ или иначе	и всѣ, которые такъ или иначе
138	9 снизу	със охранившимися	съ сохранившимися
199	10 „	до	со
201	7 сверху	рвличнымъ	различнымъ
209	12 „	такъ	какъ
217	15 снизу	оклесталъ	оклеветалъ
227	16 „	противоположенная	противоположная
234	11 сверху	Аркадіе	Аркадія
246	12 „	трубунъ	трибунъ
258	18 „	проклескомъ	проблескомъ
263	20 „	невѣжеттвенные	невѣжественные
263	3 снизу	что	то
272	9 „	безравственности	безнравственности
272	5 „	Авреліаны	Авреліана
273	2 „	однимъ	одно

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВЪ АНТІОХІИ.

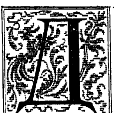

Теперешній видъ Антіохіи.

ГЛАВА I.

Надвигающаяся буря.

Phoebeae lauri domus, Antiochia
Turbida... et amentis populi male sana
tumultu *).
Ausonius, Ord. Nob. Urbium.

ЕНЬ 26 февраля 387 года былъ весьма памятенъ въ судьбѣ Антіохіи, прекраснѣйшей и одной изъ знаменитѣйшихъ столицъ восточной Римской Имперіи.

Утромъ въ этотъ день императорскій герольдъ объявилъ народу, что вслѣдствіе надобностей императорской казны великій императоръ Ѳеодосій порѣшилъ сдѣлать налогъ на самые богатые города своей имперіи, а такъ какъ Антіохія славилась по всему міру своею роскошью и благосостояніемъ, то конечно и она должна была вѣрноподданически принять участіе въ этомъ налогѣ.

*) Фебовыхъ лавровъ жилище, Антіохія
Мятежная... и безразсудная въ смутахъ народа безумнаго.

Человѣческой природѣ всегда была присуща нелюбовь къ налогамъ, ко всякаго рода обложеніямъ, и эта нелюбовь отнюдь не есть только особенность новѣйшаго времени или какого-нибудь отдѣльнаго народа. И если теперь во всякомъ случаѣ было необходимо, чтобы города понесли предстоявшій налогъ пропорціонально своему богатству, то взносъ со стороны Антіохіи долженъ былъ составить весьма значительную часть той суммы, которую требовалось собрать. Это былъ дѣйствительно городъ богатый, находившійся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ даже по своему положенію. Къ югу отъ нея находилась Финикія, къ сѣверу — Малая Азія. Роскошная растительность, которою покрыта была окружающая ее равнина, свидѣтельствовала о необычайномъ плодородіи ея почвы. Нигдѣ еще не было такихъ цвѣтущихъ виноградниковъ, какъ тѣ, которыми одѣты были склоны осѣняющей ее горы Сильпія. Глубокія и быстрыя воды орошающей ее рѣки — знаменитаго въ легендахъ Оронта — не только одѣвали ея берега цвѣтущими массами пахучихъ олеандровъ и нѣжно благовонныхъ жасминовъ, но и освѣжали ея лавровыя и миртовыя рощи, орошали ея сады, изобиловавшіе всевозможными вкусными плодами. Караваны изъ Месопотаміи и Аравіи свозили въ нее чрезъ Ливанскіе проходы всѣ богатства востока. Изъ прекраснаго озера и впадающихъ въ него рѣчекъ въ изобиліи доставлялась рыба и всякаго рода пищевые продукты. Корабли изъ всѣхъ портовъ Средиземнаго моря привозили въ ея Селевкійскую гавань избытокъ произведеній всѣхъ странъ извѣстнаго тогда міра. Богатые домовладѣльцы — греки, римляне, евреи, сиріяне — въ ея окрестностяхъ настроили себѣ роскошныхъ загородныхъ дачъ, въ тѣхъ чрезвычайно красивыхъ и удобныхъ мѣстахъ, гдѣ можно было наслаждаться мягкими западными вѣтерками, даже зимою умѣрявшими ея климатъ. Тамъ въ своихъ гордыхъ дворцахъ и виллахъ, блиставшихъ мраморомъ и убранныхъ прекраснѣйшими произведеніями древняго искусства, они могли покачиваться на мягкихъ лежанкахъ, у самыхъ фонтановъ, пріятно освѣжавшихъ лѣтній зной. Не удивительно, что Антіохія, расположенная на Оронтѣ, была одной изъ любимыхъ резиденцій всѣхъ, кто любилъ удовольствіе пріятнаго ничего недѣланія, разнообразившагося веселыми развлеченіями самаго упоительнаго свойства. Всего въ какихъ нибудь 7—8

верстахъ отъ нея находилась прелестная роща Дафна, — та очаровательная Дафна, которая славилась своими цвѣтниками, садами, непересыхающими фонтанами и густою тѣнью. Тамъ дѣйствительно нельзя было скучать, хотя бы даже просто вслѣдствіе безконечныхъ языческихъ пилигримствъ, которыя одно время дѣлали этотъ городъ «постояннымъ праздникомъ порока». Христіанство, конечно, въ значительной степени сократило разнузданность «дафнійской нравственности», которая когда-то наполняла капище Аполлона самымъ веселымъ разгуломъ. То поклоненіе, которое нѣкогда приносилось мраморному колоссу этого бога поэзіи, въ значительной степени перешло къ статуѣ, воздвигнутой Константиномъ Великимъ своей матери — святой Еленѣ. Но дорога къ Дафнѣ по прежнему вела черезъ роскошные сады, мимо великолѣпныхъ загородныхъ дворцовъ и на огромномъ 17 верстномъ пространствѣ, окружавшемъ этотъ древній очагъ язычества, еще представлялась полная возможность для удовольствій и наслажденій всякаго рода.

Но если роскошь Антіохіи дѣлала ее любимымъ мѣстопребываніемъ множества наслѣдственныхъ милліонеровъ, обезпеченныхъ торговцевъ, всякаго рода «пышныхъ преступниковъ», то конечно, вполнѣ понятно было требованіе, чтобы такой городъ принялъ участіе въ удовлетвореніи необходимыхъ нуждъ Имперіи. Ѳеодосію приходилось удовлетворять голодную алчность своего войска какими нибудь подачками, а это было невозможно безъ новыхъ налоговъ. Тутъ дѣло шло не о какомъ нибудь капризѣ или показной роскоши и славолюбіи, а о суровой необходимости, потому что только этимъ способомъ и можно было поддерживать доброе настроеніе и чувство преданности въ войскѣ, отъ котораго зависѣла безопасность и защита всей Имперіи.

Изнѣженные антіохійцы взглянули, однако, совершенно иначе. Объявленіе о предстоящемъ налогѣ было принято народною массою, собравшеюся на большомъ форумѣ, въ настроеніи самаго мрачнаго негодованія. Обыкновенно всѣ общественныя дѣла, порѣшавшіяся на площади, сопровождались криками, восклицаніями, а нерѣдко шутками и остротами, которыми отличалось бойкое и вѣтряное населеніе Антіохіи. Но въ настоящемъ случаѣ не слышно было ни рукоплесканій, ни криковъ, ни шутокъ.

Воцарилось мрачное безмолвіе, отъ котораго невольная дрожь охватила сердца присутствующихъ, потому что это безмолвіе походило на затишье передъ бурею.

Правитель города, носившій громкій титулъ «Властелина Востока», прибылъ къ мѣсту объявленія указа въ сопровожденіи всѣхъ своихъ высшихъ сановниковъ и рядомъ съ нимъ былъ знаменитѣйшій писатель того времени — языческій софистъ Ливаній, главный наставникъ всей знатной молодежи, искавшей отличія на ораторскомъ поприщѣ. Ливаній былъ родомъ изъ Антіохіи, поэтому правитель, пораженный зловѣщимъ безмолвіемъ толпы, обернулся къ нему съ приподнятыми отъ изумленія бровями, какъ бы спрашивая у него объясненія этого страннаго явленія.

— Это нѣчто совершенно новое для меня, сказалъ Ливаній; когда народъ слишкомъ сумраченъ, чтобы даже кричать или шикать, то тутъ есть мѣсто для разнаго рода опасеній. Я боюсь, какъ-бы изъ этого безмолвія не вышло какого нибудь бѣдствія.

— Ну полно, гнѣвно сказалъ правитель; это лишь новый видъ глупости этого смѣшаннаго населенія — сирійцевъ, грековъ и жидовъ. Прошу извиненія у твоего патріотизма, Ливаній, но ты человѣкъ слишкомъ космополитичный для того, чтобы не признать, что заурядный антіохіецъ представляетъ собою смѣсь легкомыслія и предразсудка.

— Но этотъ налогъ ляжетъ тяжелымъ бременемъ на ихъ благосостояніе, замѣтилъ ораторъ.

— Пустяки! сказалъ правитель; немножко кровопусканія принесетъ лишь пользу при ихъ ожирѣніи. Неужели эти глупцы думаютъ, что они могутъ пользоваться всѣми предоставленными имъ правительствомъ привилегіями даромъ? Чему они обязаны своимъ богатствомъ, если не цѣлому десятилѣтію мира и сбереженій, которыми они могли пользоваться благодаря мудрости великаго Ѳеодосія? Однако они ропщутъ уже при этомъ весьма скромномъ требованіи съ нихъ. Совершенно такъ же они поступили и съ своимъ другомъ императоромъ Юліаномъ. Когда онъ однажды попросилъ у нихъ необходимыхъ для него суммъ, то они въ циркѣ кричали ему: «у тебя много всего, а у насъ все дорого!» Что сталось бы съ имперіей, если бы не нашъ мужественный императоръ? Она распалась бы на части подобно позвоночнику змѣя, котораго уронилъ орелъ

изъ своихъ когтей, при чемъ каждый позвонокъ превратился бы въ новаго змѣя, готоваго ужалить всѣхъ остальныхъ. Вѣдь вотъ готы, исавряне и вандалы и — я даже не знаю сколько другихъ, неизвѣстныхъ по имени варваровъ, надвигаются на всѣ наши границы и угрожаютъ подвергнуть насъ разоренію и всякой бѣдственности. Послѣ Адріанопольскаго пораженія, повидимому, ужъ ничто не могло оградить насъ отъ гибели. Но вотъ Ѳеодосій даровалъ намъ миръ, тишину, финансовыя реформы и мудрое управленіе. Если бы не онъ, то Антіохія, несомнѣнно, давно уже лежала бы въ развалинахъ, скорѣе чѣмъ отъ самаго страшнаго изъ бывающихъ въ ней землетрясеній.

— Онъ могъ бы поэкономить, замѣтилъ Ливаній.

— Нѣтъ, отвѣчалъ правитель, ты не совсѣмъ справедливъ къ нему, Ливаній. Ты язычникъ, а онъ сдѣлалъ больше для подавленія идолослуженія старымъ богамъ, чѣмъ кто нибудь другой со времени Константина. Въ дѣйствительности этотъ налогъ служитъ именно явнымъ доказательствомъ его экономіи. Теперь идетъ девятый годъ его царствованія и пятый со времени нареченія его сына Аркадія Августомъ. Тебѣ извѣстно, что по случаю такихъ годовщинъ всякій воинъ въ войскѣ разсчитываетъ получить по пяти червонцевъ. Для этого требуется такая сумма, которая самого Креза повергла бы въ нищенство. Молодому Валентиніану такая годовщина стоила тысячу шестьсотъ фунтовъ золота. Чтобы избѣгнуть необходимости двухъ такихъ разорительныхъ подарковъ, Ѳеодосій и порѣшилъ отпраздновать свое десятилѣтіе годомъ раньше, соединивъ его съ пятилѣтіемъ сына. Бѣдные классы ужъ и безъ того задавлены налогами. Что же оставалось дѣлать, какъ не обратиться къ богатымъ?

— Уйдемте назадъ въ преторію*), торопливо сказалъ Ливаній; мнѣ очень не нравится видъ этой черни и ея мрачное молчаніе.

— Это ничего, отвѣтилъ правитель: чрезъ какіе нибудь полчаса этотъ самый народъ будетъ орать за зеленую или голубую

*) Преторія — Praetorium — главная квартира претора, намѣстника или генералъ-губернатора провинціи; затѣмъ преторскій домъ, въ которомъ были и главныя присутственныя мѣста, въ томъ числѣ и верховный судъ.

Перев.

партію всадниковъ въ циркѣ, или массами зѣвать вокругъ какого нибудь глотателя шпаги на Тиверіевой улицѣ.

— Но всетаки уйдемъ отсюда, продолжалъ Ливаній. — Въ Александріи, какъ слышно, произошли мятежи, и для подавленія ихъ потребовалось прибѣгнуть къ весьма сильнымъ мѣрамъ.

Группа сановниковъ, окруженная своимъ небольшимъ, но блистательно одѣтымъ конвоемъ, направилась въ преторію, находившуюся неподалеку отсюда. Ливаній былъ въ самомъ худомъ настроеніи духа.

— Посмотри, сказалъ онъ, на ту вонъ мрачную исполинскую голову на склонѣ горы Сильпія. — При этомъ онъ указалъ на Харонія, который, самъ сверкая въ лучахъ солнца, отбрасывалъ черную тѣнь на гору позади себя*). — Огромное лицо великана, кажется, ужасно нахмурилось на нашъ веселый городъ.

— Пустая игра воображенія, замѣтилъ правитель; но — что это тамъ такое?

Одинъ изъ императорскихъ стрѣльцовъ, которые были расположены на выступѣ въ центрѣ колоннады Антіоха Епифана, стремглавъ бѣжалъ по направленію къ конвою правителя, видимо въ самомъ тревожномъ настроеніи.

— Что значить эта безобразная бѣготня, ты, бѣлолицый трусъ? строго спросилъ его начальникъ конвоя. Гдѣ твоя военная дисциплина? Развѣ ты захотѣлъ, чтобы плеть изъ носороговой кожи погуляла у тебя по спинѣ?

— Нѣтъ, господинъ капитанъ, я вовсе не трусъ, сказалъ стрѣлецъ; но теперь не время для долгихъ объясненій.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ правитель, до слуха котораго донесся этотъ короткій разговоръ. Позвать сюда стрѣльца!

— Городъ въ полномъ возмущеніи, властелинъ мой, сказалъ воинъ, выступая впередъ. Слышишь?

Правитель прислушался, и до ихъ слуха донесся глухой ревъ на подобіе шума разъяреннаго моря. Это былъ гнѣвный гвалтъ голо-

*) Харопій составлялъ одну изъ достопримѣчательностей Антіохіи. Это была огромная скала, изъ которой по приказанію Антіоха Епифана было сдѣлано грубое подобіе исполинской статуи, изображавшей Харона, — подземнаго бога, перевозящаго души умершихъ чрезъ рѣку Стиксъ. Этотъ исполинскій трудъ былъ исполненъ скульпторами во время моровой язвы — въ умилостивленіе мрачнаго перевозчика душъ. Перев.

совъ, по временамъ прерывавшійся криками, требовавшими мщенія. Властелинъ востока глядѣлъ съ безпокойствомъ; прекрасное лицо Ливанія покрылось сильнѣйшею блѣдностью.

— А что, толпа эта опасная? спросилъ правитель.

— Въ высшей степени опасная, отвѣчалъ воинъ; это не простая борьба партій, какія бываютъ въ амфитеатрѣ. Я стоялъ около статуи Аполлона въ Тетрапилонѣ, когда разъяренная толпа массами повалила отъ Сингоновой улицы въ одномъ направленіи и отъ Иродовой колоннады въ другомъ, — всѣ были въ бѣшеной ярости. Я никогда въ своей жизни не слышалъ такихъ яростныхъ ругательствъ, хотя мнѣ приходилось слыхать ихъ много. Толпа съ дикимъ крикомъ собралась вокругъ статуи «Фортуны Антіохіи» и съ воздѣтыми руками требовала мщенія отъ боговъ. Только одинъ человѣкъ пытался утишить смятеніе, именно Іоаннъ проповѣдникъ. Хотя всѣ христіане любятъ его, и даже жиды и язычники уважаютъ его, но увѣщанія его были безплодны. Еслибы нѣкоторые изъ христіанъ силою не утащили его прочь, то онъ, навѣрное, былъ бы разорванъ народомъ въ куски. Слышишь, мой властелинъ? Вонъ они тамъ въ отдаленіи, ужъ слышенъ ихъ топотъ, и не больше какъ черезъ десять минутъ они будутъ здѣсь. Ищи себѣ убѣжища во дворцѣ!

— А что, это все сбродъ съ форума?

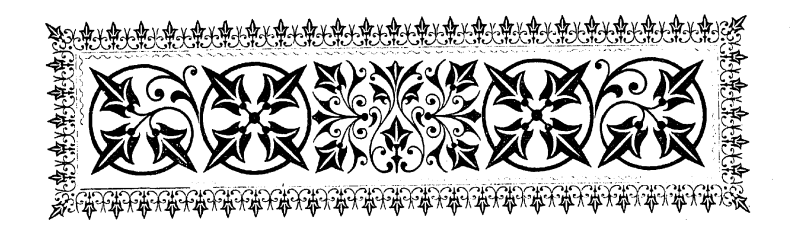
— Нѣтъ, превосходительнѣйшій господинъ, отвѣчалъ стрѣлецъ: я видѣлъ среди нихъ нѣсколькихъ сановниковъ города, даже сенаторовъ и отставныхъ военачальниковъ. Весь городъ пришелъ въ дикую ярость.

— Отправляйся со всевозможною скоростью задними улицами къ себѣ домой, сказалъ правитель Ливанію.

— Капитанъ, возьми двѣнадцать человѣкъ изъ моего конвоя, скачи подъ стѣною къ золотымъ воротамъ и жди меня въ Дафнѣ. Къ дворцу, воины!

Онъ обнажилъ мечъ, который носилъ въ знакъ своей должности, и съ конвоемъ галопомъ поскакалъ чрезъ мостъ, перекинутый чрезъ Оронтъ, къ роскошному дворцу древнихъ царей Селевкидовъ, обыкновенно служившему резиденціей правителя. И они уѣхали какъ разъ во время.

ГЛАВА II.

Мятежъ.

Continuoque animos vulgi et trepidantia bello
Corda licet longe praesciscere *).
Verg. Georg. IV, 69.

ОРОТА дворца были заперты и за ними поставлено было на караулъ человѣкъ двадцать наиболѣе рѣшительныхъ воиновъ, вооруженныхъ копьями и обнаженными мечами. Воины сдерживали съ угрозами напиравшую толпу. Чужеземные атлеты, разные сорви-головы и всякаго рода уличный сбродъ, составлявшіе большинство взбунтовавшейся толпы, при всей своей склонности къ буйствамъ, были однако слишкомъ трусливы, чтобы смѣло бросаться на обнаженную сталь.

— Гайда-а! — къ банямъ Калигулы! — закричалъ кто-то изъ мятежниковъ, и толпа, подхватывая этотъ крикъ, шумно повалила въ долину Пароенiсва потока, у котораго находились эти бани. Ринувшись безпорядочной толпой, они сбили стоявшихъ передъ банями служителей, ворвались въ самыя бани, повалили и расколотили лежанки, разбили чаны и ванны, забросали фрески грязью, сорвали канделябры, поотбивали головы и носы статуямъ, порубили топо-

*) (А если твои пчелы выйдутъ на битву, — вѣдь часто между двумя матками одного и того же улья возгорается вражда! —, то) ты можешь представить, какъ грозны бываютъ смятенія народа и какимъ трепетомъ на войнѣ охватываются сердца ихъ.

рами окружавшія деревья и въ какія нибудь десять минутъ совершили такой разгромъ, для исправленія поврежденій отъ котораго понадобились бы годы.

Разгромивъ бани, яростная чернь бросилась назадъ ко дворцу. Небольшой отрядъ воиновъ все еще стоялъ передъ воротами. Военачальникъ бодрился, хотя и видѣлъ, что ему съ горстью своихъ воиновъ совершенно невозможно будетъ выдержать напоръ этой многотысячной толпы.

— Что вамъ нужно? строгимъ голосомъ крикнулъ онъ передовымъ мятежникамъ.

— Правителя! Правителя! закричали многіе голоса.

— Его нѣтъ здѣсь, отвѣчалъ капитанъ. — Это было совершенно вѣрно, потому что правитель, не имѣя у себя подъ рукою войска, воспользовавшись короткимъ промежуткомъ, успѣлъ выйти изъ дворца заднею дверью и ускакалъ въ Дафну, чтобы потребовать отрядъ гвардіи, которая расположена была тамъ лагеремъ въ видахъ предупрежденія безпорядковъ, часто возникавшихъ тамъ вслѣдствіе соперничества христіанъ и язычниковъ.

— Такъ берегись самъ! закричала толпа; мы идемъ во дворецъ!

— Открыть ворота! скомандовалъ капитанъ; я войду въ нихъ послѣднимъ: Когда будемъ тамъ, запереть ихъ и — бѣжите!

Воины съ привычною ловкостью исполнили этотъ маневръ, и какъ только капитанъ вошелъ въ ворота, за нимъ послышались звуки тяжелыхъ болтовъ и запоровъ, которыми ворота были заперты.

Но чернь не хотѣла отступать. Мятежники начали разбивать ворота топорами и молотами. Наконецъ, сдѣлавъ изъ остова мраморной скамьи своего рода таранъ, они громили имъ ворота до тѣхъ поръ, пока дубовыя вереи ихъ не повалились съ трескомъ. Воспользовавшись этимъ, народъ ринулся прямо въ большую палату суда. Въ ней не было никого, но самое величіе мѣста, гдѣ народу такъ часто приходилось слышать смертные приговоры, произносившіеся надъ преступниками, на нѣсколько минутъ остановило ихъ. Вокругъ государственнаго кресла, стоявшаго у стѣнки выступа, на которомъ часто сидѣлъ съ своими помощниками правитель востока, стояли бронзовыя и мраморныя статуи император-

ской фамиліи. Выше всѣхъ ихъ была статуя Ѳеодосія, съ діадимою на челѣ и повелительно протянутою рукою, одѣтая въ доспѣхи съ изображеніемъ Горгоновой головы на груди. Рядомъ со статуей императора стояла статуя Флакциллы, любимой и такъ недавно потерянной имъ супруги, которая своею нѣжностью всегда оказывала благотворное вліяніе на порывы его буйной натуры. По сторонамъ ихъ находились меньшія статуи ихъ двухъ сыновей — Аркадія, мальчика девяти лѣтъ, и Гонорія, ребенка пяти лѣтъ *). Немного въ сторонѣ отъ нихъ находилась статуя правителя, Ѳеодосія храбраго, отца императора. Спасши востокъ отъ угрожавшей ему опасности, онъ палъ жертвою завистливой неблагодарности императора Валента, но зато заслужилъ глубокое почтеніе отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ имперіи, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ.

Обаяніе, охраняющее особу всякаго царя, въ десять разъ сильнѣе защищало особу Римскаго императора. Онъ былъ единственнымъ оплотомъ между цивилизаціей и хаосомъ. Правда, что со времени Константина, какъ уже и раньше его, царствованіе этихъ Кесарей и Августовъ было кратковременно и судьба ихъ, большею частью, ужасна. Втеченіе трехъ столѣтій, прошедшихъ между Юліемъ Цезаремъ и Константиномъ Великимъ, было шестьдесятъ два императора, такъ что въ среднемъ выводѣ царствованіе ихъ едва превышало пять лѣтъ. Изъ этихъ шестидесяти двухъ императоровъ не менѣе сорока семи умерли насильственною смертью. Сорокъ два изъ нихъ были умерщвлены; трое совершили самоубійство; одинъ погибъ во время мятежа; двое отреклись отъ престола; одинъ утонулъ; одинъ таинственно исчезъ. Только одиннадцать изъ всего этого числа умерли естественною смертью. Не лучшимъ было состояніе вещей и втеченіе тѣхъ восьмидесяти семи лѣтъ, которыя прошли со времени смерти перваго христіанскаго императора. Ихъ сверхчеловѣческое возвышеніе продолжало оставаться ничѣмъ инымъ, какъ головокружащей стремниной. Даже бѣглый взглядъ на ихъ судьбу открываетъ передъ нами цѣлую эпопею всевозможныхъ бѣдствій. Изъ трехъ сыновей Констан-

*) Касательно точнаго времени рожденія Аркадія и Гонорія существуетъ значительная неясность.

тина Великаго, Констанцій ознаменовалъ начало своего царствованія избіеніемъ всего царскаго рода; Константинъ II погибъ во время своей попытки завладѣть областью своего брата Константа; Константъ былъ убитъ своимъ собственнымъ воиномъ; Галлъ былъ обезглавленъ Констанціемъ; Констанцій умеръ въ то время, когда онъ спѣшилъ для подавленія возстанія Юліана; Юліанъ, будучи тридцати семи лѣтъ отъ роду, палъ вѣроятно отъ стрѣлы одного изъ своихъ собственныхъ воиновъ; Іовіанъ, будучи въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, задохся отъ дыма жаровни въ недостроенномъ домѣ; Валентиніанъ I умеръ отъ приступа ярости по случаю воображаемаго оскорбленія; его братъ, Валентъ, сгорѣлъ во время страшнаго погрома при Адріанополѣ; оба его сына были умерщвлены — Граціанъ двадцати четырехъ лѣтъ, Валентиніанъ II двадцати лѣтъ. Изъ его преемниковъ только двое, за цѣлое столѣтіе, умерли естественною, спокойной смертью, а изъ ихъ вдовъ и семействъ многія погибли отъ яда, отчаянія или отъ невыносимаго горя. По истинѣ, какъ говоритъ пророкъ Осія, описывая подобную же эпоху, «кровь смѣшивалась съ кровью» на кровавыхъ ступеняхъ этого престола.

Такова-то была «печальная исторія кончины этихъ царей»; и однако, священное величіе императорской особы номинально не понесло ущерба, и духъ древняго закона объ оскорбленіи величества все еще продолжалъ устрашать сердца людей. Развѣ императоръ все еще не былъ властелиномъ вселенной?

Что произошло бы затѣмъ, этого, конечно, никто не можетъ сказать. Быть можетъ, простыхъ эмблемъ императорской власти было бы достаточно для того, чтобы образумить народъ и убѣдить его въ безплодности мятежа, за который, конечно, жители Антіохіи должны были неизбѣжно дать строгій отвѣтъ. Но вотъ произошелъ случай, который сразу разсѣялъ всѣ недоумѣнія и колебанія толпы: когда толпа стояла въ недоумѣніи, что ей дѣлать, надъ головами пронесся камень и съ рѣзкимъ отзвукомъ ударился прямо въ высокую статую Ѳеодосія.

Камень этотъ былъ брошенъ однимъ мальчикомъ изъ простой ребяческой шаловливости. Для мальчугановъ Антіохіи этотъ мятежъ былъ только необычнымъ поводомъ для всевозможныхъ шалостей и веселья; они не имѣли ни малѣйшаго понятія о серьез-

ности того, что происходило въ тотъ день. Для нихъ достаточно было, что среди толпы находились отцы и даже ихъ учителя, — мало того, даже нѣкоторые изъ сенаторовъ. Ужъ конечно старшіе знаютъ, что̀ дѣлаютъ, и не мальчикамъ было разслѣдовать дѣло и портить себѣ удовольствіе. Если старшіе занимались какимъ то серьезнымъ дѣломъ, то для нихъ достаточно будетъ просто побросать камнями, а эта величавая бронзовая статуя какъ разъ представляла весьма удобную мишень для мѣткихъ ударовъ.

Громомъ дикаго смѣха сопровождался звонъ бронзы, когда брошенный въ нее камень такъ удачно попалъ въ свою цѣль; но затѣмъ палата огласилась громкими изступленными криками мятежниковъ, которые теперь неистово орали: «долой испанца, долой тирана, долой ростовщика!» Вслѣдъ затѣмъ чернь ринулась впередъ и начала разносить императорскія статуи, причемъ каждый билъ ихъ чѣмъ попало. Статуи двухъ юныхъ принцевъ, какъ самыя малыя, естественно первыми сбиты были съ своихъ пьедесталовъ и скоро превращены были въ безобразную массу.

— Я сбилъ носъ его высочеству Аркадію, хвалился одинъ мятежникъ. — А я сорвалъ локонъ съ его гордаго младенчества Гонорія, хохоталъ другой. — А я превзошелъ васъ всѣхъ, говорилъ третій, потому что досталъ цѣлую руку самого испанца, и оставлю ее у себя на память. Навѣрное ужъ ни одинъ червонецъ не попадетъ въ нее для его возлюбленныхъ готовъ.

Вслѣдъ затѣмъ свалилась статуя Флакциллы, и ни благочестіе, ни чистота, ни кроткое добродушіе покойной императрицы, ни острая еще недавняя скорбь императора но случаю ея потери, не въ состояніи были защитить ея изображеніе отъ звѣрскихъ оскорбленій черни. Но самое дикое оскорбленіе выпало на долю самого императора. Мятежники сорвали съ него бронзовую діадиму и разбили ее въ дребезги. Они отбили у статуи руки, выкололи у нея глаза острыми палками и молотами. Конная статуя его отца, правителя, подверглась одинаковой участи. Мятежники били, толкали ее и повалили съ крикомъ: «защищай себя, великій всадникъ!» Вдоволь натѣшившись надъ всѣми пятью статуями, они привязали вокругъ обезображенныхъ остововъ веревки, съ торжествомъ потащили ихъ по красной гранитной мосто-

вой главной улицы и по бѣлымъ плитамъ Иродовой колоннады и, наконецъ, уже жалкіе безобразные остатки ихъ бросили у подножія статуи генія — покровителя своего города.

Ободряемые безнаказанностью, самые отчаянные сорви-головы среди толпы замышляли еще болѣе ужасныя бѣдствія. Въ Александріи обычнымъ дѣломъ было увеличивать ужасъ часто бывавшихъ тамъ мятежей пожаромъ. Почему-бы не испробовать того-же самаго и въ Антіохіи?

— Ой, какъ бы намъ не отвѣтить за это передъ императоромъ! боязливо сказалъ кто-то.

— Пусть всѣ боги и богини проклянутъ его, закричалъ изъ толпы мятежный язычникъ по имени Ерма.

— Почему бы намъ не перейти на сторону Максима*), какъ угрожалъ сдѣлать городъ Беритъ? — сказалъ кто-то.

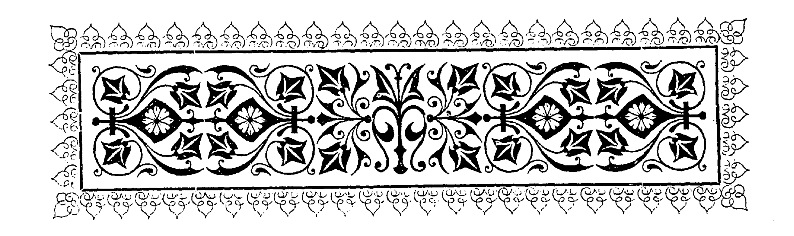
— Гражданинъ Арета совѣтывалъ подчиниться, трусъ эдакій! Подожжемъ же его домъ, кричалъ Ерма, который находился въ состояніи дикаго изступленія. — Толпа живо подхватила этотъ совѣтъ. У многихъ откуда-то, какъ по волшебству, появились зажженные факелы и нѣкоторые начали бросать ихъ въ окна общественныхъ зданій, стараясь произвесть пожаръ, отъ котораго богатый городъ могъ бы потерпѣть неисчислимыя бѣдствія. Но къ счастью, въ этотъ моментъ кто-то закричалъ: «стрѣльцы, стрѣльцы!» И отъ золотыхъ воротъ дѣйствительно показался отрядъ вооруженныхъ людей, который ускореннымъ маршемъ двигался къ мѣсту мятежа. Правитель со всевозможною быстротою съѣздилъ въ лагерь у Дафны и теперь возвращался въ городъ во главѣ цѣлаго отряда. Вѣсть эта распространилась съ быстротою молніи, и народъ началъ разбѣгаться во всѣхъ направленіяхъ. Большинство мятежниковъ не оказали ни малѣйшаго сопротивленія, и немедленно предались бѣгству, какъ только завидѣли сверкающія латы воиновъ и поднятые луки; только нѣсколько наиболѣе отчаянныхъ мятежниковъ, вооруженныхъ мечами или дубинами, заняли позицію въ Тетрапилонѣ, прикрываясь столбами въ промежуткахъ колон-

---

*) Максимъ — соперникъ Ѳеодосія, поднявшій знамя возстанія на западѣ, чтобы овладѣть Италіей и провозгласить себя независимымъ императоромъ. О немъ будетъ сказано ниже. Перев.

нады и пьедесталами многочисленныхъ статуй. Предводительствуемые Ермою, они сдѣлали внезапное нападеніе на отрядъ и подъ ихъ ударами до двѣнадцати воиновъ, истекая кровью, повалились на землю. Но разъяренные этимъ нападеніемъ стрѣльцы осыпали ихъ цѣлымъ градомъ стрѣлъ, и когда толпа увидѣла, что до пятидесяти мятежниковъ замертво пали, пронженные стрѣлами, то съ крикомъ ужаса всѣ предались дикому бѣгству. Чрезъ какіе нибудь полчаса нигдѣ уже не видно было ни одного человѣка. Всѣ поскрывались въ своихъ домахъ, въ которыхъ позапирали двери и ставни. Отрядъ стрѣльцовъ двигался по пустымъ улицамъ. Мятежъ продолжался не болѣе трехъ часовъ. Къ полудню все уже кончилось и Антіохія, казалось, какъ будто бы вымерла.

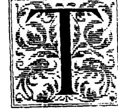

ГЛАВА III.

Бѣдственность города и утѣшитель его.

Это ли вашъ ликующій городъ, ко-
тораго начало отъ дней древнихъ?
Ис. XXIII, 7.

ТРУДНО описать ту агонію ужаса, которая охватила несчастныхъ жителей самаго веселаго города востока, когда они сознали все безумство совершеннаго ими дѣла. У этихъ изнѣженныхъ сирійцевъ въ дѣйствительности не было никакихъ вожаковъ, да они серьезно и не намѣревались производить мятежа. Они просто поддались рябяческому чувству раздраженія. Они возмутились противъ увеличенія налога, который, пожалуй, могъ быть обременителенъ для нихъ, но во всякомъ случаѣ не разорителенъ. И вотъ многіе теперь сами спѣшили сразу же внести причитающуюся съ нихъ сумму налога. Насколько же благоразумнѣе было бы для антіохійскаго народа, еслибы онъ тогда же подчинился неизбѣжному! Въ мрачные часы ночи, при гробовомъ безмолвіи города, повергнутаго въ оцѣпененіе отъ понятнаго страха, они проклинали свое легкомысленное безуміе и отъ досады кусали себѣ губы.

И вотъ теперь чего имъ было ожидать? Они сдѣлали себя беззащитной добычей ярости того, кого они презрительно называли «испанцемъ», но кто въ дѣйствительности былъ справедливымъ и снисходительнымъ императоромъ, которому и во-

стокъ и западъ имперіи обязаны были весьма многими благодѣяніями. Өеодосій былъ единственнымъ оплотомъ, защищавшимъ ихъ отъ напора варваровъ, которые уже волна за волною съ все возрастающею силою напирали на границы имперіи, да и не только на границы имперіи: благодаря странному малодушію и пристрастію Валента множество готовъ перебрались уже за Дунай и такъ какъ ихъ хотѣли оттуда выжить всевозможными угнетеніями и голодомъ, то это послужило причиной того страшнаго Адріанопольскаго побоища, которое было болѣе ужасной катастрофой для имперіи, чѣмъ совершившееся въ старину бѣдствіе при Каннахъ. Императоръ, конечно, въ сущности былъ такой же смертный человѣкъ, какъ и другіе, и пурпуръ не защищалъ его противъ кинжала; но могущество имперіи, представителемъ которой онъ былъ въ это время, было непобѣдимо, и ничто не могло помѣшать ему стереть Антіохію съ лица земли, распахать мусоръ ея развалинъ и борозды посыпать солью.

Было что-то ужасное въ той противоположности, какую представлялъ городъ въ его нормальномъ состояніи и теперь, когда мрачная туча унынія окутала его жителей. При обычномъ состояніи бойкій шумъ жизни не прекращался до тѣхъ поръ, пока запахъ лилій и жасминовъ не распространялся въ холодномъ сумракѣ звѣзднаго неба. Среди колоннадъ, блиставшихъ безчисленными лампами, легкомысленная толпа, состоявшая изъ всевозможныхъ національностей и одѣтая въ самые яркіе костюмы, обыкновенно бродила до самой глубокой ночи, беззаботно смѣясь, болтая, строя любовныя интрижки, занимаясь куплею и продажею или просто глазѣя на выставленные на базарѣ предметы роскоши и забавы. Теперь же улицы были пусты и если кое-гдѣ и показывались нѣсколько человѣкъ, то они торопливо и украдкой пробирались подобно какимъ-то привидѣніямъ, бросая подозрительные взгляды по сторонамъ. Если на какомъ нибудь перекресткѣ случайно встрѣчались между собою два-три человѣка, то они останавливались лишь на самое короткое время, чтобы спросить, что новаго, или перекинуться двумя-тремя словами о томъ наказаніи, которое ожидало городъ и которое могло стоить ужасной смерти для многихъ отъ рукъ палача. Даже эти торопливые переговоры были рѣдки; въ общемъ преступномъ дѣлѣ замѣшаны были многіе и

никто не зналъ, можно ли довѣрять сосѣду, который могъ оказаться доносчикомъ. Изъ устъ въ уста переходили разсказы объ ужасныхъ видѣніяхъ, и многіе видѣли какую-то таинственную женщину, высокую и страшную, которая, проходя по всѣмъ улицамъ съ бичемъ, гнѣвно размахивала имъ такъ, что грохотъ его далеко разносился по воздуху. Можно было думать, что видѣвшіе это сдѣлались жертвами бѣсовскаго навожденія.

И вотъ на третій день послѣ мятежа, оцѣпененіе ужаса начало проходить подъ страхомъ самаго возмездія. Правитель востока, зная, что ему самому придется отвѣчать за то гнусное оскорбленіе, которое нанесено было императору, порѣшилъ доказать свое негодованіе безпощаднымъ мщеніемъ. Въ народѣ съ ужасомъ передавали другъ другу, что или въ толпѣ мятежниковъ были шпіоны отъ правительства, или что нѣкоторые изъ самихъ мятежниковъ превратились въ доносчиковъ, чтобы только спасти свою жизнь. Стрѣлецкіе десятники, каждый съ своимъ небольшимъ отрядомъ, не только патрулемъ проходили по улицамъ, но у различныхъ домовъ то тамъ, то здѣсь останавливались, входили въ дома и оттуда выводили закованныхъ въ цѣпи узниковъ. Воины арестовывали даже мальчиковъ и вели ихъ въ палату суда, а по улицамъ раздавались отчаянные крики матерей, видѣвшихъ, какъ ихъ веселыхъ мальчугановъ вели на пытку, которая почти равнялась смерти. На слѣдующій день началось самое разбирательство дѣла. Обвиняемыхъ было много, а на защиту ихъ не являлось ни одного адвоката. Допросъ производился чрезвычайно быстро; приговоры произносились для цѣлыхъ массъ и были самаго жестокаго свойства. Обычнымъ приговоромъ было обезглавленіе, но нѣкоторые, и между ними даже мальчики, были приговорены къ еще болѣе страшнымъ видамъ смерти. Самымъ первымъ изъ мятежниковъ былъ осужденъ Ерма, который былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и отчаянныхъ вождей всего мятежа. Послѣ допроса, длившагося не болѣе пяти минутъ, онъ былъ осужденъ на съѣденіе тиграмъ въ амфитеатрѣ.

Въ обширной преторіи суда, гдѣ разбросанные осколки статуй и всевозможныхъ поврежденій представляли безмолвное, но краснорѣчивое свидѣтельство о ярости мятежниковъ, кромѣ правителя и его помощниковъ совсѣмъ почти не было посторон-

нихъ слушателей. Только за дверями палаты подобно привидѣніямъ стояли группы матерей, одѣтыхъ въ траурныя платья. По ихъ блѣднымъ лицамъ со впалыми щеками градомъ катились слезы; ихъ длинные распущенные волосы, покрытые пепломъ, могли бы кажется расплавить даже самое желѣзное сердце.

Особенно убивались горемъ двѣ женщины. У нихъ было по сыну, мальчики четырнадцати лѣтъ, и какой-то негодный доносчикъ подъ клятвой заявилъ, что видѣлъ, какъ они бросали камнями въ священныя статуи императорской фамиліи. Съ своей стороны они клялись, что проходили только въ школу къ своему учителю, когда потокъ толпы увлекъ ихъ за собою и они, оказавшись у палаты суда, просто смотрѣли на происходящее, и вовсе не бросали камнями въ статуи, хотя, будучи христіанами, они и пытались ради забавы попасть въ Горгонову голову на статуѣ Аѳины, находившейся въ выступѣ позади судейскаго кресла. Но правитель, еще не оправившись отъ того гнѣва, который онъ невольно чувствовалъ подъ вліяніемъ стыда, что принужденъ былъ искать спасенія бѣгствомъ чрезъ заднюю дверь своего дворца, чуждъ былъ всякаго сожалѣнія и осудилъ обоихъ мальчиковъ на смерть.

Одинъ изъ нихъ былъ выведенъ изъ палаты первымъ, и его мать неистово закричала стрѣльцу, державшему его за скованныя руки: «онъ невиненъ! Освободять-ли его!»

— Да, жди, скоро освободятъ! грубо отвѣчалъ стрѣлецъ; — эти воины до крайности ожесточились вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ ихъ товарищей во время мятежа были избиты или даже умерщвлены чернью.

— Такъ неужели онъ долженъ умереть? Какой же смерти будетъ онъ преданъ? — почти падая въ обморокъ кричала несчастная мать.

— Онъ будетъ отданъ дикимъ звѣрямъ въ амфитеатрѣ, отвѣчалъ стрѣлецъ; это будетъ прекрасное зрѣлище для нѣкоторыхъ изъ васъ и послужитъ для васъ хорошимъ урокомъ. . .

Съ отчаяннымъ воплемъ мать бросилась впередъ и обвилась руками вокругъ шеи мальчика; но стрѣльцы оттащили ее, и когда происходила эта неравная борьба, выведенъ былъ второй мальчикъ.

— Неужели и онъ осужденъ также на смерть? спросила его мать съ лицомъ блѣднѣе полотна.

— Да, конечно.

— Что же и его отдадутъ на съѣденіе львамъ?

— Нѣтъ, онъ будетъ сожженъ въ амфитеатрѣ. Антіохія послѣ этого не будетъ особенно торопиться мятежничать опять,— грубо проговорилъ стрѣлецъ.

Несчастная мать не слышала уже этой насмѣшки: страшное извѣстіе убило ее. Она замертво упала на руки своихъ друзей.

Такого рода ужасные приговоры продолжались, и ихъ было много. Даже невинныхъ людей жгли факелами и били начиненными свинцомъ бичами, чтобы заставить ихъ дать то или другое показаніе. При этихъ ужасныхъ сценахъ, за исключеніемъ палача, зрителей было немного. Антіохійцы настолько охвачены были ужасомъ, что не въ состояніи были даже посѣщать цирка или амфитеатра, которые при обычномъ состояніи вещей были любимымъ мѣстомъ ихъ времяпрепровожденія. Теперь, если кто осмѣливался выглядывать ночью изъ своего дома, то видѣлъ только одни и тѣже мрачныя сцены, какъ цѣлыя партіи узниковъ, и между ними часто богатыхъ и знатныхъ, были уводимы при свѣтѣ факеловъ между двумя линіями воиновъ. Обремененные цѣпями, они едва въ состояніи были двигаться отъ послѣдствій пытки. За ними иногда слѣдовали жены или дочери, которыя въ безмолвной агоніи ломали себѣ руки. Всѣ, кто въ состояніи были бѣжать, бѣжали изъ города. А этимъ въ свою очередь пользовались разбойники, которыми кишѣли окрестности, и Оронтъ ежедневно уносилъ на своихъ водахъ трупы тѣхъ, которые, спасаясь отъ вѣроятной смерти, бѣжали на смерть вѣрную.

Чрезъ шесть дней послѣ мятежа разнеслась вѣсть, что Іоаннъ, великій христіанскій проповѣдникъ, который въ позднѣйшее время сталъ извѣстенъ потомству подъ именемъ «Хризостома» или Златоуста *), намѣренъ былъ обратиться къ народу въ церкви святого Вавилы съ особою рѣчью. Такъ какъ всѣ знали, что въ церкви

*) Имя Златоуста впервые дано было ему святымъ Исидоромъ Гиспальскимъ около 636 года; но Ѳеодосій II, какъ существуетъ преданіе, прилагалъ этотъ титулъ къ нему уже около половины пятаго столѣтія.

Прим. авт.

не можетъ угрожать особенной опасности, то всѣ, ища ободренія или утѣшенія въ угнетающей агоніи своихъ опасеній, тысячами устремились туда.

Церковь эта была построена въ видѣ восьмиугольника и кровля ея была спеціально сдѣлана изъ деревъ рощи Дафны. Довольно обширный храмъ до тѣсноты переполнился народомъ. Многіе не могли даже и совсѣмъ войти въ него, а въ самой церкви, за исключеніемъ алтаря, негдѣ было упасть яблоку на полъ. Совершивъ краткое глубоко-трогательное богослуженіе, Іоаннъ вышелъ къ народу, среди котораго воцарилась глубокая тишина.

Это былъ человѣкъ небольшаго роста, вслѣдствіе чего онъ, по обыкновенію, обращался съ бесѣдами къ народу не съ каѳедры, а съ особаго возвышенія (амвона). Однако своею внѣшностью онъ производилъ на народъ впечатлѣніе необычайнаго достоинства. Присмотримся къ нему въ то время, какъ онъ, остановившись на нѣсколько мгновеній, обводилъ взорами напряженно вытянувшіяся къ нему лица слушателей, сердца которыхъ онъ умѣлъ волновать, какъ вѣтеръ волнуетъ камышъ на рѣкѣ или колеблетъ желтѣющую ниву, производя на ней быстро бѣгущія волны свѣта и тѣни.

Въ это время ему было около сорока лѣтъ отъ роду, но его голосъ звучалъ еще свѣжестью, потому что пресвитеромъ и проповѣдникомъ онъ былъ еще не болѣе года. Втеченіе шести лѣтъ передъ тѣмъ онъ былъ діакономъ; но на діаконѣ не лежало обязанности проповѣдывать, такъ какъ онъ долженъ былъ только наблюдать за церковнымъ хозяйствомъ и заботиться о бѣдныхъ. Съ другой стороны, онъ уже хорошо былъ извѣстенъ своими знаменитыми сочиненіями и какъ человѣкъ, отличавшійся необычайною святостью жизни.

Іоаннъ началъ свою рѣчь тихимъ взволнованнымъ тономъ; но ужъ съ самаго начала его голосъ, чистый и звучный, долеталъ до отдаленнѣйшихъ угловъ зданія, возбуждая во всѣхъ самое напряженное вниманіе. Это былъ необычайно симпатичный голосъ, въ звукахъ котораго такъ сказать трепетали чувства самого оратора. Во время бесѣдъ онъ никогда не стѣснялся формами рѣчи и допускалъ даже остроты и пословицы, когда это требовалось пользою дѣла.

Поэтому нерѣдко случалось, что отъ его пламенныхъ рѣчей на лицахъ тысячей слушателей засвѣчивалась радостная улыбка, хотя чрезъ нѣсколько моментовъ онъ могъ заставить этихъ же самыхъ слушателей обливаться горькими слезами; то онъ своимъ острымъ сарказмомъ заставлялъ ихъ краснѣть изъ-за своего лицемѣрія, то окрыленной стрѣлою убѣжденности поражалъ ихъ въ самое сердце, то металъ прямо громами и молніями, такъ что подъ его молніеносными обличеніями невольно смирялся самый отчаянный грѣшникъ. Но двѣ вещи сразу поражали тѣхъ, кто слушалъ его: это съ одной стороны полное безстрашіе, а съ другой — безусловная искренность.

Что касается мужества, то достаточно было хоть разъ послушать его, чтобы убѣдиться, что онъ совсѣмъ не боялся людей, и именно потому, что боялся Бога. По всему было видно, что это не былъ какой нибудь слащавый фарисей, блиставшій показнымъ благочестіемъ, не былъ какой нибудь сладкоглаголивый льстецъ, старавшійся направлять свою ладью между Сциллою и Харибдою, между *да* и *нѣтъ*. Если онъ находилъ что нибудь справедливымъ и необходимымъ высказать, то никакія уже постороннія соображенія не могли воспрепятствовать ему въ этомъ. Разные извивы и двоедушныя манипуляціи, изысканныя громкія фразы, ровно ничего не говорящія, онъ предоставлялъ тѣмъ искателямъ популярности, которые всегда готовы были отвѣчать каждому согласно съ желаніемъ его преступнаго сердца. Единственная вещь, о которой только заботился Іоаннъ, это была истина; единственная вещь, которую онъ особенно презиралъ, была сдѣлка съ совѣстью; единственная вещь, которой онъ боялся, это являться передъ лицомъ Бога вѣчныхъ истинъ съ нечистою жертвою лжи въ своей правой рукѣ; единственная вещь, къ которой онъ стремился, это — видѣть вещи въ ихъ неприкрашеной наличности, видѣть ихъ, какъ онѣ есть. Глубоко вѣруя въ великія истины христіанства, въ которое онъ обратился, сознавъ всю суетность язычества или безбожія, онъ въ тоже время думалъ, что богословіе получаетъ свое полное значеніе, когда оно составляетъ переходную ступень къ благочестивой жизни. То, что особенно поражало его своимъ непреодолимымъ величіемъ, это было величіе нравственнаго закона, такъ что догматы и обряды, по его

мнѣнію, должны были служить къ произведенію плодовъ святой жизни.

Сознаніе его искренности еще болѣе усугублялось въ душахъ его слушателей тѣмъ полнымъ равнодушіемъ, съ какимъ онъ относился къ благамъ міра сего. Онъ не страшился сильныхъ міра сего, потому что онъ былъ равнодушенъ къ ласкамъ этого міра. Да и что могъ дать ему міръ? Развѣ кто нибудь не зналъ въ Антіохіи, что онъ былъ человѣкъ благороднаго происхожденія съ обѣихъ сторонъ и что, когда онъ начиналъ свою общественную карьеру, то всѣхъ ослѣплялъ своимъ остроуміемъ и краснорѣчіемъ, такъ что даже Лаваній сказалъ, что онъ назначилъ бы его своимъ преемникомъ, еслибы у него не похитили его христіане? Хотя такимъ образомъ міръ такъ сказать лежалъ у его ногъ, однако онъ подчинялся влеченію свыше. Для него земля была ничто, потому что Богъ для него былъ все и во всемъ, и онъ предпочелъ жизнь отшельника. Даже его мать Анѳуса, которая, оставшись еще въ молодости вдовою, посвятила весь остатокъ своей жизни воспитанію своего сына, едва своимъ материнскимъ вліяніемъ въ состояніи была заставить его однажды отказаться отъ намѣренія навсегда удалиться въ пустыню. Взявъ его за руку, она привела его въ ту комнату, въ которой онъ впервые увидѣлъ свѣтъ, и мольбами и слезами убѣдила его остаться еще пожить съ нею, хотя онъ и въ своемъ домѣ уже предавался всѣмъ суровымъ подвигамъ отшельника. Его скромность, его необычайное сознаніе достоинства священнаго сана были причиною того, что онъ уклонился отъ опасныхъ почестей епископства, когда ему почти насильно предлагали этотъ санъ. Все это показывало, насколько онъ стоялъ выше искушеній земныхъ почестей. Когда Анѳуса, не желая дольше противиться наклонностямъ его души, перестала противиться его стремленіямъ, то онъ удалился въ горы и тамъ, живя въ пещерѣ, подвергъ себя такому суровому подвижничеству и такой страшной дисциплинѣ, что совсѣмъ подавилъ и уничтожилъ въ себѣ всякія влеченія плоти. Мало того, онъ подвергъ себя такому суровому постничеству, что даже заболѣлъ и принужденъ былъ возвратиться въ городъ, такъ какъ иначе могъ бы сдѣлаться повиннымъ въ загубленіи своей жизни. Благочестивый епископъ Мелетій — «медовый по имени и медовый по натурѣ», какъ онъ названъ

былъ его другомъ Григоріемъ Назіанзиномъ, бывшій такимъ любимцемъ народа, что изображеніе его можно было видѣть во всякомъ домѣ, — рукоположилъ его въ 381 году на должность чтеца, а за годъ до мятежа онъ былъ рукоположенъ въ санъ пресвитера епископомъ Флавіаномъ, къ которому, послѣ Мелетія, перешла каѳедра Антіохійская.

Таковъ-то былъ проповѣдникъ, который теперь стоялъ на амвонѣ, чтобы укорять, увѣщевать и утѣшать злополучный народъ. Было бы безполезно теперь бесѣдовать съ этимъ народомъ о другихъ предметахъ, пока еще не утихло смятеніе ихъ душъ, и уже первыми словами, какія только раздались изъ его устъ, онъ всецѣло овладѣлъ вниманіемъ слушателей. Когда его голосъ то гремѣлъ какъ ураганъ, то спускался до едва слышнаго шепота, въ церкви царила мертвая тишина, которая прерывалась только случайными приступами рыданій среди массы собравшагося народа. Въ церквахъ въ то время было въ обычаѣ рукоплескать проповѣдникамъ, но при этомъ и послѣдующихъ случаяхъ вниманіе слушателей было охвачено до такой степени, что всякій боялся пропустить хоть одно малѣйшее слово. Во время послѣдующихъ бесѣдъ втеченіе этого кризиса случались и робкія попытки восклицаній; но они немедленно смолкали подъ укоризненнымъ взглядомъ проповѣдника. Слушатели награждали его тѣмъ какъ бы очарованнымъ вниманіемъ, которое въ тысячу разъ больше говоритъ о силѣ оратора, чѣмъ легкомысленные знаки внѣшнихъ одобреній.

— «Что мнѣ сказать, и о чемъ говорить? тономъ глубокой скорби началъ проповѣдникъ. Теперь время слезъ, а не словъ; рыданій, а не рѣчей; молитвы, а не проповѣди. Такъ тяжко преступленіе, такъ неизлѣчима рана, такъ велика язва: она выше всякаго врачевства и требуетъ высшей помощи. Такъ и Іовъ, лишась всего, сидѣлъ на гноищѣ; и услышавъ объ этомъ, друзья пришли и, увидѣвъ его издали, разодрали одежды, посыпали себя пепломъ и сильно возстенали. То же и теперь надлежало бы сдѣлать всѣмъ окрестнымъ городамъ, — придти къ нашему городу и съ полнымъ участіемъ оплакать случившееся. Дайте же мнѣ оплакать настоящее. Семь дней молчалъ я, какъ друзья Іова: дайте мнѣ теперь открыть уста и оплакать это общее бѣдствіе. Кто пожелалъ зла

намъ, возлюбленные? Кто позавидовалъ намъ? Откуда такая перемѣна? Ничего не было славнѣе нашего города; теперь ничего не стало жалче его. Народъ, столь тихій и кроткій и, подобно ручному и смирному коню, всегда покорный рукамъ правителей, теперь вдругъ разсвирѣпѣлъ и натворилъ такихъ бѣдствій, о которыхъ и говорить не прилично. Плачу и рыдаю теперь, не о великости угрожающаго наказанія, а о крайнемъ безразсудствѣ сдѣланнаго. Если царь и не оскорбится, и не разгнѣвается, не накажетъ насъ и не предастъ мученіямъ: то скажите мнѣ, какъ мы перенесемъ стыдъ отъ нашихъ дѣлъ? Отъ плача прерывается моя бесѣда; едва могу открыть уста, двигать языкомъ и произносить слова; тяжкая печаль, какъ узда, удерживаетъ мой языкъ и останавливаетъ слова: Ничего не было прежде счастливѣе нашего города; теперь нѣтъ ничего горестнѣе его. Жители его, какъ пчелы, жужжащія около улья, каждый день толпились на площади, и всѣ доселѣ почитали насъ счасливыми за такое многолюдство. Но вотъ теперь этотъ улей опустѣлъ; потому что, какъ пчелъ (разгоняетъ) дымъ, такъ и насъ разгоняетъ страхъ. И что сказалъ пророкъ, оплакивая Іерусалимъ, то же и намъ приличнаго сказать теперь: городъ нашъ сталъ, яко теревинѳъ, отметнувшій листвія, и яко вертоградъ, не имый воды (Ис. 1, 30). Въ неорошаемомъ саду торчатъ деревья безъ листьевъ и плодовъ: таковъ сталъ теперь и нашъ городъ; какъ оставила его помощь Всевышняго, онъ опустѣлъ и лишился почти всѣхъ жителей. Нѣтъ ничего любезнѣе родины; но теперь нѣтъ ничего горестнѣе ея. Всѣ бѣгутъ изъ родного города, какъ изъ сѣти; оставляютъ его, какъ пропасть, выскакиваютъ, какъ изъ огня. Какъ отъ дома, объятаго пламенемъ, съ великою поспѣшностію бѣгутъ не только живущіе въ немъ, но и всѣ сосѣди, стараясь спасти хоть нагое тѣло; такъ и теперь, когда гнѣвъ царя, подобно огню, угрожаетъ упасть сверху, каждый спѣшитъ удалиться и спасти хоть нагое тѣло, прежде чѣмъ этотъ огонь, идя своимъ путемъ, не дойдетъ и до него. Наше бѣдствіе стало загадкою: безъ враговъ — бѣгство; безъ сраженія — переселеніе; безъ плѣненія — плѣнъ! Не видали мы огня варварскаго; не видали и лица враговъ: а терпимъ то же, что плѣнные. Всѣ знаютъ теперь о нашемъ бѣдствіи; потому что, принимая къ себѣ нашихъ бѣглецовъ, слышатъ отъ нихъ о пораженіи нашего города.

«Но я не стыжусь этого и не краснѣю. Пусть знають всѣ о злополучіи нашего города, для того, чтобы, сострадая матери, вознесли общій отъ всей земли голосъ къ Богу и единодушно умолили Царя небеснаго о спасеніи общей всѣмъ имъ матери и питательницы. Недавно нашъ городъ подвергся землетресенію, а теперь сотрясаются самыя души жителей; тогда колебались основанія домовъ, теперь содрогается у каждаго самое основаніе сердца. Всѣ мы каждый день видимъ смерть предъ глазами, живемъ въ непрестанномъ страхѣ, и терпимъ наказаніе Каиново, страдая болѣе, нежели заключенные въ темницѣ, и выдерживая осаду необыкновенную и новую, ужаснѣе которой и вообразить нельзя. Выдерживающіе осаду отъ враговъ бывають заключены только внутри городскихъ стѣнъ, а для насъ и площадь сдѣлалась недоступною и каждый заключенъ въ стѣнахъ своего дома. И какъ для осажденныхъ не безопасно выйти за городскую стѣну, по причинѣ окружающихъ ее враговъ; такъ для многихъ изъ жителей нашего города не безопасно выйти изъ дома и явиться на площади, потому что вездѣ ловятъ виновныхъ и невинныхъ, хватаютъ среди площади и влекутъ въ судъ безъ всякаго разбора. Поэтому господа, вмѣстѣ съ слугами своими, сидятъ въ домахъ своихъ, какъ связанные. Кто схваченъ? Кто посаженъ въ темницу? Кто сегодня наказанъ? Какъ и какимъ образомъ? — вотъ о чемъ только и вывѣдываютъ и спрашиваютъ они у всякаго, у кого только можно узнать безопасно. Они влачатъ жизнь, которая жалче всякой смерти: принуждены каждый день оплакивать чужія бѣдствія, трепещутъ за собственную безопасность, и ничѣмъ не лучше мертвыхъ, потому что сами почти умерли отъ страха. И не только городъ, — самый воздухъ и даже свѣтлый кругъ солнца, кажется, теперь помрачился скорбію и сдѣлался темнѣе, не потому, чтобы измѣнилось свойство стихій, но потому, что наши глаза, помраченные мглой печали, не могутъ ясно и съ прежнею легкостью принимать свѣтъ солнечныхъ лучей. Теперь сбылось, что нѣкогда оплакивалъ пророкъ: *зайдетъ для нихъ солнце въ полудне и померкнетъ въ день* (Ам. VIII, 9). А это сказалъ онъ не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ скрылось солнце и померкъ день, но потому, что скорбящіе, по причинѣ мрака печали, не могутъ видѣть свѣта даже въ полдень. Это и случилось теперь: куда бы кто ни

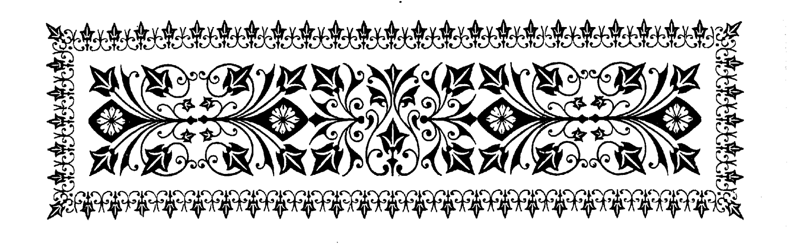
посмотрѣлъ, на землю ли, на стѣны ли, на столпы ли города, или на своихъ ближнихъ, вездѣ онъ, кажется, видитъ ночь и глубокій мракъ. Такъ все исполнено печали! Вездѣ страшное безмолвіе и пустота; исчезъ пріятный шумъ многолюдства; городъ такъ безмолвенъ, какъ будто всѣ жители его скрылись подъ землею; всѣ стали похожи на камни; уста, связанныя бѣдствіемъ, какъ оковами, хранятъ такую глубокую тишину, какъ будто напали враги и вдругъ истребили всѣхъ огнемъ и мечемъ. Прилично теперь сказать: призовите плачевницъ, и да пріидутъ, и къ женамъ мудрымъ послите, и да вѣщаютъ (Іер. IX, 17). Пусть очи ваши источатъ воду, и рѣсницы ваши прольютъ слезы. Плачьте холмы, и рыдайте горы! Призовемъ всю тварь сострадать нашимъ бѣдствіямъ. Городъ столь великій, глава восточныхъ городовъ, находится въ опасности быть изглаженнымъ съ лица вселенной; имѣвшій много чадъ, теперь вдругъ сдѣлался безчаднымъ, и некому помочь: потому что оскорбленъ тотъ, кому нѣтъ на землѣ равнаго; онъ — царь, вождь и глава всѣхъ живущихъ на землѣ. И потому прибѣгнемъ къ Царю небесному; Его призовемъ на помощь: если не получимъ милости свыше, то намъ не останется никакого утѣшенія въ бѣдствіи» *).

Затѣмъ, съ свойственнымъ ему безстрашіемъ и прямотою, онъ воспользовался этимъ случаемъ для назиданія, чтобы сдѣлать изъ самаго бѣдствія поводъ къ глубочайшему покаянію. Онъ говорилъ имъ, какъ суетно и не прочно богатство, и увѣщевалъ творить милостыню; разъяснялъ, что это великое бѣдствіе могло даже превратиться въ драгоцѣнный даръ неба, еслибы только оно углубило въ нихъ искренность и возвысило благочестіе. Теперь Богъ есть ихъ единственная надежда, и Онъ одинъ только и могъ избавить ихъ отъ бѣдствія. Этимъ онъ и закончилъ свою первую великую бесѣду «о статуяхъ», выражая имъ пожеланіе наилучшихъ благословеній и вѣчнаго мира.

Съ поникшими головами и со слезами на глазахъ народъ вышелъ изъ храма. Всѣ были слишкомъ глубоко тронуты, чтобы предаваться легкомысленному обсужденію той или другой фразы

*) См. во 2-мъ томѣ „Полнаго Собранія Твореній Св. І. Златоуста“, СПБ. 1896 г., стр. 26 и сл.

этой бесѣды или той или другой особенности проповѣдника, какъ это обыкновенно бывало раньше, когда проповѣди служили обычнымъ предметомъ воскресныхъ разговоровъ. Въ народѣ все еще шепотомъ передавались различные страхи и опасенія, хотя мужественная неустрашимость оратора и озарила блескомъ надежды ихъ омраченныя ужасомъ сердца. Но среди слушателей едва ли былъ хоть одинъ такой, кто бы не радовался, что въ то время, какъ сердца всѣхъ другихъ гражданъ трепетали какъ осиновый листъ, среди нихъ былъ по крайней мѣрѣ одинъ человѣкъ, который, съ безбоязненностью могъ смѣло смотрѣть въ лицо бѣдствію и даже самой смерти, и этотъ человѣкъ былъ ихъ возлюбленнѣйшій пастырь Іоаннъ Златоустъ.

ГЛАВА IV.

Два ночныхъ посѣтителя.

Accipiam hospitior si nox advenis*).
Plaut. Rudent. II, 4.

ОАННЪ былъ бы болѣе, чѣмъ смертный человѣкъ, если бы не чувствовалъ отчасти того удовлетворенія, какое обыкновенно чувствуетъ ораторъ отъ сознанія своей собственной силы. Не могъ онъ также не сознавать и того, что среди ужасовъ и треволненій вокругъ него онъ одинъ обладалъ мужествомъ истинно неустрашимаго человѣка. Но онъ былъ далекъ отъ всякой гордости и пустое тщеславіе никогда не могло найти себѣ уголка въ такой благородной душѣ, какою обладалъ Іоаннъ.

Іоаннъ жилъ на Сингоновой улицѣ, на которой, какъ онъ любилъ разсказывать, нѣкогда жили ап. Павелъ съ Варнавою, когда они, начавъ проповѣдывать язычникамъ, скоро пріобрѣли такъ много послѣдователей, что тамъ именно ихъ ученики впервые стали называться «христіанами». Тѣ, которые выдумали это странное — на половину греческое, на половину латинское прозвище для выраженія содержащихся въ немъ іудейскихъ понятій, конечно не подозрѣвали, что это названіе, которое для нихъ было равнозначуще

---

*) Встрѣчу гостепріимно, если и ночью придешь.

съ названіемъ тупого фанатика и полузлодѣя, должно было впослѣдствіи сдѣлаться самымъ знаменитымъ въ мірѣ.

Когда великій проповѣдникъ шелъ домой при надвигающемся сумракѣ вечера, то глаза его были потуплены и уста беззвучно шептали молитву. Хотя и сказавъ проповѣдь въ тонѣ возвышеннаго ободренія, онъ однако не скрывалъ отъ своихъ слушателей всей опасности переживаемаго кризиса; всѣ свои надежды онъ гораздо болѣе возлагалъ на милость Божію, чѣмъ на кого нибудь изъ людей.

Послѣ произнесенной бесѣды онъ выглядѣлъ нѣсколько утомленнымъ и жаждалъ поскорѣе отдохнуть въ своей комнатѣ, за спокойными вечерними занятіями, которыя онъ такъ любилъ. Анѳуса, его мать, встрѣтила его на порогѣ дома и горячо прижала къ своему сердцу; она приготовила ему простой ужинъ, состоявшій изъ плодовъ и овощей, которыми онъ только и питался, и поставила свѣтильникъ на столъ его маленькой комнаты. Весь домъ былъ убранъ съ необычайною простотою, по вкусъ, красота и изящество многихъ предметовъ, какъ на дворѣ, такъ и въ залѣ и въ столовой, показывали, что домъ этотъ принадлежалъ знатному лицу. Вѣдь отецъ Іоанна, Секундъ, былъ военачальникомъ, который достигъ высокаго ранга illustris*) и оставилъ своей вдовѣ большое состояніе. Еслибы это наслѣдство всецѣло находилось въ распоряженіи Іоанна, то отъ него осталось бы очень немного, такъ какъ все онъ отдалъ бы на дѣла благотворенія; свои собственныя потребности онъ сократилъ до послѣдней степени, ограничиваясь удовлетвореніемъ простѣйшихъ нуждъ жизни.

Едва онъ закончилъ свой скромный ужинъ, какъ въ дверяхъ неожиданно послышался тихій окликъ. Отворявшій дверь рабъ Флегонтъ (рабъ только по имени, потому что всѣ съ нимъ обращались въ этомъ домѣ какъ съ возлюбленнымъ братомъ) не любилъ, чтобы нарушали занятій его господина, и сказалъ входившему въ домъ статному незнакомцу, что Іоаннъ, за исключеніемъ крайнихъ случаевъ — болѣзни или духовной нужды, не принимаетъ посѣтителей въ столь позднее время.

---

*) Illustres — названіе особаго ранга сановниковъ, учрежденнаго Константиномъ Великимъ. За этими „сіятельными" сановниками вверхъ по іерархической лѣстницѣ слѣдовали spectabiles и clarissimi. Перев.

— Меня онъ приметъ, отвѣчалъ незнакомецъ; скажи только, что Ливаній желаетъ переговорить съ нимъ.

Услышавъ это имя, Іоаннъ немедлено всталъ и поспѣшилъ привѣтствовать своего бывшаго учителя.

— Что приводитъ всесвѣтно знаменитаго оратора и поклонника боговъ въ домъ христіанскаго пресвитера? спросилъ Іоаннъ.

— Я пришелъ, Іоаннъ, переговорить съ тобою о поистинѣ плачевномъ состояніи города. Нельзя ли сдѣлать чего нибудь для этого несчастнаго народа?

— Если кто и можетъ сдѣлать что нибудь для нихъ, то конечно только Ливаній, отвѣчалъ Іоаннъ. Ты не то, что мы, бѣдные христіане: ты извѣстенъ всѣмъ знатнымъ и сильнымъ міра сего. Правитель востока твой личный другъ; затѣмъ всѣмъ извѣстно, что ты всегда сочувствуешь несчастнымъ, потому что всѣ читали твои блистательныя, столь великую дѣлающія тебѣ честь письма въ пользу бѣдняка, угнетаемаго жестокимъ правителемъ. Почему же тебѣ лично не отправиться въ Константинополь походатайствовать за Антіохію предъ императоромъ?

— Мнѣ? переспросилъ Ливаній. Вѣдь это восемьсотъ миль отсюда! *). Притомъ горы Тавра покрыты глубокимъ снѣгомъ. Жизнь моя не подходяща для такихъ жертвъ. Да и всѣ усилія были бы напрасны. Ѳеодосій — грубый испанскій воинъ, безъ всякаго литературнаго образованія. Мои изящные періоды безслѣдно пронеслись бы мимо его ушей. Кромѣ того, онъ христіанинъ и ненавидитъ насъ, не вѣрующихъ въ Назарянина.

— Да, именно идолопоклонство и грѣхи язычниковъ и навлекли столь страшное бѣдствіе на нашъ городъ, замѣтилъ Іоаннъ.

Ливаній махнулъ рукою, сдѣлавъ умоляющій жестъ. — «Не будемъ входить въ обсужденіе этого вопроса теперь», сказалъ онъ. «Еслибы Зевсъ металъ своими перунами всякій разъ, какъ грѣшатъ люди, то у него въ настоящее время уже не осталось бы стрѣлъ. Но ты самъ не можешь ли чего нибудь придумать?»

— Пожалуй могу, сказалъ Іоаннъ. Въ Антіохіи имѣется сто тысячъ язычниковъ и никто изъ нихъ не въ состояніи сдѣлать чего нибудь для несчастнаго города. Даже ихъ адвокаты не осмѣлились

*) Около 1,200 верстъ, разстояніе между Антіохіей и Константинополемъ.

выступить на защиту обвиняемыхъ въ это тяжелое время. Въ Антіохіи есть также тысячи іудеевъ, но они не двинутъ и пальцемъ; потому что хотя Иродъ и разукрасилъ нашъ городъ, однако іудеи не могутъ безъ ужаса смотрѣть на великихъ херувимовъ своего храма на воротахъ нашего города, куда поставилъ ихъ ненавистный имъ Титъ. Но вотъ Флавіанъ, нашъ епископъ, походатайствуетъ за насъ. Правда, онъ старъ. Путешествіе длинно и утомительно. Время стоитъ зимнее. Притомъ сестра его находится при смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступаетъ великій постъ съ неразлучными съ нимъ особыми тягостями. Но престарѣлый мужественный епископъ пренебрежетъ всякими трудами и всякою опасностью; оставитъ даже свою умирающую сестру. Онъ уже уступилъ мольбѣ, съ которою мы, христіане, обращались къ нему. Онъ уже двинулся въ путь и отъ его заступничества я ожидаю очень многаго.

— Я радъ слышать это, сказалъ Ливаній. Это чрезвычайно посодѣйствуетъ вашему христіанству. Хотя я не вѣрю въ твою религію, однако долженъ сказать тебѣ, что вы, христіане, имѣете сострадательное сердце. Самъ Юліанъ, мой великій другъ и императоръ, послѣдній защитникъ боговъ, упрекалъ насъ въ нашемъ равнодушіи къ страданіямъ ближнихъ. А какія женщины у васъ христіанъ! Какая красивая языческая вдова въ двадцать лѣтъ осталась бы вдовою на всю жизнь, какъ это сдѣлала твоя мать Аноуса, чтобы всецѣло посвятить себя воспитанію своего единственнаго сына? Мы никогда не въ состояніи будемъ принять твое поклоненіе Распятому; но когда я вижу твои добрыя дѣла, то чувствую, что почти становлюсь христіаниномъ.

— Такъ когда-то сказалъ и царь Агриппа нашему апостолу Павлу, замѣтилъ Іоаннъ, и на это Павелъ, имя котораго составляетъ истинную славу Антіохіи (не вашей конечно рощи Дафны, и не вашего украшеннаго вѣнкомъ Харонія), Павелъ, поднявъ свои скованныя руки, отвѣтилъ ему: «молилъ бы я Бога, чтобы мало-ли много-ли не только ты, но и всѣ, слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими, какъ я, кромѣ этихъ узъ». Твое выраженіе, Ливаній, какъ сказалъ бы нашъ Тертулліанъ, есть «свидѣтельство души, которая по природѣ христіанка».

Ливаній пожалъ ему руку.

— Я восторгаюсь твоимъ состраданіемъ, сказалъ онъ, но не твоею религіею, твоими добрыми дѣлами, но не твоимъ христіанствомъ.

— Наши добрыя дѣла составляютъ плодъ нашего христіанства, отвѣчалъ Іоаннъ; т. е. наши дѣла служатъ свидѣтельствомъ его истины. Это золотые плоды, растущіе на древѣ жизни. Любовь есть исполненіе нашего закона, и мы вѣруемъ, что тотъ, кто дѣлаетъ правду, рожденъ отъ Бога.

— Твои слова звучатъ для меня, какъ отголосокъ давно минувшихъ мечтаній, сказалъ софистъ; но мнѣ хотѣлось бы вѣрить въ твои добрыя надежды на милость Ѳеодосія. Я знаю его: онъ ужасно вспыльчивъ. Ты помнишь, какимъ философомъ показалъ себя вашъ великій Константинъ, когда чернь нанесла ему самое гнусное оскорбленіе въ Эдессѣ? Мятежники повалили его бронзовую статую и позорно высѣкли ее — точь въ точь, какъ сѣкутъ мальчиковъ въ школахъ, чтобы показать, что ему скорѣе къ лицу быть школьникомъ, чѣмъ императоромъ! И однако онъ не обнаружилъ ни малѣйшаго гнѣва, не стремился къ мщенію и даже совсѣмъ не наказалъ города. Но Ѳеодосій совершенно иного сорта человѣкъ. Онъ могъ бы пожалуй простить оскорбленіе, нанесенное ему самому, потому что онъ не безъ великодушія; но онъ никогда не проститъ оскорбленій, нанесенныхъ его возлюбленной Флакциллѣ, его обоимъ сыновьямъ и его глубокочтимому имъ отцу. Ужъ всѣ богатые люди бѣгутъ изъ нашего злополучнаго города, унося съ собою свои сокровища, и я чувствую, что почти готовъ послѣдовать за ними, тѣмъ болѣе, многіе города съ радостью приняли бы меня въ число своихъ гражданъ.

— Стыдись такого себялюбія, сказалъ Іоаннъ; держись болѣе благородной стороны. Останься здѣсь и прикрой щитомъ твоего краснорѣчія и твоего вліянія трепещущее населеніе.

Ливаній нѣсколько времени подумалъ съ поникшею головою.

— Да, я такъ и сдѣлаю, сказалъ онъ, я такъ и сдѣлаю. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что за важность во всемъ этомъ? Человѣкъ, какъ пѣлъ когда-то Пиндаръ, есть лишь сновидѣніе и тѣнь. Прощай, Іоаннъ. Ты, мой старый ученикъ, мужественнѣе меня, твоего учителя; но мы будемъ трудиться вмѣстѣ.

Когда Ливаній вышелъ на пустынную улицу, то, закутавъ лицо въ свою широкую мантію, разсуждалъ съ собою: «Благородный этотъ человѣкъ — Іоаннъ, не смотря на его религію! Сердце у него лучше головы. Однако онъ болѣе великій ораторъ, чѣмъ даже я. Странно!»

А Іоаннъ въ свою очередь размышлялъ съ собою: «онъ человѣкъ съ добрыми порывами, но порывы эти отравлены въ немъ робостью и себялюбіемъ; богъ міра сего ослѣпилъ ему сердце».

Іоаннъ опять погрузился было въ свои занятія, но ему не суждено было спокойно провести этотъ вечеръ. Не успѣлъ онъ прочесть нѣсколько строкъ, какъ опять въ дверяхъ послышался тихій, необычайно нервный, порывистый стукъ.

Онъ поднялъ голову, чтобы прислушаться; когда Флегонтъ отворилъ дверь, то услышалъ голосъ мальчика, который кричалъ: «мнѣ нужно видѣть Іоанна пресвитера!»

— Кто ты такой? спросилъ старый превратникъ съ необычною для него строгостью. — Не всякому-же уличному мальчишкѣ можно врываться сюда во всякое время и нарушать занятія пресвитера!

— О, позволь мнѣ видѣть его! Позволь мнѣ видѣть его, умолялъ мальчикъ.

— Теперь темно и поздно, почти всѣ въ домѣ уже ушли спать; приди завтра.

— Нѣтъ, мнѣ нужно теперь же видѣть его, продолжалъ мальчикъ; и, скользнувъ мимо изумленнаго раба, онъ бросился въ полуотворенную дверь комнаты Іоанна, черезъ которую просвѣчивалъ блескъ свѣтильника. Отодвинувъ занавѣсъ, онъ на моментъ остановился, ослѣпленный внезапнымъ блескомъ свѣтильника послѣ уличной тьмы, и, затѣняя себѣ глаза, разсмотрѣлъ пресвитера, который сидѣлъ наклонившись надъ лежавшею передъ нимъ рукописью. Іоаннъ сразу увидѣлъ по самому покрою платья, что это былъ еще молодой мальчикъ, вѣроятно сынъ одного изъ богатѣйшихъ торговцевъ Антіохіи, при чемъ золотая булла, висѣвшая у него сверхъ туники*), показывала, что гость его былъ язычникъ;

*) Bulla aurea — золотая булла, своего рода медальонъ, который по этрусскому обычаю дѣти благородныхъ семействъ носили на груди, какъ аму-

онъ видѣлъ также, что мальчикъ не принадлежалъ къ тому низшему классу Антіохійскихъ уличныхъ мальчугановъ, шумомъ и шаловливыми продѣлками которыхъ неизбѣжно сопровождались всѣ приключенія среди всякаго сброда, наполнявшаго форумъ. Его чистое платье, свѣтлые глаза, благородныя черты лица, на которомъ не было и признака воровскихъ взглядовъ порока, и темные локоны, которые носили на себѣ явные слѣды нѣжнаго ухода матери, сразу возбудили въ немъ доброе сочувствіе къ этому молодому посѣтителю. Но едва онъ успѣлъ взглянуть на мальчика, какъ тотъ бросился передъ нимъ на полъ и, хватаясь за край одежды пресвитера, цѣловалъ ее и началъ умолять о защитѣ и состраданіи.

— Что это такое? ласково спросилъ Іоаннъ. Ты язычникъ, почему же ты не пошелъ къ кому нибудь изъ вашихъ собственныхъ жрецовъ?

Мальчикъ такъ безутѣшно рыдалъ, что въ теченіе нѣкотораго времени не могъ выговорить ни слова; но Іоаннъ ласково погладилъ его по головѣ и просилъ его ободриться, обѣщая ему помочь, насколько это окажется возможнымъ для него.

— О господинъ, кричалъ мальчикъ; дѣйствительно, я не христіанинъ. Мой отецъ торговалъ маленькими серебряными ковчежцами Аполлона, которые раскупались посѣтителями Антіохіи; но, увы, господинъ, теперь уже нѣтъ у меня отца. Его звали Ермой, онъ былъ однимъ изъ вожаковъ во время мятежа. Вчера его бросили на съѣденіе дикимъ звѣрямъ въ амфитеатрѣ.

Мальчикъ опять остановился и зарыдалъ, какъ будто въ немъ разрывалось самое сердце. И затѣмъ продолжалъ:

— Отецъ мой ненавидѣлъ христіанскаго императора, который подорвалъ его промыселъ. Я знаю, что и моя мать умретъ отъ страха и опасенія, потому что стрѣльцы ищутъ и меня также.

— Тебя, мой бѣдный мальчикъ? Зачѣмъ же? — что ты могъ сдѣлать такого?

Мальчикъ поблѣднѣлъ какъ смерть и съ ужасомъ оглядѣлся въ комнатѣ.

лѣтъ, предохранявшій отъ разныхъ чаръ. Булла надѣвалась на шею, съ которой и свѣшивалась на грудь сверхъ туники, т. е. верхней рубашки.

Прев.

— Тутъ никого нѣтъ, сказалъ Іоаннъ, кто бы могъ услышать тебя; говори мнѣ безъ всякаго опасенія.

— О господинъ, кричалъ мальчикъ, ты не выдашь меня?

Іоаннъ едва могъ сдержать улыбку.

— Выдать тебя? спросилъ онъ. По всему видно, что ты никогда не жилъ среди христіанъ; нѣтъ, ты совершенно безопасенъ, сынъ мой: наше христіанское ученіе повелѣваетъ намъ дѣлать добро всѣмъ людямъ.

— Господинъ, тихимъ голосомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ проговорилъ мальчикъ, — это я именно бросилъ тотъ первый камень, которымъ попалъ въ статую императора въ преторіи.

Лицо Іоанна омрачилось. Какія ужасныя событія были слѣдствіемъ этого необдуманнаго поступка! Мальчикъ замѣтилъ выраженіе лица пресвитера и вскричалъ: «О отецъ мой, прости меня! У меня совсѣмъ не было какого нибудь злого умысла, я не думалъ ни объ императорѣ, ни о налогахъ, я просто пошалилъ, увлекаемый буйствомъ толпы».

— Видѣлъ тебя кто-нибудь?

— Да, двое мальчиковъ, бывшіе со мною, видѣли меня и... о, господинъ мой!...—тутъ онъ разрыдался такъ, что не могъ продолжать. Іоаннъ далъ ему хорошенько выплакаться и затѣмъ спросилъ:

— И что же, донесли они на тебя?

— Нѣтъ, господинъ, съ рыданіемъ отвѣчалъ мальчикъ; увы, увы, ихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Когда я бросилъ камень, то и они также начали бросать камнями въ другія изображенія и статуи, хотя и не въ императора. А какой то шпіонъ замѣтилъ ихъ и донесъ на нихъ, стрѣльцы схватили ихъ уже въ домахъ и вчера... мальчикъ опять зарыдалъ и долго не могъ говорить.

— Вчера, сказалъ онъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, Ахилла бросили на съѣденіе львамъ и; о ужасъ, Эроса, который былъ самымъ дорогимъ моимъ другомъ, сожгли въ амфитеатрѣ... Я пробрался туда и смотрѣлъ на все это, спрятавшись за статую Дискометателя. Крики Эроса, когда пламя охватило его, будутъ раздаваться у меня въ ушахъ до самой смерти. Въ первый разъ въ моей жизни я упалъ въ обморокъ.

— Но эти двое мальчиковъ всетаки не сказали о тебѣ?

— Нѣтъ, они слишкомъ любили меня, какъ и я любилъ ихъ. Но меня видѣли вмѣстѣ съ ними, и такъ какъ отецъ мой былъ коноводомъ въ мятежѣ... увы, увы... ахъ эти крики! это пламя!...

Мальчикъ скрылъ свое блѣдное лицо въ одеждѣ Іоанна и далъ волю своему безграничному горю, при чемъ Іоаннъ могъ только съ чувствомъ глубокаго состраданія гладить его по разгорѣвшейся, покрытой черными какъ смоль локонами, головѣ.

— Но почему же ты пришелъ именно сюда? Что я могу сдѣлать для тебя, сынъ мой?

— О скрой меня, отецъ мой! Скрой меня ради безсмертныхъ боговъ! Я виноватъ, — но всетаки скрой меня отъ мстителей ради любви самаго неба! Не отдай меня на растерзаніе львамъ или на сожженіе, какъ это случилось съ Эросомъ!

— Скрыть тебя? задумчиво переспросилъ Іоаннъ; но какъ могу я скрыть тебя въ этомъ небольшомъ домѣ, гдѣ бываетъ такъ много посѣтителей? Кто посовѣтовалъ тебѣ придти сюда?

— Моя мать, господинъ, отвѣчалъ онъ. Она больна, — боюсь даже, что теперь она уже при смерти; но друзья и знакомые позаботятся объ ней, и она велѣла мнѣ бѣжать пока темно къ тебѣ въ домъ, потому что, какъ сказала она, христіане добрѣе и мужественнѣе нашего народа. Но, господинъ, если ты не можешь скрыть меня, то я вернусь домой. Стрѣльцы навѣрно завтра же придутъ за мною и мнѣ останется только умереть. Но мать моя! бѣдная мать моя!...

Онъ опять залился слезами. Затѣмъ, немного оправившись, поднялся съ пола и хотѣлъ было уходить; но Іоаннъ велѣлъ ему остаться и размышлялъ, что бы ему сдѣлать; въ это самое время вошла Анѳуса.

— Іоаннъ, сказала она, кто этотъ мальчикъ? Я услышала рыданія и крики и пришла посмотрѣть, нельзя ли что нибудь сдѣлать для него.

Мальчикъ закрылъ себѣ лицо руками, черезъ которыя ручьями лились слезы. Іоаннъ вкратцѣ разсказывалъ ей, въ чемъ дѣло.

— И ты хотѣлъ отпустить его, Іоаннъ? — удивленно спросила она: это совершенно не похоже на тебя. Успокойся, мой мальчикъ, я спасу тебя.

Мальчикъ съ восторгомъ схватилъ ея руки и колѣнопреклоненно цѣловалъ ихъ.

— Нѣтъ, матушка, сказалъ Іоаннъ; я отнюдь не хотѣлъ оставить его безъ всякой помощи; я только не зналъ, что бы можно было сдѣлать.

— Пусть же моя женская находчивость поможетъ тебѣ, съ улыбкою сказала Анѳуса. Мальчикъ сегодня пусть ночуетъ у насъ; завтра рано утромъ мы одѣнемъ его (для этого достаточно палліума) такъ, что онъ будетъ казаться одною изъ моихъ служанокъ, и я отправлюсь съ нимъ за оврагъ въ пещеру пустынника Македонія. Туда для испрошенія его святого совѣта нерѣдко ходятъ христіанскія женщины и дѣвицы, такъ что даже если бы кто нибудь и увидѣлъ насъ тамъ, то это не возбудитъ ни въ комъ удивленія; а раннимъ утромъ при теперешней пустотѣ улицъ и совсѣмъ не вѣроятно, чтобы кто нибудь могъ встрѣтить насъ тамъ.

— Къ Македонію ячменоѣду! — радостно, хотя и не безъ удивленія воскликнулъ Іоаннъ.— Интересно вообразить, что этотъ веселый языческій мальчуганъ, привыкшій къ улицамъ Антіохіи, къ цирку, къ амфитеатру и ко всѣмъ радостямъ юной жизни, будетъ запертъ въ сырой, мрачной пещерѣ со старцемъ, который не ѣстъ ничего другого, кромѣ ячменя и проводитъ свою жизнь въ бичеваніяхъ, постѣ и бдѣніяхъ! Увѣряю тебя, матушка, что не пройдетъ и недѣли, какъ онъ предпочтетъ воротиться оттуда и лучше отдаться на волю стрѣльцовъ. Вспомни, матушка, что я самъ испыталъ такую жизнь и знаю, что это такое.

— Македоній очень мудрый, какъ и очень добрый старецъ, отвѣтила Анѳуса, и я вовсе не думаю навсегда оставить тамъ мальчика... Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

— Филиппъ, госпожа моя. Но меня назвали такъ по имени великаго македонца, а не по имени вашего апостола.

— Хорошо. Я вовсе не намѣрена оставить тебя съ Македоніемъ въ пещерѣ горы Сильпія, Филиппъ, а хочу только попросить у него совѣта, что дѣлать съ тобою.

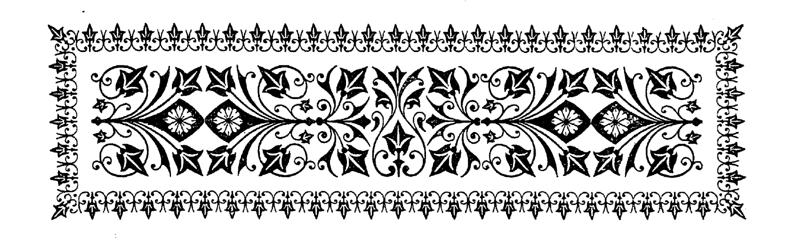
— Я слышалъ о немъ, госпожа, и самъ радъ бы повидѣть его; ужасы смерти моихъ товарищей глубоко потрясли мое сердце, и въ своей крайней бѣдственности я не нашелъ ни одного языч-

ника, который бы помогъ мнѣ. Мнѣ хотѣлось бы побольше узнать о религіи, которая дѣлаетъ людей столь мужественными и добрыми.

— Богъ да благословитъ тебя, мой бѣдный Филиппъ, сказалъ Іоаннъ. Я оставляю тебя на попеченіе своей матери; съ нею ты будешь болѣе, чѣмъ безопасенъ.

Анѳуса собственноручно приготовила простую постель для Филиппа на эту ночь. Никто изъ рабовъ не былъ посвященъ въ эту тайну, за исключеніемъ старой няни Дамари и престарѣлаго Флегонта. Мальчикъ спалъ послѣ испытанныхъ имъ потрясеній и скорбей глубокимъ сномъ, и съ разсвѣтомъ Анѳуса, сопровождаемая двумя своими вѣрными служанками, отправилась вмѣстѣ съ нимъ къ пещерѣ Македонія.

Они не встрѣтили никого; но близь тропинки, которая поднималась по скалѣ къ самой пещерѣ, ихъ увидѣлъ одинъ изъ самыхъ негодныхъ нищихъ Антіохіи — полунищій, полуразбойникъ. Онъ узналъ Филиппа, котораго какъ одного изъ самыхъ бойкихъ мальчиковъ Антіохіи очень часто встрѣчалъ на улицахъ, когда онъ переходилъ чрезъ Иродову колоннаду, направляясь въ школу. Мальчикъ по привычкѣ надѣлъ на себя свою золотую буллу (такое украшеніе было необычнымъ въ томъ классѣ, къ которому онъ принадлежалъ, но его отецъ когда-то видѣлъ и лучшіе годы), и нищій, замѣтивъ блескъ этой буллы чрезъ палліумъ, вглядѣлся въ него пристальнѣе и узналъ его подъ слишкомъ прозрачнымъ покровомъ.

ГЛАВА V.

Пустынникъ и мальчикъ.

Твой монастырь за облаками, —
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!
Пушкинъ.

УСТЫННИКЪ Македоній, извѣстный у народа подъ именемъ «ячменоѣда», сидѣлъ при входѣ въ свою пещеру и наслаждался, насколько онъ считалъ позволительнымъ наслаждаться, прохладнымъ воздухомъ зари и великолѣпной картиной восходящаго солнца. Вообще онъ позволялъ себѣ спать не много и уже задолго до зари обыкновенно выходилъ изъ пещеры любоваться звѣздами, которыя подобно лучезарнымъ херувимамъ сверкали въ пурпурной ночи, проливая на спящій міръ свое животворное сіяніе. Непостижимая тайна вселенной, такъ часто занимавшая его думы, повидимому прояснялась, когда онъ чувствовалъ себя наединѣ съ Богомъ, среди этихъ могучихъ холмовъ, подъ этими обширными и безконечными созвѣздіями. Изъ окутанной еще мракомъ, безмолвной долины онъ видѣлъ, какъ первымъ проблескомъ утра обагрялись высочайшія вершины горнаго хребта Тавра и какъ склоны горъ начинали озаряться свѣтомъ, какъ будто ангелы цѣлыми потоками расплавленнаго золота заливали покрытыя снѣгомъ скалы. А вонъ Оронтъ далеко внизу у него подъ ногами начиналъ то здѣсь, то тамъ

сверкать серебристымъ блескомъ среди богатой листвы своихъ береговъ; завиднѣлась и роща Дафны съ ея пораженнымъ молніею капищемъ низвергнутаго бога солнца, а еще дальше гора Казій отбрасывала свою огромную черную тѣнь на мерцающее море.

Привыкнувъ къ долгимъ часамъ ненарушимаго уединенія, онъ былъ удивленъ, увидѣвъ, какъ къ нему приближались какія-то три личности, торопливо взбиравшіяся по горной тропѣ. Ясно было, что они пробирались къ его именно пещерѣ, потому что эта скалистая, едва замѣтная тропа вела именно къ нему и въ дѣйствительности была главнымъ образомъ протоптана его собственными ногами, когда онъ сходилъ по ней, чтобы наполнить себѣ кувшинъ водою или поискать себѣ топлива и вообще предметовъ для удовлетворенія своихъ скромныхъ нуждъ. Когда завидѣнныя имъ личности приблизились къ нему, то онъ узналъ среди нихъ Анѳусу, которую ему случалось видѣть иногда послѣ того, какъ она перестала противиться желанію своего сына вести отшельническую жизнь, и которая раза по два въ году посѣщала Іоанна, когда и онъ также жилъ съ этимъ сирскимъ пустынникомъ въ горной пещерѣ.

Поклонившись, она приняла отъ него священническое благословеніе (епископъ Флавіанъ склонилъ его принять священный санъ). Македоній обратился къ ней съ нѣсколькими словами. Говорить съ женщиной для пустынника считалось опаснымъ послабленіемъ и онъ невольно отдернулъ свою овчинную одежду, когда она поклонилась ему. Анѳуса знала такое отношеніе отшельника къ женщинамъ, хотя сынъ ея не раздѣлялъ этого воззрѣнія, и наскоро объяснила ему, что пришла поручить его покровительст у одного антіохійскаго мальчика, жизнь котораго находилась въ опасности.

Пустынникъ былъ удивленъ такою ея просьбою. Онъ опасался, какъ бы отъ этого не нарушилось его уединеніе. Единственнымъ его удовольствіемъ было чувствовать себя вдали отъ міра сего, наединѣ съ Богомъ. Какъ онъ могъ принять на себя заботу о мальчикѣ изъ веселаго преступнаго города, храмы и дворцы котораго сверкали внизу? Онъ готовъ былъ отказаться отъ возлагаемой на него отвѣтственности и Анѳуса ясно читала это колебаніе въ его глазахъ.

— А что этотъ мальчикъ изъ язычниковъ? спросилъ онъ.

— Да, язычникъ.

— Какъ же я могу принять на себя попеченіе объ одномъ изъ служителей демоновъ?

— Если Богъ печется о нихъ и любитъ ихъ, сказала Анѳуса, то развѣ отъ этого откажется Македоній? Развѣ Христосъ не относился съ состраданіемъ къ находящимся въ невѣдѣніи и заблужденіи?

Но Македоній все еще находился въ затрудненіи.

— Какъ можетъ онъ жить на одномъ ячменѣ, какъ это дѣлаю я? спросилъ онъ, — и проводить жизнь въ этомъ тяжеломъ безмолвіи, гдѣ не раздается ни единаго живого звука, кромѣ горныхъ потоковъ или паденія скалъ, когда онѣ разрываются землетрясеніемъ?

— Достопочтенный отецъ, сказала она, поднимаясь съ колѣнъ; я знаю, что ты не откажешься отъ этого порученія. Самъ Богъ говоритъ тебѣ: «возьми этого мальчика и спаси его для Меня». Онъ разскажетъ тебѣ все. Прощай, иначе обо мнѣ будутъ безпокоиться дома. Прощай, Филиппъ, да будетъ съ тобою Богъ; мы увидимся опять.

Она повернулась и пошла, за нею послѣдовала и Дамарь. Такъ какъ съ Филиппа уже сняты были покрывало и палліумъ, то мальчикъ стоялъ передъ отшельникомъ въ своей обычной одеждѣ. Онъ скромно ожидалъ, что скажетъ ему старецъ, и устремилъ свои открытые безбоязненные глаза на блѣдное лицо изможденнаго пустынника.

Македонію было всего только пятьдесятъ семь лѣтъ отъ роду, но онъ казался гораздо старше своихъ лѣтъ. Глаза его потускнѣли отъ постоянныхъ слезъ, щеки впали, волоса посѣдѣли и порѣдѣли; онъ сидѣлъ на выступѣ скалы, опершись дрожащими руками на посохъ, потому что былъ крайне слабъ отъ суроваго воздержанія въ пищѣ.

Многіе годы отдѣляли его отъ этого мальчика, и эти годы казались ему какъ бы безбрежнымъ пространствомъ бурнаго, непроходимаго, негостепріимнаго моря. И однако, когда онъ взглянулъ на него, то ему невольно припомнилась его собственная счастливая, незабвенная юность; онъ также когда-то былъ

веселымъ, живымъ, хорошо сложеннымъ мальчикомъ, совершенно такимъ же, какой теперь стоялъ передъ нимъ; онъ также когда-то былъ молодъ и велъ безпутную веселую жизнь. Онъ также слышалъ, какъ сирены напѣвали ему очаровательныя пѣсни, маня его ко всѣмъ сладостямъ жизни. Ему также Цирцея, дочь солнца, предлагала очаровательную чашу своихъ наслажденій. Онъ также погружался въ безумства, развлеченія, обаятельныя мечты юности и знакомъ былъ съ роковыми прелестями сатанинскаго очарованія. Но затѣмъ Богъ постепенно разрушилъ всѣхъ его идоловъ. Онъ проигралъ все свое богатое наслѣдство; покинутъ былъ тою, которую любилъ, и всѣми своими друзьями; наконецъ онъ былъ пораженъ ужасною болѣзнью. Когда онъ сидѣлъ подобно блудному сыну, оставленный всѣми, не имѣя ни друзей, ни денегъ, въ лохмотьяхъ и, такъ сказать, среди свиней, то надъ нимъ чрезъ полуночный мракъ его жизни сверкнула новая звѣзда. Во время болѣзни его посѣтилъ добрый епископъ города, Мелетій, и благодаря его отеческому, милостивому попеченію онъ навсегда освободился отъ сковывавшихъ его дотолѣ узъ житейской суеты.

Но когда онъ всталъ съ одра болѣзни, совершенно измѣнившимся въ своемъ настроеніи, то почувствовалъ необходимость бѣжать отъ міра сего. Даже церковь въ городѣ не могла удовлетворить его, потому что въ нее вторгалась та же мірская суета и она раздиралась партійностью. Въ своей юности онъ привыкъ къ тому безразличному настроенію души, которое заставляло престарѣлаго епископа Леонтія пѣть: «Слава въ вышнихъ Богу», такъ, что ни одна религіозная партія не могла усматривать въ немъ своего исключительнаго ученія. И онъ слышалъ, какъ этотъ старецъ говорилъ, указывая на свои сѣдые волосы: «когда растаетъ этотъ снѣгъ, то будетъ много грязи». И дѣйствительно оказалось много грязи! Даже безпорочная жизнь многовозлюбленнаго Мелетія съ его «сладостнымъ и спокойнымъ взглядомъ, сіяющею улыбкою, доброю рукою и не менѣе добрымъ голосомъ»*), не могла изгнать изъ смятенной церкви вторгающагося въ нее міра. Македоній не только видѣлъ то печальное зрѣлище, какъ въ Антіохіи соперни-

*) Такъ отзывался о немъ святой Григорій Нисскій.

чали между собою по крайней мѣрѣ три христіанскіе епископа — одинъ аріанинъ и два православныхъ епископа, но видѣлъ также, какъ разъяренные сторонники двухъ такихъ добрыхъ мужей, какъ Павлинъ и Мелетій, поносили другъ друга въ собраніяхъ и даже нападали другъ на друга на улицахъ. Напрасно Мелетій говорилъ своему сопернику: «мы содержимъ то же самое ученіе, — будемъ же друзьями; если епископское сѣдалище есть источникъ соперничества между нами, то положимъ на него святое Евангеліе, словомъ, самого Христа, а сами будемъ сидѣть по сторонамъ его, пока кто нибудь изъ насъ не умретъ, такъ чтобы оставшемуся въ живыхъ сдѣлаться единственнымъ епископомъ». Но партійныя страсти не позволили принять этого мудраго совѣта и Македоній съ горестью видѣлъ всѣ эти раздоры. Они были противны самой его натурѣ, потому что онъ стремился только къ спасенію своей души и хотѣлъ сохранить себя незапятнаннымъ мірскою суетою. Онъ не могъ выносить низкихъ партійныхъ распрей съ неизбѣжными при нихъ кознями и взаимнымъ личнымъ поношеніемъ. Какъ будто няходясь еще среди мелкихъ ручейковъ, едва журчавшихъ по загрязненнымъ камнямъ, онъ слышалъ вдали отзвуки великаго моря вѣчности. Поэтому онъ порѣшилъ совсѣмъ удалиться отъ міра. Идеалъ созерцательныхъ общежительныхъ монастырей, жившихъ вдали отъ міра сего подъ строжайшей дисциплиной, вообще съ неодолимою силою привлекалъ всѣхъ благочестивыхъ людей его времени. Неудивительно, что этотъ идеалъ увлекъ и такого мечтательнаго юношу, какимъ былъ Македоній.

И вотъ дѣйствительно Македоній ушелъ въ небольшой, находившійся близъ Антіохіи монастырь, настоятелемъ котораго былъ знаменитый Діодоръ Тарсійскій, и тамъ добивался всегда самыхъ низкихъ послушаній. Но онъ скоро убѣдился, что міръ могъ проникать даже и въ монастырь. Онъ не могъ и тамъ избѣгнуть споровъ о правахъ на епископскую каѳедру Мелетія и Павлина, равно какъ и о волновавшихъ всѣхъ въ то время богословскихъ вопросахъ объ ипостасяхъ. Эти волненія нарушали душевный покой Македонія. Онъ чувствовалъ глубокую потребность въ такомъ состояніи, которое-бы, избавивъ его отъ всякихъ треволненій, дало ему возможность всецѣло подчинить свою плоть духу и обезпечить спокойную власть надъ самимъ собою. Поэтому

онъ оставилъ общежитіе и началъ жить уже полнымъ отшельникомъ, найдя себѣ мѣсто въ одной горной пещерѣ.

Но никакая власть, какую только онъ могъ пріобрѣсти надъ самимъ собою, однако всетаки далеко еще не давала ему желаннаго успокоенія. Когда онъ увидѣлъ, что даже монастырская жизнь не избавляла его отъ житейскихъ испытаній, а только замѣняла ихъ другими, подобными же испытаніями, то онъ съ горечью убѣдился, что и убѣгая въ горную пещеру, онъ не избѣгъ искушеній діавола или плоти. Куда бы онъ ни пошелъ, онъ повсюду уносилъ съ собою все ту же свою плоть, и эта плоть продолжала искушать его и въ пустынѣ.

Мало по малу однако духъ его поборолъ всѣ подобныя искушенія, хотя діаволъ и продолжалъ свою неустанную борьбу съ нимъ, внушая ему духовную гордость. Какъ часто тайный демонъ нашептывалъ ему льстивые помыслы о его духовномъ величіи, внушая ему, что имя и слава его распространились по всей Сиріи и Азіи, — мало того, даже до великихъ западныхъ и южныхъ странъ и далѣе до степей Африки. Сатана старался искушать его суетнымъ самовозношеніемъ въ томъ внутреннемъ мірѣ души, который остается неприкосновеннымъ при самомъ суровомъ внѣшнемъ подвижничествѣ. Какъ часто, несмотря на всю суровость своихъ подвиговъ, дурныя плотскія мысли цѣлыми потоками обурѣвали его! Ослабленное подвижничествомъ тѣло едва въ состояніи было справляться съ порывами мятежной души. Кости его, когда онъ, падая на каменный полъ своей пещеры, въ корчахъ катался по нему, стучали подобно костямъ скелета; однако, воображеніе его все еще было мятежнымъ и, несмотря на всѣ усилія подавить его, все еще жило грѣховными сценами былой юности въ Антіохіи.

Вихремъ проносились эти мысли по его душѣ, какъ бы молніеносными чертами воспроизводя всю исторію прежней его жизни, и пустынникъ, подавленный потокомъ воспоминаній, долго оставался въ смущенномъ безмолвіи. Наконецъ, придя въ себя, онъ сказалъ:

— Мальчикъ, мать Іоанна пресвитера сказала мнѣ, что ты объяснишь, зачѣмъ тебя привели сюда. Какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ, господинъ, отвѣчалъ мальчикъ, Филиппомъ,

и госпожа Анѳуса привела меня сюда переодѣтымъ, потому что мнѣ угрожаетъ опасность смерти за то, что я бросилъ камнемъ въ статую императора.

— Тебѣ не слѣдовало бы дѣлать этого, Филиппъ, сказалъ пустынникъ, «нѣсть бо власть, аще не отъ Бога». — Но увидѣвъ, что Филиппъ понурилъ голову, онъ ласково прибавилъ: разскажи мнѣ все, какъ было, сынъ мой.

Тогда Филиппъ, часто прерываемый вопросами заинтересовавшагося пустынника, разсказалъ ему, какъ по случаю императорскаго манифеста произошелъ въ городѣ мятежъ, какъ разрушены были бани и какъ толпа, ворвавшись въ палату суда, разбила статуи, какимъ послѣ этого страхомъ и трепетомъ охваченъ былъ городъ, какъ былъ казненъ его отецъ, а также какою жестокою смертью погибли его юные сотоварищи, чему онъ былъ самъ къ своему ужасу очевидцемъ.

Македоній слушалъ все это тѣмъ съ большимъ интересомъ, что вѣсти изъ окружающаго его міра рѣдко доходили до его пещеры. Когда онъ выслушалъ этотъ разсказъ, то ему казалось, что онъ самъ какъ будто переживаетъ всѣ эти событія, и заразившись волненіемъ мальчика, и самъ былъ охваченъ бурею сострадація и негодованія. Филиппъ съ удивленіемъ видѣлъ, какъ вся фигура старца видимо оживилась, глаза его засверкали прежнимъ огнемъ, и онъ по окончаніи разсказа быстро заходилъ взадъ и впередъ по пещерѣ; затѣмъ, поднимая руки къ небу, онъ воскликнулъ: «Антіохія не должна быть разрушена, жители ея не должны подвергнуться безпощадной казни! Ѳеодосій долженъ услышать черезъ меня голосъ Божій. Всѣ принесенныя мною жертвы не должны оказаться тщетными. Онѣ дали мнѣ право говорить. Я созову къ себѣ всѣхъ пустынниковъ, живущихъ въ горахъ. Мы отправимся въ Антіохію, во имя Бога мы запретимъ всякое земное мщеніе. Да, я долженъ оказать по крайней мѣрѣ эту единственную услугу моей странѣ прежде, чѣмъ умереть!».

Онъ говорилъ все это скорѣе самому себѣ, чѣмъ своему юному слушателю; но затѣмъ, опять вспомнивъ о присутствіи мальчика и взглянувъ на солнце, которое было теперь уже высоко, сказалъ: «прости меня, мой мальчикъ; ты навѣрно голоденъ, а у меня нѣтъ ничего, кромѣ моей обычной пищи, ячменя;

да и пью я только чистую брилліантовую влагу Божію, которая вонъ тамъ сверкаетъ въ ручьѣ».

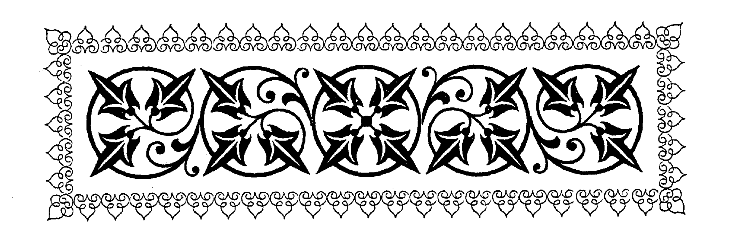
— Голодъ есть лучшая приправа, отецъ мой, — улыбаясь сказалъ Филиппъ.

— Да, но я не могу заставлять тебя переносить мои лишенія. Недалеко отсюда живетъ другой пустынникъ, пища у котораго не столь скудная. Я схожу къ нему и попрошу чего нибудь для тебя. Можешь ли ты развесть огонь? Съумѣешь ли ты испечь ячменныя лепешки на угляхъ? Да? Въ такомъ случаѣ, пока ты это дѣлаешь, я схожу и скоро вернусь.

Филиппъ кое-какъ развелъ огонь и сдѣлалъ изъ ячменной муки двѣ лепешки, а вскорѣ затѣмъ вернулся и пустынникъ. Онъ принесъ нѣсколько финиковъ, сухого винограда и смоквъ, и мальчикъ поѣлъ ихъ съ самымъ здоровымъ аппетитомъ, при чемъ пустынникъ слѣдилъ за нимъ удивленными глазами. Когда скудный обѣдъ былъ конченъ, Македоній сказалъ:

— Сынъ мой, тебѣ невозможно оставаться здѣсь въ этомъ моемъ жалкомъ жилищѣ; но въ шести верстахъ отсюда находится монастырь Діодора, и живущій тамъ добрый епископъ теперь находится дома. Тамъ имѣется нѣсколько юныхъ новичковъ, совершенно такого же возраста, какъ и ты. Если онъ приметъ тебя, то тамъ ты найдешь и трудъ, и безопасность, и благочестивое товарищество. Я схожу туда и походатайствую передъ нимъ за тебя.

Онъ взялъ свой посохъ и отправился по скалистой горной тропѣ. Когда онъ прибылъ въ монастырь, то былъ горячо привѣтствуемъ Діодоромъ и братьями, которые обѣщали дать убѣжище Филиппу, пока не минуетъ опасность. Душа Македонія много волновалась втеченіе всего этого дня; но она была еще болѣе взволнована однимъ случаемъ, который произошелъ по его возвращеніи.

ГЛАВА VI.

Бѣсноватый.

Печаленъ будетъ мой разсказъ.
Пушкинъ.

Горный хребетъ Аманскій былъ изрытъ ущельями и оврагами, и когда Македоній переходилъ черезъ одну изъ самыхъ глубокихъ и мрачныхъ рытвинъ, на встрѣчу ему выскочило какое то странное и почти нагое существо, вродѣ тѣхъ гадаринскихъ бѣсноватыхъ, о которыхъ говорится въ евангеліи *).

— Прочь, прочь отсюда, Македоній! — кричало это существо съ дикими жестикуляціями, — я знаю тебя, ячменоѣдъ! Зачѣмъ ты пришелъ сюда? — мучить меня? Развѣ я и безъ того не достаточно несчастенъ, не достаточно погубленъ? Прочь, прочь отсюда!

Македоній сразу узналъ, кто это, хотя въ своемъ мрачномъ состояніи существо это и рѣдко показывалось людямъ. Это былъ несчастный Стагирій, которому когда то вполнѣ улыбалась жизнь, скрывая отъ него всѣ ея темныя стороны. Онъ былъ любимый сынъ богатаго и благороднаго отца, и въ ранніе годы юности, повидимому, все улыбалось ему. Родители его были христіане. Онъ могъ бы честно служить Богу и въ церкви и въ государствѣ. Но присущая ему гордость побуждала его стремиться къ чему нибудь необычайному: проникшись восторженнымъ почтеніемъ къ жизни

*) См. Матѳ. VIII, 28; Марк. V, 1; Лук. VIII, 27 и сл.

отшельниковъ пустыни, онъ пренебрегъ желаніями и совѣтами отца и, оставивъ свой богатый домъ въ Антіохіи, повелъ уединенную жизнь пустынника на горахъ. Но достаточно было небольшого испытанія, чтобы такая жизнь сдѣлалась невыносимой для него. Ночныя бдѣнія сдѣлались ненавистны ему, онъ до крайности утомлялся продолжительными занятіями и размышленіями. Опять наступило для него состояніе, которое было даже хуже того, въ которомъ онъ проводилъ свою жизнь въ городѣ. Его несчастная душа была терзаема чувствомъ самообольщенія и самоотвращенія, но ложная гордость не давала ему возможности сознаться въ томъ, что отчасти онъ самъ былъ виною этого. Думая, что какія нибудь другія занятія могли бы развлечь его, его собратья монахи поручили ему ухаживать за садомъ и огородомъ; но онъ, чувствуя безполезность своей ложно направленной жизни, иногда съ ярою раздражительностью восклицалъ — неужели его благородныя руки только и заслуживали того, чтобы возить навозъ и рыть землю. Суровымъ покаяніемъ и строгой дисциплиной имъ на время удавалось смирять его и приводить къ смиренному послушанію. Но ярость внутренней бури была не по силамъ для этого неуравновѣшаннаго темперамента, для этой въ нѣжности воспитанной натуры. Онъ сталъ подвергаться конвульсіямъ и эпилептическимъ припадкамъ, которыя всѣ окружающіе, да и онъ самъ, принимали за бѣснованіе. Напрасно онъ обращался къ самымъ почитаемымъ подвижникамъ и посѣщалъ самыя знаменитыя святыни. У него наступали моменты просвѣтлѣнія, но онъ никогда ужъ не въ состояніи былъ овладѣть движеніями своего разбитаго тѣла и разстроеннаго воображенія. Напрасно Іоаннъ, здоровье котораго также было разстроено необычайными лишеніями во время отшельнической жизни, обращался къ нему съ особыми посланіями, въ которыхъ предостерегалъ его отъ чрезмѣрности непосильнаго по своей суровости подвижничества *).

Стагирій продолжалъ часто бывать жертвою припадковъ, приводившихъ его въ такое изступленіе и неистовство, которыя угрожали закончиться богохульствомъ и самоубійствомъ.

---

*) См. эти посланія въ I томѣ новаго изданія „Полнаго собранія твореній св. І. Златоуста“ въ русскомъ переводѣ, стр. 163—243.

Перев.

Въ это время Стагирій находился въ состояніи одного изъ самыхъ ужасныхъ припадковъ. Какъ онъ жилъ, объ этомъ никому не было извѣстно. У него не было даже овчиннаго плаща поверхъ полотняной туники, какой обыкновенно носили пустынники; онъ имѣлъ только грубое опоясаніе изъ козлиной шерсти на чреслахъ. Глаза его горѣли блескомъ безумства, страшно высматривая изъ-подъ грязныхъ, сбившихся локоновъ, которые безпорядочно спускались по плечамъ. Днемъ пекло его солнце, а ночью озаряла луна, и онъ при своей наготѣ подвергался всѣмъ вліяніямъ внѣшней погоды. Подобно Навуходоносору въ період его помѣшательства, онъ питался травою, весь обросъ волосами; ногти у него отросли настолько, что скорѣе походили на когти какого нибудь дикаго звѣря, и ими онъ вырывалъ себѣ корни, служившіе для него единственнымъ пропитаніемъ. Теперь онъ едва уже походилъ на человѣка, и устрашенные пустыники по временамъ слышали его выкрики, которые многоголосымъ эхомъ разносились по горнымъ ущельямъ, когда ему воображалось, что онъ ведетъ борьбу съ цѣлымъ полчищемъ демоновъ. По ночамъ его посѣщали страшныя видѣнія и не разъ онъ уже дѣлалъ покушенія на самоубійство. Это былъ тотъ веселый Стагирій, который когда то былъ любимцемъ судьбы, и своей красотой и богатствомъ возбуждалъ зависть въ молодыхъ людяхъ Антіохіи.

Македоній нерѣшительно остановился, потому что видъ несчастнаго не могъ не производить глубокаго смущенія въ самыхъ безстрашныхъ людяхъ.

Когда Стагирій съ крикомъ и угрожающими тѣлодвиженіями сталъ приближатся къ нему, то онъ отступилъ назадъ, сдѣлалъ крестное знаменіе и шепталъ слова молитвы. Но это не остановило бѣсноватаго. Стагирій схватилъ его за руку и кричалъ: «я знаю тебя! уходи, уходи отсюда! Иначе демонъ, овладѣвшій мною, разорветъ тебя на куски.»

— Господи Іисусе, спаси меня, вскрикнулъ Македоній. — При этомъ восклицаніи все существо несчастнаго маніака было охвачено конвульсіями: лицо его побагровѣло, глаза выступили изъ орбитъ, ротъ запѣнился, и онъ въ корчахъ упалъ на камни рытвины, гдѣ и лежалъ замертво.

Македоній отъ состраданія и ужаса не зналъ, что ему дѣ-

лать. Онъ наклонился къ находящемуся въ обморокѣ страдальцу, вспрыснулъ его водою и поддерживалъ ему голову, прислоняя ее къ своей груди. Чрезъ нѣсколько времени Стагирій открылъ глаза. Македоній ласково назвалъ его по имени, предложилъ ему съѣсть немного ячменной лепешки, которая оказалась при немъ. Затѣмъ пустынникъ помолился за дрожавшаго всѣмъ тѣломъ бѣсноватаго и оставилъ его здоровымъ и успокоеннымъ, хотя и ужасно потрясеннымъ. Онъ хотѣлъ даже взять Стагирія къ себѣ въ пещеру, хотя ему и не пріятно было бы, если бы Филиппъ увидѣлъ столь плачевное зрѣлище. Но Стигирій отказался: «Оставь меня въ моей бѣдственности», слабо простоналъ онъ, «солнце закатилось, завтра я пойду къ Діодору, а черезъ нѣсколько времени отправлюсь въ Египетъ и повижусь съ святымъ Ниломъ. Быть можетъ онъ въ состояніи будетъ изгнать этихъ демоновъ, которые овладѣли храмомъ моей души».

Со слезами на глазахъ и въ глубокомъ волненіи Македоній благословилъ его. Наступила ночь, и онъ уже въ темнотѣ добрался до своей пещеры, крайне утомленный всѣми испытаніями и волненіями этого дня.

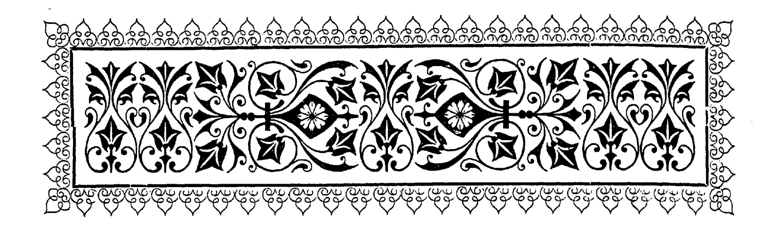
Войдя въ пещеру, онъ при мерцаніи горящихъ углей увидѣлъ, что Филиппъ, сдѣлавъ себѣ постель изъ сухихъ листьевъ, лежалъ на нихъ, объятый мирнымъ сномъ безмятежной юности.

Осторожно пройдя, Македоній взялъ свой небольшой глиняный свѣтильникъ, заправилъ маленькій огонь и, затѣняя свѣтъ рукою, посмотрѣлъ на спящаго мальчика. Филиппъ безпечно спалъ на листьяхъ, положивъ голову съ ея темными локонами на руку; грудь его правильно и ровно вздымалась и опускалась, свидѣтельствуя о глубокомъ и здоровомъ снѣ. Онъ представлялъ собою живую картину цвѣтущаго здоровья, силы и жизненности, и пустынникъ невольно сдѣлалъ надъ нимъ крестное знаменіе. Передъ молитвой на сонъ грядущій онъ обыкновенно подвергалъ себя бичеванію, но теперь порѣшилъ не дѣлать этого, чтобы ударами бича не разбудить спящаго мальчика. Да и самая молитва его въ эту ночь была полна волненій и муки. Его всецѣло занимала судьба этого мальчика. Онъ невольно раздумывалъ, какъ бы этого прекраснаго молодого язычника сдѣлать полезнымъ и счастливымъ христіаниномъ, который бы могъ съ честью послужить церкви къ

славѣ Божіей. Ему припомнилось страшное видѣніе Стагирія. Какое ужасное крушеніе возвышенныхъ надеждъ! Какое торжество нечистыхъ демоновъ! Македоній горячо молился, чтобы этотъ мальчикъ не подвергся подобнымъ же искушеніямъ. Съ своей стороны онъ порѣшилъ сдѣлать для него все, что только окажется возможнымъ. Такой именно обѣтъ онъ и далъ Богу въ своей продолжительной молитвѣ въ теченіе этой ночи.

На слѣдующее утро онъ вмѣстѣ съ Филиппомъ отправился за горы и тамъ поручилъ его попеченію настоятеля, который былъ преемникомъ Діодора. Тамъ мальчикъ чувствовалъ себя счастливо. Иноки предоставляли ему самыя простыя сельскія занятія и старались окружать его самыми невинными радостями, какія только могли находиться въ ихъ распоряженіи. Подъ вліяніемъ Діодора весь монастырь проникся особеннымъ благодушіемъ и сердечностью и поступавшіе въ него юные новички пользовались нѣжнымъ и любящимъ уходомъ. Живя вмѣстѣ съ этими юношами и видя, съ какою охотою они исполняли свои обязанности, посѣщая преподававшіяся имъ назиданія, Филиппъ постепенно познакомился съ нѣкоторыми изъ возвышеннѣйшихъ истинъ христіанства. Почти самъ не замѣчая того, онъ проникался духомъ христіанства, и благодать Божія постепенно овладѣвала его сердцемъ.

ГЛАВА VII.

Судъ надъ городомъ.

Saeva Necessitas
clavos trabales et cuneos manu
gestans ahena *).

Горацій.

Двадцать два дня прошло уже со времени мятежа и въ Антіохіи никогда еще великій постъ не соблюдался такъ строго, какъ теперь. Въ прежнія времена это былъ городъ нечестивый. Даже императоръ Юліанъ будучи самъ язычникомъ, укорялъ антіохійцевъ за ихъ порочность, пьянство, буйство, распущенность, нечестіе и алчность. Но въ теченіе этого великаго поста, когда народъ чувствовалъ, что надъ его головой висѣлъ ежеминутно готовый обрушиться мечъ Дамокла, амфитеатръ былъ пустъ, и напротивъ какъ только становилось извѣстнымъ, что будетъ проповѣдывать Іоаннъ (а онъ дѣлалъ это часто теперь), то церковь быстро наполнялась громадными массами народа. При обычномъ состояніи даже христіане мало обращали вниманія на проповѣдь. Многіе бывали въ церкви только по праздникамъ, да и то не всегда; но даже и придя въ храмъ, многіе становились въ притворѣ церкви среди язычниковъ и некрещенныхъ,

---

*) Суровая необходимость
Гвозди огромные и острые рукой
Желѣзной вбиваетъ.

причемъ мужчины занимались своими мірскими дѣлами, а женщины почти заглушали голосъ проповѣдника своею болтовнею о дѣтяхъ, разговорами и пересудами о нарядахъ, хозяйствѣ и вообще о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Своимъ блистательнымиъ краснорѣчіемъ Іоаннъ, правда, умѣлъ овладѣвать ихъ вниманіемъ и они иногда слушали его съ такимъ напряженіемъ, что карманники могли безнаказанно производить свое ремесло и пожинать обильную жатву. Но все, чѣмъ они увлекались, это именно было внѣшнее краснорѣчіе, а не духовное назиданіе, великолѣпныя угрозы, а не ихъ практическое приложеніе. Когда проповѣдь заканчивалась, то они предавались самоувѣренной критикѣ ея и массами выходили изъ церкви, такъ что въ церкви до окончанія службы отъ собранія оставались лишь, такъ сказать, жалкіе обломки разбитаго корабля. Теперь все это измѣнилось. Проповѣдникъ игралъ на ихъ чувствахъ, какъ искусный игрокъ на струнахъ арфы, то возбуждая въ нихъ мужество и самоотреченіе, то направляя ихъ помыслы къ небесному, въ которомъ только души ихъ и могли теперь находить себѣ успокоеніе.

Но вотъ на двадцать второй день послѣ мятежа прибыли въ городъ два императорскіе уполномоченные Еллевихъ и Кесарій. Они вступили въ городъ во главѣ отряда войска. Выборъ такихъ лицъ самъ по себѣ былъ благопріятнымъ знакомъ, потому что это были христіане, извѣстные всѣмъ своимъ добрымъ характеромъ. Ихъ высокій санъ свидѣтельствовалъ о важности, которую императоръ придавалъ ихъ миссіи, потому что Еллевихъ былъ главою воинства, а Кесарій главою должностей*). Они везли съ собою запечатанныя депеши, и никто еще не зналъ, какая судьба висѣла надъ мятежнымъ городомъ. На пути въ Антіохію уполномоченные встрѣтили епископа Флавіана, поспѣшавшаго ходатайствовать передъ Θеодосіемъ; но даже ему они не имѣли права сообщить о томъ приговорѣ, который произнесенъ былъ императоромъ надъ городомъ. Было утро, когда они вступили въ Антіохію, и устрашенный народъ тысячами высыпалъ на улицы, слѣдя за ихъ шествіемъ

*) Magister militium—начальникъ войскъ = военный министръ; Magister officium — начальникъ должностей = министръ внутреннихъ дѣлъ.

Перев.

При обыкновенномъ состояніи города, сановникамъ пришлось бы ѣхать среди празднично разодѣтыхъ ликующихъ массъ народа и уличная толпа привѣтствовала бы ихъ громкими рукоплесканіями, веселыми распросами и путь имъ усыпала бы гирляндами цвѣтовъ. Теперь же они видѣли предъ собою безмолвно стоящую толпу, которая, въ своихъ траурныхъ платьяхъ, умоляюще поднимала къ нимъ руки. Сановники были рады, когда это печальное шествіе закончилозь на форумѣ. Тамъ они взошли на ростру *) и среди гробового безмолвія толпы прочитали приговоръ императора.

Приговоръ гласилъ:

Во первыхъ, Антіохія лишается своего званія въ качествѣ столицы Сиріи и это отличіе предоставляется сосѣднему городу Лаодикіи.

Во вторыхъ, впредь до дальнѣйшаго распоряженія всѣ бани, цирки, театръ и амфитеатръ и прочія мѣста увеселенія въ городѣ закрываются.

Въ третьихъ (и это былъ страшный ударъ, до крайности увеличившій ихъ бѣдственное состояніе!) пытки, которыя уже производились правителемъ востока, повелѣвалось возобновить, и всѣхъ, кто окажется виновнымъ въ соучастіи въ бунтѣ, подвергнуть примѣрному наказанію.

Въ четвертыхъ, императорская хлѣбная дача, распредѣлявшаяся среди бѣдняковъ въ Антіохіи, какъ это было въ Римѣ и въ Константинополѣ, отселѣ прекращается.

Таково то было содержаніе императорскаго указа, и никто не смѣлъ отрицать, что указъ былъ составленъ въ духѣ милости и умѣренности. Но если имъ и устранялась агонія страха, то вмѣсто него наступала угнетающая дѣйствительность. Для гордаго патріотизма антіохійцевъ было крайнимъ униженіемъ, что какая нибудь жалкая Лаодикія должна была воспользоваться привилегіями, которыхъ лишенъ былъ ихъ славный городъ. Приказомъ о закрытіи

1) Rostra—особое возвышеніе на площади или лобное мѣсто, съ котораго объявлялись народу правительственные указы. Это возвышеніе обыкновенно имѣло видъ носовой части корабя (въ память того, что изъ взятыхъ у анціатовъ въ 416 г. отъ осн. Рима военныхъ кораблей было устроено на римскомъ форумѣ такое именно возвышеніе).

Перев.

мѣстъ увеселенія и главнѣе всего общественныхъ бань не только омрачалось ихъ веселье, но вмѣстѣ съ тѣмъ наносился ударъ ихъ здоровью и житейскимъ удобствамъ. Но хуже всего — множеству гражданъ угрожалъ безпощадный судъ на жизнь и смерть, пытки или конфискація, и особенно тѣмъ, которые выдавались среди другихъ своимъ саномъ или богатствомъ.

Народъ выслушалъ все это въ безмолвіи, выражавшемъ полное отчаяніе; затѣмъ уполномоченные отправились въ палату суда. Тамъ прочитаны были длинные списки именъ обвиняемыхъ и среди нихъ значилось и имя мальчика Филиппа. Для арестованія обвиняемыхъ повсюду были отправлены стрѣльцы, и тотъ низкій бродяга, который видѣлъ Филиппа по дорогѣ къ пещерѣ Македонія, охотно сдѣлалъ доносъ о томъ, гдѣ, по всей вѣроятности, можно было найти его. Въ эту же ночь Филиппъ схваченъ былъ въ монастырѣ Діодора. Иноки безъ сомнѣнія воспользовались бы принадлежавшимъ монастырю правомъ убѣжища и не выдали бы его; но стрѣльцы схватили мальчика съ саду внѣ монастыря, и крѣпко связавъ его веревками, такъ что это причиняло ему страшную боль, отвели его въ Антіохію. Эту ночь онъ провелъ среди массы всякаго рода преступниковъ, въ обыкновенной тюрьмѣ. Все, что могли сдѣлать собратья, это послать къ Македонію, которому и разсказали объ участи его юнаго друга. При этомъ извѣстіи душа суроваго пустынника воспламенилась яростнымъ огнемъ негодованія и на слѣдующій же день онъ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы отовсюду созвать пустынниковъ горъ на общее собраніе, которое должно было состояться на слѣдующее утро въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога чрезъ Парѳеніеву ложбину вела къ городу. Іоанну также дано было знать о судьбѣ мальчика, и онъ въ эту же самую ночь, не обращая вниманія ни на какую опасность, посѣтилъ его, преподалъ ему утѣшеніе, разсѣялъ его страхи и обѣщалъ ему употребить всѣ зависящія отъ него усилія, чтобы добиться освобожденія его отъ смертной казни. Онъ не могъ обѣщать ему, что въ состояніи будетъ избавить его отъ ужаснаго бичеванія, которое для мальчиковъ часто оканчивалось смертію и почти казалось хуже самой смерти; но сердце Филиппа болѣе всего трепетало отъ страшнаго потрясенія и неизвѣстности. Среди этого то томленія духа, ободряемый и утѣшаемый Іоанномъ, онъ

впервые вознесъ смиренную молитву къ Сыну Божію. И молитва его была услышана.

Императорскіе сановники, у которыхъ было много друзей среди высшихъ классовъ антіохійскагб общества, чувствовали глубокое огорченіе въ виду того порученія, которое имъ приказано было исполнить.

— Какую разницу этотъ городъ представляетъ съ тѣмъ, какимъ онъ былъ, когда я въ послѣдній разъ былъ въ немъ, сказалъ Кесарій, сидя за ужиномъ въ этотъ вечеръ.—Тогда жизнь въ немъ кипѣла и сверкала подобно Оронту при солнечномъ свѣтѣ; теперь же ничего нѣтъ кругомъ насъ, кромѣ плача, скорби и горя.

— Да, отвѣчалъ Еллевихъ; но если это былъ и веселый городъ, въ то же время онъ былъ постоянно мятежнымъ, готовымъ на всякое возмущеніе. Онъ подалъ имперіи самый скверный, опасный примѣръ, и справедливость требуетъ для него наказанія, хотя я бы и желалъ, чтобы приведеніе его въ исполненіе выпало на долю кому нибудь другому, а не намъ. Съ своей стороны мы по крайней мѣрѣ можемъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы смягчить справедливость милосердіемъ.

На слѣдующее утро они не охотно направились въ палату суда, въ которой уже рядами выставлены были обвиняемые, а между ними и Филиппъ, въ оковахъ подъ карауломъ стрѣльцовъ. Въ городѣ царило гробовое безмолвіе; многіе жители бѣжали даже на обнаженныя высоты горы Казія. Только изрѣдка можно было видѣть, какъ два или три человѣка то здѣсь, то тамъ торопливо пробѣгали по форуму, скорѣе похожіе на привидѣнія или живые скелеты. Происходили тяжелыя сцены. Нѣкоторые изъ христіанскихъ священниковъ употребляли всѣ усилія въ своихъ ходатайствахъ за несчастныхъ: хватая посланниковъ за платья, когда они проходили въ палату, и обнимая имъ колѣна, они умоляли ихъ быть сострадательными. Въ самой палатѣ не оказалось ни одного языческаго адвоката, который имѣлъ бы смѣлость выступить въ качествѣ защитника. Но Іоаннъ былъ тамъ, потому что ему хотѣлось видѣть, чѣмъ кончится дѣло Филиппа и другихъ извѣстныхъ ему лицъ. Будучи христіанскимъ пресвитеромъ, онъ уже не могъ формально принимать на себя защиты въ качествѣ адвоката, но онъ готовъ былъ по первому требованію выступить впередъ и

дать необходимыя показанія. За дверьми судилища стояли толпы огорченныхъ и взволнованныхъ людей, и они напомнили ему тѣхъ, которые, стоя на берегу, видятъ, какъ корабли бросаются волнами и разбиваются бурею, и однако не имѣютъ никакой возможности спасти ихъ отъ опасности, такъ что имъ остается только молиться за нихъ. Зрѣлище внутри судилища было еще болѣе раздирающимъ душу. Толпа волновалась, но воины, вооруженные мечами и палицами, принуждали всѣхъ присутствующихъ соблюдать самое глубокое молчаніе. Даже и за дверьми суровые воины приказывали несчастнымъ женщинамъ — матерямъ, женамъ и сестрамъ обвиняемыхъ — держаться поодаль, чтобы своими воплями не нарушать происходившаго внутри дѣлопроизводства. Печальнѣе всего было видѣть, какъ онѣ, закрывъ себѣ лица рубищами, посыпавъ головы пепломъ, не сопровождаемыя ни друзьями ни знакомыми, или даже служаками, которыя могли бы хоть сколько нибудь утѣшить или защитить ихъ, безпомощно валялись по землѣ и съ растерзанными сердцами прислушивались къ доносившимся извнутри отзвукамъ ударовъ, слышали крики тѣхъ, которые подвергались бичеванію. Что оставалось дѣлать этимъ бѣднымъ женщинамъ, какъ не возводить свои глаза къ небу и умолять Бога о дарованіи твердости страдальцамъ?

Такимъ образомъ пытки совершались внутри судилища, но не менѣе ужасныя терзанія происходили и внѣ его, такъ что даже сердца самихъ судей почти разрывались отъ горя. Для Іоанна навсегда остался памятнымъ этотъ ужасный злополучный день. Онъ невольно напоминалъ ему о томъ страшномъ судилищѣ, когда каждая душа должна будетъ сама за себя отдать полный отчетъ въ своей жизни и когда уже никто не придетъ къ ней на помощь, ни отецъ, ни сынъ, ни друзья, которые и сами предстанутъ предъ судилищемъ Христовымъ.

Чѣмъ дальше шло разбирательство, тѣмъ дѣло становилось все хуже и мрачнѣе; многіе были осуждены на смерть, другіе, закованные въ тяжелыя цѣпи, уводились въ темницу, а жены и дѣти тѣхъ, имѣнія которыхъ подвергались конфискаціи, были выбрасываемы на улицу, гдѣ и бѣдствовали, не имѣя ни овола отъ всего своего богатства*).

---

*) Оволъ — мелкая монета = грошъ, 1/6 драхмы. Перев.

Іоаннъ дождался, пока очередь дойдетъ до разбирательства дѣла Филиппа. Его видѣли среди мятежниковъ съ двумя мальчиками, его друзьями Ахилломъ и Эросомъ, которые уже поплатились за свою ребяческую неосмысленность жестокою смертью. Кромѣ того онъ былъ сынъ Ермы, который былъ казненъ какъ одинъ изъ коноводовъ мятежа. Дѣло было трудное: единственные свидѣтели, которые могли бы дать показаніе, что онъ первый бросилъ камень въ статуи, навсегда уже смолкли — въ гробу. Оставался еще одинъ человѣкъ, знавшій эту тайну, которая неизбѣжно подвергла бы Филиппа одинаково ужасной участи, именно пресвитеръ Іоаннъ. Но тайна эта была погребена въ его самоотверженной груди. Употребляя всѣ силы своего краснорѣчія, Іоаннъ, не безъ опасности для себя, горячо защищалъ Филиппа. Ссылаясь на его юность, на недостаточность уликъ противъ него и на отсутствіе какихъ бы то ни было доказательствъ въ пользу его злого умысла, Іоаннъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на священность долга, требовавшаго состраданія къ такому юному обвиняемому. Но все было напрасно и можно было опасаться, что мальчику будетъ произнесенъ страшный смертный приговоръ, какъ вдругъ одно небольшое событіе на время отвлекло вниманіе императорскихъ сановниковъ. Время было уже довольно позднее, и Ливаній, собравъ все свое мужество, боязливо и почти украдкой наконецъ пробрался въ судъ. Но онъ не укрылся отъ проницательнаго взора Кесарія, который, узнавъ въ немъ близкаго друга покойнаго императора Юліана, знакомъ попросилъ его подойти ближе и сѣсть съ ними рядомъ на трибуналѣ. Ливаній находился въ такомъ угнетенномъ и боязливомъ состояніи, что Кесарій даже нашелъ нужнымъ шепнуть ему на ухо, что они серьезно порѣшили производить разслѣдованіе дѣла съ такою мягкостью, какая только могла оказаться совмѣстимой со строгимъ наказомъ императора.

— Да, пожалуйста, сдѣлайте такъ — ради безсмертныхъ боговъ! — прошепталъ Ливаній. — Впрочемъ я забылъ, что вы христіане. Въ такомъ случаѣ умилосердитесь ради Того, Кто, какъ вы говорите, былъ милосердъ. Если вы пощадите трепещущій городъ, я сочту долгомъ обезсмертить васъ въ одной изъ моихъ рѣчей, наилучшей, какую только я въ состояніи написать. Она

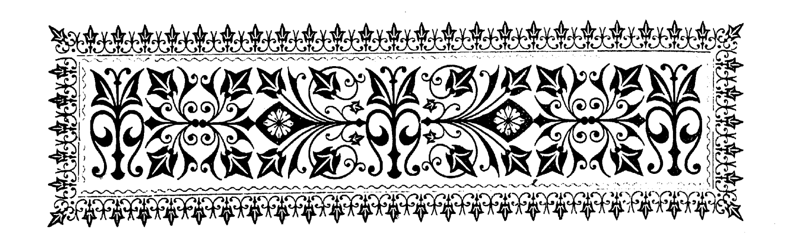
будетъ золотымъ потокомъ, она будетъ на подобіе пояса Геры выткана изъ жемчуга и пурпура.

Въ то время, какъ происходилъ этотъ тихій разговоръ, Еллевихъ смотрѣлъ на Филиппа и былъ глубоко тронутъ его невиннымъ лицомъ и безпомощнымъ дѣтствомъ.

— Изъ дѣла ясно, сказалъ онъ Кесарію, что этотъ мальчуганъ по крайней мѣрѣ такъ же виновенъ, какъ и тѣ, которые уже преданы смерти; но не думаешь ли, что было бы достаточно теперь пока подвергнуть его бичеванію и до завтра отложить дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла?

Кесарій согласился, и на этомъ и покончилось разбирательство дѣла. Іоаннъ, стоя рядомъ съ мальчикомъ, нѣжно пожималъ ему руку, увѣщевая его мужаться, и сказалъ, что будетъ молить Бога о дарованіи ему силъ вынести это наказаніе. Затѣмъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Хотя даже палачъ, тронутый сожалѣніемъ, смягчился въ своей жестокости и не хотѣлъ ударять его со всею силою, однако при первомъ ударѣ бича мальчикъ поблѣднѣлъ какъ смерть; при второмъ ударѣ вырвался у него глухой стонъ, а при третьемъ онъ издалъ раздирающій душу крикъ и впалъ въ безчувствіе, и затѣмъ уже не чувствовалъ ничего больше. Черезъ нѣсколько минутъ онъ истекая кровію и едва живой былъ отнесенъ обратно въ тюрьму.

Помѣщеніе, куда онъ былъ отнесенъ, называлось темницей, но обвиняемыхъ и подозрѣваемыхъ было такъ много, что по недостатку мѣстъ въ настоящей тюрьмѣ всѣ они были скучны на большой, обнесенной стѣнами площади и, находясь подъ открытымъ небомъ, вполнѣ сознавали всю безнадежность и безпомощность своего бѣдственнаго положенія. И въ этомъ храмѣ бѣдственности провелъ всю ночь также и Іоаннъ, дѣлая все, что только можно было сдѣлать утѣшеніемъ и ласкою, къ облегченію тяжкаго душевнаго и тѣлеснаго состоянія страдальцевъ. Филиппъ замертво лежалъ на соломѣ, на которую бросили его палачи, и рядомъ съ нимъ, нѣжно держа его за руку, съ отеческою любовію сидѣлъ и ухаживалъ за нимъ пресвитеръ Іоаннъ.

ГЛАВА VIII.

Отведенный ударъ.

Поистинѣ царь есть тотъ, кто побѣждаетъ гнѣвъ и подчиняетъ все законамъ Божіимъ.
Св. І. Златоустъ, т. I, стр. 123.

А СЛѢДУЮЩЕЕ утро императорскіе сановники съ печальнымъ сердцемъ сѣли на коней, которые уже приготовлены были для нихъ въ великолѣпной сбруѣ у дворцовыхъ воротъ, и торжественно направились къ палатѣ суда, въ сопровожденіи тѣлохранителей съ обнаженными мечами. Опять имъ приходилось ѣхать среди массъ огорченнаго и умоляюще протягивавшаго къ нимъ руки народа; но въ одномъ мѣстѣ главной улицы они были поражены совершенно необычайнымъ зрѣлищемъ.

Тамъ они встрѣтили группу людей, которые невольно поражали даже своею внѣшностью. Нѣкоторые изъ нихъ были одѣты въ кожи, другіе въ грубыя овчины; нѣкоторые едва прикрывались лохмотьями, такъ какъ остатки одежды ихъ давно уже превратились въ клочья. По плечамъ у нихъ спускались длинные волосы, нечесанные и не мытые по цѣлымъ годамъ. Лица у нихъ были тощія, мрачныя, движенія странныя, порывистыя и даже повелительныя. Все это были люди по большей части совершенно неизвѣстные. Многіе изъ нихъ по цѣлымъ годамъ не бывали на улицахъ Антіохіи или вообще какого бы то ни было го-

рода и однако во всей поступи этихъ странно высматривающихъ людей не было ни боязливости, ни раболѣпства. Они не кланялись, не плакали, не умоляли, а прямо стояли почти въ угрожающей позѣ. Это были пустынники, которыхъ Македоній собралъ изъ всѣхъ ущелій, пещеръ и рытвинъ горы Сильвія, горы Амана и горы Казія, чтобы вмѣстѣ съ ними ходатайствовать за преступный городъ. Вмѣстѣ съ ними прибылъ даже Стагирій, и хотя онъ уже не бился въ припадкахъ бѣснованія, однако въ его безпокойныхъ глазахъ все еще сверкалъ огонь безумства.

Когда высокіе сановники недоумѣвали при видѣ этого собранія странныхъ людей, Македоній выступилъ изъ среды ихъ и подошелъ къ Кесарію, который съ крайнимъ удивленіемъ смотрѣлъ на этого изможденнаго старца съ его грязной и рваной овчиной. Нисколько не смущаясь отъ взгляда высокаго сановника, старецъ схватилъ его лошадь за узду и затѣмъ, взявъ его самого за край одежды, заговорилъ на сирійскомъ языкѣ, единственномъ языкѣ, какой только ему былъ извѣстенъ, и повелительно приказалъ обоимъ уполномоченнымъ императора сойти съ коней.

— Кто этотъ сумашедшій? съ негодованіемъ воскликнулъ Кесарій, обращаясь къ своей стражѣ и поднимая руку, чтобы плашмя ударить его своимъ мечомъ.

— Это Македоній ячменоѣдъ, отвѣтили нѣсколько голосовъ съ тономъ глубокаго благоговѣнія.

Услышавъ это имя, оба уполномоченные охвачены были почти непреодолимымъ чувствомъ страха. Такъ это тотъ самый святой подвижникъ, слава котораго гремѣла по всему міру! Это человѣкъ, который все отдалъ для Христа и былъ, такъ сказать, Иліею своего времени. Что повелѣваетъ онъ, это несомнѣнно должно быть повелѣніемъ самого Бога. И вотъ, не медля ни одной минуты, оба высокіе сановника сходятъ съ коней и становятся передъ пустынникомъ на колѣна, а Кесарій даже попросилъ у него прощенія за свое грубое замѣчаніе и намѣреніе нанести ему ударъ. На все это Македоній не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

Ни длинные ряды коней и вооруженныхъ воиновъ, ни блескъ свиты, не верховная власть императорскихъ пословъ не только не устрашали, но даже и не производили на него никакого впе-

чатлѣнія. Въ то время, какъ передъ ними трепетали всѣ — вся знать и всѣ правящіе классы Антіохіи вмѣстѣ съ измученнымъ населеніемъ, онъ находился въ самомъ восторженномъ состояніи духа и въ его душѣ не было не малѣйшаго страха.

— Идите, друзья мои, сказалъ Македоній, и такъ скажите императору: «Ты также человѣкъ, правящій людьми; смѣешь ли ты разрушать образъ Божій? Статуи легко возстановить, какъ уже и возстановлены твои статуи; но можешь ли ты возстановить къ жизни образъ Божій, когда онъ разрушенъ тобою? Можешь ли ты заставить хоть одинъ волосъ опять вырости у людей, которыхъ ты осудилъ на смерть?»

— Именно такъ, подтвердили другіе пустынники: мы всѣ готовы положить свою жизнь за этотъ городъ! Мы готовы умереть за тѣхъ, которыхъ вы осуждаете. Нѣкоторые изъ насъ отправятся посланниками къ императору отъ имени всѣхъ остальныхъ, и мы не оставимъ этого города, пока онъ не будетъ прощенъ.

Сановники чувствовали, что они не въ состояніи оставить безъ вниманія просьбу, которую они сами принимали за вѣщаніе свыше. Имъ извѣстно было, съ какимъ почтеніемъ благочестивый императоръ относился къ людямъ, которыхъ всенародное мнѣніе окружало ореоломъ высокой святости. Они направились къ воротамъ преторіи, чтобы тамъ посовѣтываться между собою. А тамъ уже собрались всѣ епископы, случившіеся въ то время въ городѣ, и заявили имъ, что если они не обѣщаютъ оказать милосердіе, то войдутъ въ палату суда только черезъ ихъ тѣла. Уполномоченные дали требуемое отъ нихъ обѣщаніе, и тогда святители низко поклонились имъ. При этомъ произошла глубоко трогательная сцена. Одна несчастная мать, схватившись за узду коня Еллевиха, держалась за нее все время, какъ оба сановника двигались среди стоявшаго по сторонамъ народа. Увидѣвъ своего сына среди скованныхъ узниковъ, она подбѣжала къ нему, обвилась ему руками вокругъ шеи, закрывая его своими длинными распущенными волосами, и затѣмъ, притащивъ мальчика къ Еллевиху, омочила ноги сановника слезами, съ криками и воплями умоляя его не лишить ее единственной поддержки въ старости, или ужъ лучше умертвить и ее вмѣстѣ съ сыномъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ сценъ сердца обоихъ сановниковъ смягчились

и они, до крайности взволнованные, не могли даже продолжать своего судопроизводства.

Посовѣтовавшись между собою, они порѣшили предупредить намѣреніе пустынниковъ отправить посольство къ императору, опасаясь, какъ бы они не испортили дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ они нашли необходимымъ теперь же пріостановить судопроизводство, отложивъ его до тѣхъ поръ, пока Кесарій, возвратившись въ Константинополь, не получитъ дальнѣйшихъ предписаній отъ императора Ѳеодосія. Еллевихъ же пока останется въ Антіохіи. Объ этомъ своемъ рѣшеніи они объявили народу, и хотя обвиняемые оставлены были въ оковахъ и семейства тѣхъ, имущества которыхъ были конфискованы, оставались безъ крова, однако рѣшеніе это настолько обрадовало настрадавшійся народъ, что онъ, предаваясь самымъ радужнымъ надеждамъ, привѣтствовалъ его громкими рукоплесканіями и горячими благожеланіями сановникамъ. Кесарій въ эту же ночь отправился въ путь въ сопровожденіи только двухъ своихъ слугъ; сопровождать его вызывались было и пустынники, но онъ отклонилъ ихъ предложеніе. «Путешествіе это, сказалъ онъ, длинное и трудное; трудности его будутъ непосильны при вашихъ лѣтахъ, да и сопряженныя съ дорогою издержки въ настоящее время будутъ не подъ силу вамъ. Но я съ радостью готовъ взять съ собою письменное ходатайство отъ васъ».

Не многіе изъ пустынниковъ умѣли писать; да и говорить-то большинство изъ нихъ могли только по сирійски. Но Македоній составилъ краткое посланіе, въ которомъ умолялъ императора смиловаться, напоминая ему о его послѣднемъ днѣ, объ ожидавшемъ его судѣ Божіемъ. Подъ этимъ письмомъ другіе пустынники, умѣвшіе писать, подписали свои имена, а остальные поставили просто крестики и значки. Затѣмъ Кесарій двинулся въ путь. Онъ ѣхалъ и днемъ и ночью, ни разу не выходилъ изъ своей колесницы — чтобы подкрѣпиться пищею, отдохнуть или перемѣнить одежду, и такимъ образомъ въ шесть дней проѣхалъ восемьсотъ миль, отдѣлявшихъ Антіохію отъ Константинополя. Къ воротамъ Ѳеодосіева дворца онъ прибылъ въ полдень въ четвергъ, на четвертой недѣлѣ великаго поста; но тутъ онъ узналъ, что все дѣло уже было закончено. За восемь дней передъ тѣмъ епископъ Фла-

віанъ уже склонилъ сердце императора къ милости, и Антіохіи дано было прощеніе.

Когда престарѣлый святитель антіохійскій получилъ аудіенцію у императора, то онъ былъ подавленъ сознаніемъ трудности своего положенія. Өеодосій не придавалъ особеннаго значенія внѣшнему византійскому блеску, а явился запросто, и взошелъ на тронъ въ концѣ зала.

Это былъ крѣпкій, красивый испанецъ, окруженный стройными тѣлохранителями изъ готовъ, которыхъ онъ особенно любилъ, — бѣлолицыми величественными амалами и балтами съ ихъ золотыми воротниками, съ длинными прекрасными локонами, спускавшимися по плечамъ. Но и сквозь простоту просвѣчивало величіе императорской власти, дававшей о себѣ знать въ необыкновенномъ достоинствѣ всей его поступи, ясно обнаруживавшей въ немъ сознаніе того, что въ его рукахъ находилось «кормило всего». Изможденный лѣтами и поспѣшнымъ путешествіемъ, обремененный отвѣтственностью, тяжелою мыслью о своей возлюбленной умиравшей сестрѣ, которая такъ долго была единственнымъ существомъ, раздѣлявшимъ съ нимъ его одиночество и глаза которой, какъ онъ опасался, быть можетъ теперь уже на вѣки закрыты рукой чужихъ людей, Флавіанъ еще болѣе былъ удрученъ мыслью, что онъ теперь въ своей личности являлся представителемъ города, который былъ повиненъ въ такихъ преступленіяхъ противъ императорскаго величія, что едва ли и вправѣ былъ ожидать себѣ прощенія. Подавленный такими чувствами, онъ не смѣлъ даже приблизиться къ императору и, остановившись поодаль, на противоположномъ концѣ палаты, опустивъ глаза и склонивъ свою сѣдую голову, горько заплакалъ. Отъ охватившаго его волненія онъ не въ состояніи былъ даже говорить. Сердце Өеодосія клокотало отъ суровой ярости, но онъ не могъ вынести этого зрѣлища. Онъ сошелъ съ трона, подошелъ къ епископу, и взявъ старца за руку, ласково заговорилъ съ нимъ такимъ тономъ, что будто бы самъ нуждался въ какомъ нибудь оправданіи.

— Неужели я, сказалъ онъ, заслужилъ такого отношенія къ себѣ со стороны Антіохіи? Развѣ я не всегда былъ милостивъ къ этому городу, развѣ я не намѣревался даже лично посѣтить его? Или если даже у нихъ и была какая-нибудь причина обижаться на

меня, то всетаки зачѣмъ они оскорбили моего благороднаго отца, защитника имперіи? Зачѣмъ оскорбили моихъ безобидныхъ сыновей, а главнѣе всего, зачѣмъ они подвергли оскорбленіямъ милую императрицу, которую я любилъ такъ нѣжно и которую я потерялъ такъ недавно? Развѣ она не была воплощенной нѣжностью и добротой? Развѣ бѣдные и больные не пользовались ея особымъ попеченіемъ? Развѣ она, будучи императрицей, не посѣщала одна, безъ всякой свиты, больныхъ и бѣдныхъ? Развѣ ея голосъ не восходилъ ежедневно ко мнѣ въ пользу всего нѣжнаго и добраго? Это уже слишкомъ, отецъ! Это уже слишкомъ! Какъ могу я простить звѣрскую толпу, которая разбила въ куски образъ моей Флакциллы, и съ гнусными оскорбленіями влачила ее по улицамъ?

— Мы согрѣшили, съ плачемъ отвѣчалъ епископъ, когда наконецъ онъ въ состояніи былъ говорить. Мы признаемъ все твое великодушіе; мы ничѣмъ не можемъ отплатить тебѣ, кромѣ любви; мы не заслуживаемъ твоего состраданія или твоего прощенія. Лукавствомъ, обольщеніемъ и злобой діаволъ совратилъ народъ ко злу. Но — ахъ! прости, прости ихъ! Этимъ ты лучше всего можешь разрушить злое коварство демоновъ злобы. Когда діаволъ лишилъ человѣка рая, то развѣ Богъ не открылъ неба падшему роду? О, уподобься же Богу! Взоры всѣхъ іудеевъ, язычниковъ, грековъ и варваровъ въ Антіохіи обращены къ тебѣ. Если они увидятъ, что милость господствуетъ надъ судомъ и прощеніе утишаетъ гнѣвъ, то развѣ они не воскликнутъ всѣ въ одинъ голосъ: «о небо, какъ велика сила христіанства!» О, Государь! Вспомни о благодушіи мудраго Константина, когда его статуи подвергнуты были оскорбленію. Онъ только улыбнулся и, поднявъ руку къ челу, сказалъ, что онъ не чувствуетъ никакого вреда. Вспомни также и о твоей собственной нѣжности, когда ты, отпуская плѣнныхъ на свободу и даруя имъ жизнь воскликнулъ: «о, еслибы я могъ также возвратить и мертвыхъ!» Хуже землетрясеній, хуже пожаровъ были для насъ наши преступленія и твой гнѣвъ. Но вспомни о томъ днѣ, когда и самъ ты предстанешь предъ судилищемъ Того, Кто сказалъ: «Если вы прощаете человѣкамъ прегрѣшенія ихъ, то и Отецъ вашъ небесный проститъ вамъ согрѣшенія ваши». Прости же намъ нанесенное тебѣ оскорбленіе, какъ превѣчный

Богъ повседневно прощаетъ оскорбленія, которыя люди наносятъ Ему. Несмотря на эти оскорбленія, Онъ повелѣваетъ своему солнцу сіять на добрыхъ и злыхъ, своему дождю — падать на праведныхъ и неправедныхъ. Ты добръ и милостивъ: покажи же себя благороднѣе, чѣмъ заслуживаемъ мы. Иначе я уже никогда не возвращусь въ мой родной городъ, а сокрою мой стыдъ въ какомъ нибудь отдаленномъ мѣстѣ изгнанія.

Ѳеодосій былъ такъ глубоко тронутъ этими словами, что подобно Іосифу передъ своими братьями, онъ едва могъ удержаться отъ рыданій въ присутствіи всѣхъ царедворцевъ и долженъ былъ отвернуться, чтобы скрыть выступавшія на глазахъ слезы. Болѣе всего онъ былъ пораженъ тѣмъ доводомъ, что по отношенію къ антіохійцамъ онъ уподоблялся Богу, требующему милости и прощенія, и долженъ былъ простить, какъ именно всегда прощаетъ Богъ.

— О, воскликнулъ онъ, развѣ Христосъ распятъ былъ не тѣми самыми людьми, которыхъ Онъ пришелъ спасти? И однако Онъ простилъ ихъ! Не слѣдуетъ ли и мнѣ простить подобострастныхъ мнѣ людей?

Разъ его гнѣвъ былъ утишенъ, то онъ далъ полную свободу своему чувству.

— Возвратись домой, сказалъ онъ, Флавіану, возвратись со всевозможною скоростью; скажи, что я прощаю. Я отмѣняю тѣ постановленія, которыя послалъ съ Кесаріемъ и Еллевихомъ: Антіохія не будетъ разжалована, обвиняемымъ дано будетъ прощеніе!

Услышавъ эти слова, Флавіанъ былъ до такой степени подавленъ приступомъ неожиданной для сердца радости, что упалъ въ обморокъ и былъ подхваченъ на руки своей свитой. Придя въ себя, онъ закрылъ лицо руками и едва могъ прерывающимся голосомъ выразить благодарность Богу и императору. Въ качествѣ послѣдней милости онъ просилъ, чтобы ему позволено было взять съ собою въ Антіохію царственнаго отрока Аркадія, какъ залогъ милосердія и любви для ликующаго народа.

— Нѣтъ, сказалъ Ѳеодосій, я не могу послать его; но всѣ вознесите ваши молитвы за меня, чтобы моя война съ Максимомъ закончилась успѣшно; затѣмъ я лично посѣщу Антіохію

Спѣши, спѣши избавить народъ отъ бѣдственнаго состоянія неизвѣстности.

Крайнее утомленіе и немощи старости однако воспрепятствовали Флавіану безотлагательно отправиться въ путь, и поэтому съ радостною вѣстью отправленъ былъ въ Антіохію особый гонецъ. Мало того, Θеодосій послалъ съ нимъ даже собственноручное письмо, краткое, но исполненное доброты и достоинства, и въ немъ не столько тономъ разгнѣваннаго императора или даже оскорбленнаго отца, сколько тономъ друга, желающаго примиренія, онъ мягко укорялъ антіохійцевъ только за то, что они забыли, чѣмъ они обязаны и чѣмъ вообще весь міръ обязанъ былъ его возлюбленной Флакциллѣ.

Между тѣмъ, когда еще эта вѣсть не достигла Антіохіи, Іоаннъ не оставался празднымъ. Онъ продолжалъ свои восторженныя бесѣды въ соборѣ. Не въ правѣ ли онъ былъ гордиться тѣмъ, что единственное ходатайство о милосердіи въ пользу Антіохіи вышло отъ христіанъ? Никто изъ языческихъ вельможъ или ораторовъ и не подумали отправиться съ ходатайствомъ за народъ, а отправился лишь Флавіанъ, готовый, подобно доброму Пастырю, положить самую душу свою за овецъ своихъ. Не позаботились о судьбѣ несчастнаго города и длиннобородые, самовозносящіеся языческіе циники въ своихъ длинныхъ философскихъ плащахъ. Они поспѣшили поскорѣе выбраться изъ города, заботясь только о спасеніи своего имѣнія и себя самихъ; а вотъ иноки, подобно ангеламъ, спустившись съ своихъ пустынныхъ высотъ, устрашили величіе меча и скипетра славою христіанской святости. «И теперь почему, спрашивалъ онъ, вы такъ неблагодарны и жалки, что повергаетесь въ малодушный ропотъ по поводу угрожающаго вамъ наказанія, хотя оно гораздо менѣе сурово, чѣмъ то, какого вы опасались? Не должны ли вы скорѣе предаться славословію и воспѣть: благословенъ Господь Богъ Израилевъ, посѣтившій и избавившій народъ свой». Подобно дѣтямъ вы кричите: «несчастная Антіохія! Какъ ты опозорена!» Опозорена? Что же именно позоритъ городъ? Его позорятъ пороки, распущенность, алчность, жестокость, пьянство, а не лишеніе предоставленныхъ ему преимуществъ. «Но Антіохія потеряла свою славу!» — Дѣти вы, и только! Въ чемъ ея слава? Ея слава заключается не въ дворцахъ

и не въ статуяхъ, не въ мраморныхъ улицахъ и веселыхъ колонадахъ, не въ рощѣ Дафны, не въ ея фонтанахъ и кипарисахъ, не въ ея мягкомъ воздухѣ и многочисленномъ населеніи; нѣтъ, — а въ такихъ ея добродѣтеляхъ, какія явились плодомъ христіанства. А это такая слава, съ которою не можетъ равняться даже Римъ, потому что здѣсь именно ученики Христа впервые стали называться христіанами!»

Труды Іоанна не ограничивались бесѣдами. Въ его душѣ постоянно звучали слова: «Я былъ въ темницѣ и вы посѣтили Меня». И онъ отправился въ переполненную городскую тюрьму, чтобы утѣшать узниковъ, главнѣе всего сокрушаясь о бѣдномъ мальчикѣ, судьба котораго надрывала ему его нѣжное сердце. Его провели къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Филиппъ; мѣсто это было до тѣсноты переполнено и другими жертвами, главнымъ образомъ, изъ низшихъ классовъ народа. Воздухъ былъ насыщенъ гнилыми ядовитыми испареніями; всѣ находились въ ужасной бѣдственности и истомленіи; за узниками не было ни малѣйшаго присмотра, между ними совершались всякія мерзости и вдобавокъ всего—имъ недоставало и здоровой пищи. И тутъ-то въ одномъ углу, подобно восковой фигурѣ, лежалъ бѣдный мальчикъ, больной, слабый, едва въ состояніи говорить и пожалуй находившійся уже на краю гроба. Душа Іоанна была тронута смѣшаннымъ чувствомъ скорби и негодованія, когда онъ увидѣлъ его въ такомъ положеніи.

Проговоривъ ему на ухо нѣсколько словъ молитвы и утѣшенія, онъ прямо отсюда отправился къ Еллевиху, и выразивъ желаніе взять Филиппа на поруки, просилъ императорскаго уполномоченнаго позволить ему взять къ себѣ мальчика. Сердце Еллевиха уже въ значительной степени смягчилось всѣмъ тѣмъ, что ему пришлось видѣть, и онъ немедленно написалъ приказъ въ этомъ смыслѣ. Больной мальчикъ былъ бережно положенъ на мягкія носилки и отнесенъ въ домъ пресвитера, и тамъ Анфуса ухаживала за нимъ съ чисто материнскою заботливостью и любовію, какъ будто это былъ ея собственный сынъ. Благодаря ея нѣжному уходу молодая жизнь начала опять разцвѣтать, подобно цвѣтку, который, будучи помятъ бурею, вновь оживаетъ подъ благотворнымъ вліяніемъ росы и солнечнаго свѣта.

На пятой недѣлѣ великаго поста изъ Константинополя при-

былъ нарочитый гонецъ. Увѣнчанный оливами и миртами, онъ несъ въ рукѣ масличную вѣтвь и народъ уже зналъ, что онъ привезъ добрыя вѣсти. Еллевихъ немедленно же объявилъ народу о полномъ прощеніи со стороны императора, и этимъ вызвалъ такую радость въ народѣ, что выраженій ея не могли стѣснить даже всѣ строгости великопостняго времени. По всѣмъ улицамъ были накрыты столы и всѣ приняли участіе въ общественномъ пиршествѣ. Самъ Еллевихъ съ гирляндою на челѣ шествовалъ по главнымъ улицамъ среди восторженныхъ криковъ толпы. Рядомъ съ нимъ былъ и Ливаній, который, то и дѣло останавливаясь, произносилъ свои краснорѣчивыя рацеи, составленныя имъ отчасти съ цѣлію тронуть или благодарить Θеодосія, а отчасти въ похвалу Еллевиха и Кесарія. Антіохія, вновь оживъ, чувствовала, что она опять возвратилась къ прежнему состоянію. Народъ то здѣсь, то тамъ упрашивалъ Еллевиха сдѣлать ему честь своимъ личнымъ участіемъ въ ихъ пиршествѣ и присѣсть, и всѣ были внѣ себя отъ радости, когда онъ дѣйствительно сѣлъ за столъ и вмѣстѣ съ другими милостиво откушалъ нѣсколько рыбы.

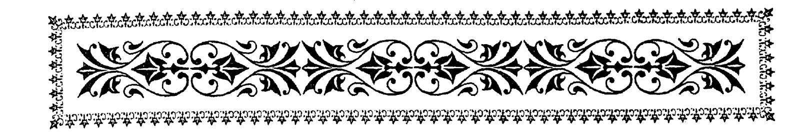
Наконецъ, наканунѣ пасхи въ городъ прибылъ и самъ Флавіанъ. Встрѣчать его вышелъ весь городъ и теперь народъ массами слѣдовалъ за нимъ или вѣрнѣе, сказать, увлекалъ его своимъ огромнымъ потокомъ, потрясая воздухъ криками благодарности и привѣтствій. Общественныя бани были открыты. Подъ открытымъ небомъ происходили пиршества, всѣ дома были нарядно убраны гирляндами и флагами. Въ теченіе всей ночи по улицамъ города горѣла великолѣпная иллюминація, и нѣжное сердце престарѣлаго епископа было еще болѣе обрадовано, когда онъ узналъ, что сестра его была еще жива.

Никогда еще пасхальная заря не загоралась такъ ярко надъ Антіохіей. Многимъ изъ народа казалось, будто они вмѣстѣ со Христомъ воскресли изъ мертвыхъ. Церковь не въ состояніи была вмѣстить народа, тысячами тѣснившагося въ нее; солнце ласково сіяло своими лучами на массы гирляндъ и лавровыхъ вѣтвей. При этомъ именно случаѣ Іоаннъ и произнесъ свою знаменитую бесѣду, въ которой подробно описалъ все посланничество Флавіана, и говоря о проявленіяхъ радости, когда вся городская площадь была убрана вѣнками и множествомъ свѣтильниковъ, а по улицамъ

повсюду разставлены лежанки для пиршества, онъ увѣщевалъ ихъ соединить съ этимъ пиршествомъ и другое благочестивое пиршество, именно, увѣнчать себя розами добродѣтели и зажечь въ чистыхъ душахъ свѣтильники мудрости и благочестія. Затѣмъ, когда показался и самъ Флавіанъ, вышедшій съ освященными дарами въ рукахъ, то хоръ запѣлъ радостно торжественную пѣснь. Сыновья обвились руками вокругъ шеи своихъ отцовъ, жизнь которыхъ была спасена. Счастливыя матери прижимали къ грудямъ своихъ ликующихъ дѣтей.

Когда по окончаніи торжественнаго богослуженія Іоаннъ возвратился домой и передалъ радостную вѣсть Филиппу, то слабая улыбка впервые промелькнула на блѣдномъ лицѣ мальчика. Онъ крѣпко схватилъ руку пресвитера и беззвучнымъ пожатіемъ выражалъ свою благодарность, когда ему сказали, что опасность для него миновала навсегда и что отселѣ домъ Іоанна и Аноусы онъ долженъ считать своимъ роднымъ домомъ.

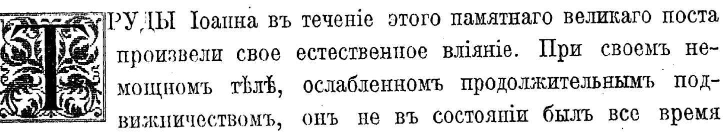

ГЛАВА IX.

Крещеніе Филиппа.

Изъ купели святой
Онъ вышелъ свыше возрожденный...

Труды Іоанна въ теченіе этого памятнаго великаго поста произвели свое естественное вліяніе. При своемъ немощномъ тѣлѣ, ослабленномъ продолжительнымъ подвижничествомъ, онъ не въ состояніи былъ все время съ одинаковою силою выдерживать страшное напряженіе ума и чувства, какъ оно вызывалось событіями послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, и потому заболѣлъ. Это было неудивительно, потому что, когда онъ велъ жизнь пустынника, то въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, посвящая себя изученію священнаго писанія, никогда даже не ложился спать. Слѣдствіемъ этого была постоянная слабость, а послѣ страшныхъ напряженій этого времени онъ и совершенно заболѣлъ. Крайнее утомленіе вынудило его не выходить изъ комнаты и даже слечь въ постель.

Но вотъ теперь онъ пожиналъ плоды своей отеческой доброты къ Филиппу. Мальчикъ совершенно оправился отъ послѣдствій жестокаго бичеванія, и въ виду прощенія, дарованнаго городу, всякая опасность для него миновала; между тѣмъ онъ остался круглымъ сиротою — послѣ смерти матери, которая умерла отъ разрыва сердца во время ужасовъ, послѣдовавшихъ за казнью ея мужа. Правда, она оставила ему небольшое наслѣдство, но у него не было ни дома, ни вообще какого бы то ни было пристанища. Поэтому Іоаннъ и Анѳуса порѣшили принять Филиппа

къ себѣ въ домъ, и хотя онъ номинально числился слугою, но въ дѣйствительности Іоаннъ относился къ нему съ истинно отеческою любовію, какъ сыну. Отецъ его Ерма далъ мальчику хорошее воспитаніе; онъ имѣлъ въ виду со временемъ сдѣлать изъ него ритора по профессіи и даже мечталъ сдѣлать его ученикомъ знаменитаго, всѣми восхваляемаго Ливанія. Между тѣмъ дѣла его пошатнулись, планы его разстроились и невозможность осуществить свое предположеніе касательно сына, которымъ онъ чрезвычайно гордился, особенно и воспламенили въ Ермѣ ярость противъ императора, котораго онъ считалъ виновникомъ своего разоренія. И эта именно ожесточенность и побудила его безразсудно предаться мятежу, который послужилъ причиною его столь несчастной кончины.

Филиппъ скоро почувствовалъ глубокую любовь къ своему покровителю, а добрая Анѳуса замѣняла для него потерянную имъ мать. Когда Іоаннъ отъ утомленія слегъ въ постель, то Филиппъ нѣжно ухаживалъ за нимъ, помогая ему во всѣхъ его нуждахъ. Онъ читалъ для него, или бесѣдовалъ съ нимъ, а когда пресвитеръ былъ слишкомъ утомленъ даже для этого, то молча сидѣлъ у его постели, предупреждая всѣ его желанія. Доселѣ онъ все еще оставался язычникомъ; но когда онъ читалъ своему покровителю Евангеліе и Дѣянія Апостольскія и съ любопытствомъ задавалъ ему разные вопросы, и даже принималъ участіе въ молитвахъ и религіозныхъ упражненіяхъ этого благочестиваго семейства, то въ душѣ его начала загораться заря христіанства. Его жизнь теперь уже совершенно не походила на ту, какую онъ велъ въ прежнее время, когда онъ бывало беззаботно распѣвалъ пѣсни съ своими товарищами по школѣ, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми кричалъ въ циркѣ или со смѣхомъ смотрѣлъ на разныя уличныя зрѣлища. Такая жизнь веселыхъ увлеченій уже потеряла для него свою прелесть. Страшная потеря отца и печальная смерть матери, угрожавшая его собственной жизни опасность, его разговоръ съ Македоніемъ среди безмолвія величавыхъ горъ, вторичный его арестъ, страшныя испытанія отъ бичеванія и въ тюрьмѣ — все это произвело отрезвляющее вліяніе на воспріимчивую натуру даровитаго мальчика. Въ тоже время онъ уже успѣлъ познакомиться съ наиболѣе привлекательной стороной новой вѣры. Чудесная цѣломудренность и величавое достоинство христіанъ, внушаемая ихъ вѣрою тихая ра-

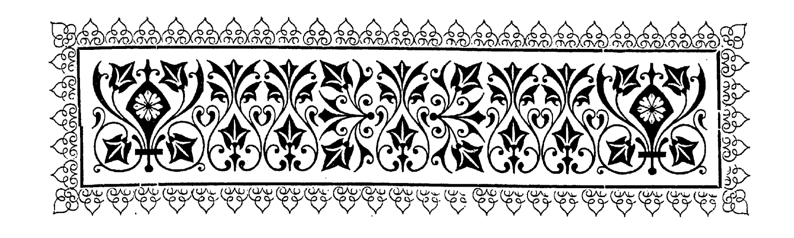
достность, совершенно чуждая даже и тѣни какой бы то ни было распущенности (столь обычной въ язычествѣ), — все это манило его, такъ сказать, броситься въ открытыя ему священныя объятія новой вѣры. Одно только еще удерживало его, именно память о столь любившемъ его отцѣ. Въ домѣ Іоанна пресвитера онъ совсѣмъ не видѣлъ той невообразимой скуки, которая такъ часто омрачала жизнь язычниковъ. Разочаровавшись въ старомъ, привлекаемый счастливою свѣжестью новаго, онъ изо дня въ день почти съ незамѣтною постепенностью, все болѣе привязывался къ христіанству, — подобно тѣмъ счастливымъ оглашаемымъ, съ которыми ему пришлось провести нѣсколько времени въ монастырѣ Діодора. Пресвитеръ не хотѣлъ ускорять дѣйствій благодати Божіей въ сердцѣ мальчика. Онъ ожидалъ какого нибудь новаго знаменія съ неба.

И это знаменіе явилось совершенно естественно и однако такимъ способомъ, въ которомъ нельзя было не видѣть прямаго участія божественной длани. Филиппъ однажды читалъ евангельское повѣствованіе о томъ, какъ юный Христосъ найденъ былъ среди ученыхъ раввиновъ въ храмѣ, и ночью ему снилось, что этотъ самый отрокъ Христосъ явился ему съ такимъ же яснымъ и радостнымъ ликомъ, съ какимъ любили изображать его христіане въ своихъ катакомбахъ, и сказалъ ему: «Радуйся, возлюбленный Мой!» Крайне удивленный Филиппъ, не узнавая говорящаго, спросилъ Его: «Кто ты? я не знаю тебя?» — «Какъ же ты не знаешь Меня, сказалъ явившійся, когда Я такъ часто бываю съ тобою, хожу съ тобою, куда бы ты ни пошелъ? Взгляни Мнѣ въ лицо и посмотри, что на немъ написано?» Филиппъ взглянулъ и увидѣлъ надпись: «Іисусъ Назарянинъ». — «Вотъ Мое имя», сказалъ явившійся, «напиши его себѣ на челѣ и оно будетъ охраною для тебя».

Филиппъ былъ такъ пораженъ этимъ сновидѣніемъ, что смущался даже разсказать о немъ Іоанну, опасаясь, какъ бы его не сочли за самомнящаго выдумщика; но видѣніе наполнило его сердце невыразимою сладостью. Чрезъ нѣсколько дней потомъ онъ читалъ въ Евангеліи отъ Іоанна послѣднія бесѣды Христа, въ которыхъ скорбь и радость сочетаются съ истинно божественною и чудесною красотою и которыя «унизаны тайнами, какъ изумрудами».

Особенно глубокое впечатлѣніе произвели на него поразительныя слова: «Такъ долго Я былъ съ вами и ты не знаешь Меня, Филиппъ?» Въ этомъ обращеніи къ апостолу, носившему одинаковое съ нимъ имя, онъ невольно увидѣлъ укоръ и самому себѣ. Въ эту самую ночь ему снилось опять, что Іисусъ Христосъ явился ему во всемъ своемъ величіи, но въ то-же время съ тономъ чудесной нѣжности въ голосѣ сказалъ ему: «Такъ долго Я былъ съ тобою, и ты еще не знаешь Меня, Филиппъ?» Пораженный невыразимою нѣжностью этого голоса и взгляда, Филиппъ отвѣчалъ во снѣ: «Господи, если Ты хочешь взять меня, то я Твой, и отселѣ буду Твоимъ навсегда!»

Сонъ этотъ онъ съ крайнимъ смущеніемъ разсказалъ Іоанну и просилъ принять его въ число оглашаемыхъ. Іоаннъ съ восторгомъ благодарственнаго сердца обнялъ его и эта радость по случаю обращенія въ христіанство даровитаго юноши благотворно отозвалась даже на его выздоровленіи. Съ этого времени Филиппъ усердно поучался въ христіанской вѣрѣ, и затѣмъ, когда наступило время, одѣтый въ бѣлыя одежды принялъ крещеніе въ церкви св. Вавилы въ присутствіи и при любящемъ попеченіи Анѳусы и Іоанна. По этому случаю даже прибылъ изъ своей горной пещеры самъ Македоній и, выступая въ качествѣ крестнаго отца, плакалъ отъ радости, видя духовное просвѣщеніе юнаго бѣглеца, которому онъ когда-то, по настоянію Анѳусы, далъ временное убѣжище въ своей мрачной пещерѣ. Да и кромѣ Филиппа многіе язычники теперь склонились къ христіанской вѣрѣ, пораженные любовью и самоотверженіемъ, которыя столь блистательно были проявлены во время пережитаго общественнаго бѣдствія какъ христіанами вообще, такъ и ихъ доблестнымъ пастыремъ въ особенности.

ГЛАВА X.

Счастливѣйшіе годы.

Labitur et labatur in omne volubilis aevum *).

Horatius.

Счастливые годы плодотворной и благословенной дѣятельности, наступившіе для Іоанна послѣ незабвенныхъ событій 387 года, быстро проносились. Это были самые спокойные и безмятежные годы въ его жизни. Онъ проводилъ ихъ въ исполненіи высочайшихъ обязанностей своей священной должности, писалъ и проповѣдывалъ. До насъ дошло отъ этого времени двѣсти бесѣдъ, которыя служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ его неутомимой дѣятельности за эти годы. Какъ проповѣдникъ онъ, увлекая слушателей своимъ очаровательнымъ ораторствомъ, еще болѣе назидалъ ихъ во Христѣ, безбоязненно изобличая всѣ виды модной порочности; прямотою своей рѣчи и возвышенною непреклонностью своихъ обличеній онъ даже надѣлалъ себѣ враговъ. Но онъ чувствовалъ бы себя виновнымъ предъ своею совѣстью, если бы дѣйствовалъ иначе. Онъ зналъ, что дружба съ міромъ есть вражда съ Богомъ, и тѣ бурныя рукоплесканія, которыми часто народъ награждалъ его за его восторженныя рѣчи, скорѣе смущали его, чѣмъ нравились

1 Быстро летятъ неуловимые годы...

Горацій.

ему. Онъ опасался, чтобы нравственный урокъ не терялся отъ этого умственнаго возбужденія и чтобы стрѣлы его молніеносныхъ обличеній не проносились только предъ воображеніемъ, не затрогивая самаго внутренняго существа обличаемыхъ. Но если онъ и пріобрѣлъ себѣ нѣсколько ожесточенныхъ враговъ, зато какъ въ церкви, такъ и въ мірѣ было много и такихъ, которые глубоко любили его и всецѣло преданы были ему и онъ, чувствуя себя счастливымъ, самою скромностью своего сравнительно не высокаго сана не особенно возбуждалъ и ненависть враждебныхъ ему лицъ.

Главною цѣлью, на достиженіе которой онъ не щадилъ усилій и трудовъ, было глубочайшее желаніе превратить антіохійцевъ изъ номинальныхъ христіанъ въ дѣйствительныхъ. По отношенію къ язычникамъ онъ былъ кротокъ и великодушенъ и, понимая ихъ затрудненія, старался склонить ихъ къ христіанской вѣрѣ силою своихъ доводовъ и красотою своего религіознонравственнаго идеала. Онъ дѣлалъ все, что было возможно для него, чтобы отвращать христіанъ отъ языческой испорченности, которая отовсюду начала вторгаться и въ среду христіанскаго общества, — отсюда его энергическія предостереженія противъ пьянства, роскоши свадебныхъ и погребальныхъ церемоній и пиршествъ, противъ вѣры въ разные употреблявшіеся въ то время амулеты и тѣхъ безнравственныхъ оргій, которыми нерѣдко, странно сказать, омрачались подъ вліяніемъ остатка языческихъ суевѣрій ночныя празднества въ честь даже христіанскихъ святыхъ.

Но въ своихъ проповѣдяхъ онъ не ограничивался одними только нравственными наставленіями. Антіохія была полна всякаго рода заблужденій, и онъ боролся съ ними, стараясь опровергать ихъ, хотя и не съ рѣзкостью и желчностью не стѣсняющагося въ своихъ средствахъ полемиста, а добросовѣстнымъ, честнымъ и всестороннимъ обсужденіемъ спорныхъ вопросовъ.

Въ теченіе этихъ же лѣтъ онъ особенно расширилъ свой и безъ того огромный запасъ библейскихъ знаній и обогатилъ христіанскую литературу безсмертными по своей ясности и критической проницательности толкованіями на многія книги св. Писанія. Хотя его толкованія не отличались такою ученостью, какъ толкованія блаж. Іеронима, однако при своей необыкновенной ясности, простотѣ и содержательности они оказали гораздо болѣе плодотворное вліяніе

на сознаніе христіанскаго міра, чѣмъ всѣ другія толкованія, написанныя въ теченіе послѣдующаго тысячелѣтія.

Конечно эти счастливые годы нерѣдко омрачались естественными скорбями, неразлучными съ нашею земною жизнью. Такъ онъ испыталъ величайшую скорбь по случаю кончины своей матери Анѳусы, безграничную любовь и попеченія которой онъ вознаграждалъ нѣжнѣйшею сыновнею привязанностью. Хотя смерть ея во многихъ отношеніяхъ была невознаградимою для него утратою, однако и послѣ нея его житейская обстановка не измѣнилась. Послѣ Анѳусы остались около него вѣрные и преданные слуги, да и Филиппъ, теперь уже ставшій красивымъ юношей, полнымъ жизни, здраваго смысла и практическихъ способностей, неотлучно находился при немъ, помогая ему въ трудахъ, облегчая бремя его служенія и избавляя его отъ заботы объ утомительныхъ подробностяхъ, былъ его скорописцемъ и въ часы досуга развлекалъ его блескомъ своей невинной веселости. Филиппъ могъ бы получить посвященіе въ должность чтеца, но онъ не хотѣлъ этого. Въ лицѣ Іоанна онъ видѣлъ лучшее воплощеніе христіанскаго священнослужителя, какое только онъ когда либо надѣялся видѣть, и добрый юноша зналъ, что, помогая ему въ трудахъ и облегчая ему жизнь, онъ могъ оказать гораздо большую услугу міру, чѣмъ своею самостоятельною дѣятельностью. Съ теченіемъ времени старые друзья Іоанна умерли. Его христіанскій наставникъ Діодоръ Тарсійскій умеръ въ 394 году, его языческій учитель Ливаній—въ 395 году; но благодаря сердечному общенію съ Филиппомъ онъ избавленъ былъ отъ одиночества, да и младшіе товарищи Филиппа, которые по его примѣру всѣ льнули сердцемъ къ великому пресвитеру, также любили его, и такъ сказать «вѣнкомъ своей юной и веселой восторженности» озаряли его многоиспытавшую душу.

Между тѣмъ Іоаннъ съ глубочайшимъ интересомъ, часто и не безъ мрачныхъ опасеній замѣчалъ, какъ на ясномъ горизонтѣ будущаго, и въ церковной, и въ гражданской области, надвигались угрожающія тучи. Чрезъ годъ послѣ мятежа онъ былъ обрадованъ побѣдою, которую Ѳеодосій одержалъ надъ узурпаторомъ Максимомъ. Этотъ негодный искатель приключеній былъ однимъ изъ соучастниковъ въ умерщвленіи юнаго императора Граціана и по наущенію испанскихъ епископовъ, къ великому огорченію святаго

Амвросія и Мартина Турскаго, первый допустилъ то печальное нововведеніе, въ силу котораго христіане стали умерщвлять своихъ же собратьевъ христіанъ изъ-за разногласія въ мнѣніяхъ. Θеодосій разбилъ узурпатора въ двухъ большихъ битвахъ и прогналъ его въ Аквилею; тамъ Максимъ былъ схваченъ своими собственными воинами, которые снявъ съ него пурпурныя одежды и пурпурныя сандаліи, сорвавъ пурпурную, блиставшую драгоцѣнными камнями діадиму съ чела и связавъ по рукамъ и по ногамъ, привели его къ Θеодосію. Это было 25 августа 388 года, почти чрезъ пять лѣтъ послѣ того дня, когда той же самой участи подвергнутъ былъ умерщвленный имъ Граціанъ. Θеодосій посмотрѣлъ на пораженнаго ужасомъ узурпатора со смѣшаннымъ чувствомъ сожалѣнія и презрѣнія и, сдѣлавъ ему нѣсколько презрительныхъ вопросовъ, отпустилъ его, не рѣшивъ его судьбы. Тогда захватившіе его въ плѣнъ воины распорядились съ нимъ собственнымъ судомъ и, выведя его изъ императорской ставки, отрубили ему голову. Андрагаθій, корабленачальникъ Максима и дѣйствительный убійца Граціана, услышавъ о пораженіи своего государя, утопился въ Адріатическомъ морѣ. Амвросій, о дѣлахъ котораго Іоаннъ всегда слушалъ съ величайшемъ интересомъ и восторгомъ, упросилъ Θеодосія даровать милость остальной массѣ побѣжденныхъ.

Но скоро стали приходить и другія, еще болѣе мрачныя и глубоко потрясающія извѣстія. 390-й годъ ознаменовался страшнымъ событіемъ. Жители города Θессалоники отличались необычайною страстью къ конскимъ ристалищамъ. Около этого времени они съ яростью возстали противъ своего правителя Ботериха за то, что онъ по жалобѣ своего виночерпія заслуженно наказалъ любимаго народомъ всадника, позволившаго себѣ одну изъ тѣхъ безобразныхъ выходокъ, которыя были язвою языческой древности. Отказавшись выпустить этого любимца народа изъ тюрьмы, Ботерихъ палъ жертвою ярости черни, которая, умертвивъ его и многихъ изъ его главныхъ сановниковъ, тѣла ихъ со всевозможными оскорбленіями влачила по улицамъ. Въ этомъ гнусномъ преступленіи было все, что только могло возбудить крайній гнѣвъ Θеодосія. Онъ любилъ Θессалонику: тамъ онъ когда-то долго жилъ; тамъ онъ былъ крещенъ, и вообще постоянно и открыто оказы-

валъ разныя милости этому городу. И вотъ теперь распущенная чернь звѣрски умертвила его личнаго друга, его отвѣтственныхъ сановниковъ; извѣстіе объ этомъ привело его въ одинъ изъ тѣхъ припадковъ ярости, къ какимъ только способна была его вспыльчивая испанская натура.

Наконецъ, внѣ себя отъ ярости, Ѳеодосій совершилъ одно изъ самыхъ ужасныхъ преступленій, которымъ глубоко запятналъ свою жизнь. Въ Ѳессалоникѣ должны были состояться новыя грандіозныя ристалища въ циркѣ, и онъ, зная, что народъ соберется на это зрѣлище цѣлыми тысячами, издалъ приказъ, достойный какого-нибудь Калигулы или Нерона. Именно онъ распорядился, чтобы, когда народъ соберется въ циркъ, двери цирка были немедленно заперты и воины, войдя въ зданіе, должны были произвесть поголовное избіеніе, не различая виновныхъ отъ невинныхъ. Но какъ только его безумный гнѣвъ нашелъ полное удовлетвореніе въ подобномъ ужасномъ приказѣ, Ѳеодосій раскаялся и, самъ испугавшись своей безчеловѣчной жестокости, немедленно отправилъ гонца съ цѣлію предупредить дѣло кровавыхъ мстителей.

Но наши слова и дѣла, какъ бы въ наказаніе за нашу необдуманность, часто оказываются невозвратимыми, чтобы сдѣлаться мстительной фуріей и терзать нашу совѣсть. Раскаяніе Ѳеодосія оказалось слишкомъ запоздалымъ, чтобы можно было предупредить послѣдствія ужаснаго злодѣянія.

Страшный приказъ былъ приведенъ въ исполненіе раньше, чѣмъ пришло извѣстіе о его отмѣнѣ. Въ Ѳессалоникѣ не было ни Флавіана, ни Іоанна, которые могли бы вступиться за избиваемыхъ, да и самое злодѣяніе было совершено раньше, чѣмъ стало о немъ извѣстно въ болѣе или менѣе широкой окрестности, гдѣ могли бы оказаться самоотверженные ходатаи за злополучный городъ, въ родѣ Антіохійскихъ отшельниковъ.

Совершившееся злодѣяніе представляло собою одно изъ самыхъ ужасныхъ зрѣлищъ, о какихъ только свидѣтельствуетъ исторія. Внезапно, съ обнаженными мечами, войдя въ переполненный народомъ циркъ, воины стали безпощадно избивать всѣхъ, не различая невинныхъ отъ виновныхъ, гражданъ отъ случайныхъ посѣтителей города, молодыхъ отъ старыхъ, и это ужасное избіеніе продолжалось безостановочно, пока не притупились мечи, не ужаснулась совѣсть самихъ убійцъ,

не опустились ихъ руки и глаза не отуманились кровавой мглой, приведшей у нихъ самихъ въ ужасное изступленіе. Ударами палицъ сваливая всѣхъ попадавшихся на полъ, они произали ихъ мечами, убивали даже малютокъ у груди ихъ матерей, и это продолжалось дотолѣ, пока не остались только истекающія кровію страшныя кучи окровавленныхъ тѣлъ, въ которыхъ живые корчились въ предсмертныхъ судорогахъ среди убитыхъ, и ужасное безмолвіе смерти не восторжествовало надъ изступленными криками агоніи и страха. Это непостижимое по своей звѣрской жестокости, адское дѣло продолжалось въ теченіе трехъ часовъ. Одинъ историкъ говоритъ, что въ это время погибло до пятнадцати тысячъ человѣкъ; но даже, если принять самый низкій разсчетъ, то число погибшихъ жертвъ будетъ не менѣе семи тысячъ человѣкъ! По истинѣ совершенное преступленіе не могло не заставить его виновника, христіанскаго императора, подъ вліяніемъ страшныхъ угрызеній совѣсти воскликнуть вмѣстѣ съ полуночнымъ убійцей:

Всѣ воды океана могутъ ли смыть кровь
Съ моихъ преступныхъ рукъ? Нѣтъ эти руки
Скорѣй все море окровавятъ необъятное,
И море синее багровымъ станетъ *).

Ужасная вѣсть объ этомъ дошла и до антіохійцевъ. И они также могли бы подвергнуться подобной участи, если бы голосъ христіанскаго святителя не смягчилъ бушующаго гнѣва императора. Іоаннъ съ глубочайшею сердечною болью услышалъ объ этомъ ужасномъ злодѣяніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не найти облегченіе своей душевной мукѣ при извѣстіи о томъ, какъ безбоязненный Амвросій, архіепископъ медіоланскій, не смотря на то, что былъ подавленъ стыдомъ и горемъ, съумѣлъ поддержать нарушенныя права человѣчности; какъ въ лицѣ его грозно возстало предъ кающимся императоромъ живое воплощеніе угрызеній его совѣсти; какъ онъ написалъ ему секретное письмо, исполненное достоинства и такта, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличающееся тономъ строгой непреклонности, на подобіе посланія ветхозавѣтнаго пророка; какъ онъ отказалъ ему въ святомъ причастіи, какъ даже отказался допустить его въ церковь безъ публичнаго покаянія;

---

*) Изъ трагедіи Шекспира „Макбетъ“.

какъ онъ оттолкнулъ отъ вратъ медіоланскаго храма первѣйшаго человѣка во всемъ мірѣ!

Совѣсть самого императора съ своей стороны поддерживала укоры, высказанные великимъ архіепископомъ. Руки, обагренныя невинною кровью, не въ состояніи были поразить своего судью. Ѳеодосій подъ вліяніемъ своего злого вспыльчиваго характера, по временамъ могъ выходить изъ себя; но онъ не могъ дѣйствовать какъ преднамѣренный тиранъ. Онъ подчинился возложенному на него покаянію. Послѣ продолжительнаго отлученія отъ церкви, Амвросій потребовалъ отъ него возстановленія превосходнаго закона Граціонова, которымъ постановлялось, чтобы всегда между приговоромъ и наказаніемъ проходилъ тридцатидневный періодъ времени. И затѣмъ императоръ, снявъ съ себя всѣ знаки царственности и повергшись на землю, оплакивалъ грѣхъ, въ который онъ былъ введенъ, и громко взывалъ: «Душа моя прилѣпляется къ праху; оживи меня по слову Твоему!»

Къ счастью, Амвросію приходилось имѣть дѣло съ императоромъ, который былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ, — человѣкъ способный и не глухой къ велѣніямъ совѣсти. Такая личность, какъ его министръ Руфинъ, могла бы совершенно не обратить вниманія на церковное наказаніе. Однажды, найдя императора обливающимся слезами, Руфинъ не могъ даже скрыть презрительной улыбки, промелькнувшей у него на лицѣ. «Ты смѣешься, сказалъ Ѳеодосій, потому что ты не чувствуешь моей бѣдственности. Церковь Божія открыта и рабамъ и нищимъ; а для меня она закрыта, а съ нею закрыты и врата небесныя!»

392-й годъ былъ омраченъ убійствомъ молодого императора Валентиніана II, который найденъ былъ мертвымъ умерщвленный, какъ потомъ оказалось, франкомъ Арбогастомъ. Іоаннъ поскорбѣлъ о его печальной участи. Это былъ императоръ, который пользовался императорскою властью съ самаго своего дѣтства, но которому его царственное наслѣдство не принесло ничего, кромѣ бѣдствія. Ему приходилось терпѣть всевозможныя бѣдствія — страхъ, бѣгство, изгнанничество, различныя опасности, и все это только для того, чтобы сдѣлаться игрушкою въ рукахъ дерзкаго варвара. Онъ былъ преданъ Амвросію, котораго жаждалъ повидать еще разъ, и серьезно старался о томъ, чтобы освободиться отъ всякихъ ошибокъ и за-

блужденій своего отрочества. Когда онъ однажды гулялъ въ своемъ саду на берегахъ Роны въ городѣ Вьеннѣ, Арбогастъ задушилъ этого кроткаго неповиннаго мальчика и повѣсилъ его тѣло на сукѣ дерева на его собственномъ платкѣ, чтобы заставить другихъ предполагать, будто онъ совершилъ самоубійство. Когда убійца напалъ на него, то онъ произнесъ имя Амвросія и закричалъ: «увы! что станется съ моими бѣдными сестрами»? Арбогастъ, будучи варваромъ, не посмѣлъ провозгласить самого себя императоромъ, но выбралъ для этого ничтожнаго ритора Евгенія, въ качествѣ наиболѣе подходящаго болвана, на которомъ безопасно можно было повѣсить императорскую порфиру. Глубоко осуждаемый церковью, Арбогастъ и его призрачный императоръ могли просуществовать лишь короткое время, тѣмъ болѣе, что они выступали поборниками аріанства и язычества. Въ 394 году Θеодосій двинулся въ Италію, причемъ между другими однимъ изъ его союзныхъ военачальниковъ былъ молодой Аларихъ, и разбилъ войско мятежника въ знаменитой битвы при Фригидѣ. Евгеній былъ преданъ смерти, а Арбогастъ, бѣжавъ въ горы, въ отчаяніи палъ тамъ на собственный мечъ.

Затѣмъ до Іоанна дошло тревожное извѣстіе, что 16 января 395 года великій Θеодосій издалъ послѣдній свой вздохъ въ объятіяхъ Амвросія, оставивъ свою имперію въ состояніи какъ бы полуразрушенной морской стѣны, окончательно добиваемой яростнымъ напоромъ варваровъ, которые отовсюду надвигались, грабя и опустошая города и села. Въ царствованіе его двухъ осиротѣлыхъ сыновей — до тупости апатичнаго Аркадія, которому было теперь восемнадцать лѣтъ и злобно мрачнаго Гонорія, который былъ лѣтъ на пять моложе, нельзя было ожидать ничего хорошаго. Имперія была подѣлена между ними, чтобы потомъ уже никогда не объединяться. Преемниками храбраго и прямодушнаго испанскаго воина сдѣлались слабые, апатичные мальчики, одинъ угрюмый и тупой, а другой болѣзненный и почти идіотъ; ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи былъ разумно продолжать дѣятельность своего отца, и выходили изъ тупой апатіи развѣ только подъ вліяніемъ случайныхъ приступовъ кровожадной зависти къ людямъ, своимъ величіемъ слишкомъ затѣнявшимъ ихъ ничтожество. Оба они остались подъ опекою соперничающихъ между собою чужеземцевъ,

которые, какъ было ясно, и должны были стать дѣйствительными властелинами міра. Опекуномъ, а слѣдовательно и правителемъ Аркадія былъ галлъ Руфинъ, а правителемъ Гонорія былъ вандалъ Стилихонъ. Главная цѣль, которую преслѣдовали эти могущественнѣйшіе временщики, состояла въ томъ, чтобы какъ нибудь подорвать и ниспровергнуть друга друга.

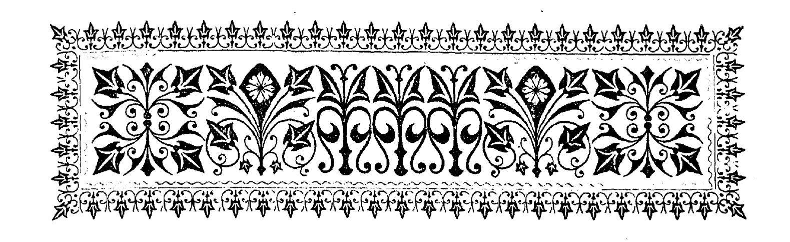
Среди такихъ-то печальныхъ и замѣчательныхъ событій Іоаннъ по прежнему продолжалъ исполнять свои повседневныя обязанности. При этомъ онъ не разъ дѣлалъ даже попытки склонить къ христіанству своего стараго учителя, Ливанія; но софистъ, хотя и будучи человѣкомъ честной и открытой души, упрямо держался отживавшаго язычества и не хотѣлъ склониться на его убѣжденія. Іоаннъ съ поразительною силою опровергалъ всѣ приводившіеся имъ противъ христіанства доводы и возраженія; но Ливаній стоялъ на своемъ, и не имѣя возможности выдержать на почвѣ вопроса о существѣ и превосходствѣ христіанства надъ язычествомъ, какъ животворящей силы надъ воплощеніемъ отжившихъ свое время суевѣрій, находилъ оправданіе для своего отрицанія христіанства въ томъ послѣднемъ доводѣ, что не всѣ христіане были достойны своей вѣры и многіе изъ нихъ своею жизнью только позорили свое высокое имя. Онъ указывалъ, не безъ злорадства, вполнѣ понятнаго въ его положеніи, на тотъ фактъ, что истинная, неподдѣльная добродѣтельность не была общимъ достояніемъ христіанъ, потому что вмѣсто нея часто выступали все тѣже мірскія притязанія и распри, которыя подѣляли христіанъ на враждебныя партіи, расходившіяся между собою въ непостижимыхъ для Ливанія мелочахъ богословскихъ опредѣленій, невѣжество и связанныя съ нимъ буйства и тому подобныя явленія. Когда Ливаній въ подтвержденіе существованія этихъ нестроеній ссылался не только на языческихъ писателей, какъ Евнапій, Зосима, Амміанъ-Марцелинъ, но даже и на великихъ христіанскихъ дѣятелей, какъ святой Василій Великій, оба Григорія, Амвросій и блаж. Іеронимъ, то Іоаннъ съ горечью чувствовалъ, насколько такіе факты дѣйствительно составляли страшный камень преткновенія на пути ищущихъ правды язычниковъ. Но онъ, конечно, зналъ, что эти явленія какъ неизбѣжныя при несовершенствѣ человѣческой природы, даже были пред-

сказаны самимъ Христомъ. «Когда придетъ Сынъ человѣческій, говорилъ Христосъ, то найдетъ ли и вѣру на землѣ?»

При этомъ разсужденіи между пресвитеромъ и Ливаніемъ присутствовалъ и Филиппъ. Іоаннъ, отечески привязавшись къ доброму, многообѣщающему юношѣ и постоянно заботясь о его благополучіи, воскликнулъ: «о, Филиппъ, сынъ мой! Ливаній, надѣюсь, не поколебалъ твоей вѣры?»

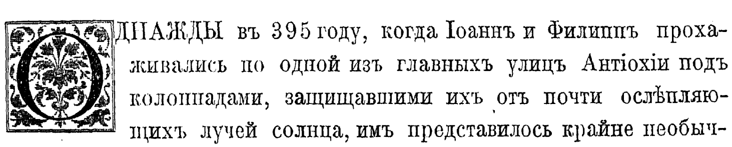
— Нѣтъ, улыбаясь, отвѣтилъ мальчикъ: многое изъ того, что сказалъ Ливаній, конечно печально. Но аргонавтамъ нечего было слушать сиренъ, когда пѣлъ имъ Орфей. Совершенно также кто разъ услышалъ голосъ Христа, не можетъ ужъ увлекаться кѣмъ нибудь другимъ.

— Да будетъ же Онъ съ тобою нынѣ и во вѣки! — проговорилъ Іоаннъ, ласково погладивъ умнаго мальчика по темнымъ локонамъ его головы.

ГЛАВА XI.

Готы въ Антіохіи.

ОДНАЖДЫ въ 395 году, когда Іоаннъ и Филиппъ прохаживались по одной изъ главныхъ улицъ Антіохіи подъ колоннадами, защищавшими ихъ отъ почти ослѣпляющихъ лучей солнца, имъ представилось крайне необычное зрѣлище: въ Антіохію вступала чрезвычайно важная личность, и именно самъ всемогущій Руфинъ. Подъ предлогомъ посольства съ какимъ-то порученіемъ отъ императора Аркадія, онъ въ дѣйствительности прибылъ для того, чтобы выместить одну страшную личную обиду на Лукіанѣ, правителѣ востока. Лукіанъ былъ когда-то любимцемъ Руфина и своего высокаго положенія достигъ при помощи взятокъ. Но онъ пользовался своею властью добросовѣстно и однажды отказался совершить гнусную несправедливость въ угоду Евхерію, дядѣ императора. Евхерій нажаловался императору и такъ какъ вслѣдствіе его гнѣва подвергался опасности затѣянный Руфиномъ планъ касательно женитьбы Аркадія на его дочери, то онъ воспылалъ страшною яростью противъ Лукіана и порѣшилъ примѣрно наказать его за эту честную независимость.

Такъ какъ его посольство было направлено къ первоклассному по рангу и вліянію сановнику (Антіохія по своему рангу относилась къ одному разряду съ Константинополемъ, Римомъ и Александріею, этими первыми городами имперіи), то Аркадій подкрѣпилъ по-

четный конвой Руфина еще нѣсколькими изъ тѣхъ готскихъ гвардейцевъ, прекрасную наружность и выправку которыхъ его отецъ Ѳеодосій считалъ наилучшимъ и блистательнѣйшимъ украшеніемъ своего дворца. Эти тѣлохранители ѣхали рядомъ съ колесницею министра во всемъ блескѣ своего вооруженія. Высокіе и стройные, съ богатыми золотыми воротниками на шеѣ, съ широкими, сдѣланными изъ волчьей шкуры кушаками, съ колчанами за плечами, съ огромнымъ лукомъ въ лѣвой рукѣ, они представляли очень красивое зрѣлище, причемъ особенную красоту придавали имъ роскошные свѣтлые волосы, которые, локонами спускаясь изъ подъ шлемовъ, украшенныхъ фазаньими перьями, возбуждали всеобщее удивленіе у черномазыхъ жителей востока.

Они привезли съ собою еще нѣсколько молодыхъ людей, чтобы показать имъ блескъ восточнаго города. На другой день утромъ, послѣ того, какъ Руфинъ, незамѣтно войдя въ городъ, занялъ дворецъ Селевкидовъ, готы его конвоя, сложивъ свои доспѣхи, запросто пошли осматривать городъ, направляясь черезъ перекинутый по островамъ мостъ, ведшій въ улицы. Такихъ статныхъ и знатныхъ варваровъ еще никогда не бывало въ Антіохіи, и когда они шли, то юркіе, черномазые сирійцы и любопытные греки толпою глазѣли на нихъ, къ немалому неудовольствію готовъ. Съ греческимъ языкомъ они знакомы были очень мало, а по сирски и совсѣмъ не знали ничего. Притомъ готы и не хотѣли унижаться до того, чтобы распрашивать о дорогѣ, тѣмъ болѣе, что еслибы они сдѣлали это, то дерзкіе уличные мальчуганы не преминули бы посмѣяться надъ ихъ произношеніемъ и грамматическими ошибками и при этомъ, конечно, не разъ направили бы ихъ по ложному пути. Вслѣдствіе этого они прибыли на форумъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ они находились, и тамъ около нихъ собралась толпа разныхъ праздношатаевъ, которыми обыкновенно кишѣла Антіохія. Старалсь держаться по отношенію къ этому надоѣдливому уличному сброду съ возможною холодностью, готы вели себя гордо и неприступно. Одинъ изъ молодыхъ готовъ однако попытался спросить на дурномъ греческомъ языкѣ: «что это за зданіе?» указывая на палату суда. Уличный мальчуганъ, къ которому обращенъ былъ этотъ вопросъ, далъ какой то смѣшной отвѣтъ, отъ

котораго вся толпа разразилась хохотомъ; а другой мальчуганъ, издѣваясь надъ готами, назвалъ ихъ «журавлями», намекая на ихъ медленную горделивую походку. Это развеселило антіохійцевъ еще болѣе, и готовъ стали вездѣ встрѣчать общимъ крикомъ: «журавли, журавли!» Шустрые и беззастѣнчивые мальчуганы такъ сильно надоѣдали имъ этими криками, что одинъ изъ молодыхъ готовъ, не выдержавъ этой надоѣдливости, далъ здороваго тумака одному изъ слишкомъ близко подошедшихъ назойливыхъ и дерзкихъ насмѣшниковъ, такъ что тотъ повалился наземь и нѣсколько разъ перевернулся въ пыли. Тогда толпа отступила на болѣе почтительное разстояніе; но завидуя превосходному росту и красотѣ готовъ, уличные мальчуганы, крайне раздраженные за то, что ихъ товарищъ такъ легко палъ отъ руки какого-то пришлаго варвара, начали бросать въ нихъ камнями. Раздраженные готы въ свою очередь схватили нѣкоторыхъ изъ особенно надоѣдавшихъ имъ мальчугановъ и, задавъ имъ хорошую встрепку, пригрозили еще и своими мечами, и этимъ заставили толпу отказаться отъ своей слишкомъ назойливой шутливости, которая однако грозила перейти въ болѣе опасное настроеніе.

Въ это самое время на форумъ прибылъ Іоаннъ съ Филиппомъ, и смѣтливый мальчикъ своимъ проницательнымъ взглядомъ тотъ-часъ же понялъ, что тутъ происходило.

— Отецъ мой, сказалъ онъ (Іоаннъ велѣлъ ему всегда называть себя такъ), мнѣ думается, что твое присутствіе серьезно нужно здѣсь. — И въ нѣсколькихъ словахъ онъ наскоро разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Іоаннъ, встрепенувшись отъ глубокаго размышленія, въ которое онъ обыкновенно погружался во время своихъ прогулокъ, подошелъ къ толпѣ, въ которой всѣ знали и глубоко почитали его, и строго сказалъ:

— Негодные бездѣльники, что это такое? Развѣ вы не знаете, что эти готы прибыли сюда съ Руфиномъ и принадлежатъ къ тѣлохранителямъ императора? Какъ это вы такъ неразумны? Неужели вы забыли дѣло со статуями, или не желаете ли навлечь на себя судьбу Өессалоники? Идите прочь къ своимъ занятіямъ, если у кого есть такія; иначе я позову стрѣльцовъ.

Толпа, испугавшись этой угрозы, разсыпалась въ разныя

стороны, а Филиппъ участливо поднялъ валявшагося мальчугана, который скорѣе испугался, чѣмъ подвергся серьезному ушибу отъ тумака сбившаго его молодого гота. Онъ велѣлъ ему извиниться предъ готами, что и поспѣшилъ съ радостью сдѣлать уличный шалунишка. Между тѣмъ Іоаннъ, медленно и отчетливо выговаривая каждое слово на самомъ простомъ греческомъ языкѣ, чтобы быть понятнымъ для готовъ, выразилъ имъ свое сожалѣніе, что имъ пришлось испытать непріятность въ Антіохіи, и вѣжливо предложилъ имъ провести ихъ чрезъ городъ.

Пресвитеръ былъ невысокаго роста, и огромные остроготы казались рядомъ съ нимъ. въ полномъ смыслѣ великанами; но они не могли не признать въ немъ достоинства важнаго человѣка. Къ нимъ немедленно же возвратилось ихъ прежнее благодушіе, которое было омрачено только на короткое время.

— Я не зналъ, что улицы въ Антіохіи кишатъ такимъ множествомъ насѣкомыхъ, — сказалъ ихъ начальникъ; но я вовсе не хотѣлъ причинить имъ вреда.

— Въ Константинополѣ народъ болѣе привыкъ къ вамъ, — сказалъ Іоаннъ, — но здѣсь они никогда не видѣли такихъ людей, какъ вы и, быть можетъ, немножко завидуютъ вамъ.

Готы улыбнулись съ чувствомъ удовлетвореннаго тщеславія при этомъ совершенно невинномъ комплиментѣ, и по какимъ-нибудь внѣшнимъ признакамъ убѣдившись, что Іоаннъ духовное лицо (хотя въ то время духовенство мало вообще отличалось въ своей одеждѣ отъ обыкновенныхъ міряпъ), они спросили, не онъ ли Іоаннъ — знаменитый проповѣдникъ?

— Хотя и не знаменитый, отвѣчалъ пресвитеръ, но я именно Іоаннъ.

— А, сказалъ амалъ *); ты любезно заговорилъ съ нами; такъ позволь же мнѣ сообщить тебѣ одну исторію. Однажды я отправился посѣтить франка Арбогаста, и спросилъ его, знаетъ ли онъ медіоланскаго епископа Амвросія. — «Да, отвѣчалъ Арбогастъ, я даже часто сидѣлъ за однимъ столомъ съ нимъ». — «О вождь! воскликнулъ одинъ изъ его гостей, — такъ вотъ почему

*) Амалы, амалинги—высшій благородный классъ среди готовъ.
Перев.

ты такъ побѣдоносенъ: ты имѣешь своимъ другомъ человѣка, который можетъ заставить остановиться самое солнце».

— Я не могу сравнивать свое ничтожество съ величіемъ Амвросія, сказалъ Іоаннъ.

— Я не знаю этого, возразилъ готъ, но тебѣ именно болѣе, чѣмъ кому нибудь другому, Антіохія обязана своимъ избавленіемъ отъ участи, постигшей Өессалонику; и наши вожди Фравитта и Гайна (вотъ эти мальчики ихъ сыновья), много слышали о тебѣ и уважаютъ тебя.

— О, если бы вы, благородные готы, не были аріанами! — со вздохомъ проговорилъ Іоаннъ, который обыкновенно не стѣснялся никакими посторонними соображеніями, когда хотѣлъ высказать то, что находилъ правымъ.

— О, сказалъ готъ, намъ сѣвернымъ воинамъ невозможно входить въ богословскія тонкости, которыми отъ праздности занимается Константинополь, а живетъ не лучше Содома и Гоморры. Мы слѣдуемъ ученію нашего великаго епископа и учителя Ульфилы — «Волченка», какъ мы называемъ его изъ любви къ нему. Онъ перевелъ для насъ Библію и конечно никогда не думалъ быть чѣмъ нибудь инымъ, какъ православнымъ.

Іоаннъ видѣлъ, что было бы безполезно продолжать этотъ разговоръ; но онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы заинтересовать амаловъ и ихъ мальчиковъ великимъ городомъ востока; онъ сводилъ ихъ на цвѣтущіе берега Оронта, показалъ имъ лучшія статуи, ходилъ съ ними къ огромному мрачному Харонію, поразившему ихъ больше всего; показалъ имъ глубокую ложбину Парөеніева потока и сводилъ ихъ къ золотымъ воротамъ, чтобы показать имъ колоссальныхъ херувимовъ, которыхъ Титъ, захвативъ какъ добычу отъ храма Іерусалимскаго, поставилъ въ Антіохіи надъ аркою. Между тѣмъ Филиппъ съ чисто греческою покладистостью и любезностью уже совершенно познакомился съ молодыми готами и Іоаннъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ.

— Скажи мнѣ твое имя, грекъ, обратился одинъ изъ молодыхъ братьевъ къ Филиппу. — Ты нравишься намъ, потому что очень любезенъ къ намъ.

— Меня зовутъ Филиппомъ.

— Меня же зовутъ Торисмундомъ, и я сынъ Гайны.

— А меня, сказалъ младшій мальчикъ, зовутъ Валамиромъ, и я тоже сынъ Гайны. Мы оба амалинги, т. е. благороднѣйшаго происхожденія. Я надѣюсь, что мы еще увидимся съ тобою, Филиппъ

— Едва-ли, сказалъ Филиппъ, потому что я никогда не оставлю пресвитера, а Константинополь далеко отсюда; но если тебѣ когда нибудь придется опять побывать въ Антіохіи, то приходи повидаться съ нами. Надѣюсь, что уличный сбродъ будетъ вести себя лучше.

— О, не стоитъ говорить объ этомъ, воскликнулъ Торисмундъ. Если маленькій шалунъ, попавшійся мнѣ подъ кулакъ, немного пострадалъ отъ этого, то вотъ передай ему это, и онъ подалъ Филиппу большую серебряную монету.

— Я передамъ ему, сказалъ Филиппъ, но ты не долженъ думать, Торисмундъ, что мы всѣ падаемъ отъ простого дуновенія вѣтра.

— Не хочешь ли, мы испробуемъ силы въ дружеской борьбѣ?

— Съ полнымъ удовольствіемъ, смѣясь сказалъ Филиппъ, если только не запретитъ этого пресвитеръ. Мы могли бы побороться вотъ тутъ, на этой полянкѣ въ саду, а твой военачальникъ и пресвитеръ могутъ быть судьями.

Іоаннъ былъ нѣсколько смущенъ этимъ неожиданнымъ предложеніемъ, но онъ благодушно примирился съ нимъ, тѣмъ болѣе, что это испытаніе силы молодыхъ людей — представителя стараго востока, и представителя новаго запада, было не только дружелюбное, но и отчасти забавное. Молодые люди встали и смѣясь, приглашали другъ друга подойти поближе. Они были почти однихъ и тѣхъ же лѣтъ и представляли собою превосходные типы греческой и тевтонской красоты. Скоро оказалось, что Торисмундъ былъ сильнѣе, зато Филиппъ искуснѣе, такъ какъ онъ много упражнялся въ дѣтскихъ играхъ въ Листрѣ. При первой схваткѣ Торисмундъ сначала едва выдержалъ, но, наконецъ, напрягнувъ силы, поднялъ Филиппа и повалилъ наземь. Но при второй схваткѣ Филиппъ такъ ловко ударилъ ногой въ колѣнку Торисмунда, что хотя оба они повалились, но Филиппъ оказался наверху. Имъ хотѣлось схватиться и еще разъ, но Іоаннъ и начальникъ-амалъ остановили ихъ.

— Довольно, сказали они; вы уже достаточно обнаружили свою силу; разстаньтесь и будьте друзьями.

— Конечно мы будемъ друзьями, сказалъ Торисмундъ, и въ знакъ дружбы я попрошу Филиппа взять вотъ это.

— Вынувъ изъ-за пояса кошелекъ и доставъ изъ него серебряную фибулу *) онъ сказалъ: вотъ, это тебѣ застегивать тогу.

— Благодарю, сказалъ Филиппъ; но мы должны подражать Гомеровскимъ героямъ, и если я беру подарокъ отъ тебя, то и ты долженъ взять отъ меня. — Сходивъ въ свою комнату, онъ вынесъ изящный браслетъ, произведеніе своего отца, и Торисмундъ съ радостью принялъ этотъ подарокъ.

— Знаешь-ли ты, что означаютъ эти руны**) на твоей фибулѣ, Филиппъ? спросилъ Валамиръ.

— Нѣтъ, не знаю!

— Это два слова: «Цѣломудренный» и «Вѣрный», и ты долженъ запомнить наши имена по нимъ; потому что у нашихъ предковъ молодой Торисмундъ назывался «цѣломудренный», а Валамиръ—«вѣрный».

Затѣмъ они распростились другъ съ другомъ, разставшись съ чувствомъ взаимной дружбы и уваженія.

Когда они пошли вдоль по Сингонской улицѣ, Филиппъ съ любопытствомъ смотрѣлъ вслѣдъ имъ.

— Какіе благородные молодцы! воскликнулъ онъ. Какъ они величаво вздымаются надъ сухопарыми, тщедушными, черномазыми антіохійцами! Эти два молодца, при блескѣ солнечныхъ лучей на ихъ золотистыхъ кудряхъ, могли бы сойти за юныхъ Аппполоновъ. Если бы листряне увидѣли ихъ, то навѣрно сказали бы: «боги въ образѣ человѣческомъ сошли къ намъ»! ***).

---

*) Fibula — застежка или брошка, носившаяся благородными римлянами и ихъ подражателями — знатными готами. Перев.

**) Руны — первобытныя письмена варварскихъ народовъ, — первые элементы письменности. Перев.

***) Намекъ на извѣстное событіе въ Листрѣ, когда жители этого города приняли явившихся къ нимъ съ проповѣдью ап. Павла и Варнаву за боговъ и хотѣли принести имъ жертву. См. Дѣян. XIV, 11. Перев.

— Да, замѣтилъ Іоаннъ, они видимо принадлежатъ къ болѣе благородной, сильной и чистой расѣ, чѣмъ наша; мы не можемъ выстоять противъ нихъ. Будущее несомнѣнно принадлежитъ имъ! Намъ придется со временемъ обратиться къ нимъ уже не просто за воинами—наемниками, а за полководцами. О, если бы они не были аріане!.. со вздохомъ прибавилъ онъ.

ГЛАВА XII.

Пресвитеръ.

Соль добрая вещь; но если соль потеряетъ силу, чѣмъ исправить ее?
Лук. XIV, 34.

На слѣдующее же утро цѣль прибытія Руфина въ Антіохію обозначилась въ своемъ настоящемъ мрачномъ свѣтѣ. Онъ далъ полную волю своей личной враждѣ. По его приказанію Лукіанъ, властелинъ востока, правитель Антіохіи, былъ арестованъ въ собственномъ дворцѣ и по совершеніи, ради формы произведеннаго, чисто призрачнаго слѣдствія и суда, забитъ былъ до смерти, погибнувъ подъ ударами страшныхъ бичей съ свинцовыми узлами, называвшихся въ древности plumbatae. Уже въ предсмертномъ состояніи несчастный властелинъ былъ положенъ на носилки и отнесенъ обратно во дворецъ. Это ужасное дѣло не могло остаться скрытымъ и одинъ только страхъ помѣшалъ антіохійцамъ отомстить за смерть своего добраго правителя новымъ возстаніемъ. Руфинъ притомъ постарался задобрить ихъ, приказавъ закончить возведеніе императорскаго съ колоннами дворца, который впослѣдствіи былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ зданій въ этомъ городѣ дворцовъ.

Гордый министръ, совершая дѣло своей низкой мстительности, которое въ одно и то же время въ полномъ свѣтѣ выставило и его жестокость и его безграничную власть, конечно и не подозрѣвалъ, что оно послужитъ главною причиною его собственнаго внезапнаго паденія. Честолюбіе его не знало границъ, и онъ, будучи не болѣе какъ простымъ искателемъ приключеній и сыномъ ка-

кого-то аквитанскаго сапожника, наконецъ сталъ бросать свои властолюбивые взоры даже на самый императорскій престолъ. Эта безумная мечта всецѣло овладѣла имъ съ того времени, какъ Ѳеодосій, разгнѣванный жалобами на милости, которыми постоянно осыпаемъ былъ заносчивый, вѣчно занятый интригами галлъ, раздраженно воскликнулъ: «что-же помѣшаетъ мнѣ сдѣлать его даже императоромъ?» Въ качествѣ важнаго шага къ осуществленію этой горделивой мечты Руфинъ хотѣлъ женить Аркадія на своей дочери. Но когда онъ въ видахъ удовлетворенія сладостнаго чувства своего личнаго мщенія отправился въ Антіохію, то этимъ не преминулъ воспользоваться его соперникъ - изворотливый евнухъ Евтропій, который съумѣлъ перехитрить его и тѣмъ самымъ погубилъ его. Какъ будто случайно, онъ подбросилъ на столъ молодого императора изображеніе прекрасной Евдоксіи, дочери франкскаго полководца Баутона, — главы дома, который отъ всей души ненавидѣлъ Руфина. Затѣянная имъ придворная интрига хранилась въ глубочайшемъ секретѣ. 25-го апрѣля 395 года устроено было общественное увеселеніе. Всѣ видѣли, какъ Евтропій вынималъ изъ императорскаго гардероба лучшія и блистательнѣйшія одежды, а также и разныя драгоцѣнности, оставшіяся отъ прежнихъ императрицъ. Эти одежды и драгоцѣнности публично передавались служителямъ, что конечно не преминуло привлечь къ дворцовымъ воротамъ огромную массу любопытныхъ. Всѣ думали, что это предназначалось въ брачный подарокъ дочери Руфина, и изощрялись въ шуткахъ и насмѣшкахъ на счетъ гордаго и ненавистнаго всѣми сановника. Но вотъ торжественная процессія со всѣми этими драгоцѣнностями, сопровождаемая конвоемъ блестяще одѣтыхъ воиновъ и руководимая шедшимъ во главѣ ея Евтропіемъ, внезапно повернула въ другую улицу и остановилась у дома Промота, гдѣ жила Евдоксія. Народъ разразился криками радости. Руфинъ увидѣлъ, что онъ былъ перехитренъ лукавою находчивостью евнуха и въ первый разъ узналъ имя будущей императрицы.

Іоаннъ также слышалъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, и относился къ нимъ какъ истинный гражданинъ, патріотъ и христіанинъ. Ему конечно и въ голову не приходило, что Евдоксія, Евтропій и готъ Гайна, убійца Руфина, будутъ принимать близкое участіе,

и въ его собственной судьбѣ и что имена ихъ перейдутъ въ исторію въ тѣснѣйшей связи съ его собственнымъ именемъ. Но такъ бываетъ всегда. Мы живемъ въ полной слѣпотѣ касательно того, что ожидаетъ насъ въ неизвѣстномъ будущемъ, и часто совершаются такія событія, о которыхъ мы менѣе всего думаемъ.

Пресвитеръ, какъ добрый пастырь ввѣреннаго его попеченію народа, конечно и вообще не могъ не чувствовать нѣкоторой озабоченности о будущемъ имперіи, но такъ какъ времена были тяжелыя, то онъ еще болѣе безпокоился за будущность церкви. Христіанская церковь побѣдила міръ, но теперь міръ опять начиналъ поднимать голову и, вторгаясь въ церковь, вносилъ въ нее смуту и мракъ. Духъ міра сего коснулся и самаго духовенства. Въ прежнія времена, такъ сказать золотые священники употребляли деревянные сосуды, а теперь деревянные священники уже пользовались золотыми сосудами; въ прежнія времена жизнь отличалась простотою, братскою любовью, всеобщимъ благоволеніемъ. Теперь христіанство начало терять свою жизненность, и по мѣрѣ того, какъ оно все болѣе распространялось въ мірѣ, среди него стало все больше появляться такихъ членовъ, которые были христіанами только по имени. Онъ видѣлъ, какъ въ него вторгалось многое изъ того, что было негоднаго и злаго въ языческомъ мірѣ,—проявлялось много такого, что было ложно по самому своему существу и не согласно съ ученіемъ и жизнью первенствующей церкви. Когда портится и искажается что нибудь прекрасное, то это всегда возбуждаетъ особенно скорбное чувство. Никакой тлѣнъ, какъ сказалъ одинъ средневѣковый подвижникъ, не кажется столь невыносимымъ, какъ тлѣнъ гніющихъ лилій. И дѣйствительно — наступало такое положеніе вещей, что оставалось лишь выбирать между теоретическимъ язычествомъ, какъ оно выступало въ лучшихъ его представителяхъ, въ родѣ Ливанія или даже покойнаго императора Юліана, и такимъ христіанствомъ, представители котораго часто не знали его сущности, и уклонившись отъ его первоначальной чистоты, вдавались въ лицемѣріе и фарисейство. Іоаннъ со скорбію видѣлъ, какъ мірская суета овладѣвала даже самими пастырями церкви и какъ власть тьмы водворялась въ царствѣ христіанскаго свѣта. Соль, которая должна была осолить міръ и придать ему жизненность и прочность, начала сама терять силу.

А когда соль теряетъ свою силу, то, по слову Божественнаго Учителя, она перестаетъ быть годною на что бы то ни было: «ни въ землю, ни въ навозъ не годится». И опять на тѣлѣ возрожденнаго христіанствомъ міра стали появляться язвы, которыя зіяли на гніющемъ организмѣ языческаго Рима.

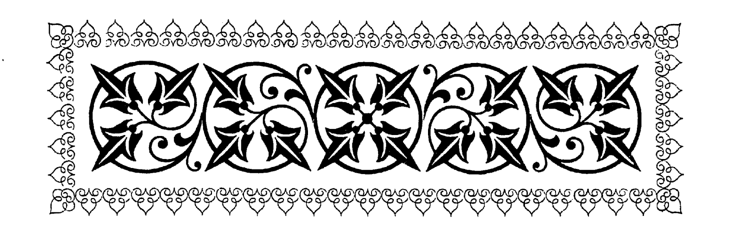
Такія печальныя мысли мучительно удручали сердце Іоанна. Между тѣмъ, ему судьба опредѣлила всю свою жизнь провести въ такомъ именно обществѣ и всѣ свои силы употребить на то, чтобы и твореніями и проповѣдью сдерживать напоръ этого мелочнаго, ложнаго и однако все болѣе вторгавшагося духа мірской суеты, духа лести и притворства, ханжества и распутства. Онъ держался того убѣжденія, что верховный священный законъ христіанства болѣе всего требуетъ отъ насъ нравственной чистоты, что Христосъ приходилъ именно искупить міръ отъ рабства грѣху и смерти, предоставить безпрепятственный доступъ къ Богу всѣмъ смиреннымъ и добрымъ, широко открыть двери вѣчной жизни всѣмъ любящимъ правду. Негодованіе Іоанна особенно возгорѣлось противъ тѣхъ, кто, нося имя христіанъ, однако не старались освободиться отъ тѣхъ золъ нечестія, которыя оскорбляли Христа и вносили въ самое святилище гнусные пороки, удручавшіе языческій міръ.

Но такое отношеніе къ міру и его прелестямъ неизбѣжно предполагало страшную борьбу, и эта борьба началась и—необходимо должна была привесть къ мученичеству.

День мученичества пока еще не насталъ, и часъ того окончательнаго торжества, которое, непремѣнно, съ непреложностью неизбѣжнаго закона должно было выпасть на долю истины — потому что она непобѣдима и безсмертна, былъ еще далеко.

КНИГА ВТОРАЯ.

БУРНЫЕ ДНИ.

ГЛАВА XIII.

Два iерарха.

И создалъ Богъ два свѣтила — свѣтило большее для управленія днемъ и свѣтило меньшее для управленія ночью.

Быт. I, 16.

Двадцать седьмого сентября 397 года въ великолѣпныхъ покояхъ патріаршаго дома скончался Нектарій; патріархъ константинопольскій.

Въ великую пятницу этого же года (4-го апрѣля) умеръ совершенно иного характера іерархъ, святой, и великій Амвросій. Онъ скончался немедленно по принятіи святыхъ таинъ, пролежавъ предъ тѣмъ нѣсколько часовъ со скрещенными на груди руками. Его друзья и почитатели, именитые граждане города Медіолана, относившіеся къ нему съ великимъ почтеніемъ, просили его помолиться, чтобы ради церкви дни его были продолжены, такъ какъ ему было еще всего только пятьдесятъ семь лѣтъ отъ роду. Но онъ отвѣчалъ: «я не такъ жилъ среди васъ, чтобы мнѣ стыдно было и еще пожить; и однако,—ибо Господь милосердъ,—я не боюсь умереть». «Это смертельный ударъ для всей Италіи!» воскликнулъ храбрый вандалъ Стилихонъ, когда онъ услышалъ о кончинѣ архіепископа. И онъ былъ правъ.

Если вокругъ великаго медіоланскаго архіепископа совершалась по истинѣ духовная трагедія, то совершенно въ другомъ настроеніи находились всѣ вокругъ смертнаго одра константино-

польскаго патріарха Нектарія. Это былъ самый заурядный изъ заурядныхъ людей, былъ скорѣе сынъ міра сего, чѣмъ верховный іерархъ, и даже мало знакомъ былъ съ богословіемъ. Когда онъ внезапно назначенъ былъ на высшій патріаршій престолъ столицы, то былъ еще простымъ міряниномъ, и даже не былъ еще крещенъ. Это былъ дѣйствительно странный преемникъ для смиреннаго святителя великаго Григорія Назіанзина, величайшаго богослова и одного изъ величайшихъ ораторовъ своего времени. Но Григорій Богословъ оказался слишкомъ мягкимъ, слишкомъ благороднымъ и слишкомъ добрымъ для той пышной и многосложной должности, самая возможность которой, можно сказать, была создана имъ. Когда Григорій Назіанзинъ былъ силою взятъ со своей скромной епископіи въ городѣ Назіанзѣ, чтобы стать во главѣ ничтожной горсти православныхъ христіанъ въ Константинополѣ, эта столица имперіи, будучи до крайности испорчена въ нравственномъ отношеніи, въ то же время находилась во власти аріанъ. Святой Григорій жилъ въ скромномъ, нанятомъ для него помѣщеніи и совершалъ богослуженіе, равно какъ и произносилъ свои знаменитыя проповѣди въ одной комнатѣ, въ которой могла помѣститься вся его малая паства. Благодаря именно его пастырской дѣятельности и славѣ, эта комната впослѣдствіи преобразилась въ часовню, а часовня въ церковь «Воскресенія» или «Анастасіи». Въ наружности его не было ничего особенно представительнаго, такъ какъ онъ былъ человѣкомъ малаго роста. Ему было еще не болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду, и однако онъ былъ блѣденъ, тощъ и болѣзненъ и, преждевременно состарившись, имѣлъ лысую голову и почти совершенно сѣдую бороду. Видъ у него всегда былъ меланхолическій; его изможденное заботами лицо часто орошалось слезами. И онъ настолько мало цѣнилъ мірское значеніе своего сана, что одежда его скорѣе походила на одежду какого нибудь нищаго, чѣмъ патріарха царицы городовъ и столицы восточнаго міра.

Для такого доблестнаго пастыря, какъ святой Григорій, конечно невозможно было избѣгнуть бурь и ненависти. Это всегдашній удѣлъ великихъ дѣятелей, — награда, которую они получаютъ отъ порока за свои добродѣтели. Въ него кидалось столько камней, сколько въ худыхъ людей бросаютъ розъ; единственный его от-

зывъ объ этихъ оскорбленіяхъ состоялъ въ замѣчаніи съ его стороны, что всѣ эти камни бросались въ него слишкомъ неудачно. Жизнь его находилась въ постоянной опасности. Однажды яростная толпа аріанъ, предводительствуемая «нищими, потерявшими право на состраданіе, монахами, скорѣе похожими на козловъ или сатировъ, и женщинами болѣе ужасными, чѣмъ Іезавель», вооруженная палками, каменьями и горящими головнями, ворвалась въ его церковь, набросилась на его паству, произвела избіеніе, при которомъ вино св. чаши смѣшалось съ кровью, и едва не умертвила его самого. Ему удалось спастись, но такъ какъ во время этой схватки убитъ былъ одинъ человѣкъ, то св. Григорія потребовали въ судъ по обвиненію въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Затѣмъ онъ былъ едва не погубленъ интригами одного изъ самыхъ гнусныхъ авантюристовъ, какими изобиловало то время. Григорій не любилъ этотъ городъ: ему невыносимо было царствовавшее въ немъ лицемѣріе; невыносимы эти безконечные пустые толки о религіи, въ которыхъ не было ничего, кромѣ лукавства и лицемѣрія; не любилъ, однимъ словомъ, столицу, гдѣ почти не было никого такихъ, на кого можно бы было полагаться.

Совершенно противъ своей воли онъ однако принужденъ былъ принять архіепископство, которое налагало на него обязанности пещись о церкви апостоловъ, хотя у него и вообще не было желанія принять на себя епископскій санъ. Онъ никогда не любилъ пресмыкаться у дверей великихъ и сильныхъ міра сего. Съ полнѣйшею независимостью онъ заявилъ, что онъ никогда не желалъ бы прикасаться къ обагреннымъ кровью рукамъ правителя, «подъ властью которыхъ весь міръ управлялся маленькою діадимою и ничтожнымъ лоскутомъ пурпура».

Въ качествѣ архіепископа ему пришлось предсѣдательствовать на второмъ вселенскомъ соборѣ, и онъ со скорбію описываетъ, какіе безпорядки производили на этомъ соборѣ тѣ, для кого партійные и личные интересы имѣли гораздо болѣе значенія, чѣмъ великіе и существенные интересы самаго христіанства. Въ виду этого онъ не нашелъ возможнымъ продолжать свое предсѣдательство и со скорбію въ сердцѣ вскорѣ сложилъ съ себя даже и самый санъ архіепископа столицы.

На мѣсто его избранъ былъ на патріаршій престолъ Нек-

тарій и притомъ по совершенно случайнымъ обстоятельствамъ. Онъ былъ преторомъ *) и такъ какъ отправлялся въ Тарсъ, то заѣхалъ къ старому учителю Іоанна Златоуста тарсійскому епископу Діодору, спросить, не нужно ли ему отправить кому нибудь письма въ этотъ городъ. Пораженный его почтенною внѣшностью и благодушнымъ характеромъ, Діодоръ упомянулъ о немъ въ письмѣ къ Флавіану, какъ о возможномъ кандидатѣ на освободившееся архіепископство. Флавіанъ даже засмѣялся при этой мысли, но изъ уваженія къ Діодору поставилъ имя претора въ концѣ списка подлежавшихъ избранію кандидатовъ, который и былъ переданъ императору. Ѳеодосій провелъ пальцемъ по всему списку, и остановился на имени Нектарія; прочелъ списокъ во второй разъ и затѣмъ объявилъ, что онъ избираетъ Нектарія.

«Нектарій! Да кто это такой Нектарій?» Всѣ спрашивали съ изумленіемъ, и оказалось, что онъ дотолѣ не былъ даже христіаниномъ! Но Ѳеодосій имѣлъ вообще не особенно высокое мнѣніе о церковныхъ сановникахъ, за исключеніемъ Амвросія. Между тѣмъ Амвросій, какъ извѣстно, былъ тоже міряниномъ, когда голосомъ народа призванъ былъ на архіепископскій престолъ города Медіолана. И вотъ такимъ образомъ Нектарій изъ купели крещенія сразу вступилъ на престолъ самаго вліятельнаго патріархата въ мірѣ, и такимъ образомъ сдѣлался, послѣ удаленія св. Григорія Назіанзина на покой, предсѣдателемъ втораго вселенскаго собора.

Но Ѳеодосій печально ошибся, предполагая, что Нектарій будетъ вторымъ Амвросіемъ.

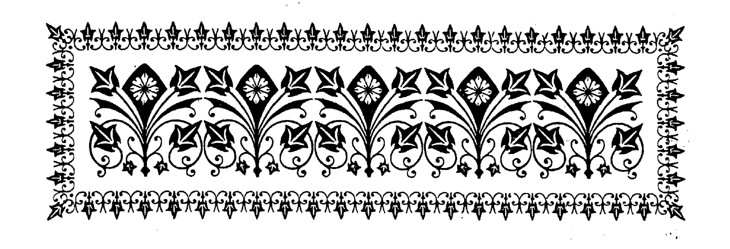
Напротивъ, онъ оказался хотя и добрымъ человѣкомъ, но совершенно зауряднымъ іерархомъ, рѣшительно неспособнымъ бороться съ тѣми нестроеніями и треволненіями, которыя обуревали въ то время христіанскую церковь и требовали мужества, ревности и своего рода административнаго генія.

*) Praetor — выборный, а впослѣдствіи при императорахъ и административно назначавшійся чиновникъ, съ должностью котораго связывались разныя обязанности, главнымъ образомъ надзоръ за общественнымъ благоустройствомъ, разборъ тяжбъ и т. под. Впослѣдствіи — правитель провинціи, генералъ-губернаторъ.

Перев.

Нектарій, какъ бывшій свѣтскій сановникъ, привыкшій къ внѣшней пышности, сохранилъ пристрастіе къ ней и по восшествіи на патріаршій престолъ, представляя, такимъ образомъ, полную противоположность своему великому предшественнику Григорію. Не обладая никакимъ богословскимъ образованіемъ, онъ, конечно, не могъ оказать императору никакой помощи въ страшныхъ затрудненіяхъ, причинявшихся горячими богословскими спорами. По этому Θеодосій колебался и до епископовъ дошелъ ужаснувшій ихъ слухъ, что Θеодосій даже намѣревался посовѣтываться съ еретикомъ Евноміемъ, который открыто доказывалъ, что Сынъ не подобенъ Отцу. Опять угрожала опасность, какъ бы весь христіанскій міръ не оказался совершенно аріанскимъ. Такъ какъ отъ незнакомаго съ богословіемъ архіепископа константинопольскаго нельзя было ожидать никакой помощи, то, пылая ревностью о сохраненіи православія, епископъ иконійскій Амфилохій счелъ необходимымъ во что бы то ни стало предупредить бѣдствіе и порѣшилъ дать Θеодосію, такъ сказать косвенный урокъ. Съ нѣсколькими другими епископами онъ отправился на одно собраніе во дворцѣ. Θеодосій сидѣлъ на своемъ тронѣ во всемъ блескѣ своего императорскаго величія, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ его маленькій восьмилѣтній сынъ Аркадій, которому онъ недавно пожаловалъ діадиму и предъ которымъ царедворцы разсыпались въ самыхъ изысканныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ своего благоговѣнія. Амфилохій высказалъ обычное привѣтствіе императору, но не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на Аркадія «Какъ! гнѣвно воскликнулъ императоръ, развѣ ты не видишь моего сына?» — «А! — небрежно отвѣтилъ епископъ, я и забылъ. Здравствуй, мальчикъ!» При этомъ онъ даже съ намѣренною смѣлостью потрепалъ августѣйшаго ребенка по щекѣ и пощекоталъ его пальцами. «Выгнать этого грубіана вонъ!» — въ страшномъ гнѣвѣ закричалъ Θеодосій. Тогда Амфилохій, обращаясь къ нему, сказалъ: «Ты видишь, государь, что ты не можешь снести оскорбленія твоему сыну. Какъ же ты думаешь, что Богъ не испытываетъ тѣхъ же самыхъ чувствъ! Пойми отсюда, въ чемъ заключается твой долгъ». Этотъ смѣлый отвѣтъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на императора, и христіанскій міръ былъ спасенъ отъ ереси Евномія.

При слабомъ управленіи Нектарія дисциплина среди столичнаго константинопольскаго духовенства до крайности ослабѣла и оно заразилось преданностью міру; но всѣ мирились съ этимъ, такъ какъ въ сущности Нектарій былъ человѣкъ добрый, выше всего ставилъ внѣшнее спокойствіе, да притомъ и задавалъ весьма хорошіе обѣды. Никому не было дѣла до того, что церковь подъ такимъ управленіемъ все болѣе становилась жертвою тѣхъ вѣяній, которыя бурнымъ потокомъ вторгались въ нее со стороны міра, находившагося подъ властью діавола и плоти.

ГЛАВА XIV.

Новый патріархъ.

Ап. Павелъ не сказалъ: пусть каждый желаетъ епископства. Это есть дѣло, а не послабленіе, — трудъ, а не роскошь, — отвѣтственное служеніе, а не безотвѣтственное господство, — отеческое попеченіе, а не тиранническое самовластіе.

Исидоръ Пелусіотъ, Ер. III, 216.

Нектарій такимъ образомъ двадцать седьмого сентября 397 г. скончался въ своемъ великолѣпномъ патріаршемъ дворцѣ, и лишь только онъ издалъ послѣдній вздохъ, какъ вокругъ него начались всевозможные подходы различныхъ искателей, добившихся возможности занять столь высокій постъ. Ворота для честолюбія были открыты и въ столицѣ востока началось необычайное движеніе. Константинополь, какъ и всякая большая столица, кишѣлъ всевозможными искателями приключеній, и всѣ такъ или иначе могли претендовать на занятіе архіепископскаго престола, привели въ дѣйствіе всѣ свои тайныя махинаціи, такъ или иначе находившіяся въ ихъ распоряженіи, чтобы не упустить лакомой добычи. Положеніе партіарха во всѣхъ отношеніяхъ было завидно и выгодно, потому что по своему положенію онъ принадлежалъ къ числу высшихъ сановниковъ государства. Мало того, при дворѣ и въ домахъ вельможъ онъ всегда имѣлъ преимущество даже надъ самыми именитыми гражданами. По своему сану патріархъ Кон-

стантинопольскій въ дѣйствительности даже былъ выше патріарха Александріи, Антіохіи и Рима. Неудивительно, что столь завидное положеніе до крайности занимало всѣхъ, честолюбіе которыхъ до крайности заставляло расчитывать на возможность занятія освободившагося престола.

Право избранія принадлежало лицамъ, которыя едва ли вполнѣ въ состояніи были оцѣнить истинное значеніе своего высокаго права. Въ этомъ избраніи большое значеніе имѣли областные епископы, и такъ какъ въ то время случилось, что у нихъ было собраніе въ столицѣ подъ предсѣдательствомъ Александрійскаго патріарха Θеофила, то вліяніе этого собора пріобрѣтало особенную важность. Но въ то же время необходимо было считаться съ такъ называемыми illustres и honorati—«сіятельными» и «достопочтенными» сановниками, занимавшими высшія гражданскія должности; неоспоримый голосъ въ назначеніи своего архипастыря имѣлъ также и народъ, и наконецъ необходимо было считаться съ верховнымъ судилищемъ.

И вотъ такимъ образомъ въ теченіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ въ Константинополѣ происходили суды и пересуды, движенія и треволненія—и все это въ связи съ вопросомъ объ избраніи новаго патріарха. Многіе изъ епископовъ старались добиться возможности возвесть на этотъ тронъ если не себя самихъ, то хоть кого нибудь изъ своихъ приближенныхъ. Да и въ самомъ Константинополѣ конечно многія духовныя лица тоже имѣли виды на этотъ престолъ, опять если не для себя, то для кого нибудь изъ своихъ ближнихъ, чтобы имѣть заручку и для личнаго вліянія на престолѣ; въ этомъ же дѣлѣ принимали горячее участіе и совершенно свѣтскія лица, которыя до крайности заитересованы были въ исходѣ выбора, потому что для нихъ выборъ становился уже мѣриломъ чести и достоинства въ глазахъ другихъ, такъ какъ неудача выдвигаемаго ими кандидата, конечно, неизбѣжно влекла за собою и умаленіе самаго ихъ вліянія. Неудивительно, что всѣ эти кандидаты и ихъ пособники употребляли всѣ усилія, чтобы выдвинуть себя и восторжествовать надъ всѣми своими соперниками.

Нечего говорить о томъ, какіе суды и пересуды происходили среди этихъ соперничающихъ партій. Каждый, такъ сказать, на всѣхъ перекресткахъ трубилъ о своихъ собственныхъ достоин-

ствахъ или о достоинствахъ выдвигаемыхъ имъ кандидатовъ, и распускалъ дурные слухи о соперникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ шла и подземная работа—въ видѣ заискиванія при императорскомъ дворѣ и въ палатахъ великихъ и сильныхъ міра сего. Что касается гражданскихъ сановниковъ и царедворцевъ, то они постоянно принимали у себя тѣхъ и другихъ духовныхъ лицъ, которыя являлись къ нимъ, чтобы съ ихъ помощью угладить себѣ путь къ первѣйшему мѣсту въ церковной іерархіи. Вмѣстѣ съ этимъ съ небывалою расточительностью повсюду сыпались деньги. Въ этомъ небываломъ движеніи невольно принималъ участіе и весь народъ, такъ что съ утра до вечера въ общественныхъ баняхъ, среди колоннадъ, на церковной паперти, на рынкахъ всѣ только и говорили о томъ, кто же будетъ новымъ патріархомъ Константинополя.

— А я знаю, таинственно говорилъ какой нибудь гражданинъ, стоя въ толпѣ уличныхъ праздношатаевъ.

— Тебѣ-ли знать? отвѣчалъ ему кто нибудь изъ толпы съ презрительнымъ любопытствомъ; а ну, скажи—кто же?

— А вотъ въ томъ-то и дѣло! Но я не хочу раньше времени сказать тебѣ. Патріархомъ будетъ одинъ изъ священниковъ церкви Анастасіи.

— А, ты разумѣешь Алопикрія, вмѣшивался третій.—Какъ разъ угадалъ! Какъ будто они не найдутъ никого лучше этого заики!...

— Ничего что заика, говорилъ четвертый: но онъ знакомъ съ Кастриціей, а ей стоитъ только шепнуть его имя императору и все дѣло будетъ кончено.

— Пустяки, говорилъ еще кто-то. — Монахъ Исаакъ, вотъ кто будетъ! Повѣрь мнѣ! — И разными многозначительными намеками старался убѣдить своихъ слушателей, что ему доподлинно извѣстно это.

— Ты пожалуй и правъ, вставилъ кто-то. — Кромѣ того, онъ очень хорошъ съ Марсой, которая гораздо вліятельнѣе самой Кастриціи, потому что она приходится даже какъ будто теткою новой императрицѣ.

— Какіе всѣ вы мудрецы! — сказалъ еще кто-то; никто изъ васъ ровно ничего не знаетъ объ этомъ. Исидоръ египтянинъ — вотъ кто будетъ, вы увидите. Патріархъ Θеофилъ не

оставилъ въ покоѣ ни неба, ни земли, чтобы добиться его избранія — трудно сказать почему, но вѣрнѣе всего для того, чтобы держать все подъ своею пяткою и править Константинополемъ жезломъ желѣзнымъ, какъ онъ правитъ Александріею.

— Какой стыдъ — отдавать насъ во власть низкаго египтянина, зароптала толпа.

— Всѣ вы разсуждаете, не имѣя ни малѣйшаго смысла въ головѣ, — какъ не имѣетъ его и Θеофилъ, проговорилъ еще кто то. Въ этомъ дѣлѣ одна личность можетъ сказать больше, чѣмъ даже самъ императоръ. Это никто иной, какъ евнухъ.

— Евнухъ?! воскликнули всѣ.

— Да, Евтропій! Развѣ вы не знаете этого? Развѣ возможно какое нибудь дѣло, въ которое бы онъ не совалъ своего носа съ того времени, какъ раздѣлался съ Руфиномъ?

— А-а! вотъ что! — многозначительно воскликнулъ одинъ изъ толпы. — Такъ вотъ почему недавно одинъ изъ сановниковъ и везъ дорогое ожерелье изъ жемчуговъ къ сестрѣ этого царедворца вчера!...

— Одинъ сановникъ? Кто же это?

— Серапіонъ! отвѣчалъ говорившій, до крайности ненавидѣвшій этого Серапіона, потому что былъ наказанъ имъ за обманъ и клятвопреступленіе.

— Ну, вотъ это есть именно ложь, сочиненная твоею собственною головою! горячо возразилъ кто-то. — Не знаю, какъ другой, а Серапіонъ вполнѣ честный человѣкъ, и если патріаршество можно добывать только изъ болота, онъ ни за что не унизится брать его оттуда.

Такіе и подобные праздные разговоры происходили изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, и прислушиваясь къ нимъ, наиболѣе достойные представители церкви не могли не скорбѣть о томъ, что положеніе дѣла давало поводъ къ подобнымъ пересудамъ. Многіе даже опасались, какъ бы соперничество различныхъ партій не повело къ жестокому побоищу въ Константинополѣ — подобно тому, какъ это случилось въ Римѣ во время борьбы за папскій престолъ между Дамасомъ и Урсициномъ въ 367 году, когда во время схватки партій погибло 137 человѣкъ, трупами

которыхъ были осквернены не только италійскія и либерійскія базилики, но даже и полъ церкви святой Агнесы.

Дѣлу повидимому и конца не предвидѣлось, такъ что всѣ утомились ожиданіемъ и народъ настолько соблазнялся происходившей борьбой, которая позорила церковь и унижало само христіанство въ глазахъ язычниковъ, что на одной многолюдной сходкѣ постановилъ предоставить это дѣло самому императору, умоляя его, чтобы онъ не избралъ какого нибудь интригана или какое нибудь ничтожество, какого нибудь сына міра сего, а избралъ кого нибудь такого, кто бы своимъ умомъ и своими добродѣтелями могъ поддержать лучшія преданія константинопольской каѳедры, на которой нѣкогда возсѣдалъ святой Григорій Богословъ.

Такой оборотъ дѣла повидимому благопріятствовалъ египетскому пресвитеру Исидору. Извѣстно было, что императоръ склонялся въ его пользу. Аркадій находился подъ вліяніемъ Ѳеофила Александрійскаго, который при своемъ безграничномъ честолюбіи, при своей беззастѣнчивости и крайней жестокости, когда она возбуждалась завистью или ненавистью къ кому нибудь, былъ худшимъ представителемъ административной испорченности среди сановниковъ того времени.

Никто изъ знавшихъ его, нисколько, не думалъ, чтобы Ѳеофилъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ изъ сколько нибудь чистыхъ побужденій. Не всѣмъ, конечно, извѣстно было, почему онъ свое вліяніе употреблялъ въ пользу своего мало извѣстнаго пресвитера Исидора; но вообще всѣ были убѣждены, что онъ хотѣлъ бы видѣть на константинопольскомъ престолѣ какого нибудь неизвѣстнаго, ничѣмъ не выдающагося человѣка, котораго можно бы поставить въ обязательныя къ себѣ отношенія и въ силу личной благодарности за оказанную услугу настолько подчинить его себѣ, чтобы самый престолъ Константинополя сдѣлать вполнѣ подчиненнымъ престолу Александріи.

Несомнѣнно это побужденіе у него было; но за нимъ лежало и еще другое, гораздо болѣе низкое. Въ рукахъ Исидора находился одинъ изъ самыхъ темныхъ секретовъ Ѳеофила, и египетскій патріархъ готовъ былъ заплатить чѣмъ угодно, чтобы только отвратить серьезную, хотя совершенно воображаемую возможность раскрытія этой тайны со стороны его собственнаго пресвитера.

Въ дѣйствительности ему не было надобности бояться: единственнымъ обличителемъ его была его собственная совѣсть. Исидоръ былъ человѣкъ честный и такъ мало зналъ о намѣреніи своего патріарха, что когда ему сказали объ этомъ, то онъ даже бѣжалъ обратно въ Александрію.

Но дѣло въ томъ, что Ѳеофилъ, всегда преданный чисто мірскимъ интересамъ и земнымъ выгодамъ, серьезно скомпрометировалъ себя девять лѣтъ тому назадъ. Сознаніе одного своего опаснаго промаха, вмѣстѣ съ другими пятнами на его душѣ, не переставало терзать его чуткой къ его земному положенію, совѣсти. Дѣло было такъ. Въ 387 году узурпаторъ Максимъ, воспользовавшись безпомощностью юнаго Валентиніана II, сдѣлалъ нападеніе на Италію. Ѳеодосій съ свойственнымъ ему великодушіемъ выступилъ на защиту юнаго императора, но исходъ борьбы былъ до крайности неувѣренный. Ѳеофилу хотѣлось въ своихъ личныхъ интересахъ воспользоваться побѣдою того или другого изъ нихъ; но такъ какъ онъ, не обладая даромъ прозорливости, не могъ знать, кто изъ нихъ по всей вѣроятности побѣдитъ, то на всякій случай приготовилъ подарки и написалъ поздравительныя письма о б о и м ъ,—какъ Максиму, такъ и Ѳеодосію, при чемъ своему посланному поручилъ передать одно изъ писемъ тому именно, кто окажется побѣдителемъ и, слѣдовательно, императоромъ. Понятно, что для исполненія такого щекотливаго порученія необходимо было избрать вполнѣ довѣренное лицо, и выборъ его палъ на Исидора, которому и поручено было отправиться въ Римъ съ этими письмами. Такъ какъ побѣда осталась на сторонѣ Ѳеодосія, то Исидоръ подалъ ему адресованное на его имя письмо, но по необъяснимой странности не привезъ съ собою назадъ въ Александрію того другого письма, которое предназначалось для Максима. Онъ возвратился домой внезапно, и въ крайней тревогѣ заявилъ, что сопровождавшій его діаконъ укралъ у него письмо, предназначавшееся для Максима. Такъ ли это было въ дѣйствительности, осталось неизвѣстнымъ; но во всякомъ случаѣ не подлежало сомнѣнію, что письмо это могло сыграть съ Ѳеофиломъ весьма злую штуку. У Ѳеофила въ свою очередь запало подозрѣніе, что письмо это все еще находится въ рукахъ Исидора, и въ этомъ же смыслѣ ходила молва и въ народѣ. Понятно послѣ

этого, что для Θеофила было весьма важно такъ или иначе купить молчаніе и преданность Исидора какою бы то ни было цѣною. Преданность его конечно лучше всего можно было обезпечить такимъ великолѣпнымъ подаркомъ, какъ патріаршій престолъ въ Константинополѣ, и Θеофилъ чувствовалъ такую увѣренность въ достиженіи избранія своего кандидата, что въ первый разъ со времени своего политическаго промаха сталъ чувствовать себя нѣсколько болѣе спокойнымъ.

О послѣдующей судьбѣ Исидора мы узнаемъ потомъ. Его окончательная гибель была только однимъ изъ многихъ, въ длинномъ спискѣ темныхъ преступленій, которыя совершены коварнымъ египтяниномъ, занимавшимъ столь видное положеніе въ то время. Но тѣ времена были и вообще довольно мрачны, какъ въ церковномъ, такъ и въ государственномъ отношеніи. Въ доказательство этого можно бы привесть много свидѣтельствъ изъ разныхъ источниковъ. Другой Исидоръ, знаменитый святой, настоятель Пелузія, говорилъ: «нѣкогда пастыри готовы были умирать за свою паству; теперь они губятъ овецъ, заставляя ихъ претыкаться... нѣкогда они раздавали свое имѣніе нуждающимся, теперь они присваиваютъ себѣ и то, что принадлежитъ бѣднымъ... Нѣкогда они жили добродѣтельно; теперь они изгоняютъ тѣхъ, кто поступаетъ добродѣтельно!» — «Нѣкогда люди избѣгали епископства вслѣдствіе величія соединенной съ нимъ власти; теперь они добиваются его ради величія связанной съ нимъ роскоши. Сократите свою гордыню, ослабьте свою суетность; помните, что вы то же, что и они. Не употребляйте оружія священнаго противъ самаго священства». — Есть епископы, которые живутъ согласно съ ученіемъ апостольскимъ. Если вы скажете, что ихъ очень немного, я не буду отрицать этого.»

Рѣшеніе дѣла объ избраніи кандидата на патріаршій престолъ Константинополя находилось теперь въ рукахъ императора Аркадія, а это, какъ всѣмъ было извѣстно, означало тоже, что оно находилось въ рукахъ евнуха Евтропія. Всемогущій царедворецъ нисколько не былъ заинтересованъ въ интригахъ ни Θеофила, ни другихъ искателей патріаршества. Эти искательства возбуждали въ немъ только насмѣшливость, вмѣстѣ съ своего рода циническимъ самодовольствомъ, и онъ порѣшилъ поразить всѣхъ

совершенною неожиданностью. Онъ уже рѣшилъ, что патріархомъ столицы долженъ стать антіохійскій проповѣдникъ Іоаннъ, о которомъ никому и въ голову не приходило и самое имя котораго конечно никѣмъ не упоминалось за все это время. Евтропію случилось однажды слышать въ Антіохіи проповѣдничество Іоанна и онъ былъ пораженъ имъ до глубины своего сердца. Вслѣдствіе этого онъ до небесъ расхвалилъ императору его краснорѣчіе и необычайныя духовныя дарованія.

— Онъ будетъ славою твоей имперіи, говорилъ Евтропій. Слава его затмитъ патріарховъ Александріи и запада. Рѣчь его льется подобно Нилу во время наводненія. Никто еще не слыхалъ ничего подобнаго.

Аркадій съ свойственнымъ ему невозмутимымъ равнодушіемъ послѣдовалъ указанію и совѣту своего министра-евнуха. Все его царствованіе было простою спячкою, и онъ въ дѣйствительности никогда не дѣйствовалъ иначе, какъ подсказывалъ ему его всевластный царедворецъ.

— Но согласится-ли Іоаннъ пріѣхать сюда? спросилъ онъ.

— Я все это устрою, отвѣчалъ Евтропій.

— Но антіохійцы не воспрепятствуютъ ли его отъѣзду? Не взбунтуются-ли?

— О, я все это устрою. Только пусть твоя Вѣчность предоставитъ все это мнѣ, а теперь да насладится пиршествомъ, которое я приготовилъ твоей Вѣчности сегодня вечеромъ.

Въ эту же ночь, когда закончилось торжество во дворцѣ, Евтропій устроилъ необыкновенно великолѣпный пріемъ въ домѣ своей сестры. Явилась, конечно, масса духовныхъ сановниковъ, которые хорошо знали этотъ домъ и не разъ бывали въ немъ, съ цѣлію добиться милостей и вообще благоволенія всемогущаго евнуха. Θеофилъ александрійскій прибылъ во всемъ блескѣ своего высокаго сана и былъ встрѣчаемъ самыми изысканными выраженіями почета и благоволенія. Куда бы онъ ни обращался, повсюду онъ встрѣчался съ низко наклоняющимися фигурами, просившими у него благословеній, которыя онъ и раздавалъ всѣмъ съ снисходительной улыбкой. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ и убѣжденъ, что не закончится еще пріемъ у Евтропія, какъ будетъ объявлено, что выборъ императора палъ на его пресвитера

Исидора. Евтропій не разочаровывалъ его, но съ низкими поклонами, прежде чѣмъ закончилось собраніе, сказалъ ему во всеуслышаніе:

— Можно-ли ничтожнѣйшему въ человѣческомъ родѣ попросить слова у твоего святѣйшества передъ уходомъ?

— Конечно, отвѣчалъ патріархъ съ самодовольной улыбкой, теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь увѣренный, что его продолжительное домогательство увѣнчается успѣхомъ.

— Мнѣ думалось, что твоему святѣйшеству и нашимъ друзьямъ вообще было бы интересно знать, что долго вдовствующая архіепископія теперь наконецъ занята.

Глаза Өеофила заблестѣли, когда онъ высказалъ свое убѣжденіе, что священное величіе императора сдѣлало достойный выборъ, который будетъ одобренъ всѣмъ міромъ.

— Несомнѣнно, несомнѣнно, съ подобострастіемъ сказалъ евнухъ. Его Величество императоръ, сынъ святаго православнаго Өеодосія, никакъ не могъ поступить иначе.

— И новый архіепископъ, конечно...? сказалъ вопросительнымъ тономъ Өеофилъ.

— Я совершенно согласенъ съ твоимъ блаженствомъ, что назначеніе будетъ встрѣчено всеобщей радостью, сказалъ Евтропій, который съ тонкостью человѣка, игравшаго такъ сказать своими злыми умыслами и наслаждавшагося своимъ злорадствомъ, отдѣлывался неопредѣленными выраженіями, ставившими въ нѣкоторое недоумѣніе и патріарха и собравшееся духовенство.

— Но только ты забылъ назвать его по имени, этого счастливаго кандидата, замѣтилъ Өеофилъ; несомнѣнно это мой благословенный пресвитеръ Исидоръ.

— О, нѣтъ, уже прямо сказалъ Евтропій, это вовсе не египтянинъ. Это человѣкъ гораздо болѣе достойный, гораздо болѣе извѣстный, чѣмъ твой ничѣмъ особенно не отличившійся и невыдающійся Исидоръ.

Өеофилъ находился въ положеніи человѣка, почувствовавшаго одновременно и страхъ и разочарованіе.

— Кто-же? спросилъ онъ, побагровѣвъ отъ ярости.

— Да, продолжалъ Евтропій, какъ будто не раслышавъ этого вопроса. — Совершенно вѣрно. Я все разсказалъ императору о

немъ сегодня послѣ обѣда. Онъ глубоко преданъ церкви, любимецъ всего народа, великій писатель, аскетъ, честнѣйшій и искреннѣйшій сынъ православной церкви, человѣкъ безбоязненный, независимый и обладающій великимъ краснорѣчіемъ.

Трудно было бы выразить всю ярость Θеофила. Онъ чувствовалъ безумное желаніе сейчасъ-же удушить евнуха, или, по крайней мѣрѣ, какъ это было въ обычаѣ у него въ Египтѣ, ударить его прямо въ лицо, чтобы хлынула кровь. Но при данномъ положеніи ему было необходимо подавить свою ярость, и такъ какъ маленькій, лысый, морщинистый старикъ продолжалъ потирать себѣ руки, и смотрѣть на него съ удивленной улыбкой, Θеофилъ отвернулся отъ него и сказалъ:

— Если ты хочешь играть чувствами и оскорблять всѣхъ этихъ достопочтенныхъ епископовъ и пресвитеровъ, скрывая отъ насъ сдѣланное императоромъ назначеніе, то тутъ нѣтъ для меня мѣста; мнѣ остается только удалиться.

— Ахъ, воскликнулъ Евтропій, развѣ я еще не назвалъ имени новоизбраннаго? Тысячу разъ прошу извиненія у твоего святѣйшества. Это — произнесъ онъ съ небольшой паузой, во время которой злорадно съ сверкающими глазами наблюдалъ за патріархомъ, — это... Іоаннъ — пресвитеръ изъ Антіохіи.

— Іоаннъ — пресвитеръ—изъ—Антіохіи!! съ изумленіемъ и разстановкой повторилъ Θеофилъ.

— Да, Іоаннъ, пресвитеръ изъ Антіохіи, въ свою очередь повторилъ царедворецъ;—краснорѣчивый проповѣдникъ, человѣкъ, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, сильный въ писаніи.

Это былъ какъ бы громовой ударъ, разразившійся надъ головой всѣхъ этихъ духовныхъ сановниковъ, сразу разбившій всѣ лелѣянные ими разсчеты честолюбія. Но никто не былъ смущенъ болѣе самого Θеофила. Онъ былъ перехитренъ — и притомъ евнухомъ! Его вліяніе поставлено было ни во что, его настойчивое домогательство было отвергнуто и, такъ сказать, брошено ему обратно въ лицо. Но это было отнюдь не все. Онъ достаточно слышалъ объ Іоаннѣ, что этобылъ вовсе не такой человѣкъ, чтобы подчиняться властолюбивому высокомѣрію, не такой человѣкъ, чтобы играть роль подслужливаго подчиненнаго и льстиваго сото-

варища. Өеофилъ предпочелъ бы избраніе многихъ другихъ лицъ, даже такого человѣка, какъ блаженный Іеронимъ, — чтобы сдѣлать ихъ орудіемъ своихъ махинацій, — но отнюдь не Іоанна изъ Антіохіи. Нѣтъ! развѣ этотъ Іоаннъ не былъ любимымъ пресвитеромъ Флавіана, который намѣренно ставилъ ни во что распоряженіе Өеофила и назвалъ его «заносчивымъ и назойливымъ египтяниномъ?»

— Я увѣренъ, что твое блаженство съ особеннымъ удовольствіемъ приметъ участіе въ хиротоніи Іоанна, съ легкимъ ехиднымъ смѣхомъ сказалъ Евтропій, который становился менѣе и менѣе сдержаннымъ по мѣрѣ того, какъ замѣчалъ яростное недовольство патріарха.

Что-то въ родѣ проклятія прозвучало изъ скрытыхъ въ огромной бородѣ устъ Өеофила, когда онъ проговорилъ: «я никогда не посвящу его». Услышавъ это, Евтропій засмѣялся еще болѣе веселымъ смѣхомъ, чѣмъ раньше, но, какъ будто не разслышавъ, сказалъ: «теперь я долженъ пожелать всѣмъ достопочтеннымъ отцамъ и братьямъ, какъ и всѣмъ гостямъ, почтившимъ мое убогое жилище своимъ посѣщеніемъ, доброй ночи; но быть можетъ его блаженство патріархъ александрійскій соблаговолитъ мнѣ удѣлить пару словъ наединѣ предъ своимъ уходомъ».

Блистательное собраніе группами двинулось и скоро разъѣхалось, оставивъ одного Өеофила. Онъ былъ такъ поглощенъ гнѣвными мыслями, что едва даже сознавалъ, гдѣ находился, пока кто то не дернулъ его за одежду.

Онъ оглянулся и увидѣлъ передъ собой царедворца — евнуха съ прямо устремленными на него глазами.

— Извини меня, — сказалъ Евтропій, все обращеніе котораго сразу измѣнилось и изъ льстиваго превратилось въ торжествующее высокомѣріе; кажется, ты сказалъ, что «никогда не посвятишь» Іоанна?

— Никогда, — повторилъ Өеофилъ.

— Что! Никогда?

— Никогда — повторилъ патріархъ, топнувъ ногой и бросивъ взглядъ, который подобно взгляду василиска убилъ бы евнуха, еслибы сила этого взгляда равнялась его волѣ.

Евтропій улыбнулся и вынулъ изъ-за пазухи небольшую пачку бумагъ.

— Вотъ посмотри сюда, — сказалъ онъ; — вотъ тутъ есть извѣстное тебѣ письмо, которое ты когда-то писалъ къ Максиму. Двоедушіе всегда опасно, особенно для патріарховъ; государственная измѣна вещь весьма серьезная.

— Ты посвятишь Іоанна, — продолжалъ царедворецъ или..., — онъ постучалъ пальцемъ по бумагамъ, и съ презрительнымъ поклономъ распрощался съ нимъ.

Онъ оставилъ его, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на александрійскаго патріарха. Ѳеофилъ стоялъ совершенно растерянный, съ видомъ полнаго отчаянія, но съ поднятыми кулаками. Замѣтивъ однако, что Евтропій смотритъ на него, онъ высокомѣрно повернулся и съ негодованіемъ вышелъ.

— Что мнѣ дѣлать? — разсуждалъ онъ самъ съ собой, когда пришелъ въ роскошную комнату, которую занималъ. Этотъ жалкій человѣкъ теперь держитъ въ своихъ рукахъ мою жизнь, да будетъ проклятъ онъ! Но я посмотрю еще и отомщу ему, от-ом-щу ему!...

Евтропій ушелъ въ свою библіотеку и бросился на роскошное, отдѣланное слоновой костью кресло изъ чернаго дерева, стоявшее передъ его письменнымъ столомъ. Ему припомнилось прошлое, и онъ сопоставлялъ его съ настоящимъ. «Я восторжествовалъ» — сказалъ онъ, я отомщенъ за жестокость и низость міра. Мои родители продали меня еще безпомощнымъ ребенкомъ; они получили надлежащую цѣну отъ работорговцевъ Арменіи, они продали меня одному египетскому господину. Когда я былъ молодъ и красивъ, то онъ былъ ласковъ со мною; я любилъ его; но онъ безъ малѣйшаго сожалѣнія продалъ меня Ариноею и я долженъ былъ исполнять самыя гнусныя его порученія. Ариноей отдалъ меня своей дочери, я сдѣлался рабомъ гинекея*), долженъ былъ прислуживать женщинамъ, прохлаждать ихъ вѣерами изъ па-

---

*) Gynaeceum—гинекей—женское отдѣленіе въ домѣ, теремъ, отъ слова γυνή—жена, женщина.

Перев.

влиньихъ перьевъ, топить для нихъ бани, носить за ними ихъ вещи, пока эта ненавистная мегера, даже не считая нужнымъ продать меня, выбросила меня вонъ, какъ совершенно негодную вещь. Если бы угодно было Богу, то я бросился бы въ Нилъ и не перенесъ бы этихъ лѣтъ униженія и позора! Но Абундацій далъ мнѣ мѣсто среди низшихъ евнуховъ своего дворца, и теперь,— вскричалъ онъ, ударяя по столу кулакомъ,—теперь я вотъ гдѣ! Я достигъ этого своимъ собственнымъ искусствомъ, своимъ собственнымъ геніемъ. Самъ Өеодосій посылалъ меня къ Іоанну — египетскому пустыннику, который предсказалъ его смерть въ Италіи, когда онъ отправлялся на войну. Я низвелъ могущественнаго Руфина съ его неизмѣримой гордостью. Что касается Аркадія, то я вожу его всегда и всюду, куда только хочу, какъ какого-нибудь теленка. Всѣ враги мои теперь у меня подъ ногами. Я смирилъ и унизилъ даже этого злого и хитраго патріарха. Самъ Стилихонъ боится меня. Имя мое прославляется милліонами устъ. Въ дѣйствительности я именно правитель міра; но... при этомъ онъ вдругъ охваченъ былъ болью внутренняго чувства, горько зарыдалъ и склонилъ голову на сложенныя на столѣ руки, — но ничтожнѣйшая тварь, которая мететъ улицы Константинополя, счастливѣе меня!..» О еслибы я никогда не былъ рожденъ!»

Чья-то рука нѣжно коснулась его плеча. Вздрогнувъ, онъ поднялъ голову и оглянулся. Это была его сестра, которая незамѣтно вошла въ комнату, — единственное существо на землѣ, которое онъ любилъ. Ей было немного болѣе среднихъ лѣтъ, но она еще носила на себѣ признаки красоты, которою нѣкогда отличались они оба.

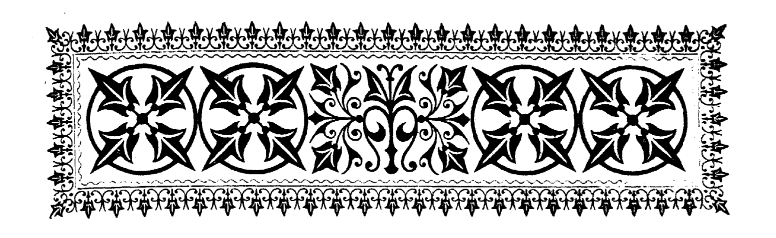
Онъ грустно улыбнулся при видѣ ея, хотя слезы еще стояли въ его глазахъ. Она не хотѣла замѣтить ихъ.

— Ты сдѣлалъ благородное дѣло братъ мой, — сказала она, избирая Іоанна антіохійскаго патріархомъ Константинополя. Онъ хорошій человѣкъ.

— Вѣдь я христіанинъ и притомъ православный, — отвѣчалъ онъ. О еслибы я былъ еще лучшимъ христіаниномъ! — Онъ помолчалъ, его совѣсть шептала ему, что онъ былъ только номинальнымъ христіаниномъ и что многія нечестивыя дѣла — его

алчность, мстительность, злоба, ненависть, гнѣвъ, который онъ лелѣялъ въ своемъ сердцѣ ко всему человѣчеству, были совершенно нехристіанскими.

— Но,—прибавилъ онъ, Іоаннъ антіохійскій есть лучшій человѣкъ, котораго я только знаю среди духовенства имперіи. Избирая его, я поступилъ справедливо и притомъ такъ, что это принесетъ мнѣ заслуженную популярность; а что касается благодарности, сестра, — увы! — я никогда не находилъ и слѣда ея на землѣ!

ГЛАВА XV.

Неожиданный отъѣздъ въ столицу.

Это было утромъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Іоаннъ, раздѣливъ вмѣстѣ со своимъ преданнымъ и неутомимымъ Филиппомъ скромный завтракъ, состоявшій изъ хлѣба и финиковъ, занятъ былъ своимъ обычнымъ дѣломъ. Вдругъ они услышали чей-то голосъ въ дверяхъ, старый Флегонъ пришелъ сказать, что отъ правителя города прибылъ пышно одѣтый рабъ, который привезъ какое-то письмо.

— Что ему нужно въ такое раннее время? — сказалъ Филиппъ, разрѣзывая шелковую повязку и разламывая правительственную печать съ письма, которое и передалъ пресвитеру. Іоаннъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ прочиталъ его: «Астерій - властелинъ проситъ Іоанна почтить его своимъ свиданіемъ черезъ часъ отселѣ у Римскихъ воротъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ онъ могъ посѣтить мартирію *) святаго Лукіана».

Онъ передалъ съ улыбкой это письмо Филиппу.

— Да, вѣдь это измѣняетъ всѣ наши планы, — сказалъ Филиппъ: какъ однако странно! Его превосходительство, насколько я могъ замѣтить доселѣ, менѣе всего интересовался гробами мучениковъ. Но это будетъ прекраснѣйшая прогулка по берегамъ

*) Martyrium—церковь, основанная въ честь какого-нибудь мученика, на самомъ мѣстѣ его мученической кончины или погребенія.

Перев.

Оронта. Не позволишь-ли мнѣ отправиться съ тобой, по крайней мѣрѣ до Римскихъ воротъ? Мы должны почти сейчасъ-же отправиться, чтобы поспѣть туда во-время.

Черезъ нѣсколько минутъ они вышли изъ дома на Сингонскую улицу, въ которой родился Іоаннъ, въ которой онъ провелъ почти всю свою жизнь и на которой умерли его отецъ Секундъ, мать Аноуса и его единственная сестра. Было жаркое утро сирійской весны, когда они въ веселомъ настроеніи проходили по улицамъ, смотря то на великаго Харонія, то на статую антіохійской фортуны, то на домъ, гдѣ раньше жилъ Филиппъ. Передъ ними выступала сверкавшая серебромъ рѣка и они, проходя мимо предлинной колоннады у великолѣпнаго дворца, а также любуясь сверкавшими въ солнечныхъ лучахъ горами, конечно не имѣли и малѣйшей мысли о томъ, что для одного изъ нихъ на многіе годы, а для другого навсегда исчезнетъ съ этого момента эта пріятная картина, что имъ никогда не придется опять вмѣстѣ ходить по этимъ старымъ знакомымъ имъ улицамъ. Іоаннъ не могъ бы оставить дома своихъ родителей, въ которомъ протекло его дѣтство и гдѣ онъ провелъ столь много счастливыхъ, благополучныхъ лѣтъ, безъ продолжительнаго рыданія, если бы онъ имѣлъ хотя очень отдаленное представленіе о томъ, что, выйдя изъ дверей родительскаго дома въ столь спокойномъ состояніи, онъ никогда уже не переступитъ больше черезъ порогъ его. Сердце Филиппа разорвалось бы отъ воспоминанія о казни своего отца, о печальной смерти своей матери и о собственномъ жестокомъ наказаніи, равно какъ и объ ужасной судьбѣ друзей его отрочества, если бы только онъ зналъ, какъ долго послѣ этого онъ не увидитъ своей родной Антіохіи.

Неподалеку отъ Римскихъ воротъ ихъ встрѣтилъ Астерій, сіявшій самодовольной улыбкой. Онъ былъ сопровождаемъ конвоемъ тѣлохранителей и рабами, которые нѣсколько отстали, когда Филиппъ и Іоаннъ приблизились къ нему. Пресвитеръ со своимъ молодымъ спутникомъ недоумѣвали, почему это правитель такъ самодовольно улыбался и былъ ужъ очень почтителенъ; но имъ скоро пришлось узнать, что человѣкъ можетъ улыбаться съ самой почтительной миной и въ то же время быть участникомъ коварства или сообщникомъ въ хитрозадуманномъ планѣ.

Мартирія находилась неподалеку за городской стѣной и стояла въ тѣнистой рощѣ изъ дубовъ и лавровъ. Астерій пошелъ рядомъ съ Іоанномъ, а Филиппъ слѣдовалъ за ними, немного впереди конвоя. Но лишь только они повернули на дорогу, ведшую къ церкви, какъ Астерій, взявъ Іоанна за руку, просилъ его войти въ колесницу, которая поджидала ихъ тамъ.

— Я очень благодаренъ, властелинъ, сказалъ Іоаннъ, но у меня есть дѣла въ Антіохіи, и какъ только мы поклонимся гробу святаго мученика, я долженъ немедленно воротиться въ городъ.

— Пожалуйста, сдѣлай мнѣ одолженіе, сказалъ властелинъ, все еще продолжая улыбаться; а между тѣмъ подошелъ конвой и съ почтительнымъ насиліемъ посадилъ изумленнаго и взволнованнаго пресвитера въ колесницу, которая немедленно двинулась въ путь со всей быстротой.

— Что это такое, властелинъ? Что означаетъ это насиліе? Неужели ты устроилъ для меня засаду? Что такое случилось? Неужели меня хотятъ внезапно умертвить, какъ это было съ властелиномъ Лукіаномъ?

— Пожалуйста не безпокойся, отецъ, сказалъ властелинъ. Я не могу объяснить тебѣ этого теперь, но во всякомъ случаѣ тебѣ не угрожаетъ ни малѣйшая опасность или даже неделикатность.

— Неделикатность! сказалъ Іоаннъ; но развѣ не есть уже неделикатность захватить безобиднаго пресвитера, хитростью заманить въ колесницу и везти его, неизвѣстно куда.

— Извини меня, любезный пресвитеръ, сказалъ властелинъ, все еще улыбаясь съ прежней досадной любезностью. Колесница мчится по этой мощеной дорогѣ съ такой быстротой, что я едва въ состояніи разслышать тебя; но, пожалуйста, не волнуйся. Тебѣ не сдѣлано будетъ ни малѣйшей непріятности, — совершенно напротивъ! Я довезу тебя только до Пагръ — первой станціи.

Іоаннъ замолчалъ, потому что, хотя онъ терялся въ самыхъ странныхъ предположеніяхъ, однако, повидимому, было безполезно добиваться какихъ нибудь свѣдѣній отъ властелина, который своею несообщительностью походилъ на сфинкса.

Но что-же Филиппъ?

Когда колесница быстро помчалась отъ него, онъ былъ до

крайности встревоженъ, и это тѣмъ болѣе, что прежде чѣмъ колесница исчезла въ облакѣ пыли, воины и рабы, сопровождавшіе властелина, разразились громкимъ смѣхомъ. Они не были посвящены въ тайну, но знали, что тутъ не предстояло какого-нибудь преступленія и для нихъ вся эта уловка была источникомъ немалаго удовольствія. На всѣ самые настойчивые разспросы Филиппа, они не могли дать никакихъ свѣдѣній, кромѣ увѣренія Астерія, что все дѣло обстоитъ благополучно и что больше будетъ извѣстно по возвращеніи властелина. Въ одномъ только они были увѣрены, что Іоаннъ на нѣкоторое время будетъ взятъ изъ Антіохіи

Филиппъ былъ юноша мужественный и рѣшительный. Онъ немедленно порѣшилъ, что дѣлать. Немедленно воротившись въ городъ черезъ Римскія ворота, онъ нанялъ лошадь, поскакалъ на Сингонскую улицу, разсказалъ встревоженнымъ слугамъ, что ихъ господинъ увезенъ властелиномъ Астеріемъ и не возвратится въ теченіе нѣкотораго времени. Затѣмъ, не теряя ни минуты, онъ собралъ въ кожаный мѣшокъ нѣкоторыя изъ рукописей Іоанна и вообще такія вещи, которыя, какъ ему думалось, скорѣе всего понадобятся ему, и со всей быстротой, къ какой только способна была лошадь, поскакалъ въ Пагры. Немного не доѣхавъ до станціи, находящейся въ тридцати верстахъ отъ Антіохіи, онъ встрѣтилъ Астерія, возвращавшагося въ колесницѣ, въ которой, кромѣ властелина, сидѣлъ только одинъ изъ его слугъ и возница. Астерій повидимому все еще не могъ удержать своей улыбки: его забавляла мысль о томъ, въ какомъ состояніи духа будетъ пресвитеръ Іоаннъ, когда онъ узнаетъ тайну, что ему предназначено быть патріархомъ Константинополя *).

Филиппъ остановилъ свою лошадь, забывъ обо всемъ, кромѣ своей тревоги, и спросилъ властелина:

— О, господинъ мой, что сталось съ пресвитеромъ Іоанномъ?

— Не безпокойся, мой добрый юноша, — отвѣтилъ властелинъ, милостиво махнувъ ему рукою, украшенной многими перстнями, но не остановилъ колесницу.

---

*) Въ дѣйствительности титулъ патріарха въ документахъ встрѣчается позже, но историкъ Сократъ уже употребляетъ его, такъ что почти съ несомнѣнностью можно думать, что онъ употреблялся уже въ это время въ обычномъ разговорѣ. Авт.

Филиппъ помчался дальше.

Въ Паграхъ все населеніе находилось въ крайнемъ изумленіи, — потому что тамъ было двѣ императорскихъ колесницы, запряженныя роскошно убранными конями, и при нихъ находились два лица, очевидно, высокаго сана, такъ какъ ихъ сопровождали два взвода конныхъ воиновъ въ полномъ вооруженіи, ярко блестѣвшемъ на солнцѣ.

Тутъ опять были все тѣ же какія-то таинственныя улыбки, та же явная почтительность, но такая же очевидная рѣшимость ограничивать движенія Іоанна. Оба сановника немедленно подошли къ нему съ самыми изысканными привѣтствіями.

— Я, — сказалъ одинъ изъ нихъ, Амантій, милостынникъ императрицы Евдоксіи и выражаю почтительное привѣтствіе присвитеру Іоанну.

— А я, — сказалъ другой, Авреліанъ, начальникъ войскъ императора Аркадія. Эти два взвода воиновъ отдаются въ твое распоряженіе въ качествѣ конвоя, потому что они находятся подъ моимъ начальствомъ.

— Но что вамъ нужно отъ меня? — съ удивленіемъ спросилъ Іоаннъ; — властелинъ востока привезъ меня сюда совершенно противъ моей воли.

— Опасаюсь, что намъ придется дерзнуть увезти тебя еще немного дальше, — сказалъ Авреліанъ съ любезной почтительностью.

— Куда же? — спросилъ Іоаннъ.

Авреліанъ взглянулъ на Амантія, какъ бы спрашивая его, можно ли сказать Іоанну о его назначеніи.

Но сановникъ отрицательно качнулъ головой.

— Въ настоящее время, Іоаннъ, мы не можемъ объяснить тебѣ, — сказалъ онъ; ты узнаешь немного позже.

— Но я совершенно ничего не взялъ съ собой. Я просто вышелъ изъ дома для утренней прогулки; не могу ли я послать въ Антіохію за безусловно необходимыми для меня вещами?

— У насъ есть все, что ты только можешь потребовать себѣ, — все это въ твоемъ распоряженіи. Но извини меня, время весьма дорого; мы дадимъ тебѣ закусить и освѣжиться въ колесницѣ, а на слѣдующей станціи мы поужинаемъ.

Въ этотъ самый моментъ Филиппъ прискакалъ во дворъ гостинницы и, завидѣвъ своего господина и отца, бросился ему въ объятія и спрашивалъ, что случилось.

— Ты долженъ спросить вотъ этихъ господъ, сынъ мой, — сказалъ пресвитеръ; они не даютъ мнѣ никакихъ объясненій.

— Я привезъ тебѣ изъ дома нѣкоторыя вещи, — сказалъ Филиппъ, и куда пойдешь ты, туда пойду и я.

— Нѣтъ, это невозможно, мой добрый малый, — сказалъ добродушно Авреліанъ; мы не имѣемъ приказанія везти кого бы то ни было кромѣ Іоанна.

Филиппъ глянулъ на военачальника, а отъ него на доброе лицо евнуха милостынника, который былъ повидимому выше по сану и сказалъ:

— О, господинъ, не могу ли я поговорить съ тобой наединѣ?

— Только на одну минуту развѣ, — отвѣчалъ Амантій, отходя въ сторону. Мы теряемъ чрезвычайно дорогое время.

— Господинъ, — сказалъ Филиппъ, — пресвитеръ Іоаннъ — человѣкъ весьма слабаго здоровья, пищевареніе его до крайности было разстроено подвижничествомъ, когда онъ жилъ пустынникомъ на горѣ Сильпіѣ. Во всемъ, что касается тѣлесныхъ нуждъ, онъ просто какъ ребенокъ. Онъ никогда даже не позаботился бы о пищѣ или о чемъ нибудь другомъ, если бы кто-нибудь не прислужилъ ему. Я ухаживалъ за нимъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ сынъ, и умоляю тебя, позволить мнѣ сопровождать его. Я буду совершенно преданнымъ человѣкомъ, не буду строить никакихъ козней. Я готовъ пойти съ нимъ даже въ темницу или на смерть.

— Ты, я вижу, добрый малый, — сказалъ Амантій, ласково глядя на раскраснѣвшееся, но красивое лицо Филиппа.

— Ну, ладно, я пожалуй посмотрю и поговорю съ моимъ начальникомъ.

Онъ передалъ Авреліану, о чемъ просилъ его юноша.

— Берешь ли ты на себя отвѣтственность за него? — спросилъ военачальникъ.

— Да, беру.

— Въ такомъ случаѣ — можетъ ѣхать. Но мы должны немедленно же садиться въ колесницу. — Молодой человѣкъ, — обратился онъ къ Филиппу, — мы отправляемъ одного изъ нашихъ

воиновъ къ Астерію, онъ можетъ отвесть твою лошадь въ Антіохію, а ты можешь пользоваться его лошадью.

— Не тревожься, мой молодой другъ, — сказалъ Амантій, Іоаннъ счастливъ, что имѣетъ такого преданнаго слугу, какъ ты.

— Благодарю тебя, господинъ, — сказалъ Филиппъ, но онъ дважды спасъ мнѣ жизнь. Я обязанъ ему всѣмъ.

— Впередъ, воины, — скомандовалъ Авреліанъ, и колесница съ своимъ коннымъ конвоемъ быстро двинулась въ путь.

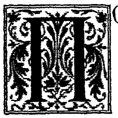
Безполезно было бы дѣлать какіе-нибудь дальнѣйшіе разспросы. Если бы Іоаннъ и пытался распрашивать, то царедворецъ, конечно, отвѣтилъ бы на вопросъ, но прикрываясь все той же лукавой улыбкой, не далъ бы прямого разъясненія дѣлу. Поэтому Іоаннъ, который привыкъ къ доброму попеченію во всѣхъ касавшихся его лично дѣлахъ, былъ весьма утѣшенъ тѣмъ, что при немъ былъ опять его безгранично преданный Филиппъ, и затѣмъ уже не безпокоился, что бы ни случилось. Не имѣя возможности предвидѣть, что подготовлялось для него въ будущемъ, онъ съ полнѣйшимъ самоотреченіемъ поручалъ свою судьбу водительству всеблагаго Промысла.

ГЛАВА XVI.

По пути въ Константинополь.

Ради неба, сядемте здѣсь,
И повѣдай намъ повѣсть о смерти
царей.
Ричардъ II, III, 2.

ОМИМО утомительности пути и неизбѣжной при неизвѣстности тревоги, путешествіе на протяженіи восьмисотъ миль къ Константинополю сановники старались сдѣлать для Іоанна, насколько возможно, пріятнымъ.

Любовь къ красотамъ природы, которою отличается наше время, въ древности была развита мало; но Іоаннъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые глубоко чувствовали красоты природы, и онъ не могъ быть равнодушнымъ къ грандіознымъ картинамъ, среди которыхъ пролегалъ ихъ путь. Когда они прибывали на какую-нибудь станцію уже въ сумерки, то онъ часто въ безмолвіи подолгу смотрѣлъ на звѣзды, — «эти вѣчные цвѣты неба», какъ называлъ ихъ святой Василій великій, и размышлялъ о своемъ неизвѣстномъ будущемъ, о ничтожествѣ жизни людей. Онъ глубоко интересовался также родиной св. апостола Павла, когда они проѣзжали черезъ Тарсъ, и не безъ любопытства смотрѣлъ на серебристый Киднъ, по которому знаменитая Клеопатра прогуливалась въ раззолоченной галерѣ. Если бы обстоятельства не были столь таинственны, то Филиппъ, конечно, былъ бы внѣ себя отъ удовольствія, скача на конѣ рядомъ съ воинами конвоя. Онъ чувствовалъ необычайную радость отъ перемѣны своего положенія, равно какъ отъ новыхъ представлявшихся ему картинъ обширнаго міра

и онъ естественно сдѣлался любимцемъ воиновъ, которыхъ онъ забавлялъ остроумными антіохійскими шутками, и развеселялъ своей непрестанной бодростью духа, а они въ свою очередь восхищались поразительной невинностью и нѣжностью его характера. При остановкахъ онъ обѣдалъ не съ ними, а вмѣстѣ съ Іоанномъ и двумя важными сановниками и спалъ всегда у ногъ своего господина или въ смежной съ нимъ комнатѣ. Послѣ нѣсколькихъ дней почти безостановочнаго путешествія, они прибыли въ Пессинъ — столицу Галатіи. Тамъ Іоаннъ и Филиппъ не безъ интереса могли любоваться украшенными легендарными сказаніями высотами горы Диндима и видѣли древній храмъ «матери боговъ» *), въ которомъ императоръ Юліанъ недавно передъ тѣмъ совершалъ свое языческое поклоненіе.

Амантій и Авреліанъ болѣе и болѣе привязывались къ своему узнику и его юному послушнику; они уже не скрывали болѣе того обстоятельства, что везли его въ Константинополь, хотя и заявляли, что для нихъ стоило головы сказать ему, зачѣмъ онъ тамъ былъ нуженъ, а самъ онъ не могъ даже и приблизительно догадаться, потому что онъ изгонялъ изъ своей души всякую болѣе или менѣе честолюбивую мысль, какая только могла промелькнуть у него въ головѣ. Чтобы его могли возвести на патріаршій престолъ Константинополя, это казалось ему совершенной нелѣпостью, и онъ содрогнулся бы при самой мысли объ этомъ, и отнюдь не восторгался бы ею.

При видѣ храма Цибелы, спадшій по преданію съ неба образъ которой за шесть вѣковъ передъ тѣмъ былъ отвезенъ въ Римъ, естественно мысли ихъ направились къ язычеству и идолопоклонству, и когда они отдыхали вечеромъ, Авреліанъ сказалъ:

— Идолопоклонство, мнѣ думается, такъ же древне, какъ само человѣчество; но теперь настало такое время, что я самъ видѣлъ, какъ ему наносились смертельные удары.

— Ты разумѣешь указы Ѳеодосія? спросилъ Іоаннъ, или неотразимый отвѣтъ Амвросія Симмаху, когда послѣдній ходатай-

*) Матерь боговъ — Цибела, бывшая предметомъ идолопоклонства въ Малой Азіи. Перев.

ствовалъ предъ Граціаномъ - о поставленіи жертвенника богини Побѣды въ римскомъ сенатѣ?

— Я разумѣю разрушеніе храма Сераписа и битву при Фригидѣ. Я присутствовалъ при томъ и другомъ.

— Разскажи-ка намъ о разрушеніи Серапеума.

— Это было событіе глубоко интересное, сказалъ Авреліанъ, но я желалъ бы, чтобы могъ отнестись къ нему съ безпримѣснымъ одобреніемъ. Христіане, послѣ того какъ Ѳеодосій запретилъ самыя жертвоприношенія въ 386 году, произвели много яростныхъ нападеній на храмъ. Язычники, въ родѣ Ливанія, говорятъ, что они поплатились за это и не всегда оставались безнаказанными. Сельское населеніе было сильно предано древнимъ капищамъ, въ родѣ капища въ Пессинѣ, тѣсно связаннаго со всѣми воспоминаніями и преданіями древности. Ты безъ сомнѣнія слышалъ, какъ Маркелъ, хромой епископъ апамейскій былъ убитъ во время своего нападенія на великій храмъ Юпитера. Но не одинъ храмъ не былъ еще такъ знаменитъ, какъ храмъ Сераписа. Онъ былъ основанъ первымъ Птоломеемъ и сама Александрія называлась «городомъ Сераписа». Храмъ этотъ стоялъ на горѣ, на которую вела мраморная лѣстница во сто ступеней. Онъ былъ чрезвычайно обширенъ, заключалъ въ себѣ большую библіотеку и наполненъ былъ великолѣпными статуями и драгоцѣнными произведеніями искусства. Самыя стѣны были покрыты серебряными и золотыми плитами. Разливъ Нила и благосостояніе страны въ вѣрованіяхъ народной массы находились въ зависимости отъ благоволенія Сераписа. Ливаній неразумно посмѣялся надъ Ѳеодосіемъ, что онъ оставилъ нетронутыми храмы въ Римѣ, Константинополѣ и въ Александріи, хотя позволилъ монахамъ нападать на болѣе незначительные храмы, разрушать и, увы, разграблять ихъ. Ѳеофилъ александрійскій — помимо его патріаршества — дерзкій и дурной человѣкъ — въ одно и тоже время кровожадный и алчный....

— Тсс!.. прервалъ его Іоаннъ, который никогда не колебался укорять даже сильнѣйшихъ міра сего, если считалъ это своимъ долгомъ.

— Ну, да, сказалъ Авреліанъ, онъ дѣйствительно такой, какъ я говорю, и даже, пожалуй, еще хуже того. Вѣдь и бла-

женный ап. Павелъ сказалъ когда-то первосвященнику іудейскому, что онъ «стѣна набѣленная...»

— Да, отвѣчалъ Іоаннъ, но вѣдь какъ только онъ узналъ, что это былъ первосвященникъ, то извинился и сказалъ: написано, «не злословь правителя народа твоего».

— Я, пожалуй, готовъ принять поправку, Іоаннъ, отвѣчалъ Авреліанъ съ улыбкой: какъ истинный воинъ онъ любилъ прямоту и откровенность. И затѣмъ онъ продолжалъ:

— Ѳеофилъ уже осквернилъ и разжаловалъ храмъ Озириса, и поклонники Сераписа, опасаясь того же и для своего храма, толпой оберегали отъ него Серапеумъ. Христіане собрались, чтобы сдѣлать на него нападеніе, и несомнѣнно произошло бы кровопролитіе, но власти вмѣшались въ дѣло и кое-какъ водворили спокойствіе, подъ условіемъ, что они посовѣтуются съ императоромъ. Ѳеодосій порѣшилъ разрушить храмъ въ отомщеніе за христіанскихъ узниковъ, которыхъ замучили и убили язычники. И дѣйствительно храмъ былъ немедленно ограбленъ и разрушенъ. И когда толпа ворвалась въ самое капище, гдѣ возсѣдалъ на тронѣ огромный золотой идолъ съ корзиной на головѣ и трехглавымъ чудовищемъ въ правой рукѣ, то въ суевѣрномъ страхѣ остановились. Небо и земля разрушатся, какъ вѣрилъ народъ, если будетъ нанесено оскорбленіе величію этого бога. Но одинъ изъ моихъ грубыхъ воиновъ не имѣлъ подобныхъ опасеній: онъ приставилъ лѣстницу къ статуѣ и среди мертваго безмолвія затаившей дыханіе толпы взошелъ по ней съ большимъ боевымъ топоромъ въ рукѣ. Затѣмъ смѣлый легіонеръ прямо изо всей силы ударилъ топоромъ въ лицо идола и сбилъ ему щеку. Толпа ожидала, что воинъ упадетъ мертвымъ или ослѣпленнымъ; однако ни молніи не сверкнуло, ни солнце не омрачилось ни малѣйшимъ облачкомъ; онъ ударилъ еще и еще, и его удары громкими отголосками разносились въ капищѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ пустая голова идола со звономъ покатилась по мраморному полу и изъ нея выскочилъ цѣлый рой крысъ, которыя, оказывается, свили себѣ тамъ совершенно уютное гнѣздо. Какъ только чернь увидѣла, что изъ головы чтимаго ею идола выпрыгивали и разбѣгались во всѣхъ направленіяхъ эти черныя прожорливыя твари, то суевѣріе ея перешло въ гнѣвное презрѣніе. Мнимый покровитель неба и земли не въ состояніи былъ защитить себя даже отъ крысъ! Народъ разра-

зился громами смѣха, массой бросился къ пьедесталу, стащилъ статую, издѣваясь надъ ея разбитымъ остовомъ, таскалъ ее по грязнымъ улицамъ и наконецъ сдѣлалъ изъ нея огромный костеръ. Въ разливѣ Нила не произошло ни малѣйшаго замедленія; разливъ былъ такъ великъ, что угрожалъ даже потопомъ. «Сераписъ, ропталъ народъ, хочетъ отомстить за себя». Но нѣтъ, вода поднялась не выше того, чѣмъ сколько требовалось для оплодотворенія полей. Съ того времени Сераписъ даже и въ Александріи пересталъ пользоваться поклоненіемъ.

Іоаннъ слушалъ и размышлялъ обо всемъ этомъ.

— Но, господинъ, скромно замѣтилъ Филиппъ Авреліану, ты сказалъ, что былъ также свидѣтелемъ другого замѣчательнаго удара, нанесеннаго язычеству.

— О, я вижу, сказалъ Авреліанъ, твоя юная голова пылаетъ и горитъ желаніемъ послушать о битвахъ. Мнѣ приходилось бывать во многихъ. Повѣрь мнѣ, это страшная вещь, даже когда мы бываемъ побѣдителями. Я слишкомъ хорошо помню побоище при Адріанополѣ. Въ это роковое 9-е августа 378 года я находился близъ самого императора Валента. Опоздай я только на одну минуту, я остался бы въ той хижинѣ, въ которой онъ былъ заживо сожженъ со своими послѣдователями, при чемъ варвары избили двѣ трети римскаго войска, изъ котораго, если бы не ночь, не спаслось бы ни одной души. Увы! это было возмездіемъ за наши прегрѣшенія! Если Валентъ позволилъ готамъ переправиться черезъ Дунай, чтобы пользоваться гостепріимствомъ римской земли, то онъ не долженъ бы допускать, чтобы ихъ оскорбляли и морили голодомъ. Однако даже и послѣ адріанопольскаго возмездія, въ тотъ самый годъ мы были повинны въ жестокомъ избіеніи всѣхъ обманутыхъ и обезоруженныхъ молодыхъ готовъ, что̀ я считаю однимъ изъ самыхъ страшныхъ предзнаменованій и гнусныхъ преступленій.

— Мнѣ не хотѣлось бы тебя спрашивать объ этихъ возмутительныхъ событіяхъ, сказалъ Филиппъ; но какъ битва при Фригидѣ положила конецъ язычеству?

— Я вкратцѣ разскажу тебѣ: это было 6-го октября 393 года. Евгеній — игрушечный императоръ галла Арбогаста — притворялся, будто покровительствуетъ дѣлу язычниковъ. Въ горныхъ

проходахъ онъ поставилъ статую Юпитера, у котораго правая рука была поднята какъ бы для удара, и вооружена золотыми перунами. Битва была весьма рискованная, потому что Арбогастъ расположилъ свои войска съ большимъ искусствомъ. Въ первый день непріятель имѣлъ успѣхъ. Готы Арбогаста на голову разбили готовъ, находившихся подъ начальствомъ Гайны, и избили десять тысячъ изъ нихъ. Θеодосій, уговариваемый многими изъ своихъ военачальниковъ, отступилъ бы, чтобы занять болѣе безопасную позицію, если бы онъ не думалъ, что это будетъ походить на пораженіе христіанства. «Наше знамя, носящее на себѣ крестъ», воскликнулъ онъ, «никогда не отступитъ предъ изображеніемъ Геркулеса»!

«Среди союзниковъ былъ одинъ великолѣпный молодой готъ, по имени Аларихъ, который, если я не ошибаюсь, еще дастъ о себѣ знать; онъ почти одинъ убѣждалъ императора возобновить битву. Непріятель проводилъ ночь въ пѣсняхъ и разгулѣ; Θеодосій провелъ ее въ молитвѣ. Во время сна онъ увидѣлъ двухъ грозныхъ человѣкъ на бѣлыхъ коняхъ, и они сказали ему, что они были апостолы Іоаннъ и Филиппъ, прибывшіе сражаться за него. На слѣдующее утро онъ не хотѣлъ разсказать объ этомъ снѣ своимъ войскамъ, чтобы не подумали, будто это вымыселъ, пока одинъ воинъ не заявилъ, что и ему во снѣ было совершенно тоже сновидѣніе. Тогда Θеодосій разсказалъ о бывшемъ ему видѣніи. Одежда его была орошена слезами, когда онъ снялъ ее, чтобы надѣть свои доспѣхи, и свою мокрую порфиру онъ повѣсилъ на дерево, какъ бы безмолвно умоляя этимъ небо. Наши воины были исполнены самаго безстрашнаго энтузіазма; при всемъ томъ я сомнѣваюсь, одолѣли ли бы мы, если бы вдругъ, — можно сказать сверхъестественнымъ образомъ, — б о р а, непреодолимый холодный вихрь изъ этихъ горъ, не ударилъ прямо въ лицо войскамъ Арбогаста. Мы ринулись на нихъ вслѣдъ за б о р о й и совершенно разбили ихъ. Θеодосій ворвался въ самую чащу боя, крича: «гдѣ Господь Богъ Θеодосія»? Самъ Евгеній не сражался, какъ это дѣлалъ Θеодосій, бывшій впереди своихъ войскъ. Его палатка была раскинута на возвышеніи въ безопасномъ отдаленіи и онъ стоялъ у дверей палатки въ порфирѣ и діадимѣ. Тамъ онъ былъ схваченъ воинами, которые, какъ ему воображалось, пришли

для того, чтобы привесть къ нему взятаго въ плѣнъ Θеодосія. Сорвавъ съ него порфиру, они поволокли его къ ногамъ побѣдителя, гдѣ онъ и лежалъ, трепеща всѣмъ тѣломъ. Θеодосій упрекалъ его за убійство юнаго Валентиніана. Онъ умолялъ о дарованіи ему жизни и Θеодосій дѣйствительно, по своей кротости, помиловалъ его и велѣлъ отпустить: но одинъ изъ воиновъ, разъяренный побоищемъ, своимъ мечемъ снесъ ему голову и поднялъ ее на пикѣ. Послѣ этого наши воины поломали статую Юпитера и, захвативъ золотые перуны, принесли ихъ Θеодосію. «Оставьте ихъ у себя,» сказалъ императоръ, находившійся въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Благодаримъ тебя, государь, отвѣчали воины, почаще бы насъ такъ поражали перуны!

— Θеодосій разразился веселымъ смѣхомъ отъ этой грубой остроты; воины подхватили его смѣхъ и такимъ образомъ язычество исчезло въ Александріи и при Фригидѣ при двухъ взрывахъ смѣха!

— Какъ жаль, что Θеодосій умеръ такъ скоро, послѣ своей великой побѣды, сказалъ Іоаннъ; но объ этомъ предсказалъ ему Іоаннъ, египетскій пустынникъ.

— Да, онъ промѣнялъ украшенную лаврами колесницу на гробъ и перешелъ отъ тріумфа къ погребенію. Онъ умеръ какъ разъ въ то время, когда былъ болѣе всего нуженъ. Быть можетъ тебѣ не доводилось читать стиховъ новаго блистательнаго поэта Клавдіана, извѣстнаго своимъ прославленіемъ Стилихона; но у него умирающій Θеодосій говоритъ совершенно вѣрно — вѣдь ты навѣрно понимаешь по латыни:

„Rês incompositas, fateor, tumidasque reliqui“ *)

— Былъ ли ты при немъ, когда онъ умиралъ?

— Да, я былъ при немъ. Я занималъ караулъ въ его комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ больнымъ. Тутъ прошло удивительно трогательное и прекрасное событіе. Зная, что послѣдній часъ его

*) „Признаюсь, что дѣла я оставилъ неустроенными и запутанными“. Claudian, De Bell. Gild. VI, 293.

близокъ, онъ послалъ за младшимъ сыномъ Гоноріемъ, тогда еще ребенкомъ. Императоръ былъ такъ слабъ, что не могъ даже присутствовать все время на играхъ цирка, дававшихся въ честь его побѣды; и послѣ полудня маленькій Гонорій занялъ его мѣсто. Чтобы обезпечить преданность Стилихона, онъ женилъ этого мальчика на Маріи — дочери Стилихона и Сирены его племянницы, которая всегда имѣла большое вліяніе на него. Эти два милые ребенка колѣнопреклоненно стояли у его смертнаго одра — Гонорій съ своими спокойными и правильными чертами и Марія съ своими розовыми щечками и длинными золотыми локонами. Тутъ же былъ Стилихонъ со своей бѣлой благородной головой, величаво поднимавшейся надъ всей толпой царедворцевъ. Прекрасная Сирена склонилась надъ своею маленькой дочерью; на ней было прекрасное жемчужное ожерелье, которое она быть можетъ незаконно сняла со статуи Реи — «матери боговъ»*).

— Не предсказывала-ли старая весталка-дѣва, что нѣкогда она будетъ задушена этимъ самымъ ожерельемъ? — спросилъ Амантій.

— Именно такъ, — сказалъ Авреліанъ: но я не считаю вѣроятнымъ, чтобы это предсказаніе исполнилось. Я могъ бы порассказать тебѣ и о многихъ другихъ событіяхъ. Я присутствовалъ и при умерщвленіи славнаго юноши — императора Граціана. Но теперь намъ нужно идти спать, потому что завтра намъ придется совершить далекій переѣздъ.

Въ Никеѣ на восточномъ берегу озера Асканія, Іоаннъ съ особеннымъ интересомъ посѣтилъ церковь, въ которой 72 года передъ тѣмъ первый христіанскій императоръ присутствовалъ на первомъ вселенскомъ соборѣ. Отсюда черезъ день пути они прибыли въ Никомидію, столицу Виѳиніи, любимую резиденцію Діоклитіана, передъ тѣмъ какъ онъ, разочаровавшись въ величіи и блескѣ императорской власти, отрекся отъ престола и удалился, чтобы найти себѣ больше счастія въ разведеніи капусты въ Салонѣ. Когда они проѣзжали черезъ деревню Анкеронъ, колесница на полчаса остановилась, чтобы дать ему возможность посѣтить домъ и комнату, въ которой великій Константинъ закончилъ свою блестящую и въ тоже время исполненную всякихъ треволненій жизнь.

*) Rhea — Рея — другое, староиталійское названіе Цибелы. Перев.

Вечеромъ онъ выразилъ желаніе, чтобы Амантій также поразнообразилъ ихъ путешествіе какими-нибудь воспоминаніями изъ своей жизни.

— Я былъ конечно, со вздохомъ сказалъ Амантій, человѣкомъ мирнымъ; и однако мнѣ довелось видѣть два или три такихъ событія, которыя пробудили во мнѣ интересъ къ востоку, какъ Авреліанъ былъ заинтересованъ западомъ. Онъ разсказалъ кое-что о великомъ Амвросіѣ; я съ своей стороны могъ бы поразсказать кое-что о великомъ Василіѣ и о его братѣ Григоріѣ Нисскомъ или о его другѣ Григоріѣ Назіанзинѣ, а также кое-что и объ императорѣ Юліанѣ, о его планахъ и дѣйствіяхъ.

— Разскажи намъ что нибудь о Василіѣ кесарійскомъ, сказалъ Іоаннъ.

— Единственный разъ, какъ я видѣлъ его, началъ Амантій, это было въ великомъ соборѣ его митрополіи. Императоръ Валентъ былъ не только аріанинъ, но и гонитель. Чтобы устрашить Василія и заставить его войти въ сообщеніе съ аріанами, онъ вошелъ въ тѣсный переполненный соборъ со своимъ копьеносцемъ (это было 20 лѣтъ тому назадъ). Народъ тѣснился, подобно волнамъ моря и громко распѣвалъ положенные на тотъ день псалмы. Позади святого престола, обратясь лицомъ къ народу, стоялъ архіепископъ съ посохомъ въ рукѣ, въ бѣломъ, украшенномъ четырьмя крестами, омофорѣ. Онъ стоялъ тамъ высокій, статный, неподвижный, какъ статуя. Борода у него была длинная, бѣлая, черты лица его тонки, но благородны; его огненный взглядъ устремленъ былъ на святой престолъ; вокругъ него стояли пресвитеры, и пылъ благоговѣнія и святой красоты въ церкви настолько поразилъ жестокаго императора, что когда онъ подошелъ, чтобы положить свою лепту, то затрепеталъ и тяжело повалился бы на полъ если бы одинъ пресвитеръ не подхватилъ его на руки. Валентъ нисколько не внушалъ къ себѣ уваженія. Константинопольская чернь открыто издѣвалась надъ нимъ, когда онъ отправлялся встрѣтить ожидавшую его судьбу, и со стѣнъ Халкидона народъ всячески оскорблялъ его, крича ему: «Сабаярій, Сабаярій» *),

*) Sabajarius — отъ Sabaja — пиво, приготовлявшееся изъ ячменя и бывшее любимымъ напиткомъ простонародья Иллиріи. Сабаярій — было поносительное слово — въ родѣ „пропойцы“, бражника. Перев.

т. е. «любитель выпить пивца.» Если бы народъ такъ отнесся къ его брату Валентиніану I, то онъ велѣлъ бы отдать ихъ на съѣденіе своимъ двумъ медвѣдямъ — «Золотой искрѣ» и «Невинности», которыхъ онъ держалъ въ клѣткѣ близъ своей спальни и кормилъ человѣческимъ мясомъ.

— Какой звѣрь! — рѣзко сказалъ Филиппъ.

— Василій былъ столь же великъ на востокѣ, какъ Амвросій на западѣ, замѣтилъ Іоаннъ; но Филиппъ шепнулъ мнѣ, что ему до смерти хотѣлось бы узнать, не присутствовалъ ли ты при умерщвленіи Руфина.

— Точно такъ. Это, нужно сказать, было тяжелое зрѣлище. Руфинъ нисколько не сомнѣвался, что въ этотъ именно день Аркадій назначитъ его своимъ соправителемъ съ титуломъ Августа. Онъ уже все приготовилъ къ этому — и порфиру и діадиму, велѣлъ сдѣлать большія приготовленія на угощенія народу, подновилъ свой несравненный дворецъ «Дубъ» въ Халкидонѣ. Составилъ и уже заучивалъ и благодарственную рѣчь, которую намѣревался произнести. Онъ былъ крещенъ Григоріемъ Нисскимъ; воспріемникомъ его былъ святой Аммоній, одинъ изъ трехъ или четырехъ «долгихъ братьевъ» изъ Египта. Онъ былъ умерщвленъ въ Евдомонѣ, въ семи миляхъ отъ Константинополя, какъ разъ послѣ того, какъ золотой гробъ Ѳеодосія былъ поставленъ въ церкви святыхъ апостоловъ съ выставленнымъ на показъ лицомъ почившаго императора. Руфинъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ завершенія стремленій своего честолюбія, которыя должны были превратить сына провинціальнаго чеботаря въ императора, что онъ имѣлъ дерзость дернуть Аркадія за порфиру, съ цѣлію поторопить его. И тогда то именно, когда военачальникъ Гайна съ его готами тѣсно окружилъ его въ угрожающей позѣ, одинъ воинъ вдругъ вонзилъ ему въ сердце свой мечъ. Одежда императора обагрилась кровью его министра и онъ въ ужасѣ бѣжалъ отсюда. Готы отрубили Руфину голову и подняли ее на колъ, какъ бы исполняя полученное имъ утромъ предсказаніе, «что онъ вернется назадъ въ этотъ день, имѣя голову выше всего». Затѣмъ они изрубили его тѣло въ куски. Одинъ воинъ отрубилъ ему руку и ухитрился сдѣлать такъ, что пальцы ея подъ извѣстнымъ давленіемъ открывались и закрывались. Онъ собралъ не мало денегъ, нося

по улицамъ эту руку и крича: «дайте оволъ ненасытному». Таковъ то былъ урокъ внезапнаго возмездія въ моментъ самыхъ упоительныхъ надеждъ!

— Не разскажешь-ли ты намъ что-нибудь изъ своихъ воспоминаній, Іоаннъ? въ свою очередь спросилъ Аврелій.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Іоаннъ; что можетъ разсказать такой смиренный пресвитеръ, какъ я? Вы все знаете о дѣлѣ по случаю ниспроверженія статуй въ Антіохіи, и съ другой стороны вамъ едва-ли могутъ быть интересны мои испытанія въ одной горной пещерѣ. Но позвольте, я всетаки разскажу вамъ одинъ небольшой случай. Вы знаете, что Валентъ, который былъ чрезвычайно суевѣренъ, находился въ крайней тревогѣ изъ-за магіи.

— Почему-же это? — спросилъ Филиппъ.

— Да потому, что нѣкоторые глупые люди въ Антіохіи пытались по указаніямъ языческаго волшебства узнать имя его преемника. Написавъ буквы алфавита въ видѣ круга, они по срединѣ круга держали на волоскѣ кольцо, дѣлая при этомъ извѣстныя причитанія. Кольцо крутилось, пока не касалось послѣдовательно буквъ *Ѳ Е О Д*. Но кромѣ этого впослѣдствіи заявляли, что эти буквы, указанныя магіей, оказывались въ четырехъ героическихъ стихахъ, гласившихъ, что преемникомъ Валента будетъ великій государь, что гадатели будутъ преданы смерти за свое любопытство, но что мщеніе падетъ на ихъ убійцъ, которые погибнутъ отъ огня на равнинѣ Мимы. Никто не зналъ, что подразумѣвалось подъ «равниной Мимы», пока Валентъ не сожженъ былъ живымъ въ крестьянской хижинѣ близъ Адріанополя, гдѣ затѣмъ найдена была одна старая гробница съ охранившимися на ней словами: «здѣсь лежитъ Мима, македонскій военачальникъ».

«Объ исходѣ гаданія втихомолку шептали всѣ и вездѣ. Исполненный ярости и подозрѣнія, Валентъ началъ мстить всѣмъ, и горе было человѣку, имя котораго начиналось съ буквъ ѲЕОД! Много Ѳеодоровъ, Ѳедотовъ было предано смерти, а многіе перемѣняли свои имена; но въ концѣ концовъ его дѣйствительный преемникъ Ѳеодосій*) спасся бѣгствомъ, потому что онъ въ то

*) ѲЕОДосій — имя котораго начиналось какъ разъ съ буквъ, указанныхъ магіей. Перев.

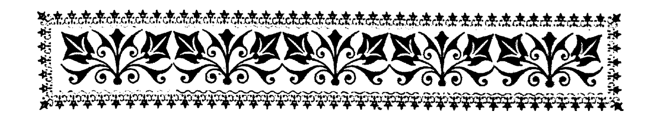
время жилъ въ качествѣ частнаго господина на своей испанской фермѣ. Но ужасы того времени не скоро будутъ забыты! Повсюду появились шпіоны и доносчики, выроставшіе подобно поганымъ грибамъ на сгнившемъ деревѣ. Наказанія были ужасны. Я самъ, сказалъ онъ съ невольнымъ содроганіемъ, видѣлъ, какъ знаменитый философъ Симонидъ былъ заживо сожженъ на форумѣ Антіохіи. Умирая, онъ со смѣхомъ говорилъ, что «убѣгалъ отъ жизни, какъ отъ сумасшедшей госпожи». Одинъ молодой человѣкъ былъ казненъ за то, что у него оказалась какая-то волшебная книга, другой за то, что произносилъ любовныя причитанія. Одна старуха погибла потому, что излечила дочь одного проконсула отъ лихорадки посредствомъ какой-то вещи. Одинъ мальчикъ погибъ изъ-за того, что избавился отъ боли въ желудкѣ посредствомъ произнесенія гласныхъ буквъ алфавита. Всѣ охвачены были какимъ-то безумствомъ. Цѣлыя библіотеки были уничтожены своими владѣльцами, чтобы не подвергнуться осужденію на пытку или на смерть за то, если бы нечаянно у нихъ оказалась какая нибудь книга по волшебству. Такимъ образомъ навсегда погибло много цѣнныхъ произведеній. И вотъ въ эти дни ужасной паники, когда люди почти боялись говорить иначе, какъ шепотомъ, я шелъ къ мѣсту мученичества святаго Вавилы со своимъ товарищемъ Ѳеодоромъ, теперь епископомъ мопсуестскимъ. Онъ былъ, несмотря на все свое смиреніе, въ большой опасности, потому что въ его имени находились роковыя буквы Ѳ Е О Д. Мы шли подъ тѣнью цвѣтущихъ деревъ по берегу Оронта, какъ вдругъ замѣтили, что по рѣкѣ плыветъ что-то бѣлое. Казалось, что это будто-бы виднѣлись листы книги, и мы просто изъ любопытства съ помощью своихъ палокъ вытащили плывшую вещь изъ воды. Но какимъ-же мы охвачены были ужасомъ, когда, взглянувъ на вынутую вещь, увидѣли, что это былъ папирусъ, весь исписанный волшебными формулами! Между тѣмъ, какъ разъ неподалеку оказался одинъ воинъ. Мы даже подозрѣвали, что это былъ какой нибудь доносчикъ и подкарауливалъ насъ. Наскоро мы ввернули камень въ листы и опять бросили ихъ въ рѣку. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней мы находились въ страшномъ опасеніи, но по милости Божіей ничего не случилось. Еслибы воинъ дѣйствительно увидѣлъ насъ, то мы погибли бы. Этотъ день я навсегда

помню, какъ день счастливаго избавленія отъ угрожавшей мнѣ величайшей опасности.

— Онъ былъ жалкимъ существомъ — этотъ Валентъ, замѣтилъ Авреліанъ.

На слѣдующее утро наши путники прибыли въ Халкидонъ и воды моря сверкали предъ ними, какъ золотое полотно. Черезъ узкій проливъ Босфоръ они видѣли сверкавшія стѣны, башни и дворцы Константинополя, этого новаго Рима.

ГЛАВА XVII.

Въ Константинополѣ.

Urbs etiam magnae dicitur aemula Romae
Et Chalcedonias contra despectat arenas *).
Ausonius.

Ъ ГАВАНИ халкидонской для новоизбраннаго патріарха уже было наготовѣ просторное судно, украшенное флагами съ золочеными драконами на носу и великолѣпнымъ балдахиномъ изъ пурпурнаго шелка. Судно управлялось пятью гребцами въ придворныхъ одеждахъ. Они быстро повезли сановниковъ по сверкающимъ волнамъ, къ крайнему удивленію Іоанна, который, при своей чуждой міру простотѣ, еще и теперь не догадывался объ окружающей его тайнѣ. На противоположномъ берегу ихъ ожидало огромное множество народа и привѣтствовало ихъ восклицаніями и криками радости, въ которыхъ Іоаннъ постоянно слышалъ свое имя. На берегу ихъ ожидала высокая колесница преторскаго префекта, стоявшаго по чину выше всѣхъ «illustres», и въ этой колесницѣ они бойкимъ шагомъ поѣхали къ патріархіи, т. е. къ дому архіепископа. Улицы передъ ними расчищались толпою нарядно-одѣтыхъ скороходовъ. Пресвитеръ съ нѣмымъ вопросомъ смотрѣлъ на своихъ дружелюбныхъ плѣнителей. Все съ тою-же таинственной улыбкой, они сообщили ему что въ настоящій разъ ему будетъ приготовлено помѣ-

*) Городъ этотъ, говорятъ, соперничаетъ съ великимъ Римомъ
И смотритъ на халкидонскія равнины.
Авзоній.

щеніе въ домѣ Нектарія и что затѣмъ, когда онъ освѣжится баней и подкрѣпится утренней трапезой, нѣкоторые изъ дворцовыхъ сановниковъ поѣдутъ съ нимъ на аудіенцію сначала у великаго царедворца, а затѣмъ у самого императора. Вполнѣ отдаваясь теченію событій и по возможности подавляя въ себѣ проявленіе любопытства, хотя и сознавая, что наступалъ какой-то великій переломъ въ его жизни, Іоаннъ предался тихой молитвѣ. Но Филиппъ, при своей юной восторженности, находился въ самомъ возбужденномъ состояніи и смотрѣлъ во всѣ глаза. Все это путешествіе было для него цѣлымъ рядомъ самыхъ веселыхъ развлеченій и онъ съ удовольствіемъ вникалъ во всѣ подробности неизвѣстнаго ему дотолѣ міра. Да и кто могъ-бы безъ интереса смотрѣть на знаменитый городъ, бывшій соперникомъ самому Риму? Во время быстраго проѣзда онъ могъ лишь смутно замѣтить куполы, бани, колонны, статуи и церкви, раскинувшіяся на семи холмахъ Византіи, пока они не вступили во второй изъ четырнадцати округовъ города. Этотъ округъ находился на холмѣ, на которомъ Константинъ раскидывалъ свою палатку, и онъ избралъ этотъ холмъ мѣстомъ своего главнаго форума. Колесница проѣхала черезъ тріумфальную арку и со всѣхъ сторонъ портикъ уставленъ былъ избраннѣйшими произведеніями древняго греческаго скульптурнаго искусства. Рядомъ съ аркой въ особомъ помѣщеніи находилась старая статуя Цибелы, которая, какъ гласило преданіе, была привезена Аргонавтами съ горы Диндима. Она была превращена въ статую покровителя города, причемъ львы, находившіеся у ногъ богини, были удалены и руки ея изъ положенія повелительности были измѣнены въ положеніе умоляющее. Въ центрѣ форума стояла мраморная и порфирная колонна въ сто двадцать футовъ высотою; на ея вершинѣ Константинъ поставилъ свою собственную статую, которая должна была изображать его въ переходный моментъ его жизни. Вокругъ его головы находилось нѣсколько гвоздей, привезенныхъ его матерью, святой Еленой, изъ Іерусалима и взятыхъ отъ Животворящаго Креста (язычники впрочемъ наклонны были смотрѣть на эти гвозди, какъ на лучезарную корону ихъ стараго бога солнца). Статуя его, однако, была замѣнена статуей Юліана, а статуя Юліана — статуей Θеодосія, которая теперь и находилась на колоннѣ. На вполнѣ откры-

томъ пространствѣ стояла церковь святой Софіи или Божественной Мудрости, нѣкогда бывшая «храмомъ мира»; къ югу отъ нея находилась вторая площадь — длинный прямоугольникъ, обнесенный съ одной стороны стѣной гипподрома, а съ другой — стѣной Августеума или императорскаго дворца, теперь занятаго Сералемъ. На ней стоялъ знаменитый «Миліонъ», отъ котораго шли всѣ измѣренія дорогъ на востокѣ. Это было куполообразное зданіе, окруженное аркой изъ семи колоннъ, украшенное статуями, среди которыхъ были статуи Константина Великаго и святой Елены. На восточной сторонѣ второй площади шелъ длинный портикъ, называемый «пассажемъ Ахилла»; прилегавшія бани Зевксиппа были украшены статуями Аѳины (произведеніями Линда) и музами Геликона, Амфитриты Родосской, Пана, поставленнаго греками послѣ пораженія Ксеркса и другими прекраснѣйшими произведеніями первѣйшихъ греческихъ скульпторовъ. Къ сѣверу находились знаменитыя бани и сенатъ, построенный Юліаномъ, и какъ только колесница миновала это зданіе, они остановились у великолѣпнаго дворца: это была патріархія, резиденція архіепископа Константинопольскаго Нектарія. Какъ не похоже было на это роскошное зданіе то скромное помѣщеніе, которымъ когда-то довольствовался великій и святой Григорій Назіанзинъ!

Здѣсь Іоаннъ и Филиппъ сошли съ колесницы, сердечно распрощались съ Амантіемъ и Авреліаномъ, которыхъ они искренно полюбили за всю ихъ доброту и любезность къ нимъ.

— Мы часто будемъ встрѣчаться опять, сказалъ Амантій. По правдѣ сказать — мы увидимся съ вами во дворцѣ черезъ какой-нибудь часъ времени.

Въ патріархіи уже приготовленъ былъ роскошный завтракъ и у стола наготовѣ стояли слуги; но Іоаннъ сказалъ имъ, что ему нужно очень немного пищи и что прислуживать ему будетъ Филиппъ. Филиппъ открылъ мѣшокъ, второпяхъ захваченный въ Антіохіи, и досталъ пресвитеру новую одежду вмѣсто заношеннаго и запачканнаго въ пути платья. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и самъ одѣлся въ свою лучшую антіохійскую одежду, и хотя онъ не былъ тщеславенъ, однако, взглянувъ въ большое полированное зеркало въ серебряной рамѣ, не могъ не согласиться, что выглядѣлъ не дурно. Немного отдохнувъ и подкрѣпившись, Іоаннъ, неизмѣнно

сопровождаемый Филиппомъ, отправился на аудіенцію къ Евтропію — всемогущему министру имперіи.

Пройдя большую палату патріаршаго дома, извѣстную подъ названіемъ «Θомаиты» *), они миновали небольшую церковь «Владычицы нашей Богородицы», стоявшую въ кварталѣ іудейскихъ бронзовщиковъ, такъ называемой Халкопратіи. Въ окружавшей дворецъ стѣнѣ были ворота, извѣстныя подъ названіемъ воротъ Мелетія, въ честь святого епископа Антіохіи, черезъ которыя императоръ обыкновенно ходилъ потайной деревянной лѣстницей **), соединявшей пространство между церковью Богородицы и церковью святой Софіи.

Этимъ входомъ они были проведены въ цѣлый рядъ комнатъ, занимавшихся Евтропіемъ — praefectus sacri cubiculi т. е. великимъ царедворцемъ-спальничимъ. При входѣ въ залъ было много всякаго рода слугъ, и тутъ съ ними долженъ былъ остаться и Филиппъ; Іоаннъ же проведенъ былъ во внутренніе покои. Сановникъ, сопровождавшій его, постучалъ своимъ золотымъ жезломъ въ створчатую дверь, которая раскрылась, и Іоаннъ увидѣлъ великаго царедворца, сидящимъ за отдѣльнымъ, обложеннымъ драгоцѣнными мраморами столомъ, на которомъ стоялъ большой золотой письменный приборъ и большой ящикъ съ перьями — также изъ чеканнаго золота. По одну сторону его стояли завѣдующій священнымъ гардеробомъ, министръ двора и спальничій, по другую сторону стоялъ Амантій, какъ милостынникъ императрицы Евдоксіи, и Авреліанъ, какъ начальникъ дворцовыхъ гвардейцевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Silentiarii и Palatini ;***) по обѣимъ сторонамъ дверей стояло по четыре этихъ вооруженныхъ воина.

Вмѣстѣ съ этими высокими сановниками дворца, стояли два первыхъ любимца и самыхъ довѣренныхъ агента великаго царедворца, — люди, которыхъ онъ поднялъ изъ грязи, чтобы сдѣлать ихъ князьями. Одинъ изъ нихъ былъ испанецъ Озій, когда то

*) Thomaites.

**) Skepaste Scala.

***) Silentiarii — дворцовые воины, на обязанности которыхъ было поддерживать тишину около особы государя или царедворцевъ; Palatini — дворцовая гвардія, занимавшая почетные караулы.

Перев.

бывшій поваромъ и навсегда оставшійся негодяемъ, котораго Евтропій сначала возвысилъ въ санъ правителя священныхъ щедротъ, а затѣмъ сдѣлалъ начальникомъ должностей т. е. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Другой былъ Левъ, нѣкогда — ткачъ, а теперь тучный, благодушный, любившій выпить генералъ. Онъ носилъ прозвище Аякса, потому что въ противоположность Тидиду, маленькое тѣло котораго носило въ себѣ великій духъ, все его величіе заключалось въ крупныхъ, жирныхъ тѣлесахъ. Клавдіанъ описываетъ его, какъ

Abundans
Corporis exiguusque animi —
Обильный тѣломъ и малый духомъ.

Евтропій немедленно всталъ и сдѣлалъ низкій поклонъ; въ смущеніи пресвитеръ Іоаннъ видѣлъ передъ собою дѣйствительнаго властелина восточной имперіи, который именно и руководилъ всѣми дѣйствіями императорской власти.

Это былъ маленькій лысый старикъ, съ жидкой бахромой сѣдыхъ волосъ вокругъ лысины. Лицо у него пожалуй когда-то было красивымъ въ своихъ чертахъ и пріятнымъ въ своемъ выраженіи, но теперь оно сморщилось отъ преждевременной старости и по лбу шли глубокія морщины. Годы позорнаго униженія, годы угнетающей бѣдственности, годы торжества, алчности, преступности, годы хитрой дипломатіи, въ теченіе которыхъ онъ держалъ въ своихъ изможденныхъ рукахъ всѣ нити имперіи, оставили свои разнообразные, но легко уловимые слѣды на его лицѣ. Если еще что нибудь изъ того, что оставалось отъ его лучшихъ дней, просвѣчивало въ его взглядѣ или мелькало на его хорошо сложенныхъ устахъ, то въ общемъ въ выраженіи его лица болѣе всего просвѣчивало лукавство, сказывалась худо скрываемая заносчивость и видны были проблески ожесточенной ненависти и презрѣнія, съ которыми онъ относился къ большинству человѣческаго рода. Евтропій держался того мнѣнія, что почти каждый человѣкъ можетъ быть подкупленъ за ничтожную цѣну и онъ неоднократно наслаждался мрачнымъ самоудовлетвореніемъ при видѣ того, какъ сановники, стоявшіе высоко въ гражданскомъ или духовномъ мірѣ, готовы были и даже искали случая низкопоклонничать передъ нимъ, цѣловать ему ноги, продавать ему свои души за чечевичную по-

хлебку. Проклятіемъ его жизни было то, что онъ совершенно потерялъ всякую вѣру въ человѣческое достоинство. Онъ презиралъ всѣхъ людей, кого только зналъ,—и никому не довѣрялъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, интересы которыхъ, подобно интересамъ Озія и Льва, были неразрывно связаны съ его собственными.

Но если въ мірѣ былъ еще такой человѣкъ, котораго уважалъ Евтропій и въ нравственное превосходство котораго вѣрилъ, то это былъ антіохійскій пресвитеръ, который теперь введенъ былъ въ его покои и стоялъ передъ нимъ. Онъ слышалъ громы его восторженнаго ораторства, когда Златоустъ проповѣдывалъ въ великомъ храмѣ Антіохіи. Въ его пламенномъ краснорѣчіи онъ признавалъ вопль, исходящій изъ человѣческаго сердца. Никогда онъ раньше не слыхалъ столь неземныхъ тоновъ и столь сильной, пламенной искренности. Его слова подобно молніи озаряли внутреннюю сущность каждаго, обнажая ту мрачную бездну злобы, ожесточенности и коварства, подъ которыми, подобно погасающей искрѣ подъ толстымъ слоемъ пепла, томилась истинная натура человѣка, какимъ создалъ его Богъ. Да, это было дѣйствительное краснорѣчіе, истинное ораторство ученика Ливанія. Но подъ этимъ краснорѣчіемъ горѣло пламя убѣжденія и истины. Евтропій, услушавъ его, поблѣднѣлъ, и въ тотъ же самый моментъ, затрепетавъ всѣмъ существомъ и устрашась тона, столь непохожаго на мягкія, льстивыя рѣчи заурядныхъ проповѣдниковъ столицы, встрепенулся душой. Въ немъ проснулась давно уже спавшая совѣсть и грозно предъявляла свои неумолимыя требованія. Неотразимые нравственные укоры великаго проповѣдника, хотя они не относились лично къ нему, хотя Іоаннъ не подозрѣвалъ и самаго присутствія тогда еще мало кому извѣстнаго жалкаго евнуха, поразили Евтропія до глубины души, и онъ впервые понялъ, какая великая вещь есть добродѣтель и какъ страшно попирать ее. Это впечатлѣніе никогда съ того времени не изглаживалось въ его душѣ, и теперь онъ вновь почувствовалъ его. Но ему пріятно было думать, что подъ вліяніемъ этого именно впечатлѣнія онъ постарался сдѣлать по крайней мѣрѣ одно истинно-доброе дѣло, возвышая этого проповѣдника въ должность, которая въ рукахъ достойнаго и вѣрнаго своему долгу человѣка могла бы считаться одной изъ высочайшихъ должностей въ мірѣ.

Іоаннъ не потерялъ своего самообладанія, хотя онъ и не могъ нѣсколько не волноваться при сознаніи того, что теперь такъ долго скрываемая тайна, о которой менѣе чуждый міру умъ давно бы ужъ догадался, должна была наконецъ раскрыться передъ нимъ. Онъ съ достоинствомъ отвѣтилъ на низкій поклонъ Евтропія, Озія и Льва и слегка кивнулъ на улыбки своихъ друзей Амантія и Авреліана. Но Евтропій, почти теряясь, въ какихъ выраженіяхъ ему высказать свое извиненіе за ту неожиданность, какую онъ приготовилъ своему посѣтителю, стоялъ передъ нимъ, все еще кланяясь и съ нѣкоторымъ смущеніемъ потирая себѣ руки.

— Я долженъ, — сказалъ онъ, дѣлая опять поклонъ, извиниться предъ твоимъ святѣйшествомъ...

— «Святѣйшествомъ!» — воскликнулъ изумленно Іоаннъ. Βαβαὶ, что ты говоришь? *) о, я просто лишь смиренный священникъ изъ Антіохіи, и у насъ не употребляются такіе титулы.

Сановники и даже Евтропій не могли не улыбнуться при этомъ. Но царедворецъ продолжалъ:

— Извини меня, отецъ, ты уже не смиренный пресвитеръ Флавіана въ Антіохіи: ты — архіепископъ Константинополя и патріархъ востока!

Такъ вотъ въ чемъ была тайна! Дѣйствительно, уже во время путешествія однажды въ головѣ Іоанна промелькнула эта мысль, потому что бойкій и любопытный Филиппъ высказалъ ему это, какъ вѣроятную возможность. Но Іоаннъ немедленно отвергъ ее, какъ слишкомъ нелѣпую, чтобы даже останавливаться на ней.

Онъ стоялъ въ смущеніи, почти потрясенный этимъ неожиданнымъ сообщеніемъ.

— О, пощади меня! — воскликнулъ онъ наконецъ, сдѣлавъ одинъ изъ тѣхъ рѣзкихъ жестовъ отрицанія, которые составляютъ отличительную особенность жителей востока. — «Я не желаю никакой почести; я не люблю такого бремени; я предвижу, что все это закончится треволненіями и несчастіями и ты самъ раскаешься въ этомъ и пожалѣешь. Вѣдь меня совсѣмъ не спрашивали объ этомъ, я былъ хитростью увезенъ изъ своего дома противъ моей воли! О, Амантій, о, Авреліанъ! вы оказались жестокими друзьями.

*) Βαβαὶ — восклицаніе, равносильное: ахъ, помилуй, что это значитъ?

— Нѣтъ, сказалъ Евтропій пресвитеру, Іоаннъ долженъ простить насъ всѣхъ. Мы сомнѣвались, согласится-ли Іоаннъ на предложеніе, и въ то же время знали, что антіохійцы слишкомъ любятъ его, чтобы разстаться добровольно. Вотъ почему единственно мы и прибѣгли къ нашей маленькой хитрости, и мы надѣемся, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ твои желанія и удобства будутъ надлежащимъ образомъ удовлетворены.

— О, все это ничто, сказалъ Іоаннъ, ломая себѣ руки; я долженъ отказаться, потому что не могу быть патріархомъ Константинополя. Я человѣкъ безъ всякаго честолюбія, я не царедворецъ. Гораздо скорѣе я готовъ предпочесть мрачную пустыню на горѣ Сильпіѣ, въ которой едва не умеръ. О, если бы угодно было Богу, чтобы я умеръ тамъ, — тогда ничего этого не случилось бы со мною!

Евтропій былъ нѣсколько смущенъ и озадаченъ. Онъ хотѣлъ осчастливить смиреннаго пресвитера безграничною милостью, и конечно ожидалъ, что осчастливленный имъ пресвитеръ будетъ разсыпаться предъ нимъ въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ благодарности. Развѣ у него не было на виду другихъ епископовъ или священниковъ, которые въ восторгѣ изливались бы предъ нимъ въ благодарности за столь великолѣпную милость? Теперь же ему пришлось по необходимости извиняться, оправдываться.

— Я свидѣтельствую передъ тобой, сказалъ онъ, что ты не добивался этого отвѣтственнаго положенія; но мы не должны избѣгать отвѣтственности, когда она возлагается на насъ его Вѣчностью императора.

— Его Вѣчностью! въ изумленіи воскликнулъ Іоаннъ, для котораго, какъ непривычнаго къ изысканнымъ терминамъ византійскаго двора, этотъ титулъ прозвучалъ чѣмъ-то совершенно непонятнымъ и несообразнымъ съ смертнымъ существомъ человѣка.

— О, смущенно сказалъ Евтропій, это лишь просто титулъ. Съ своей стороны присутствовавшіе при этомъ Левъ и Озій были такъ поражены этимъ страннымъ для нихъ примѣромъ независимости, что съ трудомъ удерживались отъ открытаго смѣха.

— Это несомнѣнно самый неподходящій титулъ, сказалъ Іоаннъ. Я думалъ, что онъ подъ вліяніемъ св. Аѳанасія давно вышелъ изъ употребленія—уже во времена императора Констан-

тина. Какой же послѣ этого титулъ вы можете придать самому Христу? но давать его человѣку!? Всякая плоть, какъ трава; трава засохнетъ, человѣкъ пропадаетъ. О, позвольте мнѣ возвратиться въ мой скромный домикъ въ Антіохію: я не могу дышать этимъ удушливымъ воздухомъ лести.

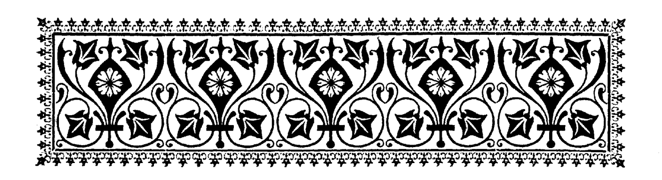
— Клянусь Вакхомъ, прошепталъ Левъ, выраженія котораго не всегда подбирались изысканно, — ты поймалъ какого-то гунна!

Евтропій былъ серьезно смущенъ. Вотъ онъ возводилъ этого пресвитера въ высшій духовный санъ, а между тѣмъ Іоаннъ вмѣсто того, чтобы благодарить его за великую милость, сразу началъ съ обличеній ему! Но вмѣстѣ съ тѣмъ это невольно заставляло его еще сильнѣе чувствовать поистинѣ царственную независимость и искренность пресвитера. Почти въ первый разъ въ своей жизни онъ встрѣтился съ истиннымъ христіаниномъ и совершенно безкорыстнымъ человѣкомъ!

— Ну, хорошо, хорошо, мой любезный пресвитеръ; мы какъ нибудь уладимся съ этими формами выраженія; но я долженъ сказать, что мы всѣ должны повиноваться желаніямъ императора. Онъ теперь ожидаетъ тебя въ пурпурной палатѣ; готовъ-ли ты предстать предъ нимъ?

— Готовъ, проговорилъ Іоаннъ. Ахъ, если бы все это было иначе! Но да будетъ воля Божія!

ГЛАВА XVIII.

Императоръ и императрица.

АТѢМЪ сановники поднялись и, представляя собою блестящую свиту, повели Іоанна, рядомъ съ которымъ шелъ Евтропій. Пурпурная палата, въ которую они введены были рабами, называлась такъ отчасти вслѣдствіе того, что полъ и стѣны ея были выложены порфиромъ, отчасти вслѣдствіе богатыхъ пурпурныхъ занавѣсей, шитыхъ золотомъ. Вся роскошь новѣйшаго времени показалась бы почти ребяческой простотой по сравненію съ невообразимою роскошью византійскаго блеска. Полъ по срединѣ былъ посыпанъ золотой пылью, привезенной изъ далекихъ странъ на корабляхъ и колесницахъ съ огромными расходами, и все это для того, чтобы священныя ноги императора не осквернились, ступая на что-нибудь менѣе цѣнное, чѣмъ требовалось его достоинствомъ. Стѣны, выложенныя алебастромъ и другими блестящими мраморами, были разукрашены агатомъ и сердоликомъ. Лучи восточнаго солнца ярко отражались на колоннахъ нумидійскаго розоваго и золотистаго мрамора.

Іоаннъ былъ почти ослѣпленъ внезапнымъ блескомъ всей этой роскоши, къ которой онъ былъ совсѣмъ непривыченъ. Въ промежуткахъ до самой средины зала стояли двѣ линіи дворцовыхъ воиновъ. На нихъ были сидонскіе военные плащи, такъ богато украшенные, что пояса ихъ были унизаны жемчугами, а шлемы смарагдами *).

---

*) Claudian. De Laud. Stil. II 88.

Между ними и позади ихъ была масса царедворцевъ во всевозможныхъ чинахъ византійской іерархіи — perfectissimi, egregii, illustres и spectabiles. На концѣ залы стояла стража изъ высокихъ, тяжело вооруженныхъ готскихъ воиновъ съ ихъ золотыми воротниками, и ближе къ императору стояли четыре преторскихъ префекта, выдававшіеся, подобно ему, своею пурпурной одеждой или мантіей, которая, однако, у нихъ доходила только до колѣнъ. По срединѣ залы на тронѣ, поддерживаемомъ золотыми львами, сидѣлъ Аркадій на шелковыхъ подушкахъ, разшитыхъ жемчугомъ; на его пурпурной одеждѣ золотомъ были вышиты драконы, составлявшіе принадлежность его императорскихъ регалій. Вся его фигура сверкала драгоцѣнностями, и изъ ушей у него свѣшивались огромные рубины и смарагды. Вокругъ шеи сверкало ожерелье изъ большихъ восточныхъ жемчужинъ, а на груди свѣшивались цѣпи изъ драгоцѣнныхъ камней, очень большіе по своему объему и яркіе по блеску. Страсть къ драгоцѣнностямъ, которой отличались римскіе императоры, перешла по наслѣдству и къ позднѣйшимъ императорамъ. Вокругъ головы Аркадія съ ея темными волосами была діадима, пурпурная шелковая повязка, вышитая жемчугами, рубинами и смарагдами.

Аркадій былъ еще не болѣе, какъ девятнадцатилѣтній юноша; но казалось, будто въ его худо сложенномъ тѣлѣ никогда не было огня юной крови или мужественности и пыла жизни, или по крайней мѣрѣ онъ уже давно былъ потушенъ въ немъ пустымъ и скучнымъ великолѣпіемъ, среди котораго проходила его жизнь. По своему уму это былъ человѣкъ совершенно слабый; характеръ у него былъ вялый и застѣнчивый. Іоаннъ сразу окинулъ его однимъ взглядомъ. Это былъ небольшого роста молодой человѣкъ, слабаго здоровья, вообще вялаго тѣлосложенія. Густыя брови, нависшія надъ глазами, придавали ему всегда полусонный видъ. За исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда на короткое время онъ выходилъ изъ своей апатіи и начиналъ говорить, рѣчь его была вяла и какъ то не охотно выходила изъ его устъ въ короткихъ, небрежныхъ выраженіяхъ. Онъ всецѣло утопалъ въ лѣнивой чувственной роскоши, хотя былъ слишкомъ апатиченъ даже для того, чтобы предаваться порочности. Вообще этотъ властелинъ міра былъ рожденъ для того, чтобы быть рабомъ у всякаго, кто обладалъ достаточной

ловкостью и умѣлъ пользоваться благопріятными обстоятельствами для превращенія его въ полное безпомощное орудіе своихъ стремленій, и плановъ. Взглядъ Аркадія, который былъ императоромъ уже съ восьмилѣтняго возраста и былъ женатъ семнадцати лѣтъ, не обнаруживалъ ничего кромѣ безграничной апатіи. У него не было даже того развлеченія, какому предавался его младшій братъ, страстно преданный разведенію куръ. У него едвали было даже настолько энергіи, насколько было ея у Людовика XV, который, беря какого-нибудь царедворца за пуговицу, обыкновенно говорилъ: «поскучаемъ вмѣстѣ» — «Ennuyons nous ensemble!» Іоаннъ не могъ не удивляться, какъ это случилось, что такое жалкое существо, равно какъ его жалкій братъ Гонорій, могли быть сыновьями способнаго, мужественнаго, красиваго Ѳеодосія, и почему судьба міра должна была перейти въ руки, для которыхъ столь непосильно было это бремя.

Если когда-нибудь существовалъ человѣкъ вполнѣ достойный сожалѣнія, то это былъ именно этотъ злополучный властелинъ міра. Вся его юность прошла безъ малѣйшаго проблеска истинной радости. Онъ рѣшительно не интересовался ничѣмъ и не довѣрялъ ни кому. Даже къ министрамъ онъ относился съ тупой ревнивостью и подозрѣніемъ и скоро раздѣлался бы съ ними, если бы только могъ обходиться безъ нихъ. Евтропія онъ терпѣлъ только потому, что тотъ избавлялъ его отъ всякихъ заботъ и освобождалъ отъ всѣхъ невыносимыхъ тяжестей, неразлучныхъ съ управленіемъ имперіей, вникалъ во всѣ мельчайшія подробности представлявшихся ему на утвержденіе дѣлъ, устраивалъ для него увеселенія, которыя могли хоть отчасти разгонять его смертельную скуку и, такимъ образомъ, разнообразилъ его безотрадное времяпрепровожденіе. Не смотря на это, несчастный маленькій человѣчекъ чувствовалъ невыносимую скуку и не зналъ, что съ собой дѣлать. И вотъ этотъ властелинъ міра сидѣлъ въ своей обширной палатѣ, въ своихъ «священныхъ» покояхъ, представляя совершенно безрадостнаго человѣка. Все для него казалось безвкуснымъ и самая красота не возбуждала ни малѣйшей прелести; никакія удовольствія не доставляли ему наслажденія и въ мертвящей скукѣ день тянулся за днемъ.

Великій царедворецъ и другіе сановники подошли къ нему

и, дѣлая колѣнопреклоненія и даже земные поклоны, вмѣстѣ съ тѣмъ заслоняли рукой глаза, какъ будто будучи ослѣплены божественнымъ и солнце подобнымъ сіяніемъ императора. Іоаннъ низко поклонился и затѣмъ съ простымъ сознаніемъ своего достоинства выступилъ впередъ. Евтропій взялъ его за руку и представилъ Аркадію.

— Вотъ, сказалъ онъ, Іоаннъ — пресвитеръ изъ Антіохіи, котораго твое священное величество соизволило назначить на освободившуюся архіепископію.

— А, сказалъ Аркадій тихо и вяло,—я радъ видѣть тебя.

Іоаннъ поклонился опять и такъ какъ Аркадій не имѣлъ сказать ничего больше, то отвѣчалъ:

— Я благодарю твою милость; хотя, если бы меня спросили о томъ, я радъ бы былъ остаться въ моей прежней безизвѣстности.

— Ну, хорошо, сказалъ императоръ; ты будешь посвященъ въ санъ архіепископа въ 27-й день этого мѣсяца. Между тѣмъ мой великій царедворецъ безъ сомнѣнія уже объяснилъ тебѣ, что дворецъ и доходы патріархіи отнынѣ принадлежатъ тебѣ.

— Да поможетъ мнѣ Богъ исполнить мой долгъ, сказалъ Іоаннъ, поддерживая разговоръ, такъ какъ Аркадій теперь уже совсѣмъ истощилъ весь запасъ своего разговора.

Іоаннъ еще разъ поклонился ему и сталъ въ сторону. Евтропій подалъ руку императору, который сошелъ съ трона и удалился. Затѣмъ всѣ eggregii и spectabiles, всѣ вообще сановники столпились вокругъ Іоанна, чтобы выразить ему свои поздравленія и высказать самые льстивые комплименты. Іоаннъ былъ до крайности смущенъ, но отъ этого смущенія онъ освобожденъ былъ извѣщеніемъ, что ея величество императрица Евдоксія желала видѣть его, и его другъ Амантій, какъ милостынникъ императрицы, повелъ его предъ лицо юной императрицы.

Евдоксія представляла собой личность, которая рѣзко отличалась отъ Аркадія. Это была женщина франкскаго происхожденія, блестящая, красивая, энергичная, полная страсти и живости, готовая насколько возможно разгонять скуку всякими видами возбужденія свѣтскаго и религіознаго — въ золоченой, но скучной темницѣ своего императорскаго всевластія. Сдѣланный ею пріемъ архіепископу (теперь уже такъ всѣ смотрѣли на него) представ-

лялъ собой рѣзкую противоположность съ тѣмъ, какой оказанъ былъ ему ея блѣднокровнымъ властелиномъ. Въ ея аудіенцъ-залѣ присутствовало нѣсколько высокихъ сановниковъ и между ними видный царедворецъ князь*) Іоаннъ, который былъ ея любимцемъ и о которомъ константинопольскіе любители скандаловъ разсказывали, что онъ именно былъ и отцомъ ея дѣтей. Въ это время у нея была одна только дочь Флакцилла, которой было не болѣе года отъ роду и розовое маленькое личико которой выглядывало изъ пышныхъ шелковъ своей отдѣланной золотомъ и слоновою костью колыбели, стоявшей рядомъ съ кресломъ императрицы.

Евдоксія встала, чтобы привѣтствовать Іоанна, и не только не позволила ему поцѣловать себѣ руку, но сама горячо приложила къ своимъ губамъ край его одежды. Евдоксія отличалась или по крайней мѣрѣ воображала, что отличалась глубокимъ религіознымъ чувствомъ, конечно, не будучи чужда и тѣхъ суевѣрій, которыя она принимала за религію. Религіозность ея дѣйствительно была сильная, но почти исключительно внѣшняя. Подъ вліяніемъ религіознаго чувства она любила раздавать милостыню и строить церкви, присутствовать при богослуженіи и принимать благословенія отъ любимыхъ ею священнослужителей. Почитала также и гробы мучениковъ. При такомъ чисто внѣшнемъ направленіи своего благочестія она совсѣмъ не придавала какой-нибудь важности тому, что религія должна бы укрощать страсти ея сердца и внушать ей искреннее отношеніе къ обязанностямъ своей обыденной жизни, и единственной цѣлію своей жизни она ставила низложить ненавистнаго ей Евтропія и на его мѣсто поставить своего любимца, блестящаго князя Іоанна.

Она уважала и любила Амантія, который былъ человѣкомъ непритворнаго благочестія; но его характеръ былъ слишкомъ чистъ, его темпераментъ слишкомъ мягокъ, чтобы давать ей существенную помощь въ ея честолюбивыхъ замыслахъ. Съ самаго начала она вознамѣрилась привлечь на свою сторону и новаго патріарха Іоанна и отнюдь не сомнѣвалась въ томъ, что могла сдѣлать его своимъ преданнымъ союзникомъ.

*) Comes, κόμης — комитъ, санъ соотвѣтствующій нашему князь или графъ. Перев.

— Искренно поздравляю твое святѣйшество съ этимъ великимъ повышеніемъ.

— Благодарю тебя, государыня, — отвѣчалъ онъ; но я смущаюсь отъ этого высокаго титула и сана, потому что въ Антіохіи никогда не слышалъ ничего подобнаго и въ простотѣ служилъ Богу и Его церкви.

Императрица улыбнулась, потому что для нея было чѣмъ-то новымъ и необычнымъ услышать такой отвѣтъ. Іоаннъ говорилъ со смиреніемъ, но его независимость была несравненно болѣе интересна и пріятна, чѣмъ то раболѣпіе, которымъ она была окружена съ утра до ночи.

— Я знаю, сказала она, что мы будемъ друзьями и что я постоянно буду пользоваться преимуществомъ твоего святого совѣта. Тебѣ предстоитъ много потрудиться въ дѣлѣ удовлетворенія нуждъ церкви и бѣдныхъ, и твой другъ — мой казначей Амантій — получилъ отъ меня распоряженіе содѣйствовать твоей благотворительности съ самой широкой щедростью. Полагайся во всемъ на мою искренность и да поможетъ тебѣ Богъ во всѣхъ твоихъ добрыхъ начинаніяхъ и дѣлахъ.

Іоаннъ горячо благодарилъ ее, потому что хотя у него не было никакихъ личныхъ желаній, однако онъ высоко цѣнилъ милостыню и щедрость къ церквамъ.

Онъ вынесъ пріятное впечатлѣніе отъ посѣщенія императрицы, алчность и двуличіе которой не раскрылось передъ нимъ, тѣмъ болѣе, что она выбрала своимъ приближеннымъ царедворцемъ человѣка столь благороднаго, безпорочнаго и благочестиваго, какимъ былъ Амантій.

— Ты долженъ показать свою благодарность, — любезно сказала она, и посѣтить наше торжество двадцать четвертаго числа. Хотя теперь и великій постъ, но этотъ день есть праздникъ въ честь святого апостола Матѳія.

Іоаннъ не могъ отказаться, но теперь онъ былъ радъ поскорѣе уйти къ себѣ въ уединеніе. Императрица попросила у него благословенія себѣ и своему ребенку, и Амантій отвелъ его обратно въ переднюю, гдѣ они нашли преданнаго Филиппа, уже нетерпѣливо ожидавшаго ихъ.

Какъ только они оставили дворецъ и вошли въ патріархію, юноша, прыгавшій отъ возбужденія, весело воскликнулъ:

— Такъ вотъ въ чемъ заключался весь секретъ, отецъ мой! Сказать тебѣ правду, я догадывался или почти догадывался объ этомъ уже нѣсколько дней тому назадъ. Какъ я радъ, что ты, отецъ мой, теперь архіепископъ Константинополя глава надъ безчисленными епископами, одинъ изъ четырехъ великихъ патріарховъ міра и стоишь выше всѣхъ другихъ, кромѣ римскаго!

— Ахъ, Филиппъ, Филиппъ! тебѣ, какъ юношѣ естественно ослѣпляться почестями и внѣшними знаками отличія; но я уже много лѣтъ тому назадъ разочаровался во всемъ этомъ, еще живя въ горной пещерѣ. Для меня все это не имѣетъ ни малѣйшей привлекательности; жизнь имѣетъ лишь одно дѣйствительное благо, — именно: благословеніе и миръ Божій.

— Но у насъ теперь много дѣла, — сказалъ Филиппъ. Не позволишь ли мнѣ написать Флегонту и другимъ слугамъ, чтобы они прибыли сюда и привезли съ собой все необходимое для тебя? Мнѣ разсказывали, что Озій есть главный начальникъ почтъ. Когда ты былъ у императрицы, я переговорилъ съ нимъ, и онъ обѣщалъ предоставить въ твое распоряженіе необходимую колесницу.

— Да, это хорошо будетъ, мой дорогой Филиппъ. Устрой все такъ, чтобы мнѣ чувствовать, что я еще имѣю нѣкоторую связь съ прошлымъ, которое, какъ я уже чувствую, было гораздо счастливѣе для меня, чѣмъ обѣщаетъ быть будущее.

— Ну, хорошо, я все это устрою, но не хочешь ли посмотрѣть этотъ огромный дворецъ, въ которомъ мы находимся теперь?

— О какъ бы я предпочелъ маленькій домикъ на Сингонской улицѣ! — со вздохомъ сказалъ онъ.

Они пошли обозрѣвать дворецъ, сопровождаемые нѣсколькими роскошно одѣтыми рабами, которые остались еще отъ патріарха Нектарія. Іоаннъ еще терпѣливо осмотрѣлъ великую мраморную палату — Ѳомаиту, а также примыкавшую къ ней судебную палату для разбора церковныхъ дѣлъ; но ему скучно было ходить по этимъ богатымъ, обширнымъ заламъ, устланнымъ дорогими коврами, и онъ невольно вздыхалъ о своемъ маленькомъ домикѣ въ Антіохіи.

— Увы, сказалъ онъ Филиппу, все это не по мнѣ. Я не могъ бы жить во всей этой роскоши. Да и пристойно ли это тѣмъ, которые должны омывать ноги другъ другу? По моему всѣ эти ненужныя вещи нужно продать и роздать бѣднымъ.

Рабы Никтерія, стоявшіе позади Іоанна, когда онъ говорилъ эти слова, въ изумленіи разводили руками и пожимали плечами отъ непріятнаго смущенія.

— Вотъ-те на, — говорили они шепотомъ другъ другу: не думаетъ ли онъ, что дворецъ патріарха долженъ быть не лучше сырой безобразной горной пещеры?

Для своего личнаго помѣщенія Іоаннъ выбралъ просторную комнату съ прихожей, въ которой могъ бы сидѣть Филиппъ и не допускать ненужныхъ болтуновъ, назойливыхъ гостей, способныхъ отнимать у него дорогое время. Эта была наиболѣе просто убранная комната во всемъ дворцѣ; но Іоаннъ приказалъ удалить изъ нея все, что только приближалось къ роскоши, и предпочиталъ наполнить ее своими старыми любимыми книгами и простой обстановкой его прежняго дома, какъ только она прибудетъ изъ Антіохіи.

Обойдя съ своимъ новымъ господиномъ весь дворецъ, рабы провели его въ садъ, лежащій между дворцомъ и сенатомъ, и тамъ Іоаннъ въ первый разъ почувствовалъ искреннее удовольствіе.

— О, сказалъ онъ Филиппу, нѣкоторыя вещи имѣютъ свою пріятную сторону. Нашъ милый старый домъ десять разъ помѣстился-бы въ этомъ дворцѣ, и мы не имѣемъ здѣсь ни снѣговыхъ горъ, ни рѣки, ни овраговъ, хотя имѣемъ море! Но этотъ садъ, да, онъ будетъ утѣшеніемъ для меня и, быть можетъ, среди этихъ пальмъ, кипарисовъ и лозъ я иногда буду сидѣть въ тѣни и забывать о подавляющемъ бремени моей жизни. Что касается до этихъ изящныхъ господъ позади насъ, то мы должны непремѣнно отпустить ихъ, и притомъ какъ можно скорѣе.

Въ этомъ впрочемъ не представилось никакого затрудненія, потому что когда Филиппъ приказалъ подать обѣдъ изъ простого хлѣба, овощей и финиковъ съ самымъ обыкновеннымъ виномъ, до котораго притомъ Іоаннъ едва ли когда дотрогивался, то слуги, привыкшіе къ роскошнымъ пиршествамъ, остались до крайности недовольны всѣмъ этимъ.

— Ну вотъ, говорили они другъ другу, намъ лучше, пожа-

луй, сразу уйти въ монастырь. Очень интересно имѣть такого патріарха! Это какой-то дикарь!

Между тѣмъ Іоаннъ ушелъ въ комнату, выбранную для себя, и склонивъ голову на руки, неудержимо зарыдалъ.

Весь этотъ день былъ для него безконечной пыткой и теперь, дотолѣ сдерживавшіяся чувства, охватили его подобно потоку, потоплявшему всѣ его прошлыя впечатлѣнія. Зачѣмъ же? зачѣмъ его оторвали отъ его прежняго мѣста жительства, отъ старыхъ связей, отъ дома его дѣтства, отъ счастливаго мирнаго прошлаго? «О Господи! вскричалъ онъ, какъ многіе добивались этой должности, какъ многіе ликовали бы отъ радости, еслибы она была предоставлена имъ! Ты знаешь, я не искалъ ея; она тяжела мнѣ; но если Ты возложилъ на меня это бремя, то дай мнѣ силы для него! У меня есть одна только молитва къ Тебѣ, о Господи, именно научи меня творить, что благоугодно Тебѣ, ибо Ты мой Богъ, да ведетъ меня Твой любящій духъ въ землю правды»!

Филиппъ не хотѣлъ нарушать его размышленій; но видя, что онъ слишкомъ предался неудержимой скорби, вошелъ къ нему и съ нѣжностью сына, кладя руку ему на плечо, сказалъ:

— Дорогой отецъ, неужели все такъ мрачно? Неужели въ Константинополѣ не тотъ же Богъ, какъ и въ Антіохіи? Неужели Онъ не угладитъ твоего пути передъ лицомъ твоимъ? Я желаю тебѣ многихъ счастливыхъ дней въ качествѣ патріарха востока.

— Не многихъ, мой дорогой Филиппъ, и это быть можетъ къ лучшему, — и конечно, не счастливыхъ дней. Почести, санъ, богатство — для меня ничто, и съ того времени, какъ я услышалъ о своемъ возвышеніи, какъ они называютъ это, какая то тяжесть налегла на мой духъ. Этотъ огромный нечестивый городъ кажется мнѣ убѣжищемъ демоновъ. Какъ могу я когда нибудь дѣлать добро, котораго желалъ бы, къ которому долженъ стремиться? Счастливые дни, Филиппъ, миновали для меня навсегда. У меня будетъ очень немного такихъ, которые будутъ любить меня. Постарайся же поддерживать меня твоей истинной любовью, сынъ мой, сынъ мой!

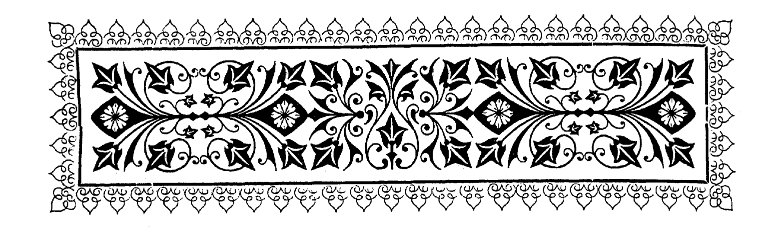
И опять новоназначенный патріархъ востока склонилъ свою голову и плакалъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ, пока Филиппъ опять не подошелъ къ нему и сказалъ:

— Отецъ мой, къ ужину для тебя все готово, утѣшься!

Человѣкъ не можетъ совершать дѣла Провидѣнія, но онъ можетъ дѣлать все, что въ его силахъ, и ожидать всего, что можетъ послать ему Богъ.

— Ты правъ, мой Филиппъ, сказалъ архіепископъ; я съ помощью Божіей отгоню отъ себя всякое уныніе. Тяжелъ трудъ, но славенъ вѣнецъ.

ГЛАВА XIX.

На императорскомъ пиршествѣ.

Новый патріархъ имѣлъ нѣсколько дней отдыха, прежде чѣмъ должно было состояться его рукоположеніе, которое могло только погрузить его въ исполненіе тяжелыхъ и крайне отвѣтственныхъ обязанностей своего новаго положенія. Эти дни были прерваны только состоявшимся въ его честь пиршествомъ во дворцѣ.

Готовясь къ великолѣпному императорскому пиру, новый патріархъ, все еще бывшій въ душѣ простымъ антіохійскимъ пресвитеромъ, находился въ немаломъ смущеніи касательно того, что ему одѣть для этого пышнаго пира. Это была для него чрезвычайно трудная задача. Къ счастью, изъ этого затрудненія вывелъ его со своею обычною находчивостью Филиппъ.

— У тебя есть, сказалъ онъ, прекрасная бѣлая одежда, которую вышила золотомъ для тебя Анѳуса, чтобы тебѣ надѣвать ее, когда нужно было являться къ областеначальнику Лукіану. Чего еще лучше? Будетъ и изящно, и просто.

Въ назначенное время за Іоанномъ прибыли изъ дворца пышно разодѣтые евнухи, которые и отвезли его во дворецъ на пиршество. При всей своей простотѣ, патріархъ выглядѣлъ съ гораздо большимъ достоинствомъ, чѣмъ блистательные царедворцы, приглашенные Аркадіемъ и Евдоксіей.

Во дворцѣ Іоанну представилась картина, которая не могла не поражать и не смущать человѣка, только что недавно бывшаго скромнымъ пресвитеромъ далекой Антіохіи.

Патріархъ проведенъ былъ вверхъ по лѣстницѣ, покрытой краснымъ ковромъ, съ золоченой тяжелой оторочкой по краямъ, между высокими свѣтильниками съ ярко горящимъ пламенемъ, причемъ пьедесталъ ихъ былъ покрытъ вѣнками и гирляндами. Столы были сдѣланы изъ тійскаго и другихъ драгоцѣнныхъ деревъ и уставлены были хрустальными и мраморными вазами, которыя нѣкогда носились въ римскихъ тріумфахъ и теперь наполнены были лучшими хіосскими, лесбоскими и ѳазосскими винами. Между ними были огромныя золотыя чаши съ самыми роскошными плодами, и едва ли было на землѣ, въ воздухѣ или въ морѣ какое лакомство, которыхъ бы дворцовые повара (въ числѣ цѣлой тысячи!) не достали для стола императора.

Что касается богато одѣтыхъ приближенныхъ, то невозможно было сосчитать все множество евнуховъ и пажей, изъ которыхъ младшіе выбирались за свою красоту, носили роскошные волосы съ длинными пропитанными благовоніемъ локонами. Все это зрѣлище для Іоанна было не только ново, но и непріятно. Этотъ грубый матеріализмъ роскоши утомлялъ и отталкивалъ его; единственно, чѣмъ нѣсколько предъ его совѣстью оправдывалась эта картина, было невольно возникшее въ его душѣ воспоминаніе о томъ, какъ Соломонъ давалъ пиршество въ честь царицы Савской въ своемъ дворцѣ изъ Ливанскихъ кедровъ, среди ослѣпляющей роскоши золота и тирскаго пурпура, безчисленнаго множества рабовъ и всякаго рода прислужниковъ.

Слуги провели Іоанна къ патріаршему мѣсту на «Сигмѣ», т. е. расположенномъ полумѣсяцемъ столѣ съ богатой мозаикой, окаймленномъ серебромъ, — къ мѣсту, которое считалось особенно почетнымъ. Императоръ сидѣлъ въ центрѣ на особомъ возвышеніи, въ золоченомъ креслѣ, съ императрицей по правую руку. Рядомъ съ ней сидѣлъ Ѳеофилъ александрійскій; Іоаннъ посаженъ былъ рядомъ съ Аркадіемъ, а рядомъ съ нимъ занялъ мѣсто Евтропій. Кромѣ нихъ въ царской сигмѣ отведены были мѣста только еще четыремъ преторскимъ префектамъ, которые по своей должности стояли выше всѣхъ другихъ сановниковъ. Вся роскошь стола для

Іоанна была излишня и безполезна, и онъ едва касался какой-либо сладости или разставленныхъ винъ. Какъ заботливость о здоровьѣ, такъ и его собственные вкусы и желанія заставляли его обыкновенно быть воздержнымъ. Вслѣдствіе хронической слабости пищеваренія, причиненной страшнымъ подвижничествомъ юношескихъ лѣтъ, Іоаннъ обыкновенно избѣгалъ общественныхъ обѣдовъ и вынужденъ былъ обѣдать наединѣ. Но это обѣденное собраніе во всякомъ случаѣ было для него весьма интересно и важно. Всѣ или почти всѣ собравшіеся здѣсь clarrissimi и illustres — сіятельные и превосходительные сановники — должны были находиться подъ его духовнымъ попеченіемъ, и поэтому онъ съ интересомъ присматривался къ нимъ.

Аркадій имѣлъ по истинѣ несчастную для правителя особенность, такъ какъ былъ до крайности застѣнчивъ. Онъ былъ подавленъ сознаніемъ своего необычайнаго достоинства. Послѣ двухъ — трехъ попытокъ высказаться хотя-бы въ самыхъ общихъ положеніяхъ, онъ ослабѣлъ, такъ какъ эти попытки потребовали отъ него такого напряженія, что онъ смущенно заморгалъ и отказался отъ непосильной для него задачи поддерживать разговоръ. Но Евтропій, находившійся въ наилучшемъ настроеніи духа, своимъ оживленіемъ помогалъ ему кое-какъ провести это скучное время. Онъ указалъ Іоанну на трехъ знаменитыхъ вдовъ: Марсу, Кастрицію и Епиграфію, которыя сидѣли за столомъ въ роскошныхъ платьяхъ, золотомъ расшитыхъ изображеніями событій изъ Евангелія, и были положительно обременены ожерельями, серьгами, перстнями на рукахъ и вообще утопали въ блескѣ безчисленныхъ драгоцѣнностей. Такая безумная роскошь невольно вызывала въ Іоаннѣ непріятное чувство; но оно облегчалось тѣмъ, что тутъ же сидѣли и еще три другія благороднѣйшія дамы, которыя выдавались суровой, почти монашеской простотой въ своемъ одѣяніи. Одна изъ нихъ была Олимпіада, нѣкогда обрученная съ императоромъ Констанціемъ; другая принцесса Сальвина, третья добрая Никарета, которая (что было рѣдко въ древнее время) была старой дѣвой и свое единственное удовольствіе находила (какъ сообщилъ объ этомъ Евтропій) въ добрыхъ дѣлахъ по отношенію къ бѣднымъ.

Іоаннъ съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ гостей-мужчинъ. Онъ не зналъ лично Ѳеофила и спросилъ великаго царе-

дворца, кто этотъ статный, богато одѣтый церковный сановникъ.

— Это, сказалъ Евтропій многозначущимъ тономъ, патріархъ александрійскій, и при этомъ не преминулъ съ свойственною ему ехидностью обратить вниманіе на то, какъ онъ непріязненно смотритъ на Іоанна, — и все это изъ зависти, изъ-за неудавшейся интриги, ненависти и злобы.

— Но это невозможно, сказалъ изумленный Іоаннъ; я никогда не видѣлъ его раньше; чѣмъ я могъ заслужить его немилость?

— Я не могу разсказать тебѣ всю исторію; но онъ хотѣлъ, чтобы на мѣсто тебя избранъ былъ его пресвитеръ Исидоръ. У этого человѣка лукавый и злой взглядъ. Да защититъ тебя отъ него Христосъ.

— Аминь, проговорилъ Іоаннъ. Я поговорю съ нимъ послѣ пиршества и постараюсь покорить его дружелюбіемъ. Но пріятно-ли будетъ императору, если мы будемъ говорить съ нимъ и оставимъ его?

— О, со смѣхомъ сказалъ Евтропій, — его Вѣчн... прошу извиненія, его Величество болѣе чѣмъ на половину уснулъ; скоро навѣрно совсѣмъ заснетъ; онъ не замѣтитъ.

— А какъ зовутъ тѣхъ двухъ готскихъ воиновъ, которые вонъ тамъ сидятъ за столомъ? — спросилъ Іоаннъ.

— Старшій изъ нихъ — Фравитта, отвѣчалъ Евтропій. Хотя онъ язычникъ, какъ и его предки, однако онъ преданъ имперіи и на него можно почти безусловно полагаться. Неужели ты никогда не слышалъ, какъ онъ спасъ жизнь императору Ѳеодосію?

— Нѣтъ, никогда.

— Когда ты поживешь здѣсь нѣсколько подольше и начнешь понимать хитросплетенную паутину нашихъ интригъ, то узнаешь, что среди готовъ есть двѣ партіи, изъ которыхъ одна вполнѣ предана имперіи. Она не велика числомъ и была бы почти безсильна, если бы во главѣ ея не стоялъ этотъ благородный Фравитта, человѣкъ, который превосходитъ своей вѣрностью многихъ изъ своихъ сотоварищей. Однажды Ѳеодосій, который былъ всегда добръ къ готамъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ пригласилъ на пиршество, совершенно не зная, что Эріульфъ, вождь враждебной готской партіи, уже

составилъ планъ ниспровергнуть имперію. Когда Фравитта и Эріульфъ разгорячились отъ вина, они сильно поспорили и Θеодосій долженъ былъ закончить пиршество. Фравитта, боясь, что Эріульфъ немедленно по оставленіи дворца возобновитъ междуусобицу, быстро выхватилъ мечъ и, упрекая его въ измѣнѣ, поразилъ его въ сердце. Произошло страшное смятеніе. Фравитта былъ бы разорванъ на куски приверженцами Эріульфа, еслибы онъ не былъ спасенъ императорскими тѣлохранителями. Счастье наше, что готы нeединодушны между собой.

— И великій царедворецъ конечно раздуваетъ это разногласіе?

-- Касательно этого предмета, улыбаясь отвѣтилъ Евтропій, «великій волъ, какъ сказалъ бы Эсхилъ, прошелъ по моему языку».

— Этотъ антіохіецъ, подумалъ про себя Евтропій, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о дипломатическихъ тайнахъ. Онъ угадываетъ все непреодолимой силой честности. Великій царедворецъ былъ совершенно правъ, потому что Іоаннъ отвѣчалъ ему:

— Мнѣ думается, ты не забылъ стараго римскаго секрета: «раздѣляй и управляй» *). Но кто этотъ другой готъ?

— Это совершенно особенная личность. Аріане и всѣ готы такъ преданы памяти своего просвѣтителя Ульфилы, что я сомнѣваюсь, чтобы когда нибудь можно было обратить ихъ въ православіе. Тебѣ придется часто слышать его имя, потому что онъ игралъ большую роль въ недавнихъ событіяхъ. Это онъ именно низвелъ мщеніе Божіе на преступную голову Руфина, — это Гайна.

Іоанну не нравился тотъ раздражительный тонъ, въ которомъ высказаны были эти слова, но такъ какъ онъ молчалъ, то Евтропій продолжалъ:

— Не замѣчаешь-ли ты его недовольнаго взгляда? Этотъ мятежный заговорщикъ, какъ я опасаюсь, причинитъ немало затрудненій, благодаря своему вліянію на войско. Рядомъ съ нимъ — это его помощникъ — Трибигильдъ. Если я не особенно ошибаюсь, въ этотъ самый моментъ они затѣваютъ ужасные замыслы.

— Вонъ тамъ за столомъ кажется сидитъ цѣлая группа епископовъ?

— Да, они собрались тамъ вокругъ Θеофила, чтобы обсудить

*) Divide et impera.

нѣкоторыя церковныя дѣла. Нѣкоторые изъ нихъ находятся здѣсь ужъ втеченіе нѣсколькихъ недѣль. Константинополь постоянно наполненъ епископами. Нельзя войти въ Халкопратію, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ нихъ. Очень часто я вижу ихъ и въ моемъ скромномъ обиталищѣ, — прибавилъ онъ, — заморгавъ глазами, какъ дѣлалъ всегда, когда какая-нибудь злорадная мысль напоминала ему о слабости людей.

— Было-бы лучше, еслибы они оставались въ своихъ епархіяхъ, со вздохомъ подумалъ Іоаннъ; но онъ сказалъ только: «я былъ бы очень радъ, еслибы ты сказалъ мнѣ имена двухъ-трехъ изъ нихъ, чтобы послѣ я могъ поговорить съ ними».

— Хорошо, но предварительно я считаю своимъ долгомъ заочно познакомить съ нѣкоторыми изъ нихъ. Ты видишь вонъ та тяжеловѣсная, — почти можно сказать слоновая человѣческая фигура, — это Маруѳа, епископъ Месопотаміи; а та вонъ маленькая, худощавая, чрезвычайно ядовито высматривающая личность...

Іоаннъ съ укоромъ и негодованіемъ взглянулъ на своего собесѣдника, и Евтропій, болѣе и болѣе убѣждаясь, что новый патріархъ представляетъ собой совершенно оригинальную личность въ Константинополѣ, продолжалъ: — о, я ничего не хочу сказать особеннаго; но ради свободы слова позволь мнѣ высказаться со всей откровенностью. Въ концѣ концовъ, высокочтимѣйшій патріархъ, я просто сообщаю тебѣ голую истину объ этомъ человѣкѣ и нисколько не придаю ничему коварнаго оттѣнка. Впослѣдствіи ты самъ будешь въ состояніи составить свое собственное мнѣніе. И такъ — вонъ тотъ маленькій человѣкъ есть Киринъ, епископъ халкидонскій. А вонъ тотъ осанистый, красивый, цвѣтущій духовный сановникъ, съ роскошными локонами (надъ которыми усердно потрудились придворные парикмахеры!) — есть Северіанъ, епископъ гавальскій, которому чрезвычайно хотѣлось бы занять каѳедру возможно поближе къ столицѣ... Я могъ бы поразсказать тебѣ много о немъ, но не хочу оскорблять твоего человѣколюбія. Наконецъ чтобы не утомлять тебя, сообщу еще, что вонъ тотъ престарѣлый іерархъ, который такъ усердно наслаждается своимъ обѣдомъ, есть Акакій, епископъ верейскій.

— Я бы желалъ, господинъ царедворецъ, чтобы ты говорилъ объ епископахъ съ большимъ почтеніемъ.

— Дѣйствительно я вывезъ какого-то гунна, какъ вѣрно замѣтилъ Левъ, — подумалъ про себя Евтропій. Онъ только и способенъ на то, чтобы дѣлать мнѣ выговоры. Никто изъ пресвитеровъ и епископовъ никогда не говорилъ со мною такимъ образомъ.

— Говоря серьезно и нисколько не шутя, сказалъ онъ, я бы желалъ, чтобы могъ говорить иначе. Но говоря по сущей правдѣ, я не нашелъ, чтобы даже самыя высокопоставленныя изъ здѣшнихъ лицъ отличались хотя бы самыми элементарными христіанскими добродѣтелями. Со скорбью долженъ я сказать тебѣ, что по своему настроенію эти люди столь же преданы міру и честолюбію, столь же коварны и злобны, какъ любой изъ насъ, бѣдныхъ мірянъ. Каковы пастыри, таковы и пасомые!

— Да, съ глубокимъ вздохомъ сказалъ Іоаннъ; но вѣрно также и обратное. Пастыри бываютъ такими, какими дѣлаетъ ихъ народъ. Но вонъ тамъ сидитъ одинъ духовный сановникъ, лицо и манеры котораго глубоко интересуютъ меня, а ты не сказалъ мнѣ, кто это такой.

— Это, сказалъ Евтропій, громко смѣясь, весьма выдающаяся личность—Синезій киренскій*).

— Я слышалъ о немъ: онъ блестящій писатель; но почему ты смѣешься?

— Онъ прямой человѣкъ, сказалъ царедворецъ,—поэтъ, ораторъ, честный до мозга, но представляетъ собой самую странную смѣсь противоположностей. Кажется во всемъ христіанскомъ мірѣ нѣтъ подобнаго ему. По моему мнѣнію, онъ вполнѣ православный, но въ тоже время онъ ученикъ и горячій поклонникъ прекрасной и ученой язычницы, послѣдовательницы неоплатонизма—Ипатіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ большой патріотъ, а также и любитель всякаго рода охоты, коней, а кромѣ того и женатый человѣкъ. Любитъ заниматься свѣтской литературой, но которая впрочемъ значительно отуманила и смутила его вѣрованія...

— Какъ же онъ сдѣлался епископомъ?

— Объ этомъ нужно спросить Ѳеофила, который весьма близокъ къ нему и позволяетъ ему философствовать въ волю. Это

*) Я позволилъ себѣ здѣсь небольшой анахронизмъ. Синезій былъ въ Константинополѣ года за три до этого времени, но епископомъ онъ сдѣлался не раньше 410 года. Авторъ.

впрочемъ неудивительно, если принять во вниманіе, что родословная Синезія тянется на протяженіи семнадцати вѣковъ, и поэтому естественно многое можно извинять прямому потомку Геркулеса и спартанскихъ царей!

— Что же побудило его прибыть въ Константинополь? спросилъ патріархъ, не обращая вниманія на сарказмъ.

— Онъ прибылъ своего рода посланникомъ отъ Кирены, и благодаря содѣйствію друзей, а также конечно и золотой коронѣ, привезенной для Аркадія, ему позволено было произнести большую рѣчь «объ обязанности царей», передъ императоромъ и его дворомъ. Такой смѣлости я никогда не слыхалъ въ своей жизни! (Даже и ты едвали-ли превзошелъ бы его въ смѣлости, — подумалъ онъ про себя). Въ самыхъ прямыхъ словахъ онъ порицалъ дѣйствія императора и всю нашу гражданскую систему и даже меня! Еслибы его вѣчность императоръ почти не заснулъ уже за долго передъ тѣмъ, какъ онъ дошелъ до средины, еслибы я не былъ очень терпимъ къ чужимъ мнѣніямъ, то этотъ епископъ могъ-бы потерять свою голову. Но народъ относится ко мнѣ несправедливо. Я человѣкъ очень добрый и милостивый!

— Что же онъ сказалъ?

— Легче сказать, чего онъ не говорилъ, потому что онъ безъ стѣсненія произнесъ поголовное осужденіе на всѣхъ и на все. Онъ является представителемъ того, что называется римской партіей. Готовъ онъ назвалъ скиѳскими бѣглецами, открыто порицалъ Ѳеодосія за допущеніе ихъ къ гражданскимъ чинамъ; порицалъ ихъ за алчность, презрѣніе къ нашей цивилизаціи, сравнивалъ ихъ съ камнями, подвѣшенными надъ головой Тантала. Онъ говорилъ императору (счастье для Синезія, что его Вѣчность уже спалъ!), что онъ долженъ бы уподобляться своимъ предшественникамъ, которые были главными воинами на войнѣ, вождями въ совѣтѣ, разъѣзжали повсюду для изученія имперіи, что онъ долженъ бы ввѣрить защиту имперіи туземному войску, а не варварскимъ наемникамъ, которыхъ онъ долженъ низвести въ положеніе илотовъ или прогнать назадъ въ степи Скиѳіи. Я такъ и думалъ, что Гайна или кто нибудь изъ готовъ пронзитъ его сердце стрѣлой; но, къ счастію, большинство изъ нихъ не понимали и половины того, что онъ говорилъ.

— Такъ что же эта рѣчь произвела сильное вліяніе на императора?

Евтропій долго и громко смѣялся.

— Я же сказалъ, что его Вѣчность не слышалъ этой рѣчи и ничего не зналъ о ней, хотя она была предметомъ разговоровъ всего Константинополя. Государь замѣтилъ одно только, что рѣчь эта была слишкомъ скучна и очень длинна. Первымъ его дѣломъ послѣ этого было то, что онъ сдѣлалъ Алариха вестгота главнымъ правителемъ имперіи. Да впрочемъ, что и можетъ дѣлать Аркадій? Развѣ наши туземныя войска не сдѣлались столь слабыми, что въ царствованіе Граціана они въ дѣйствительности прямо сложили съ себя всякое вооруженіе, потому что стыдились носить его. Увы, мы живемъ во времена вырожденія, наши воины не носятъ теперь ни шлема, ни кольчуги, не носятъ ни широкаго меча, ни дротика*), ни даже щитовъ; большинство изъ нихъ ограничивается жалкими луками.

— Но противиться допущенію чужеземныхъ наемниковъ едва-ли значило бы нападать на императора!

— Конечно нѣтъ; но онъ продолжалъ говорить, что царь, ничего не понимающій въ военномъ дѣлѣ, подобенъ сапожнику, ничего не понимающему въ дѣлѣ починки сапогъ; послѣ чего сдѣлалъ снисходительное замѣчаніе: «не раздражайтесь на то, что я говорю; вина въ этомъ не ваша». Затѣмъ онъ прямо заявилъ, что имперія обязана гибелью тому, что царь окруженъ театральной пышностью и подавляемъ «божественной тайной». «Это низводитъ тебя (онъ говорилъ прямо къ императору!) на степень своего рода государственнаго узника. Ты ничего не видишь, ничего не слышишь такого, что можетъ быть полезно тебѣ, и единственное твое удовольствіе состоитъ въ ублаготвореніи чувственности; ты ведешь жизнь морской анемоны.» Вообрази, что было бы, еслибы кто нибудь сказалъ это Ѳеодосію! Еслибы онъ сказалъ это даже Валентиніану, то былъ бы брошенъ прямо на съѣденіе медвѣдямъ. Затѣмъ онъ продолжалъ: «ты думаешь о себѣ высоко, потому что одѣтъ въ золотую порфиру; въ твоихъ воло-

*) Pilum—дротикъ, метательное копье, которое бросалось въ непріятеля, послѣ чего начиналась рукопашная схватка мечами. Перев.

сахъ, на твоихъ сандаліяхъ, на твоей одеждѣ, въ твоихъ ушахъ, на самомъ твоемъ сидѣньи блестятъ драгоцѣнности изъ горъ и варварскихъ морей, потому что ходя по золотому песку, ты самыя подошвы своихъ ногъ погружаешь въ роскошь. Гораздо было бы лучше, еслибы императоры были люди съ загорѣвшими лицами, отличались бы простыми обычаями и носили бы грубую одежду».

— Но если императоръ спалъ, какъ ты говоришь; то конечно самъ ты не дремалъ. Не обращался-ли онъ съ укорами и къ тебѣ?

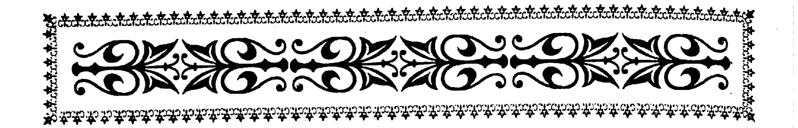
— Интересно было бы, еслибы онъ сдѣлалъ это, — сказалъ Евтропій. Онъ осуждалъ императора за то, что будто-бы онъ устранялъ отъ себя мудрыхъ и благородныхъ людей и приближалъ къ себѣ какое-то жалкое подобіе людей, поддѣлку подъ нихъ. «Ты покровительствуешь людямъ, говорилъ онъ, съ малыми головами и скудными мозгами, съ идіотскимъ зубоскальствомъ, а равно и съ идіотскими слезами, чтобы они своимъ плутовствомъ разгоняли тучу скуки, которая повисла надъ тобой, вслѣдствіе неестественнаго образа твоей жизни». Но ты видишь, что хотя тутъ и можно было видѣть кой-какіе намеки но они слишкомъ смѣшны, чтобы затронуть меня; иначе ему пришлось бы испытать судьбу...

— Чью судьбу?

— Ну, ничего,—это пустяки, замялъ Евтропій.

Ему стыдно было вспомнить о злобномъ, неблагородномъ мщеніи, съ которымъ онъ обрушился на Абунданція,—того именно Абунданція, который впервые привелъ его во дворецъ и котораго онъ довелъ до нищенства въ Сидонѣ; стыдно было и за колбаснаго торговца Барга, которымъ онъ пользовался, какъ своимъ орудіемъ для обезславленія и погубленія полководца Тимасія, и за самаго Тимасія, котораго благодаря кознямъ Барга ему удалось изгнать въ Ливію, гдѣ онъ безслѣдно исчезъ, а его вдова Пентадія спаслась только тѣмъ, что нашла себѣ убѣжище въ святилищѣ.

Но въ это время Аркадій началъ обнаруживать признаки жизни, очнулся и отпустилъ гостей. Іоаннъ былъ глубоко взволнованъ многимъ изъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ выразилъ свое почтеніе императору и воспользовался первымъ случаемъ, чтобы поскорѣе удалиться домой и найти себѣ успокоеніе въ полномъ уединеніи.

ГЛАВА XX.

Первыя впечатлѣнія.

ЕВРАЛЯ 26-го 398 года смиренный пресвитеръ Антіохіи занялъ положеніе, котораго такъ многіе добивались и полученіе котораго считали бы величайшимъ своимъ счастьемъ, какъ способнымъ удовлетворить ихъ наиболѣе возвышенныя мечты.

Торжественная хиротонія состоялась въ соборѣ Константинополя въ великой церкви святой Софіи. Величіе этой церкви краснорѣчиво свидѣтельствовало о томъ, какая перемѣна произошла въ самомъ положеніи христіанства съ того времени, какъ Константинъ Великій впервые помѣстилъ украшенный драгоцѣнными камнями крестъ на пурпурномъ шелкѣ своего царскаго знамени—labarum*). Великолѣпныя ворота блистали бронзой и украшены были великолѣпными барельефами, окна сдѣланы были изъ тонкихъ плитъ алебастра и другихъ прозрачныхъ мраморовъ, капители колоннъ вырѣзаны въ видѣ листьевъ, и все было изъ порфира или нумидійскаго—diablo antico. Полъ былъ выложенъ блестящими многоцвѣтными мраморами, которыми выложены были также и стѣны; куполъ архитравы былъ отдѣланъ мозаикой на золотомъ фонѣ и раскрашенъ многоцвѣтными красками**).

Въ алтарѣ по рединѣ стоялъ великолѣпно убранный престолъ.

---

*) Labarum—императорское знамя, которое Константинъ Великій передъ битвой съ Максентіемъ сдѣлалъ знаменемъ христіанства, помѣстивъ на древкѣ его вмѣсто прежняго римскаго орла монограмму Христа, а на самомъ знамени—эмблемы христіанства. Перев.

**) Церковь святой Софіи описывается Павломъ молчальникомъ и другими. Описаніе это собственно относится къ церкви Юстиніана, но одинаково вѣрно по отношенію и къ болѣе древней церкви этого имени.

Авт.

Онъ былъ сдѣланъ изъ золота, украшенъ драгоцѣнными камнями, а между колоннами, поддерживающими алтарь, висѣли шелковыя занавѣси, на которыхъ золотомъ были вышиты изображеніе Спасителя, Іоанна Крестителя и апостола Павла. Весь иконостасъ былъ изъ серебра съ богатыми иконами Іисуса Христа, пресвятой Богородицы и апостоловъ. Позади престола находился тронъ патріарха, а также синтронъ или мѣсто для пресвитеровъ и надъ ними возвышался сребро-позолоченный балдахинъ. Весь алтарь былъ весьма просторный, доходя до амвона или возвышеннаго мѣста для чтеца. Самый амвонъ былъ выложенъ драгоцѣнными мраморами съ мозаичными изображеніями агнцевъ, голубей, рыбъ и павлиновъ, и обставленъ всевозможными драгоцѣнностями. Къ алтарю вели два ряда ступеней, одинъ на западной, другой на восточной сторонѣ, а надъ ними высился великолѣпный балдахинъ, поддерживаемый восемью колоннами. Мѣста внѣ алтаря находились непосредственно по правую и по лѣвую сторону его и занимались хоромъ пѣвчихъ и чтецами. Завѣса, которою обыкновенно закрывался алтарь, отдергивалась во время богослуженія. Мѣста императора и императрицы находились на южной сторонѣ храма и къ богослуженію они приходили обыкновенно во всемъ блескѣ царственнаго величія въ сопровожденіи массы сановниковъ— prefectissimi и illustres, въ самыхъ блистательныхъ одеждахъ. Іоаннъ былъ рукоположенъ въ санъ архіепископа мрачнымъ, недовольнымъ Ѳеофиломъ и чувствовалъ себя далеко не счастливымъ. Въ самомъ тонѣ голоса и во взглядѣ недовольнаго патріарха александрійскаго слышалось что-то крайне непріятное. Этотъ голосъ и этотъ взглядъ почти заставляли его содрогаться, благодаря тому же тонкому чутью, въ силу котораго невольно пробѣгаетъ дрожь по тѣлу при шипѣніи змѣи. Іоаннъ ясно чувствовалъ дыханіе зависти и злобы во всѣхъ дѣйствіяхъ и словахъ гордаго египетскаго сановника и содрогался отъ этого. Но кромѣ того онъ не могъ не скорбѣть, что Богъ призвалъ его къ дѣлу, которое, какъ онъ невольно чувствовалъ, будетъ для него мучительнымъ и тяжелымъ. Онъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о той искренней любви, которая окружала его въ Антіохіи, и еще болѣе о томъ мирномъ времени, которое онъ проводилъ въ горной пещерѣ. Что такое были эти богатые ковры, сверкающіе мраморомъ въ сравненіи съ травой, что растетъ

по горамъ, и съ тѣми лиліями, которыми покрыты долины горы Амана? Что такое эти красныя, золотомъ шитыя занавѣси въ сравненіи съ тѣнью цвѣтущихъ деревъ, на берегахъ столь дорогого ему Оронта? Будетъ ли онъ въ состояніи когда нибудь пріобрѣсти какое нибудь вліяніе надъ этой пышной, безпокойной, жадной къ деньгамъ, къ удовольствіямъ, преданной міру толпой неизвѣстныхъ для него людей, изъ которыхъ уже многіе теперь готовы были ненавидѣть его, — то нѣжное вліяніе, которое онъ имѣлъ на свою прежнюю паству?

Съ смущенной душою и съ отягченнымъ сердцемъ, въ которомъ проносились мрачныя тучи грустныхъ предчувствій, онъ произнесъ свою вступительную рѣчь. Въ ней онъ касался различныхъ областей христіанскаго долга, которыя онъ считалъ относящимися къ его положенію въ качествѣ архіепископа столичной каѳедры. Конечно въ этой рѣчи онъ могъ говорить только вообще.

«Въ Константинополѣ, говорилъ онъ, есть еще язычники: я постараюсь привлечь ихъ къ церкви, представляя имъ примѣръ христіанской жизни и стараясь содѣйствовать осуществленію яснаго идеала христіанской жизни. Тутъ есть много и аріанъ и другихъ еретиковъ: я не употреблю противъ нихъ другого оружія, кромѣ меча Святого Духа,—который есть слово Божіе; я буду епископомъ, а не гладіаторомъ, ибо ненавижу и считаю нехристіанскимъ духъ ожесточенія въ богословскихъ спорахъ. Я отвергаю употребленіе насилія въ дѣлѣ церковной проповѣди. Я готовъ скорѣе подвергнуться невѣжественной клеветѣ, направленной на Василія Великаго кесарійскаго, что будто его ученіе подобно рѣкѣ сбѣгающей со скалъ, чтобы укрыться въ пескахъ, чѣмъ допустить раздражительныя разногласія. Богословскіе споры и церковныя распри оказываются несравненно болѣе слабымъ доказательствомъ православія, чѣмъ простая преданность вѣрѣ. «Пчелы, говорилъ Василій, летаютъ роями и не отнимаютъ другъ у друга цвѣтовъ; не такъ бываетъ у насъ. Мы не пребываемъ въ единеніи. Каждый гораздо болѣе заботится объ удовлетвореніи своего гнѣва, чѣмъ о спасеніи и стремится къ тому, чтобы ужалить своего ближняго». За это Василія назвали еретикомъ! Но онъ на это отвѣчалъ только: я порѣшилъ не пренебрегать никакимъ трудомъ и не бояться пользоваться никакимъ смиреннымъ словомъ или дѣломъ, не освобожу себя ни

отъ какого путешествія, не уклонюсь ни отъ какого бремени, чтобы только мнѣ достигнуть награды, обѣщанной миротворцамъ». Что касается меня, говорилъ Златоустъ, то я при помощи Божіей буду смѣло обличать пороки; я не буду входить ни въ какія соглашенія, не буду заключать никакого договора съ адомъ. Выдвигая силы праведности въ Армагеддонскую битву противъ грѣха, я съ трубой въ рукахъ не подамъ ложнаго сигнала. Для нечестія и порока я буду, по самому призванію Божію, непреклоннымъ врагомъ. Но по отношенію къ самимъ грѣшникамъ я всегда готовъ дѣйствовать въ духѣ состраданія, и насколько это зависитъ отъ меня, буду жить въ мирѣ со всѣми людьми! Но, возлюбленные, человѣкъ есть ничто, Богъ есть все во всемъ. Помогите мнѣ своимъ сочувствіемъ! О, поддержите меня вашими молитвами»!

Проповѣдь эта была одной изъ величайшихъ проповѣдей Іоанна. Въ ней было мало восторженной риторики, мало обычной цвѣтистости, совсѣмъ не было свойственнаго ему вулканическаго огня, и однако въ ней достаточно было сказано для того, чтобы показать искреннимъ слушателямъ, что это былъ пастырь добрый, что онъ не хотѣлъ быть однимъ изъ тѣхъ, которые ошибочно принимаютъ гордость за достоинство или требуютъ того, чтобы народъ говорилъ съ ними не иначе, какъ съ крайнимъ уничиженіемъ и лестью. Но большинство изъ самыхъ знатныхъ слушателей остались недовольны и разочарованы, такъ какъ находили его рѣчь вялою и недостаточно яркою, и своими впечатлѣніями, свободно и открыто дѣлились другъ съ другомъ.

Для проповѣдниковъ—истинное благо, что они не всегда слышатъ замѣчанія, которыми расходясь обмѣниваются ихъ слушатели. Во всѣхъ дверяхъ такія замѣчанія носятся въ воздухѣ, подобно стаѣ вороновъ, чтобы выклевать и то доброе зерно, которое случайно могло пасть на истоптанную дорогу человѣческихъ сердецъ!

Но Филиппъ, котораго никто не зналъ среди слушателей, слышалъ многія изъ высказывавшихся въ толпѣ замѣчаній, когда онъ стоялъ у главныхъ бронзовыхъ вратъ, ожидая выходъ Іоанна, чтобы проводить его домой.

Проходила группа знатныхъ дамъ.

— Ахъ, какъ бѣдно, какъ слишкомъ вяло! Ни одной блистательной метафоры, ни малѣйшаго полета въ риторикѣ!

— О, подумалъ Филиппъ, погодите немного мои достолюбезныя дамы: вы достаточно услышите краснорѣчіе Іоанна и, надѣюсь, огонь этого краснорѣчія надлежащимъ образомъ пощиплетъ ваши нарядныя перья!

— Я думала, что онъ дѣйствительно умѣетъ говорить, — сказала одна изъ изящныхъ дамъ, которая прибѣгала ко всевозможнымъ интригамъ и подкупамъ, чтобы добиться возвышенія въ санъ монаха Исаака. — Между тѣмъ онъ тяжелъ, какъ свинецъ, и мутенъ, какъ вода въ лужѣ.

Проходила затѣмъ группа епископовъ, сопровождая Θеофила александрійскаго. Они разговаривали между собою такимъ тономъ, который показывалъ, что отнюдь не желали бы, чтобы кто нибудь ихъ слышалъ.

— Я почти увѣренъ, что онъ въ душѣ даже не православный, ядовито говорилъ Киринъ халкидонскій. Обратите вниманіе, какъ онъ мягко говорилъ объ еретикахъ!

— Да, поддакнулъ Северіанъ гавальскій, онъ, вѣроятно, будетъ подобенъ Тирамену, котораго греки назвали Котурномъ, вслѣдствіе прихрамыванія на обѣ ноги, или какъ говоритъ пословица: «болѣе скользкій, чѣмъ самый ледъ».

— Настоящій, какъ я опасаюсь, вѣтрогонъ, проговорилъ Антіохъ птолемаидскій, но затѣмъ неожиданно оборвался и, замолкнувъ, поспѣшилъ скрыться въ толпѣ, потому что всякому было извѣстно, что «amphallax» или «вѣтрогонъ» было ходячее прозвище Θеофила александрійскаго, который, услышавъ это слово, бросилъ мрачный взглядъ на говорившаго, показавъ этимъ, что онъ принялъ это не какъ случайное совпаденіе, а намѣренное оскорбленіе.

— Кто бы могъ подумать, проговорилъ нѣкій Елпидій, славившійся дешевой репутаціей злоязычнаго остряка, что даже въ качествѣ оратора мы скоро будемъ сожалѣть о Нектаріѣ.

Филиппъ буквально кипѣлъ отъ негодованія, когда онъ слышалъ эти и подобные толки.

— Ни малѣйшаго обращенія къ духовенству, ни одного комплимента, говорилъ еще кто-то; такъ что можно вообразить, какой онъ безчувственный человѣкъ! Вѣдь даже архіепископъ Григорій Назіанзинъ — и тотъ публично восхвалялъ Максима циника.

— Крайне неудачный примѣръ, строго замѣтилъ архидіаконъ

Серапіонъ, особенно въ виду того, что Максимъ оказался негодяемъ чистѣйшей воды.

Затѣмъ проходилъ Евтропій, сопровождаемый неразлучными Озіемъ и Львомъ, а также и другими своими паразитами.

— Конечно, конечно, Евтропій, говорилъ Озій, онъ могъ бы высказать по крайней мѣрѣ хоть одно слово благодарности тебѣ за то, что ты возвысилъ его изъ ничтожества.

— Ну, я этого не ожидалъ, отвѣчалъ Евтропій; онъ презираетъ меня, зато я почитаю его. Онъ истинный человѣкъ.

— Прекрасно сказано, превосходительный господинъ, подумалъ Филиппъ; не смотря на твои преступленія, въ тебѣ всетаки, по крайней мѣрѣ насколько низость міра позволяетъ тебѣ, болѣе человѣческаго достоинства, чѣмъ въ тѣхъ людяхъ, которые отуманиваютъ тебя своею лестью.

— Онъ могъ бы по крайней мѣрѣ сказать что-нибудь пріятное его Вѣчности императору и его любвеобильной благочестивой императрицѣ, — замѣтилъ толстый, едва переваливавшійся Левъ.

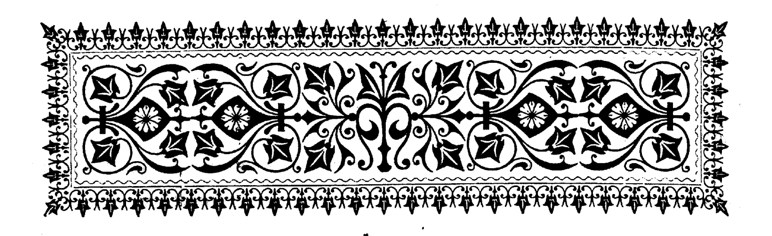
— Удивляюсь, неужели умираютъ когда нибудь львы отъ копытъ осла, — пробормоталъ молодой антіохіецъ, невольно потрясая кулакомъ вслѣдъ удалявшемуся Льву.

— А, мой милый другъ, воскликнулъ Авреліанъ, который, въ это время проходя изъ церкви вмѣстѣ съ Амантіемъ, замѣтилъ тревогу Филиппа. Вотъ идетъ твой господинъ, позаботься о немъ. Онъ будетъ нуждаться въ твоемъ попеченіи среди тѣхъ смутъ и тягостей, съ которыми ему придется встрѣтиться въ Константинополѣ.

— Я позабочусь, господинъ, сказалъ Филиппъ: по своей мужественности, благородству, учености онъ стоитъ выше всѣхъ, но въ своихъ домашнихъ дѣлахъ онъ чистый младенецъ.

— Я уже замѣтилъ, сказалъ Амантій, что онъ весьма мало знакомъ съ мірскими дѣлами. Ты можешь быть ему весьма полезенъ, Филиппъ. Я очень радъ, что мы позволили тебѣ прибыть сюда вмѣстѣ съ нимъ.

ГЛАВА XXI.

Тревоги и смуты, друзья и враги.

Insomnes longo veniunt examine Curae *).
Claudianus, in Ruf. I, 38.

Ъ ПЕРВУЮ субботу, послѣ своего возведенія на патріаршій тронъ, Іоаннъ былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ своего домохозяйства, затѣмъ исполненіемъ разнообразныхъ обязанностей епархіальныхъ, общественныхъ и патріаршихъ, связанныхъ съ его высокимъ положеніемъ.

Изъ Антіохіи между тѣмъ прибыли его вѣрные слуги и привезли съ собою простую обстановку его отцовскаго дома. Старый Флегонтъ былъ опредѣленъ на должность привратника патріархіи; но крайне безпокоимый толпами посѣтителей и постоянными требованіями, заставлявшими его выходить изъ своей комнаты, онъ также вздыхалъ о спокойномъ житьѣ на Сингонской улицѣ, какъ и его господинъ. Общественныя обязанности возлагали на Іоанна еще болѣе тяжелое бремя, чѣмъ самые труды по исполненію архіепископскаго долга. Нектарій часто задавалъ великолѣпные пиры, дѣлалъ угощеніе не только епископамъ, посѣщавшимъ Константинополь изъ всѣхъ странъ міра, и выдающимся духовнымъ лицамъ, но также префектамъ, высокимъ и важнымъ сенаторамъ и

---

*) По долгомъ испытаніи приходятъ безсонныя заботы.
Клавдіанъ.

всѣмъ вообще высокимъ придворнымъ сановникамъ. Въ гостяхъ у него по временамъ бывалъ и самъ императоръ. Поддерживать такія угощенія было крайне непріятно и обременительно для Іоанна. Высоко цѣня вообще взаимное общеніе въ частной жизни, которое могло быть полезно для разныхъ добрыхъ цѣлей, онъ устранялся отъ удовольствій — безполезныхъ, отъ общественныхъ развлеченій какъ отъ пустынь страшной Сахары. Онъ рѣшительно не могъ выносить постоянныхъ, безполезныхъ, мучительныхъ для него посѣщеній разныхъ празднолюбцевъ и честолюбцевъ столицы. Это скоро было замѣчено свѣтскими, ищущими развлеченія, вѣчно праздными, блестящими франтами и разряженными дамами. Да и самый видъ патріаршаго дворца сдѣлался столь простымъ и суровымъ, что заставлялъ ихъ держаться поодаль.

— Филиппъ, сказалъ Іоаннъ, я не могу выносить всѣхъ этихъ занавѣсей, ковровъ и пышныхъ пустяковъ. Мнѣ говорятъ, что все это не причиняетъ никакого вреда, что гостепріимство есть долгъ, что я долженъ поддерживать достоинство своего положенія и т. д. Можетъ быть и такъ. Я не осуждаю Нектарія и никого другого; но что касается меня, то всѣ эти вещи какъ бы противорѣчатъ моимъ отшельническимъ понятіямъ и мысли о плотнической мастерской въ Назаретѣ, о Томъ, Кто не имѣлъ, гдѣ приклонить главу. Конечно апостолъ Петръ и Іоаннъ также должны были поддерживать достоинство своего положенія, однако не нуждались въ подобной пышности и блескѣ. Пожалуйста, нельзя-ли удалить все это отъ меня.

— Конечно, отецъ мой, высшее для меня счастіе состоитъ въ томъ, чтобы устранять отъ тебя все непріятное.

— Ты уже и дѣлаешь такъ, любезный Филиппъ. Даже когда у меня бываетъ счастливый спокойный часъ въ моей кельѣ или въ саду, гдѣ я предаюсь чтенію Евангелія отъ святого Матѳея или Дѣяній апостольскихъ, или твореній великихъ отцовъ и учителей церкви: Василія Великаго и Григорія Богослова, то я знаю, что ты дѣлаешь все, что необходимо для меня, избавляя меня отъ ненужныхъ хлопотъ въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ я безпомощенъ. Я знаю, что ты все это дѣлаешь хорошо, охотно, съ полнѣйшимъ тактомъ.

Это было совершенно вѣрно. Филиппъ завѣдывалъ всѣмъ

домохозяйствомъ и былъ распорядителемъ и непремѣннымъ участникомъ всѣхъ церемоній. Конечно, онъ отнюдь не вмѣшивался въ собственно-церковныя дѣла и ограничивался лишь завѣдываніемъ внѣшними подробностями. Всѣмъ, что касалось церковныхъ дѣлъ, завѣдывалъ архидіаконъ Серапіонъ. Положеніе Серапіона вблизи Іоанна было чистымъ наказаніемъ для него. Это былъ человѣкъ вѣрный, но грубоватый и не тактичный; большинство духовенства не любили его, вслѣдствіе его прямоты и нетерпимости къ притворству и лицемѣрію. Филиппъ затѣмъ завѣдывалъ слугами, содержалъ въ порядкѣ всѣ домашнія дѣла, раздавалъ милостыню нищимъ, отвѣчалъ на всѣ простыя дѣловыя письма, смотрѣлъ за ремесленниками и ограждалъ своего господина отъ всякой шумной назойливости; распредѣлялъ посѣтителей на такихъ, которые могли и не могли видѣть патріарха, — однимъ словомъ дѣйствовалъ, какъ незамѣнимая ширма между патріархомъ и тѣми мелочными заботами и пустыми назойливыми посѣщеніями, которыя иначе напрасно отнимали-бы у него время. Все это онъ дѣлалъ съ полнѣйшей преданностью и тактомъ, хотя могъ бы злоупотреблять своимъ дѣйствительно важнымъ положеніемъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Многіе пытались склонить его на свою сторону лестью или подкупомъ, стараясь побудить его направить дѣло въ ихъ пользу, какъ будто онъ былъ какимъ-нибудь важнымъ придворнымъ сановникомъ. Но хотя онъ былъ всегда веселъ, добродушенъ и чрезвычайно любезенъ, однако отвергалъ всѣ подобныя предложенія разныхъ искателей и интригановъ съ такимъ презрѣніемъ и негодованіемъ, что скоро всѣмъ стало извѣстно о томъ, что съ нимъ не иначе можно имѣть дѣло, какъ при достиженіи честныхъ и безкорыстныхъ цѣлей, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго сочувствія къ тѣмъ искателямъ, которые исключительно добивались своихъ личныхъ низменныхъ интересовъ.

— Что мнѣ дѣлать со всѣми этими роскошными предметами, отецъ? спросилъ онъ.

— Продать ихъ и раздать деньги бѣднымъ.

— Что касается продажи ихъ, то я конечно могу это устроить, если ты желаешь: у меня есть другъ въ Халкопратіи — по имени Михаилъ, человѣкъ вполнѣ честный и благочестивый; онъ все это

легко можетъ устроить для меня. Но на какомъ основаніи ты хочешь раздать все это бѣднымъ?

— Да просто потому, что въ Константинополѣ цѣлыя тысячи бѣдняковъ, Филиппъ. У дверей всякаго богача лежитъ множество умирающихъ съ голода Лазарей, которые видятъ, какъ богачи пируютъ за роскошными столами въ пурпурѣ и въ мягкихъ одеждахъ. Они тѣснятся даже у церковныхъ дверей.

— Да, но трудно знать, которые изъ нихъ именно истинные Лазари, а которые просто притворщики. Нищіе, какъ извѣстно, всегда умѣютъ притворяться самымъ возмутительнымъ образомъ. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно слѣпы и калѣчатъ своихъ собственныхъ дѣтей, чтобы черезъ нихъ добывать деньги, они запугиваютъ слабыхъ женщинъ угрозами и заклятіями и часто оказываются замѣшанными въ негодныхъ дѣлахъ.

— Ты правъ, Филиппъ, не нужно поощрять промыселъ нищенства, который дѣлаетъ немалое число номинальныхъ нищихъ богатыми. Мы никогда не должны раздавать безъ нѣкотораго разслѣдованія дѣла.

— Но даже и это не всегда можетъ достигать своей цѣли, сказалъ Филиппъ. Ты знаешь молодого Евтихія, — того красиваго полуготскаго мальчика, который выглядѣлъ такъ, какъ будто вокругъ него было сіяніе, когда солнце озаряло его свѣтлые волосы своимъ блескомъ! Онъ теперь приготовляется къ должности чтеца, и діаконы иногда посылаютъ его по разнымъ порученіямъ. Однажды къ нему пришла чрезвычайно удрученная горемъ женщина и разсказала ему, что ея мужъ умеръ, оставивъ ее съ пятью малыми дѣтьми, и у нея не было денегъ похоронить его. Діаконъ отправилъ Евтихія убѣдиться, дѣйствительно-ли таково ея положеніе. Прежде чѣмъ войти въ ея домъ онъ слышалъ какіе-то разговоры; но женщина сказала ему, что дѣтей ея не было дома и указывала на своего покойнаго мужа, который лежалъ подъ покровомъ на дрогахъ. Когда Евтихій возвратился къ діакону (домъ женщины находился далеко близъ Константинова форума), то оказалось, что онъ забылъ свою записную книжку; возвратившись за ней опять и внезапно войдя въ домъ, онъ былъ крайне удивленъ тѣмъ, что только что предъ тѣмъ видѣнный имъ мертвецъ разсматривалъ его книжку и ѣлъ сосиски...

Іоаннъ не могъ не улыбнуться, но затѣмъ вздохнулъ.

— Конечно, я не намѣренъ напрасно тратить деньги, какъ это дѣлаетъ наша благочестивая Олимпіада; я намѣренъ основать одинъ или два большихъ госпиталя для прокаженныхъ и другихъ нуждающихся, какъ это сдѣлано въ Римѣ госпожей Фабіолой и Василіемъ Великимъ въ Кесаріи. Конечно, мнѣ понадобятся большія суммы, и вотъ ты долженъ продать для меня не только всю эту великолѣпную обстановку, но и всѣ эти излишнія роскошныя одежды.

— Какъ! даже и одежды?

— Да, именно, такъ какъ для меня достаточно самаго простого одѣянія во время богослуженія. Мы должны подражать апостоламъ, а святой Павелъ имѣлъ только одинъ плащъ, о присылкѣ котораго онъ писалъ въ Троаду; у Іоанна крестителя была только одна одежда изъ верблюжьяго волоса.

— Но все это можетъ произвесть смущеніе въ духовенствѣ?

— Конечно, я не хочу производить смущенія, но мы должны подражать во всякомъ случаѣ своимъ великимъ предшественникамъ и не заводить ничего лишняго. Василій Великій носилъ только одну старую нитяную одежду, Амвросій продалъ даже церковные сосуды, чтобы выкупить плѣнныхъ. Мнѣ разсказывали, что мой блистательный благочестивый братъ Августинъ, который три года тому назадъ сдѣланъ противъ своей воли епископомъ иппонскимъ, когда ему предложена была роскошная ряса, уклонился отъ ношенія ея и продалъ ее, чтобы вырученныя деньги обратить въ общее пользованіе.

— Въ такомъ случаѣ мы продадимъ, — сказалъ Филиппъ. Но, отецъ мой, могу ли я еще поговорить съ тобой объ одномъ дѣлѣ, или ты слишкомъ занятъ теперь!

— Ты никогда напрасно не теряешь моего времени, Филиппъ; говори.

— Дѣло вотъ въ чемъ, отецъ мой. Для того, чтобы мнѣ помогать тебѣ, мнѣ приходится въ дѣйствительности работать больше, чѣмъ я въ состояніи. Не откажи поэтому мнѣ въ позволеніи имѣть какого нибудь помощника или даже двоихъ!

— Конечно, ты можешь, Филиппъ. Недавно я замѣтилъ, что ты казался очень утомленнымъ.

— Благодарю тебя, отецъ мой. Въ такомъ случаѣ позволь мнѣ

взять къ себѣ въ помощники Евтихія: онъ такъ же добръ, какъ и красивъ; никогда я не встрѣчалъ болѣе чистой души. А что касается другого... — Филиппъ остановился и покраснѣлъ.

— Кто же это такой?

— Отецъ мой, это сынъ Михаила, о которомъ я говорилъ тебѣ. Его зовутъ Давидомъ, ему семнадцать лѣтъ, онъ пишетъ бойко и красиво, — весьма умный мальчикъ, знаетъ не только по-гречески, но и по-латински и по-еврейски. Онъ былъ бы для тебя прекраснымъ скорописцемъ и послушникомъ.

— Что! онъ знаетъ даже по-еврейски; развѣ онъ іудей?

— Нѣтъ, — сказалъ Филиппъ, онъ крещеный христіанинъ и притомъ дѣйствительный христіанинъ, каковыми были его предки втеченіе почти четырехъ вѣковъ; но онъ іудейскаго происхожденія и притомъ, — прибавилъ онъ тономъ какого то особеннаго благоговѣнія, — происхожденія высочайшаго, весьма и весьма высокаго.

— Ты заинтересовалъ меня, — сказалъ Іоаннъ.

— Отецъ мой, ты знаешь, что іудеи со священной точностью хранятъ свою родословную. Епископъ Синезій говоритъ, что онъ происходитъ отъ Геркулеса, а этотъ Давидъ происходитъ отъ царя Давида и даже больше того.

— Какъ больше того?

— Да, ты знаешь, что въ Палестинѣ есть семейство, которое зовутъ Деспосинами, потому что они были земными родственниками праведнаго Іосифа и благословенной дѣвы Маріи.

— Я знаю это, — сказалъ Іоаннъ. Императоръ Домиціанъ изъ политической подозрительности вызывалъ ихъ въ Римъ въ 94 году, опасаясь какъ бы они не оказались претендентами на царство. Они сказали ему, что происходятъ изъ семейства Назаретскаго и втеченіе многихъ лѣтъ обработываютъ тотъ небольшой участокъ земли, который перешелъ къ нимъ въ наслѣдство. Когда онъ увидѣлъ, что руки у нихъ были жесткія, мозолистыя отъ работы, то онъ съ презрѣніемъ отпустилъ ихъ, считая ихъ совершенно ничтожными и безвредными поселянами.

— Вотъ потомки этого самаго семейства существуютъ еще доселѣ; отецъ моего Давида Михаилъ именно и происходитъ изъ рода Деспосиновъ, хотя они изъ глубочайшаго благоговѣнія никогда не говорятъ объ этомъ.

Іоаннъ былъ чрезвычайно пораженъ этимъ.

— Но какъ же ты узналъ эту тайну, — Филиппъ.

— Я былъ въ Халкопратіи, и тамъ увидѣлъ, какъ народъ бѣжалъ отъ собаки, которая бросалась на всѣхъ, испуская пѣну и, очевидно, была бѣшеная. Какъ разъ неподалеку отъ нея кричалъ маленькій полуобнаженный пятилѣтній ребенокъ и находился въ страшной опасности. Я бросился на собаку и удачно схватилъ ее сзади за шею; въ этотъ самый мигъ выскочилъ Михаилъ изъ своей бронзовой мастерской и схватилъ ребенка на руки. По близости находился большой бассейнъ, у меня явилась счастливая мысль подтащить туда собаку и держать ее подъ водою, пока она не утонетъ. Я былъ до крайности перепуганъ и навѣрно выглядѣлъ блѣднымъ; когда проходилъ мимо мастерской Михаила, то изъ нея вышелъ Давидъ и пригласилъ меня войти къ нимъ, далъ мнѣ нѣсколько превосходнаго либбана и чистаго вина. На стѣнѣ я увидѣлъ простое маленькое изображеніе юнаго Христа, снятое, какъ мнѣ сказалъ Михаилъ, съ изображенія, находившагося въ катакомбахъ святого Каллиста въ Римѣ. Быть можетъ это мнѣ только показалось, но Давидъ показался мнѣ совсѣмъ похожимъ на это изображеніе, — столь же счастливымъ и столь же чистымъ. Михаилъ повидимому былъ очень доволенъ мною за то, что я съ такой смѣлостью схватилъ и утопилъ бѣшеную собаку, и въ разговорѣ со мной разсказалъ о своемъ происхожденіи, замѣтивъ, чтобы я передалъ объ этомъ тебѣ, и никому больше. Затѣмъ мы съ Давидомъ отвели маленькаго ребенка къ діакону, который возвратилъ его родителямъ.

— Пожалуйста, попроси Михаила, чтобы онъ привелъ ко мнѣ Давида и вообще, чтобы они навѣстили меня.

— Я непремѣнно это сдѣлаю; но, возлюбленный отецъ, я не хотѣлъ бы ничего скрывать отъ тебя. — Филиппъ казался смущеннымъ и на его щекахъ появилась еще болѣе сильная краска. У Давида очень красивая юная сестра Маріамь, я видѣлъ ее въ тотъ день и мнѣ приходилось видѣть ее нѣсколько разъ съ того времени.

— Филиппъ, неужели любовь зажгла свой факелъ въ твоемъ сердцѣ? Я надѣялся, что ты когда нибудь сдѣлаешься однимъ изъ моихъ иноковъ.

— О, нѣтъ, отецъ мой, этого никогда не можетъ быть. Я не чувствую призванія къ этому священному положенію; притомъ, все то, что мнѣ приходится видѣть теперь, совсѣмъ не располагаетъ меня поступать въ ряды духовенства. Поэтому я прошу тебя, отецъ, не возможно ли мнѣ пріобрѣсти любовь Маріами?

— Филиппъ, — сказалъ Іоаннъ, твое счастіе для меня дороже моего собственнаго, но увы!...

Ему невольно представился тотъ день, когда Филиппъ неизбѣжно долженъ будетъ покинуть его, и для него было уже поздно пріобрѣтать себѣ новыхъ близкихъ домочадцевъ. Но онъ былъ, конечно, совершенно далекъ отъ того, чтобы свои личныя чувства ставить на пути счастья для юноши или для кого бы то ни было, кого онъ любилъ.

— Мнѣ очень прискорбно, что ты не можешь принять духовный санъ. Но Богъ да благословитъ тебя! Призваніе людей бываетъ различно и многіе, какъ я знаю, служатъ Господу Христу даже лучше въ мірѣ, чѣмъ нѣкоторые въ священномъ санѣ.

Евтихій и Давидъ дѣйствительно вскорѣ были приняты въ патріархію въ качествѣ послушниковъ и аколуѳовъ, чтобы помогать Филиппу. Дѣла въ патріархіи для нихъ было много, такъ что очень часто случалось даже, что всѣ они трое не могли собираться въ передней комнатѣ въ одно и то же время, потому что для каждаго изъ нихъ постоянно было особое порученіе. Они должны были навѣщать тѣхъ или другихъ лицъ и вообще исполнять много всякихъ порученій. Но они были молодые люди съ счастливымъ настроеніемъ и отличались чистотой сердца. Въ ихъ присутствіи и искренней преданности Іоаннъ находилъ хотя нѣкоторое счастіе во время своей тревожной, исполненной всякихъ заботъ и тягостей жизни.

Комната, въ которой они обыкновенно находились, была смежна съ кабинетомъ Іоанна, и отдѣлялась завѣсой отъ большой палаты, называвшейся «ѳомаитой».

Когда патріархъ былъ занятъ дѣломъ, то важные просители часто сидѣли въ пріемной. Въ самой палатѣ часто бывалъ архидіаконъ Серапіонъ, который принималъ духовенство и выслушивалъ ихъ прошенія или жалобы и давалъ имъ тотъ или другой

совѣтъ, когда для этого не было особенной надобности въ участіи или въ утвержденіи патріарха.

Филиппъ скоро хорошо познакомился съ тѣми изъ истинныхъ друзей Іоанна, которые отнюдь не преслѣдовали какихъ нибудь личныхъ интересовъ, и скорѣе сочувствовали, чѣмъ смущались его чистой, не мірской простотою. Между ними было нѣсколько благородныхъ и благочестивыхъ дамъ. Стоявшія во главѣ константинопольскаго общества дамы — Марса, Кастриція и Епиграфія, сначала думали, что новый патріархъ вообще довольно пикантный человѣкъ, и разсчитывали, что онѣ навѣрно понравятся ему. Но скоро его прямоту и искренность они нашли тревожной и начали жалѣть о прежнемъ патріархѣ, который былъ гораздо снисходительнѣе къ нимъ и никогда не высказывалъ имъ какихъ нибудь обличеній и укоровъ. Въ своихъ немногихъ проповѣдяхъ онъ нисколько не тревожилъ ихъ совѣсти и ограничивался самыми общими, никого въ частности не касавшимися разсужденіями. Но были и такія дамы, которыя при своей серьезности и искренности почувствовали глубокую симпатію къ Іоанну, вслѣдствіе его непреклонной прямоты и искренности. Во главѣ такихъ была красивая, благородная, богатая Олимпіада, дочь одного высокаго сановника, оставившаго ей огромное наслѣдство. Она въ ранней молодости вышла замужъ за молодого красиваго Небридія, который черезъ два года умеръ, оставивъ ее бездѣтной вдовой. Пораженная этимъ невыразимымъ горемъ, она порѣшила навсегда остаться вдовой и посвятить свою жизнь на благо ближнихъ. Она имѣла мужество выдержать даже гнѣвъ Θеодосія, когда отказалась выйти замужъ за одного изъ его родственниковъ. Григорій Назіанзинъ, будучи патріархомъ, любилъ ее какъ дочь, называя ее не иначе, какъ «своей собственной Олимпіадой». Григорій нисскій посвятилъ ей свое толкованіе на Пѣснь пѣсней, написанное по ея просьбѣ. О ея добрыхъ дѣлахъ и строгой жизни было извѣстно всей церкви и въ ея роскошномъ домѣ постоянно бывали епископы, которые рѣдко оставляли ее, не получивъ щедраго пожертвованія въ пользу своихъ епархій. Пожертвованія ея были такъ велики и раздавались такъ щедро, что многіе даже злоупотребляли ея довѣрчивостью. Между ними былъ Θеофилъ, который при одномъ случаѣ даже бросился ей въ ноги съ выраженіемъ ли-

цемѣрной благодарности и настолько смутилъ ее, что она сама со слезами поклонилась ему до земли. Нектарій сдѣлалъ ее діакониссой и, самъ мало понимая въ церковныхъ дѣлахъ, часто совѣтовался съ нею. Теперь она стояла во главѣ небольшого учрежденія юныхъ діакониссъ. Она сдѣлалась милостынницей Іоанна и помогала ему въ его великихъ миссіонерскихъ планахъ, какъ въ столицѣ, такъ и по всему патріархату. Видя, какимъ злоупотребленіямъ она подвергается, онъ считалъ своимъ долгомъ предостерегать ее противъ Ѳеофила и другихъ подобныхъ личностей. Онъ говорилъ, что на ней лежитъ отвѣтственность передъ Богомъ за надлежащее употребленіе своего огромнаго богатства, которое должно быть употребляемо не щедро только, но вмѣстѣ съ тѣмъ разумно и съ пользой. Ярость противъ Іоанна со стороны Ѳеофила, а также и другихъ подобныхъ ему лицъ, въ дѣйствительности отчасти происходила отъ того, что онъ сократилъ ихъ доходы этими своими совѣтами о мудромъ и экономномъ распоряженіи имѣніями богатой діакониссы.

Другая, преданная церкви, личность была дѣвица Никарета. Она была такъ скромна, что, несмотря на множество совершаемыхъ ею добрыхъ дѣлъ, не хотѣла сдѣлаться діакониссой или принять настоятельство надъ инокинями, о чемъ просилъ ее патріархъ. Ея маленькою слабостью было ея убѣжденіе, что она сама была болѣе искусной въ излеченіи различныхъ болѣзней, чѣмъ любой профессіональный врачъ. Съ небольшимъ ящичкомъ различныхъ лекарствъ она обыкновенно ходила по домамъ, гдѣ были больные. и настойчиво предлагала имъ свои лекарства.

— Нѣтъ, госпожа Никарета, мнѣ пожалуйста сегодня не давайте ни какихъ снадобій, — смѣясь говорилъ Филиппъ, когда онъ отворялъ ей дверь въ комнату архіепископа; я пользуюсь прекраснымъ здоровьемъ, котораго совсѣмъ бы не желалъ разстраивать.

— Глупый мальчикъ, — говорила Никарета; но если не ты, то твой молодой другъ Евтихій нуждается въ лекарствѣ. Онъ что то блѣденъ.

— Блѣденъ? — воскликнулъ Филиппъ, — напротивъ на его щекахъ цѣлая Дафна розъ! Затѣмъ госпожа Никарета я считаю своимъ долгомъ запретить тебѣ навязывать какія нибудь лекарства архіепископу. Правда, онъ не пользуется особенно хнрошимъ здоровьемъ,

но его пищевареніе находится и безъ того въ возбужденномъ состояніи. Іоаннъ такъ благодушенъ, что пожалуй разстроитъ себя, принимая все, что ты предлагаешь ему.

— Ты негодный мальчикъ, говорила Никарета; какъ мнѣ наказать тебя за твои шалости? Евтихій гораздо вѣжливѣе тебя.

— Но это потому, что онъ принимаетъ всѣ твои предписанія съ кротостью ангела; но если бы ты взглянула въ его шкафъ, то увидѣла бы, что всѣ твои лекарства лежатъ тамъ въ неприкосновенной цѣлости.

— Не обращай вниманія на то, что онъ говоритъ, сказалъ Евтихій: онъ смѣется надъ всѣми нами.

Совершенно непохожей на Никарету была діаконисса Сальвина. Она также была женщина благороднѣйшаго происхожденія — дочь несчастнаго мятежника Гильдона, правителя Африки и вдова племянника императрицы Флакциллы, и воспитывалась вмѣстѣ съ Аркадіемъ и Гоноріемъ. У нея было двое дѣтей и однако, несмотря на всю свою молодость, она порѣшила остаться вдовой, посвятила себя на добрыя дѣла и сдѣлалась попечительницей церквей на востокѣ, а также покровительницей духовныхъ лицъ, посѣщавшихъ дворъ Аркадія. Слава ея была такъ велика, что блаженный Іеронимъ писалъ ей изъ своей кельи въ Виѳлеемѣ одно изъ своихъ писемъ, направленныхъ къ восхваленію безбрачія. Вся ея жизнь поглощена была воспитаніемъ сына и дочери, надлежащимъ управленіемъ имѣній и служеніемъ Богу во всѣхъ благочестивыхъ дѣлахъ. Подобно ей отличалась великимъ христіанскимъ смиреніемъ и Пентадія, вдова великаго консула и начальника войскъ Тимасія. Евтропій (это было одно изъ его гнуснѣйшихъ преступленій) гнусно предалъ этого храбраго воина смерти при посредствѣ неблагодарнаго продавца колбасъ Барга, котораго дружелюбно принималъ Тимасій. Какъ полководецъ, такъ и его сынъ оба погибли жертвами вѣроятно тайнаго убійства въ оазисѣ Ливіи. Евтропій предназначалъ къ погибели также и вдову, но она бѣжала въ святилище, права котораго, несмотря на всѣ усилія царедворца, архіепископъ не позволилъ нарушить. Когда она могла безопасно оставить убѣжище, то сдѣлалась отшельницей, рѣдко выходила изъ своего дома, за исключеніемъ посѣщенія церкви, и помогала архіепископу во всѣхъ дѣлахъ благотворенія.

Таковы были друзья и почитатели Іоанна. Кромѣ ихъ среди вліятельныхъ лицъ дворца были высокіе сановники, какъ Амантій и Авреліанъ. Населеніе Константинополя, видя необычную заботливость о бѣдныхъ, скоро почувствовало великую любовь къ своему новому патріарху. Народъ видѣлъ въ немъ искренняго благочестиваго мужа, который никогда не имѣлъ никакихъ личныхъ цѣлей и всѣ заботы котораго состояли въ томъ, чтобы защищать слабыхъ отъ угнетеній, хищничества и неправды. Но среди духовенства у него было не много преданныхъ людей. Были конечно такіе спокойные, добрые и преданные пастыри, которые, видя въ немъ истиннаго святителя, относились къ нему съ величайшимъ почтеніемъ; но тѣ, кто любилъ больше міръ съ его дѣлами, старались всячески выставляться впередъ, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ, сразу стали въ ряды его противниковъ. Они не прочь были прибѣгнуть ко всякой клеветѣ, лжи и издѣвательству, и такъ какъ они постоянно шумѣли повсюду, толкались и выставлялись на первый планъ, то считали себя единственными представителями общественнаго мнѣнія — какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго общества. Для нихъ все, что бы ни дѣлалъ Іоаннъ, казалось невыносимымъ, все, что бы ни говорилъ онъ, провозглашалось ими ложнымъ и несправедливымъ.

Однажды случилось, что два епископа, которые съ самаго начала, хотя и тайно, стали въ оппозицію съ патріархомъ, сидѣли въ большой палатѣ, которая оказалось пустою и въ которой находился только одинъ архидіаконъ, сидѣвшій за столомъ надъ лежавшими передъ нимъ бумагами. Они сидѣли на диванѣ у самой завѣсы, которая была задернута, потому что какъ разъ въ это время у патріарха находилась Олимпіада, совѣтуясь касательно своего новаго госпиталя. Это были: Киринъ халкидонскій и Антіохъ птолемаидскій. Они начали вести между собой такія разсужденія о патріархѣ, которыя уже ходили въ различныхъ враждебныхъ ему кружкахъ. Серапіонъ, по происхожденію египтянинъ, былъ человѣкъ горячій, хотя и молчаливый. Они не знали его непреклонной преданности патріарху и полагали, что онъ раздѣляетъ ходячія мнѣнія, распространяемыя ими же о патріархѣ. Сначала собесѣдники вели разговоръ тихо, хотя и не настолько, чтобы исключать изъ него Серапіона, къ которому даже обращались нерѣдко съ замѣчаніями. Собесѣдники съ особеннымъ осужденіемъ относи-

лись къ той, по ихъ мнѣнію, нищенской обстановкѣ, которою отличалась патріархія при новомъ управленіи. Они сурово порицали Іоанна за его намѣреніе продать въ пользу бѣдныхъ великолѣпный мраморъ, который Нектарій собиралъ для украшенія церкви Воскресенія. При этомъ они болѣе, чѣмъ ясно намекали и на его личное своекорыстіе. Серапіонъ мало вообще обращалъ вниманія на этотъ разговоръ, хотя по временамъ открыто выражалъ свое несогласіе съ ними, когда они обращались къ нему. Но собесѣдники, увлеченные интереснымъ для нихъ разговоромъ, начали говорить все громче и громче, такъ что разговоръ ихъ сдѣлался уже вполнѣ слышенъ.

— Онъ до крайности пренебрегаетъ обязанностью гостепріимства, говорилъ Киринъ; между тѣмъ разсказываютъ, что самъ то предается циклопическимъ оргіямъ.

— Да, говорилъ Антіохъ, и весьма непристойно, что онъ такъ часто принимаетъ у себя женщинъ. Олимпіада всегда у него. Она и теперь у него. Тебѣ, архидіаконъ, не лишне бы обратить его вниманіе на подобныя вещи.

Это послѣднее замѣчаніе совершенно вывело Серапіона изъ его обычнаго пренебрежительнаго равнодушія къ тому, что говорила молва. Онъ обыкновенно держался правила: «пусть дѣло дѣлается и пусть кричатъ сколько угодно». Часто онъ сравнивалъ болтовню, происходившую въ обществѣ, съ чириканьемъ праздныхъ кузнечиковъ на поляхъ или кваканьемъ лягушекъ въ болотѣ. Теперь же онъ въ крайнемъ негодованіи всталъ со своего мѣста и, ставъ передъ удивленными собесѣдниками, громко сказалъ:

— Какъ вы можете говорить такимъ образомъ? Какъ вы не боитесь и не стыдитесь давать вашему языку волю, подобно яростному пламени, и нечестивымъ словамъ воспламенять цѣлый адъ и такимъ образомъ безславить и позорить нашего духовнаго главу, который есть истинный подвижникъ Божій, — не то, что вы! Ты тратишь на одно изъ твоихъ блюдъ, Киринъ, болѣе чѣмъ патріархъ въ шесть мѣсяцевъ; а для тебя, Антіохъ, неужели не зазорно высказывать гнусную клевету не только противъ Іоанна, но и противъ такой благочестивой женщины, какъ Олимпіада? Стыдитесь!

Если-бы громовой ударъ разразился внезапно надъ этими собе-

сѣдниками, то они едва-ли бы поражены были сильнѣе, чѣмъ этимъ взрывомъ негодованія! Они были епископы и привыкли къ поклоненію со стороны окружающихъ, и вотъ теперь обращается къ нимъ съ такимъ рѣзкимъ укоромъ какой-то простой архидіаконъ!

— Ты забываешься, сказалъ Антіохъ, и забываешь, кто мы.

— Я не забываю, запальчиво отвѣчалъ Серапіонъ; я почитаю епископовъ, которые дѣйствительно епископы; но я не уважаю клеветниковъ и интригановъ!

— Ты раскаешься въ этомъ, — раздраженно съ своей стороны сказалъ Киринъ.

— Я знаю, что скорпіоны могутъ жалить. Но если Богъ на сторонѣ права, то нечего Іоанну бояться скорпіоновъ: онъ наступитъ на аспида и василиска...

— Объ этомъ будетъ доведено до свѣдѣнія моего родственника — патріарха александрійскаго!

— Именно такъ, продолжалъ въ крайнемъ возбужденіи Серапіонъ; я не уважаю и не почитаю и его также, который, какъ и вы, наемникъ, а не пастырь!

Буря разразилась. Епископы, не дожидаясь дольше, чтобы видѣть патріарха, въ страшномъ гнѣвѣ вышли изъ патріархіи. Гнѣвъ Серапіона выходилъ изъ честнаго сердца, но онъ зашелъ слишкомъ далеко. Все, что онъ сказалъ, было вѣрно, но опасно и неблагоразумно. Выйдя въ переднюю комнату поговорить съ Филиппомъ, онъ еще дрожалъ отъ подавленнаго негодованія, и разсказавъ ему, что случилось, даже самъ сознался, что поступилъ нехорошо, не сдержавъ своего негодованія.

— Ты, конечно, не пощадилъ ихъ, архидіаконъ, сказалъ Филиппъ. Но они заслуживали того и даже большаго.

— О, сказалъ Серапіонъ, ты молодъ Филиппъ, но я старше тебя и долженъ бы сдерживать свое чувство.

— Однако, въ какое осиное гнѣздо мы попали, сказалъ Филиппъ. «Циклопическія оргіи», вотъ такъ штука!

Онъ не могъ не поражаться гнусностью этого обвиненія, и когда вспомнилъ о тѣхъ грубыхъ яблокахъ и разбавленномъ водою винѣ, которое часто служило единственнымъ подкрѣпленіемъ для Іоанна, то невольно улыбнулся — со скорбію и негодованіемъ въ сердцѣ.

Немного спустя послѣ этого Іоаннъ какъ-то пригласилъ Акакія епископа верейскаго пообѣдать съ собою. Онъ забылъ, что говорилъ Евтропій за императорскимъ пиршествомъ о слабости этого старца къ хорошему столу, и не сдѣлалъ никакихъ особенныхъ распоряженій на этотъ разъ. Акакій, который привыкъ хорошо ужинать съ Нектаріемъ, былъ пораженъ неожиданностью. Такой то скудный обѣдъ и ни одной сладости, ни ѳазосскаго, ни даже хіосскаго вина! Онъ ожидалъ, по крайней мѣрѣ, хоть какого нибудь десерта, въ которомъ увидѣлъ бы малѣйшее доказательство того, что патріархъ сдѣлалъ нѣкоторую честь его достоинству. Между тѣмъ Іоаннъ, совершенно не понимая его состоянія, запросто бесѣдовалъ съ нимъ, но отнюдь не объ обѣдѣ, а о госпиталяхъ, о миссіяхъ и о посѣщеніи апостоломъ Павломъ Веріи. Акакій нахмуривался болѣе и болѣе и порѣшилъ отправиться домой и пообѣдать еще разъ у себя дома; но онъ настолько потерялъ расположеніе духа, что, проходя отъ Іоанна черезъ большую палату, громко воскликнулъ:

«Я же состряпаю тебѣ ужинъ»!

Филиппъ, слышавшій это замѣчаніе, едва могъ удержаться отъ смѣха, потому что своимъ быстрымъ умомъ сразу увидѣлъ смѣшную сторону всего этого дѣла.

— Tantaene animis coelestibus irae? сказалъ Филиппъ, обращаясь къ Давиду, съ которымъ онъ читалъ Виргилія.

— Да, улыбаясь отвѣтилъ Давидъ; но другой латинскій поэтъ говоритъ:

Longissima coenae
Spes homini.

— Однако мнѣ очень жаль, сказалъ Филиппъ: теперь мы имѣемъ однимъ врагомъ больше; у архіепископа безъ того ихъ довольно. Мы такъ просто жили въ Антіохіи, что я охотно сознаюсь въ своихъ недостаткахъ по отношенію къ кухонному департаменту. Что же дѣлать, Евтихій? Такой Эпикуръ, какъ ты, долженъ бы посовѣтовать что нибудь.

Другіе также смѣялись; такъ какъ Евтихій былъ сдержаннѣе всѣхъ ихъ, то онъ замѣтилъ:

— А вотъ что, Филиппъ, ты долженъ поговорить съ Олим-

піадой. Ты не добръ по отношенію къ нему, ты моришь его голодомъ, какъ и другихъ людей, даже меня.

Филиппъ погрозилъ ему кулакомъ.

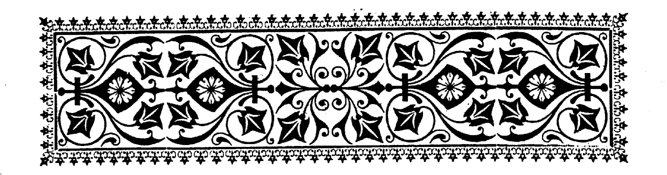
— Я выгоню тебя вонъ просто вслѣдствіе твоего слишкомъ хорошаго пищеваренія. Олимпіадѣ все будетъ доложено объ этомъ.

— А что онъ? (Молодые люди говорили обыкновенно о патріархѣ, просто называя его онъ), — пожалуй ему нелишне бы опять пригласить къ себѣ Акакія и предложить ему салійское пиршество.

— Нѣтъ уже поздно, сказалъ Филиппъ; добрый старецъ никогда опять не подвергнетъ себя столь страшному риску. Когда принесены были красныя сельди, вотъ бы ты посмотрѣлъ, какое онъ состроилъ лицо!

Они посовѣтывались съ Олимпіадой и съ этого времени она стала присматривать за кухней Іоанна, заботясь, чтобы всегда былъ запасъ надлежащей пищи, чтобы Іоаннъ не морилъ себя голодомъ, а также, чтобы имѣлъ для гостей такой столъ, который, хотя по сравненію со столомъ его предшественниковъ, былъ весьма простъ и скроменъ, водой по сравненію съ виномъ, однако ужъ не столь скуденъ и грубъ, какъ тотъ, который вызвалъ такое неудовольствіе въ престарѣломъ Акакіѣ верейскомъ.

ГЛАВА XXII.

Борьба съ различными затрудненіями.

СЪ КАЖДЫМЪ днемъ на Іоанна налегало бремя все новыхъ и непрестанныхъ обязанностей. Одного попеченія о религіозно-нравственномъ благосостояніи Константинополя и его патріархіи было бы достаточно для истощенія силъ любого человѣка, но Іоанну предстояла забота о многихъ другихъ епархіяхъ, на которыя, по установившемуся обычаю, простиралась его патріаршая власть; затѣмъ кромѣ преобразованія своихъ епархій и благотворительности собственно въ отечествѣ, онъ чувствовалъ глубокое стремленіе къ распространенію Евангелія посредствомъ миссіи среди персовъ, финикіянъ и другихъ народовъ. Между тѣмъ, все болѣе замѣчая общую испорченность и преданность міру, которою отличалось тогдашнее общество, онъ намѣревался употребить всевозможныя мѣры къ тому, чтобы поднять религіозно-нравственный уровень какъ общества, такъ и духовенства. Наблюдая окружающую жизнь, онъ видѣлъ, что многіе христіане были таковыми только по имени; христіанство они превращали въ орудіе всевозможныхъ распрей, притворства, всевозможныхъ пороковъ и мірскихъ увлеченій, забывая о духовной сторонѣ своей вѣры. Среди самого духовенства было сильно развито фарисейство, которое было такъ противно истинному духу христіанства и нѣкогда изобличалось самимъ Христомъ; они проповѣдывали, но не считали своимъ долгомъ сами исполнять то, что внушали другимъ. Это лицемѣріе сдѣлалось настолько

обычнымъ явленіемъ, что даже они сами обманывали себя, не замѣчая всей ложности своего положенія и съ гордыми претензіями представляли себя солью земли. Все это уже раньше видѣли и оплакивали нѣкоторые изъ величайшихъ учителей церкви. Іоаннъ уже зналъ, какъ относились къ этимъ явленіямъ святой Иларій, Григорій Назіанзинъ, Василій Великій, блаженный Іеронимъ, Исидоръ Пелусіонъ и святой Нилъ, въ твореніяхъ которыхъ изобличались многіе пороки и недостатки того времени; но Іоаннъ при своемъ безграничномъ простосердечіи не хотѣлъ еще сразу признавать всю прискорбность состоянія вещей, хотя она болѣе и болѣе разоблачалась передъ нимъ. Онъ не хотѣлъ дѣйствовать по первому впечатлѣнію, не обдумавъ всего; но хотѣлъ ждать, наблюдать, молиться, лучше вникая въ дѣло, и предпочиталъ сначала употреблять все свое вліяніе, прежде чѣмъ прибѣгать къ публичному обличенію или укору.

У императора былъ обычай на лѣто выѣзжать изъ Константинополя; онъ удалялся въ Анкиру, гдѣ жилъ въ тихомъ, хотя и роскошномъ уединеніи. Это онъ дѣлалъ по совѣту Евтропія, единственной цѣлью котораго было настолько занять Аркадія роскошнымъ самоуслажденіемъ, чтобы всѣ серьезныя дѣла могли всецѣло оставаться въ его собственномъ распоряженіи. Хитрый царедворецъ въ Константинополѣ изо дня въ день забавлялъ его въ гипподромѣ и циркѣ, гдѣ императоръ могъ видѣть скороходовъ, состязаніе колесницъ, бойцовъ и развлекаться, насколько это возможно было для его лѣнивой натуры, борьбой партій голубыхъ и зеленыхъ. Развалясь и дремля на мягкихъ шелковыхъ подушкахъ — въ «каѳизмѣ», какъ называлась императорская ложа, Аркадій могъ хотя немного развлекать свою пресыщенную натуру при видѣ того, какъ гимнасты ходили взадъ и впередъ по натянутымъ канатамъ или акробаты, къ изумленію народа, балансировали, имѣя на головѣ шестъ, на вершинѣ котораго маленькій мальчикъ могъ продѣлывать разные кунштюки гимнастическаго искусства. Иногда трепетъ сладостнаго ощущенія пробѣгалъ по нервамъ зрителей, когда какой-нибудь акробатъ, ошибаясь въ разсчетѣ, замертво падалъ головой внизъ, или мальчики слетали съ балансируемаго шеста и ломали себѣ ноги. Когда случалось, что какое нибудь подобное обстоятельство причиняло слишкомъ

много волненія, то сейчасъ-же на сцену являлись шуты, такъ называемые «moriones» или «cordaces», которые продѣлывали разныя смѣшныя клоунскія выходки и скоро приводили зрителей въ состояніе веселости, вызывая у нихъ взрывы хохота. Но чтобы монотонностью не утомлять императора, особенно во время палящаго лѣтняго зноя, Евтропій построилъ для него лѣтній дворецъ въ Анкирѣ. О днѣ отбытія туда императора изъ Константинополя обыкновенно объявлялось заранѣе и затѣмъ великій царедворецъ забавлялъ городскую чернь роскошными зрѣлищами. Императоръ, по случаю своего выѣзда изъ столицы, обыкновенно надѣвалъ золотую корону, украшенную драгоцѣнными камнями, затѣмъ шелковую порфиру, вышитую золотыми драконами; въ ушахъ у него были великолѣпныя серьги, на грудь свѣшивались цѣлыми рядами нити восточнаго жемчуга. Вооруженные тѣлохранители были увѣшаны золотыми цѣпочками и браслетами, самыя оконечности копій были позолочены и украшены шелковыми пурпурными флагами. Рядомъ съ ними шли палатины, неся роскошные щиты съ золотыми ручками, причемъ окружности щитовъ были разрисованы золотыми глазами. Колесница императора вся блестѣла золотомъ, такъ какъ покрыта была подвижными золотыми пластинками, которыя шевелясь сверкали по мѣрѣ ея движенія. У бѣлыхъ муловъ, запряженныхъ въ колесницу, были золотыя подковы, сбруя ихъ блестѣла золотой бахромой, а вожжи украшены были всевозможными драгоцѣнностями. Впереди колесницы и позади ея въ торжественной процессіи шли толпы различныхъ царедворцевъ, сотни пажей и евнуховъ всякаго возраста и всякой національности. Вся эта процессія двигалась по улицамъ, занятымъ тысячами зрителей, многіе изъ которыхъ терпѣливо ожидали съ самаго утра, чтобы только увидѣть, какъ будутъ открываться дворцовыя ворота и начнется это рѣдкое зрѣлище. Весь этотъ торжественный блескъ сосредоточивался, конечно, вокругъ царственной четы; но какъ изслѣдователи, проникая въ глубину какой-нибудь египетской пирамиды, часто находятъ тамъ только прахъ какой-нибудь обезьяны или кошки, такъ то-же самое можно сказать и объ этой процессіи, такъ какъ въ центрѣ ея находились только тщедушный, сопливый юноша и сморщенный коварный евнухъ.

Тѣмъ не менѣе внѣшній блескъ имѣетъ всегда неотразимую

силу обаянія для уличной толпы, которая глазѣла на это зрѣлище съ величайшимъ интересомъ. Шествіе направлялось къ пристани, гдѣ уже наготовѣ была цѣлая флотилія золоченыхъ судовъ, на которыхъ императоръ съ его дворомъ долженъ былъ переправиться на другую сторону Босфора, откуда они сухимъ путемъ отправлялись въ Фригію съ ея прекраснымъ мягкимъ климатомъ. До самой Анкиры Евтропій забавлялъ, и такъ сказать, возбуждалъ императора пиршествами, разными зрѣлищами съ танцовщицами и всевозможными другими развлеченіями, какія только могъ придумать его коварный умъ.

Филиппъ со своими молодыми друзьями также съ любопытствомъ, хотя и не безъ свойственной молодежи веселой насмѣшливости, смотрѣлъ на это отбытіе императора. Что касается Филиппа, то онъ отличался поразительной наблюдательностью и не было такого случая, когда бы онъ не подмѣтилъ чего-нибудь особеннаго. Находясь въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа, онъ упрекалъ Давида за то, что тотъ съ нѣкоторой завистью смотрѣлъ на весь этотъ царскій блескъ.

— Что мнѣ завидовать блеску на крыльяхъ какихъ-нибудь бабочекъ? — отвѣтилъ Давидъ.

— Ну да, ты, конечно, философъ, Давидъ; а ты, сказалъ онъ Евтихію, признайся, что не смотря на кажущееся равнодушіе, отдалъ бы свои глаза за то, чтобы быть однимъ изъ этихъ придворныхъ господъ и пройти въ золотѣ среди восторженныхъ кликовъ толпы. Я увѣренъ, что ты говоришь самъ себѣ: о, еслибы мнѣ побыть Евтропіемъ хоть на одинъ часъ!

Евтихій, смѣясь обернулся къ нему.

— Тебѣ лучше знать, — сказалъ онъ. Я предпочитаю быть писцомъ у патріарха. Что касается Евтропія, то еслибы у меня былъ врагъ и мнѣ нужно было бы обругать его...

— О, да это совершенно невозможное для тебя предположеніе, Евтихій, — сказалъ Давидъ.

— Ну хорошо, еслибы у меня былъ... еслибы я могъ, то я сказалъ бы: «помѣняться бы тебѣ ролью съ Евтропіемъ!»

— Но ты, конечно, хотѣлъ бы быть Авреліаномъ?

— Что!? — съ этимъ Тифосомъ, съ этимъ его злымъ братомъ, слѣдующимъ за нимъ по пятамъ и тайно стремящимся пожрать его?

— Все это прекрасно, Евтихій, но вѣдь ты самъ просилъ патріарха, чтобы и онъ соизволилъ взглянуть на эту процессію.

— А знаешь ли ты, какъ онъ назвалъ все это?

— Суета суетъ, вѣроятно, — сказалъ Филиппъ.

— Да, что-то въ родѣ этого. Онъ назвалъ все это позолоченною бѣдственностью, подкрашенной слезами. Но мнѣ кажется, что ты именно и страдаешь этою слабостью. Ты просто сгораешь отъ желанія поносить какой-нибудь подобный золотой воротникъ или какое нибудь въ родѣ его украшеніе и, чтобы скрыть свою досаду, обвиняешь насъ въ этомъ.

— Пожалуй и такъ, — сказалъ Филиппъ. Трудно сказать.

Этотъ разговоръ молодыхъ людей слышалъ какой-то старикъ въ философскомъ плащѣ.

— Эхъ, молодой человѣкъ, — замѣтилъ онъ, неужели ты желаешь богатствъ, власти, почестей? Вотъ у меня все это есть, что ты желаешь.

При этихъ словахъ онъ три раза открылъ и сжалъ свою руку.

— Ужъ ты не ворожишь ли? — смѣясь сказалъ Филиппъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ старикъ, я просто хватаю вѣтеръ... Таковы и всѣ наши земныя блага!..

Хотя патріархъ не особенно былъ расположенъ, оставивъ свои книги, терять дорогое время на то, чтобы смотрѣть процессію, однако, за день до отъѣзда императора, онъ былъ у него, чтобы проститься съ нимъ, а также, пользуясь этимъ случаемъ, серьезно переговорить съ могущественнымъ евнухомъ.

Евтропій привѣтствовалъ его почти съ изысканной любезностью. Его присутствіе, какъ казалось царедворцу, придавало своего рода осязательность окружавшему его міру фантазій. Большинство тѣхъ пресмыкающихся, которые цѣлыми толпами валялись у его ногъ, онъ до крайности презиралъ. Онъ зналъ цѣну тѣмъ восторгамъ, съ которыми они цѣловали ему руки и пресмыкались у его ногъ. Ему извѣстно было, что единственной цѣлью ихъ при этомъ было достиженіе ихъ личныхъ интересовъ, что они готовы были оплевать и затоптать его завтра же, если бы фортуна повернулась къ нему спиной. Но среди этихъ льстецовъ и прихвостней, въ лицѣ Іоанна онъ соприкасался съ человѣкомъ, который ничего не желалъ отъ него, который не боялся его и не

льстилъ ему, но который глубоко и искренно заботился о его спасеніи, о его высшемъ духовномъ благополучіи.

— Я радуюсь посѣщенію твоего блаженства, — сказалъ онъ, отвѣчая на простое привѣтствіе Іоанна, хотя ты и постоянно противодѣйствуешь моимъ желаніямъ и относишься безъ особеннаго уваженія къ моему сану. Вѣдь вотъ сейчасъ префекты и патриціи только что оставили эту комнату, при чемъ каждый изъ нихъ относился ко мнѣ почти такъ, какъ еслибы я былъ императоромъ; а ты обращаешься ко мнѣ безъ соблюденія самыхъ обычныхъ церемоніальностей.

— Развѣ этимъ самымъ я не оказываю тебѣ честь? Для меня ты — Евтропій, — душа, за которую умеръ Христосъ. Быть префектомъ въ сенатѣ, это еще не много значитъ или даже вовсе ничего, но быть человѣкомъ — это уже есть нѣчто. Если извѣстный человѣкъ даже просто нищій, однако — истинный христіанинъ, то его достоинство гораздо славнѣе, чѣмъ достоинство многихъ императоровъ.

— Ты прибылъ я вижу для того, чтобы дѣлать мнѣ укоры. Я вѣдь clarissimus — величайшій сановникъ послѣ императора. Въ отдаленнѣйшихъ городахъ, въ отдаленнѣйшихъ краяхъ имперіи я вполнѣ распоряжаюсь священной властью Аркадія. Предположи, что я не хотѣлъ бы подвергаться укорамъ?

— Ты можешь отказаться отъ нихъ. Но развѣ ты никогда не слышалъ изреченія: «тотъ, который, будучи укоряемъ — ожесточитъ свое сердце, внезапно отсѣчется и безвозвратно»?

— Какое право имѣешь ты примѣнять это изреченіе ко мнѣ, какъ будто я какой-то преступникъ, а ты мой судья?

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ Іоаннъ; какъ человѣкъ, я лишь твой бѣдный собратъ по грѣховной жизни; но смотри на меня, какъ на воплощенный голосъ твоей собственной дремлющей совѣсти.

— Я не настолько черенъ, какъ меня изображаютъ, — сказалъ съ негодованіемъ Евтропій, и нервно заходилъ взадъ и впередъ. Я ни на одинъ атомъ не хуже, даже, быть можетъ, совсѣмъ не такъ худъ, какъ многіе изъ твоихъ епископовъ и духовенства.

— Ахъ, какъ напрасны всѣ такія сравненія, отвѣчалъ Іоаннъ. Въ концѣ концовъ для каждаго человѣческаго существа есть только

двѣ сущности: Богъ и его собственная душа. Могу-ли я говорить съ тобой прямо, Евтропій, по священству, безъ всякаго прикрытія своихъ мыслей и чувствъ? Я говорю не какъ судья, не какъ фарисей. Мнѣ хотѣлось бы только помочь тебѣ увидѣть истинную сущность вещей.

— Говори, сказалъ Евтропій, — ты единственный среди живыхъ людей, отъ котораго я готовъ сносить такую свободу рѣчи.

— Въ такомъ случаѣ я бы спросилъ тебя, къ чему все это громадное скопленіе богатствъ, эта безчестная торговля высшими должностями? Ты старъ, долго ли ты еще можешь прожить? можешь ли ты унести съ собой все это золото, всѣ эти имѣнія, всѣ эти дворцы?

— Богатство есть сила, — сумрачно отвѣчалъ евнухъ.

— Но насколько же устойчива твоя сила? Императрица — твой врагъ, Гайна — твой врагъ, твоя сила основывается только на благорасположеніи государя. Не возлагай своего упованія на князя, не полагай твоего упованія на неправду и хищничество: все это можетъ обмануть тебя. Одинъ Богъ, если ты будешь Его искать, не обманетъ тебя.

— Ты говоришь со мной очень смѣло, сказалъ взволнованно евнухъ. — Посмотри вонъ туда на площадь. Тамъ ты увидишь мои статуи изъ бронзы, мрамора во всевозможныхъ видахъ и положеніяхъ. Войди въ дома знатныхъ, ты и тамъ увидишь мои статуэтки изъ золота и серебра. Мнѣ стоитъ только прикоснутьтя къ этому колокольчику и — князья и сенаторы соберутся ко мнѣ, будутъ льстить мнѣ. Когда я сижу въ театрѣ, то знать привѣтствуетъ меня восторженными криками, знаменитѣйшіе сановники называютъ меня «отцомъ императора» и третьимъ основателемъ Константинополя послѣ Византа *) и Константина.

— Неужели все это дѣлаетъ тебя счастливымъ?

— Счастливымъ? переспросилъ Евтропій. Какъ могъ-бы такой человѣкъ, какъ я — жертва человѣческаго звѣрства, тупости и га-

*) Bysas — Византъ, по преданію основатель города, получившаго отъ него свое первоначальное названіе — Византіи, переименованной потомъ въ честь Константина Великаго въ Констнантинополь.

Перев.

дости, — какъ могъ бы я быть счастливымъ? Подумай только, какъ прошло мое дѣтство, мое отрочество, моя юность; подумай, какъ я валялся въ грязи оскорбляемый, попираемый самыми низкими тварями среди человѣческаго рода. Но развѣ не имѣетъ значенія то, что я сижу теперь среди князей и что по всему міру гремятъ два имени: Стилихона и Евтропія?

— Однако, Евтропій, все это можно бы продать за одинъ часъ самоудовлетворенія. Ты сердишься, что я оказалъ противодѣйствіе тебѣ по вопросу о правѣ убѣжища. Я противодѣйствую и буду противодѣйствовать. Ради чего? Развѣ судьба такой женщины, какъ Пентадія, не пробудила въ тебѣ угрызеній совѣсти? Когда ты слышишь имя погибшаго отъ несправедливости Тимасія, погибшаго отъ несправедливости Абунданція, то неужели фуріи никогда не зажгутъ своего факела въ твоемъ сердцѣ?

— Оставь меня, сказалъ Евтропій, — ты глубоко уязвилъ меня.

— Полезны раны отъ друга. Только лобзанія многихъ враговъ обманчивы и ядовиты, Евтропій. Я люблю тебя больше, чѣмъ твои льстецы. Укоряю тебя не отъ своего собственнаго имени, но отъ имени Того, во власти котораго находишься ты. Я забочусь о тебѣ гораздо больше, чѣмъ твои ложные друзья. О, прости меня, если я отнесся нѣсколько жестоко къ тебѣ. Но подумай обо всемъ этомъ, прежде чѣмъ наступитъ ночь.

— Поздно, поздно, сказалъ Евтропій, глубоко взволнованный. Я уже порѣшилъ свою судьбу. Я буду слѣдовать по ея указаніямъ до конца.

— Раскаяться никогда не поздно; никогда не поздно и получить прощеніе, сказалъ Іоаннъ. — Но я не хочу, чтобы ты разстался со мной во гнѣвѣ. Успокойся. Прощай. Богъ да будетъ милостивъ ко мнѣ и къ тебѣ!

Какъ часто это предостереженіе впослѣдствіи звучало въ памяти царедворца! На слѣдующій день, когда онъ сидѣлъ рядомъ съ императоромъ, окруженный всевозможнымъ блескомъ, приближенные замѣтили, что лицо его было весьма печально, хотя при этихъ случаяхъ оно обыкновенно сіяло улыбкой. Онъ все еще думалъ о патріархѣ и высказанныхъ имъ укорахъ. И вотъ такимъ образомъ проходили дни за днями, принося съ собой различныя перемѣны и разнообразныя обязанности. Этотъ годъ ознаменовался

въ Константинополѣ разными ужасами, необычайными бурями, землетрясеніями; по Босфору пронесся страшный ураганъ и разрушилъ множество прилегавшихъ къ берегу домовъ. Отъ страшныхъ подземныхъ ударовъ земля во многихъ мѣстахъ разсѣлась и поглотила также много домовъ, а затѣмъ пламя, вырвавшееся изъ разсѣлинъ, продолжило это страшное дѣло раззоренія. Бѣдствіе было невыразимое, потому что еще больше ужаса этимъ катастрофамъ придалъ сверхестественный страхъ, и въ то время, какъ одни въ трепетѣ ожидали, что наступило свѣтопреставленіе и предавались невыразимому ужасу самообличенія, другіе въ дикомъ отчаяніи, всегда отличающемъ подобныя эпохи бѣдствій, предавались самому безобразному разгулу, — подобно морякамъ, которые напиваются до безчувствія, когда оказывается уже слишкомъ поздно спасать погибающій корабль.

Но посреди такихъ-то событій новый патріархъ мужественно сохранялъ свое спокойствіе. Много разъ въ храмѣ святой Софіи онъ преподавалъ объятому ужасомъ народу свои утѣшительныя поученія, стараясь успокоить его тѣмъ миромъ Божіимъ, который даетъ силу смѣло встрѣчать всякія житейскія опасности, потому что человѣкъ, достигшій истиннаго мира, не боится даже и смерти.

Но патріарху рѣдко приходилось пользоваться продолжительнымъ отдыхомъ; когда землетрясеніе кончилось, то начали аріане производить смуты. Со времени Валента они представляли сильную партію въ Константинополѣ и были сильны особенно тѣмъ, что къ числу ихъ принадлежали многіе изъ готовъ, находившихся подъ властію Гайны. По указу Өеодосія имъ запрещено было совершать богослуженіе въ стѣнахъ Константинополя, но несмотря на это, они все-таки не оставляли мысли пріобрѣсть въ свое распоряженіе церковь внутри города. За неимѣніемъ пока церкви они начали совершать ночныя шествія, во время которыхъ расхаживали по улицамъ и среди колоннадъ, распѣвая антифоны — странные богословскіе гимны Арія. Среди этихъ гимновъ особенно выдавался одинъ, который заканчивался насмѣшливымъ припѣвомъ:

„Гдѣ тѣ люди, что говорятъ
Своимъ загадочнымъ языкомъ,
Которые могутъ разгадать эту загадку:
Три есть одно, одно есть три“.

Въ теченіе цѣлой ночи распѣвая подобныя вещи, аріане на зарѣ удалялись въ свои церкви, находившіяся за городской стѣной. Такая дерзость аріанъ тѣмъ болѣе раздражала патріарха, что, будучи по своимъ убѣжденіямъ непоколебимымъ въ православіи, онъ всегда однако старался относиться къ аріанамъ со снисходительной мягкостью. Не зная, какъ поступить въ данномъ случаѣ, онъ обратился за совѣтомъ къ двумъ весьма различнымъ людямъ: къ смиренному деспосину Михаилу и непреклонному въ своихъ дѣйствіяхъ и убѣжденіяхъ архидіакону Серапіону.

Михаилъ уже нерѣдко былъ призываемъ изъ своей мастерской со своимъ сыномъ Давидомъ въ патріархію, чтобы побесѣдовать съ Іоанномъ, который цѣнилъ его совѣтъ.

— Какъ бы ты посовѣтовалъ мнѣ поступить по отношенію къ этимъ шумнымъ, назойливымъ аріанамъ? спросилъ Іоаннъ.

— Я бы смиренно посовѣтовалъ относиться къ нимъ со всевозможною мягкостью и снисходительностью.

— Но они еретики, сказалъ Іоаннъ, по отношенію къ нимъ необходимо дѣйствовать твердо.

— Я совѣтую мягкость, патріархъ, а не слабость. Любовь не есть слабость. Въ чемъ мы болѣе всего нуждаемся?

— Мы не должны уступать аріанамъ истинное Божество Христа, сказалъ Іоаннъ.

— Да, равно какъ аріане не должны уступать Его совершеннаго человѣчества, отвѣчалъ Михаилъ. По истинѣ прискорбно то, что люди, измысливъ всевозможныя заблужденія, начали ненавидѣть другъ друга, вмѣсто того чтобы любить Господа Іисуса Христа Сына Божія, искренно и истинно доказывая свою любовь къ Нему любовью ко всѣмъ, за кого Онъ умеръ.

— Но мы не можемъ считать аріанъ христіанами.

— Конечно, но готы приняли христіанскую вѣру отъ епископа Ульфилы. А этотъ епископъ развѣ не былъ великій подвижникъ?

Патріархъ согласился, такъ какъ чтилъ память епископа Ульфилы, хотя и сожалѣлъ, что онъ распространилъ христіанство въ его искаженной аріанами формѣ.

— Но все-таки что бы посовѣтовалъ ты?

— По моему нужно послать за вождями и священниками

аріанъ, поразсудить съ ними снисходительно, а не въ гнѣвѣ и распрѣ. Скажи имъ, какъ эти ночныя шествія производятъ лишь досаду и ожесточаютъ ихъ противниковъ: сдѣлай это, и будетъ совершенно достаточно.

Во время этого разговора присутствовалъ Филиппъ и онъ очень скромно позволилъ себѣ выразить искреннюю надежду, что патріархъ послѣдуетъ совѣту Михаила.

— Не пошлешь-ли ты меня за аріанскимъ епископомъ?

— Нѣтъ, Филиппъ, не надо еще пока, я долженъ переговорить съ Серапіономъ.

Серапіонъ, по обычаю, держался, совершенно иного мнѣнія. Слово у него никогда не расходилось съ дѣломъ. Онъ говорилъ, что снисходя къ ереси, тѣмъ самымъ мы измѣняемъ дѣлу Христову, и совѣтовалъ отнестись къ аріанамъ гораздо строже. Между прочимъ онъ посовѣтовалъ и со стороны православныхъ устроить совершенно такіе же крестные ходы, чтобы тѣмъ самымъ направить и отвлечь вниманіе православнаго народа отъ процессій аріанскихъ.

Патріархъ согласился съ мнѣніемъ своего архидіакона. И вотъ дѣйствительно православные начали устраивать процессіи, которыя съ каждымъ разомъ увеличивались, все болѣе и болѣе привлекая народъ. Но этотъ добрый совѣтъ, какъ оказалось, повелъ лишь къ еще большему злу. Злобные враги христіанства не преминули подхватить это соперничество двухъ партій и на счетъ взаимной враждебности христіанъ начали раздаваться насмѣшки и издѣвательства въ театрахъ, причемъ на сценѣ въ каррикатурномъ видѣ представлялись эти ночныя процессіи, при видѣ которыхъ народъ умиралъ со смѣха. Тогда въ это дѣло вмѣшалась сама императрица, которая въ это время была еще благосклонна къ Іоанну, такъ какъ хотѣла воспользоваться имъ, какъ могущественнымъ союзникомъ противъ Евтропія. Между прочимъ съ этой именно цѣлью она, желая склонить патріарха на свою сторону, велѣла Амантію сдѣлать приношенія въ пользу его госпиталей и церквей, планы которыхъ она рисовала даже собственноручно. Чтобы придать больше значенія ночнымъ процессіямъ православныхъ, она подарила имъ нѣсколько серебряныхъ крестовъ и на себя приняла неизбѣжные при этомъ расходы, а одному изъ своихъ царедворцевъ, Бризону ве-

лѣла идти во главѣ процессіи. Понятно, что въ виду такого участія императрицы, процессіи православныхъ сдѣлались еще болѣе величественны и народная толпа, шествовавшая съ ними, все увеличивалась. Аріане все болѣе и болѣе раздражались. Между соперничающими партіями начались перебранки, а затѣмъ яростныя попытки разстроить ту или другую процессію. Наконецъ, дѣло дошло до яростныхъ схватокъ. Среди православныхъ находились между прочимъ Филиппъ, Давидъ и Евтихій, которые, несмотря на всевозможныя аріанскія выходки, продолжали сохранять полное спокойствіе. Но ярость соперничествующихъ партій дошла до того, что въ одну ночь улицы обагрились кровью, нѣсколько человѣкъ было убито и много было раненыхъ. Филиппъ возвратился домой съ серьезными поврежденіями въ плечѣ, и его молодые сотоварищи были также ранены. Царедворецъ Бризонъ былъ серьезно раненъ камнемъ въ голову. Послѣ этого негодующая императрица не давала Аркадію покоя, пока онъ не запретилъ строжайшимъ образомъ всякія аріанскія процессіи, предоставивъ право на такія процессіи только православнымъ. Но Іоаннъ, огорченый тѣмъ, что христіанство такъ позорилось и унижалось въ взаимной враждѣ, невольно жалѣлъ, что не послѣдовалъ совѣту смиреннаго Деспосина.

Конецъ 398 года ознаменовался еще однимъ событіемъ. Патріархъ получилъ изъ Синопа дорогой подарокъ—мощи святого мученика Фоки; епископъ тріестскій Вигилій также прислалъ ему останки муч. Сисиннія, Мартирія и Александра. Патріархъ объявилъ, что онъ торжественно въ полночь перенесетъ ихъ въ церковь святого Ѳомы въ Дрипіи, близъ моря, верстахъ въ двѣнадцати отъ города. Огромное шествіе сопровождаемо было множествомъ военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, многими illustres, spectabiles и clarissimi, которые, не смотря на свой санъ, смиренно шли рядомъ съ простымъ и бѣднымъ народомъ и дружелюбно вели съ нимъ разговоры. Мало того, и сама императрица Евдоксія прошла пѣшкомъ этотъ путь. Въ самомъ простомъ платьѣ и безъ малѣйшихъ украшеній, она вмѣстѣ съ народомъ пѣла священныя пѣсни и сама держала кисть богатаго шелковаго покрова, подъ которымъ покоились мощи. Это внѣшнее благочестіе царицы произвело на всѣхъ въ высшей степени отрадное впечатлѣніе, и патріархъ былъ въ

восторгѣ отъ такой ея религіозной ревности. При видѣ этого благочестія царицы, онъ объятъ былъ необычайной радостью. Ему казалось, что императрица дѣйствительно будетъ покровительницей бѣдныхъ и столпомъ истинной вѣры. Когда процессія достигла церкви, то Іоаннъ выразилъ свои чувства въ восторженной рѣчи. «Что мнѣ сказать?» воскликнулъ онъ: «о чемъ я долженъ говорить? Я ликую, я внѣ себя отъ радости. Смотрите, какой примѣръ подала намъ царица! Какъ какая-нибудь служанка, она, носящая діадиму и порфиру, она, которую даже не всѣмъ придворнымъ сановникамъ позволяется видѣть, она шествовала позади этихъ мощей! Благословенна ты, царица! Не мы только, но и весь родъ будетъ прославлять твое блаженство. Ты сдѣлалась покровительницей святыхъ, матерью церквей. Твоя ревность равняется ревности апостоловъ, мы причисляемъ тебя къ благочестивымъ матронамъ, ибо въ построеніи храмовъ, въ почитаніи мучениковъ и въ подавленіи заблужденій еретиковъ, ты пользуешься твоей земной царственностью какъ средствомъ для достиженія вѣчнаго блаженства».

Послѣ этой бесѣды, народъ сталъ расходиться по домамъ, причемъ не было недостатка въ обычныхъ при такихъ случаяхъ критическихъ замѣчаніяхъ на счетъ произнесенной проповѣди.

— Ну что, какъ тебѣ понравилась эта изысканность азіатской риторики? — говорилъ Антіохъ птолемаидскій.

— По истинѣ неприличное славословіе! «Я скачу, я безумствую»! — что-то въ родѣ этого. Бывало ли когда-нибудь, чтобы патріархъ унижалъ свой санъ такимъ восторженнымъ разглагольствованіемъ?

— Насколько было бы инымъ и строго классическимъ твое собственное цѣломудренное краснорѣчіе, — сказалъ Северіанъ гавальскій, который считалъ Антіоха своимъ образцемъ и порѣшилъ во всемъ подражать ему.

Къ несчастію юнымъ послушникамъ Іоанна случилось идти рядомъ съ этими собесѣдниками, и Филиппъ, какъ особенно приближенный, былъ до крайности уязвленъ этими очевидно враждебными замѣчаніями о господинѣ, котораго онъ такъ глубоко любилъ, и онъ все болѣе понималъ, сколько враговъ окружало великаго патріарха и съ какою настойчивостью они подготов-

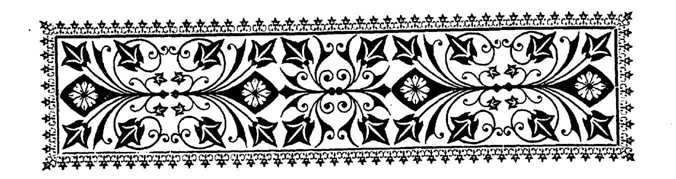
ляли для него погибель. Собесѣдники въ свою очередь замѣтили присутствіе Филиппа и, какъ бы устыдившись своего собственнаго разговора, обрушились на него, какъ на шпіона, вездѣ подслушивавшаго, чтобы передавать обо всемъ патріарху.

— Этотъ негодный антіохіецъ вездѣ вертится, гдѣ не слѣдуетъ, — замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ. Странно, что патріархъ держитъ при себѣ этого молодца, котораго онъ будтобы усыновилъ, — ехидно прибавилъ Северіанъ.

На другой день и самъ Аркадій посѣтилъ церковь святого Ѳомы въ сопровожденіи отряда воиновъ. Онъ также счелъ своимъ долгомъ поклониться праху св. мучениковъ и, снявъ съ себя порфиру, вооруженіе и діадиму, приникъ къ гробницѣ. Торжественно встрѣтивъ его, патріархъ опять произнесъ слово, хотя и болѣе спокойное. Аркадія уже невозможно было возвеличивать ни въ герои, ни въ подвижники; поэтому рѣчь патріарха была спокойной и сдержанной.

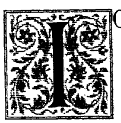
На слѣдующій день Филиппъ отправился въ Халкопратію, чтобы обо всемъ разсказать Михаилу. Вообще онъ рѣдко пропускалъ случай посѣтить домъ Деспосиновъ въ надеждѣ увидѣть Маріамь, которую, хотя и безмолвно, онъ любилъ отъ всей полноты своего сердца и которая, какъ ему казалось, съ своей стороны, была также неравнодушна къ нему.

Могущественнаго союзника при этомъ онъ имѣлъ въ лицѣ Давида, который такъ любилъ Филиппа, что въ семействѣ ихъ Филиппа всегда называли Іонаѳаномъ. Давидъ никогда не уставалъ хвалить Филиппа. Тамъ во время дружеской бесѣды они переговорили обо всемъ происшедшемъ и во время этихъ разговоровъ не могли не высказывать мрачныхъ предчувствій, съ которыми ихъ юныя сердца предвидѣли надвигающуюся бурю страстей и вражды.

ГЛАВА XXIII.

Борьба съ церковными нестроеніями.

ОАННЪ, будучи по своему характеру и по жизни въ полномъ смыслѣ подвижникомъ, естественно смотрѣлъ на окружающій его міръ съ строгой точки зрѣнія. Неудивительно, что когда онъ проводилъ свои взгляды въ жизнь, то не могъ не возбудить противъ себя самой ожесточенной вражды. Но при нѣкоторой осторожности онъ могъ бы отчасти избѣгнуть ея. Святой Амвросій былъ не менѣе его властный епископъ и не менѣе безбоязненный; но прохожденіе имъ гражданскихъ должностей научило его искусству обращаться съ людьми. Даже во всѣхъ малыхъ своихъ начинаніяхъ онъ обнаруживалъ извѣстный тактъ. Мы склонны пренебрежительно относиться къ такту, какъ свойству не особенно прямодушныхъ людей; но какъ ничтожный недосмотръ можетъ испортить даже сложную машину, такъ и ничтожные недостатки въ тонѣ и манерѣ или небольшой недостатокъ примирительности, которая представляетъ собой нѣчто совершенно отличное отъ трусливой уступчивости, можетъ иногда произвесть страшное движеніе въ цѣлыхъ обществахъ и народахъ.

Къ сожалѣнію, въ прежней жизни Іоанна было очень мало такого, что могло бы выработать въ немъ это необходимое для всякаго правителя качество. Его продолжительная аскетическая, монашеская и отшельническая жизнь, раскрывая передъ нимъ многія бездны обманчиваго человѣческаго сердца, и внѣдряя въ его душу убѣжденіе въ непреодолимомъ превосходствѣ нравственнаго закона, не дала ему надлежащей подготовки къ тому, чтобы сно-

сить немощи слабыхъ. Онъ совершенно не подходилъ къ уровню окружавшихъ его людей. Люди иногда призываются къ очищенію Авгіевыхъ конюшенъ *), не обладая Геркулесовой силой, при помощи которой только и можно исполнить такое дѣло. Люди непреклонной честности и пламенной ревности иногда оказываются среди безнадежно испорченныхъ обществъ и ихъ геройскія усилія, видимо, ускоряютъ только ихъ собственную гибель. Таковы именно были Григорій Назіанзинъ и Іоаннъ Златоустъ, а послѣ нихъ и многіе другіе. Такіе люди, такъ сказать, вынуждаются самой своей натурой разбиваться о непреодолимый рожонъ общественнаго равнодушія или общественной испорченности.

Пребываніе Іоанна въ горной пещерѣ придало ему еще одну особенность. До крайности разстроивъ ему здоровье, оно сдѣлало его нѣсколько раздражительнымъ не столько въ своемъ настроеніи, сколько въ тонѣ и манерѣ, что скорѣе было физической особенностью, чѣмъ нравственнымъ недостаткомъ; но этотъ недостатокъ однако былъ причиной того, чтобы все, что онъ ни говорилъ, сносилось съ меньшей легкостью, чѣмъ если бы этого недостатка не было.

Къ этому нужно присоединить и то обстоятельство, что при своемъ неистощимомъ словарѣ и горячемъ слогѣ онъ поражалъ слушателей своими рѣчами подобно граду бури. Онъ и самъ не зналъ о томъ дѣйствіи, которое производили на слушателей его бесѣды, и часто производившееся имъ впечатлѣніе было сильнѣе, чѣмъ даже онъ хотѣлъ того. Даже какое нибудь самое обыкновенное выраженіе, облеченное, однако, такъ сказать въ молніи его пламеннаго краснорѣчія, звучало, подобно парадоксу, немалымъ преувеличеніемъ. Иногда, произнося проповѣдь, въ которой повидимому высказывались лишь самыя обыкновенныя нравственныя истины, онъ къ удивленію своему находилъ, что весь Константинополь приходилъ въ страшное волненіе. Если напримѣръ подъ вліяніемъ общественнаго неустройства и крайней противоположности между утопавшими въ нѣгѣ богачами и голодающимъ населеніемъ онъ высказывалъ повидимому самыя простыя истины, внушаемыя христіанствомъ и его апостолами, то съ одной стороны его осаждали своими просьбами самые грубые обманщики, обзывавшіе его лицемѣромъ, въ случаѣ если онъ отвергалъ ихъ притязанія,

а съ другой въ то же самое время высшіе классы поносили его какъ опаснаго агитатора и беззастѣнчиваго демагога.

— Что это значитъ, сынъ мой, говорилъ онъ однажды Филиппу, — кажется, я постоянно повторяю истины, которыя сто разъ высказываемы были раньше меня, и однако когда *я* выскажу ихъ, онѣ повидимому доводятъ людей до ярости; когда же другіе скажутъ тоже самое, то ихъ рѣчи исчезаютъ какъ дымъ?

— А это зависитъ оттого, отецъ, сказалъ улыбаясь Филиппъ, что можно сказать одно и тоже, но совершенно иначе. Комары пищатъ, а громъ гремитъ: при этомъ составныя части звука въ сущности тѣже самыя, но онѣ производятъ совершенно различное дѣйствіе. Или еще примѣръ. Вотъ я пошатаю этотъ столъ и никто не замѣтитъ этого кромѣ какой-нибудь мухи; но когда землетрясеніе начинаетъ потрясать столы и дома, то даже царь и царица повергаются въ ужасъ.

— Ты всетаки еще не разрѣшилъ моего недоумѣнія, Филиппъ; Григорій, Василій, Амвросій, Іеронимъ — они столько-же походили на землетрясеніе, какъ и я; однако, они всетаки не производили такой бездны ненависти.

— Да развѣ они не производили? наивно спросилъ Филиппъ. Григорій долженъ былъ оставить Константинополь, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, огорчившись на то, что враги его и сикофанты не ужаснулись даже величія вселенскаго собора. Василій великій, какъ я слышалъ и отъ тебя, перенесъ чрезвычайно много огорченій, особенно отъ такихъ епископовъ, какъ Евсевій и Атарвій. Амвросій находился въ такомъ положеніи, что въ теченіе нѣсколькихъ дней самъ народъ долженъ былъ защищать его въ своей церкви. Іеронимъ былъ изгнанъ изъ Рима и, оставляя Римъ, онъ назвалъ этотъ городъ «пурпурной блудницей»*) и сравнивалъ его съ Вавилономъ.

— И тѣмъ не менѣе, Филиппъ, сказалъ Іоаннъ, остается вѣрнымъ то, что когда Северіанъ и Антіохъ говорятъ то же, что и я, то воздухъ нисколько не воспламеняется отъ этого. Ты не разъяснилъ мнѣ существа дѣла; я долженъ спросить Серапіона.

*) Purpurata meretrix — апокалипсическое названіе „багряной блудницы“, своими блудодѣйствами соблазнявшей весь міръ (Апок. XVII гл.).

Перев.

— Все именно этимъ и объясняется, отецъ мой, сказалъ Филиппъ; однѣ и тѣ же вещи можно говорить совершенно различно и различіе заключается въ томъ, высказывается-ли что нибудь отъ сердца, или лицемѣрно и такъ сказать отъ лица маски. Человѣкъ можетъ украсть лошадь, а другой не выглянетъ изъ-за забора...

— Ты говоришь какими то загадками, какъ сфинксъ. Пошли ко мнѣ Серапіона; я спрошу его.

Филиппъ вышелъ изъ комнаты. У него было слишкомъ мало жизненнаго опыта, въ которомъ бы его природная проницательность находила себѣ опору и поддержку; но онъ чувствовалъ, что то, что придавало проповѣдничеству Іоанна столь потрясающее значеніе, между тѣмъ такъ на устахъ какого нибудь Северіана или монаха Исаака то же самое прозвучало бы какъ простое общее мѣсто, имѣло свою причину въ томъ, что онъ говорилъ отъ сердца и дѣйствовалъ сообразно съ тѣмъ, что говорилъ; другіе же, какъ всякому было извѣстно, поступали совершенно иначе.

Когда пришелъ Серапіонъ, то Іоаннъ спросилъ его: неужели въ своихъ проповѣдяхъ онъ говорилъ слишкомъ сильно. Серапіонъ, вполнѣ сходясь съ нимъ во всѣхъ его мысляхъ и чувствахъ, совершенно отрицалъ это.

— Ты обличалъ роскошь богатыхъ, сказалъ онъ; но неужели ты сказалъ что-нибудь сильнѣе, чѣмъ говорилъ когда-то святой Іаковъ? Ты укорялъ преданныхъ своимъ страстямъ женщинъ: неужели ты говорилъ болѣе прямо и рѣзко, чѣмъ пророкъ Исаія?

Патріарху вообще хотѣлось получше познакомиться съ мнѣніями и настроеніемъ его окружающихъ, потому что у него давно уже явилась мысль созвать въ своихъ палатахъ два большихъ собранія — первое собраніе дѣвственницъ, вдовъ діакониссъ, а затѣмъ собраніе иноковъ и духовенства, такъ какъ онъ считалъ своею обязанностью обратиться къ нимъ съ особымъ наставленіемъ, въ которомъ они нуждались. При этомъ конечно хотѣлъ высказать имъ всю правду, но съ любовью, не желая безполезно раздражать ихъ.

Сначала состоялось собраніе «посвященныхъ» женщинъ, т. е. дѣвственницъ, принявшихъ на себя монашескій обѣтъ цѣломудрія. Патріархъ къ своему прискорбію не могъ отнестись къ ихъ недостаткамъ съ той снисходительностью, съ какой желалъ бы. Онъ былъ великій почитатель дѣвства и цѣломудрію придавалъ величайшее

нравственное значеніе, такъ что на бракъ прямо смотрѣлъ какъ на состояніе низшее. Этому его воззрѣнію придавало еще больше силы то, что въ то переходное время дѣвство имѣло дѣйствительно громадное значеніе, представляя собой живой идеалъ нравственнаго воздержанія предъ лицомъ всеобщаго, повсюду господствовавшаго развращенія. Этотъ идеалъ дѣвства и посвященнаго вдовства поэтому Іоаннъ выставлялъ на первый планъ; въ такомъ посвященномъ состояніи онъ видѣлъ присутствіе новыхъ силъ на сторонѣ христіанства, — такихъ силъ, предъ которыми долженъ былъ преклониться императоръ Юліанъ въ Антіохіи, и которыя могли оказать противодѣйствіе нравственной испорченности. Тѣмъ прискорбнѣе было для него наблюдать, что преданность міру и испорченность начали проникать и въ убѣжища этой святыни, придавая ложный колоритъ тому состоянію, которое должно бы быть образцомъ для всего человѣчества. Олимпіада, Сальвина, Пентадія и другія подобно имъ высокія и почтенныя женщины, по его взгляду, достигли такого воззрѣнія на жизнь, которое, при болѣе широкомъ распространеніи, могло бы возродить міръ; но для пламенной ревности патріарха было поэтому тѣмъ прискорбнѣе видѣть, какъ дѣвственницы не рѣдко измѣняли своему высокому обѣту и даже свои грубыя одежды иногда носили съ зазорнымъ кокетствомъ, самому монашескому платью придавая такой покрой, который бы возможно рельефнѣе обрисовывалъ ихъ формы; своей свободой отъ семейныхъ связей онѣ пользовались только для болѣе удобнаго удовлетворенія страстей, злоупотребляли ею и показывались въ самыхъ сомнительныхъ мѣстахъ увеселеній; вдовы, которыя, далеко не будучи истинными вдовами, щеголяли чрезвычайно изысканными одеждами, уподобляясь тѣмъ женщинамъ, которыхъ клеймилъ пророкъ Исаія; даже діакониссы не всегда смиренно исполняли свои святыя обязанности, а, проникая въ дома знати, предавались часто недостойнымъ интригамъ и сплетнямъ.

При видѣ всего этого въ сердце патріарха закралось благородное негодованіе, и онъ съ непреодолимой силой высказывалъ свои обличенія, заставлявшія невольно краснѣть и трепетать тѣхъ, которыхъ касались эти обличенія. Нѣкоторыя изъ дѣвственницъ подъ вліяніемъ этихъ укоровъ исправились и остались благодарными патріарху; но многія возненавидѣли его со всей желчностью

своего испорченнаго сердца. Въ своихъ обличеніяхъ патріархъ тщательно избѣгалъ указаній на личности и говорилъ вообще о недостаткахъ цѣлаго класса; но рѣчи его были такъ картинны, укоры такъ сильны, что многія невольно чувствовали, какъ будто съ ихъ именно лицъ срывались ихъ покрывала, ихъ маски. Непристойно сшитыя духовныя платья какъ будто срывались съ нихъ, обнажая всю грѣховность ихъ существа. Но обличенныя ничуть не раскаивались послѣ этого; напротивъ въ глубинѣ сердца онѣ затаили ненависть, проклинали обличителя. Пылая негованіемъ, онѣ стали своими злобными взглядами преслѣдовать патріарха. Имъ казалось невыносимымъ, что новый патріархъ съ такой безпощадностью обличалъ ихъ, между тѣмъ какъ онѣ привыкли къ тому, что народъ окружалъ ихъ своего рода ореоломъ почтенія и благочестія. Неудивительно, что такъ сурово обличаемыя дѣвственницы не преминули всячески мстить своему обличителю. Изъ-за оскорбленнаго самолюбія онѣ стали распространять о немъ всевозможныя клеветы, вполнѣ оправдывая извѣстную пословицу: «notumque furens, quid femina possit».

Съ этого времени, всякій разъ какъ ему случалось встрѣчать на улицѣ этихъ женщинъ — молодыхъ или старыхъ, многія изъ нихъ, немедленно плотнѣе закутываясь въ свои покрывала, проходили какъ будто не видя его, и только случайно ему приходилось видѣть, какимъ молніеноснымъ взглядомъ вражды метали въ него эти заслуженно обличенныя дѣвственницы.

Затѣмъ состоялось и собраніе духовенства. На этомъ собраніи патріархъ высказалъ даже еще болѣе непріятныя истины и опять высказывалъ ихъ безъ малѣйшаго смягченія. Онъ началъ съ того, что изобличалъ господствующее среди духовенства честолюбіе и преданность міру. Многіе изъ нихъ предавались праздной роскоши, между тѣмъ, какъ имъ слѣдовало бы подавать честный примѣръ простой жизни и высокаго настроенія. Развѣ знаменитый отшельникъ Виѳлеемскій, одинъ изъ величайшихъ писателей запада *), не укорялъ даже епископовъ за то, что онѣ задавали роскошные пиры и находили источникъ великаго удовольствія для себя при

*) Блаж. Іеронимъ, который по удаленіи изъ Рима поселился въ Виѳлеемѣ, гдѣ и велъ отшельническую жизнь до своей кончины.

Перев.

видѣ того, какъ ликторы и тѣлохранители консула стояли у ихъ дверей! «Вамъ слѣдовало бы, говорилъ Іоаннъ, жить скромнѣе и проще. Прискорбно видѣть, какъ пресвитеры Христовы унижаются въ паразитскомъ пресмыкательствѣ у вельможъ, которые заслуживали бы отъ нихъ самыхъ страшныхъ укоровъ. Не говорите мнѣ, что вамъ нужно доставать у нихъ денегъ на важныя благотворительныя дѣла; не нуждаетесь вы въ покровительствѣ закоснѣлыхъ преступниковъ. Простота и искренность доставили бы вамъ вліяніе въ десятеро болѣе законное, въ десятеро болѣе полезное. Какъ вы можете обличать другихъ въ излишествѣ, когда вы сами предаетесь ему? Или въ алчности, когда вы сами такъ глубоко заражены ею? Или въ роскоши, когда вы сами пребываете въ ней? Въ корыстолюбіи, когда единственная цѣль у столь многихъ изъ васъ, повидимому, заключается въ томъ, чтобы склонить на свою сторону какого-нибудь придворнаго евнуха и черезъ него получить епископію? Я не хотѣлъ бы говорить о себѣ самомъ: но развѣ я не старался подавать примѣръ въ этихъ отношеніяхъ? Я не дѣлаю праздныхъ угощеній...

— Конечно нѣтъ, прошептали Антіохъ съ Северіаномъ: доказательствомъ этого можетъ служить тотъ обѣдъ, который онъ далъ бѣдному Акакію верейскому, на что старецъ доселѣ никогда не перестаетъ жаловаться.

— Конечно не даетъ, нашептывалъ Киринъ одному изъ своихъ сосѣдей; но во всякомъ случаѣ разсказываютъ, что самъ-то онъ предается необычайнымъ пиршествамъ!..

«Даже въ палатахъ патріарха, продолжалъ Іоаннъ, не замѣчая этихъ переговоровъ, я стараюсь жить все еще монахомъ-отшельникомъ. Никогда не стараюсь я дѣлать и шагу во дворецъ императора, если только меня не зовутъ туда или если какая великая нужда церкви не требуетъ моего ходатайства.

«Но хотя это зло уже достаточно велико, но есть еще и другія, которыя хуже его. Вы люди безбрачные. Хотя Никейскій соборъ и не требовалъ безбрачія отъ духовенства, однако соборъ елвирскій требовалъ этого, и обычай этотъ распространился и на востокѣ. Отцы Никейскаго собора позволили вамъ удержать при себѣ своихъ женъ и выслушали пламенную рѣчь инока и отшельника Пафнутія, когда онъ, слѣдуя апостолу

Павлу (согласно съ словами Того, который сказалъ: «могущій вмѣстить — да вмѣститъ»), говорилъ, что это бремя не должно налагать на ваши выи, ибо оно сдѣлается источникомъ соблазна для васъ. Но это безбрачіе повело къ распространенному и непристойному обычаю, —не только къ непрестойному, но и опасному обычаю, который естественно и даже неизбѣжно нерѣдко подвергаетъ васъ безусловной преступности, а всегда неизбѣжному подозрѣнію. Это обычай, надъ которымъ сами шуты въ циркѣ и въ театрѣ издѣваются, изощряясь въ своихъ грубѣйшихъ остротахъ и возбуждая смѣхъ толпы. Никейскій соборъ позволилъ, чтобы въ домахъ тѣхъ, которые остаются безбрачными, хозяйствомъ завѣдывали матери, сестры или тетки, но многіе позорно злоупотребляютъ этимъ правиломъ. Многіе изъ васъ живутъ подъ одной кровлей съ дѣвственницами, которыя вамъ не родственницы. Вы называете ихъ вашими «духовными сестрами», и это сдѣлалось соблазномъ и источникомъ невыразимаго нечестія. Вы или слабы, или сильны. Если вы слабы, то на васъ лежитъ священная обязанность избѣгать искушеній, отгонять ихъ, какъ вы отгоняли бы раскаленнымъ желѣзомъ разъяреннаго звѣря. Но вы окружаете себя искушеніями, вы сами гоняетесь за искушеніями, вы живете въ самой атмосферѣ искушеній. Если же вы сильны, тогда для васъ нѣтъ извиненія, потому что, поощряя другихъ слѣдовать примѣру, который, по вашимъ заявленіямъ, будто бы безвреденъ для васъ самихъ, вы не только не снисходите къ немощамъ слабыхъ, но сами дѣйствуете на нихъ роковымъ образомъ. Гораздо лучше было бы, еслибы вы прямо вступали въ бракъ. Женатый пресвитеръ отнюдь не уменьшитъ своего вліянія настолько, насколько умаляетъ его тотъ, кто, живя съ молодой, быть можетъ привлекательной дѣвственницей, какъ хозяйкой его дома, посягаетъ на ся священное цѣломудріе или даетъ другимъ поводъ думать, что онъ поступаетъ такъ, вслѣдствіе чего они и сами начинаютъ дѣйствовать такъ же. Какой позоръ для васъ»!

Когда онъ такимъ образомъ изливалъ огненный потокъ своего нравственнаго негодованія, жегшаго огнемъ укоризны совѣсть многихъ изъ его слушателей (были конечно и такіе, къ которымъ этотъ укоръ не относился), то среди оскорбленныхъ и уязвленныхъ лицъ послышался громкій ропотъ негодованія и раздались даже гнѣв-

ныя восклицанія. Видя, что положеніе дѣла принимаетъ опасный оборотъ, архидіаконъ Серапіонъ съ негодованіемъ всталъ со своего мѣста, и подойдя къ патріарху, воскликнулъ: «патріархъ, ты никогда не можешь подчинить этихъ мятежниковъ, пока не погонишь ихъ передъ собою однимъ и тѣмъ же жезломъ!»

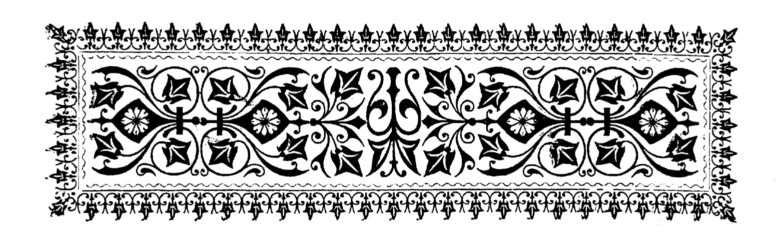
— Нѣтъ, нѣтъ, Серапіонъ, отвѣчалъ патріархъ, съ жестомъ снисхожденія; я говорю не обо всѣхъ; есть такіе, какъ мнѣ извѣстно, которые живутъ честно, имѣя у себя въ домѣ, въ качествѣ распорядительницъ хозяйствомъ, ближайшихъ родственницъ или бѣдныхъ и престарѣлыхъ женщинъ. Но я говорю о тѣхъ, въ домъ которыхъ нельзя войти безъ того, чтобы не встрѣтиться съ соблазнительнымъ зрѣлищемъ разныхъ мелочей, обнаруживающихъ присутствіе такъ называемыхъ дѣвственницъ. Развѣ не чудовищно видѣть, какъ пресвитеръ бѣгаетъ то къ серебряныхъ дѣлъ мастеру, — купить серьги для своей госпожи, то къ парфюмеру за духами, то къ парикмахеру за сдѣланнымъ тамъ заказомъ? *). О братья мои, братья! Когда я вижу все это, мое сердце обливается кровью, мой духъ упадаетъ во мнѣ. И теперь, обращаясь къ вамъ, иноки, я не знаю, не сильнѣйшая-ли скорбь объемлетъ мою душу, когда я вижу, что вы, которые исповѣдуете единственную божественную философію, вы, которые должны бы вести ангельскую жизнь, — когда я вижу, когда вы ходите праздно намащенными и завитыми, пресмыкаетесь въ переднихъ богачей, нашептывая слова лести въ уши нарумяненныхъ матронъ, выпрашиваете всюду милостыню для сомнительныхъ цѣлей, валяетесь въ грязной тинѣ невѣжества, производите всевозможныя смуты, вмѣшиваясь въ мірскія дѣла, ежедневно нарушаете свои обѣты, — когда я вижу все это, то чувствую потребность воскликнуть вмѣстѣ съ Иліей: «Нынѣ, о Господи, возьми отъ меня жизнь мою!»

Въ этомъ описаніи ложныхъ иноковъ Іоаннъ не имѣлъ въ виду охарактеризовать какую-нибудь личность въ частности; но отличительной особенностью его богатаго образами ума было то, что онъ всегда видѣлъ все въ конкретныхъ образахъ, такъ что когда онъ описывалъ извѣстный классъ, то непремѣнно передъ его взоромъ

*) Всѣ эти обличенія подробно изложены въ бесѣдѣ І. Златоуста: „Противъ живущихъ съ дѣвственницами“. См. „Полное Собраніе Твореній Св. І. Златоуста“ т. І новаго изд. 1895 г. Перев.

вставалъ какой-нибудь выдающійся представитель этого класса. Среди монаховъ того времени было много искателей приключеній того именно рода, который былъ предметомъ его обличеній; ими кишѣли всѣ большіе города имперіи и въ провинціяхъ были цѣлыя партіи ихъ, которыя составляли несомнѣнное общественное зло. Бонавентура разсказываетъ, что уже чрезъ поколѣніе отъ основанія ордена францисканцевъ народъ бѣгалъ отъ хищничества этихъ нищенствующихъ какъ отъ заразы. Блаженный Августинъ и другіе говорятъ то же самое о странствующихъ монахахъ, которые не принадлежали ни къ какой опредѣленной общинѣ. Но въ устахъ Іоанна все это звучало какъ будто чѣмъ-то новымъ и неслыханнымъ. И когда онъ говорилъ, то многіе по свойственной людямъ наклонности относить содержащіяся въ проповѣди обличенія къ своему сосѣду, невольно поворачивали свои головы по направленію къ извѣстнымъ представителямъ тогдашняго столичнаго монашества, то нѣкоторые изъ монаховъ, дѣйствительно, принявъ это обличеніе на свой счетъ, не выдержали и съ гнѣвомъ оставили засѣданіе, и затаивъ въ сердцѣ глубокую вражду къ патріарху, ожидали благопріятнаго момента, когда можно будетъ дать удовлетвореніе своему мщенію.

ГЛАВА XXIV.

Консульство Евтропія.

МЕНЯ есть новость для васъ, сказалъ Евтихій своимъ двумъ молодымъ друзьямъ, — притомъ новость первостепенной важности! Наконецъ я превзошелъ Филиппа, который всегда воображаетъ, что онъ одинъ только и можетъ узнавать всевозможныя новости.

— Ну, говори скорѣй, смѣясь сказалъ Филиппъ, а иначе лопнемъ отъ нетерпѣнія!

— Кто бы вы думали будетъ консуломъ на будущій годъ?

— Кто? Вотъ ужъ мнѣ не думается, чтобы ты зналъ это. Навѣрно — пустой слухъ.

— Нѣтъ, знаю; извѣстіе несомнѣнно.

— Но кто же? добивался Филиппъ.

— Ну, нѣтъ, сказалъ Евтихій. Я вовсе не хочу удовлетворить твое великое любопытство такъ дешево.

— Такъ я угадаю въ три пріема.

— Нѣтъ не угадаешь. Я даю вамъ, товарищи, 10 разъ угадывать. Если Филиппъ угадаетъ, то я подарю ему за это портретъ патріарха въ золотѣ на голубомъ фонѣ, чтобы онъ могъ повѣсить его на стѣнѣ въ своей спальнѣ. Если угадаетъ Давидъ, то я дамъ ему глиняную вазу съ букетомъ розъ съ цвѣточнаго рынка; а если никто не угадаетъ изъ васъ въ десять пріемовъ, то что вы дадите мнѣ?

— Хитрый парень, сказалъ Филиппъ; это своего рода засада. Но если мы не угадаемъ, то я пойду на рынокъ и куплю для тебя маленькую бронзовую....

— Кто теперь хитрецъ-то? сказалъ Евтихій. Говорить, такъ говорить! Мы всѣ знаемъ, для кого Филиппъ частенько покупаетъ цѣнные подарки на рынкѣ; мы всѣ знаемъ, почему и счеты патріарха въ извѣстной лавкѣ въ Халкопратіи такъ велики....

— Ну, молчи! крикнулъ Филиппъ, это съ твоей стороны безстыдство!

Евтихій обидѣлся и даже замахнулся на Филиппа, а тотъ погнался за нимъ по комнатѣ. Наконецъ, загнанный и припертый въ уголъ, Евтихій схватилъ стулъ и защищался имъ противъ Филиппа. Патріархъ, сидя въ сосѣдней комнатѣ, удивился, что это за шумъ происходилъ между его молодыми людьми; но ему всегда пріятно было думать, что они находились въ веселомъ настроеніи духа и чувствовали себя счастливыми въ патріархіи.

— Что вы такъ шумите? сказалъ онъ изъ своей комнаты

— А это вотъ все шумитъ Евтихій, отвѣтилъ Филиппъ, — этотъ молодой человѣкъ всегда шумитъ!

— Мы знаемъ, насколько тихъ ты самъ, Филиппъ, — благодушно замѣтилъ Іоаннъ.

— Вотъ тебѣ разъ, сказалъ Евтихій, ты обезпокоилъ патріарха и оклеветалъ меня. Такъ начинайте же отгадывать. Ты отгадывай первый, Давидъ.

— Это для того, чтобы дать ему больше шансовъ, сказалъ Филиппъ, потому что розы будутъ стоить меньше, чѣмъ та картина, которую я намѣренъ выиграть. Но я вижу тебя насквозь.

— Ну, хорошо, если я не отгадаю, сказалъ Давидъ, я даю тебѣ небольшой алебастровый пеналъ. Мнѣ думается, что Авреліанъ, новый преторскій префектъ.

— Онъ былъ бы превосходнымъ консуломъ, сказалъ Евтихій, но ты не угадалъ. Теперь очередь за Филиппомъ.

— Астерій, властелинъ востока!

— Неправда!

— Кесарій, начальникъ должностей, отгадывалъ Давидъ.

— Неправда!

— Филиппъ думаетъ, что онъ теперь угадаетъ.

— Да, сказалъ Филиппъ, — превосходительный Анѳимій. Онъ человѣкъ молодой, вотъ почему ты такъ удивленъ, — но это вѣроятно!

— Опять неправда, сказалъ Евтихій.

— Еллевихъ, отгадывалъ Давидъ.

— Опять неправда.

— Ну такъ я отгадаю, — сказалъ Филиппъ: Гайна — готъ, — вотъ кто! Очевидно безполезно указывать на именитыхъ и высоко-сановныхъ лицъ, какъ это дѣлаетъ Давидъ.

— Неправда, о магистръ мудрости! Значитъ я выиграю ту бронзовую вещицу, въ чемъ бы она ни состояла. Такимъ образомъ вы уже отгадывали по пяти разъ. Теперь попробуйте еще.

— Самъ Аркадій, сказалъ Давидъ, это будетъ его 5-ое консульство.

— Неправда. Теперь, Филиппъ, попытайся въ 7-ой разъ.

— Левъ Паукъ, воскликнулъ Филиппъ. Что смутился? Значитъ я угадалъ! Только этимъ и объясняется твое смущеніе.

— Что, этотъ Аяксъ? засмѣялся Евтихій. Этотъ Аяксъ, въ огромномъ тѣлѣ котораго содержится такая маленькая душа!? Нѣтъ!

— Такъ теперь я буду указывать на высоко-сановныхъ лицъ, сказалъ Давидъ. Озій, думается мнѣ.

— Озій — бывшій поваръ!? Нѣтъ, Давидъ, ты далекъ отъ истины.

— Я наконецъ угадалъ, сказалъ Филиппъ, — это несомнѣнно князь Іоаннъ.

— Что, этотъ красивый фаворитъ царицы? Все меньше и меньше правды. Эхъ, вы глупые люди! вы истощили всѣ свои умственныя силы. Филиппъ, иди прямо въ Халкопра...

— Ну, смотри у меня, — не заговаривайся, сказалъ Филиппъ.

— Ты съ своей стороны не отговаривайся, а иди лучше покупать для меня ту бронзу, въ чемъ бы она ни состояла, сказалъ Евтихій. Мнѣ думается, что ты нарочно не отгадываешь, съ цѣлью найти поводъ, чтобы пойти туда...

— Дай мнѣ попробовать еще разъ, — утолить мое уязвленное самолюбіе, сказалъ Филиппъ.

— Ну хорошо.

— Возможно, что это будетъ Евт..., но нѣтъ это было бы совершенной нелѣпостью. Однако здѣсь навѣрно скрывается какая-нибудь странность, иначе ты не сдѣлалъ бы изъ этой новости такого шума и предмета гордости. Дай мнѣ подумать. Угадалъ!! — это навѣрно старый язычникъ готъ, Фравитта.

— Браво, хлопая руками сказалъ Евтихій. Одинадцать разъ отгадывалъ и всякій разъ невѣрно. Впередъ не дѣлай ни малѣйшей претензіи на политическую мудрость, Филиппъ.

— Ну дай мнѣ еще разъ попробовать, для круглаго счета 12 разъ.

— О, ты обманщикъ, сказалъ Евтихій. Ты нарочно не отгадываешь, чтобы проиграть закладъ и получить возможность повидать Мар....

— Молчать, крикнулъ Филиппъ, хватая его за воротникъ.

— Я хотѣлъ только сказать, что ты не въ состояніи будешь послѣ всего пойти въ Холкопратію. Ну хорошо, угадывай еще разъ.

— Тифосъ — демоническій братъ Авреліана!

— Нѣтъ, опять неправда. Да вы никогда не угадаете, сказалъ Евтихій; поэтому я значитъ выигралъ бронзовый подарокъ.

— Да скажи-же намъ, упрашивалъ Давидъ: мы совершенно теряемся въ догадкахъ и сгораемъ отъ любопытства.

— Но что вы скажете, если я сообщу вамъ, что это будетъ самъ Евтропій?

— Ев-тро-пій! воскликнули всѣ, невольно теряясь отъ изумленія.

— Никто другой, подтвердилъ Евтихій.

— Вотъ странная вещь, сказалъ Филиппъ; его имя такъ и вертѣлось на языкѣ, но я постоянно устранялъ его, считая это предположеніе совершенно нелѣпымъ. Аркадій должно быть находился въ сонномъ состояніи и назначилъ его подъ вліяніемъ ночного кошмара.

— Очень вѣроятно; но новымъ консуломъ будетъ Европій для востока и Маллій Ѳеодоръ для запада.

— Что за противоположность, воскликнулъ Давидъ. Ѳеодоръ человѣкъ ученый, поэтъ, человѣкъ несравненной честности, который писалъ даже о Платоновыхъ «идеяхъ» и происхожденіи міра; это человѣкъ, котораго всѣ уважаютъ за его прямоту, чело-

вѣкъ, которому блаженный Іеронимъ посвятилъ свой трактатъ «о счастливой жизни». Евтропій же — это...

— Тебѣ лучше бы предоставить Филиппу выразить твои чувства, сказалъ Давиду Евтихій. Ты слишкомъ деликатенъ, тебѣ надобно-бы нѣсколько лѣтъ пробыть въ Антіохіи, чтобы обогатить свой словарь.

— Я выскажусь за него, сказалъ Филиппъ, который былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы замѣтить язвительность замѣчанія Евтихія. — Евтропій есть пресмыкающее животное гаремовъ, воплощенное хищничество, маятникъ опочивалень, старая, лысая, сморщенная тварь, едва ли стоящая чѣмъ-нибудь выше обезьяны...

— Ого, Филиппъ, воскликнулъ Давидъ, ослабь немного тетиву твоего лука!

— Хорошо, но... продолжалъ Филиппъ, это человѣкъ, который когда-то готовилъ бани для домашнихъ рабовъ, а теперь будетъ возсѣдать на курульномъ креслѣ *). Это тварь, которая въ теченіе многихъ лѣтъ только и дѣлала, что прохлаждала благородныхъ дамъ опахалами изъ павлинныхъ перьевъ, а теперь будетъ управлять имперіей! Тѣни Деціевъ, Камилловъ, — до чего мы дошли!

— Тебѣ слѣдовало бы родиться въ Римѣ, сказалъ Евтихій; тамъ съ удовольствіемъ бы послушали даже въ сенатѣ твои декламаціи. Ты увидишь, что востокъ отнесется къ этому гораздо равнодушнѣе. Мы привыкли даже къ тому, какъ женщины и евнухи-фавориты управляютъ имперіей. Но что скажетъ западъ?

— Это дѣйствительно позорное дѣло, сказалъ Филиппъ. Интересно, угадаетъ-ли Серапіонъ? Спросимъ его.

Архидіаконъ по обычаю былъ занятъ своими письменными дѣлами, которымъ отдавался настолько, что не замѣчалъ ничего, что происходило между молодыми людьми. Но Филиппъ нарушилъ его занятія и попросилъ его удѣлить имъ минуту своего времени для рѣшенія «важнаго государственнаго» вопроса. Суровый по наружности, но въ дѣйствительности весьма добродушный архидіаконъ вышелъ къ нимъ изъ своего кабинета.

---

*) Curulis sella — курульное кресло, переносное, изъ слоновой кости сдѣланное складное сидѣніе, какъ принадлежность сана консуловъ и другихъ высшихъ властей. Перев.

— Евтихій воротился сейчась изъ дворца, гдѣ онъ по своему обычаю занимался разными разспросами и...

— А Филиппъ развѣ никогда не дѣлаетъ этого, сказалъ Евтихій; онъ жаденъ до всякихъ новостей, какъ аѳинянинъ; только онъ теперь сердитъ на меня за то, что я предвосхитилъ у него удовольствіе сообщить одну интересную новость.

— Это ничего, Евтихій, сказалъ архидіаконъ; мы всѣ хорошо знаемъ Филиппа.

— А онъ воображаетъ, что будто узналъ, кто будетъ новымъ консуломъ, сказалъ Филиппъ, и желаетъ, чтобы и ты угадалъ; только самъ онъ стѣсняется спросить тебя.

— Пусть онъ никогда не стѣсняется меня! сказалъ архидіаконъ.

— Мы отгадывали, указывали на Авреліана, Астерія, Кесарія, Еллевиха, Аѳимія, Гайну-гота, князя Іоанна, Льва, Озія и самого Аркадія, гота Фравитту и Тифоса; но оказывается, все это невѣрно; отсюда ты увидишь, господинъ архидіаконъ, что это должно быть назначеніе весьма странное. Евтихій выигралъ отъ насъ за это разные подарки...

— Бронзовую вещь и другія, язвительно замѣтилъ Евтихій, причемъ смущенный Филиппъ толкнулъ его ногой подъ столомъ.

— И несомнѣнно хотѣлъ бы получить и отъ тебя какой-нибудь подарокъ, если ты не отгадаешь въ пять разъ...

— Ну, хорошо, сказалъ архидіаконъ, раздѣляя ихъ невинную веселость: я дамъ Евтихію небольшой изъ слоновой кости диптихъ, если не угадаю; но послѣ вашихъ неудачныхъ опытовъ быть можетъ я угадаю.

— Воспользуйся моимъ совѣтомъ, господинъ архидіаконъ, указывай на самыхъ невѣроятныхъ личностей, какія только могутъ прійти на умъ.

— Ну хорошо, сказалъ архидіаконъ. Навѣрно Синезій!

— Нѣтъ.

— Сатурнинъ въ такомъ случаѣ?

— Нѣтъ.

— Такъ вѣроятно этотъ новый начальникъ Трибигильдъ, который прибылъ сюда отъ грутонговъ. Это—такое племя, которое надо чѣмъ нибудь ублаготворить

— Нѣтъ.

— Такъ, конечно, это будетъ Амантій, милостынникъ царицы?

— Нѣтъ, но ты недалеко отъ истины.

— Въ такомъ случаѣ Бризонъ? сказалъ архидіаконъ.

— Въ награду за свою разбитую голову?! усмѣхнулся Филиппъ.

— Нѣтъ, господинъ, и вотъ теперь Евтихій, который прямо сказалъ намъ, что мы слишкомъ глупы для того, чтобы угадать, конечно...

— Какъ мнѣ остановить его дерзскій языкъ, господинъ? съ негодованіемъ воскликнулъ Евтихій.

— Ты, конечно, не хочешь сказать, что императоръ порѣшилъ назначить Евтропія?

— Ты угадалъ, господинъ, сказалъ Евтихій, радостно рукоплеская, а они нѣтъ.

— О, это весьма важно: я опасаюсь, что великій царедворецъ окончательно погубитъ себя этимъ безумнымъ честолюбіемъ. Это самообольщеніе предъ гибелью.

Извѣстіе это сообщено было и патріарху, и онъ также крайне удивился, высказавъ опасеніе, что это назначеніе дѣйствительно не приведетъ къ добру. Для Евтропія это вершина, на которой у него отъ высокомѣрія закружится голова и онъ низвергнется съ нея въ страшную бездну...

Филиппъ съ своей стороны вполнѣ угадалъ, что новый неразумный шагъ Аркадія произведетъ гораздо менѣе сильное впечатлѣніе на востокъ, чѣмъ на западъ. На востокѣ это чудовищное извѣстіе было принято съ легкимъ смѣхомъ; остряки только ограничивались циничными выходками противъ Евтропія, называя его «отцомъ» императора. Но когда первые слухи дошли до Рима и Медіолана, то оно принято было съ изумленнымъ недовѣріемъ, которое, когда извѣстіе подтвердилось, перешло въ громкое негодованіе. Правда, консульство теперь было главнымъ образомъ должностью исполнительной и уже давно было лишено всякой дѣйствительной силы. Тѣмъ не менѣе, консулы стояли во главѣ всѣхъ гражданскихъ должностей; консулъ имѣлъ безпорное преимущество передъ всѣми другими чинами, по его имени назывался годъ и онъ былъ наслѣдникомъ цѣлыхъ вѣковъ героическихъ преданій. И вотъ теперь эта великая честь была предоставлена ка-

кому-то неизвѣстному евнуху, рожденному Богъ знаетъ гдѣ, выставлявшемуся на продажу армянскими работорговцами, — человѣку, который въ теченіе многихъ лѣтъ подвергался самымъ постыднымъ униженіямъ, завивалъ гаремнымъ женщинамъ волоса, и наконецъ выброшенъ былъ изъ дверей даже не какъ вещь, стоющая продажи, а какъ слишкомъ безобразное существо, чтобы быть даже прислужникомъ, — выброшенъ былъ вонъ, чтобы выпрашивать себѣ хлѣбъ въ самыхъ грязныхъ трущобахъ! И вотъ такой-то человѣкъ не только дѣлался патриціемъ, но ему предстояло торжественное шествіе въ роскошномъ плащѣ по улицамъ въ сопровожденіи ликторовъ и держать драгоцѣнный, сдѣланный изъ слоновой кости, скипетръ на собраніяхъ сенаторовъ! Это было зловѣщее предзнаменованіе, которое предвѣщало неурожай, уродливое рожденіе или безусловное безплодіе! Это было оскорбленіе десяти вѣковъ исторіи и трижды — трехсотъ тріумфовъ! Это былъ признакъ ужаснаго упадка, угрожавшаго сдѣлать римскій міръ беззащитной жертвой отважныхъ варваровъ! Этого не должно быть! Этому не быть никогда! — кричали всѣ въ Римѣ.

Оффиціальное подтвержденіе этого назначенія пришло къ Гонорію, когда онъ находился въ своемъ дворцѣ въ Медіоланѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ со своимъ воинственнымъ тестемъ, храбрымъ вандаломъ Стилихономъ давалъ торжественную аудіенцію посольству германцевъ и свевовъ, которые прибыли просить мирнаго договора съ обѣщаніемъ преданности. Самое прибытіе ихъ было доказательствомъ того, что древняя слава Рима еще не умерла, что Римъ могъ еще гордиться пораженіемъ саксонцевъ, которые просили мира, защитилъ Британію отъ пиктовъ и подчинилъ племена жившія по берегамъ Дуная и Рейна. Толпы итальянцевъ съ понятною гордостью смотрѣли на этихъ заклятыхъ варваровъ въ ихъ кожаныхъ плащахъ, высокихъ ростомъ, съ длинными рыжими усами. И вотъ, въ этотъ именно моментъ достоинство Рима было унижено, такъ какъ рядомъ съ благороднымъ консуломъ Малліемъ Ѳеодоромъ была поставлена такая тварь изъ подонковъ Гинекея, какъ евнухъ Евтропій!

На этой аудіенціи присутствовалъ Клавдіанъ, воинъ, поэтъ, котораго Стилихонъ возвелъ въ должность военнаго трибуна, и онъ сдѣлался главнымъ выразителемъ общаго негодованія запада.

Въ составленной имъ по этому поводу поэмѣ онъ прежде всего обращается къ молодому императору Гонорію: «ты, государь, восклицаетъ онъ, ты, сынъ Ѳеодосія Великаго, четыре раза былъ консуломъ, а ты, Стилихонъ, побѣдитель въ сотняхъ битвахъ, ты также былъ консуломъ. Допустите-ли вы, чтобы величіе имперіи было опозорено этимъ гнилымъ пятномъ? Отдадите-ли вы римскихъ воиновъ подъ начальство этого прихвостня женщинъ? Неужели евнухъ оставитъ свои опахала и вступитъ въ ряды храбраго воинства? Неужели рука, которая способна лишь къ тому, чтобы держать опахало надъ вдовыми царицами, возьмется за латинскія сѣкиры? Духи почившихъ воиновъ — Брутовъ, Корниліевъ, Сципіоповъ, Клавдіевъ, — возстаньте изъ вашихъ мраморныхъ гробницъ, прогоните этого получеловѣка, дерзающаго надѣвать ваши одежды и гордо выступать со знаками вашихъ отличій! Пусть востокъ, если ему угодно, испорченный худымъ примѣромъ Арсакидовъ, приметъ одинъ гнусное и рабское владычество твари, которая никогда не извлекала меча, которая рѣдко выходила изъ опочивальни, которая способна только къ тому, чтобы складывать тирскія одежды и беречь отъ расхищенія ящики съ драгоцѣнностями».

Въ этихъ восторженныхъ гекзаметрахъ Клавдіана вылился весь гнѣвъ западнаго міра. Стилихонъ и Гонорій нисколько не поколебались показать свое презрѣніе къ Аркадію и Константинополю и отказались принять его назначеніе, чтобы не опозорить консульскую должность именемъ евнуха. 399 годъ впервые въ теченіе двѣнадцати вѣковъ былъ названъ по имени только одного консула. Это было консульство одного только Маллія Ѳеодора.

На востокѣ не многіе могли говорить по латыни, — тамъ всѣ были болѣе греки, чѣмъ римляне. Они не читали героическихъ поэмъ Клавдіана и поэтому не были затронуты его громоносным гнѣвомъ. Въ январскія календы Маллій Ѳеодоръ былъ провозглашенъ консуломъ и сѣлъ на слонокостномъ тронѣ въ Капитоліѣ Рима; но Евтропій также въ императорскомъ дворцѣ кесарей сидѣлъ во всемъ своемъ величіи, — въ одеждѣ, расшитой золотыми пальмами, окруженный всякаго рода придворными чинами и сановниками, которые соперничали другъ передъ другомъ въ цѣлованіи его руки, а если онъ допускалъ, въ видѣ особой высокой

благосклонности цѣловать ему сморщенную щеку, то осчастливленные прикладывались къ ней съ трепетнымъ благоговѣніемъ. И когда они преклоняли передъ нимъ колѣна, палата гремѣла отъ кликовъ, которыми вся эта знать привѣтствовала его, какъ хранителя законовъ и спасителя своей страны. Затѣмъ ворота дворца были открыты настежь, какъ будто это была резиденція самого Евтропія, и къ нему ринулась толпа любопытныхъ со своими неизбѣжными кликами и шутками. Послѣ пріема Евтропій, все еще одѣтый въ свою palmata vestis, всталъ и окруженный ликторами, конвоемъ дворцовыхъ воиновъ, въ торжественномъ шествіи отправился въ Курію Константина*), гдѣ онъ формально былъ провозглашенъ консуломъ. Затѣмъ онъ обошелъ кругомъ весь форумъ съ его превосходными портиками, съ чувствомъ упоеннаго честолюбія осматривалъ свои собственныя статуи, одѣтыя въ тогу или въ военные доспѣхи, а также статуи изъ мрамора и бронзы, красовавшіяся среди статуй другихъ славныхъ воителей и древнихъ божествъ. Толпа нанятыхъ рукоплескателей оглашала воздухъ продажными криками, повторяя высокіе титулы, выгравированные на пьедесталахъ, и провозглашая его третьимъ основателемъ Константинополя.

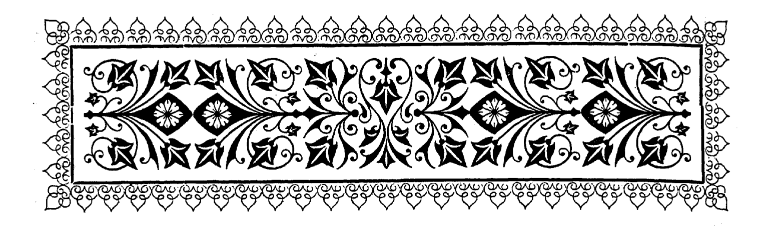
Евтропію, упоенному всѣмъ этимъ величіемъ, конечно и въ голову не приходило, что онъ теперь садился, такъ сказать, на лезвіе ножа! Въ упоеніи столь необычайнымъ успѣхомъ отуманился его вообще проницательный и хитрый умъ. Это была, какъ сказалъ Іоаннъ: «иронія угрожавшей судьбы»! Съ двухъ противоположныхъ сторонъ, хотя Евтропій нисколько и не подозрѣвалъ этого, гибель уже надвигалась къ нему скорыми шагами и судьба надѣла ему эту блистательную корону на голову только для того, чтобы тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе нанести ему свой гибельный, смертельный ударъ.

---

*) Curia — курія — высшее правительственное мѣсто. Курія Константина — высшее правительственное учрежденіе, основанное Константиномъ Великимъ.

Перев.

ГЛАВА XXV.

Готы.

Rem Romanam alius circumsteterat metus totus Gothiae'.
Amm. Marcell. XXX, 2 *)

Когда патріархъ началъ поближе понимать состояніе общества и политическихъ дѣлъ въ Константинополѣ, то увидѣлъ, что тамъ были три господствующія партіи, яростно боровшіяся между собою. Ему по необходимости болѣе или менѣе приходилось соприкасаться съ дѣлами всѣхъ ихъ. Въ каждой изъ трехъ партій у него было нѣсколько друзей; съ каждой онъ имѣлъ нѣкоторые пункты соприкосновенія. Результатомъ этого было то, что всякія смуты, всякія волненія въ Константинополѣ болѣе или менѣе причиняли и ему волненіе. Ему много приходилось страдать отъ этихъ бурныхъ, мірскихъ треволненій, которыя всѣ находили болѣзненный отголосокъ въ его отзывчивомъ ко всему и чуткомъ сердцѣ.

Прежде всего въ Константинополѣ была старая консервативная римская партія, во главѣ которой стоялъ его другъ Авреліанъ, который, несмотря на гнусныя и дерзкія козни его брата, извѣстнаго въ исторіи подъ прозвищемъ Тифоса, теперь занималъ

*) Римскую имперію со всѣхъ сторонъ обнималъ страхъ отъ готовъ.
Амміанъ Марцеллинъ

высокое положеніе преторскаго префекта. Литературнымъ представителемъ этой партіи былъ другъ его Синезій. Хотя Константинополь считался столицей востока, однако его называли «новымъ Римомъ» и всѣ представители старыхъ знатныхъ домовъ любили всетаки считать себя не иначе, какъ истыми римлянами. Поэтому они съ ужасомъ смотрѣли на постоянное усиленіе остготовъ, вестготовъ, свевовъ и вандаловъ, которые теперь настолько наводняли ряды римскаго войска, что составляли, по меньшей мѣрѣ, уже половину его наличной силы. Они видѣли роковую угрозу для будущаго въ томъ обстоятельствѣ, что три главнокомандующихъ въ римскихъ войскахъ — Стилихонъ, Аларихъ и Гайна, — три полководца, которые по общему убѣжденію, являлись единственными представителями военнаго генія того времени, всѣ были варвары. Цѣлью упомянутой раньше большой рѣчи Синезія передъ Аркадіемъ и было то, чтобы пробудить въ немъ сознаніе того, какая страшная опасность и даже несомнѣнная гибель угрожаетъ имперіи, если она будетъ находиться въ подобномъ положеніи.

Противоположенная этой римской партіи — была партія готская, во главѣ которой въ Константинополѣ стоялъ Гайна, и эта партія была сильна оружіемъ, численностью, физической силой, природнымъ мужествомъ и военной опытностью *). — Даже еслибы у этой партіи не было никого кромѣ варваровъ, то и въ такомъ случаѣ было трудно бороться съ нею; но она находила еще себѣ пособниковъ въ лицѣ такихъ беззастѣнчивыхъ римскихъ инриганов, какъ Тифосъ, который единственно заботился только о своемъ собственномъ возвышеніи и наживѣ; а также въ такихъ утонченныхъ интриганкахъ, какою была, отличавшаяся большой находчивостью въ устроеніи козней, жена Тифоса. Если бы Гайна былъ хоть такимъ человѣкомъ, какъ Стилихонъ или, еще лучше, какъ Фравитта, который, не смотря на то, что оставался язычникомъ, однако женился на римлянкѣ и чувствовалъ себя связаннымъ извѣстными законами чести и вѣрноподданничества, то остготы, которые были номинальными защитниками Константинополя,

*) Имя Гайна—есть сокращенное имя Гайзаната, что значитъ „смѣлое копье“ Зосимъ пишетъ его Γαΐνης, Сократъ — Γαινᾶς.

Авт.

представляли бы менѣе грозную силу въ политическихъ дѣлахъ того времени. Но Гайна былъ человѣкъ дикаго, безпокойнаго, непостояннаго характера. Онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страстей честолюбія и мести, которыя свойственны были ему съ большинствомъ его соотечественниковъ. Онъ былъ недоволенъ. Помогая Өеодосію въ его борьбѣ противъ узурпатора Максима, а также и противъ узурпатора Евгенія, онъ считалъ себя недостаточно вознагражденнымъ, хотя онъ получилъ почести и подарки, о которыхъ никогда не смѣли мечтать его предки. Къ несчастію партія Гайны была не только партіей готовъ, но и аріанъ. Аріане, какъ мы видѣли, были еще многочисленны. При Нектаріѣ они даже произвели мятежъ и сожгли патріархію. Фанатически преданные своей ереси, они готовы были стать за одно съ готскимъ военачальникомъ, который начиналъ воображать, что даже діадима не была недосягаема для него. Еще Арбогастъ думалъ, что варвары не смѣли посягать на порфиру, но со времени Арбогаста дѣла значительно измѣнились. На императорскомъ престолѣ уже возсѣдали аріане, и готы сами возводили на престолъ императоровъ: почему же какому-нибудь готу или аріанину не возвести славу Ульфилы даже на престолъ Константиновъ?

Третьей партіей была партія Евтропія, состоявшая изъ гражданскихъ сановниковъ и придворныхъ фаворитовъ, изъ евнуховъ и сановныхъ воротилъ. Вся ея сила заключалась въ жалкой неспособности царствующаго императора, но она пользовались огромнымъ вліяніемъ уже вслѣдствіе того, что могла по своему произволу располагать вліяніемъ императорскаго трона.

Тифосъ, негодуя на возвышеніе своего брата въ санъ префекта, на который онъ разсчитывалъ самъ, началъ тайно заводить козни съ Гайной, а беззастѣнчивая жена Тифоса—съ женой Гайны. Самъ готъ, съ свойственными ему коварствомъ и подозрительностью, не прочь былъ воспользоваться ими обоими, но онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы выдать имъ свои собственные личные планы.

Эти планы теперь почти созрѣли для осуществленія. Одинъ родственникъ гота — Трибигильдъ — военный трибунъ, вождь грутонговъ, прибылъ въ Константинополь отчасти для того, чтобы поздравить Евтропія съ его возвышеніемъ на консульство, но въ дѣйствительности съ цѣлію исходатайствовать себѣ высшую долж-

ность и получить щедрое пособіе для своего воинственнаго племени.

Евтропій между тѣмъ кокетничалъ съ грутонгскимъ вождемъ и просто обманывалъ его. Онъ пренебрежительно относился къ его племени, какъ отдаленной вѣтви остготовъ, которая была слишкомъ слаба численностью, чтобы быть опасною. Послѣ разныхъ отсрочекъ онъ наконецъ совсѣмъ обманулъ Трибигильда и отослалъ его назадъ безъ всякой добавочной платы, безъ подарковъ и даже не утѣшивъ его хотя бы дешевой наградой въ видѣ пустыхъ титуловъ. Это была роковая политическая ошибка, которая объяснялась просто помраченіемъ разума евнуха въ его непривычномъ высокомъ положеніи. Безъ сомнѣнія такія назойливыя домогательства, какъ домогательства Трибигильда, были источникомъ постоянной надоѣдливости для двора; но Евтропію слѣдовало бы имѣть достаточно проницательности для того, чтобы видѣть, что родственника Гайны, военачальника съ высокими претензіями нельзя было обманывать и оскорблять безнаказанно.

Что произошло между Гайной и Трибигильдомъ, неизвѣстно, но едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что они затѣяли между собой опасный заговоръ.

Въ гнѣвѣ и мрачномъ уныніи, пылая въ своей скиѳской груди, какъ говоритъ о немъ Клавдіанъ, огнемъ неудовлетворенной алчности и дикой гордости и притомъ съ пустыми руками, военачальникъ грутонговъ отправился домой. Его жена, издали замѣтивъ его приближеніе, бросилась встрѣчать его. Она была одной изъ тѣхъ могучихъ высокорослыхъ тевтонскихъ женщинъ, рядомъ съ которыми выродившіяся римскія дамы казались столь мизерными и тщедушными! На ней были тонкія льняныя одежды, застегнутыя на груди драгоцѣнной брошкой, а ея длинные свѣтлые волосы были перевязаны лентой, застегнутой золотыми змѣями. Радостно встрѣчая мужа и обвиваясь своими бѣлыми руками вокругъ его шеи, она спрашивала, какіе титулы онъ получилъ, какіе подарки привезъ для себя и для нея, какія щедроты для своего племени. Безъ сомнѣнія, какъ она предполагала, онъ привезъ ей какое-нибудь ожерелье изъ восточныхъ жемчужинъ или смарагдовъ, какой-нибудь золотой щитъ съ выпуклостями, украшенными драгоцѣнностями, чтобы вывѣсить его на стѣнѣ своей обѣденной па-

латки въ знакъ благосклонности Аркадія къ преданному военачальнику...

— Не спрашивай меня, — съ сумрачнымъ гнѣвомъ отвѣчалъ онъ. — Я не привезъ ничего! Мнѣ отказано во всѣхъ моихъ просьбахъ, мнѣ не сдѣлали никакихъ увеличеній въ пособіяхъ, мнѣ не дали и титула областеначальника, я былъ оскорбленъ и притомъ — евнухомъ!

Выслушавъ это, его жена, съ дикою неудержимостью варварскихъ женщинъ, расцарапала себѣ щеки ногтями и вылила на мужа цѣлый потокъ самыхъ яростныхъ издѣвательствъ.

— Такъ ступай же опять къ твоему плугу, — вскричала она; ты — землепашецъ и не способенъ быть воиномъ! Брось мечъ и возьмись за плугъ! Пусть твои грутонги спустятся до уровня землекопающаго крестьянства. О, зачѣмъ судьба связала меня съ такимъ трусомъ? Вѣдь есть же среди готовъ женщины, мужья которыхъ не довольствуются почетнымъ титулованіемъ, дома которыхъ украшены добычей городовъ, разграбленныхъ ихъ мужьями, женамъ которыхъ прислуживаютъ прекрасныя аргивскія и лаконійскія дѣвы. Но вождемъ ихъ племени былъ Аларихъ, а не Трибигильдъ!

— У меня племя маленькое, — оправдывался Трибигильдъ, — воиновъ у меня немного.

— Вздоръ, — вскричала она; война дастъ тебѣ союзниковъ; война умножитъ ряды твоего войска. Перестань быть полуримляниномъ, будь опять истымъ готомъ. Они оскорбили тебя за твою вѣрность; пусть же они боятся твоей мести!!

Ни одинъ готъ не могъ вынести такихъ укоровъ. Трибигильдъ поднялъ свое племя и взялся за оружіе; къ нему присоединилось множество рабовъ и варваровъ. Предъ нимъ лежали богатыя равнины Фригіи и города ея защищались только жалкими стѣнами, которыя уже давно подверглись разрушенію. Онъ опустошилъ всю страну огнемъ и мечомъ, и устрашенный народъ обращался въ Константинополь съ мольбой о защитѣ его отъ избіенія и раззоренія.

Сначала Евтропій дѣлалъ видъ, будто не придаетъ значенія катастрофѣ, которая ускорена была его собственнымъ легкомысліемъ

— Это простой набѣгъ разбойниковъ, — говорилъ онъ устрашенному императору: имъ нужны цѣпи, а не войска; я пошлю претора, а не трибуна наказать ихъ.

Это была, какъ говоритъ Клавдіанъ, уловка страуса, который, пряча свою голову въ песокъ, думаетъ, что врагъ уже не видитъ его. Между тѣмъ тайно отъ императора онъ всетаки завязалъ переговоры съ Трибигильдомъ. Опытъ научилъ его относиться съ безграничной вѣрой къ всемогуществу подкуповъ; но въ этомъ случаѣ всѣ подходы оказались тщетными. Грутонги обогатили себя обильною добычею. Трибигильдъ съ презрѣніемъ отвергалъ подарки, которые предлагались ему изъ чувства страха. Онъ даже дѣлалъ видъ, что съ презрѣніемъ относится и къ почестямъ, которыя дѣлались ему со стороны евнуха.

— Что же тебѣ нужно? спрашивали его посланные.

— Я не нуждаюсь ни въ признательности, ни въ подаркахъ, ни въ пособіяхъ народу, отвѣчалъ онъ.

— Такъ неужели ничѣмъ нельзя удовлетворить тебя?

— Да, я нуждаюсь въ мщеніи. Пришлите мнѣ голову евнуха и я заключу съ вами миръ.

Гайна еще болѣе омрачалъ положеніе дѣлъ, такъ какъ съ своей стороны старался возможно болѣе нагонять страха на имперію. «Мой двоюродный братъ Трибигильдъ — полководецъ прекрасный, говорилъ онъ; его грутонги прекрасные бойцы».

Евтропій былъ въ отчаяніи. Наконецъ онъ собралъ болѣе или менѣе довѣренныхъ совѣтниковъ; но у него было немного такихъ, на которыхъ бы онъ могъ полагаться, за исключеніемъ молодыхъ фатовъ и развратныхъ старцевъ, главнымъ наслажденіемъ которыхъ было изыскивать новые предметы утонченной роскоши для своихъ пиршествъ и проводить время среди павлиновъ и попугаевъ. Главнымъ предметомъ ихъ разговоровъ было описаніе модныхъ покроевъ одеждъ, обсужденіе сравнительныхъ достоинствъ атлетовъ. Самые перстни и шелковыя одежды были бременемъ для ихъ изможденныхъ фигуръ. Все, чѣмъ они интересовались, это было выглядѣть возможно наряднѣй, имѣть достаточный запасъ грязныхъ анекдотовъ и остротъ, когда они вели разговоры о паясничествѣ акробатовъ и о пляскахъ актрисъ. Но теперь Евтропій говорилъ

имъ, что дѣла государства находятся въ серьезномъ положеніи; что ему дѣлать?

Они согласились съ нимъ, что было бы неблагоразумно послать Гайну для подавленія этого мятежа. Вѣдь онъ и самъ готъ и нельзя было довѣрять, чтобы серьезно взялся за усмиреніе готовъ. Его преданность была болѣе, чѣмъ подозрительна, тѣмъ болѣе, что Трибигильдъ доводился ему двоюроднымъ братомъ. Нѣтъ, теперь оставался лишь одинъ исходъ, — именно назначить военачальникомъ Льва. Даже въ этомъ собраніи, составившемся изъ креатуръ Евтропія, эта его мысль была принята съ худо скрываемымъ хохотомъ, въ которомъ принялъ участіе и его первый любимецъ, бывшій испанскій поваръ, Озій. Вѣдь Левъ былъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ: онъ былъ такъ толстъ, что не могъ ходить безъ поддержки, или даже говорить безъ одышки. Какой воинъ изъ готовъ или римлянъ будетъ относиться съ уваженіемъ къ такому полководцу, или повиноваться ему? Несмотря на это Левъ заявилъ, что готовъ принять на себя это важное государственное порученіе и хвастливо обѣщался привесть этого мятежника Трибигильда и его грутонговъ за своей колесницей въ Константинополь.

И вотъ, такимъ образомъ, когда даже совы оглашали воздухъ своими зловѣщими криками, Левъ былъ назначенъ военачальникомъ и двинулся въ походъ, чтобы найти тамъ свою судьбу и покормить молосскихъ коршуновъ трупами своихъ воиновъ. Никогда еще не было въ римской имперіи такого распущеннаго, худо-дисциплинированнаго войска. Никто изъ начальниковъ не зналъ, какъ выбирать мѣсто для лагеря; не было развѣдчиковъ, которые приносили бы свѣдѣнія о непріятелѣ; не было вожаковъ, которые могли бы провести войско по кратчайшимъ дорогамъ; не было даже часовыхъ, которые оберегали бы лагерь ночью. Подобно безпорядочной толпѣ, это пестрое войско двинулось по горнымъ проходамъ Тавра.

Между тѣмъ Трибигильдъ, притворяясь устрашеннымъ, заманивалъ римское войско все дальше и дальше, стараясь довесть его до роковой деморализаціи. Левъ съ безсмысленнымъ невѣжествомъ расположилъ свой лагерь на такомъ мѣстѣ, гдѣ обширныя болота, лежавшія позади, отрѣзывали ему всякую надежду на

возможность отступленія. Его распущенное войско провело всю ночь въ кутежѣ и пьянствѣ. Но въ самую полночь Трибигильдъ со своими готами ринулся на неохраняемый часовыми лагерь, и произвелъ страшное побоище и избіеніе. Левъ, кое-какъ вскочивъ на лошадь, сломя голову поскакалъ по направленію къ болоту, въ которомъ уже завязли тысячи его несчастныхъ воиновъ. Конь, покрытый пѣной отъ безумной скачки и огромной тяжести своего всадника, споткнулся въ болотѣ и злополучный Левъ полетѣлъ черезъ его голову. Несчастный полководецъ тщетно пытался на животѣ выползти изъ грязи и топи. Погружаемый своей собственной тяжестью, онъ умеръ частью отъ страха, частью отъ задушенія. Трибигильдъ могъ теперь безпрепятственно опустошать всю Фригію, грабить богатыя равнины Памфиліи и Писидіи.

Аркадію теперь не оставалось другого исхода, какъ удалиться изъ Константинополя, въ сущности беззащитнаго, и послать Гайну для усмиренія опаснаго мятежника. Гайна переправился черезъ Босфоръ и, повидимому, двинулся для усмиренія врага, но какъ говоритъ пословица: «собака не съѣстъ собаку», въ дѣйствительности онъ ровно ничего не дѣлалъ. Мало того, онъ даже издѣвался надъ императоромъ, посылая ему извѣстія, въ которыхъ хвалилъ Трибигильда, какъ лучшаго полководца своего времени, и грутонговъ, какъ непобѣдимыхъ воиновъ, и не видѣлъ надежды на возможность разбить ихъ. Но они-де готовы сдѣлаться вѣрноподданными, лишь бы только ихъ не оскорбляли такъ жестоко. Если-бы только императоръ удовлетворилъ справедливое требованіе Трибигильда — выдать ему голову великаго царедворца (Гайна не хотѣлъ называть его консуломъ), то военачальникъ грутонговъ сложилъ бы оружіе и возвратился въ свою землю. Неужели безопасность Евтропія онъ предпочтетъ благосостоянію всей имперіи?

Но это было еще не все. Аркадію начали угрожать новыя опасности. Барамъ IV, царь персидскій, доселѣ былъ его другомъ и первымъ совѣтникомъ, но теперь противо-римская партія добилась того, что Барамъ былъ умерщвленъ, и первымъ дѣломъ его преемника Издегерда было отправить войско для нападенія на Сирію. По истинѣ предзнаменованіе консульства Евтропія было зловѣщимъ и даже гибельнымъ. Въ концѣ концовъ можно было опасаться и еще худшаго. Если была еще личность, которую такъ

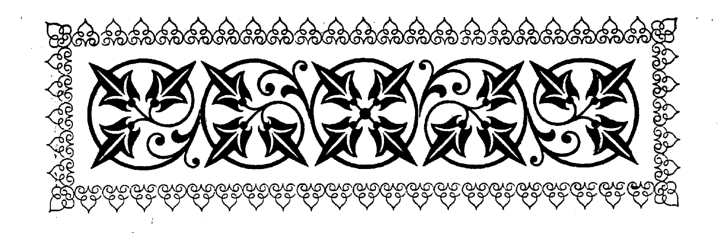
ненавидѣлъ Аркадій, то это былъ Стилихонъ; если была личность, къ которой онъ относился съ такой злобной завистью, то это былъ его братъ Гонорій, который, хотя и будучи жалкимъ образчикомъ человѣческаго рода, всетаки въ общемъ стоялъ выше его. Гонорій и Стилихонъ съ презрѣніемъ отказались признать Евтропія новымъ консуломъ, а теперь начали открыто носиться слухи, что Стилихонъ, не вынося позора и безпорядковъ на востокѣ, замышлялъ совсѣмъ низвергнуть Аркадія и совершить объединеніе разъединеннаго востока и запада подъ властію одного императора. Это была такая вѣсть, которая болѣе всякой другой способна была привесть Аркадіе въ оцѣпенѣніе.

— Что-же со мной будетъ, если меня лишатъ престола? спрашивалъ Аркадій самого себя. А что если меня сдѣлаютъ неспособнымъ къ дальнѣйшему управленію, не только заключивъ меня въ темницу, но и подвергнувъ меня аккротеріазму? Страшное значеніе этого послѣдняго слова наполняло его ужасомъ. Оно значило отнятіе рукъ и ногъ. Онъ рисовалъ себѣ жалкаго калѣку, валяющагося въ грязной темницѣ, и этимъ калѣкой былъ онъ самъ, между тѣмъ какъ ненавистные Гонорій и Стилихонъ злорадно пиршествовали въ пурпурныхъ одеждахъ Византійскаго дворца.

Доведенный до крайне жалкаго состоянія этими опасностями, угрожавшими съ разныхъ сторонъ, даже Аркадій не могъ не задавать себѣ вопроса: нельзя-ли отвратить хотя-бы худшую изъ этихъ катастрофъ, и если для этого нужно просто смѣстить царедворца, то не лучше-ли пожертвовать этимъ однимъ въ сущности ничтожнымъ старикомъ?

Трудно сказать, чѣмъ бы кончились колебанія нерѣшительнаго Аркадія. Но неожиданный шагъ безумной дерзости со стороны евнуха ускорилъ громовый ударъ, собиравшійся надъ его головой.

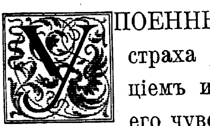

ГЛАВА XXVI.

Паденіе Евтропія.

Tolluntur in altum
Ut lapsu graviore cadant*).
Claudianus.

ПОЕННЫЙ тщеславіемъ, хотя и не безъ примѣси страха и раздраженія, Евтропій, сдѣлавшись патриціемъ и консуломъ, былъ внѣ себя отъ охватившаго его чувства высокомѣрнаго самовозношенія, и это крайнее самообольщеніе отуманило обыкновенно острый его умъ, лишило его способности разсуждать. Ему не лишне бы по временамъ сознавать, что какъ одно мановеніе подняло его на недосягаемую высоту, такъ мановеніе же могло низвергнуть его въ бездну, и самый заурядный здравый смыслъ долженъ былъ подсказывать ему, что для него, случайнаго баловня судьбы, необходимо было сохранять наивозможно-лучшія отношенія съ членами императорскаго дома. Но въ послѣднее время Евдоксія стала относиться къ нему почти съ повелительнымъ тономъ, который ему не нравился. Однажды она заговорила съ нимъ объ опустошеніяхъ Трибигильда, о заносчивости и вѣроятной измѣнѣ Гайны, о вѣроятности персидской войны, а также объ обидномъ образѣ

*) Возносятся въ высь,
Чтобы тѣмъ сильнѣе пасть.
Клавдіанъ.

дѣйствій Стилихона, угрожавшаго своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла восточной имперіи. При этомъ Евдоксія дала понять Евтропію, что не считаетъ его великимъ и благоразумнымъ политикомъ, и порицала его за то, что онъ послалъ противъ грутонговъ такого человѣка, какъ Левъ, когда онъ могъ бы послать человѣка испытанной храбрости, напр. преданнаго имперіи Авреліана, или такого способнаго военачальника, какъ князь Іоаннъ.

— Предоставь мнѣ устраивать эти дѣла съ императоромъ, рѣзко сказалъ Евтропій; что до Авреліана, то назначеніе его раздражило-бы Гайну; а что касается князя Іоанна... — и онъ многозначительно пожалъ плечами и насмѣшливо вскинулъ глаза на Евдоксію.

Краска выступила у нея на щекахъ, лицо разгорѣлось и покрылось краснотой до самыхъ волосъ; но она сочла за лучшее пока съ пренебреженіемъ отнестись къ этому намеку, не смотря на его очевидную дерзость.

— Во всякомъ случаѣ, сказала она, тебѣ не слѣдовало бы посылать никуда негоднаго толстяка, неспособнаго обжору, въ родѣ Льва.

— Левъ — мой другъ, сударыня, рѣзко отвѣтилъ Евтропій; ты не можешь быть судьей его военныхъ способностей.

— Онъ уже достаточно показалъ ихъ, возразила императрица. Слыхано-ли когда, чтобы какой-нибудь римскій полководецъ задыхался отъ грязи въ болотѣ, какъ это случилось съ нимъ, когда онъ упалъ съ лошади во время своего бѣгства?

— Это было его несчастье, а не его ошибка.

— Такія несчастія, повидимому, слишкомъ часто случаются во время твоего консульства!..

Евтропій не могъ выдержать этого. Неужели онъ сдѣлался консуломъ и патриціемъ, разбилъ всѣ преграды, которыя ставило ему на пути къ консульству его низкое происхожденіе, раздавалъ провинціи, назначалъ префектовъ, заставлялъ сенаторовъ и вельможъ пресмыкаться передъ собою, дѣлалъ имя свое славнымъ по всему міру рядомъ съ именемъ Стилихона, — неужели всего этого онъ достигъ только для того, чтобы подвергнуться издѣвательству со стороны какой-то франкской женщины, которая своимъ положеніемъ была обязана исключительно ему?

— Берегись, сударыня, грубо сказалъ онъ; та самая рука, которая возвела тебя, можетъ и низвергнуть тебя!

При этомъ оскорбленіи Евдоксія вспыхнула и залилась гнѣвными слезами. Вскочивъ съ своего мѣста, она повелительнымъ жестомъ руки отстранила его и прямо отправилась въ пурпурную палату, гдѣ находились ея двое дѣтей. Взявъ за руку маленькую Флакциллу, она вмѣстѣ съ тѣмъ захватила и грудную Пульхерію, которой впослѣдствіи предназначено было играть столь памятную роль въ исторіи. Затѣмъ, не обращая никакого вниманія на предписанія придворнаго этикета, она безъ всякаго доклада вошла въ комнату, гдѣ сидѣлъ императоръ, и со слезами бросилась на колѣни передъ нимъ. Отъ стыда и гнѣва она не могла даже говорить, а красивыя маленькія дѣти, ничето не понимая, но заражаясь волненіемъ своей матери, также плакали и кричали вмѣстѣ съ ней, такъ что Аркадій, глубоко взволнованный, испуганно спрашивалъ, въ чемъ дѣло.

— Твоя-ли я жена, кричала Евдоксія, когда получила наконецъ возможность говорить, — или нѣтъ? Твоя-ли я императрица, или раба, игрушка евнуховъ? Твои-ли это дѣти, и неужели ихъ мать ничто для тебя?

— Въ чемъ дѣло? въ чемъ дѣло? — испуганно повторялъ Аркадій.

— Евтропій, рыдала она... онъ оскорбилъ меня!.. Я знаю, что именно только по его проискамъ ты не далъ мнѣ титулъ Августы, хотя я родила тебѣ двухъ дѣтей. Но это еще ничто. Онъ дерзко говоритъ, что я моимъ положеніемъ обязана только ему. Онъ угрожаетъ низвергнуть меня, когда только захочетъ этого! Кто же императоръ: ты, или онъ?

Аркадій уже болѣе чѣмъ съ мѣсяцъ тому назадъ пришелъ наконецъ къ тому убѣжденію, что онъ, неблагоразумно отдавъ всю власть въ руки своего царедворца, тѣмъ самымъ поставилъ себя въ довольно стѣсненное положеніе. Вѣдь несомнѣнно, что одна только лѣность, которую поддерживалъ въ немъ Евтропій, и опасеніе безчисленныхъ хлопотъ, отъ которыхъ избавлялъ его министръ, препятствовали ему принять какія-нибудь мѣры для общаго блага. Негодующая ярость Евдоксіи была послѣдней искрой, которая воспламенила дремавшее въ немъ недовольство. Онъ не хо-

тѣлъ больше быть рабомъ своего собственнаго сановника. Евдоксія теперь требовала отставки Евтропія, какъ единственной возможности защитить ее отъ оскорбленій. Куя желѣзо, пока оно было горячо, Аркадій также порѣшилъ сразу совершить неизбѣжный переворотъ. Онъ успокоилъ взволнованную Евдоксію обѣщаніемъ, что за нанесенное ей оскорбленіе будетъ дано должное возмездіе. Съ непривычной энергіей позвонивъ въ серебряный колоколъ, Аркадій приказалъ одному дворцовому сановнику немедленно же отправиться къ Евтропію съ приказомъ, чтобы тотъ оставилъ дворецъ подъ страхомъ немедленной смерти.

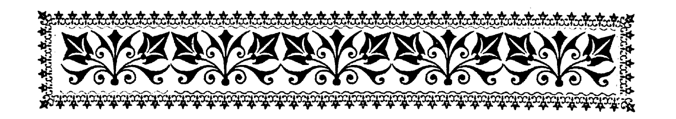
Сановникъ былъ пораженъ, какъ громомъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ передать это извѣстіе патрицію, консулу, великому царедворцу, который лишь часъ тому назадъ безусловно распоряжался жизнью и смерью и былъ самымъ могущественнымъ человѣкомъ во всей имперіи?

Ему не пришлось долго колебаться съ исполненіемъ даннаго ему порученія. Евтропій уже и самъ замѣтилъ, до какой дикой ярости довелъ онъ прекрасную императрицу; онъ и самъ уже сознавалъ, что зашелъ слишкомъ далеко, что Евдоксія была не изъ тѣхъ изнѣженныхъ римскихъ и восточныхъ женщинъ, которыя ни о чемъ не заботились, кромѣ благовоній и драгоцѣнностей. Въ ея жилахъ текла франкская кровь; она была дочерью франкскаго военачальника и считала себя способной управлять другими. Самый домъ, изъ котораго она вышла, ставилъ ее въ неблагосклонное отношеніе къ Евтропію, несмотря на то, что она такъ много была обязана ему. Она отнюдь не имѣла намѣренія быть ему покорной слугой. Съ смущеннымъ сердцемъ Евтропій слѣдилъ за ней, какъ она отправилась въ пурпурную палату, видѣлъ, съ какой поспѣшностью она вмѣстѣ съ дѣтьми вошла въ комнату Аркадія, слышалъ шумъ криковъ и рыданій; слышалъ, какъ голосъ императора зазвучалъ такимъ тономъ, котораго онъ никогда не слышалъ раньше; слышалъ наконецъ, какъ онъ позвалъ сановника. Но при всемъ томъ онъ рѣшительно не могъ предугадать, какой страшный и внезапный приговоръ произнесенъ былъ надъ его головой.

Сановникъ мимоходомъ передалъ и другимъ о содержаніи сдѣланнаго ему ужаснаго порученія; да кромѣ того и другіе придворные, собравшись около двери, слышали, что именно сказалъ

императоръ. Вѣсть объ этомъ съ быстротой молніи распространилась въ толпѣ льстивыхъ завсегдатаевъ дворца. Черезъ какія-нибудь пять минутъ уже всѣ знали о случившемся. Между тѣмъ Евтропію уже врученъ былъ роковой приказъ. Ему дано было знать, что воины идутъ арестовать его. Ему нельзя было терять ни момента больше. Что ему было дѣлать? Не видя другого спасенія, онъ вспомнилъ о правѣ церковнаго убѣжища. Въ головѣ его мелькнула мысль воспользоваться этимъ правомъ, хотя онъ самъ же недавно отмѣнилъ его. Потайной корридоръ императорскихъ покоевъ соединялся съ Халкопратіей и велъ въ церковь святой Софіи. Чтобы достигнуть ея, нужно было пройти черезъ рядъ переднихъ комнатъ, въ которыхъ постоянно толпились рабы, пажи, воины и придворные чиновники. Какихъ-нибудь десять минутъ передъ тѣмъ, Евтроній проходя здѣсь, былъ бы встрѣченъ съ низкими поклонами: всѣ бросились бы цѣловать ему руку, оглашали бы воздухъ самыми льстивыми титулами и пресмыкались бы предъ нимъ съ самыми раболѣпными улыбками. Теперь же все это съ поразительною быстротою измѣнилось, и Евтропій видѣлъ только не двумысленныя гримасы, слышалъ ядовитыя насмѣшки. Многіе отворачивались отъ него или дерзко указывали на него пальцами и онъ не слышалъ ничего другого, кромѣ почти открытыхъ проклятій и худо скрываемыхъ издѣвательствъ. Злополучный сановникъ понялъ, что солнце его счастія внезапно погрузилось въ глубочайшую ночь. Онъ поспѣшно прошелъ корридоръ, и забывъ о своемъ достоинствѣ, буквально побѣжалъ въ церковь. Въ крайнемъ волненіи взошелъ онъ на ступени амвона среди изумленныхъ дьяконовъ и пресвитеровъ и, думая найти себѣ убѣжище въ самомъ священномъ, неприкосновенномъ мѣстѣ, онъ бросился къ подножію престола и ухватился руками за одну изъ золоченыхъ колоннъ, на которыхъ поддерживался престолъ.

И тамъ, все еще въ расшитыхъ пальмами одеждахъ своего консульскаго достоинства, въ пурпурной мантіи патриція, посыпавъ пепломъ свою лысую голову, съ ея сѣдыми жидкими волосами, лежалъ онъ жалкій и злополучный, оглашая алтарь своими стонами и глухими рыданіями.

ГЛАВА XXVII.

Въ священномъ убѣжищѣ.

Illatas Consul poenas, se consule, solvi
Saevit in auctorem se prodigiosus honor.
Claudianus

Филиппъ случайно находился въ церкви святой Софіи, когда Евтропій, выбѣжавъ изъ потайнаго дворцоваго корридора, ведшаго въ покои императора, поспѣшно спустился по лѣстницѣ и вбѣжалъ въ самое святилище. Теряясь отъ изумленія, Филиппъ видѣлъ, какъ несчастный старикъ въ невообразимомъ ужасѣ всходилъ по порфирнымъ ступенямъ святилища и исчезъ въ алтарѣ за задернутой завѣсой. Обыкновенно новаго патриція и консула нигдѣ нельзя было видѣть публично, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ торжественно проходилъ въ театръ или въ циркъ, сопровождаемый своими ликторами или окруженный толпой рабовъ, всякаго рода приживаловъ, причемъ всегда толпа наемныхъ приверженцевъ встрѣчала его восторженными восклицаніями, какъ какого-нибудь героя или полубога. Что же могло бы означать это необычайное зрѣлище, когда могущественнѣйшій изъ людей блѣдный, въ крайнемъ страхѣ, съ растрепанными волосами, никѣмъ не привѣтствуемый и не сопровождаемый даже ни единымъ рабомъ, поспѣшно бѣжалъ, трепеща всѣмъ тѣломъ и часто даже спотыкаясь на пути? Навѣрно случилось что-нибудь зловѣщее, и еще не догадываясь, что это именно было, молодой человѣкъ своимъ смѣтливымъ, проницательнымъ умомъ сразу обнялъ всю важность событія. Что бы это ни значило, во всякомъ случаѣ было очевидно,

что Евтропій бѣжалъ въ святилище, ища себѣ защиты въ томъ правѣ убѣжища, которое онъ еще недавно самъ же старался отнять у церкви Христовой.

Но какъ большія деревья, падая въ лѣсу, тѣмъ самымъ производятъ сильный поломъ въ окружающихъ дererьяхъ, такъ тоже бываетъ и съ великими людьми, которые, падая, производятъ большое вокругъ себя движеніе, и Филиппъ далеко не былъ увѣренъ, что Евтропій не сдѣлается жертвой своего собственнаго закона, въ силу котораго преступленіе оскорбленія величества исключалось изъ права церковной защиты. Однако онъ предвидѣлъ, что въ какіе-нибудь полчаса или менѣе того, когда вѣсть о паденіи великаго царедворца распространится повсюду, церковь сдѣлается мѣстомъ самаго необычайнаго волненія, и потому необходимо было немедленно же извѣстить патріарха обо всемъ случившемся.

Домъ патріарха стоялъ какъ разъ противъ стѣны императорскаго двора и находился въ весьма близкомъ разстояніи отъ восточныхъ вратъ святой Софіи. Онъ какъ разъ стоялъ фасадомъ къ Миліону, къ цѣлому ряду статуй, которыми украшенъ былъ сѣверный фасадъ гипподрома. Когда другіе, находившіеся въ церкви, все еще терялись отъ удивленія и тѣснились къ алтарю, чтобы хоть мелькомъ вглянуть на Евтропія, скрывавшагося за задернутой завѣсой, Филиппъ мигомъ побѣжалъ домой, и прямо войдя въ комнату патріарха, сказалъ ему:

— Отецъ мой, твое присутствіе немедленно требуется въ великой церкви св. Софіи! Евтропій нашелъ себѣ убѣжище въ святилищѣ!

— Евтропій!? въ изумленіи воскликнулъ Іоаннъ. Онъ пришелъ искать убѣжище въ святилищѣ!? Что же такое случилось?

— Я ничего больше не знаю, сказалъ Филиппъ; но я видѣлъ, какъ онъ пробѣжалъ мимо меня, когда я стоялъ въ притворѣ. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Ужасъ отпечатлѣлся на всѣхъ чертахъ его лица. Одежда его была въ безпорядкѣ, голова посыпана пепломъ. Черезъ нѣсколько минутъ тамъ пожалуй совершится какое-нибудь ужасное событіе, и потому нельзя терять ни минуты.

— Я немедленно отправлюсь туда, сказалъ Іоаннъ; мнѣ нужно только надѣть омофоръ. Позови епископа Палладія, Се-

рапіона, Тигрія, Кассіана, Германа и все духовенство, которое окажется въ ѳомаитѣ, и пусть всѣ слѣдуютъ за мною.

— Пойдемте, Давидъ и Евтихій, сказалъ Филиппъ, проходя черезъ переднюю комнату. Сегодня уже моя очередь сообщить вамъ необычайную новость, которая совсѣмъ не шуточная. Патріархъ немедленно пойдетъ со всѣмъ духовенствомъ. Бросьте дѣла свои, и пойдемте въ святую Софію, гдѣ вы увидите сцену, которая будетъ памятна на всю жизнь.

Молодые люди быстро поднялись, и почти немедленно вышелъ и патріархъ, который въ сопровожденіи своего духовенства и секретаря быстро направился въ соборный храмъ. Народу уже тамъ было много, и быстро собиралось все болѣе и болѣе. Поразительная новость распространялась всюду, какъ бы на огненныхъ крыльяхъ; она долетѣла и до улицы, гдѣ народная толпа уже кричала съ дикимъ самодовольствомъ. Она дошла и до воиновъ, которые пришли въ сильное волненіе. Она проникла и въ гипподромъ, и неизвѣстно какимъ образомъ, въ одинъ мигъ передавалась изъ устъ въ уста среди тысячъ присутствовавшихъ тамъ зрителей. И тутъ произошло странное явленіе. Еще недавно Евтропій цѣлые дни проводилъ въ театрѣ и гипподромѣ, гдѣ онъ съ своего пышнаго сидѣнья милостиво раскланивался на привѣтствія толпы, осчастливливая своихъ поклонниковъ улыбками и привѣтствіями, услаждаясь со всѣхъ сторонъ выраженіями самой раболѣпной лести, omnia serviliter pro imperio, такъ что повидимому, былъ самымъ горячимъ любимцемъ смѣшаннаго населенія Константинополя, — и вотъ теперь (такова-то слава, таково-то значеніе рукоплесканій толпы!) весь собравшійся здѣсь народъ, какъ одинъ человѣкъ, поднявшись со своихъ мѣстъ, кричалъ: «смерть евнуху»!..

Патріархъ прибылъ какъ разъ во время. Еслибы не смѣтливость и рѣшительность Филиппа, то ненавистный временщикъ уже вытащенъ былъ бы разъяреннымъ народомъ изъ мѣста своего убѣжища и святыня храма была бы осквернена ужасомъ кровопролитія. Въ церкви происходило уже смятеніе и необычные крики раздавались въ этомъ святомъ мѣстѣ; но народъ замолкъ, когда явился патріархъ въ своемъ священномъ облаченіи. Всѣ разступились передъ нимъ, когда онъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ

прошелъ къ алтарю, сопровождаемый пресвитерами и діаконами. Патріархъ взошелъ на амвонъ и прослѣдовалъ въ алтарь. И такъ то вотъ гдѣ встрѣтились опять Евтропій и Іоаннъ!

У подножія престола, въ страшномъ ужасѣ, не обнаруживая ни малѣйшей мужественности, ни малѣйшаго достоинства, трепеща всѣмъ тѣломъ, лежалъ великій царедворецъ. Онъ представлялъ собою до омерзительности жалкое существо и всѣмъ своимъ положеніемъ возбуждалъ скорѣе презрѣніе, чѣмъ сожалѣніе. Ему невольно припоминались всѣ его преступленія и это еще болѣе увеличивало въ немъ сознаніе своей бѣдственности. Передъ нимъ какъ будто воскресли призраки Тимасія и Абунданція, и злорадно указывали ему на мщеніе фурій. Идолъ, который такъ внезапно палъ во прахъ, былъ жалкимъ и безобразнымъ. Это не былъ Марій, который, хотя сидя голоднымъ и нечесаннымъ въ своей мрачной тюрьмѣ, все еще сохранялъ величіе своей мужественности и своего достоинства. Не былъ это и Помпей, который былъ великимъ даже среди своихъ бѣдствій. Это было жалкое позолоченое насѣкомое гаремовъ, которое судьба съ цѣлью продѣлать надъ нимъ одну изъ своихъ жестокихъ саркастическихъ шутокъ, сначала возвысивъ изъ самаго унизительнаго рабства, поставила на постъ, который своимъ вліяніемъ превосходилъ даже императорскую власть, и затѣмъ внезапно, въ одинъ мигъ повергла свою игрушку съ крайнимъ презрѣніемъ въ ужасную бездну позора и бѣдственности.

Евтропій, еще издали увидѣвъ патріарха, затрясся всѣмъ своимъ существомъ; скрывая лицо подъ престоломъ, онъ плакалъ и рвалъ на себѣ волосы, и сначала былъ такъ потрясенъ, что не въ состояніи былъ высказать ни слова. Затѣмъ онъ немного приподнялся, но продолжалъ скрывать лицо въ своей одеждѣ, которая намокла отъ слезъ и запачкана было грязью.

— Взгляни на меня, сказалъ патріархъ.

На моментъ евнухъ повернулъ къ нему свое заплаканное, сморщенное отъ опозоренной старости лицо, и взглянулъ на него умоляющимъ взоромъ, который былъ бы чрезвычайно трогательнымъ, еслибы этому не мѣшала смѣшная растрепанность и уничиженность всей его фигуры, которая даже самую скорбь дѣлала слишкомъ возвышеннымъ чувствомъ для такого зрѣлища.

Даже Евтихій и Давидъ были глубоко тронуты, а на глазахъ у Филиппа показались слезы.

— Судьба безжалостна, сказалъ Іоаннъ; молись Богу, молись Христу, да поможетъ Онъ тебѣ! Я опасаюсь, что человѣкъ не въ состояніи помочь тебѣ, но Тотъ, Кто распростеръ свои руки на крестѣ, имѣетъ достаточно сострадательное сердце, чтобы обнять всякую бѣдственность, и даже глубочайшую преступность, если только грѣшникъ раскается.

Евтропій отъ волненія не могъ отвѣчать. Патріархъ между тѣмъ невольно подумалъ о загробномъ мірѣ; его мысли были поглощены сознаніемъ того, какъ преходяще и кратковременно земное благополучіе.

Между тѣмъ черезъ полуоткрытую завѣсу алтаря толпа разглядѣла согбенную фигуру евнуха и среди смятенія и криковъ, которые раздавались все громче и громче, вдали ясно послышались мѣрные шаги отряда воиновъ и лязгъ оружія.

Эти звуки еще болѣе напугали бѣглеца, и онъ охваченъ былъ новымъ приступомъ смертельнаго страха.

— О, спаси меня, закричалъ онъ, спаси меня! При этихъ словахъ онъ схватилъ край одежды патріарха и цѣловалъ ее.

— Я спасу тебя, сказалъ патріархъ, если только человѣкъ вообще можетъ спасти тебя.

— Поклянись мнѣ, умолялъ несчастный.

— Нѣтъ, слово искренняго человѣка не нуждается въ клятвахъ. Не бойся, выходи изъ алтаря. Серапіонъ проведетъ тебя въ ризницу.

Предоставивъ архидіакону присматривать и позаботиться объ евнухѣ, патріархъ велѣлъ отдернуть завѣсу и вышелъ къ народу. Предъ нимъ открылась картина дикаго смятенія. Вооруженные преторьянцы силой прокладывали себѣ дорогу черезъ густую массу народа и, добравшись до амвона, размахивая своими обнаженными мечами, кричали!

— Евнуха! давайте намъ евнуха! Онъ скрывается здѣсь, онъ долженъ умереть!

При такихъ событіяхъ Іоаннъ всегда оказывался на высотѣ свойственнаго его сану величія и непреклоннаго великодушія. Многіе даже изъ мужественныхъ людей не моглибы не отсту-

пить предъ яростью мятежной толпы, хотя бы въ состояніи были смѣло выступить противъ всякой другой угрозы. Но патріархъ, смотря на эти сверкающіе глаза, на раскраснѣвшіяся отъ ярости лица, былъ совершенно спокоенъ, какъ будто онъ разговаривалъ съ Филиппомъ въ своемъ кабинетѣ: ни на одинъ ударъ не забился въ немъ чаще пульсъ. Хотя внѣшность его не отличалась величественностью, однако все показывало, что своимъ духомъ онъ стоялъ на уровнѣ предстоявшей ему великой задачи.

— Тише, сказалъ онъ своимъ чистымъ звучнымъ голосомъ, который явственно пронесся надъ всей необъятной толпой. Затѣмъ, когда народъ все еще не успокоился, онъ властно поднялъ руку и воскликнулъ: Тише, народъ и вы, мятежные преторьянцы, молчите!!

Изумленные и даже устрашенные безбоязненностью патріарха, воины въ силу свойственной имъ дисциплины смирились, а за ними мгновенно смолкла и толпа.

— Что вамъ нужно? Чего вы ропщете? сказалъ патріархъ. Зачѣмъ вы нарушаете своими грубыми криками священное безмолвіе церкви Христовой? Удалитесь отсюда! Гипподромъ болѣе пригоденъ для вашихъ криковъ и смятенія.

— Евнуха! онъ скрылся здѣсь. Смерть, смерть евнуху! кричала толпа.

— Онъ нашелъ убѣжище въ алтарѣ, съ совершеннымъ спокойствіемъ сказалъ Іоаннъ. — Онъ отдался покровительству церкви, она простираетъ надъ нимъ покровъ своего милосердія. Удалитесь отсюда! Ваши усилія напрасны, — онъ неприкосновененъ здѣсь.

— Нѣтъ, это идетъ противъ закона, — сказалъ трибунъ преторіанцевъ: евнухъ повиненъ въ измѣнѣ. По указу Аркадія, котораго онъ требовалъ самъ, по указу, который изданъ имъ самимъ, онъ не имѣетъ права на покровительство. Ты долженъ выдать его намъ.

— Никогда, отвѣчалъ Іоаннъ.

— Нѣтъ, мы должны взять его; мы вытащимъ его отсюда за волосы, закричали воины.

— Не смѣете, воскликнулъ Іоаннъ все съ тою же непреклонностью.

— А мы скоро увидимъ, смѣемъ-ли мы, кричали самые смѣлые изъ нихъ, именно аріанскіе готы, пылавшіе особенной ненавистью къ павшему временщику, и нѣкоторые изъ нихъ начали напирать на мраморныя ступени амвона.

— Прочь, вскричалъ патріархъ, выступая впередъ съ поднятой рукой и преграждая ихъ угрожающее движеніе.

Между тѣмъ Филиппъ съ своими двумя товарищами, наблюдавшій всю эту сцену съ необычайнымъ волненіемъ безграничнаго восторга къ мужеству своего господина, быстро выдвинулся впередъ, чтобы, насколько возможно, защитить его и даже, если нужно, умереть вмѣстѣ съ нимъ.

— Этого не будетъ, закричалъ трубунъ, у насъ есть приказаніе императора.

— Приказаніе императора! Что значитъ приказаніе императора въ святилищѣ Божіемъ? Онъ императоръ надъ немощными людьми, а мы служители Бога Всевышняго! Какъ, вскричалъ онъ, хватаясь рукой за доспѣхи передняго воина, хотя тотъ сверкалъ обнаженнымъ мечомъ надъ его головой, — какъ! неужели ты дерзаешь нарушить святилище твоего Спасителя?

— Мы не хотимъ наносить вреда тебѣ, но мы хотимъ достать евнуха.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ патріархъ, разставивъ руки, идите, если вамъ угодно; но если вы пойдете, то только черезъ мое тѣло и черезъ тѣла вотъ этихъ моихъ пресвитеровъ, — прибавилъ онъ, указывая на пресвитеровъ, которые теперь толпой окружали патріарха, приготовившись, хотя всѣ они были безъ оружія, защищать алтарь даже съ опасностью для своей жизни.

— Стыдно вамъ, стыдно вамъ, воины! закричалъ молодой Евтихій, выведенный изъ себя всѣмъ этимъ зрѣлищемъ; неужели вы захотите осквернить святыню Божію кровью его умерщвленныхъ служителей? Неужели вы не боитесь, что молнія поразитъ васъ или полъ отъ землетрясенія разступится и немедленно поглотитъ васъ, какъ Корея и всѣхъ его приверженцевъ?

— Молчать, ты, молокососъ, закричалъ одинъ воинъ, ударяя его по щекѣ, при чемъ другіе все сильнѣе напирали впередъ, будучи почти подхвачены волнами народа, сзади налегавшаго на нихъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ моментовъ, когда

возможность страшнаго преступленія виситъ такъ сказать на волоскѣ, когда достаточно одного мановенія, чтобы совершилось событіе, которое навсегда заносится въ лѣтописи исторіи или разрѣшается какой-нибудь ужасной катастрофой. Во всякій моментъ какой-нибудь изъ поднятыхъ мечей могъ обрушиться на голову патріарха; затѣмъ воины и чернь, опьяненные кровью и яростью, конечно, смяли бы пресвитеровъ, взяли бы Евтропія изъ его убѣжища и изрубили-бы его въ куски въ самомъ алтарѣ. У Евтихія изъ щеки хлынула кровь отъ удара воина, а Филиппъ и Давидъ, залѣзши на рѣшетку съ пылавшими готовностью къ мученичеству лицами, заняли мѣсто какъ разъ рядомъ съ патріархомъ въ рѣшимости защищать его своими тѣлами. Но безусловное спокойствіе патріарха отвратило опасность.

— Вы слышали, сказалъ онъ, какъ бы голосъ Божій, высказанный вамъ устами юноши. Вы слышали весь ужасъ той жестокости, совершить которую повидимому готовы. Остановитесь, прежде чѣмъ погрузить свои души навсегда въ бездну погибели!

— Выдай намъ евнуха, закричалъ одинъ воинъ, и мы разгонимъ эту толпу и спокойно выйдемъ изъ церкви.

— Я не выдамъ вамъ бѣглеца, который пришелъ искать себѣ защиты у церкви. Послушайте меня. Пусть самъ императоръ рѣшитъ это дѣло; ведите меня къ нему въ качествѣ узника. Пусть нѣкоторые изъ васъ останутся здѣсь, поручившись словомъ вашего трибуна защищать святыню отъ мятежниковъ, когда меня не будетъ здѣсь. Послушаемъ, дѣйствительно-ли императоръ велѣлъ вамъ осквернять церковь Божію.

Не дожидаясь даже отвѣта, патріархъ спокойно началъ сходить со ступеней амвона.

— Я пойду, сказалъ онъ, вмѣстѣ съ вами.

— Позволь намъ идти съ тобой, отецъ, просилъ Филиппъ.

— Это мои послушники и скорописцы, сказалъ патріархъ трибуну; они не опасны: позволь имъ сопровождать насъ. Они могутъ вполнѣ пригодиться, когда нужно будетъ сдѣлать какія-нибудь замѣтки и послать какое-нибудь извѣстіе. — Твое лицо окровавлено, мой бѣдный мальчикъ, обратился онъ къ Евтихію.—Тебѣ не слѣдовало бы такъ жестоко поступать съ безобиднымъ мальчикомъ, сказалъ онъ преторьянцу, который ударилъ его.

Тотъ невольно смутился отъ этого укора и постарался поскорѣе скрыться, какъ вѣроятно онъ не сдѣлалъ бы даже отъ меча самаго опаснаго врага.

Трибунъ наконецъ согласился и приказалъ воинамъ составить двѣ линіи съ поднятыми копьями или обнаженными мечами и идти конвоемъ по сторонамъ патріарха, провожая его въ императорскій дворецъ. Толпа въ церкви расступилась, чтобы дать имъ пройти. На улицѣ они шли среди тысячъ жителей, пораженныхъ необычайнымъ зрѣлищемъ, что ихъ патріархъ шелъ въ императорскій дворецъ подъ конвоемъ трабантовъ, которые не переставали кричать: «смерть евнуху, мы требуемъ головы Евтропія»! Такъ какъ уличная толпа находилась въ возбужденномъ состояніи, то Авреліанъ, какъ преторьянскій префектъ, выдвинулъ отрядъ войска, часть императорской гвардіи къ дворцовымъ воротамъ. Черезъ эти ворота патріархъ со своимъ конвоемъ прошли молча, пока воины не привели его къ самымъ дверямъ императорскихъ покоевъ. Патріархъ коротко разсказалъ, что случилось. Аркадій слабо доказывалъ, что вѣдь Евтропій, какъ государственный преступникъ, измѣннически управлявшій государственными дѣлами, открыто оскорбившій священное величіе императрицы, не могъ пользоваться убѣжищемъ, котораго лишалъ его самъ законъ.

— Это былъ жестокій, несправедливый, это былъ ничѣмъ неоправдываемый законъ, сказалъ патріархъ. Еслибы правосудіе было совершенно, еслибы не было такихъ сановниковъ, которые склонны къ дѣламъ угнетенія, хищничества и неправды, то право убѣжища могло бы сдѣлаться предметомъ злоупотребленій и было бы опаснымъ зломъ для государства; но это не такъ. Возможно, что по временамъ оно покрываетъ своимъ щитомъ и виновныхъ, но въ десять разъ чаще оно — покровъ для невинныхъ.

— Евтропій отнюдь не невиненъ, умоляющимъ голосомъ сказалъ императоръ.

— Я не говорю, что онъ невиненъ, продолжалъ патріархъ, но въ дни своего счастія, въ тѣ дни, когда онъ былъ твоимъ всепочитаемымъ уполномоченнымъ, въ тѣ дни, когда онъ распоряжался и злоупотреблялъ твоей властью...

Аркадій молчалъ.

— Въ тѣ дни я противился его произволу и несправедли-

вости, съ которыми онъ посягалъ на священное право церкви. Поступая такъ, я даже сдѣлалъ его своимъ врагомъ...

— Такъ почему же твое блаженство защищаетъ его теперь?

— Я защищаю его тѣмъ болѣе, государь, въ десять разъ болѣе, потому именно, что онъ былъ моимъ врагомъ. Дѣло не въ томъ, дѣло въ правахъ церкви, въ правахъ Христа.

— Но онъ виновенъ, повторилъ императоръ.

— Допустимъ даже это; однако это нисколько не измѣняетъ положенія дѣла. Подумай, государь, о другихъ, которые невиновны, подумай о невинной благочестивой Пентадіи, которую, еслибы не право святилища, Евтропій подвергъ бы пыткѣ, бѣдственности и заставилъ бы ее раздѣлить смертную чашу съ ея оскорбленнымъ и злобно умерщвленнымъ мужемъ Тимасіемъ. Подумай о Лукіанѣ — правителѣ востока, котораго не за какія-нибудь злодѣянія, а за дѣло благородной справедливости, твой министръ Руфинъ приказалъ бить до смерти начиненными свинцомъ бичами. Но еслибы онъ предвидѣлъ свою опасность, то могъ бы найти себѣ убѣжище въ церкви антіохійской.

— Не я издалъ указъ по этому предмету.

— Точно такъ, но Евтропій издалъ указъ отъ имени твоего величества.

Аркадій опять замолчалъ, но затѣмъ укрѣпился настолько чтобы выглядѣть даже гнѣвнымъ.

— Но хотя твои законы имѣютъ рѣшающее значеніе во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, однако такой человѣкъ, какъ ты, желая быть благочестивымъ императоромъ, не можетъ заявлять претензіи на вмѣшательство въ непреложные законы Бога. Человѣческій законъ, исключающій силу божественнаго закона, что это такое? Онъ существуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы не существуетъ. Сегодня онъ изданъ, а завтра можетъ быть отмѣненъ. А Божескій законъ! Хорошо сказалъ одинъ греческій поэтъ, что онъ не сегодня и не вчера, а живетъ со всѣми вами и никто не знаетъ, откуда издается онъ. Законы даже императоровъ безсильны, если они посягаютъ на права Христа. Гнѣвъ человѣка не содѣлываетъ праведности Божіей.

Императоръ не выдержалъ; онъ былъ человѣкъ боязливый,

суевѣрный и опасался, какъ бы не навлечь на себя небеснаго гнѣва.

— Чего же ты желаешь отъ меня? безнадежно спросилъ онъ.

— Ничего низкаго, ничего такого, что какимъ бы то ни было образомъ было бы недостойно твоего величія: одного только изъ тѣхъ дѣлъ милосердія и справедливости, которыя славнѣе діадимы. Иди вмѣстѣ со мной и прикажи Авреліану объявить преторьянцамъ, что священныхъ предѣловъ храма они не должны подвергать насилію.

Аркадій дѣйствительно повиновался этой просьбѣ и вышелъ въ порфирѣ и діадимѣ, и когда Авреліанъ сдѣлалъ передъ нимъ колѣнопреклоненіе, онъ сказалъ:

— Я долженъ просить тебя передать твоимъ преторьянцамъ мою волю, чтобы убѣжище Евтропія было уважено.

Сказавъ это, онъ остановился въ нерѣшимости, потому что, не смотря на его присутствіе, солдаты, молча выслушавъ его приказаніе, разразились затѣмъ гнѣвнымъ ропотомъ и криками: «смерть евнуху», которыхъ не могъ подавить даже Авреліанъ. Императоръ чувствовалъ великое подкрѣпленіе, имѣя около себя патріарха; но строжайшимъ закономъ придворнаго этикета патріарху было запрещено говорить. Тогда Аркадій, путаясь и запинаясь въ словахъ, старался передать своимъ тѣлохранителямъ, что говорилъ ему патріархъ; но тѣ же самые доводы совершенно иначе звучали въ его устахъ. Воины нисколько не обратили на нихъ вниманія.

— Почему вы такъ разъярены противъ царедворца? спросилъ императоръ. Если даже онъ совершилъ какія-нибудь худыя дѣла, то, несомнѣнно, онъ дѣлалъ также и не мало добра.

— Что же добраго онъ сдѣлалъ? грубо спросилъ одинъ преторьянецъ.

— Мой отецъ Ѳеодосій посылалъ его къ Іоанну, святому египетскому пустыннику, и онъ привезъ ему предсказаніе о его побѣдахъ и скорой кончинѣ.

Единственнымъ отвѣтомъ на этотъ доводъ былъ лишь грубый смѣхъ со стороны воиновъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

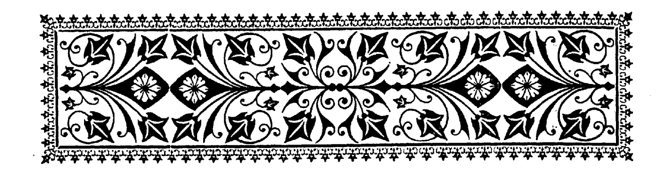
— Э-ва, и всякій дуракъ могъ бы сдѣлать то же самое!

Крики: «смерь евнуху» опять усилились, перемежаясь съ выкри-

ками: «а кто умертвилъ Тимасія, кто подвелъ Гильдона, кто выдалъ войско Трибигильду?»

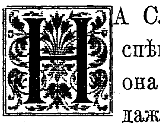
Положеніе дѣлъ казалось весьма зловѣщимъ, потому что воины начали бросать въ воздухъ своими длинными копьями. Еслибы Аркадію пришла мысль поручить Авреліану или патріарху обратиться съ увѣщаніемъ къ мятежникамъ, то они безъ сомнѣнія образумили бы ихъ, но онъ не сдѣлалъ этого. Мятежъ быстро могъ бы перейти въ революцію; но въ этотъ самый моментъ Аркадій нашелъ себѣ защиту въ самой своей безпомощности: онъ просто залился слезами и умолялъ воиновъ ради него пощадить разжалованнаго министра. Воины не были привычны видѣть императора въ слезахъ, и сумрачно согласились отказаться отъ своего требованія.

Патріархъ поблагодарилъ императора и подъ конвоемъ отправился черезъ ряды разъяренной толпы въ церковь св. Софіи. Церковь находилась какъ бы въ состояніи осады, такъ что воины только съ трудомъ могли провесть въ нее патріарха. Когда онъ принесъ Евтропію вѣсть о его безопасности, то евнухъ принялъ ее съ выраженіемъ восторженной благодарности. Патріархъ оставилъ его на попеченіе нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, къ которымъ Авреліанъ для безопасности прикомандировалъ сотню воиновъ, и затѣмъ возвратился домой глубоко утомленный событіями этого дня, но благодарный Богу за то, что онъ спасъ жизнь павшаго министра и съ успѣхомъ защитилъ права церкви.

ГЛАВА XXVIII.

Неизбѣжное возмездіе.

А СЛѢДУЮЩЕЕ утро въ воскресенье, народъ массами спѣшилъ въ обширный храмъ святой Софіи, такъ что она никогда не видѣла столь огромнаго стеченія народа, даже и въ самые высокоторжественные праздники. Все святилище и притворъ были наполнены народомъ, такъ что яблоку негдѣ было упасть, хотя большинство собравшихся состояло не столько изъ богомольцевъ, сколько просто изъ любителей новыхъ и сильныхъ ощущеній. Всѣ стекались сюда, сгорая любопытствомъ, чѣмъ кончится все это дѣло. Дѣвственницы оставили свои кельи; женщины покинули свои гинекеи, мужчины забыли обычныя развлеченія форума и гипподромъ. Въ храмѣ присутствовали императоръ и императрица, занявшіе свое мѣсто среди титулованныхъ, увѣшанныхъ драгоцѣнными украшеніями сановниковъ. Едва-ли былъ такой префектъ или патрицій, или illustris, который не присутствовалъ бы здѣсь. Вмѣстѣ съ толпой перемѣшались и воины въ своихъ блестящихъ мундирахъ.

По окончаніи службы патріархъ вышелъ на амвонъ и занялъ свое обычное мѣсто для произнесенія проповѣди. Воцарилась мертвая тишина и тысячи глазъ устремились на великаго патріарха, боясь пропустить хоть малѣйшее его слово. Многіе изъ присутствующихъ смотрѣли на него все еще ожесточенными глазами, потому что онъ вырвалъ у нихъ смертельнаго врага, котораго они разсчитывали уничтожить. На лицахъ другихъ сіяла

злорадная улыбка, вызванная паденіемъ и бѣдствіемъ великаго вельможи; у нѣкоторыхъ наконецъ на лицахъ изображалось праздное любопытство, для котораго даже самыя страшныя бѣдствія служатъ лишь источникомъ пріятнаго ощущенія, если только это бѣдствіе обрушивается на сосѣдей, а не на нихъ самихъ.

Это былъ совершенно такой же моментъ, какъ и тотъ знаменитый моментъ въ соборѣ Парижской Богоматери, когда огромная масса народу жадными взорами слѣдила за Массильономъ, который, взойдя на каѳедру и взглянувъ на стоявшій передъ нимъ гробъ съ смертными останками Людовика XIV, послѣ многозначительной паузы началъ рѣчь и сразу прослезилъ всѣхъ простыми словами: «Богъ одинъ великъ!».

Патріархъ велѣлъ отдернуть завѣсу алтаря, и тамъ передъ глазами всѣхъ присутствующихъ предсталъ человѣкъ, который въ одинъ день низвергся съ вершины человѣческаго величія въ глубочайшую бездну человѣческой бѣдственности. Евтропій опять лежалъ у подножія престола, представляя собою въ высшей степени жалкое зрѣлище; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, и конвульсивно держался за одну изъ золотыхъ колоннъ. Еслибы онъ хоть на моментъ поднялъ свое несчастное лицо, то увидѣлъ бы передъ собой огромную массу народа, среди которой были воины, составлявшіе часть его конвоя, а также рабы, для которыхъ одинъ его намекъ былъ закономъ,—гражданъ, которые по цѣлымъ часамъ восторженно привѣтствовали его въ общественныхъ мѣстахъ; а выше въ золоченой галлереѣ онъ увидѣлъ бы императрицу, которую онъ возвелъ изъ ничтожества, и императора, съ которымъ онъ обращался какъ съ ручнымъ животнымъ. Но онъ ничего этого не видѣлъ и отъ ужаса поникъ головою. Зато въ ушахъ его какъ набатъ смятенной совѣсти раздавался голосъ великаго проповѣдника, который говорилъ:

«Суета суетъ, говоритъ Екклесіастъ; суета суетъ и все суета! И всегда истинно это изреченіе, но никогда еще не было болѣе истинно, чѣмъ теперь. Гдѣ теперь блескъ консульства? Гдѣ сверканіе свѣтильниковъ и факеловъ? Крики, пляски, пиршества, ликующія собранія? Гдѣ вѣнки и тирское убранство? Раболѣпные клики города, привѣтствія въ циркѣ, льстивыя восклицанія тысячей зрителей,—гдѣ все это теперь? Все это прошло. Буря ринулась

на дерево и не только разсѣяла всѣ его листья, но вырвала его съ корнемъ и повергла на землю. Гдѣ теперь ложные друзья, рой паразитовъ, столы уставленные яствами, чаши, наполненныя роскошными винами и по цѣлымъ днямъ переходящія изъ рукъ въ руки, сладости пиршествъ, льстивый говоръ рабовъ власти? Что сталось со всѣмъ этимъ? Все это исчезло, какъ сонъ, когда пробуждается человѣкъ! Все это увяло подобно весеннему цвѣтку подъ палящимъ зноемъ; все исчезло, какъ тѣнь; все разсѣялось какъ паръ, лопнуло какъ пузырь, разорвалось какъ ткань паука. Говорите же, говорите всегда: суета суетъ и все суета! Запишите это на вашихъ стѣнахъ, на вашихъ одеждахъ, на площади, на улицахъ, на домахъ, окнахъ и прочихъ предметахъ; но болѣе всего пишите на вашей совѣсти, чтобы изреченіе это постоянно произносилось вашими устами. Повторяйте его на всѣхъ вашихъ пиршествахъ и собраніяхъ; пусть каждый повторяетъ его своему сосѣду: суета суетъ и все суета!

«А ты, воскликнулъ онъ обращаясь къ Евтропію, развѣ я не говорилъ тебѣ постоянно, что богатство дѣлаетъ себѣ крылья и улетаетъ, и ты не хотѣлъ слушать меня? Развѣ я не говорилъ тебѣ, что популярность тщетна и какъ дымъ ненадежна, какъ увѣренія фальшивыхъ друзей, заботящихся только о своемъ интересѣ? Ты не хотѣлъ вѣрить мнѣ, и вотъ опытъ показалъ тебѣ, что богатство не только неблагодарный, но и кровожадный рабъ. Я сдѣлался твоимъ врагомъ, потому что говорилъ тебѣ правду; но развѣ не говорилъ я, что я болѣе вѣрный тебѣ другъ, чѣмъ тѣ, которые льстили тебѣ? Развѣ я не предостерегалъ тебя, что спасительны раны друга, коварны поцѣлуи врага? Если-бы ты сносилъ наносимыя мною раны, то не былъ бы погубленъ ихъ поцѣлуями. Мои раны были здоровье для тебя, а ихъ лобзанія — смерть. Гдѣ же теперь тѣ пѣсни, которыми прославляли тебя? Гдѣ тотъ сонмъ рабовъ, которые очищали дорогу передъ твоимъ всемогуществомъ? Они ушли отъ тебя къ твоимъ врагамъ, они забыли твои милости. А я, котораго ты едва могъ сносить, не оставилъ тебя и теперь при твоемъ паденіи; я одинъ поддерживаю и утѣшаю тебя. Ты боролся противъ церкви, а церковь открыла объятія, чтобы принять тебя. Ты покровительствовалъ театрамъ, и вотъ они кричатъ теперь и требуютъ твоей головы. Когда я пре-

достерегалъ тебя не идти такъ скоро путемъ къ погибели, ты съ презрѣніемъ отвергалъ мой совѣтъ и предпочиталъ идти въ циркъ, и вотъ циркъ, обогащенный твоей щедростью, заноситъ мечъ, чтобы убить тебя, а церковь, оскорбленная твоей яростью, всячески заботится о томъ, чтобы избавить тебя отъ постигшихъ тебя бѣдствій».

Но тутъ, повидимому, у патріарха мелькнула мысль, не былъ ли онъ слишкомъ суровъ и достаточно ли умѣрялъ свои слова жалостью къ падшему. Но это происходило отнюдь не изъ недостатка нѣжности и сострадания; это было лишь результатомъ отвлеченнаго, безличнаго отношенія ко всему этому событію. Жалкій павшій царедворецъ былъ врагомъ церкви, но онъ не былъ какимъ-нибудь безызвѣстнымъ преступникомъ, чтобы, получивъ наказаніе или прощеніе, затѣмъ безслѣдно исчезнуть въ забвеніи. Онъ сыгралъ свою роль на блистательнѣйшей сценѣ міровой жизни. Это былъ человѣкъ, котораго Богъ поразилъ своимъ громомъ и надъ которымъ при всей его преступности вѣстникъ Божій провозглашалъ теперь прощеніе въ заслуженномъ имъ уничиженіи. Патріархъ часто укорялъ Евтропія въ алчности, хищничествѣ и несправедливости, и паденіе этого гордаго царедворца не могло измѣнить того невысокаго мнѣнія, съ которымъ Іоаннъ относился къ нему. И вотъ въ виду этого необычайнаго зрѣлища, желая преподать легкомысленному народу, особенно преступнымъ, хищнымъ и преданнымъ роскоши вельможамъ и сановникамъ, а также богатымъ классамъ вообще, страшный урокъ, который съ точки зрѣнія проповѣдника самъ Спаситель преподавалъ имъ теперь въ наглядномъ событіи, онъ почти забылъ, что имѣетъ передъ собой человѣка, корчившагося въ самыхъ жестокихъ страданіяхъ. Несомнѣнно, человѣкъ менѣе непреклонный, менѣе суровый въ своей безпощадной справедливости, человѣкъ болѣе снисходительный къ слабостямъ міра и воспитавшійся не среди иноковъ и отшельниковъ, а среди круговорота политическихъ дѣлъ, отнесся бы къ этому дѣлу иначе. Враги патріарха впослѣдствіи заявляли, что онъ былъ немилосердъ къ несчастному; но, въ дѣйствительности, онъ менѣе всего хотѣлъ быть таковымъ. Въ своемъ простосердечіи онъ безъ сомнѣнія думалъ, что достаточно доказалъ искренность своего сострадания, когда самоотверженно приносилъ великую жертву, когда

готовъ былъ пожертвовать даже собственною жизнью, чтобы только оказать защиту человѣку, искавшему себѣ убѣжища подъ покровомъ церкви. Однако, когда въ головѣ у него промелькнула мысль, что его рѣчь могла показаться слишкомъ суровой, онъ остановился и затѣмъ продолжалъ:

«Нѣтъ, не думайте, что я хотя на моментъ желалъ оскорбить павшаго человѣка. Моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобы предостеречь тѣхъ, которые стоятъ здѣсь, и внушить имъ быть осторожными, чтобы также не пасть. Я нахожусь здѣсь не для того, чтобы усиливать страданія раненаго, но сохранить здоровье тѣмъ, которые не имѣютъ ранъ; не погружать въ волны потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, но указать подводные камни тѣмъ, паруса которыхъ надуты благопріятнымъ вѣтромъ и корабль которыхъ разсѣкаетъ волнующееся море. Кто былъ еще когда нибудь столь великимъ, какъ этотъ человѣкъ? Кто изъ живыхъ людей во всемъ мірѣ могъ равняться съ нимъ въ богатствѣ? Консулъ, патрицій, префектъ священной палаты, — какой чести недоставало еще этому превосходительнѣйшему властелину? Онъ былъ предметомъ зависти всѣхъ людей, а теперь онъ обнаженъ, какъ рабъ; лишенъ всего, какъ нищій; передъ его глазами теперь обнаженные мечи, копья, пытки и путь, ведущій на казнь. Вотъ эти вещи, а не удовольствія, которымъ онъ предавался, окружаютъ его со всѣхъ сторонъ! Но зачѣмъ мнѣ изображать картину, которая находится предъ вашими собственными глазами? Вотъ смотрите на него».

И патріархъ, обернувшись, указалъ на несчастнаго Евтропія, который только стонами и тяжелымъ дыханіемъ показывалъ, что онъ еще живъ и не умеръ отъ невыносимаго страданія и позора.

«Но я опять говорю, что не желаю оскорблять его въ его бѣдственномъ состояніи, а хочу только тронуть ваши сердца, предостеречь вашу совѣсть, сдѣлать его бѣдствіе предостерегающимъ ангеломъ, который бы трубнымъ гласомъ говорилъ о вашей безпечности. Я знаю, что среди васъ есть такіе, которые укоряютъ меня за то, что я защитилъ его. Но неужели я подлежу за это порицанію? Онъ, говорите вы, обыкновенно нападалъ на церковь. Да, но теперь онъ нашелъ въ ней убѣжище. Не должны-ли мы поэтому благодарить Бога за то, что врагъ церкви призналъ ея

милосердіе и ея силу?—Ея силу, потому что она одержала побѣду; ея милосердіе—потому что она простила его и простерла надъ нимъ крылья своего покрова. Не слѣдуетъ ли покраснѣть іудею и язычнику, когда онъ, присутствуя здѣсь, видитъ тріумфъ ея величія? Евтропій отнималъ у нея преимущества, старался лишить святилище неприкосновенности; но вотъ онъ самъ теперь прибѣгъ въ это святилище, и церковь нѣжно, какъ мать, скрываетъ его подъ своимъ неприкосновеннымъ покровомъ отъ мщенія императора и ярости черни! Взгляните вотъ сюда—къ святому престолу! Онъ украшенъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, но богатѣйшее его украшеніе есть вотъ этотъ бѣглецъ, который припалъ къ подножію его!

«Украшеніе? кричите вы. Этотъ человѣкъ — столь алчный, хищный, несправедливый! Какъ можетъ этотъ преступникъ украшать престолъ, который онъ самъ старался лишить неприкосновенности? Но молчите. Не слѣдуетъ ли вамъ вспомнить о Томъ, Кто позволилъ блудницѣ, изъ которой Онъ изгналъ семь бѣсовъ, омывать себѣ ноги слезами и вытирать ихъ волосами своей головы? О Томъ, Кто, когда звѣрскіе воины пригвождали Его ко кресту, все еще произносилъ молитву: «Отче, прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ». Не ропщите, что человѣкъ, который хотѣлъ было закрыть ваше убѣжище, долженъ былъ самъ воспользоваться имъ, потому что, сдѣлавъ это, онъ тѣмъ самымъ укрѣпилъ его священность. Съ церковью бываетъ тоже, что и съ монархомъ, который не тогда бываетъ величайшимъ, когда онъ возсѣдаетъ въ порфирѣ на своемъ тронѣ, съ діадимой величества на челѣ, а тогда, когда варвары со связанными назадъ руками лежатъ побѣжденные у его ногъ. Приступите же и совершимъ теперь святое таинство; затѣмъ всѣ вмѣстѣ обратимся къ императору и попросимъ его милосердія и прощенія Евтропію. Повергнемъ къ его стопамъ золотые колосья жатвы нашего состраданія!»

Все это событіе было слишкомъ поразительно, чтобы могло когда-нибудь изгладиться изъ памяти тѣхъ, кому пришлось быть очевидцемъ его. Бесѣда Златоуста произвела на всѣхъ глубочайшее впечатлѣніе; но все мужество патріарха и самый покровъ церкви въ концѣ концовъ оказались тщетными. Пока Евтропій скрывался въ святилищѣ святой Софіи, онъ продолжалъ оставаться

какъ бы въ состояніи засады, и форумъ былъ мѣстомъ постоянныхъ смятеній. Самъ евнухъ утомился наконецъ отъ своего какъ бы тюремнаго заключенія, такъ что даже и смерть казалась ему не болѣе ужасной и невыносимой, чѣмъ это жалкое безутѣшное существованіе—въ позорѣ и постоянномъ страхѣ. Вмѣсто театральныхъ симфоній, которыми услаждался его слухъ, онъ слышалъ теперь только церковное пѣніе; вмѣсто актеровъ и акробатовъ — однихъ только пресвитеровъ, діаконовъ и аколуѳовъ въ небольшихъ сумрачныхъ комнатахъ, гдѣ онъ находился; вмѣсто привѣтствующихъ возгласовъ видѣлъ только яростно сверкавшіе на него глаза, устремлявшіеся на него, какъ только онъ входилъ въ святилище. Цѣлые дни невообразимой тоски и скуки, ночь, преслѣдуемая страшными видѣніями, постоянное сознаніе присутствія святыни безъ внутренняго утѣшенія,—все это мало по малу сдѣлалось невыносимымъ для несчастнаго вельможи. Въ своей невообразимой бѣдственности онъ представлялъ въ высшей степени жалкое, достойное всякаго презрѣнія зрѣлище, потому что оно нисколько не скрашивалось хоть какимъ-нибудь проблескомъ достоинства, какъ результатомъ искренняго раскаянія или самоотреченія. Единственная вещь, которая осталась при немъ—это была его жалкая жизнь, и онъ льнулъ къ ней даже въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ теперь томился и изнемогалъ. Въ среду, сидя въ алтарѣ съ безграничной тоской въ своемъ сердцѣ, онъ увидѣлъ, какъ Тифосъ, братъ Авреліана, дѣлалъ ему знаки, что хочетъ переговорить съ нимъ. Онъ вышелъ изъ алтаря, чтобы можно было слышать его слова. Тифосъ сообщилъ ему, что если онъ выдастъ себя добровольно, безъ всякаго сопротивленія, то его жизнь будетъ пощажена и самое большее, что съ нимъ будетъ, это — ссылка на островъ Кипръ. «Дай мнѣ, сказалъ Евтропій, клятву императора, что я не буду убитъ, и я сдамся».

На слѣдующій день онъ получилъ клятвенное увѣреніе императора въ этомъ смыслѣ. И вотъ въ вечерніе сумерки, когда церковь была пуста, онъ оставилъ св. убѣжище. Въ сумеркахъ онъ поспѣшно отведенъ былъ на корабль, стоявшій у пристани на Босфорѣ и корабль немедленно отвалилъ къ Кипру.

Но какъ только вѣсть объ этомъ распространилась, то стало

очевиднымъ, что враги павшаго вельможи не хотѣли удовлетвориться такой ссылкой. Неужели, говорили они, это достаточное наказаніе за его многія преступленія? И чѣмъ обезпечены мы отъ того, что онъ опять не проберется сюда и опять не вотрется въ милость къ императору и не будетъ такъ же управлять имъ, какъ управлялъ раньше?

Напрасно Аркадій издалъ безпримѣрно суровый противъ него указъ, который приказано было выставить на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, на стѣнахъ по всѣмъ городамъ имперіи. Этотъ указъ представляетъ настолько любопытный документъ въ смыслѣ характеристики того времени, что нелишне привести его здѣсь. Указъ гласилъ слѣдующее:

Императоры Аркадій и Гонорій.

Авреліану, преторіанскому префекту:

«Мы конфисковали въ пользу нашей казны всю собственность Евтропія, бывшаго нашимъ префектомъ священной палаты, лишивъ его блеска, избавивъ консульство отъ причиняемаго ему гнуснаго позора, отъ воспоминанія о самомъ его имени и всей связанной съ нимъ мерзости; такъ что всѣ его дѣла отмѣнены, чтобы всѣ времена безмолвствовали о немъ, чтобы нашъ вѣкъ не позорился опять упоминаніемъ о немъ; чтобы тѣ, кто своею храбростью и своими ранами расширяютъ римскіе предѣлы или охраняютъ ихъ своею справедливостью, не жаловались на то, что божественный даръ консульства былъ оскорбленъ и загрязненъ мерзкимъ чудовищемъ. Пусть они знаютъ, что онъ разжалованъ изъ консульства и лишенъ всѣхъ другихъ достоинствъ, которыя онъ загрязнилъ своимъ криводушіемъ; что всѣ статуи, изображенія, картины его изъ всякаго матеріала и цвѣта повсюду уничтожаются, чтобы они не оскверняли взора зрителей, какъ позорное пятно нашего вѣка. Пусть онъ подъ конвоемъ вашихъ вѣрныхъ стражей будетъ отвезенъ на островъ Кипръ, куда, о чемъ да будетъ извѣстно твоему превосходительству, онъ изгнанъ, такъ чтобы въ будущемъ, накрѣпко сторожимый, онъ не могъ дѣлать смутъ своими безумными замыслами.

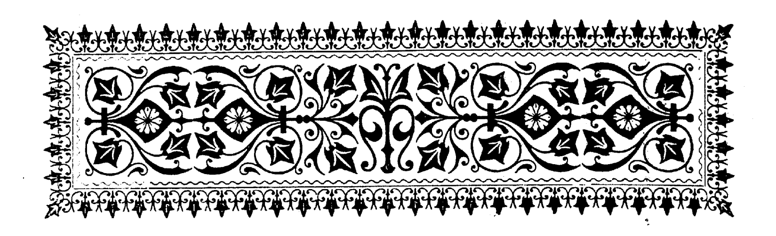
«Данъ 17-го января въ Константинополѣ, въ консульство Өеодора, славнѣйшаго мужа» *).

Странно, что Аркадій остался слѣпъ къ тому обстоятельству, что вѣдь онъ самъ именно, собственною властью возвелъ Евтропія въ санъ консула, и что всѣ эти фразы о мерзости и оскверненіи бросали крайне непріятную тѣнь на самого же императора. Вѣдь онъ самъ, и никто другой отвѣтственъ былъ за всѣ дѣйствія Евтропія, къ которому онъ до вчерашняго дня относился съ безграничнымъ довѣріемъ и одобреніемъ. Но даже и этой жестокой прокламаціи было недостаточно. Гайна и Трибигильдъ отказались удовлетвориться чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ головы Евтропія. Западная имперія все еще открыто роптала, что присужденное наказаніе невполнѣ соотвѣтствовало преступленіямъ евнуха. Правда, императоръ далъ клятвенное увѣреніе, что жизнь евнуха будетъ пощажена; но вѣдь эту клятву можно было обойти при небольшой уловкѣ. Аркадія убѣдили успокоить свою совѣсть тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь онъ объявилъ евнуху безопасность только на время его пребыванія въ Константинополѣ, и что его можно было казнить на основаніи новыхъ обвиненій, хотя бы и по старымъ преступленіямъ. Поэтому противъ Евтропія было возбуждено новое обвиненіе въ томъ, что онъ среди знаковъ консульскаго достоинства иногда надѣвалъ на себя регаліи, которыя составляли исключительную принадлежность императора, и еще хуже того, онъ приказывалъ запрягать въ свою колесницу особой породы и масти коней, называемыхъ «*κόσμοι*», которыми никто не имѣлъ права пользоваться, кромѣ самого императора. Подъ этимъ предлогомъ, который вѣроятно былъ просто измышленъ для даннаго случая и, не имѣя основанія въ дѣйствительности, зародился въ мстительной головѣ императрицы Евдоксіи и ея приближенныхъ, злополучный евнухъ былъ обратно привезенъ съ о. Кипра въ Халкидонъ, гдѣ повсюду видѣлъ вокругъ себя свои разодраные портреты, искалѣченныя статуи, и тамъ послѣ самаго скораго, лишь для вида совершеннаго судопроизводства, былъ осужденъ на казнь. Голова его повалилась подъ ударомъ топора, и такимъ образомъ закончилась жизнь человѣка, который, выйдя изъ самаго жал-

*) Дата 27-го января очевидно ошибочна. Ред.

каго ничтожества и достигнувъ вершины почти императорскиго всемогущества и блеска, опять низвергся въ бездну безграничной бѣдственности, и представилъ собою одну изъ самыхъ трагически-странныхъ личностей, какія только исторія записала на своихъ до безконечности разнообразныхъ страницахъ.

ГЛАВА XXIX.

Негодованіе Евтихія.

О ВСѢХЪ дальнѣйшихъ событіяхъ свой жизни патріархъ дѣйствовалъ со свойственнымъ ему благородствомъ и искренностью, и однако, какъ это часто бываетъ въ судьбѣ людей, блистательная добродѣтель которыхъ находитъ себѣ, въ видѣ награды, неумолимую ненависть со стороны порочныхъ, патріарха порицали и злословили со всѣхъ сторонъ. Его нравственная доблесть была, какъ выражается его другъ и жизнеописатель, епископъ Еленопольскій Палладій, подобна свѣтильнику и рѣзала больные глаза окружавшему его обществу. Враги Евтропія поносили патріарха за то, что онъ защитилъ несчастнаго сановника; враги самого патріарха съ другой стороны распространяли хулу на него за то, что будто бы онъ выдалъ его воинамъ. У Евтропія не было ни единаго друга; но многіе изъ тѣхъ, которые не пошевелили бы мизинцемъ для того, чтобы спасти ему жизнь, теперь яростно укоряли іерарха, что онъ одинъ только сжалился надъ нимъ и, подвергая свою жизнь крайней опасности, мужественно прикрылъ его отъ смертоносныхъ мечей нападавшихъ на него мстителей. Онъ былъ слишкомъ суровъ и жестокъ для ихъ щепетильной чувствительности! Воплощенные пороки общества соединились въ одну дружную силу, чтобы до смерти уязвить человѣка, чистая добродѣтель котораго была воплощеннымъ укоромъ ихъ негодности. Въ Константинополѣ положеніе Іоанна станови-

лось съ каждымъ днемъ все труднѣе, такъ какъ всѣ порочные и негодные люди старались всячески отравить ему спокойствіе и самую жизнь.

Дня черезъ два послѣ этихъ событій случилось, что Елпидій, одинъ изъ худшихъ представителей константинопольскаго духовенства, ходилъ по тѣнистымъ берегамъ Босфора съ епископомъ халкидонскимъ. Елпидій былъ человѣкъ въ своемъ родѣ выдающійся среди духовенства, потому что, не смотря на свой низкій характеръ, онъ было крайне беззастѣнчивый партизанъ и бойкій полемистъ. При своихъ незаурядныхъ умственныхъ способностяхъ онъ однако весь размѣнялся на полемическія состязанія, которыя были душой его неугомоннаго характера. Главнымъ пріемомъ его полемики было громкое и назойливое повтореніе однихъ и тѣхъ же положеній, поддерживаемыхъ грубыми софизмами, которые уже много разъ были опровергнуты но которые подкрѣплялись поносительствомъ по направленію противниковъ. Такая полемика отличалась крайней вульгарностью и конечно должна была возбуждать презрительное отношеніе во всѣхъ добросовѣстныхъ и добропорядочныхъ людяхъ. Она была пригодна только для того, чтобы поддерживать самые невѣжеттвенные предразсудки и разжигать наихудшія страсти своихъ сторонниковъ. Укоры, высказанные Христомъ фарисеямъ, на которыхъ такъ походили клирики этого рода, оставляемы были ими безъ всякаго вниманія; но если какое-нибудь отдѣльное изреченіе въ новомъ завѣтѣ можно было насильственно истолковать въ излюбленномъ ими смыслѣ, то на этомъ изреченіи они строили цѣлую систему своихъ воззрѣній. Однимъ словомъ, Елпидій былъ одною изъ тѣхъ личностей, для которыхъ форма имѣетъ больше значенія, чѣмъ внутренній духъ, внѣшняя кажущаяся строгость была важнѣе праведности и истины. Сообразно съ этимъ они относились и къ самымъ постановленіямъ вселенскаго собора. Если извѣстное постановленіе соотвѣтствовало ихъ взглядамъ или согласовалось съ ихъ интересами, то оно было непогрѣшимо въ ихъ глазахъ; если же оно противорѣчило ихъ стремленіямъ, то въ ихъ глазахъ становилось собраніемъ устарѣлыхъ каноновъ; если епископъ поддерживалъ ихъ партію, что онъ окружался апоѳеозомъ святости, ему оказывалось колѣнопреклоненное почтеніе; если онъ противодѣйствовалъ имъ, то становился позоромъ

для церкви и къ нему относились съ самымъ презрительнымъ равнодушіемъ. Вся полемическая дѣятельность Елпидія сводилась главнымъ образомъ къ возвышенію своей клики, и устраненію всѣхъ тѣхъ, кто расходились съ нимъ. Его мнимая преданность церкви, уваженіе къ священническому сану вполнѣ уживались съ самымъ наглымъ попраніемъ основныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Къ патріарху Елпидій относился съ такою ярою ненавистью, что при всякомъ благопріятномъ случаѣ готовъ былъ не остановиться даже на преступленіи. Онъ никогда не говорилъ объ Іоаннѣ иначе, какъ съ змѣинымъ шипѣньемъ, слышавшимся въ каждомъ его словѣ. Все, что бы ни говорилъ патріархъ, было для него невыносимо, все, что бы онъ ни дѣлалъ, объявлялось несправедливымъ. Елпидій былъ однимъ изъ тѣхъ, которые должны были краснѣть отъ стыда подъ всепроницающимъ безпощаднымъ обличеніемъ со стороны патріарха той мірской суетности, которая заставляла многихъ пресмыкаться у дверей великихъ міра сего, а также тѣхъ коварныхъ козней, при которыхъ считались всѣ средства позволительными, если только они соотвѣтствовали излюбленной цѣли. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя злоупотребляли своимъ священническимъ положеніемъ, однимъ изъ тѣхъ, которые страшно оскорбляли даже должность общественнаго духовника, такъ что Нектарій долженъ былъ отмѣнить ее вслѣдствіе связанныхъ съ нею злоупотребленій. Елпидій теперь употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы вновь занять эту должность. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые злоупотребляя обычаемъ, жили съ молодыми и красивыми агапетами. Свою агапету онъ называлъ своей «духовной сестрой», богато одѣвалъ ее и всегда предоставлялъ ей выдающееся мѣсто въ храмѣ Софіи, пока Златоустъ не пригрозилъ ему немедленнымъ изгнаніемъ, если онъ не перемѣнитъ своей жизни, причиняющей позоръ всей церкви. Съ этого времени онъ возненавидѣлъ патріарха такою ненавистью, которая не знала границъ, готовъ былъ прибѣгнуть ко всякимъ, самымъ беззастѣнчивымъ средствамъ мщенія. Теперь онъ былъ одушевленъ единственнымъ желаніемъ, единственной цѣлью — злословить своего духовнаго главу и всѣми силами стремиться къ его низверженію.

Со свойственной подобнымъ личностямъ чуткостью Елпидій и другіе враги патріарха замѣтили, съ какой завистью и нелю

бовью относился къ нему епископъ халкидонскій, хотя Киринъ по извѣстнымъ причинамъ никогда не разглашалъ объ этомъ и даже старательно скрывалъ свою ненависть отъ самого патріарха. Гуляя по берегу, Елпидій и епископъ разговаривали о возмущеніи Трибигильда и паденіи Евтропія и сѣли отдохнуть на скамейкѣ, совершенно не замѣчая присутствія двухъ молодыхъ людей, которые также отдыхали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ на песчаномъ берегу. Такъ какъ молодые люди были одѣты просто и очевидно принадлежали не къ высшимъ классамъ, а къ простой народной массѣ, то собесѣдники не считали нужнымъ обращать вниманія на ихъ присутствіе или даже понизить свой разговоръ, въ виду ихъ близкаго присутствія. Этими молодыми людьми были— Давидъ и Евтихій. Дѣло Евтропія причинило имъ чрезвычайно много необычныхъ хлопотъ, и добрый патріархъ сказалъ имъ, чтобы они пошли на берегъ и подышали немного свѣжимъ морскимъ воздухомъ, особенно въ виду того, что у Евтихія еще не совсѣмъ зажила щека, и онъ еще не совсѣмъ оправился отъ удара грубаго готскаго воина. Іоаннъ отпускалъ и Филиппа, чтобы и онъ пошелъ съ ними, но такъ какъ во всякій моментъ могло возникнуть какое-нибудь дѣло, то Филиппъ не хотѣлъ оставить его. Кромѣ того хотя Олимпіада и приняла на себя отвѣтственность во всѣхъ хлопотахъ по приготовленію патріарху кушаній, однако, онъ всецѣло занятый своими мыслями, могъ забыть даже о самыхъ кушаньяхъ и могъ оставлять ихъ нетронутыми, еслибы Филиппъ не напоминалъ ему объ обѣдѣ.

— Былъ-ли ты въ святой Софіи, когда Іоаннъ произнесъ рѣчь объ Евтропіѣ, скрывавшемся въ алтарѣ? спросилъ Киринъ.

— Былъ-ли, владыка?! отвѣчалъ Елпидій тономъ удивленія, — ну, конечно былъ!

— Мнѣ разсказывали, что это была очень хорошая рѣчь, испытующимъ тономъ замѣтилъ Киринъ.

— Хорошая? отвѣтилъ Елпидій, возвышая свой голосъ до гнѣвнаго тона.—Я не знаю, что же они называютъ хорошимъ краснорѣчіемъ! Я бы назвалъ это напыщенной риторикой, пустой трескотней, наборомъ самыхъ заурядныхъ выраженій, — звуками и гнѣвными выкриками, ровно ничего не значущими. Это былъ постыдный, это былъ безславный, это былъ полнѣйшій скандалъ.

Іоанну вовсе не слѣдовало бы нарушать закона, предоставляя убѣжище такому преступнику. Если же онъ сдѣлалъ это, то онъ не имѣлъ права оскорблять евнуха, грубо, всенародно поносить его, когда онъ корчился у престола. Затѣмъ мнѣ говорили, что онъ выдалъ его. Несомнѣнно онъ получилъ кругленькую сумму сначала за покровительство ему, а затѣмъ за его выдачу, которая значительно увеличиваетъ казну, которую онъ ежедневно скопляетъ за счетъ церкви и которая идетъ на тайныя оргіи, происходящія въ патріархіи. Чего можно ожидать отъ такого человѣка, — скупца, лицемѣра и лжеца? Человѣка, имѣющаго каменное сердце, жесткое какъ жерновъ, руки столь же хапучія, какъ руки какого-нибудь Арпагона*).

Елпидій, давъ волю своей сатанинской злобѣ и всѣмъ враждебнымъ чувствамъ къ патріарху, говорилъ громче и громче, такъ что при послѣдней части своей рѣчи онъ даже всталъ и въ порывѣ изступленнаго гнѣва говорилъ съ яростными жестами.

Счастье еще, что здѣсь не было горячаго Филиппа. Трудно сказать, съ какой неудержимостью онъ отомстилъ бы за столь гнусное оскорбленіе лица, которое было его духовнымъ отцомъ и благодѣтелемъ. Но такія гнусныя оскорбленія возбудили негодованіе даже въ мягкой душѣ Евтихія. Не успѣлъ Давидъ сообразить, что собственно онъ хочетъ дѣлать, Евтихій подошелъ къ говорившимъ. Онъ былъ мальчикъ весьма застѣнчивый и сначала не зналъ, кто были эти собесѣдники. Только уже подойдя къ нимъ, онъ узналъ въ одномъ изъ говорившихъ Кирина халкидонскаго. Выразивъ свое почтеніе высокому достоинству епископа, принявъ отъ него благословеніе и поцѣловавъ ему руку, какъ было уже въ то время въ обычаѣ, онъ затѣмъ сказалъ:

— Владыка мой, я не знаю, кто такой этотъ пресвитеръ; но позволь мнѣ сказать, что онъ сказалъ тебѣ самую возмутительную клевету. Патріархъ далъ убѣжище Евтропію потому, что, защищая права церкви отъ нарушенія, онъ предоставилъ убѣжище даже негоднѣйшему изъ человѣческаго рода и худшему изъ своихъ вра-

*) Арпагонъ—harpago—желѣзный крюкъ, особенно на военныхъ корабляхъ для захвата добычи. Отсюда Арпагонъ — хищный человѣкъ.

Перев.

говъ и не только не былъ жестокъ къ нему, но я самъ видѣлъ, какъ онъ, защищая его противъ надвигавшихся къ алтарю готовъ, выставлялъ подъ остріе мечей свою беззащитную грудь. Вѣдь именно онъ и только онъ упрашивалъ за него и императора. Евтропій оставилъ святилище вопреки волѣ патріарха и не смотря на его предостереженіе. Сказать, что онъ защищалъ его за подкупъ или выдалъ его за подкупъ,—это значитъ говорить гнусную ложь, кто бы ни высказывалъ ее! Да, прибавилъ онъ, устремляя свой ясный и невинный взоръ на лицо Елпидія, это была бы такая низкая ложь, какъ и то, что будто бы патріархъ скряга и лицемѣръ. Напротивъ, онъ совершенно равнодушенъ къ золоту и есть подвижникъ Божій, какихъ было немного.

Въ словахъ и во всей позѣ Евтихія было нѣчто такое, что озадачило Елпидія и смутило даже Кирина. Рѣчь его была совершенно почтительна, хотя въ тоже время онъ весь горѣлъ огнемъ пламеннаго сочувствія къ господину, которому онъ былъ преданъ всей душой, со всѣмъ пыломъ своей юной невинности. Для Елпидія эта неожиданная рѣчь молодого человѣка была почти тѣмъ же, чѣмъ чудодѣйственное копье архангела Итуріила для вождя темныхъ силъ ада *), такъ какъ сразу обнажила всю его низость и клевету. Устыдившись, что ему открыто пришлось выслушать такой укоръ отъ мальчика и вдобавокъ въ присутствіи епископа, Елпидій попытался было принять тонъ презрительнаго равнодушія:

— Кто этотъ дерзкій мальчишка, съ разодранной щекой, который осмѣлился вмѣшиваться въ нашъ разговоръ? — воскликнулъ онъ раздраженнымъ и высокомѣрнымъ тономъ.

Но теперь уже и Давидъ едва могъ сдерживать свое негодованіе; однако онъ съумѣлъ сохранить спокойствіе.

— Это, совершенно спокойно сказалъ онъ, мальчикъ-сирота, одинъ изъ скорописцевъ патріарха, и скоро будетъ посвященъ въ должность чтеца. Тебѣ, владыка, едва-ли будетъ удивительно, что онъ былъ глубоко взволнованъ, когда услышалъ постыдное поно-

*) Копье архангела Итуріила имѣло то свойство, что достаточно было имъ коснуться кого нибудь изъ небесныхъ воителей, чтобы сразу обнаружилось, кто этотъ воитель—ангелъ ли свѣтлый, или демонъ ада, облекшійся только въ одѣяніе свѣтлаго ангела. Перев.

шеніе на его возлюбленнаго господина, которое произносилось такъ открыто и такимъ громкимъ голосомъ, что его можно было слышать на цѣлую стадію *). А что касается раны на его щекѣ, то это слѣдъ отъ удара воина, которому онъ старался помѣшать сдѣлать нападеніе на патріарха, когда владыка защищалъ Евтропія, съ опасностью для своей жизни.

Елпидій и епископъ въ безмолвномъ удивленіи смотрѣли то на того, то на другого изъ говорившихъ мальчиковъ. Въ самой ихъ внѣшности было что то такое, предъ чѣмъ злая ярость если не обезоруживалась, то, по крайней мѣрѣ, дѣлалась безсильной. Евтихій, не смотря на временную обезображенность, имѣлъ все-таки какъ бы ангельское лицо. Въ немъ рѣшительно не было ничего такого, что могло бы давать поводъ къ презрительному отношенію къ нему со стороны Елпидія; наоборотъ оно пылало такимъ благороднымъ энтузіазмомъ, который прямо показывалъ, что патріархъ имѣлъ въ немъ глубоко-искренняго почитателя. Рядомъ съ нимъ стоялъ Давидъ, одежда котораго указывала на его низкое происхожденіе—изъ класса ремесленниковъ, но лицо котораго носило отпечатокъ чистѣйшаго и возвышеннѣйшаго типа человѣческой красоты. Давидъ никогда не забывалъ, что онъ по рожденію былъ членомъ дома Десносиновъ, что онъ происходилъ изъ дома Іосифова, который когда то жилъ въ Назаретѣ и который даже состоялъ въ родствѣ съ домомъ пресвятой Дѣвы Маріи. Своимъ типомъ лица онъ явственно напоминалъ сохранившійся по преданію ликъ Сына Человѣческаго: при совершенно овальномъ лицѣ, волнистыхъ, напоминающихъ цвѣтъ темнаго вина, волосахъ, свѣтлой кожѣ и такихъ глазахъ, изъ глубины которыхъ повидимому свѣтилось какое то духовное пламя,—онъ походилъ на лицо Того, Который былъ прекраснѣе всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Кромѣ того голосъ его отличался необычайной мелодичностью и какая-то особенная важность чудесно сочеталась съ чрезвычайной нѣжностью и лаской. Воспоминаніе о своемъ происхожденіи для Давида было однимъ изъ священнѣйшихъ источниковъ истиннаго самоудовлетворенія, хотя отнюдь не гордости, такъ какъ въ немъ онъ видѣлъ только величайшую отвѣтственность, которая уничто-

*) Стадія—около ста саженъ.

жила бы его въ прахъ, еслибы когда нибудь его собственная совѣсть могла изобличить его, что онъ дѣлалъ или воображалъ что-нибудь низкое, недостойное его высокаго рода. Даже для Елпидія, при всей его грубости и негодности, оказалось невозможнымъ опровергнуть слова мальчика, высказанныя съ совершеннымъ спокойствіемъ, такъ что оба собесѣдника почувствовали, что получили этотъ укоръ какъ бы со стороны двухъ добрыхъ геніевъ. Сознавая свою внутреннюю виновность и тѣ недобрыя чувства, которыя часто гнѣздились въ ихъ сердцахъ, они не могли не почувствовать неловкаго смущенія при видѣ этихъ двухъ молодыхъ людей, взоры и поступь которыхъ были безмолвнымъ укоромъ для нихъ. Елпидій отвернулся въ смущеніи, стараясь скрыть вспыхнувшую краску стыда, которая, не смотря на все его стараніе казаться спокойнымъ, разлилась по всему его лицу. Онъ готовъ былъ бы схватить Евтихія за шиворотъ и ударить его въ лицо, и однако при теперешнемъ состояніи долженъ былъ все это скрыть и, чувствуя угрызенія совѣсти, могъ доказать свое смущеніе только развѣ тѣмъ, что яростно вырвалъ съ корнемъ кустикъ, случайно оказавшійся у его ногъ. Евтихій, удивляясь своей собственной отвагѣ, низко поклонился и уже готовъ былъ уйти, какъ Давидъ, взявъ его за руку, подвелъ его къ Кирину и сказалъ:

— Прости насъ, владыка, что мы оскорбили тебя. Но прежде чѣмъ уйти домой, мы просимъ у тебя благословенія.

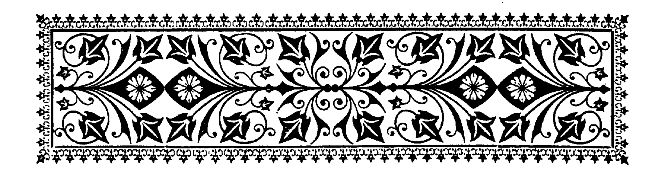
— Вы странные мальцы, сказалъ Киринъ, и вамъ не слѣдовало бы подслушивать того, что не предназначалось для вашихъ ушей.

— Владыка, мы не подслушивали, почтительно сказалъ Давидъ; мы желали бы не слышать, но то, что говорилъ пресвитеръ, могло быть слышимо почти вонъ тамъ на пристани.

— Ну, хорошо. Можете уходить.

Епископъ далъ имъ благословеніе и они пошли домой, все время почти храня глубокое молчаніе. Они согласились не разсказывать Филиппу о томъ, что случилось, потому что онъ всегда выходилъ изъ себя, когда слышалъ, что коварные люди міра сего изливали на святѣйшее имя патріарха накопившіеся въ ихъ сердцахъ фіалы злобы и клеветы.

ГЛАВА XXX.

Готы въ Константинополѣ.

Bis domitum civile nefas, bis rupimus Alpes
Tot nos bella docent, nulli servire tyranno*).
Claudianus in Ruf. II, 389, 390.

УФИНЪ, который при номинально существовавшемъ императорѣ, управлялъ всѣмъ міромъ, былъ подвергнутъ жестокому самосуду мстительными готами на самыхъ глазахъ Аркадія; Евтропій, сдѣлавшись преемникомъ его, въ качествѣ полновластнаго распорядителя судебъ народа, ихъ же вліяніемъ былъ низвергнутъ съ головокружащей вершины величія въ бездну ужасной бѣдственности и безславія. Во всемъ восточномъ мірѣ теперь самой могучей и страшной личностью былъ готъ — Гайна. Но неизбѣжная судьба должна была постигнуть и его. Все вліяніе обоихъ павшихъ временщиковъ перешло въ руки императрицы Евдоксіи, но и для нея это «страшное величіе кесарской власти» означало ничего больше, какъ нѣсколько лѣтъ бурныхъ угрызеній совѣсти и мучительной тревоги, за которыми послѣдовала скорая, жалкая смерть, ни у кого не вызвавшая ни слезинки.

Оставшись послѣ паденія Евтропія совершенно безпомощнымъ и, чувствуя безусловную необходимость имѣть надъ собой хоть кого нибудь такого, кто бы управлялъ имъ, злополучный

---

*) Дважды укрощено было междоусобіе, дважды брали мы Альпы,
И войны учатъ насъ не служить тираннамъ.
Клавдіанъ.

Аркадій былъ благодаренъ своей судьбѣ даже за то, что она подчинила его болѣе суровому игу своей высокомѣрной супруги. Но такъ какъ государство раздиралось соперничавшими между собой партіями, изъ которыхъ ни одною нельзя было пренебрегать безнаказанно, то Евдоксія считала необходимымъ поддерживать равновѣсіе между ними. Придворная партія рабовъ и чиновниковъ на время была подавлена вмѣстѣ съ низверженіемъ великаго царедворца. Евдоксіи думалось, что ей самой теперь можно было захватить въ свои руки всю власть при дворѣ, еслибы только ей удалось составить противъ готовъ соединенную партію — партію Авреліана, друга Златоуста, и Синезія, конечной цѣлью котораго было подавленіе варварскаго элемента, недавно достигшаго столь ненормальнаго преобладанія какъ на востокѣ, такъ и на западѣ.

Въ этихъ видахъ она добилась назначенія Авреліана на высокій постъ преторіанскаго префекта и своего любимца князя Іоанна на постъ распорядителя священныхъ щедротъ, причемъ она предоставила послѣднему также власть и вліяніе бывшаго консула воинственнаго Сатурнина, мужа своей подруги Кастриціи.

Однако ей приходилось противодѣйствовать силамъ не только готовъ, но и аріанъ. Большинство готовъ были аріане умѣреннаго направленія, слѣдуя въ этомъ отношеніи своему просвѣтителю Ульфилѣ, которому они обязаны были драгоцѣннымъ сокровищемъ, именно переводомъ Библіи на свой народный языкъ. Но въ Константинополѣ было много и другихъ аріанъ — изъ грековъ и римлянъ. Во времена Валента они рѣшительно превосходили своимъ числомъ православныхъ и никогда не могли помириться съ тѣмъ торжествомъ, какого достигли православные христіане, благодаря дѣятельности Григорія Назіанзина и запретительнымъ указамъ Ѳеодосія. Они постоянно строили козни съ цѣлью вновь возвратить себѣ господство, котораго и намѣревались достигнуть при помощи могущественнаго Гайны.

Во главѣ этихъ аріанъ, но болѣе изъ политическихъ расчетовъ, чѣмъ по убѣжденію, стоялъ порочный и опасный заговорщикъ, самое имя котораго, по одной изъ любопытныхъ ироній исторіи, осталось неизвѣстнымъ для насъ, но который обыкновенно былъ извѣстенъ подъ своимъ прозвищемъ Тифоса — египетскаго

сатаны, каковое прозвище дано было ему въ одномъ повѣствованіи изъ этой эпохи, написанномъ въ аллегорической формѣ Синезіемъ. Эта небольшая повѣсть называется «Египтяне», и въ ней епископъ, находя небезопаснымъ описывать дѣйствительныя событія, придалъ своимъ воспоминаніямъ форму разсказа о борьбѣ между добрымъ Озирисомъ и злымъ Тифосомъ. Тифосъ былъ братъ Авреліана, но ненавидѣлъ его отъ всей глубины своего злого сердца, слѣдилъ за его успѣхами съ злобной, все-пожирающей завистью. Когда Авреліанъ былъ сдѣланъ преторіанскимъ префектомъ и исправляющимъ должность консула, то Тифосъ, который самъ жаждалъ этой должности, даже заболѣлъ отъ ярости, а его не менѣе злая и коварная жена, которая просто изъ женскаго честолюбія стремилась къ достиженію болѣе высокаго сана для своего мужа, дѣлала все зависящее отъ нея, чтобы тѣмъ сильнѣе поджигать его. Это были самые негодные представители тогдашняго аристократическаго общества, и задаваемыя ими частыя пиршества представляли собой сцены самой грубой распущенности. По какой то причинѣ, неизвѣстной намъ, но несомнѣнно изъ побужденія грубаго богохульства или грязныхъ развлеченій, Тифосъ ввелъ въ обычай состязаніе въ храпѣніи и выше всѣхъ чествовалъ тѣхъ изъ своихъ низкихъ сотоварищей, которые особенно отличались среди другихъ тѣмъ, что Синезій называетъ «самымъ громкимъ храпомъ». Его жена, проводившая цѣлые дни въ ненасытныхъ наслажденіяхъ зрѣлищами въ театрѣ или развлеченіяхъ на форумѣ, по цѣлымъ часамъ занималась украшеніемъ своей собственной персоны и наполняла свои богатыя палаты женщинами самаго гнуснаго поведенія. Какъ самъ Тифосъ, такъ и его достойная своего мужа жена, повидимому порѣшили собирать у себя общество, которое при полнѣйшей безравственности, отличалось однако лжерелигіозностью и чисто фарисейской показностью и могло бы составить рѣзкую и притомъ намѣренно выставляемую противоположность литературному вкусу, преданности православной вѣрѣ и благородной жизни Авреліаны и его супруги. Когда Тифосъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, то онъ предался совершенно безобразному кутежу и сталъ замышлять измѣну, за которую ему, впрочемъ, пришлось вскорѣ жестоко поплатиться.

Чтобы утѣшить себя въ неудачѣ, онъ предался еще болѣе постыдной роскоши и приказалъ вырыть у себя въ саду озеро, на которомъ были устроены искусственнные острова и теплыя бани. Тамъ онъ со своими приверженцами обоего пола предавался самымъ возмутительнымъ оргіямъ; но въ тоже время какъ онъ самъ, такъ и его жена находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ коварной женой Гайны, черезъ посредство которой они настойчиво старались склонить готскаго военачальника порвать даже всякую видимость вѣрноподданической покорности. Гайна былъ уже главнокомандующимъ въ восточной имперіи. Готы признавали его власть и находившееся подъ его начальствомъ войско въ значительной степени состояло изъ германцевъ. Онъ стремился къ возстановленію аріанства и жаждалъ сдѣлаться Стилихономъ востока — быть можетъ съ тайной мыслью впослѣдствіи добиться и діадимы, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться консуломъ и королемъ своего племени, какъ это было съ Аларихомъ. Гайна отнюдь не удовлетворялся тѣми скромными (на его взглядъ) результатами, которыхъ онъ добился вслѣдствіе гибели Евтропія. Это событіе не только не доставило ему новыхъ высокихъ почестей, какихъ онъ ожидалъ, но повлекло за собою лишь повышеніе въ санѣ и усиленіе вождей римской партіи, противодѣйствіе которой интересамъ инородцевъ-варваровъ нашло отголосокъ въ замѣчательной по своей смѣлости рѣчи Синезія передъ императоромъ. Союзъ съ Тифосомъ и его партіей, казалось, долженъ былъ вполнѣ обезпечить ему осуществленіе самыхъ заносчивыхъ стремленій его честолюбиваго сердца.

И вотъ такимъ образомъ онъ сбросилъ маску, и уже и до этого времени состоя въ тайныхъ сношеніяхъ съ Трибигильдомъ, теперь открыто соединился съ нимъ въ Ѳіатирѣ. Два готскихъ племени пришли къ полному соглашенію между собой и начали сообща дѣйствовать противъ беззащитной имперіи. Гайна двинулся на Халкидонъ, грабя все на своемъ пути. Трибигильдъ съ одинаковой безнаказанностью сталъ наступать на Лампсакъ. Въ Халкидонѣ Тифосъ и его жена тайно побыли въ лагерѣ Гайны и поощряли его къ открытому мятежу. Подстрекаемый ими, Гайна заявилъ дерзкое требованіе, чтобы Аркадій лично явился къ нему въ Халкидонъ и однимъ изъ условій, на которыхъ онъ порѣшилъ настаивать, состояло въ томъ, чтобы дано было удовлетвореніе, гну-

сной ненависти Тифоса къ его благородному брату Авреліану, именно казнью Авреліана.

Съ надменностью зазнавшагося варвара, Гайна послалъ сказать императору, что онъ не хочетъ имѣть дѣло съ какими-нибудь низшими посланниками, и вмѣсто ихъ пусть самъ Аркадій лично прибудетъ въ Халкидонъ, чтобы выслушать условія, на которыхъ можетъ быть пощажена его жизнь, его столица и его имперія. Аркадію не оставалось ничего другого, какъ подчиниться дерзкому требованію варвара. Римскія силы, на которыя онъ могъ разсчитывать, были незначительны и притомъ разсѣяны гарнизонами по всей имперіи, такъ что у Аркадія не было войска, которое можно бы выставить противъ воиновъ готскаго военачальника. Казалось, что теперь угрожало осуществиться самое худшее опасеніе Синезія, и половина нѣкогда нераздѣльной римской имперіи теперь должна была отойти подъ власть варварскихъ союзниковъ.

На вершинѣ красиваго холма близъ Халкидона стояла церковь святой Евфиміи, славившаяся необычайной святыней. Тамъ должна была состояться эта встрѣча и тамъ безпомощный Аркадій долженъ былъ въ униженіи выслушать велѣнія мятежнаго военачальника. Онъ долженъ былъ обѣщать Гайнѣ консульство, а также предоставить ему и должность главнокомандующаго всего востока. Для себя Трибигильдъ требовалъ позволенія безпрепятственно переправиться черезъ Босфоръ. Мало того, императоръ немедленно же долженъ былъ выдать Гайнѣ Авреліана, консулярія Сатурнина и князя Іоанна, чтобы или предать ихъ смерти, или держать въ качествѣ заложниковъ, какъ это будетъ угодно готу. Аркадій долженъ согласиться на это, или... при этомъ Гайна многозначительно указалъ на остріе своего меча и махнулъ рукой на свой лагерь, въ которомъ было 30,000 войска, готоваго ринуться въ бой.

Что было дѣлать злополучному сыну Θеодосія? Уступка была бы крайнимъ позоромъ, отказъ — повлекъ бы за собой гибель. Неизбѣжно было уступить и другимъ требованіямъ. Но какъ онъ могъ, безъ ужаснаго стыда, выдать жизнь своего славнаго нареченнаго консула и преторіанскаго префекта, въ то время бывшаго первымъ человѣкомъ при дворѣ столицы, а также и консулярія Сатурнина, который въ 382 году подавилъ силы Атанариха и былъ мужемъ родственницы его жены и самымъ близкимъ его

другомъ? Но что могло значить это требованіе выдачи князя Іоанна? Его санъ и значеніе были чисто формальными. Онъ не имѣлъ никакой независимой власти. Онъ не могъ считаться, подобно двумъ другимъ, вождемъ римской партіи. Но если не видѣлъ Аркадій, то Евдоксія видѣла, что это требованіе прямо направлено было противъ нея. Всѣ кромѣ императора знали, что князь Іоаннъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, былъ ея любимцемъ и многіе полагали, что онъ въ дѣйствительности былъ ея любовникъ. Если въ предъявленныхъ Гайной условіяхъ значилось имя Іоанна, то въ этомъ она видѣла признакъ того, что Гайна вмѣстѣ съ Тифосомъ и своей злой помощницей-женой намѣревались низвергнуть и ее, какъ они уже низвергли ея врага Евтропія.

При этой мысли она охвачена была неудержимымъ гнѣвомъ и не поколебалась зло посмѣяться надъ безсильнымъ злополучнымъ императоромъ:

— Конечно, сказала она, ты никогда не согласишься на это дерзское оскорбительное условіе! Это было бы все равно, какъ еслибы ты снялъ съ себя діадиму и надѣлъ ее на чело этого грубаго варвара!

— Но что могу я сдѣлать? упавшимъ голосомъ проговорилъ Аркадій, въ крайнемъ смущеніи сидя на своихъ золотомъ шитыхъ подушкахъ.

— Лучше ужъ, отвѣчала она, совсѣмъ отказаться отъ престола, чѣмъ ни съ того, ни съ сего выдать одного за другимъ трехъ самыхъ славныхъ и вѣрныхъ слугъ имперіи. Неужели этотъ готъ есть церберъ, котораго при всякомъ лаѣ можно умиротворить не иначе, какъ бросая ему въ пасть голову кого-нибудь изъ твоихъ благородныхъ подданныхъ? Неужели ты думаешь, что твой отецъ Өеодосій потерпѣлъ бы отъ него такую дерзость? Неужели стоитъ занимать императорскій престолъ, если тебѣ приходится лежать въ цѣпяхъ у ногъ какого-нибудь скиөа?

— Но какъ могу я отказать военачальнику, имѣющему въ своемъ распоряженіи 30,000 войска? Неужели ты думаешь, что горсть моихъ Silentiarii и Palatini можетъ, хотя въ теченіе пяти минутъ, выстоять противъ нихъ?

— Такъ ты, значитъ, выдашь твоихъ благородныхъ слугъ? воскликнула Евдоксія, подымаясь съ сидѣнія съ презрительнымъ

негодованіемъ. — Ты императоръ только по имени! О еслибы Богъ далъ, чтобы я была императоромъ на твоемъ мѣстѣ! Еслибы патріархъ Іоаннъ былъ императоромъ: онъ предпочелъ бы тысячу разъ умереть, чѣмъ уступить!

Евдоксія стояла передъ нимъ, вся раскраснѣвшись отъ волненія, и нисколько не старалась скрыть презрѣнія, которое ярко изображалось на ея красивыхъ губахъ.

— Но что же, что же я могу сдѣлать? опять въ ужасной безпомощности спрашивалъ Аркадій.

— Что дѣлать!? Будь мужчиной! У тебя милліоны подданныхъ, обратись къ ихъ защитѣ, положись на ихъ вѣрноподданничество. Вѣдь вотъ даже такой получеловѣкъ, какъ Евтропій, и тотъ больше показалъ бы достоинства и мужества!

— Но меня просто убьютъ, — плачевно сказалъ онъ.

— Тогда умри, какъ мужчина, отвѣчала она; по моему гораздо лучше совсѣмъ не существовать, чѣмъ не быть благороднымъ.

Но такъ какъ слова ея не зажгли ни малѣйшей искры мужества въ императорѣ, то она съ выраженіемъ надменнаго презрѣнія къ своему жалкому мужу отвернулась отъ него и вышла изъ комнаты.

Аркадій просто превратился послѣ этого въ самое жалкое и безпомощное существо, какое только можно представить себѣ. Не зная, что дѣлать, и чувствуя себя одинаково неспособнымъ ни къ мысли, ни къ дѣйствію, онъ предоставлялъ дѣламъ идти своимъ собственнымъ путемъ. Къ счастію его отвѣтъ Гайнѣ требовался не сейчасъ, а только на слѣдующій день. Это всетаки нѣсколько ободряло его: «Авось», думалось ему, «дѣла еще повернутся какънибудь иначе»!

Условія, предложенныя Гайной, скоро сдѣлались извѣстны повсюду и началось страшное возбужденіе въ народѣ. Гражданская война, повидимому, давала наименѣе шансовъ, потому что прежде чѣмъ можно было созвать подъ знамена римскія войска и сосредоточить ихъ, рѣшительно не было никакой возможности защитить отъ разграбленія беззащитную столицу, которая переполнена была готами и аріанами. Можно было опасаться даже основанія варварской династіи.

При такихъ обстоятельствахъ Авреліанъ пригласилъ консу-

лярія Сатурнина и князя Іоанна къ себѣ, чтобы вмѣстѣ съ ними обсудить положеніе дѣлъ. Онъ указалъ имъ на то, что исполненіе другихъ требованій Гайны было неизбѣжно, но Аркадій не могъ выдать ихъ самихъ, противъ ихъ воли, не навлекая на себя несмываемаго позора. Нужно однако спасти столицу и имперію. И вотъ съ этою цѣлію онъ сдѣлалъ предложеніе, достойное Деціевъ. «Друзья, сказалъ онъ, мы должны добровольно и тайно отправиться въ Халкидонъ, и тамъ отдадимъ себя въ руки гота. Онъ ввергнетъ насъ въ темницу. Вѣроятно даже, что онъ предастъ насъ смерти; но этимъ мы спасемъ несчастную имперію. Во всякомъ случаѣ мы дадимъ ей небольшую передышку».

Сатурнинъ охотно принялъ это благородное предложеніе. Но князь Іоаннъ роптадъ и колебался. Однако видя, что таково было рѣшеніе двухъ сановниковъ, гораздо болѣе его великихъ, и онъ также почувствовалъ невозможность уклониться отъ этого предложенія. И вотъ они согласились немедленно отправиться за Босфоръ. Выйдя на берегъ немного восточнѣе Халкидона, они затѣмъ безъ всякой свиты одни отправились въ лагерь Гайны и, объявивъ свои имена и санъ, отдали себя въ руки первымъ готскимъ часовымъ, которые и отвели ихъ въ ставку своего военачальника. Глаза Гайны заблестѣли мстительнымъ звѣрствомъ и удовлетвореннымъ честолюбіемъ, когда онъ сообщилъ имъ, что ровно чрезъ недѣлю онъ рѣшитъ ихъ окончательную судьбу. Они закованы были въ тяжелыя желѣзныя цѣпи, и Авреліанъ былъ тѣмъ сильнѣе удрученъ, что, когда его выводили изъ ставки Гайны, онъ черезъ полуоткрытую завѣсу внутренней комнаты явственно замѣтилъ черные глаза и злобныя черты своего брата. Если не обманулъ его чуткій слухъ, то вмѣстѣ съ голосомъ жены Гайны онъ разслышалъ и злорадногнусный смѣхъ жены Тифоса.

Всѣ новости обыкновенно съ необычайной быстротой распространялись среди населенія Константинополя, и Давидъ скоро услышалъ въ своей Халкопратіи, гдѣ онъ навѣщалъ своего отца, о благородномъ самоотверженіи Авреліана и его сотоварищей, и поспѣшилъ сообщить эту новость своимъ молодымъ друзьямъ, которые живо интересовались всѣми, совершавшимися на ихъ глазахъ, глубоковажными событіями.

— Теперь моя очередь быть глашатаемъ новостей, сказалъ онъ.

Евтихій первый сообщилъ намъ о консульствѣ Евтропія; ты, Филиппъ, о его паденіи. Никто изъ васъ не заслужилъ награды за добрую вѣсть, а я заслужилъ. Въ настоящій разъ мы спасены. Филиппъ, твой другъ Авреліанъ, консулярій Сатурнинъ и князь Іоаннъ отправились въ Халкидонъ часъ тому назадъ и выдали себя Гайнѣ, чтобы только спасти имперію.

— Благородная жертва! воскликнулъ Филиппъ! Вѣсть чрезвычайно важная! Необходимо немедленно сказать ему.

Онъ немедленно отправился въ комнату патріарха и сообщилъ ему эту новость. Іоаннъ съ восторгомъ выслушалъ о геройскомъ подвигѣ этихъ двухъ, обрекшихъ себя на гибель, мужей; но этотъ подвигъ самоотверженія вмѣстѣ съ тѣмъ и сильно взволновалъ его сердце. Во всемъ дворцѣ Аркадія не было человѣка, къ которому онъ относился бы съ болѣе теплымъ сочувствіемъ или съ болѣе глубокимъ уваженіемъ, чѣмъ къ Авреліану — префекту преторіанской гвардіи.

— Я долженъ немедленно же отправиться къ Гайнѣ и походатайствовать за ихъ жизнь, сказалъ онъ. Ты, Филиппъ и Евтихій, пойдете со мной. Въ ваше отсутствіе за всѣми вашими дѣлами присмотритъ домосѣдъ—Давидъ. Гераклидъ и Серапіонъ могутъ принимать посѣтителей.

— Но вѣдь готы всѣ — аріане, сказалъ Филиппъ.

— Это ничего, отвѣчалъ патріархъ. Развѣ я по своей должности не общій отецъ всѣхъ? Хотя и аріане, но они всетаки христіане. Пойдемте, нельзя терять времени. Эти варвары склонны къ внезапнымъ опаснымъ вспышкамъ.

Немедленно выйдя изъ патріархіи, они переправились на противоположный берегъ Босфора. Патріархъ съ его двумя юными спутниками были съ великимъ почетомъ проведены въ палатку Гайны — готскаго военачальника.

Гайна былъ истый готъ, который въ дѣйствительности нисколько не чувствовалъ себя заинтересованнымъ въ судьбѣ имперіи. Блескъ цивилизаціи, воспринятый имъ, былъ совершенно поверхностный, и онъ далеко не обладалъ такою гражданскою доблестью, которая заставила римлянъ признать власть Стилихона, хотя онъ былъ вандалъ. Отъ Стилихона Гайна отличался и тѣмъ, что былъ женатъ тоже на готской женщинѣ. Это былъ варваръ, природныя

добрыя качества котораго почти совсѣмъ изгладились отъ соприкосновенія съ испорченной культурой, и наоборотъ присущіе его племени пороки — честолюбіе, алчность, мстительность достигли крайней степени развитія. По наружности это былъ въ высшей степени представительный амалъ, въ родѣ тѣхъ, которыми Іоаннъ любовался на улицѣ въ Антіохіи, хотя природная красота и мужественное достоинство его лица уже значительно исказились подъ вліяніемъ низкихъ страстей.

Но какъ и всѣ, обладающіе дѣйствительнымъ сознаніемъ человѣческаго достоинства, онъ чувствовалъ глубокое и искреннее уваженіе къ патріарху Константинополя. Онъ всегда благоговѣлъ предъ отличавшимъ его природнымъ достоинствомъ и восхищался его полнѣйшей искренностью и простотой. Вполнѣ понимая все различіе, какое находилось между нимъ и заурядной толпой высокопоставленныхъ вельможъ, испорченныхъ сановниковъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, онъ признавалъ въ немъ пророка и мужа Божія и даже чувствовалъ, что еслибы такой религіозный вождь былъ среди аріанъ, то своими религіозными убѣжденіями онъ могъ бы оказать болѣе дѣйствительное и глубокое вліяніе и на его сердце. Мысленно онъ невольно сравнивалъ его съ апостоломъ готовъ, какъ послѣдняго описывалъ ему его отецъ, обращенный самимъ Ульфилой.

Съ своей стороны и сердце Златоуста переполнялось чувствомъ восторга, хотя и не безъ примѣси сожалѣнія, когда онъ думалъ, какъ подъ вліяніемъ лучшихъ условій изъ этого высокаго свѣтловолосаго варвара могъ бы выдти совершенно иной человѣкъ, если бы онъ былъ православнымъ христіаниномъ. Подъ благотворнымъ вліяніемъ истинной вѣры изъ этого благороднаго представителя новой расы могъ бы выдти доблестный защитникъ церкви и распространитель Евангелія, особенно въ тѣ времена, когда Христосъ только еще, можно сказать, собиралъ жемчуги для украшенія своей невѣсты—церкви.

Трудно было не видѣть, съ какимъ глубокимъ почтеніемъ, проявлявшимся во всѣхъ движеніяхъ, этотъ страшный для имперіи воинъ поднялся съ своего мѣста, чтобы принять столь необычнаго посѣтителя. Въ знакъ глубокаго смиренія, онъ взялъ потріарха за руки и приложилъ ихъ къ своимъ глазамъ. Затѣмъ онъ позвалъ

обоихъ своихъ сыновей.—Торисмунда и Валамира, находившихся въ сосѣдней палаткѣ и, подведя ихъ къ Златоусту, велѣлъ имъ стать передъ нимъ на колѣни и обнять его священныя ноги, прося въ то же время патріарха благословить ихъ. Патріархъ возложилъ свою руку на свѣтлые короткіе локоны обоихъ мальчиковъ и благословилъ ихъ. Затѣмъ оба молодые люди быстро подошли къ Филиппу, который сразу узналъ ихъ, какъ и они узнали его, хотя прошло ужъ нѣсколько лѣтъ съ того времени, какъ они встрѣтились въ Антіохіи во время пребыванія тамъ Руфина. Молодые люди сердечно поздоровались между собой. Евтихія они никогда не видѣли раньше, но его красивое лицо сразу расположило ихъ въ его пользу и они немедленно подружились и съ нимъ.

Когда молодые люди, стоя въ сторонѣ, разговаривали между собою, патріархъ сказалъ Гайнѣ, что онъ прибылъ сюда отнюдь не по порученію ни отъ правителя, ни отъ Евдокіи, ни отъ когонибудь изъ государственныхъ сановниковъ: онъ прибылъ по собственному побужденію—изъ чувства состраданія къ своему другу Авреліану, котораго онъ высоко уважаетъ, и къ Сатурнину, какъ къ достойному и высокоцѣнимому слугѣ имперіи. Князя Іоанна онъ зналъ меньше; но во всякомъ случаѣ никто изъ этихъ трехъ сановниковъ никогда не причинялъ Гайнѣ никакого зла, и потому съ его стороны было недостойно обрушиться на нихъ со своимъ неосновательнымъ и безпричиннымъ мщеніемъ.

— Это враги моихъ единоплеменниковъ, сказалъ Гайна; римская партія, во главѣ которой стоитъ Авреліанъ, хочетъ обратно изгнать насъ за Истръ *). Авреліанъ именно добился позволенія епископу Синезію произнесть передъ Аркадіемъ ту рѣчь, въ которой тотъ открыто доказывалъ, что насъ слѣдуетъ лишить всѣхъ почетныхъ должностей и даже совсѣмъ не позволять намъ служить въ войскѣ.

— Я не раздѣляю этого мнѣнія, сказалъ Златоустъ. Я одинъ изъ тѣхъ, которые давно уже пришли къ убѣжденію, что наше племя ослаблено роскошью и лѣностью и нуждается въ привитіи свѣжей крови. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы видѣть, чтобы римляне и тевтоны соединились въ одинъ благороднѣйшій народъ.

---

*) Ister—древнее названіе Дуная. Перев.

И тѣмъ не менѣе я понимаю, что взгляды римской партіи вовсе не неестественны. Вѣдь готы въ имперіи появились, такъ сказать, лишь вчера, вторгшись въ среду народа, который господствовалъ надъ всѣми другими народами въ теченіе тысячи лѣтъ.

— Это вѣрно; но за то какъ гнусно обходились они съ нами! Обрати вниманіе на то, какимъ позорнымъ вымогательствамъ подвергалъ насъ Люпицинъ, испорченный и жадный Валентовъ правитель во Ѳракіи. Обрати вниманіе на то побоище, которому подвергнута была наша славная молодежь въ городахъ востока. Знаешь ли ты, что мой собственный старшій сынъ былъ умерщвленъ во время этого гнуснаго избіенія?

— Я не зналъ этого, сказалъ патріархъ, и сочувствую тебѣ. Но несправедливость была съ обѣихъ сторонъ. Безполезно теперь входить въ разсмотрѣніе этого страшнаго безполезнаго прошлаго, этого Адріанопольскаго побоища, опустошенія Иллиріи Аларихомъ, Фригіи—твоимъ родичемъ Трибигильдомъ. Твои сановные узники— Авреліанъ и другіе вельможи, отнюдь не отвѣтственны за старыя неправды. Но я увѣренъ, что въ тебѣ не могутъ быть не затронуты благородныя чувства въ виду того геройскаго самоотверженія, съ которымъ они по своему собственному побужденію отдали жизнь въ твое распоряженіе. Пощади ихъ, Гайна; стань выше твоего собственнаго низкаго эгоизма. Евтропій быть можетъ и причинялъ тебѣ обиды, но Авреліанъ—никогда!

— Намъ еще нужно отомстить за самыя горькія обиды, замѣтилъ готскій воинъ.

— Но что благороднѣе, спрашивалъ партріархъ. мщеніе, или прощеніе? Мщеніе за обиды способно опять выводить новыхъ тигрятъ, которые будутъ злѣе своихъ родителей. Съ того времени, какъ я прибылъ въ Константинополь, я познакомился немного съ готскимъ языкомъ, чтобы иногда пользоваться имъ въ церкви въ бесѣдѣ съ православными готами. Неужели ты никогда не читалъ этихъ священныхъ словъ?

И патріархъ прочиталъ въ переводѣ Ульфилы молитву Господню:

Yah aflet uns thatei skulans siyaima, swa swe yah weis afletain thaim skulam unseraim (остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ).

— Я не могу отвѣтить тебѣ теперь, сказалъ Гайна; твое

краснорѣчіе и твое присутствіе подавляютъ меня, успокаиваютъ мое мятежное сердце. Приходи опять, патріархъ, я люблю говорить съ тобой. А прежде чѣмъ уйти — благослови меня. Я не совсѣмъ такой демонъ, за котораго ты принимаешь меня.

— Демонъ? Совсѣмъ нѣтъ, сказалъ патріархъ. Не демонъ ты, Гайна, а благородное человѣческое существо, которое слишкомъ много дало у себя мѣста діаволу. Но обѣщай мнѣ, что ты не сдѣлаешь ни единаго шага, пока не сообщишь мнѣ о своемъ рѣшеніи.

— Обѣщаю, отвѣтилъ Гайна.

Между тѣмъ и между молодыми людьми шелъ подобный же разговоръ.

— Торисмундъ, говорилъ Филиппъ молодому готу; походатайствуй предъ твоимъ отцемъ о жизни Авреліана, когда мы уйдемъ. Авреліанъ — благородный человѣкъ!

— Пусть этотъ юноша съ ангельскимъ лицомъ обратится ко мнѣ съ этой же самой просьбой, сказалъ Торисмундъ. Мнѣ пріятно слышать его голосъ.

— Я не удивляюсь этому, сказалъ Филиппъ, потому что онъ пѣвчій и обладаетъ пріятнѣйшимъ голосомъ во всемъ Константинополѣ.

— Но почему это онъ выглядитъ совершенно иначе, чѣмъ греки и римляне здѣсь? спросилъ Торисмундъ.

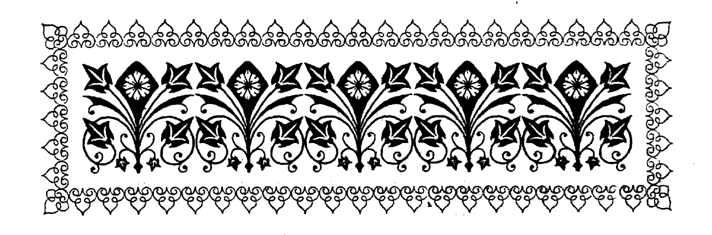
— Неужели у васъ по готски это значить говорить пріятное другимъ, вспыхнувъ, сказалъ Евтихій. — Ну, я также прошу тебя походатайствовать передъ твоимъ отцомъ, и тебя также, Валамиръ. А теперь я вамъ объясню, что хотя мой отецъ былъ римляниnъ, но мать моя происходила изъ готовъ.

— Я такъ и думалъ, воскликнулъ Торисмундъ, что въ тебѣ есть готская кровь. Даже по самому цвѣту твоихъ волосъ ты выглядишь слишкомъ не похожимъ на римлянина!

— Увы, воскликнулъ Филиппъ, это совсѣмъ плохой комплиментъ мнѣ!

— О, да ты самъ вѣдь сиріецъ, сказалъ Торисмундъ; но мы во всякомъ случаѣ оба поговоримъ съ отцомъ и постараемся склонить его къ помилованію дорогихъ вамъ сановниковъ.

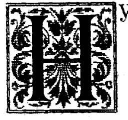

ГЛАВА XXXI.

Осужденные на смерть.

Старикъ, не такъ вѣдь трудно умирать.
Байронъ, Манфредъ.

Ну что, не заговорилъ ли тебя Іоаннъ?—съ усмѣшкой спросилъ Тифосъ, выходя изъ другого отдѣленія палатки, когда изъ нея вышелъ патріархъ.

— Нѣтъ, не заговорилъ, отвѣтилъ Гайна.

— Вотъ и хорошо, сказалъ Тифосъ. Предоставь этому маленькому человѣчку заниматься своими священниками. Они и безъ того дадутъ ему скоро достаточно дѣла. Всѣ они ненавидятъ его, какъ ядъ.

— А просто потому, что онъ лучше всѣхъ ихъ, сказалъ Гайна.

— Можетъ быть, согласился Тифосъ, пожавъ плечами; но онъ не имѣетъ права вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Затѣмъ онъ продолжалъ разрушать то добро, которое сдѣлалъ патріархъ, возбуждая злыя страсти въ дикой натурѣ готскаго воина — гордость, честолюбіе, мщеніе. Гайна почти порѣшилъ казнить трехъ своихъ узниковъ, чтобы однимъ ударомъ устранить съ дороги своихъ главныхъ противниковъ. Но какъ только вышелъ Тифосъ, къ нему вошли оба его сына.

— Отецъ, сказалъ Торисмундъ, не обезглавливай этихъ людей; они поступили благородно, сами выдавая себя.

— Вамъ что за дѣло! Что за охота намъ любить и защищать этихъ римлянъ, Торисмундъ?

— Однако пощади ихъ, отецъ; они добровольные заложники въ твоихъ рукахъ. Ихъ жизнь тебѣ можетъ сослужить лучшую службу, чѣмъ ихъ смерть.

— Что это такое: политическое соображеніе, или состраданіе къ нимъ?

— Быть можетъ то и другое, отецъ.

— А что скажетъ мой Валамиръ? спросилъ Гайна.

— Пощади ихъ, отецъ, отвѣтилъ Валамиръ, главный любимецъ своего отца. Бывшій здѣсь съ патріархомъ юноша, на лицѣ котораго такъ и написано, что никогда еще въ своей жизни онъ не дѣлалъ ничего дурного, просилъ насъ обоихъ походатайствовать передъ тобой и мы обѣщали. А онъ по своей матери — готъ.

— Я подумаю объ этомъ, сказалъ Гайна.

Въ то время какъ судьба трехъ великихъ сановниковъ еще находилась въ неопредѣленности, не проходило такого дня, въ который бы патріархъ не посѣщалъ ставки готскаго вождя. Онъ почти съ самаго начала достигъ бы своей цѣли, если бы не противодѣйствіе Тифоса и жены военачальника, въ свою очередь находившейся подъ злымъ вліяніемъ жены Тифоса; но и эти послѣднія успѣли бы въ своихъ замыслахъ гораздо легче, если бы не настойчивость Торисмунда и Валамира. Такимъ образомъ въ душѣ готскаго военачальника происходила борьба — между его варварскимъ сердцемъ и смягчающимъ вліяніемъ его несовершеннаго христіанства. Далеко еще было не извѣстно, на чьей сторонѣ останется побѣда. Златоуста всегда сопровождалъ Филиппъ, а часто также и Евтихій или Давидъ. Когда онъ бесѣдовалъ съ военачальникомъ, юные готы водили своихъ друзей въ лагерь, чтобы вознаградить Филиппа, какъ говорилъ Торисмундъ, за ту любезность, которую онъ оказалъ имъ въ Антіохіи.

Однажды, когда Златоустъ сказалъ имъ, что онъ долженъ по своимъ дѣламъ на нѣсколько часовъ остаться въ Халкидонѣ и велѣлъ имъ прибыть за собой вечеромъ, то они воспользовались этимъ случаемъ, чтобы взять молодыхъ готовъ въ патріархію Константинополя и показать имъ главные виды города. Между ними

завязалась та горячая дружба, которая часто возникаетъ между молодыми людьми совершенно различныхъ натуръ.

Наконецъ патріархъ восторжествовалъ и получилъ отъ Гайны положительное обѣщаніе, что жизнь Авреліана, Сатурнина и князя Іоанна будетъ пощажена. Онъ попросилъ, чтобы ему позволено было сходить въ ту палатку, гдѣ все еще находились они въ оковахъ, подъ бдительнымъ присмотромъ готскихъ часовыхъ, и первымъ возвѣстить имъ радостную вѣсть.

— Нѣтъ, сказалъ Гайна, съ мрачной улыбкой. У меня есть свои причины, почему этого не должно быть. Прощай, патріархъ. Что бы не случилось въ будущемъ, а можетъ случиться многое, — во всякомъ случаѣ къ тебѣ я всегда буду относиться съ почтеніемъ, и прошу твоихъ молитвъ. Прощай, но оставь этихъ двухъ молодыхъ людей здѣсь съ моими молодыми волчатами. Они принесутъ тебѣ извѣстіе о томъ, что я хочу сдѣлать.

Такимъ образомъ патріархъ опять отправился за Босфоръ. Проводивъ глазами своего удаляющагося гостя, Гайна сказалъ своимъ сыновьямъ, чтобы они пригласили къ нему въ ставку Филиппа и Евтихія и, поставивъ ихъ въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ, не позволяли имъ и шевельнуться, да и сами пусть не тревожатся тѣмъ, что имъ придется увидѣть. Затѣмъ подозвавъ къ себѣ исполинскаго гота съ огромнымъ мечомъ (это былъ, какъ зналъ Торисмундъ, палачъ, исполнявшій смертные приговоры готскаго военачальника), приказалъ привесть къ себѣ Авреліана.

Благородный римлянинъ былъ введенъ, и ни цѣпи, ни всклокоченная борода, ни бѣдственность тюремнаго заключенія не отняли у него того достоинства, которое ему принадлежало, какъ преторіанскому префекту и нареченному консулу. Онъ взглянулъ на палача, не моргнувъ ни единымъ глазомъ, и съ безстрашнымъ взоромъ предсталъ передъ готомъ.

— Такъ ты именно тотъ человѣкъ, грубо сказалъ Гайна, который хотѣлъ бы лишить меня всѣхъ моихъ должностей? Ты тотъ человѣкъ, въ глазахъ котораго всѣ готы презрѣнные скиѳы, не лучше животныхъ, которыхъ нужно массами изгонять изъ римскихъ войскъ и даже избить, какъ нѣкоторые уже и избиты были раньше вами, священными римлянами?

— Ты несправедливъ ко мнѣ, военачальникъ, спокойно от-

вѣчалъ Авреліанъ; да и самъ ты знаешь, что несправедливъ ко мнѣ. Я никогда не презиралъ твоихъ соотечественниковъ. Въ нихъ много такого, къ чему я отношусь съ восторгомъ. Что касается побоища, то оно противно самой моей натурѣ. Пусть будутъ готы въ Готландіи, римляне въ имперіи; пусть они будутъ союзниками и друзьями. Но я вовсе не расположенъ теперь вести эти переговоры: я готовъ подвергнуться своей судьбѣ.

— Такъ приготовься же умереть! Наклонись надъ этой колодой.

— Одинъ моментъ, и я готовъ, сказалъ онъ.—При этомъ онъ молитвенно сложилъ руки, возвелъ глаза къ небу и его уста безмолвно прошептали молитву.—Теперь руби, сказалъ онъ. Я христіанинъ; христіане же не боятся смерти.

Онъ наклонилъ голову и палачъ поднялъ свой страшный мечъ. Евтихій затрепеталъ и сдѣлался мертвенно блѣденъ; невольный крикъ ужаса и отчаянія вырвался и изъ устъ Филиппа, и онъ бросился бы впередъ, но Торисмундъ крѣпко держалъ его за руки и, кладя свою руку на уста Филиппу, шепталъ: «тише, не бойся, мой отецъ не римлянинъ: онъ сдержитъ свое слово»!

Мечъ опустился. Изъ устъ военачальника раздался грубый смѣхъ. Этотъ страшный мечъ только едва коснулся шеи Авреліана, не сдѣлавъ ни малѣйшей царапины, не выпустивъ ни кровинки.

— Встань, Авреліанъ, сказалъ Гайна, и благодари патріарха Іоанна, что жизнь тебѣ пощажена.

Это было страшное испытаніе: внезапный поворотъ чувствъ былъ невыразимо тяжелъ. Но римлянинъ овладѣлъ собой: вставъ съ колоды, онъ поклонился и ничего не сказалъ. Даже Гайна былъ охваченъ восторгомъ.

— Снять съ него цѣпи, сказалъ онъ, отвесть его отсюда, но держать пока подъ стражей.

— Позволь мнѣ уйти, сказалъ Евтихій Валамиру; это страшно жестокая шутка!

— Нѣтъ, ты долженъ, Евтихій, видѣть все и разсказать патріарху, сказалъ Валамиръ; но знай, что при этомъ не будетъ пролито ни единой капли крови.

Затѣмъ былъ введенъ Сатурнинъ и онъ также не обнаружилъ

ни малѣйшаго страха и держалъ себя съ достоинствомъ римскаго консулярія.

— Встань на колѣни, врагъ готовъ! Вотъ колода: приготовься умереть!

— Я много разъ смотрѣлъ въ лицо смерти на поляхъ битвъ, гдѣ я поражалъ твоихъ соотечественниковъ. Я воинъ и римлянинъ: убивай меня, если тебѣ угодно. На небѣ есть Богъ, который отомститъ за мою кровь.

Опять палачъ поднялъ свой тяжеловѣсный мечъ, и опять, задержавъ ударъ въ воздухѣ, только слегка коснулся шеи консулярія.

— Встань, иди, сказалъ Гайна, ты не мертвъ. Благодари патріарха Іоанна за твою жизнь. Снять съ него цѣпи и увесть его прочь — подъ стражу.

Наконецъ былъ введенъ князь Іоаннъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и затрепеталъ, увидѣвъ, какъ палачъ мылъ свой огромный мечъ, какъ будто смывая съ него только что пролитую кровь.

— Такъ вотъ ты именно любовникъ императрицы!—презрительно сказалъ Гайна, такъ какъ дѣйствительно презиралъ этого человѣка. Ты именно отецъ дѣтей императора! Ты человѣкъ, каторый строитъ разные ковы въ гинекеѣ съ помощью такихъ гадинъ, какъ Марса и Костриція!

Князь собралъ все свое достоинство, всѣ силы духа, какими могъ располагать.

— Убей меня, дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, если тебѣ угодно; но избавь отъ твоихъ грубыхъ насмѣшекъ и не позорь священнаго имени твоей императрицы.

— Франкская женщина, блудница, а вовсе не моя императрица! воскликнулъ Гайна. Вотъ, продолжалъ онъ, указывая на колоду,— становись на колѣна: ты долженъ умереть!

Князь Іоаннъ, бывшій однимъ изъ представителей столичной золотой молодежи, однимъ изъ красивыхъ франтовъ Константинополя, настолько изнѣженный, что роптал даже на тяжесть своихъ собственныхъ перстней и шелковыхъ одеждъ,—женскій угодникъ и кутила, конечно, не могъ смотрѣть въ глаза смерти съ такимъ же мужественнымъ сердцемъ, какъ христіанинъ и воинъ. Кровавая

мгла повидимому отуманила ему глаза, и онъ жалобно застоналъ, склоняясь надъ колодой.

— Руби, скомандовалъ Гайна.

Мечъ страшно взмахнулся въ воздухѣ и нанесъ шеѣ князя рану, правда легкую, но всетаки нѣсколько глубже царапины, сдѣланной на шеѣ другихъ.

— Вставай, сказалъ Гайна, грубо засмѣявшись; ты живъ еще, трусъ!

Пораженный ужасомъ пережитаго страшнаго момента, чувствуя, что мечъ разрѣзалъ ему кожу, Іоаннъ упалъ въ обморокъ. Гайна бросился впередъ въ нѣкоторой тревогѣ.

— Неужели страхъ сдѣлалъ работу меча? воскликнулъ онъ, хватая Іоанна за руку. Нѣтъ, пульсъ еще бьется, онъ только упалъ въ обморокъ. Вылейте кувшинъ холодной воды на него, вынесите его вонъ. Довольно на сегодня, Волкъ, сказалъ онъ палачу. Вотъ тебѣ червонецъ, иди.

Филиппъ и Евтихій были глубоко потрясены этимъ страшнымъ зрѣлищемъ.

— Идите къ патріарху и разскажите ему, что вы видѣли, сказалъ Гайна. Скажите ему, что я сдержалъ свое слово, хотя и надлежащимъ образомъ проучилъ его трехъ друзей (признаться, мнѣ дѣйствительно жаль Авреліана!). Я пощадилъ имъ жизнь, хотя многіе и въ городѣ и въ лагерѣ неотступно просили меня умертвить ихъ. Я поклялся, что они познакомятся съ колодой, и они дѣйствительно познакомились съ ней. Скажите ему еще, что ради него я отправлю ихъ въ изгнаніе, чтобы они не могли причинять мнѣ вреда; но я даже не конфискую ихъ имѣній. Я не Руфинъ и не Евтропій!

— Мы все передадимъ ему, отвѣчалъ Филиппъ.

— Вотъ вы видите, что мой отецъ сдержалъ свое слово, воскликнулъ Торисмундъ.

— Да, Торисмундъ, отвѣчалъ Филиппъ; но это была ужасно жестокая шутка.

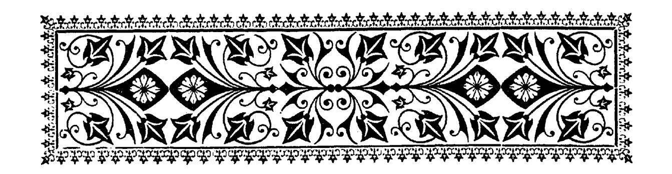
— Имѣлось въ виду больше, чѣмъ шутка, сказалъ молодой готъ; но это не повредитъ имъ: они храбрые и мужественные люди, по крайней мѣрѣ двое изъ нихъ.

Лицо Евтихія все еще оставалось блѣднымъ. Его глубоко

симпатичный характеръ и живое воображенiе всегда заставляли его страдать вмѣстѣ съ тѣми, кого онъ видѣлъ страдающими. Онъ чувствовалъ, какъ будто онъ самъ наклонялся надъ колодой, ожидая немедленной смерти, и слышалъ взмахъ меча. Валамиръ все еще держалъ его за руку и слегка пожималъ ее, какъ будто стараясь извиниться въ причиненiи ему непрiятнаго чувства. Наконецъ онъ сказалъ:

— Не думай худо о насъ, Евтихiй: мы истые готы, а не римляне или полуримляне, воспитались въ набѣгахъ, въ битвахъ и во всевозможныхъ трудностяхъ жизни. Мы гораздо меньше придаемъ значенiя картинамъ, которыя кажутся столь ужасными для васъ.

ГЛАВА XXXII.

Трое юношей спасают Константинополь.

> Въ городѣ нашелся мудрый бѣднякъ, и онъ спасъ своею мудростію этотъ городъ; однакоже никто не вспомнилъ объ этомъ бѣдномъ человѣкѣ.
>
> Еккл. IX, 15.

АЙНА послѣ этихъ событій, употребляя новѣйшее выраженіе, какъ будто потерялъ свою голову, или если взглянуть на дѣло съ его собственной точки зрѣнія и его современниковъ, какъ будто демонъ овладѣлъ имъ. Во всякомъ случаѣ его образъ дѣйствій сдѣлался безцѣльнымъ и страннымъ. Недовольство, месть, честолюбіе, злые замыслы разрушили въ немъ всякую способность благоразумной и благородной политики. Соприкосновеніе съ элементами разлагающейся цивилизаціи заглушило въ немъ дикую добродѣтель его племени и взамѣнъ не дало ему ничего лучшаго для установленія въ немъ нравственнаго равновѣсія.

Вмѣстѣ съ Трибигильдомъ онъ двинулъ свои войска за Босфоръ, такъ что Константинополь оказался со всѣхъ сторонъ окруженнымъ войскомъ въ 30,000 человѣкъ, изъ которыхъ огромное большинство были грутонги и другія племена остготовъ. Столица въ это время рѣшительно ничего не имѣла выставить противъ нихъ, кромѣ незначительной горсти дворцовыхъ войскъ, которыя обязаны были заботиться о личной безопасности императора. Во-

рота, бараки, стѣны, все это было въ рукахъ варваровъ, преданность которыхъ была сомнительна, но конечная цѣль которыхъ была подозрительна. 400-й годъ начался самымъ худымъ и мрачнымъ предзнаменованіемъ бѣдственности и страха.

Вслѣдствіе преобладанія готовъ стало необходимымъ занять постъ преторіанскаго префекта, освободившагося съ изгнаніемъ Авреліана, ни кѣмъ инымъ, какъ Тифосомъ, его злымъ и жестокимъ братомъ. И Тифосъ началъ собою еще болѣе невыносимое царство ужаса, чѣмъ какимъ было управленіе Евтропія. Онъ отягощалъ провинціи ужасными налогами, продавалъ должности губернаторовъ тѣмъ, кто больше дастъ. Гражданскія должности при немъ можно было покупать самымъ худшимъ негодяямъ, если только у нихъ было достаточно низкаго искусства или худо пріобрѣтеннаго золота, чтобы польстить или подкупить беззастѣнчивую жену новаго временщика. Почти всѣ независимые голоса принуждены были замолкнуть. Синезій, изъ чувства преданности къ своему другу, дѣлалъ съ своей стороны все, чтобы такъ или иначе поддержать Авреліана и даже прямо ходатайствовалъ о немъ передъ его братомъ. Но единственно, чего добился этимъ ходатайствомъ, было то, что и самъ попалъ подъ строгій надзоръ и ему отказано было въ позволеніи возвратиться въ свою родную Кирену. Часто въ эти мрачные дни онъ обращался за совѣтомъ къ Златоусту. Хотя они были люди совершенно различныхъ настроеній, но между ними происходило много интересныхъ разсужденій. Въ это время самъ патріархъ лично былъ безсиленъ. Императрица, убѣдившись, что она не могла сдѣлать изъ него своего орудія, уже начинала вооружаться противъ него. И дѣйствительно времена были весьма тяжелыя. «Всѣ, говорилъ Златоустъ въ одной бесѣды, произнесенной въ это время, исполнены страха, опасности, недовѣрія, трепета и отчаянія; никто не довѣряетъ другому, всякій страшится своего сосѣда; ни одинъ другъ пе кажется вѣрнымъ, нп одинъ братъ не кажется надежнымъ. Междоусобная борьба, ярящаяся среди нашего общества, проникаетъ не только во всѣ открытыя, но и во всѣ тайныя отношенія. Повсюду безчисленныя измѣны, мрачныя засады, подъ овечьей шкурой скрываются тысячи волковъ, такъ что мы чувствуемъ почти больше увѣренности среди открытыхъ враговъ, чѣмъ кажущихся друзей. Тѣ, кто вчера привѣтствовали насъ

съ глубочайшимъ уваженіемъ, цѣловали намъ руки, сегодня сбросили свои личины и стали въ положеніе не только нашихъ враговъ, но и нашихъ ожесточенныхъ обвинителей».

Такимъ образомъ, Гайна угрожалъ злополучной столицѣ извнѣ, а Тифосъ со своей женой, Евдоксія со своимъ дворомъ строили козни внутри; аріане, пользуясь помощью варваровъ и ложныхъ римлянъ, вновь стали питать гордую надежду, которую лелѣяли когда-то раньше, именно подчинить себѣ востокъ и навязать ему символъ, составленный на соборѣ риминійскомъ.

Что касается Трибигильда, то о немъ мы не слышимъ ничего больше. Онъ постепенно исчезъ во мракѣ, откуда и вышелъ лишь на короткое время. Около этого времени онъ внезапно умеръ и при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могли не возбуждать подозрѣнія.

И вотъ теперь аріане поощряли Гайну, чтобы онъ показалъ свою силу, потребовавъ отъ Аркадія уступки одной изъ церквей Константинополя въ исключительное ихъ пользованіе; въ это время единственной предоставленной имъ церковью была церковь, находившаяся внѣ стѣнъ города.

— Это несправедливо, говорилъ Гайна императору, и даже оскорбительно для моего достоинства, что я, — главнокомандующій войскъ всего востока и теперь нареченный консулъ, долженъ украдкой выходить за городъ, чтобы совершать свои молитвы гдѣ-то за его стѣнами!

Императоръ, по обычаю, безсильно колебался между «я хотѣлъ бы» и «я не могу». Ему рѣшительно не хотѣлось сказать д а, однако онъ и не имѣлъ мужества отказать такому опасному противнику и въ его присутствіи сказать н ѣ т ъ. Патріархъ, услышавъ о требованіи гота, отправился во дворецъ и просилъ Аркадія, чтобы онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не соглашался на это требованіе; во что бы то ни стало онъ долженъ рѣшительно отказать въ немъ. Злополучный государь положительно не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ онъ придумалъ исходъ, сваливая все дѣло на патріарха. «Это, говорилъ онъ Гайнѣ, вопросъ религіозный; патріархъ хочетъ поговорить съ тобою лично. Завтра онъ будетъ здѣсь во дворцѣ, и ты поговори съ нимъ въ моемъ присутствіи».

Гайна готовъ былъ на все. Странно сказать, онъ гордился

тѣмъ, что считалъ себя непреоборимымъ богословомъ. Уже раньше онъ велъ оживленный споръ съ пользовавшимся широкой извѣстностью, святымъ подвижникомъ Ниломъ, и въ этомъ спорѣ, какъ гордился готъ, хотя конечно больше въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности, будто одержалъ побѣду въ доводахъ противъ православной вѣры въ пользу аріанъ. Онъ дѣйствительно прибылъ во дворецъ, сопровождаемый нѣкоторыми изъ главныхъ духовныхъ представителей аріанства. Патріархъ прибылъ также съ нѣкоторыми изъ своихъ епископовъ. Собраніе это однако не приняло форму богословскаго диспута, потому что въ дѣйствительности Гайна предъ лицомъ святого достоинства и безбоязненности патріарха смутился и почувствовалъ непривычную ему подавленность. Предъ лицомъ великаго святителя совѣсть его затрепетала и Гайна невольно терялся предъ Іоанномъ, какъ теряется и льнетъ къ землѣ птица, когда завидитъ парящаго въ воздухѣ орла. Онъ сразу почувствовалъ, что не въ состояніи скрестить меча съ краснорѣчивымъ патріархомъ въ вопросахъ вѣры и догматическихъ опредѣленій и, переходя на иную почву, сказалъ:

— Я требую церкви, одной только церкви для себя и моихъ собратьевъ-аріанъ. Справедливо-ли, что мнѣ отказано въ церкви въ томъ самомъ городѣ, который я защищаю?

— Отказано въ церкви?!. — сказалъ Златоустъ. — Всѣ церкви въ городѣ вполнѣ открыты для тебя.

— Но въ нихъ преподается не мое ученіе.

— Неужели православная церковь должна измѣнять свое ученіе въ угоду тебѣ? Неужели она должна отмѣнить каноны, которые ея епископы и отцы, предводимые такими славными мужами, какъ святые Аѳанасій Великій и Григорій Назіанзинъ, нарочито постановили на соборахъ Никейскомъ и Константинопольскомъ? Неужели нужно отмѣнить и предать забвенію православный символъ вѣры — изъ страха передъ вооруженными силами?

— Ко мнѣ отнеслись, сказалъ Гайна, съ несправедливостью и неблагодарностью. Не я ли защитникъ востока? Не я ли помогъ императору Ѳеодосію поразить узурпатора Максима въ великой битвѣ при Сисціи и изурпатора Евгенія въ великой Фригидской битвѣ?

— Относятся съ неблагодарностью, Гайна?! переспросилъ

Златоустъ. Ты удивляешь меня; твои заслуги, несомнѣнно, хорошо и даже съ избыткомъ вознаграждены. Ты переправился черезъ Дунай бѣглымъ готомъ, ты пришелъ голоднымъ, ты пришелъ въ лохмотьяхъ, ты пришелъ просить у насъ покровительства и защиты, когда гунны гоняли тебя, какъ вѣтеръ гонитъ морскую волну. Такъ неужели и послѣ этого ты можешь говорить, что имперія не оказала тебѣ справедливости и защиты? Вспомни, что ты теперь и что ты былъ тогда? Ты стоишь здѣсь во дворцѣ въ высшей должности военачальника, въ консульскихъ регаліяхъ, въ санѣ князя и министра военныхъ силъ — magister militum — востока, говоришь лицомъ къ лицу съ императоромъ и почти дерзаешь обращаться къ нему какъ равный къ равному?!

— Я имѣю право требовать того, чего желаю, — сумрачно сказалъ Гайна.

— Какъ такъ право? Гдѣ твоя торжественная клятва о вѣрноподданствѣ Θеодосію? Гдѣ твоя вѣрность?

— Я могу требовать того, чего желаю!...

— Да, если ты измѣнишь твоей вѣрноподданности. Императоръ не можетъ удовлетворить твоей просьбы. Законы божескіе стоятъ выше человѣческихъ. — Государь, обратился онъ къ Аркадію,—ты, конечно, откажешь, не такъ-ли? Лучше потерять императорскую власть и самую жизнь, чѣмъ оказаться невѣрнымъ Господу, который искупилъ тебя, которому ты принадлежишь, которому ты служишь!

При такихъ возвышенныхъ и безстрашныхъ словахъ патріарха самъ Аркадій нѣсколько ободрился.

— Ты видишь, военачальникъ, сказалъ онъ, что твое требованіе невозможно: я ничего не смѣю сдѣлать противъ правъ и преимуществъ церкви Божіей.

Гайна сердился, но вмѣстѣ невольно чувствовалъ смущеніе.

— Тогда мнѣ безполезно оставаться здѣсь дольше, сказалъ онъ, грубо поворачиваясь, чтобы выйти вонъ. Но быть можетъ тебѣ придется сильно раскаяться за то, что произошло сегодня.

— Такъ ты угрожаешь? — строго спросилъ патріархъ.—Нѣтъ, Гайна, пусть лучше перевѣсъ возьмутъ въ тебѣ лучшія стороны твоей души, твоего сердца; не слушай злыхъ совѣтниковъ. Не

добивайся такъ безумно твоихъ самолюбивыхъ цѣлей. Путь долга есть также и путь безопасности, счастія и славы.

Гайна посмотрѣлъ на патріарха почти умоляющимъ взоромъ. Онъ настолько смирился передъ нимъ, что даже поцѣловалъ ему руку. Онъ хотѣлъ бы, но не смѣлъ попросить у него благословенія. Между тѣмъ имъ уже никогда потомъ не пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу.

Выйдя изъ дворца, военачальникъ большими шагами отправился черезъ городъ обратно въ свой домъ, и въ его сумрачной, разъяренной душѣ роились самыя безумные планы, которые проносились одинъ за другимъ. На время, однако, побѣда осталась за лучшей стороной его существа: онъ порѣшилъ отказаться отъ дикой мечты достигнуть владычества надъ вселенной и находилъ благоразумнѣе сдѣлаться первымъ военачальникомъ имперіи на востокѣ, какимъ былъ Стилихонъ на западѣ. Оба его сына дѣлали отъ себя все возможное, чтобы поддержать въ немъ это настроеніе. Но затѣмъ опять на него пала мрачная тѣнь Тифоса и душа его подчинилась сатанинскимъ навѣтамъ этого воплощеннаго демона коварства и эгоизма.

Къ несчастію, это послѣднее настроеніе и взяло наконецъ рѣшительный перевѣсъ.

Въ головѣ его созрѣло два отчаянныхъ плана, которые онъ порѣшилъ привесть въ исполненіе одинъ за другимъ. По одному плану онъ предполагалъ теперь же ограбить всѣ сокровища золотыхъ дѣлъ мастеровъ и банкировъ: массивные слитки и громадный запасъ товаровъ, выставленныхъ на базарахъ и въ конторахъ, давно возбуждали безумную алчность худшихъ изъ его варварскихъ приверженцевъ. А вотъ и другой планъ: онъ задумалъ поджечь дворецъ, обобрать въ роскошныхъ его палатахъ всѣ драгоцѣнности и золотыя украшенія, и такимъ образомъ въ томъ и другомъ случаѣ открыто порвать съ римской имперіей и ея цивилизаціей, и гдѣ-нибудь основать себѣ независимое свое собственное царство.

Оба эти плана были одинаковы противны честной душѣ молодого Торисмунда, его старшаго сына. Не смотря на свою молодость, онъ однако уже оказывалъ сильное благотворное вліяніе на своего отца, и этимъ вліяніемъ могъ бы спасти его отъ окончательной гибели, если бы оно не встрѣчало противодѣйствія со

стороны матери, вполнѣ находившейся въ союзѣ съ Тифосомъ и его женой. Торисмундъ нисколько не поколебался бы принять всѣ мѣры къ тому, чтобы разрушить планы, которые онъ считалъ злыми, безчестными и гибельными, потому что его взгляды раздѣлялись также всѣми лучшими, благоразумнѣйшими и менѣе варварскими изъ готскихъ военачальниковъ, а также тѣми готами, которые, не смотря на свою принадлежность къ аріанству, были искренно преданы проповѣдникамъ Евангелія и нравственности. Всѣ такіе благоразумные готскіе вожди составили тайный совѣтъ, на которомъ Торисмундъ былъ уполномоченъ употребить всѣ законныя средства къ тому, чтобы воспрепятствовать исполненію плана хищнической измѣны, которая могла только немедленно подвергнуть ихъ въ бездну страшной бѣдственности. Они видѣли, что Гайна неправильно взвѣшивалъ свои силы, свое вліяніе. Такъ какъ римскія войска по приказу Аркадія постепенно стягивались въ городъ, то гораздо благоразумнѣе и достойнѣе было бы поставить готское войско въ то положеніе, въ какомъ оно находилось до возмущенія Трибигильда.

Поэтому благороднѣйшіе вожди готовъ поручили Торисмунду спасти своего отца Гайну и все готское войско отъ окончательной гибели какими бы то ни было средствами, находящимися въ его распоряженіи. Въ глубочайшей тайнѣ онъ побывалъ у своего друга Филиппа и разсказалъ ему о затѣвающихся злобныхъ замыслахъ и просилъ совѣта, какъ бы ему лучше устранить ихъ, не доводя дѣло до открытой катастрофы.

— Не думай, Филиппъ, что, обращаясь къ тебѣ за совѣтомъ, я дѣйствую въ качествѣ измѣнника моему отцу и моему собственному народу. Мой отецъ дѣйствуетъ не самъ по себѣ. Я часто слышалъ, какъ онъ стоналъ въ своей комнатѣ и роанталъ, что его душа находится во власти злого демона. Мнѣ думается, что этотъ негодный Тифосъ околдовалъ его. Нѣкоторые изъ важнѣйшихъ союзныхъ вождей и его собственные подчиненные сановники уполномочили меня принять мѣры къ спасенію его, если только можно, отъ этого злого внушенія. Открыть существованіе этихъ плановъ двору или народу—значило бы предать столицу огню и мечу. Ты не долженъ говорить объ этомъ даже патріарху Іоанну. Опасность должна быть отвращена какимъ-нибудь тайнымъ способомъ.

— Дай мнѣ подумать, сказалъ Филиппъ, и затѣмъ когда въ его быстрой и сообразительной головѣ навернулся планъ дѣйствій, онъ спросилъ:

— Скажи мнѣ только двѣ вещи, и я съ Божіей помощью спасу твоего отца отъ этого безумства, спасу готовъ, столицу и всю имперію. Прежде всего, могу ли я сказать обо всемъ этомъ двумъ моимъ друзьямъ — Давиду и Евтихію, которыхъ ты знаешь и любишь? Затѣмъ, назначены ли дни для этихъ нападеній?

— Твоимъ друзьямъ я вѣрю, какъ тебѣ, сказалъ Торисмундъ. Вы люди честные, боитесь Бога и Онъ пребываетъ съ вами. Для обоихъ плановъ назначенъ одинъ день, именно черезъ три дня отселѣ. Банки и базары предположено ограбить утромъ, а дворецъ подвергнется нападенію и будетъ подожженъ вечеромъ того-же дня. Будь благоразуменъ, храни эту тайну.

— Буду благоразуменъ, какъ Соломонъ, сказалъ Филиппъ съ улыбкой, увѣряя его; тайна будетъ крѣпка, какъ смерть.

Молодой готъ удалился, а Филиппъ позвалъ къ себѣ Давида и Евтихія на совѣщаніе. Прежде всего, сказалъ онъ, нужно держать извѣстіе объ этой опасности въ глубочайшей тайнѣ отъ окружающаго міра; а затѣмъ подумаемъ, какъ намъ спасти огромныя сокровища банковъ отъ расхищенія.

Первымъ подалъ совѣтъ Давидъ. Въ городѣ, сказалъ онъ, имѣется 14 участковъ, а богатыя лавки и банки находятся только въ шести изъ нихъ. Распредѣлимъ эти участки по два на каждаго изъ насъ. Затѣмъ, испросивъ себѣ у него отпускъ на день (потому что, кажется, нѣтъ и не предвидится какой-нибудь срочной корреспонденціи), каждый изъ насъ, переодѣтый (это совершенно необходимо) обойдетъ банки своихъ участковъ, попроситъ тайнаго свиданія съ главнымъ представителемъ ихъ, передастъ ему незапечатанное письмо съ предостереженіемъ и удалится.

— Переодѣтые? спросилъ Евтихій; но какъ же мы можемъ это сдѣлать?

— Очень легко, сказалъ Давидъ; мой отецъ съ помощью Маріами и ея служанокъ легко снабдитъ насъ всѣмъ необходимымъ для этого и мы можемъ незамѣтно выйти на дѣло раннимъ утромъ или вечеромъ, а быть можетъ еще лучше въ часы полуденнаго покоя.

— Хорошо, сказалъ Филиппъ, я составлю письмо, и мы всѣ сдѣлаемъ копіи съ него.

Онъ написалъ слѣдующее: «Берегись! Береги твою контору и удали твои сокровища въ какое-нибудь безопасное мѣсто. За городомъ разбойники; держи это въ глубочайшемъ секретѣ, или все пропало. Другъ».

Свой планъ они выполнили въ этотъ же самый вечеръ и на слѣдующее утро. Планъ повидимому удался. Всѣ банкиры и купцы воспользовались этимъ предостереженіемъ и приняли необходимыя мѣры. Народъ крайне удивлялся, что̀ это случилось со столицей, которая какъ-то присмирѣла, затихла и ушла въ себя. Замѣтили это также и готы, и, видѣли, что ихъ, очень слабо хранимая, тайна распространилась по городу и имъ не удалось застигнуть его врасплохъ. Но о предполагавшемся нападеніи на дворецъ было сообщено очень немногимъ и большинство нисколько не подозрѣвало о немъ.

Филиппъ со своими друзьями не зналъ, какъ бы можно было отвратить эту страшную опасность. Но вотъ Евтихій высказалъ навернувшуюся ему мысль: готы, сказалъ онъ, люди суевѣрные, они легко охватываются страхомъ сверхъестественнаго, и тѣмъ болѣе, что люди всегда бываютъ трусливы, когда заняты беззаконнымъ дѣломъ. Во дворцѣ нѣтъ войска, которое могло бы защитить его, если бы готы вздумали сдѣлать на него нападеніе. Нельзя ли какъ-нибудь страхомъ отвратить ихъ отъ этого?

— Превосходно, мой Евтихій, воскликнулъ Филиппъ; — ты истинный Даніилъ. Именно теперь готы находятся въ такомъ состояніи тревоги, что достаточно шелеста листьевъ, чтобы обратить ихъ въ бѣгство. Вонъ та мечеобразная комета, которая повидимому стремится на востокъ отъ созвѣздія Цефея, и на насъ всѣхъ навела страхъ; а готамъ она̀ кажется ужаснымъ предзнаменованіемъ. Я слышалъ, какъ они разговаривали и о разныхъ другихъ зловѣщихъ признакахъ, особенно о видѣніи вооруженнаго колосса, именно архангела Михаила, который, явившись надъ городомъ, указывалъ имъ своимъ огненнымъ мечемъ на сѣверъ. Какъ разъ именно теперь имъ думается, что силы небесныя порѣшили дѣйствовать противъ нихъ.

— Намъ нужно пробраться во дворецъ; но можно ли поло-

житься на толпу порочныхъ чиновниковъ и распущенныхъ рабовъ дворца?

— Я близко знакомъ съ двумя вполнѣ надежными лицами во дворцѣ, сказалъ Филиппъ. Одинъ изъ нихъ — Амантій истинный христіанинъ; съ нимъ я сблизился и вполнѣ подружился еще со времени своего путешествія вмѣстѣ съ нимъ изъ Антіохіи, когда они хитростью увезли патріарха. Бризонъ также много обязанъ мнѣ, потому что когда аріане, во время извѣстнаго столкновенія, камнемъ проломили ему голову, толпа могла бы затоптать его ногами; но я именно избавилъ его отъ опасности и свелъ его домой. Оба они приближенные слуги императора.

— Вотъ такъ столица, сказалъ Евтихій; даже слугамъ самого Аркадія ничего нельзя сказать объ угрожающей ей опасности! Но теперь замѣтьте вотъ что: единственныя мѣста, на которыя готы могутъ произвести нападеніе, — это или стѣна дворца противъ ипподрома и царскихъ воротъ, или калитка въ самой стѣнѣ позади императорскихъ садовъ къ Босфору. Стоитъ поставить нѣсколько духовъ или ангеловъ въ обоихъ этихъ мѣстахъ, и дворецъ будетъ опасенъ!...

— Да, легко сказать — духовъ или ангеловъ, сказалъ Филиппъ, почесывая затылокъ. Развѣ слышалъ ты, чтобы когда-нибудь въ человѣческихъ дѣлахъ принимали участіе такіе заговорщики, Давидъ? Какъ бы эти духи или ангелы прежде всего не обрушились на насъ самихъ!...

— Нѣтъ, это прекрасно, несомнѣнно хорошо, неправда ли? сказалъ Давидъ. Готы настолько суевѣрны, что достаточно и подобія ангеловъ, чтобы они предались бѣгству.

— Подобія? — какого это еще подобія?

— Очень простого подобія. Однимъ словомъ, твоя мысль превосходна: и если дворецъ будетъ спасенъ, то этимъ онъ обязанъ будетъ никому иному, какъ тебѣ, Евтихій!

— Ну, хорошо, согласился и Филиппъ. Такъ значитъ къ дѣлу. А теперь нужно идти на тайное свиданіе съ Амантіемъ и Бризономъ.

При своемъ тактѣ, быстротѣ и сообразительности молодой антіохіецъ оказался прекраснымъ устроителемъ политическихъ дѣлъ. Зная, что Амантій былъ человѣкъ умудренный опытомъ и вполнѣ

надежный, а времени нельзя было терять, онъ прежде всего взялъ съ придворнаго сановника клятву въ храненіи тайны, затѣмъ разсказалъ ему объ угрожающемъ нападеніи, хотя и скрывая пока имя Гайны, неопредѣленно заявивъ о возможности нападенія со стороны недисциплинированныхъ варваровъ. Онъ указалъ на то, что если разъ произойдетъ мятежъ или смятеніе, то послѣдствіемъ его могутъ быть невообразимыя бѣдствія; что если готы возстанутъ массой, то ничто не можетъ воспрепятствовать ограбленію и сожженію дворца.

Амантій буквально затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и сказалъ: «конечно, это мой прямой долгъ — сказать обо всемъ этомъ императору».

— Нѣтъ, возразилъ Филиппъ; ты далъ мнѣ клятву не дѣлать этого. Если ты сдѣлаешь это, то ускоришь то бѣдствіе, которое теперь еще можно отвратить.

— Кто сказалъ тебѣ объ этомъ? спросилъ Амантій. Что ты думаешь самъ?

— Превосходительнѣйшій господинъ не долженъ спрашиватъ, кто сказалъ мнѣ, отвѣтилъ Филиппъ; но ты знаешь меня; и конечно, ты можешь и долженъ вѣрить мнѣ вполнѣ.

— Я вѣрю, горячо сказалъ Амантій; но что же можно сдѣлать?

— Не смѣйся, господинъ, сказалъ Филиппъ; мы придумали одно средство. Готы — люди до крайности суевѣрные, и я убѣжденъ, что достаточно небольшой уловки, и они со страхомъ удалятся отъ дворца.

— Не понимаю. Если потребуется какой-нибудь маскарадный пріемъ, то къ сожалѣнію я не искусенъ въ подобныхъ дѣлахъ, сказалъ Амантій.

— Не попроситъ ли сюда твое превосходительство милостынника Бризона, чтобы намъ вмѣстѣ посовѣтоваться съ нимъ?

— Прекрасно, съ радостью сказалъ Амантій. Онъ гораздо моложе меня и поможетъ намъ въ этомъ необычномъ способѣ отвращенія опасности гораздо лучше, чѣмъ я самъ.

Бризонъ пришелъ. Онъ отличался большой смѣтливостью и юморомъ, и между ними рѣшено было, что Амантій долженъ всѣ подробности дѣла предоставить ему и Филиппу, давъ имъ только

возможность свободно пройти по тому проходу, который велъ по дворцовой стѣнѣ. Бризонъ при этомъ замѣтилъ Филиппу, что они могли бы воспользоваться искусствомъ нѣкоторыхъ изъ теаральныхъ акробатовъ: конечно, нѣтъ надобности посвящать ихъ въ тайну, а достаточно сказать имъ, что нѣкоторыя изъ дворцовыхъ слугъ устраиваютъ ночной пантомимный маскарадъ, въ которомъ они должны слѣдовать указаніямъ Филиппа. Для нѣкоторыхъ знакомыхъ Бризону актеровъ былъ дѣйствительно испрошенъ отпускъ и какъ бы для устроенія домашняго спектакля захвачены были въ театрѣ зеркала, свѣтильники, бѣлыя одежды, ходули и вообще принадлежности сцены. Къ полночи все это было готово.

Между тѣмъ по знаку Гайны началъ приводиться въ исполненіе затѣянный имъ планъ нападенія на дворецъ.

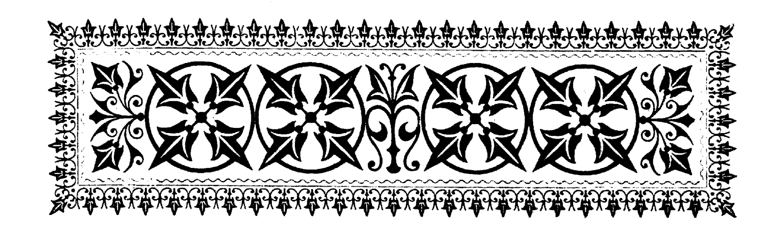
Конечно, готы подходили къ дворцу не массой. Они потихоньку подкрадывались небольшими группами, подступая безъ малѣйшаго шума съ разныхъ сторонъ. Но когда первые изъ нихъ, по приближеніи ко дворцу, взглянули на верхъ, то обомлѣли отъ страха, увидѣвъ предъ собою странное явленіе. На стѣнѣ дворца сверкали какіе то таинственные огни, и исполинскія фигуры, одѣтыя въ бѣломъ, то мерцали, то исчезали во тьмѣ. Имѣя какой-то странный видъ, эти ангелы, или демоны (готы конечно не могли разобрать) двигались туда и сюда. Ужасъ охватилъ варваровъ, и они опрометью бросились назадъ къ тѣмъ отрядамъ, которые они оставили подъ оружіемъ въ лагерѣ. Своимъ страхомъ они заразили и остальныхъ. Выслушавъ разсказъ о страшномъ видѣніи, испуганные воины рѣшительно отказались идти на дворецъ, защищаемый такими страшными существами. На улицахъ и на форумѣ водворилось обычное безмолвіе.

Безумные планы Тифоса и Гайны были такимъ образомъ разстроены и трое юношей, служившіе писцами у патріарха, никому хорошенько неизвѣстные, спасли императора отъ умерщвленія, дворецъ отъ сожженія, столицу отъ грабежа и побоища, и всю имперію отъ бѣдственныхъ войнъ.

Но хотя это обстоятельство осталось неизвѣстнымъ, однако мало-по-малу въ народѣ распространилась молва, что столицѣ угрожала страшная опасность, отъ которой она избавлена была только благодаря простой случайности. Такъ какъ эта опасность

угрожала со стороны готовъ, то становилось болѣе и болѣе необходимымъ избавить востокъ отъ той черной тучи, которая то и дѣло сверкала своими грозными, едва перемежающимися молніями по всему горизонту. И долго накоплявшаяся туча племенной вражды наконецъ разрѣшилась ужаснымъ побоищемъ.

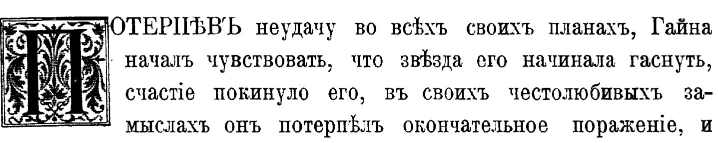

ГЛАВА XXXIII.

Побоище.

Ваши руки полны крови.
Ис. I, 15.

ПОТЕРПѢВЪ неудачу во всѣхъ своихъ планахъ, Гайна началъ чувствовать, что звѣзда его начинала гаснуть, счастіе покинуло его, въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ онъ потерпѣлъ окончательное пораженіе, и Немезида ожидала лишь благопріятнаго случая, чтобы нанести ему окончательный ударъ. Все болѣе и болѣе мучимый нерѣшительностью и разочарованіемъ, видя въ этихъ неудачахъ гнѣвъ обладавшаго имъ демона, онъ сказался больнымъ и заявилъ, что ему нужно удалиться на отдыхъ въ церковь Іоанна Крестителя въ Евдомонѣ. Церковь эта находилась верстахъ въ 12-ти отъ столицы и стояла близь того мѣста, гдѣ былъ умерщвленъ Руфинъ. Гайна сказалъ: «я помолюсь о поправленіи моего здоровья». Между тѣмъ онъ далъ тайный приказъ всему войску, чтобы оно собралось тамъ къ нему, — не всей массой, а отрядами по 10,000 человѣкъ въ разное время. Готамъ наказано было привезти съ собой изъ Константинополя своихъ женъ и дѣтей, захватить всѣ свои имѣнія. Гайна чувствовалъ, что въ Константинополѣ, насколько дѣло касалось его, все погибло. Онъ порѣшилъ возвратиться къ прежней дикой и бродячей жизни своихъ предковъ. Азія давно была опустошена хищничествомъ; поэтому онъ хотѣлъ ограбить города Ѳракіи

и Европы и, направившись къ Дунаю, предполагалъ вновь занять обширныя страны и степи и найти новое отечество для своего народа вдали отъ проклятой, оскверненной, умирающей цивилизаціей страны. Но вотъ бѣдствія за бѣдствіями обрушивались на него и никогда опять онъ уже не имѣлъ счастливыхъ дней.

Двѣ трети его войска уже собрались около него въ Евдомонѣ, какъ совершилось одно изъ тѣхъ событій, которыя люди называютъ обыкновенно случаемъ, но которыя въ дѣйствительности служатъ путями промышленія Божія въ исторіи человѣчества. Совершилось событіе, которое двинуло лавину взаимной племенной вражды, и это окончательно уничтожило гордаго гота. Оставалось только уже послѣднему отряду готскихъ воиновъ отрясти прахъ Константинополя отъ ногъ своихъ и соединиться съ своимъ военачальникомъ. Всѣ жаждали свѣжихъ полей и новыхъ пастбищъ. Городъ находился въ мучительномъ безпокойствѣ и въ крайней тревогѣ.

Всѣ невольно и съ опасеніемъ спрашивали другъ друга: Что именно замышляютъ готы? Куда они уходятъ? Неужели наступалъ конецъ міра? Когда же можно надѣяться на избавленіе отъ тиранніи внутри и опасенія извнѣ?

Это было 12-го іюля 399 года. У городскихъ воротъ пригорода Влахерна обыкновенно сидѣла нищая старуха. Было утро, и она замѣтила, что уже съ ранней зари готы цѣлыми сотнями украдкой пробирались за городъ. Она замѣтила также, что всѣ они были вооружены, хотя повидимому и старались скрыть свое оружіе. Тревожное предчувствіе охватило ее. Что они намѣревались дѣлать? Не задумали ли они по закатѣ солнца сдѣлать нападеніе на городъ и сжечь его? Бросивъ свою нищенскую чашку, она завопила, стала ломать себѣ руки и громко взывала къ богамъ. Готы по незнанію языка не понимали, что она причитала и чѣмъ безпокоилась. Имъ думалось, что она просто проклинала и ругала ихъ. Одинъ изъ варваровъ даже замахнулся на нее мечемъ, чтобы отсѣчь ей голову. Раздраженный такою жестокостью къ жалкой, ни въ чемъ неповинной, всѣмъ примелькавшейся нищей старухѣ, одинъ гражданинъ нанесъ готу ударъ, отъ котораго тотъ повалился на землю. Тогда готы подняли дикіе, яростные крики. Поднялся крикливый споръ, на который не замедлили отовсюду собраться

любопытные. Какъ воины, такъ и народная толпа заняли угрожающее положеніе. Такъ какъ народная масса втрое превосходила воиновъ своей численностью, то готы струсили и стали отступать. Народъ, подбодренный этимъ, началъ наступать на нихъ, произошла схватка и кровь начала обильно литься съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ улицы стали все болѣе переполняться народомъ. Встревоженные яростнымъ шумомъ и гвалтомъ, раздававшимися по городу, всѣ повыбѣжали изъ своихъ домовъ, и тутъ обнаружилось, съ какою ненавистью народъ относился къ чужеземнымъ пришельцамъ, такъ долго отягощавшимъ его своей ненавистной и оскорбительной тиранніей. Такъ какъ были ранніе часы утренняго разсвѣта и въ городѣ не начинались еще обычныя въ домѣ занятія и удовольствія, то граждане, напуганные крикомъ, массами устремились къ мѣсту происшествія. Нужно замѣтить при этомъ, что въ Константинополѣ населеніе отличалось извѣстнымъ запасомъ физическаго мужества и большей отвагой, чѣмъ въ другихъ городахъ востока. Понявъ, въ чемъ дѣло, многіе изъ наиболѣе безстрашныхъ горожанъ, захвативъ всякое подходящее оружіе, и между прочимъ мечи и копья, выпавшіе изъ рукъ убитыхъ и раненыхъ готовъ, пускали ихъ въ дѣло со страшной силой. Готы все болѣе оцѣплялись разъяренной массой своихъ безпощадныхъ враговъ. Видя крайнюю опасность своего положенія, нѣкоторые изъ нихъ проложили себѣ дорогу къ ближайшимъ городскимъ воротамъ и силой прорвались за городъ. Во главѣ ихъ былъ Торисмундъ, которому предоставлено было сопровождать этотъ послѣдній отрядъ, потому что жена Гайны настолько неохотно разставалась съ прелестями спокойной цивилизованной жизни, чтобы навсегда посвятить себя бродячей полевой жизни съ ея постоянными тревогами и битвами, что порѣшила послѣднею оставить свой домъ вмѣстѣ съ Валамиромъ,— младшимъ сыномъ. Она вышла подъ охраной особаго конвоя изъ знатныхъ готовъ, но они были слишкомъ малочисленны, чтобы выдержать страшное и неожиданное нападеніе. Торисмундъ вмѣстѣ съ своими воинами благополучно пробилъ себѣ дорогу за городъ, самонадѣянно полагаясь на свою готскую храбрость, и нисколько не сомнѣвался, что за нимъ послѣдуетъ и остальное войско. Въ этомъ убѣжденіи онъ двинулся дальше и расположился лагеремъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ

стѣны. Но онъ ошибся: народъ совершенно одолѣлъ своихъ крайне растерявшихся и уступавшихъ ему числомъ противниковъ. Въ этой уличной войнѣ, подозрѣвая со всѣхъ сторонъ измѣну, готы дрались съ гораздо меньшей храбростью, чѣмъ обыкновенно. Они дѣлали страшныя усилія овладѣть воротами, чтобы послѣдовать за товарищами или, въ худшемъ случаѣ, дать извѣстіе о своемъ опасномъ положеніи и получить отъ нихъ подкрѣпленіе, но было уже поздно: граждане захватили всѣ выходы. Когда Тифосъ послалъ приказъ, чтобы ворота были сданы его стражѣ, то такъ велико было общее недовѣріе къ нему, что народъ рѣшительно отказался повиноваться. Увѣренные въ своей побѣдѣ, граждане даже начали распѣвать побѣдные гимны. Между тѣмъ готы, находившіеся за стѣной, подумали, что эти гимны означали торжество ихъ соотечественниковъ. Одному изъ готовъ какъ-то удалось съ помощью меча выбраться изъ города, черезъ одни, меньше другихъ охраняемыя ворота, и онъ сообщилъ о дѣйствительномъ состояніи дѣла. Тогда Торисмундъ во главѣ наиболѣе храбрыхъ воиновъ, какихъ только могъ собрать, двинулся обратно въ городъ. Но это было тщетно: всѣ ворота были заперты, на стѣнахъ повсюду сверкали враждебные луки и копья. Молодымъ воинамъ оставалось безплодно истощаться въ безсильной ярости. Между тѣмъ попавшіе въ роковую осаду злополучные варвары все болѣе и болѣе были тѣснимы на улицахъ разъяреннымъ народомъ и наконецъ были совершенно прижаты въ одномъ узкомъ пространствѣ, гдѣ, почти лишенные всякой возможности самозащиты они были безпощадно избиваемы гражданами, которые теперь въ большинствѣ были вооружены.

Страшное побоище продолжалось, не смотря на палящій зной этого ужаснаго утра. Десятки готовъ были избиваемы камнями изъ оконъ или пронзаемы стрѣлами и поражаемы мечами — въ отомщеніе за каждаго изъ тѣхъ, кого убили они. Все распаляло страсти въ этомъ страшномъ международномъ побоищѣ — и религіозная ненависть, и политическая ненависть, и племенная ненависть. Тутъ въ смертельной враждѣ столкнулись два міра и одинъ изъ нихъ долженъ былъ погибнуть. Надъ ненавистными варварами, такъ долго раздражавшими народъ столицы своей заносчивой ти-

ранніей, былъ произнесенъ смертный приговоръ, и теперь безпощадно приводился въ исполненіе.

Ужасныя сцены все еще продолжались и всякая попытка вмѣшательства была бы напрасна, потому что народъ обезумѣлъ отъ ярости и теперь въ волю удовлетворялъ долго таившіяся чувства ненависти и мщенія. Господство и самовластіе Гайны, само по себѣ достаточно нанавистное гражданамъ, отождествлялось въ ихъ умахъ съ еще болѣе отвратительнымъ Тифосомъ. Теперь повидимому представлялся случай отдѣлаться отъ обоихъ, и они схватились за него съ неудержимой страстностью. Патріархъ не могъ быть свидѣтелемъ этого смятенія, потому что на всѣхъ проходахъ на форумѣ поставлены были Silentiarii, чтобы преграждать доступъ ко дворцу. Но многіе изъ гражданъ и пресвитеровъ то и дѣло и приносили ему вѣсти о происходившемъ на улицахъ побоищѣ. Такъ какъ, по крайней мѣрѣ, до 7000 готовъ все еще находились въ городѣ, то граждане съ чувствомъ неукротимаго мщенія продолжали избивать и избивать ихъ. Волнуемый криками, доносившимися до его слуха, а также невозможностью предупредить дальнѣйшіе кровопролитіе, патріархъ порѣшилъ добиться свиданія съ Аркадіемъ и просилъ его, нельзя ли принять какія-либо энергическія мѣры, которыя могли бы остановить ярость меча. Но императоръ такъ сказать оцѣпенѣлъ отъ ужаса и не хотѣлъ ни во что вмѣшиваться. Онъ смотрѣлъ на это жестокое событіе, какъ на божественную помощь, явившуюся къ нему совершенно неожиданнымъ образомъ для того, чтобы избавить его отъ тиранніи какъ готовъ, такъ и аріанъ. Заботясь лишь объ охранѣ своего дворца, онъ отказался принять какія бы то ни было мѣры или вообще сдѣлать что-нибудь для пріостановленія кровопролитія.

Между тѣмъ при охватившемъ всѣхъ гражданъ смятеніи не могъ конечно усидѣть дома и неудержимо любознательный, страстный ко всѣмъ проишествіямъ молодой антіохіецъ Филиппъ. Заслышавъ смятеніе и крики, онъ вмѣстѣ со своими товарищами также бросился къ мѣсту побоища. Конечно они не могли принять участія въ самой битвѣ, потому что и готы и византійцы находились подъ духовнымъ попеченіемъ ихъ патріарха. Но они сразу поняли, что при такихъ событіяхъ несомнѣнно будетъ большая

нужда въ дѣлахъ милосердія, и они порѣшили употребить на нихъ всѣ свои силы. Всѣ трое они были параволаны, т. е. состояли членами общества, основаннаго съ цѣлью погребенія умершихъ. Связанныя съ такою должностью обязанности часто были трудны, вслѣдствіе чего ими часто совсѣмъ пренебрегали. Но погребеніе умершихъ было лишь одною изъ многихъ ихъ обязанностей: они всегда были готовы для всякихъ дѣлъ милосердія, гдѣ бы они ни представлялись.

Къ полудню улицы города были усѣяны трупами нѣсколькихъ сотъ готовъ. Между ними лежало и много гражданъ, которые погибли въ этой смертельной схваткѣ. Но семитысячный отрядъ готовъ все еще держался: стѣсненные со всѣхъ сторонъ миріадами угрожавшихъ гражданъ, яростно сверкавшихъ оружіемъ, готы съ отчаяннымъ мужествомъ отбивали натиски толпы. Наконецъ они порѣшили сдѣлать еще одно отчаянное усиліе для спасенія своей жизни. Они порѣшили мечами проложить себѣ дорогу къ церкви, которая отведена была для богослуженія православныхъ готовъ. Это была церковь, въ которой патріархъ принималъ глубокое участіе. Ему думалось, что она могла бы сдѣлаться центромъ миссіонерской дѣятельности для обращенія этого славнаго варварскаго народа въ православную вѣру, и онъ даже старался добыть такихъ пресвитеровъ и миссіонеровъ, которые, будучи знакомы съ готскимъ языкомъ, могли бы излагать передъ готами-аріанами на ихъ родномъ языкѣ всю полноту православной вѣры, какъ она изложена была на Никейскомъ вселенскомъ соборѣ. Въ эту-то церковь готы порѣшили проложить себѣ проходъ, надѣясь, что принадлежащія ей священныя права убѣжища, сохранившія жизнь Евтропію, могутъ оказать защиту и имъ отъ угрожавшей имъ страшной опасности. Хватаясь за эту послѣднюю надежду, они конечно не думали, что къ нимъ, такъ долго бывшимъ слугами имперіи и ратовавшимъ за нее во многихъ битвахъ, несмотря на всѣ смуты и опасности, которымъ она была недавно подвергнута ихъ военачальникомъ, народъ отнесется съ слишкомъ неукротимой яростью, и удовлетворится только ихъ полнымъ истребленіемъ. И вотъ съ грозными лицами они поворотили къ пристани и, пролагая себѣ дорогу черезъ живую стѣну ожесточенныхъ враговъ, стали пробиваться по направленію къ готской церкви. Она нахо-

дилась внѣ великаго форума, хотя и неподалеку отъ него. Эта отчаянная попытка имъ удалась, хотя и стоила значительнаго числа убитыхъ, такъ какъ толпа налегала на нихъ со всѣхъ сторонъ и избивала всѣхъ, кто болѣе или менѣе отставали отъ отряда.

Давидъ до изнеможенія трудился на поприщѣ своего дѣла милосердія, ухаживая за ранеными гражданами, которымъ онъ помогалъ добраться до дому или отводилъ ихъ въ одинъ изъ госпиталей патріархіи. Евтихій, какъ болѣе юный и боязливый, старался по возможности ближе держаться Филиппа. Ихъ пораволанская одежда сразу показывала всѣмъ, чѣмъ они были заняты, и вскорѣ ихъ благотворительности представилось необычайное поприще, потому что предъ ихъ глазами открылось зрѣлище, которое не могло бы не тронуть даже каменнаго сердца.

Въ самой срединѣ массы готовъ, подъ прикрытіемъ ихъ щитовъ, однако не вполнѣ обезпеченная отъ камней и стрѣлъ, бросаемыхъ съ кровлей и изъ оконъ въ злополучныхъ воиновъ, шла высокая статная женщина съ своимъ сыномъ, 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ, представлявшимъ совершеннѣйшій типъ мужественной готской красоты. Она была богато одѣта; запонки, которыми застегивались ея роскошно шитыя одежды, сверкали большими смарагдами. Но теперь она находилась въ плачевномъ состояніи отъ крайней усталости и изможденія. Ея длинные свѣтлые волосы безпорядочно спускались по плечамъ; унизанная дорогими украшеніями шелковая лента, которою подвязаны были волосы, была сорвана, и оба они были обагрены кровью отъ раны, причиненной камнемъ, попавшимъ ей прямо въ лицо. Съ глубоко возмущеннымъ чувствомъ она слѣдила за ужасной катастрофой, которая обрушилась на ея соотчественниковъ, и ей уже давно представлялось, что при этомъ ужасномъ кровопролитіи, которое то и дѣло возрастало съ новой силой и въ которомъ она отчасти считала виновной себя, ея жизнь могла быть спасена развѣ только какимъ нибудь чудомъ.

Это была Люба, жена Гайны, а мальчикъ рядомъ съ ней — Валамиръ, который съ такой романтической любовью привязался къ Евтихію во время пребыванія послѣдняго въ ставкѣ своего отца. Никогда еще Валамиръ не казался столь красивымъ, столь благороднымъ. Онъ былъ одѣтъ въ свойственное его народу воин-

ское платье и въ его глазахъ сверкалъ воинственный огонь, а солнечный свѣтъ, игравшій въ его короткихъ свѣтлыхъ волосахъ, гдѣ они оставались незакрытыми шлемомъ, образовывалъ какъ бы своего рода ореолъ вокругъ его красиваго лица. Будучи еще мальчикомъ, онъ однако сражался, какъ герой. Въ рукѣ у него былъ обнаженный мечъ, а за спиной висѣли лукъ и колчанъ.

То и дѣло, когда это было нужно, онъ, вложивъ мечъ въ ножны, выхватывалъ стрѣлу изъ колчана и металъ ее въ кого-нибудь изъ особенно дерзко наступавшихъ враговъ; но главнымъ образомъ онъ занятъ былъ стараніемъ защитить свою мать, къ которой онъ постоянно обращалъ свои тревожные взгляды. Самъ онъ также былъ уже раненъ. Остріемъ меча у него проколота была нога, и онъ двигался съ болѣзненнымъ усиліемъ и и часто спотыкался; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ блѣденъ отъ потери крови, струившейся изъ глубокой раны въ плечо, которая обагрила его бѣлую тунику и волчью шкуру, прикрывавшую ему грудь.

Евтихій первый замѣтилъ его среди стѣсненныхъ рядовъ готскихъ воиновъ. Схвативъ Филиппа за руку, онъ взволнованнымъ голосомъ закричалъ:

— Филиппъ, подойдемъ какъ можно ближе и попытаемся спасти его.

— Непремѣнно, мой товарищъ, отвѣчалъ Филиппъ; но увы, я боюсь, что дѣло это невозможное.

Между тѣмъ готы добрались до открытаго пространства предъ входомъ въ церковь, и естественнымъ порывомъ ринулись впередъ, чтобы овладѣть входомъ въ нее.

Народная толпа еще крѣпче стала налегать на ихъ ряды, чтобы воспрепятствовать имъ достигнуть этого убѣжища. Валамиръ и его мать были оттиснуты въ сторону этимъ порывомъ спасавшихся воиновъ и одинъ ожесточенный гражданинъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, ударилъ дубиной жену Гайны по головѣ. Она безъ всякаго стона повалилась на земь и была бы немедленно задавлена до смерти, если бы Филиппъ не бросился впередъ и вмѣстѣ съ Евтихіемъ (одежда человѣколюбиваго братства давала имъ извѣстную безопасность) отнесли ее въ сторону, къ углу галереи. Валамиръ ударомъ своего меча сразилъ негоднаго человѣка, по-

развившаго его мать, и затѣмъ, слишкомъ ослабѣвъ отъ своихъ ранъ, чтобы принимать дальнѣйшее участіе въ боѣ, со слабымъ стономъ упалъ на трупъ своей матери.

Тысячи готовъ между тѣмъ бросились въ церковь, пока она не наполнилась вся, а тѣ, кому не удалось попасть въ нее, были избиты разсвирѣпѣвшимъ народомъ почти безъ всякаго сопротивленія. Одинъ изъ гражданъ направилъ ударъ на Валамира, который, лежа на землѣ съ распростертыми руками, теперь не сознавалъ ничего, кромѣ ужасной мысли, что его мать была убита и его народъ погибалъ. Сила этого удара, однако, была отражена, потому что подоспѣвшій Филиппъ нанесъ этому человѣку кулакомъ сильный ударъ по виску. Но Валамиръ потерялъ сознаніе, а Филиппъ и Евтихій, видя, что его матери уже поздно было помогать, все свое вниманіе обратили на него и осторожно отняли его руки отъ ея трупа.

Филиппу часто приходилось вмѣстѣ съ патріархомъ бывать въ этой церкви, и онъ былъ знакомъ съ окружавшими ее окрестностями. Позади церкви находилось скромное жилище пресвитора, достопочтеннаго гота, и дорожка къ нему шла черезъ большой тѣнистый садъ, въ который вела деревянная калитка, едва замѣтная среди массы плюща, закрывавшаго ее своей роскошной зеленью.

Въ эту калитку они съ Евтихіемъ внесли злополучнаго раненаго мальчика. Смиренный пресвитеръ, радуясь случаю помочь одному изъ своихъ соотечественниковъ, положилъ юнаго гота на свою постель и поручилъ уходъ за нимъ своей сестрѣ, завѣдывавшей хозяйствомъ въ его домѣ.

Тамъ на время мы и оставимъ его, и разскажемъ о той дикопостыдной трагедіи, которая послѣдовала затѣмъ. Преслѣдуемый народомъ остатокъ готовъ не могъ найти себѣ безопаснаго убѣжища даже въ церкви. Вотъ они уже были внутри церкви и оттуда заперли дверь; они порѣшили, еслибы церковь подверглась насильственному нападенію, не даромъ продать свою жизнь.

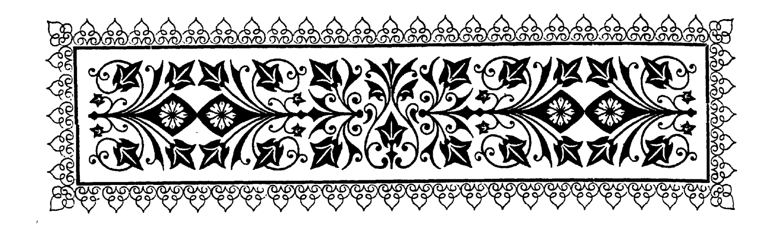
Но масса ихъ враговъ, озадаченная на время, силой проложила себѣ дорогу среди воиновъ на форумъ и тамъ у воротъ царскаго дворца начала неистово кричать, требуя, чтобы Аркадій

далъ позволеніе нарушить право убѣжища и положить конецъ ненавистному готскому владычеству.

Аркадій всегда склоненъ былъ уступать. Быть можетъ онъ думалъ, что было бы безполезно теперь противиться этому требованію; быть можетъ у него мелькнула даже мысль, что такое избіеніе аріанъ можетъ оказаться даже богоугодной жертвой; быть можетъ также онъ вспомнилъ о своемъ прежнемъ эдиктѣ, что злѣйшіе государственные преступники не могутъ пользоваться правомъ убѣжища въ святилищѣ. Какъ бы то ни было, онъ уклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло. Тогда народъ ринулся къ церкви. Воспользовавшись лѣстницами, какія можно было достать, граждане забрались на кровлю церкви, проломали ее при помощи топоровъ и молотовъ, и сняли совсѣмъ. Внизу, между тѣмъ, была ужасная картина: тысячи готовъ, тѣсно скучившись въ священномъ убѣжищѣ, не въ состояніи были ни защищать себя, ни отражать нападенія; а на верху—съ лѣстницъ, со стѣнъ и кровлей кровожадно смотрѣли на нихъ смертельные враги съ жестокой ненавистью и злобнымъ торжествомъ. Бываютъ такія сцены и случаи, когда люди превращаются въ воплощенныхъ демоновъ. Такъ было и въ этотъ ужасный день съ чернью въ Константинополѣ. Съ полнѣйшимъ безсердечіемъ, къ какому они привыкли на играхъ въ амфитеатрѣ, мятежники порѣшили до конца довесть ужасное побоище. И святой храмъ обагрился потоками крови. Многіе изъ готовъ, видя себя въ послѣдней крайности, по-братски обнимались между собою и съ геройствомъ умирали подъ ударами мечей другъ друга. Иные изъ нихъ посадились на полъ и, наклонивъ голову къ колѣнамъ, ожидали смерти, въ какомъ бы видѣ она ни пришла. Тѣ изъ нихъ, которые были христіанами, стали распѣвать христіанскія пѣсни, а другіе, бывшіе еще язычниками, ободряли себя отрывками пѣсенъ своей родной страны. Это избіеніе продолжалось недолго, потому что со стѣнъ и кровли на нихъ посыпались сотни камней, масса горящихъ полѣньевъ, огромные обломки кирпичей, такъ что большинство изъ нихъ скорѣй предпочитали умереть отъ руки другъ друга. Втеченіе какого нибудь часа не осталось въ живыхъ ни одного изъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ церкви вспыхнулъ пожаръ, а въ другихъ мѣстахъ распространявшійся огонь самъ собой потухалъ въ крови. Къ ве-

черу, черезъ раскрытую кровлю обезображеннаго храма, небеса безмолвно смотрѣли на погибшія массы людей, и тамъ, гдѣ еще недавно стоялъ благолѣпный храмъ, виднѣлись только почернѣлыя балки, разбитыя колонны, груды умиравшихъ людей и обугленныхъ труповъ и масса сломаннаго оружія.

Исторія знаетъ только еще одно событіе, которое по своей ужасности походило на это. Это именно побоище въ Коркирѣ. Но въ побоищѣ Коркирскомъ, происшедшимъ въ 425 году до Р. Хр., погибло только 300 человѣкъ. Оно происходило на горѣ Истонѣ, а не въ храмѣ или вообще священномъ мѣстѣ. Между тѣмъ во время этого побоища въ Константинополѣ было безжалостно избито 7,000 человѣкъ въ церкви, въ которой еще наканунѣ раздавались гимны и произносились молитвы къ Господу Христу, Богу всякаго милосердія и человѣколюбія.

ГЛАВА XXXIV.

Послѣдующая судьба Гайны.

Desinat elatis quisquam confidere rebus,
Instabilesque Deos ac lubrica numina discat...
......Qui Sidonio velari credidit auro
Nudus pascit oves*).
Claud. In Ruf. II, 440.

АКОВА то была ужасная вѣсть, какую получилъ гордый готскій военачальникъ въ своемъ лагерѣ при Евдомонѣ: жена его была убита, одна треть его войска подверглась избіенію, ворота Константинополя были заперты и стѣны его вооружены противъ него. Его храбрый сынъ Торисмундъ находился съ нимъ, но онъ не зналъ о судьбѣ своего любимаго сына, своего дорогого красавца Валамира. Теперь однако не время было предаваться скорби или совершать погребальные обряды,— обстоятельства требовали немедленнаго дѣйствія. Тифосъ все еще оставался въ силѣ въ качествѣ преторіанскаго префекта въ Константинополѣ, и Гайна находился въ тайномъ соглашеніи съ нимъ. Но и эта послѣдняя нить надежды скоро порвалась. Правда, что Тифосъ сначала казался почти необходимымъ для Аркадія, потому

*) Перестаетъ иной довѣряться и возвышеннымъ вещамъ,
Ибо убѣждается, что непостоянны боги и скользка судьба.
...Кто думалъ одѣваться въ Сидонское золото,
Нагой теперь пасетъ овецъ.
Клавдіанъ.

что какъ ни былъ онъ худъ, однако при своей беззастѣнчивости и настойчивости въ вымогательствахъ онъ успѣшно пополнялъ истощенную казну. Но разрывъ между императоромъ и готами былъ теперь не поправимъ, — Гайна былъ объявленъ общественнымъ врагомъ и назначена была чрезвычайная комиссія для разслѣдованія и злоупотребленій Тифоса. При этомъ вполнѣ обнаружились всѣ его измѣнническія дѣйствія, и онъ былъ ввергнутъ въ тюрьму. Ему угрожала казнь и она только на время была отвращена заступничествомъ Авреліана, который теперь былъ возвращенъ изъ своего незаслуженнаго изгнанія. Но наконецъ для Тифоса насталъ день возмездія, какъ онъ настаетъ для всѣхъ злодѣевъ. Надѣляемый всеобщими проклятіями, несмотря на огромныя богатства, скопленныя имъ во время своего непродолжительнаго господства, Тифосъ понесъ за всѣ свои злодѣянія заслуженную кару отъ руки палача. Жена его была отправлена въ изгнаніе и, всѣми проклинаемая, умерла въ крайней бѣдности.

Гайна снялся со своего лагеря и двинулся для разграбленія областей Ѳракіи. Но для многихъ людей, которые были баловнями судьбы, наступаетъ время, когда они находятъ, что все превращается для нихъ въ терніе. Гайна и его войско до крайности жаждали богатой добычи, которую они надѣялись получить при нападеніи на Ѳракію. Между тѣмъ римляне, услышавъ о бѣдствіи, постигшемъ варваровъ въ Константинополѣ, повсюду ободрились и приготовились дать имъ надлежащій отпоръ. И Гайна къ своему удивленію нашелъ, что города во Ѳракіи были вовсе не такъ беззащитны, какъ въ Азіи: хорошо укрѣпленныя и вооруженныя стѣны были снабжены и сильными гарнизонами. Брать ихъ осадой было невозможно, для этого у него не было ни времени, ни надлежащихъ средствъ. Вмѣсто богатыхъ жатвъ онъ нашелъ только опустѣлыя поля, такъ какъ жатвы были уже окончены, хлѣбъ собранъ, скотъ угнанъ въ безопасныя мѣста. Казалось, что ему съ своими готами придется совершить вполнѣ безполезный набѣгъ, который наконецъ приведетъ ихъ къ полной голодовкѣ.

Въ крайнемъ раздраженіи и отчаяніи Гайна двинулся къ Геллеспонту. Онъ порѣшилъ опять переправиться на ту сторону, чтобы двинуться въ Азію, которая, не смотря на недавнее разграбленіе, все еще повидимому представляла достаточный источ-

никъ пропитанія. Но тѣмъ временемъ случилось и другое событіе.

Фравитта — готъ по происхожденію, язычникъ по религіи, былъ, какъ мы сказали, членомъ римской партіи. Онъ былъ женатъ на римлянкѣ и вообще пришелъ къ убѣжденію, что, только подчинившись требованіямъ цивилизаціи, его соотечественники могутъ играть какую-нибудь роль въ исторіи, и любилъ часто повторять стихъ Клавдіана:

Мы всѣ одинъ народъ.
Quod cuncti gens una sumus!

Уже въ ранней молодости онъ съ опасностью для собственной жизни спасъ Ѳеодосія отъ опаснаго заговора Эріульфа. Бурная молодость его прошла, но его мужество осталось непреклоннымъ, его воля непоколебимой. И вотъ теперь онъ явился предложить Аркадію услуги своего меча. Императоръ возвелъ его на постъ главнокомандующаго на мѣсто Гайны, и Фравитта обѣщалъ заставить мятежныхъ готовъ подчиниться игу имперіи, или обратно прогнать ихъ за Дунай.

Безопасность Ѳракіи, въ дѣйствительности, была обезпечена благоразуміемъ ея жителей и тою смѣлостью, съ какою они встрѣтили непріятеля. Тѣмъ не менѣе Фравитта наблюдалъ за движеніемъ Гайны и скоро получилъ извѣстіе о его намѣреніи двинуться за Геллеспонтъ. Фравитта расположилъ свои войска на азіатскомъ берегу и сталъ противъ готскаго войска, которое растянулось по берегамъ Херсонеса отъ Паріума до противоположнаго Абидоса; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собралъ также флотъ изъ Либурнійскихъ галеръ, чтобы воспрепятствовать готамъ переправиться черезъ проливъ.

Гайна приходилъ все въ болѣе отчаянное состояніе.

Вмѣстѣ съ своимъ войскомъ онъ страдалъ отъ страшной голодовки. Ему нужно было во что бы то не стало переправиться въ Азію; однако, у него не было ни одного корабля, а тамъ между тѣмъ стоялъ цѣлый флотъ, готовый воспротивиться его переправѣ!

Готы незнакомы были съ искусствомъ кораблестроенія и даже еслибы они умѣли строить корабли, то для этого не было

теперь времени. Позади ихъ была опустошенная страна, впереди ихъ—сильное войско и бурное море. Тогда Гайна приказалъ вырубить всѣ деревья, какія только можно было найти на полуостровѣ, и сколотить изъ нихъ рядъ плотовъ. На эти плоты, не снабженные ни рулемъ, ни веслами, были посажены люди и кони, и предоставлены на волю морскаго теченія, авось не вынесетъ-ли ихъ какъ нибудь на ту сторону. Гайна питалъ какую-то странную увѣренность, что такъ или иначе побѣда будетъ на его сторонѣ.

Оставшись на берегу, онъ ожидалъ извѣстія объ успѣхѣ своего предпріятія. Фравитта, между тѣмъ, былъ уже на готовѣ встрѣтить незванныхъ гостей. Его галеры находились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и онъ вооружилъ ихъ желѣзными носами. На помощь ему пришелъ и сильный западный вѣтеръ. Какъ только онъ замѣтилъ плоты, увлекавшіеся морскимъ теченіемъ, то съ силою двинулся на одинъ изъ самыхъ большихъ, разбилъ его и потопилъ всѣхъ находящихся на немъ людей и лошадей въ бездонномъ морѣ. Тѣ изъ готовъ, которые не могли плавать, немедленно потонули, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ были обременены тяжелымъ вооруженіемъ. Тѣ, кто могли плавать, побросали свое оружіе; но галеры, ходя между ними, избивали ихъ и несчастные исчезали подъ волнами, пронизанные стрѣлами и копьями.

Такъ погибли цѣлыя тысячи готовъ, и Гайна въ отчаяніи смотрѣлъ на это избіеніе своего войска, такъ какъ рѣшительно не имѣлъ никакой возможности помочь имъ. Теперь онъ остался безъ войска, да и не предвидѣлось надежды собрать новое. Слава его померкла! Всѣ его надежды, очевидно, были разбиты безжалостной судьбой. Даже сохранившіеся у него жалкіе остатки войска ежедневно уменьшались въ числѣ, вслѣдствіе бѣгства воиновъ. Между тѣмъ передовые отряды Фравитты уже начали настигать его арріергардъ, и онъ счелъ необходимымъ бѣжать черезъ Ѳракію, равнины которой теперь не представляли для него никакихъ средствъ существованія. Въ безумномъ отчаяніи онъ избилъ римскихъ заложниковъ и плѣнниковъ и двинулся къ Дунаю, рѣшившись возвратиться на свою родину и тамъ составить какой-нибудь новый планъ мщенія или покончить омраченный безславіемъ остатокъ своихъ дней.

Когда онъ достигъ береговъ Дуная, у него осталось уже не-

много послѣдователей. Но между ними былъ его сынъ Торисмундъ и отрядъ воиновъ, которые особенно преданы были этому молодому прекрасному военачальнику. Гайна теперь болѣе, чѣмъ когда либо охваченный демономъ, пришпорилъ своего взмыленнаго боеваго коня по направленію къ рѣкѣ, отчаянно бросился въ нее и поплылъ по ней, далеко опередивъ свой отрядъ. Къ несчастію для него, берегъ, на который онъ выбрался, находился во владѣніи гунновъ, и ихъ короля Ульдеса. Этому гунскому вождю, у котораго было много плановъ на будущее, давно уже хотѣлось добиться милостей и довѣрія императора востока, и онъ хорошо зналъ, что едва-ли могъ доставить ему болѣе драгоцѣнный даръ, какъ голову Гайны, который такъ много лѣтъ держалъ его въ суровыхъ рукахъ. Гайна, сопровождаемый какими-нибудь десятками своего конвоя, отправился къ Ульдесу и просилъ позволенія пройти черезъ его владѣнія въ свои старыя земли. Безобразное лицо гунна только нахмурилось; онъ далъ знакъ своему войску и гунны тѣсными рядами окружили злополучнаго остгота. Гайна увидѣлъ, что конецъ его насталъ. Однимъ только проблескомъ радости озарился его послѣдній часъ: это была мысль о томъ, что его сынъ Торисмундъ не былъ среди тѣхъ, которые, такимъ образомъ, были окружены вмѣстѣ съ нимъ этими продажными врагами, такъ что для него еще быть можетъ окажется возможнымъ опять переправиться за Дунай и найти себѣ спасеніе въ бѣгствѣ. Ничего не оставалось иного, какъ продать свою жизнь возможно дороже, и къ этому онъ приготовился со всею дикостью услаждавшагося битвами рубаки.

— А-а!—воскликнулъ онъ, поднимая голосъ до его громовой высоты.—Это значитъ измѣна и смерть!... Бѣги, Торисмундъ! А вы, мои храбрые товарищи, вы — готы! Пусть по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ безобразныхъ враговъ сопровождаютъ насъ въ царство ада! Они думаютъ, что мы смиренно сложимъ свое оружіе; но они не знаютъ насъ! Впередъ на нихъ, мои воины!

Самъ Гайна пришпорилъ свою лошадь прямо на Ульдеса. Онъ сражался, какъ левъ. Многіе гунны повалились на землю отъ ударовъ его сильной руки и испытаннаго меча, но онъ оказался отдѣленнымъ отъ своего небольшого отряда. Въ нѣсколько минутъ всѣ готы были перебиты. Гайна, весь покрытый ранами,

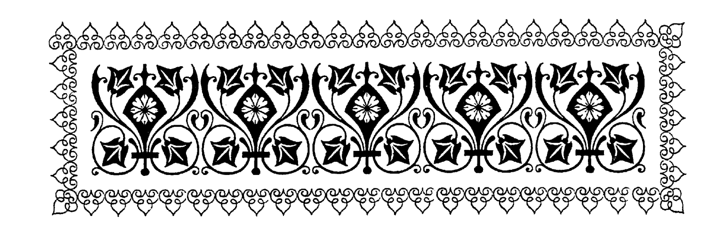
былъ стащенъ со своего коня и получилъ смертельный ударъ. Въ послѣднюю минуту его жизни всѣ страсти и инстинкты его языческихъ предковъ воспрянули въ немъ и, когда жизнь потокомъ крови истекала изъ него, онъ въ проблескѣ утѣшенія чувствовалъ, что валькиріи не устыдятся его, потому что онъ умиралъ необезоруженный, а какъ слѣдовало умереть готу, — со сломаннымъ мечомъ въ рукѣ, опираясь на свой разбитый щитъ и притомъ среди враговъ, которыхъ онъ избилъ. Гунны сорвали съ него золотой воротникъ и украшенія и затѣмъ, отрубивъ ему голову, подняли ее на копье, чтобы отправить ее къ Аркадію, какъ залогъ дружбы и наилучшее доказательство преданности гунскаго короля властелину востока.

И вотъ, такимъ образомъ, Гайна встрѣтилъ свою послѣднюю судьбу. Между тѣмъ Торисмундъ и оставшіеся у него приверженцы, видя это ужасное событіе, вновь съ возможной быстротой переправились черезъ Дунай; потому что какая была польза жертвовать своей жизнью въ нападеніи на непріятелей, которые во сто разъ превосходили ихъ своей численностью? Достигнувъ безопаснаго мѣста, они остановились и, послѣ короткаго совѣщанія, порѣшили отправиться въ Иллирію и тамъ предложить свои мечи на службу Алариху вестготу, на случай предполагавшагося имъ нашествія на западъ.

— Аларихъ всегда ревниво относился къ Гайнѣ, — сказалъ одинъ старый воинъ; — они рѣдко дѣйствовали заодно.

— Они были товарищи по оружію въ битвѣ при Фригидѣ, — сказалъ Торисмундъ. — Вообще остготы — братья вестготовъ. Аларихъ не откажетъ просителямъ, которые готовы помочь ему отомстить римлянамъ за ихъ жестокое вѣроломство. Они обманули и угнетали насъ. Они обманули и избили нашу благородную молодость, они только что избили цѣлую массу нашихъ воиновъ на улицахъ своего проклятаго города. Мы еще заставимъ ихъ валяться во прахѣ! Если не Константинополь, то Римъ будетъ въ нашихъ рукахъ. Мужайтесь, мои вестготы. Если мы не въ состояніи побѣдить, то мы умремъ со свойственной намъ доблестью!

ГЛАВА XXXV.

Валамиръ и Евтихій.

Съ ПЛАЧЕМЪ ломая руки, возводя отуманные глаза къ небу, стоялъ въ своей разрушенной, оскверненной церкви престарѣлый пресвитеръ православныхъ готовъ — Рейхильдъ. Это было утромъ послѣ битвы на улицахъ, и представлявшееся ему зрѣлище не могло не разрывать сердца пастыря. То, что было раньше благолѣпнымъ святилищемъ, теперь представляло собою возмутительную бойню: между упавшими балками, разбитыми камнями и безпорядочными грудами всякаго полома лежали, утопая въ собственной крови, трупы сотенъ умерщвленныхъ людей, которые, быстро разлагаясь подъ жгучими лучами ранняго солнца, уже начали заражать воздухъ. Церковь его была безобразной развалиной, самымъ видомъ своимъ теперь наводившей ужасъ на всѣхъ, — на мѣстѣ святѣ водворилась мерзость запустѣнія. На такой Акелдамѣ*) нельзя уже было опять строить церковь. Въ столицѣ востока господство готовъ закончилось. Отселѣ волна варварскаго нашествія должна была хлынуть на города западнаго міра. Съ церковью исчезли также и ея прихожане, служеніе пресвитера прекратилось; все дѣло его жизни рушилось; проповѣдничество Рейхильда, сына Витта, закончилось.

---

*) Акелдама — мѣсто крови — земля, купленная на Іудины деньги для погребенія странниковъ. Перев.

До крайности потрясенный тѣмъ, что ему пришлось видѣть и слышать, старецъ разбитой поступью отправился назадъ въ свой одинокій священническій домъ. Но того, что онъ видѣлъ, было для него слишкомъ много. Никогда его престарѣлая сестра не видѣла его столь блѣднымъ, и она въ первый разъ замѣтила на его лицѣ тотъ сѣрый землянистый оттѣнокъ, который является предвѣстникомъ смерти. И она не ошиблась. Въ этотъ самый вечеръ онъ слегъ въ постель и чрезъ какія-нибудь двѣ недѣли отошелъ въ вѣчный покой.

Валамиръ все еще безъ сознанія лежалъ въ кровати, гдѣ положили его. Для доброй старушки, сестры пресвитера, невозможно было ухаживать за нимъ съ тѣмъ постояннымъ попеченіемъ, въ какомъ онъ нуждался въ своемъ тяжеломъ положеніи, такъ какъ ей приходилось вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться и о своемъ, слегшемъ въ постель братѣ. Параволаны изо всѣхъ силъ работали въ разрушенной церкви, стараясь поскорѣе похоронить въ одну огромную яму безчисленные трупы мертвыхъ, которыми усѣяны были окрестности церкви и сосѣднія улицы. Жену Гайны они положили въ особую могилу. На помощь имъ пришли Филиппъ и Давидъ, а Евтихій отправился въ домъ пресвитера, чтобы повидать своего раненаго друга. Валамира онъ нашелъ почти въ безнадежномъ состояніи, такъ что онъ не могъ выговорить ни слова. Конецъ стрѣлы, которой онъ былъ раненъ, все еще находился у него въ плечѣ и, если ее не вынуть, то роковой конецъ будетъ неизбѣженъ. Во всякомъ случаѣ необходимо было немедленно же перенести его отсюда. Евтихій пошелъ къ патріарху и просилъ его, чтобы онъ позволилъ перенести молодого гота въ патріархію, гдѣ онъ могъ бы занять постель и комнату Евтихія до своего выздоровленія или до смерти, такъ какъ самъ Евтихій могъ спать и въ сосѣдней комнатѣ этого обширнаго дома. Патріархъ, всегда готовый къ дѣламъ милосердія, радостно согласился, тѣмъ болѣе, что весьма ограниченное помѣщеніе госпиталя уже было до крайности переполнено ранеными гражданами. При томъ даже и не безопасно было помѣщать гота въ госпиталѣ, такъ какъ граждане, при теперешней ожесточенности настроенія могли бы жестоко отомстить за помѣщеніе въ ихъ госпиталѣ одного изъ членовъ ненавистнаго вражескаго племени, хотя бы даже этотъ

готъ былъ только мальчикъ и крѣпко содержалось въ тайнѣ, что онъ былъ сынъ Гайны. Евтихій побѣжалъ обратно къ Филиппу и, съ помощью Давида и другихъ параволановъ, они перенесли Валамира на самыхъ удобныхъ носилкахъ, какія только можно было достать, въ патріархію. Тамъ Валамиръ, еще находившійся въ полной безсознательности, со всевозможной осторожностью былъ положенъ на постель своего друга и для ухода за нимъ былъ позванъ Асклепіадъ — самый опытный врачъ въ Константинополѣ. Врачъ заявилъ, что конецъ стрѣлы необходимо было извлечь безъ замедленія, и не скрывалъ, что, при настоящемъ истощенномъ состояніи раненаго, тяжелая операція могла даже окончиться смертью. Но мальчикъ отличался великолѣпнымъ тѣлосложеніемъ своего отца и пользовался превосходнымъ здоровьемъ, какъ естественнымъ результатомъ тѣлесной чистоты и умѣренности. Поэтому оставалась еще нѣкоторая надежда для него даже и тогда, когда не могло быть рѣчи ни о какой надеждѣ на выздоровленіе кого нибудь другого въ его положеніи.

Валамиръ пришелъ въ себя какъ разъ во время этой консультаціи, и попросилъ, чтобы какъ нибудь прекратили мучившую его агонію и извлекли изъ его плеча обломокъ стрѣлы. Въ то время притупляющія средства были неизвѣстны; поэтому Валамиръ во время операціи просилъ Евтихія подержать его за лѣвую руку, крѣпко стиснулъ себѣ зубы и обнажилъ грудь. Собравъ всѣ силы, онъ порѣшилъ не издать ни малѣйшаго звука подъ ножомъ. Всю мучительную операцію онъ вынесъ безъ малѣйшаго стона, и когда желѣзо было извлечено, онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и отъ ослабившаго кровоизліянія упалъ въ обморокъ.

Больше этого ничего нельзя было сдѣлать, сказалъ врачъ, а нужно дать ему полнѣйшій покой и подкрѣплять простой здоровой пищей, въ небольшомъ количествѣ чрезъ нѣкоторые промежутки. Все, что могло сдѣлать искусство и нѣжный уходъ, было сдѣлано. Госпожа Олимпіада ежедневно приходила въ патріархію смотрѣть за тѣмъ, достаточно ли удовлетворялись всѣ нужды патріарха, и вмѣстѣ съ тѣмъ она часто заботилась также и о нуждахъ больного мальчика. Никарета также усердно взялась за это дѣло, ухаживала за больнымъ со всѣмъ свойственнымъ ей искусствомъ, какое она пріобрѣла благодаря постоянному уходу за боль-

ными и страждующими въ госпиталѣ и по домамъ бѣдняковъ. По цѣлымъ вечерамъ Евтихій, съ непрестанно игравшей на его устахъ улыбкой, которая сама заключала въ себѣ цѣлительность, просиживалъ у постели своего друга, придавая ему съ нѣжной заботливостью тѣ положенія, какія ему нужно было. Въ его душѣ все болѣе и болѣе возростала нѣжная привязанность къ этому, теперь безпомощному, мальчику, который такъ искренно добивался его дружбы. Когда они впервые встрѣтились въ ставкѣ Гайны, Валамиръ представлялъ собою въ полномъ смыслѣ образецъ юной блистательной красоты и здоровья. И вотъ теперь этотъ цвѣтущій мальчикъ лежалъ въ крайнемъ изможденіи, никого не узнавалъ, не имѣлъ будущности и почти находился въ рукахъ безжалостной смерти. Только благодаря крѣпкому отъ природы тѣлосложенію, онъ упорно боролся противъ разрушительнаго дѣйствія болѣзни. И молодость начала брать свое. Рана на ногѣ была сравнительно незначительна и скоро зажила. Здоровая юная кровь, струившаяся въ его жилахъ, способствовала заживленію и и другой болѣе серьезной раны. Ему нужно было только выдержать крайнюю слабость, и тогда онъ могъ бы еще поправиться.

Евтихій съ тревогой ожидалъ того момента, когда онъ придетъ въ полное сознаніе и когда у него прекратится бредъ, въ которомъ онъ постоянно воспроизводилъ сцены недавняго побоища, такъ какъ это побоище, повидимому, всецѣло окутало его память кровавой мглой.

Наконецъ этотъ моментъ настал. Былъ вечеръ, и теплое солнечное сіяніе, пробиваясь въ окно вмѣстѣ съ чрезвычайно мягкимъ морскимъ вѣтеркомъ, приносившимъ съ собой благоуханіе розъ изъ сада, мягко сіяло и изливалось на лицо больного Валамира. Онъ очнулся, вздохнулъ, открылъ глаза, и озираясь кругомъ, тихо спросилъ:

— Гдѣ я?

— Ты въ домѣ патріарха Іоанна, Валамиръ, отвѣчалъ его другъ.

— А ты кто? спросилъ онъ, устремляя свои большіе голубые глаза на лицо Евтихія. — Конечно ты... тотъ, кого мой братъ Торисмундъ назвалъ мальчикомъ, совершенно похожимъ на ангела?

— Я Евтихій, твой другъ; здѣсь также и Филиппъ, котораго такъ любилъ Торисмундъ.

— Какъ я попалъ сюда? Что случилось?

— Ты былъ ужасно раненъ.

— А, вотъ что!

Слова эти воскресили передъ нимъ все происшедшее, тяжелыя воспоминанія стѣснили ему горло и онъ не могъ говорить; онъ только зарыдалъ и безмолвныя слезы полились у него по щекамъ.

— О скройте, скройте отъ меня это ужасное зрѣлище! закричалъ онъ, поднимая руки, какъ будто отмахиваясь отъ видѣнія ужасныхъ воспоминаній. А мой отецъ?! спросилъ онъ томно.

— Военачальникъ Гайна ушелъ со своимъ войскомъ во Ѳракію.

— А мой братъ?

— Торисмунду удалось выдти изъ города съ нѣкоторыми изъ своихъ надежныхъ воиновъ. Онъ соединился съ Гайной.

— А моя мать?

Евтихій молчалъ.

— О, тебѣ нѣтъ надобности говорить мнѣ. Я припоминаю все! — и мальчикъ горько зарыдалъ опять. Оправившись немного, онъ опять спросилъ:

— А мой народъ — что случилось съ нимъ въ этотъ день?

— Не говори теперь больше, дорогой Валамиръ. Ты услышишь обо всемъ со временемъ. Теперь тебѣ необходимо успокоиться и заснуть.

Валамиръ дѣйствительно былъ слишкомъ слабъ, чтобы спрашивать больше. Онъ легъ навзничь и закрылъ глаза; но тяжелыя воспоминанія отгоняли отъ него сонъ, и если онъ и заснулъ немного, то это былъ лишь короткій тревожный сонъ. Въ эту ночь Олимпіада и Пентадія поочередно ухаживали за нимъ, неотступно сидя у его постели.

На слѣдующій день Валамиръ оказался слабѣе. Въ душѣ его происходила непрестанная работа и въ ней постоянно воспроизводились все тѣ-же пережитыя имъ сцены.

Вечеромъ онъ сказалъ Евтихію, что не надѣется перенести эту болѣзнь. Евтихій, нѣжно держа его за руку, старался ободрить его упадавшій духъ.

— Я опасаюсь, сказалъ онъ, что ты не хочешь жить. Но ты молодъ. Только подумай, какъ много еще счастія можетъ предстоять тебѣ въ будущемъ!

— Я молодъ, отвѣчалъ онъ, солнечный свѣтъ—тепелъ, морской воздухъ пріятенъ и эти розы прекрасны, — добавилъ онъ, вдыхая въ себя благоуханіе, изливавшееся изъ принесенной ему вазы съ цвѣтами, — но для чего теперь мнѣ жить? Мой отецъ, мой братъ теперь изгнанники, сгорающіе, но конечно тщетно, огнемъ мщенія. Мать моя умерла, народъ мой истребленъ, самъ я не имѣю ни дома, ни родныхъ, ни друзей...

— Нѣтъ, ты не можешь сказать, что не имѣешь друзей, возразилъ Евтихій. Мы всѣ любимъ тебя; и въ самой столицѣ много такихъ домовъ, въ которые охотно примутъ тебя.

— Да, какъ раба, сказалъ онъ, или жалкаго прислужника; но этого никогда не можетъ быть для сына Гайны и амалинга готовъ.

— Не унывай, дорогой другъ мой: Богъ милостивъ уповай на Него и все устроится въ будущемъ. Ты христіанинъ, хотя и аріанинъ. Развѣ ты не знаешь, что Христосъ любитъ тебя?

— Какъ бѣлый Христосъ римлянъ можетъ любить меня? Онъ навѣрно оставилъ насъ, навѣрно разгнѣвался на насъ за какое-нибудь наше прегрѣшеніе. Какъ бы иначе Онъ допустилъ до такой гибели и почему бы иначе Онъ такимъ образомъ повергъ меня въ безпомощное и бѣдственное состояніе, въ которомъ нахожусь я теперь?

— Нѣтъ, не говори этого, сказалъ Евтихій. Хотя я и самъ не понимаю всѣхъ тонкостей богословія, но думаю, что достаточно исполнять и того, что предписывается Евангеліемъ. Я люблю Христа и знаю, что Христосъ есть любовь. Онъ есть мой учитель, мой Господь, я отдалъ Ему мою юность, чтобы онъ могъ привесть ее подъ свой любящій покровъ, спасти ее отъ увлеченія, спасти для самаго себя. Не утомляю ли я тебя?

Единственнымъ отвѣтомъ на это было легкое пожатіе руки.

— Ну, хорошо, Валамиръ. Мнѣ думается, что я самъ ничего не знаю о жизни и ничего не вижу въ ней кромѣ тайнъ. Мало того, я сомнѣваюсь, понимаютъ ли въ дѣйствительности даже мудрецы, что такое жизнь или почему Богъ допускаетъ насъ

страдать. Я еще не испытывалъ особенныхъ страданій въ жизни, хотя я также сирота, Валамиръ. Патріархъ далъ мнѣ пріютъ, Филиппъ любитъ меня, любитъ меня также Давидъ и, какъ надѣюсь и ты, — и я счастливъ. А что будетъ дальше, то безъ сомнѣнія день скорби настанетъ и для меня, какъ онъ насталъ для тебя, Мы рождены съ задатками страданій, и пусть будетъ что будетъ; только да поможетъ намъ Богъ въ теченіе короткаго времени снести все это, и да сохранитъ насъ въ вѣрѣ. Я увѣренъ, что Онъ печется о насъ. Постарайся пожить еще, Валамиръ. Я молю Бога, чтобы ты еще пожилъ и послужилъ Ему.

— Разскажи мнѣ что-нибудь побольше о твоей вѣрѣ, сказалъ онъ.

— Я воспитывался, сказалъ Евтихій, съ самаго ранняго дѣтства въ благочестивыхъ домахъ. Отецъ мой былъ православный готъ, умеръ рано; мать моя любила Бога. Меня качали въ колыбели и няньчили на колѣняхъ благочестивые люди, и то, на чемъ я основалъ всю мою вѣру, всю мою любовь—есть мое убѣжденіе, что Богъ есть любовь и что Христосъ есть Богъ.

Въ душѣ юнаго гота опять началась дѣятельная работа. Скорбь потокомъ хлынула на него, онъ чувствовалъ себя совсѣмъ изможденнымъ и какъ будто чувствовалъ, что ему скоро придется отдать послѣдній вздохъ на землѣ.

— Евтихій, сказалъ онъ, мнѣ думается, что я умру. Прислони мою голову къ твоему плечу.

Евтихій приподнялъ ему голову и склонилъ ее къ себѣ на плечо. Когда онъ наклонился надъ нимъ, то слезы ручьемъ полились у него по щекамъ, но онъ продолжалъ ободрять своего юнаго друга.

— Валамиръ, сказалъ онъ, мнѣ почему то думается, что ты не умрешь, но будешь еще долго жить и совершишь великое дѣло. Ты теперь болѣе всего нуждаешься въ подкрѣпленіи сномъ. Никарета позаботится о тебѣ въ эту ночь. Достаточно одной ночи хорошаго сна, и ты выздоровишь. Завтра утромъ будетъ здѣсь онъ и конечно преподастъ тебѣ великое утѣшеніе.

— Кто онъ? спросилъ Валаміръ.

— Патріархъ Іоаннъ, отвѣчалъ Евтихій; мы такъ называемъ его между собою.

— Великій святой патріархъ, который благословилъ меня въ ставкѣ моего отца? Ему нѣтъ надобности приходить и молиться о несчастномъ раненомъ, умирающемъ готскомъ мальчикѣ....

— Онъ до безконечности добръ, сказалъ Евтихій, несомнѣнно придетъ взглянуть на тебя и ты выздоровишь.

На слѣдующее утро, какъ предсказалъ Евтихій. Валамиръ чувствовалъ себя нѣсколько крѣпче, раны его были перевязаны доброй Никаретой, которая, находясь здѣсь въ комнатѣ больного, чувствовала себя, такъ сказать, въ своей собственной сферѣ.

Затѣмъ пришелъ и патріархъ и, обозрѣвъ больныхъ, остановился и у постели Валамира, отечески благословилъ его и высказалъ ему нѣсколько сладостныхъ словъ утѣшенія и ободренія. Тутъ же онъ вознесъ и горячую молитву о его выздоровленіи. И молитва имѣла чудесное дѣйствіе.

Мы знаемъ, сколько угасающихъ жизней было спасаемо перелитіемъ крови изъ артерій сильныхъ и здоровыхъ существъ. Но еще болѣе живительнымъ, возрождающимъ средствомъ для молодого гота была молитва Златоуста. Съ этого момента онъ видимо сталъ поправляться.

Скоро его можно было выносить даже въ садъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя бодрѣе, лежа на кровати въ густой тѣни среди благоухающихъ цвѣтовъ. Немного спустя, онъ могъ и самъ ходить туда, опираясь на руку Евтихія, который отчасти былъ освобожденъ отъ своихъ обычныхъ обязанностей, чтобы всецѣло посвятить себя уходу за Валамиромъ при его выздоровленіи.

Но когда выздоровленіе его было уже обезпечено, возникъ весьма серьезный вопросъ, что дѣлать съ нимъ, какъ устроить его въ будущемъ. Филиппъ со своими товарищами обсуждалъ этотъ вопросъ.

— Конечно, онъ, сказалъ Филиппъ, указавъ при этомъ по направленію къ комнатѣ патріарха, онъ охотно позаботится о немъ; но какъ быть теперь? — Вотъ въ чемъ затрудненіе. Послѣ всего того, что случилось, народъ ненавидитъ самое имя гота. Валамиръ едва ли будетъ обезпеченъ отъ оскорбленій на улицахъ; если бы кто-нибудь кромѣ насъ узналъ, что онъ сынъ Гайны, то въ городѣ множество звѣрскихъ и негодныхъ людей, которые не преминули бы доконать его.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы намъ какъ-нибудь удержать его при себѣ, сказалъ Евтихій.

— Это невозможно, возразилъ Давидъ; онъ природный готъ, и какъ онъ ни любитъ тебя, Евтихій, однако его натура во многихъ отношеніяхъ совершенно не похожа на твою. Какъ только онъ совсѣмъ окрѣпнетъ, въ немъ несомнѣнно воспрянетъ неустрашимый духъ его дикихъ предковъ. Онъ сдѣлается воиномъ и никакое другое поприще не можетъ прельщать его. Можно быть увѣреннымъ, что онъ не вынесетъ этой спокойной жизни; перо можетъ быть пригодно для насъ, но для него нуженъ мечъ!

— Но нельзя ли отправить его къ отцу?

— Это было бы весьма опасно, сказалъ Давидъ; при томъ при настоящемъ положеніи Гайны, это ни къ чему бы и не повело.

— Въ такомъ случаѣ, что же могъ бы придумать мудрый Давидъ?, спросилъ Филиппъ. Я совершенно увѣренъ, что ты и не заговорилъ бы объ этомъ дѣлѣ, если бы у тебя не было какого-нибудь своего плана.

— У меня есть планъ, сказалъ Давидъ, и вотъ какой. Авреліанъ уже возвращенъ изъ изгнанія; онъ истинный христіанинъ, хорошій человѣкъ, славный воинъ. Ты знакомъ съ нимъ, Филиппъ; попроси патріарха сходить къ Авреліану, чтобы узнать, нельзя ли достать для Валамира, какъ только онъ совершенно поправится, какого-нибудь мѣста, — лучше всего въ его собственной свитѣ. Онъ навѣрно сдѣлаетъ это, и среди военной обстановки Авреліана Валамиръ, пріучаясь къ военной службѣ, будетъ доволенъ, такъ какъ ему придется проводить время среди сценъ и упражненій, которыя онъ такъ любитъ. Кромѣ того онъ будетъ постоянно находиться въ христіанскомъ домѣ.

— Превосходно, воскликнулъ Филиппъ; ничего не можетъ быть лучше. Мы немедленно перемѣнимъ тебѣ твое имя и будемъ называть тебя не Давидомъ, а Соломономъ!

— А твое имя перемѣнимъ изъ Филиппа въ Александра, съ серьезной улыбкой сказалъ Давидъ.

— Какого, спросилъ Филиппъ, — Великаго, или мѣдника? *)

*) Намекъ на Александра мѣдника, о которомъ ап. Павелъ говоритъ, что онъ „много сдѣлалъ ему зла“ (2 Тим. IV, 14). Перев.

— О, мѣдника, мѣдника, конечно! воскликнулъ Евтихій. Это, кстати, можетъ служить объясненіемъ того, почему ты такъ часто бываешь въ Халкопратіи....

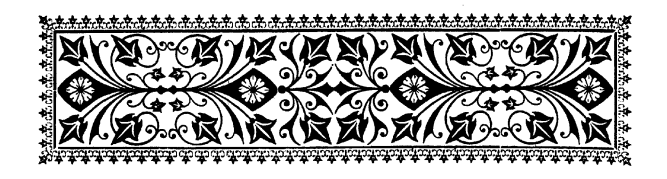
— Когда ты наконецъ отстанешь отъ своей дерзости, сказалъ Филиппъ, и хотѣлъ схватить его; но Евтихій увернулся и Филиппъ только пригрозилъ ему кулакомъ. — Подожди, вотъ я тебя поймаю какъ-нибудь, сказалъ онъ.

— Александръ мѣдникъ сдѣлалъ мнѣ и безъ того уже не мало зла, серьезно сказалъ Евтихій; а кстати это напоминаетъ мнѣ о томъ, что я такъ и не получилъ какой-то таинственной бронзы, которую ты долженъ мнѣ за то, что не отгадалъ, кто будетъ консуломъ, когда былъ назначенъ Евтропій.

— О ты, негодный болтунъ! воскликнулъ Филиппъ; ты потерялъ право на этотъ выигрышъ своимъ безстыдствомъ. Но у меня нѣтъ теперь времени поколотить тебя, потому что я долженъ сейчасъ идти къ нему, посовѣтоваться съ нимъ, и если онъ одобритъ этотъ планъ, немедленно отправиться къ Авреліану, чтобы устроить все это дѣло.

Патріархъ вполнѣ одобрилъ высказанный Давидомъ планъ, и тогда Филиппъ, не теряя времени, отправился къ Авреліану. Высокопоставленный военачальникъ, всегда чувствовавшій сердечную привязанность къ Филиппу, радостно поздоровался съ нимъ, и узнавъ, въ чемъ дѣло, немедленно согласился принять молодого гота сначала въ число своихъ домочадцевъ. Самъ префектъ въ это время намѣренно жилъ въ сравнительномъ отчужденіи отъ общества, — ожидая, пока не уляжется ожесточенная вражда между римлянами и готами. Но въ его распоряженіи находился еще небольшой отрядъ воиновъ, и онъ, какъ только хорошенько познакомился и привязался къ благородному сиротѣ-мальчику, порѣшилъ выработать изъ него искусснаго воина, мужественнаго, отважнаго человѣка, и это воспитаніе принесло прекрасные плоды въ послѣдующіе годы.

ГЛАВА XXXVI.

Мертвая голова.

Est genus extremos Scythiae vergentis in ortus.
Trans gelidum Tanaim;
Turpes habitus, abscaenaque visu corpora*).
Claud. In Ruf. II, 323—326.

АКИМЪ образомъ Валамиръ нашелъ себѣ пристанище. Изъ дома Авреліана онъ часто ходилъ къ своимъ друзьямъ въ патріархію, вмѣстѣ съ ними купался въ морѣ, гулялъ, занимался гимнастическими играми, при чемъ все болѣе и болѣе привязывался къ Евтихію. Въ своемъ новомъ положеніи онъ былъ бы даже счастливъ (вѣдь молодежь менѣе предается скорби, чѣмъ пожилые люди, дѣлающіеся часто жертвой кровожадныхъ коршуновъ своей памяти), если бы никакія дальнѣйшія событія не омрачали его жизни и сердце его постоянно не потрясалось мрачными извѣстіями о бѣдствіяхъ его злополучнаго отца. Объ отцѣ собственно онъ давно уже не слышалъ ровно ничего, да молодой готъ и не смѣлъ даже говорить о немъ открыто или вообще заявить, что онъ его сынъ. Но онъ глубоко скорбѣлъ, когда до него дошло извѣстіе, что цѣлыя тысячи его соотечественниковъ были утоплены флотомъ Фравитты во время ихъ отчаянной попытки переправиться

---

*) Есть народъ, живущій въ отдаленныхъ мѣстахъ Скиѳіи
За ледянымъ Дономъ;
Гнусны его обычаи и безобразны видомъ тѣла его.
Клавдіанъ.

черезъ Геллеспонтъ на неуправляемыхъ плотахъ. Послѣ этой катастрофы долго не было ни какихъ извѣстій, исключая того, что Гайна со своей остальной конницей удалился къ берегамъ Истра. Валамиръ опасался, что никогда опять не услышитъ о своемъ отцѣ и о своемъ старшемъ братѣ Торисмундѣ.

Наступилъ январь 401 года. Однажды Валамиръ, идя съ Евтихіемъ домой послѣ катанія на лодкѣ по Босфору, увидѣлъ, что въ колоннадѣ форума собралась толпа народа и о чемъ-то всѣ горячо говорили. Оказалось, что отъ готскаго короля Ульдеса прибыла депутація, которая направлялась къ дворцу, неся какой-то подарокъ Аркадію съ предложеніемъ вѣрноподданничества и мира.

Молодые люди остановились, чтобы посмотрѣть на приближающуюся процессію. Сначала прошли воины гуннскаго короля, мѣрно выступавшіе впереди посланника. Это были тайфалы,—безобразнѣйшіе представители человѣческаго рода и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовавшіеся славой самыхъ злыхъ и звѣрскихъ людей.

Трудно было представить себѣ еще большую противоположность между ними и красивыми готами. Это были приземистые, карявые, желтолицые, невообразимо безобразные люди. Хитрые маленькіе глаза были не болѣе какъ щелки на ихъ широкихъ, скуластыхъ лицахъ. Косматыя головы, повидимому, не имѣли никакого опредѣленнаго цвѣта, а безобразныя, злыя лица ихъ, какъ будто, исключительно состояли изъ широкаго рта. «Ихъ лица, говоритъ готскій историкъ Іорданъ, едва ли можно было назвать лицами; вѣрнѣе, это были безформенныя черныя массы тѣла съ маленькими щелками вмѣсто глазъ; они были малы ростомъ, но изворотливы и дѣятельны; хорошіе наѣздники, широкоплечіе, мѣткіе стрѣлки, упрямые, гордые, хранившіе подъ едва человѣческой формой ярость дикаго звѣря». Ведя постоянныя войны, они при этомъ исключительно руководились цѣлью порабощенія, сладострастія и хищничества. Они вырубали плодовыя деревья, зарывали колодцы. Военачальники ихъ гордились тѣмъ, что гдѣ разъ ступали ихъ кони, тамъ никогда уже не выростала жатва. Нашествіе ихъ было подобно нашествію всепожирающей, отвратительной саранчи. Раньше ихъ земля была хотя бы садомъ эдемскимъ, послѣ нихъ она становилась безотрадной пустыней.

Готы относились къ этимъ отвратительнымъ дикарямъ съ особенно смертельной ненавистью. Когда эти безобразные варвары безчисленными миріадами волна за волной вторгались изъ обширныхъ степей Азіи, то подъ ихъ напоромъ сначала остготы, а затѣмъ и вестготы должны были удалиться изъ своихъ любимыхъ странъ, — изъ тѣхъ странъ, которыя были ихъ исконнымъ владѣніемъ. Они считали для себя позоромъ подчиниться этимъ человѣкообразнымъ демонамъ, самое названіе которыхъ «татары» образовалось подъ вліяніемъ народнаго вѣрованія, что они вышли изъ бездны Тартара. Никакая человѣческая храбрость или мудрость не могла бороться противъ этихъ безчисленныхъ миріадъ, которыя волна за волной приливали изъ равнинъ, гдѣ они какъ будто нарождались съ быстротой саранчи. Готскіе воины охотно могли сражаться съ людьми, но они избѣгали столкновенія съ этими демонообразными людоѣдами.

Такія именно чувства волновали и душу Валамира, когда онъ съ содроганіемъ посмотрѣлъ на отвратительное шествіе. Но вотъ вдругъ показалась другая часть процессіи, которая изъ-за угла Ахиллесова прохода вступала на форумъ. Впереди шелъ молодой смуглый воинъ, одѣтый въ шкуру и вооруженный съ головы до ногъ, и несъ что-то на остріѣ своего длиннаго копья. Это былъ сынъ самого короля Ульдеса, которому поручено было исполнить самую почетную, какъ думали гунны, роль во время этого чрезвычайнаго посольства къ императору.

Въ это время Валамиръ съ нахмуреннымъ лицомъ смотрѣлъ на ближайшихъ къ нему гунновъ, нисколько не скрывая своего крайняго отвращенія, потому что самый видъ ихъ вполнѣ оправдывалъ и укрѣплялъ въ его сердцѣ старую, наслѣдственную вражду готовъ къ этому народу. Но Евтихій своимъ быстрымъ взглядомъ сразу понялъ, что такое находилось на концѣ копья.

До него уже дошелъ смутный слухъ о судьбѣ Гайны отъ руки гуннскаго короля. Но такъ какъ это былъ только слухъ, то онъ считалъ себя въ правѣ не доводить объ этомъ до свѣдѣнія своего друга. Слухъ этотъ дошелъ также и до Авреліана, но онъ приказалъ всѣмъ своимъ домашнимъ скрывать его, и надѣялся, что процессія пройдетъ прежде, чѣмъ Валамиръ возвратится съ Босфора.

Евтихій сразу увидѣлъ, что гуннскій князь несъ голову остготскаго военачальника, который, когда онъ въ послѣдній разъ оставилъ Константинополь, былъ преторіанскимъ префектомъ, нареченнымъ консуломъ и главнокомандующимъ. Такъ именно одинъ изъ готскихъ сотоварищей Гайны несъ когда-то по городу голову умерщвленнаго Руфина. И вотъ теперь такимъ же образомъ несли и его собственную голову по улицамъ, на которыхъ когда-то народъ любовался его громаднымъ ростомъ и величавой поступью. Кровь застыла въ жилахъ Евтихія. Что ему было дѣлать? Онъ зналъ пылкій, почти неудержимый характеръ Валамира, а между тѣмъ молодой готъ теперь какъ разъ медленно поворачивалъ свой взоръ къ этому новому отряду гуннскаго посольства.

— Пойдемъ отсюда, пойдемъ отсюда, торопливымъ шепотомъ проговорилъ Евтихій; намъ пора домой, мы уже достаточно насмотрѣлись на этихъ жалкихъ людей.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Валамиръ. Ты знаешь, я никогда не видѣлъ такихъ тварей, какъ эти, и мнѣ хочется посмотрѣть, какъ они войдутъ въ ворота императорскаго дворца. Боже мой, а это что такое?!

Мрачное зрѣлище произвело на него потрясающее, ужасное впечатлѣніе своей внезапностью, и потрясенный невообразимымъ ужасомъ, онъ видѣлъ, какъ гуннскій князь подходилъ ближе со своимъ поднятымъ копьемъ, на остріѣ котораго виднѣлось вполнѣ знакомое ему лицо съ его короткими свѣтлыми локонами, застывшими въ запекшейся крови. О Боже милосердный! Это было несомнѣнно,—это было голова его отца!!

Съ крикомъ какъ бы раненаго льва онъ бросился впередъ и яростно ударилъ молодого гунна. Къ счастію для него, къ счастію для Константинополя Евтихій изо всѣхъ силъ оттащилъ его назадъ. Валамиръ однако успѣлъ ударить гунна въ лицо и тотъ, пораженный столь неожиданной непріятностью, отъ ярости и изумленія потерялъ равновѣсіе копья, и съ его оконечности обезображенная голова упала и покатилась по пыльной улицѣ. Немедленно сверкнули мечи. Сынъ короля Ульдеса поднялъ дикій крикъ и несомнѣнно послѣдовало бы кровопролитіе, если бы этому не воспрепятствовалъ своею превосходною находчивостью Авреліанъ.

— Это сумасшедшій, сказалъ онъ, спокойно обращаясь къ

гунну; мы не отвѣчаемъ за него. — Воины, возьмите прочь этого безумца, и если нужно, то наложите на него оковы.

Гуннъ не былъ раненъ, потому что ударъ едва коснулся его; поэтому онъ поднялъ упавшую голову и опять надѣлъ ее на копье, съ чисто гуннскимъ звѣрствомъ вонзивъ его въ щеку, и съ широкой безобразной улыбкой пошагалъ дальше. Народная толпа была слишкомъ занята интереснымъ для нея зрѣлищемъ, чтобы замѣтить происшедшій непріятный случай. Слухъ, который дошелъ до Евтихія, успѣлъ распространиться и среди народа, и онъ съ радостными криками встрѣчалъ голову ненавистнаго Гайны.

Но это зрѣлище было невыносимо для Валамира. Отъ крайняго душевнаго потрясенія онъ безъ чувствъ повалился на землю; его рана, которая еще недавно только зажила, вскрылась вновь, обагривъ кровью его готскій изъ волчьей шкуры нарядъ, съ которымъ онъ, пренебрегая опасностью для себя, ни за что не хотѣлъ разставаться, видя въ немъ такъ сказать послѣдній символъ самыхъ дорогихъ для него воспоминаній.

Воины Авреліана знали его, и поняли все значеніе этого случая. Чтобы спасти несчастнаго юношу, они сдѣлали видъ, что будто арестуютъ его. Они заковали ему руки въ кандалы и отвели его домой. Авреліанъ, возвратившись домой, отнесся къ его поступку съ снисходительностью, простилъ его и, высказавъ ему нѣсколько словъ успокоивающаго сочувствія и предостереженія, велѣлъ съ него снять оковы.

У Валамира отъ ужаса и горя почти разрывалось сердце. Онъ опять подвергся острому припадку болѣзни и во время своего выздоровленія пришелъ къ непреклонному рѣшенію — скорѣе нищенствомъ добывать себѣ хлѣбъ, чѣмъ оставаться въ этомъ ненавистномъ ему кровожадномъ городѣ хоть однимъ днемъ дольше, чѣмъ для него было необходимо. При первой возможности онъ повидалъ Евтихія и совѣтовался съ нимъ, какъ и съ другими своими товарищами о томъ, что ему дѣлать теперь.

— Я не могу, сказалъ онъ, оставаться въ домѣ Авреліана, хотя уважаю и люблю его. Онъ былъ добръ и великодушенъ ко мнѣ; но гдѣ бы я ни ходилъ по улицамъ, мнѣ все кажется, что я ощущаю острый запахъ крови отъ избіенія моего народа. Теперь я никуда не могу поднять своихъ глазъ на форумѣ, чтобы мнѣ не

казалось, будто я вижу...—и онъ замахалъ руками передъ лицомъ, какъ будто отгоняя какое-то ужасное видѣніе.

— Но что же ты будешь дѣлать, когда оставишь насъ?

— Я уже думалъ объ этомъ. Грутонговъ нѣтъ больше. Аларихъ Балтъ есть тервингъ *), а не грутонгъ; но онъ теперь стоитъ во главѣ моего народа. Я думаю отправиться къ нему.

— Тебѣ будетъ нелегко пробраться въ Иллирію въ это тревожное время, сказалъ Филиппъ.

— Быть можетъ я окажусь не безполезнымъ въ этомъ отношеніи, замѣтилъ Давидъ. Мой отецъ извѣстенъ своей безпорочной честностью, и іудейскіе купцы Константинополя часто посылаютъ его туда съ своими порученіями. Валамиру конечно нельзя путешествовать съ нимъ въ своей готской одеждѣ; но если онъ хотя въ теченіе трехъ дней согласится поносить чужую одежду, пока не перейдетъ границу Ѳракіи, то черезъ какую-нибудь недѣлю мой отецъ препроводитъ его въ качествѣ своего компаньона до самой Иллиріи и даже до Эмоны.

— Когда отправляется онъ? съ нетерпѣніемъ спросилъ Валамиръ.

— Завтра, отвѣчалъ Давидъ, раннимъ утромъ. Пойдемъ теперь къ нему.

Всѣ четверо молодыхъ людей встали и пошли, при чемъ Филиппъ, по обычаю, радъ былъ случаю повидать Маріамь. Тамъ они сообща порѣшили, что Валамиру необходимо было какъ-нибудь замаскироваться, и приготовили все необходимое для него. Его одѣли въ верхній полосатый плащъ въ родѣ тѣхъ, какіе носили тогдашніе іудейскіе купцы, а на голову надѣли парикъ съ длинными черными пейсами, виднѣвшимися изъ подъ тюрбана. Этотъ костюмъ настолько скрывалъ молодого гота, что даже его ближайшіе друзья нелегко узнали бы его. Всѣ весело засмѣялись при видѣ этой полной метаморфозы. Приготовивъ все, Валамиръ въ эту же ночь написалъ нѣсколько словъ Авреліану. «Славный, добрый мужъ, писалъ онъ; послѣ того, что случилось, этотъ городъ сдѣлался для меня темницей или богадѣльней. Благодарю

*) Остготы называли себя грутонгами, вестготы носили племенное названіе тервинговъ. Автор. прим.

тебя отъ полноты моего искренне признательнаго сердца. Прости меня, что я оставляю тебя. Прощай!» Письмо это онъ отдалъ рабу-привратнику, который раннимъ утромъ отворилъ ему дверь. Съ Филиппомъ и Давидомъ онъ распростился наканунѣ вечеромъ, но Евтихій еще разъ повидался съ нимъ въ Халкопратіи, когда онъ пришелъ въ домъ Михаила, чтобы переодѣться. Съ сильно трепещущими сердцами, въ грустномъ предположеніи, что имъ уже никогда не придется встрѣтиться между собою, они обняли другъ друга.

Валамиръ, такъ много обязанный своему другу, палъ ему на шею и плакалъ; Евтихій въ свою очередь плакалъ навзрыдъ, обнимая своего друга. Разлучившись, чтобы идти совершенно различными, предназначенными имъ судьбой путями, они уже никогда потомъ не видѣлись между собою. Валамиръ отправился въ путь съ деспосиномъ Михаиломъ, который, вполнѣ сочувствуя понятной нетерпѣливости Валамира, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы поскорѣе совершить это путешествіе. Въ дорогѣ съ ними не было никакихъ особыхъ приключеній. Черезъ два дня молодой человѣкъ могъ уже сбросить съ себя іудейскую одежду, которую едва могъ выносить, и черезъ недѣлю былъ въ Эмонѣ—въ столицѣ Иллиріи, гдѣ находилась резиденція короля вестготовъ.

У Алариха было въ обычаѣ каждое утро засѣдать въ палатѣ своего дворца, гдѣ онъ, окруженный своими тѣлохранителями, вооруженными копьями и щитами, принималъ всѣхъ, кто приходилъ къ нему съ тѣми или другими просьбами и заявленіями.

Засѣданіе едва только началось, какъ въ палату короля вошелъ молодой человѣкъ въ полной готской одеждѣ, блѣдный, но съ безстрашнымъ благороднымъ лицомъ, красивый, какъ богъ юности. Вестготы съ удивленіемъ смотрѣли на него, потому что его поступь отличалась какимъ-то особымъ достоинствомъ, обличавшимъ въ немъ высокое происхожденіе, хотя никто изъ нихъ не зналъ его въ лицо.

Не замѣчая устремленныхъ на него многочисленныхъ взоровъ, молодой человѣкъ прямо прошелъ къ трону короля, въ знакъ почтенія сдѣлалъ колѣнопреклоненіе и затѣмъ всталъ передъ нимъ со сложенными на груди руками. Онъ былъ одѣтъ весь въ бѣлое. Плащъ, изъ тончайшей бѣлой шерсти, застегнутъ былъ у него на

правомъ плечѣ золотымъ орломъ; шелковая, съ короткими рукавами туника, съ золотымъ шитьемъ, стянута была вокругъ таліи поясомъ: чулки у него доходили выше колѣнъ; широкій отогнутый воротникъ, расшитый разными дорогими украшеніями, свидѣтельствовалъ о его высокомъ знатномъ происхожденіи. На здоровыхъ обнаженныхъ рукахъ сверкали два широкихъ золотыхъ браслета, какъ это было въ обычаѣ у готовъ, а черезъ отверстіе ворота виднѣлась изъ чеканнаго золота брошка, исписанная рунами, въ которыхъ стоявшіе около него могли прочесть слова: Gut annom hai laq («посвящено сокровищу готовъ»).

— Говори, юноша, — ласково сказалъ Аларихъ. — Твой видъ подобенъ виду молодаго воина. Не для того-ли ты прибылъ сюда, чтобы раздѣлить свою судьбу съ нами?

— Государь, — сказалъ Валамиръ: — я амалъ грутонговъ, младшій сынъ Гайны. Я бѣжалъ изъ Константинополя и радъ бы сражаться противъ гнусныхъ измѣнниковъ, которые погубили моего отца, избили мой народъ. Мой братъ, — я не знаю, живъ онъ, или мертвъ...

— Онъ живъ, братъ! — вскричалъ Торисмундъ, выступая изъ среды тѣлохранителей и крѣпко прижимая своего брата къ сердцу. Давно не видѣвшіе другъ друга братья какъ бы замерли въ долгихъ объятіяхъ.

Торисмундъ какъ-то странно волновался съ того самаго момента, какъ его младшій братъ вошелъ въ палату; но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые прошли съ того времени, какъ они разстались, Валамиръ значительно измѣнился: изъ мальчика сдѣлался юношей. Онъ былъ теперь гораздо выше ростомъ и возмужалъ, на верхней губѣ уже началъ пробиваться золотистый усъ. Все это, вмѣстѣ съ страшною блѣдностью, оставшеюся у него на лицѣ отъ пережитаго имъ недавняго потрясенія, и самою наконецъ невѣроятностію предположенія, чтобы онъ могъ оказаться здѣсь, воспрепятствовало Торисмунду сразу же узнать его. Торисмундъ даже думалъ, что братъ его былъ убитъ вмѣстѣ со своей матерью во время іюльскаго побоища въ Константинополѣ.

— Братъ мой, — воскликнулъ онъ, — я думалъ, что тебя уже нѣтъ въ живыхъ! Теперь, слава Богу, мы никогда не разстанемся опять.

— Неужели это твой братъ, Торисмундъ? — спросилъ Аларихъ, беря его за руку.—Молодой амалъ, я радъ принять тебя, какъ принялъ Торисмунда. Вы будете моими оруженосцами и оба должны быть рядомъ со мной, когда мы войдемъ въ ворота Рима.

— Непремѣнно будемъ, — воскликнули молодые амалинги, поднимая руки къ небу.

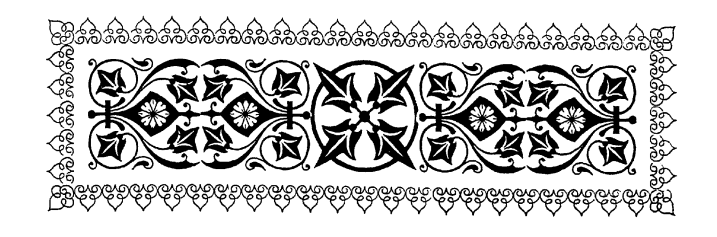

КНИГА ТРЕТЬЯ.

БЕЗДНА НЕНАВИСТИ И ЗЛОБЫ.

ГЛАВА XXXVII.

Міръ, плоть и діаволъ.

Злой духъ въ это время овладѣлъ дѣлами людей.

Зосимъ.

НА ВРЕМЯ мы разстанемся съ Валамиромъ и со всѣмъ лагеремъ готовъ. Намъ нужно побыть въ душномъ, развращенномъ городѣ, съ его низостью и ненавистью, въ томъ обществѣ, которое только и жило интригами и придворными сплетнями, и было до крайности испорчено подъ вліяніемъ міра, діавола и плоти.

Чѣмъ долѣе Іоаннъ совершалъ свою архипастырскую дѣятельность, тѣмъ болѣе по необходимости усиливалась его борьба съ грубою преданностью міру со стороны номинальныхъ христіанъ столицы. Къ сожалѣнію, его непреклонная прямота и честность въ борьбѣ со зломъ, не находила себѣ достаточной оцѣнки въ окружающемъ обществѣ, и его бесѣды и наставленія часто оказывали совершенно иное дѣйствіе, чѣмъ онъ предполагалъ: болѣе раздражали, чѣмъ умиротворяли и исправляли преданныхъ міру людей. Его архипастырскія старанія о возвышеніи нравственности столичнаго духовенства возстановили противъ него всѣхъ тѣхъ, которые при слабомъ его предшественникѣ привыкли къ полнѣйшей нестѣсненности въ жизни и дѣйствіяхъ. Небольшая группа лучшихъ членовъ духовенства оставалась еще преданной ему. Такіе

люди, какъ умный и серьезный Палладій, епископъ еленопольскій, почтенный и оригинальный Синезій, подолгу остававшійся въ Константинополѣ, Кассіанъ, впослѣдствіи основавшій монастырь св. Виктора въ Марсели; такіе добрые пастыри, какъ Германъ, другъ и родственникъ Кассіана и настолько тѣсно связанный съ нимъ узами дружбы, что о нихъ говорили, что они были, какъ одна душа въ двухъ тѣлахъ; такіе искренніе энтузіасты и строгіе ревнители церковныхъ постановленій, какъ архидіаконъ Серапіонъ и пресвитеръ Тигрій,—всѣ они цѣнили его высокое благочестіе, признавали его великій умъ и благоговѣли предъ его несравненнымъ достоинствомъ. Но большинство боялись и ненавидѣли его: всѣ тѣ, которые чувствовали на себѣ раскаленныя стрѣлы его обличеній, — недостойные, самозванные епископы и разные бродячіе монахи, беззастѣнчивые клирики, обличенные въ позорномъ сожительствѣ съ такъ-называемыми дѣвственницами-агапетами или въ пресмыкательствѣ предъ сильными и богатыми изъ-за низкихъ корыстныхъ разсчетовъ; наконецъ, всѣ тѣ мнимыя дѣвственницы, лицемѣрныя вдовы и діакониссы, которыя гордо величались напускною святостью, какъ-будто принадлежавшей имъ въ силу самаго ихъ положенія и платья, между тѣмъ, какъ онѣ пользовались этимъ положеніемъ только какъ средствомъ прикрытія своихъ страстей и плотскихъ вожделеній,—всѣ подобныя личности ненавидѣли великаго святителя отъ всего своего злого сердца, потому что невольно чувствовали угрызенія своей совѣсти предъ лицомъ великаго праведника.

Что касается высшихъ классовъ общества, людей богатыхъ и знатныхъ, то сначала они не могли еще рѣшить, какъ имъ дѣйствовать: сокрушить ли Іоанна, или покровительствовать ему? Вскорѣ оказалось, что послѣднее невозможно для нихъ. Творенія его были такъ ясны въ своемъ содержаніи, направлялись съ такою прямотою къ опредѣленной цѣли, отличались такою суровостью въ своихъ обличеніяхъ, что ихъ отнюдь нельзя было относить къ одному разряду съ тысячами тѣхъ риторически краснорѣчивыхъ изліяній, которыя, трактуя обо всемъ, въ частности не имѣли въ виду сказать ничего. Этотъ проповѣдникъ отнюдь не любилъ простыхъ упражненій въ краснорѣчивыхъ изліяніяхъ, имѣющихъ своею цѣлію прикрывать условными формами риторики скудость внутрен-

няго содержанія. Что онъ хотѣлъ сказать, то онъ высказывалъ съ полнѣйшею прямотою и ясностью, и всегда дѣйствовалъ согласно съ тѣмъ, что говорилъ. Онъ не довольствовался праздными обличеніями или разсужденіями, которыя, пожалуй, были и пригодны для ораторства, но совершенно не затрогивали обыденной жизни. Напротивъ, онъ прямо заявилъ, что отлучитъ всякаго гнуснаго грѣшника и не допуститъ къ святой чашѣ никого изъ тѣхъ, которые упорно отказываются слушать увѣщанія и не хотятъ исправиться въ своей жизни.

Проповѣдники всегда возставали противъ излишествъ въ нарядахъ подъ вліяніемъ причудливыхъ модъ. Блаженный Іеронимъ былъ такъ возмущенъ нововведеніемъ римскихъ дамъ его времени посыпать себѣ головы золотою пылью, что называлъ эту моду «озареніемъ своихъ волосъ пламенемъ геенны». Средне-вѣковые проповѣдники обыкновенно возставали противъ обычая носить остроконечные сапоги. Входить въ подобныя мелочи, пожалуй, и нѣтъ особенной надобности проповѣдникамъ, пока такого рода причудливости моды не подрываютъ прямо нравственности. Модныя причуды суть только признакъ мимолетной суетности и глупости, и устраненіе ихъ еще вовсе не означало бы излѣченія и самой болѣзни. Но въ данномъ случаѣ модныя увлеченія настолько въѣлись въ плоть и кровь жителей столицы, что, служа показателемъ крайняго легкомыслія, въ то же время поддерживали это печальное состояніе, внося повсюду крайнее развращеніе. Съ такимъ зломъ необходимо было бороться, и Іоаннъ съ свойственною ему рѣзкостью и прямотой обличалъ модныхъ франтовъ, щеголявшихъ своими вышитыми сапогами, которые были признакомъ самаго изысканнаго франтовства. Рѣзко и открыто изобличая этихъ молодыхъ фатовъ, онъ презрительно изображалъ, какъ они, съ крайней осторожностью пробирались по улицамъ, опасаясь, какъ бы не запачкать своихъ дорогихъ сапоговъ. «Сапоги, говорилъ онъ, сдѣланы для того, чтобы пачкать ихъ. Если ваши сапоги ужъ такъ великолѣпны, то почему вамъ не снимать ихъ и не носить ихъ на головѣ? Вы смѣетесь, но я болѣе склоненъ оплакивать ваше безумство.

Еще опаснѣе было возбуждать противъ себя гнѣвъ женской половины этого до крайности испорченнаго общества; но Златоустъ не останавливался въ исполненіи своего долга ни предъ какими

соображеніями о личной безопасности и потому безбоязненно сталъ обличать также и чопорныхъ дамъ съ ихъ роскошными кружевами. Нѣкоторымъ можетъ показаться, что это такой предметъ, который самъ по себѣ не заслуживалъ бы вниманія великаго святителя; но чтобы правильно судить о подобныхъ предметахъ, мы должны сообразоваться съ тѣми взглядами, которые господствуютъ въ данное время въ тѣхъ или другихъ странахъ. На востокѣ съ незапамятныхъ временъ для женщины считалось болѣе чѣмъ неприличнымъ являться публично съ непокрытой головой, и особенно въ священныхъ мѣстахъ. Извѣстно, что даже и ап. Павелъ высказывалъ этотъ взглядъ. Онъ держался того восточнаго взгляда, по которому, вопреки греческому обычаю, женщинѣ запрещалось выходить съ открытой головой «по причинѣ ангеловъ». Если женщина являлась съ непокрытой головой, то, какъ вѣрили іудеи, на нее немедленно садились злые духи, шкедимы, нечистые демоны. Вѣрованіе это продолжалось и позже и получило особенное развитіе во времена Магомета. Въ этомъ смыслѣ составилось даже особое сказаніе. Хадиджа хотѣла убѣдиться, дѣйствительно ли архангелъ Гавріилъ являлся пророку, и съ этою цѣлью сняла съ своей головы покрывало; и вотъ Гавріилъ немедленно удалился, чего не сдѣлалъ бы злой духъ. Тотъ же самый взглядъ среди евреевъ сохраняется и доселѣ. Въ самомъ Константинополѣ еще недавно народъ серьезно вѣрилъ, что появившаяся на берегахъ Босфора холера была прямымъ наказаніемъ за то, что женщины подъ вліяніемъ гяуровъ перестали носить свои покрывала или чадры. Но помимо этихъ спеціально восточныхъ взглядовъ, носить завитые локоны на лбу дотолѣ считалось признакомъ женщинъ дурного поведенія. И Златоусту естественно казалось совершенно постыднымъ дѣломъ, что женщины, считающія себя христіанками, имѣли безстыдство являться въ церковь въ такихъ локонахъ, которые дерзко нарушали всякую благопристойность... Поэтому онъ и публично и частно обличалъ эту непристойность, подвергая виновныхъ съ свойственнымъ ему гнѣвнымъ, исполненнымъ справедливаго негодованія сарказмомъ, самымъ строгимъ обличеніямъ и укорамъ. Великому святителю, при его серьезныхъ взглядахъ на жизнь, особенно ненавистны были кокетство и жеманство пожилыхъ людей, старавшихся своей одеждой и мане-

рами придать себѣ молодость, и какъ на бѣду законодательницами моды въ Константинополѣ въ его время были три знатныя, чрезвычайно преданныя роскоши, обладавшія огромными богатствами и отличавшіяся чисто мірскою нравственностью дамы, которыя при томъ къ великому соблазну истинныхъ христіанъ старались выставлять себя набожными христіанками. Дамы эти вызывали съ его стороны самые суровые укоры. Это были Марса, Кастриція и Епиграфія. Всѣ онѣ были вдовы и ихъ образъ жизни для Іоанна, привыкшаго высоко цѣнить достоинство вдовства на примѣрѣ своей истинно благочестивой матери Анѳусы, былъ особенно омерзителенъ. Марса была вдовой военачальника Промота, который былъ лишенъ сана и преданъ смерти благодаря ревнивой зависти къ нему со стороны Руфина. Ѳеодосій сжалился надъ ея двумя дѣтьми и они по его распоряженію были воспитаны вмѣстѣ съ его сыновьями Аркадіемъ и Гоноріемъ. Кромѣ этого, уже самого по себѣ высокаго отличія, Марса съ материнской стороны доводилась еще двоюродной сестрой императрицѣ. Такимъ образомъ она была безспорной законодательницей моды среди высшаго круга столичныхъ дамъ.

Кастриція лишь недавно сдѣлалась вдовою послѣ смерти доблестнаго консулярія Сатурнина, вѣроятно умершаго во время своего изгнанничества, которому онъ подвергся со стороны ревниво относившагося къ нему Гайны. О ней намъ извѣстно очень немного, за исключеніемъ того, что она вполнѣ походила на двухъ другихъ своихъ пріятельницъ.

Хуже всѣхъ въ этой нечестивой троицѣ по единогласному свидѣтельству была Епиграфія. Насколько патріархъ уважалъ такую истинно достойную вдову, какою была Олимпіада, настолько же онъ чувствовалъ отвращеніе къ вдовѣ, которая, забывъ о своей потерѣ, заботилась только объ удовольствіяхъ міра сего и своимъ легкимъ поведеніемъ производила соблазнъ въ обществѣ. Домъ Епиграфіи былъ открытъ для всѣхъ тѣхъ наихудшихъ представителей современнаго ханжества, у которыхъ вмѣстѣ съ внѣшнимъ благочестіемъ какъ-то дружелюбно уживалась самая грубая преданность мірскимъ наслажденіямъ, и она особенно дружила съ тѣми знатными духовными особами, которыя носили свое духовное платье лишь для того, чтобы прикрывать имъ свои далеко не ду-

ховныя дѣла. Кромѣ того тѣ способы, къ которымъ она прибѣгала съ цѣлію придать видъ молодости своимъ уже поблекшимъ чарамъ, въ глазахъ такого суроваго подвижника, какимъ былъ Іоаннъ, дѣлали ее особенно омерзительной.

Такія обличенія съ церковной каѳедры, конечно, казались этимъ дамамъ направленными противъ нихъ лично, тѣмъ болѣе, что проповѣдникъ во время своей проповѣди невольно бросалъ на нихъ свои взоры, такъ какъ онѣ занимали наиболѣе видныя мѣста на галлереѣ вблизи амвона, съ котораго онъ говорилъ. Положеніе ихъ еще ухудшалось тѣмъ, что народъ, всегда массами стекавшійся въ святую Софію послушать краснорѣчивую проповѣдь патріарха, главнымъ образомъ принадлежалъ къ бѣднымъ классамъ населенія. Хотя жители Констатинополя не были такими вѣтряными насмѣшниками, какими были антіохійцы, однако и среди нихъ не было недостатка въ такихъ, которые съ недвусмысленною насмѣшливостью обращали свои взоры къ этимъ богатымъ вдовамъ и сопровождали особенно выдающіяся мѣста въ проповѣди откровенными усмѣшками по ихъ направленію.

Патріархъ между тѣмъ не ограничился общественными обличеніями. Эти три аристократки были главными виновницами обличаемаго имъ зла, и онъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать имъ пастырское посѣщеніе, во время котораго пытался подѣйствовать на нихъ личнымъ убѣжденіемъ, получавшимъ особенное значеніе въ виду его высокаго авторитета. Сначала онъ отправился въ домъ Епиграфіи, и такъ какъ всѣ козни этихъ интриганокъ обыкновенно придумывались во время ихъ собраній въ ея роскошномъ салонѣ, то оказалось, что онѣ всѣ три были вмѣстѣ и, какъ нерѣдко случалось, съ крайнимъ ожесточеніемъ говорили о патріархѣ, собирая и сочиняя всевозможныя сплетни и клеветы на его неповинную голову.

— Мнѣ, дорогія подруженьки, разсказывали, повѣствовала Марса...

Но драгоцѣнная для «подруженекъ» новинка, заимствованная изъ неисчерпаемаго источника праздныхъ слуховъ, которые, конечно, сочинялись и распространялись ими же самими, на этотъ разъ осталась не досказанной, потому что какъ разъ въ этотъ моментъ рабъ съ низкимъ поклономъ доложилъ: «Его блаженство

Іоаннъ, патріархъ Константинопольскій». Всѣ три дамы въ удивленіи и смущеніи переглянулись между собой; но затѣмъ отправившись встали, по установившемуся обычаю сдѣлали колѣнопреклоненіе, подошли подъ благословеніе и поцѣловали ему руку. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ пріемъ ему былъ до очевидности холоденъ.

Златоустъ пришелъ, конечно, не для того, чтобы расточать комплименты и, будучи постоянно занятъ, не могъ понапрасну терять дорогое для него время.

Безъ всякихъ прелюдій касательно погоды или придворныхъ событій, онъ прямо сказалъ, что прибылъ съ нарочитой цѣлью высказать имъ свое пастырское наставленіе, и прежде всего обратилъ вниманіе на то, какъ неприлична была во всѣхъ отношеніяхъ ихъ одежда, несвойственная ихъ лѣтамъ и вдовству.

— Наша одежда, холодно сказала Марса, касается только насъ самихъ. Какое дѣло служителю церкви и полуотшельнику, въ родѣ тебя, до того, какъ одѣваются женщины?

— Никто раньше твоего блаженства никогда не обличалъ насъ за подобныя вещи, — въ свою очередь замѣтила Кастриція. Твое пастырское обличеніе похоже на намѣренное оскорбленіе.

— Было бы гораздо лучше, прибавила Епиграфія, если бы твое блаженство ограничивался прямымъ исполненіемъ епископскихъ обязанностей. Мы вовсе не хотимъ ходить, какъ какія-нибудь нищія, подобно Олимпіадѣ и Сальвинѣ...

— Я говорю вамъ не отъ моего собственнаго имени, серьезно сказалъ патріархъ. Вамъ извѣстны слова великаго и святого апостола Петра: «Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не зототые уборы, или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ. Такъ нѣкогда и святыя жены, уповавшія на Бога, украшали себя» *). Вотъ гдѣ должны вы находить образецъ для себя. А между тѣмъ какъ вы одѣваетесь? Что это у васъ за платья? Язычницы носятъ зазорно прозрачныя газовыя одежды съ изображеніемъ такихъ сценъ, какъ подвиги Геркулеса; какъ бы въ подражаніе имъ, и вы, какъ я

*) 1 Петр. III, 3—5.

вижу, расшили свои платья, хотя и не подвигами языческаго героя, а исторіей исцѣленія разслабленнаго и другими евангельскими событіями. Неужели вы думаете, что оказываете честь Христу, нося съ собою въ циркъ и въ театръ и во всѣ другія грѣховныя мѣста увеселеній разсказы изъ Его Евангелія? Насколько лучше было бы, если бы вы носили Его въ своемъ сердцѣ!

Это рѣзкое, прямое обличеніе распалило ярость высокородныхъ дамъ. Марса почти вскрикнула, какъ ужаленная, и въ оправданіе себя стала приводить то, что не всѣ епископы такъ относятся къ нимъ, и напримѣръ такой истинно деликатный епископъ, какъ Северіанъ, увидѣвъ ихъ въ это утро какъ разъ въ этихъ самыхъ одеждахъ, съ любезной улыбкой сказалъ, что такъ только одѣваются «дочери царя во всей славѣ своей»...

— Но вѣдь вы не молодыя іудейскія дѣвственницы на брачномъ пирѣ. Вы пожилыя вдовы!

— Пожилыя!? вскрикнула Епиграфія, при чемъ другія двѣ усиленно заморгали отъ столь неожиданнаго для нихъ оскорбленія. Отвернувшись отъ патріарха, она сказала съ такой грубостью, какую только могла придать своему голосу и всей осанкѣ: «Да извинитъ твое блаженство, мы одѣваемся согласно съ нашимъ положеніемъ и съ нашими вкусами, и ты можешь быть увѣренъ, что несмотря на твои ужасныя замѣчанія, мы будемъ продолжать это и впредь.

— Прискорбно слышать это. Но неужели вы будете продолжать также носить ваши волосы завитыми въ локоны, на вашемъ челѣ, къ общему смущенію раскрашивать себѣ щеки сурикомъ и подводить себѣ глаза сурьмой, чтобы поддерживать подобіе мнимой молодости? Неужели вы хотите уподобиться нечестивой Іезавели?

— Это наконецъ невыносимо! воскликнула Епиграфія, поднимаяся съ своего мягкаго роскошнаго кресла. — Будь увѣренъ, блаженнѣйшій, что объ этомъ немедленно доведено будетъ до свѣдѣнія императора. Марса сообщитъ своей двоюродной сестрѣ— Августѣйшей императрицѣ, и она навѣрно съумѣетъ защитить насъ отъ подобныхъ оскорбленій!

— Обличеніе не есть оскорбленіе, поднимаясь сказалъ па-

тріархъ; но такъ какъ вы не хотите принимать моихъ наставленій, то я долженъ сказать вамъ словами пророка Исаіи: «берегитесь вы, женщины, легкомысленныя; слушайте мои слова, вы дщери безпечныя»! Пока я не увижу, что вы стали меньше предаваться мірской суетности, не увижу доказательствъ такой жизни, которая болѣе прилична вдовамъ, называющимъ себя христіанками, дотолѣ я долженъ закрыть двери святилища для васъ и не буду допускать васъ къ святому причащенію.

— Но въ Константинополѣ есть и другія церкви, кромѣ святой Софіи, язвительно сказала Марса.

— Если ты разумѣешь церкви еретиковъ, то вина въ общеніи съ ними будетъ на твоей собственной душѣ. Я же исполнилъ мой долгъ. О, еслибы я, уходя, могъ преподать вамъ мое архипастырское благословеніе; но теперь это было бы простымъ кощунствомъ.

— Да мы и не желаемъ его, сказала Епиграфія; мы предпочитаемъ остаться безъ него, и я увѣрена, прибавила она съ грубой отрывистостью, что его святѣйшество уже не побезпокоитъ насъ вторичнымъ своимъ посѣщеніемъ. Если это будетъ, то двери моего дома могутъ оказаться запертыми для него.

Онъ поклонился и оставилъ ихъ. Состояніе ихъ не поддается никакому описанію. Онѣ готовы были разразиться отъ ярости слезами, какъ въ это время къ нимъ вошелъ одинъ изъ завсегдатаевъ роскошнаго салона Епиграфіи, и онѣ излили предъ нимъ свою огорченную и оскорбленную душу и вмѣстѣ съ нимъ обсуждали роковой для нихъ вопросъ, что же дѣлать и какъ избавиться отъ ненавистнаго патріарха. Все, что только могла придумать и сочинить женская злоба, все это было излито на голову великаго святителя.

Но патріарху приходилось вести борьбу не съ одними только молодыми фатами и престарѣлыми франтихами. Онъ, можно сказать, долженъ былъ вести борьбу и вообще съ богатыми классами столицы. Его до крайности возмущала бросавшаяся въ глаза противоположность между безграничнымъ богатствомъ, съ суетной показностью разбрасывавшимся на наслажденія, и между бѣднотой, которая не имѣла даже убѣжища въ случаѣ болѣзни и не знала, гдѣ достать кусокъ хлѣба. Убѣжденный въ краткости жизни и

ограниченности человѣческихъ нуждъ, онъ смотрѣлъ на излишнюю роскошь богатыхъ какъ на преступленіе, вопіющее къ небу. Даже языческій моралистъ когда-то сказалъ: Cur eget indignis quisquam, te devite (зачѣмъ кто-нибудь безвинно находится въ нуждѣ въ то время, какъ ты богатъ?). Неудивительно, если Златоутъ съ его глубокосострадательнымъ сердцемъ чувствовалъ всю силу этого вопроса, тѣмъ болѣе, что проникнутый такимъ чувствомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ для себя затруднительнымъ добывать необходимыя суммы для осуществленія своего плана, касательно систематической благотворительности посредствомъ госпиталей и миссій. Поэтому онъ обличалъ роскошь, чревоугодіе, алчность со всей силой своего краснорѣчія. Обращаясь къ богатымъ, онъ спрашивалъ ихъ, неужели они не стыдятся морить голодомъ цѣлыя провинціи, въ то же время проходя моря и земли, чтобы достать себѣ какія-нибудь чудовищныя, въ сущности нездоровыя сладости? Не благоразумнѣе ли было бы наслаждаться здоровой умѣренностью? Затѣмъ онъ обличалъ нелѣпые обычаи, по которымъ знатные вельможи ходили по улицамъ, окруженные толпами слугъ, какъ-будто какіе-нибудь опасные тигры, порицалъ ихъ зазорную страсть къ золоту, доходившую до того, что, какъ ему казалось, между ними были и такіе, которые, уже наполнивъ свои дома всевозможными драгоцѣнностями и золотой мебелью, хотѣли бы, если бы это только возможно было, имѣть и самое небо и воздухъ изъ золота. А между тѣмъ неужели при самыхъ безумныхъ расходахъ они въ состояніи найти ковры пріятнѣе тѣхъ, которые покрываютъ землю весенней зеленью, или столь великолѣпныя кровли, какъ синее звѣздное небо? Сначала такія обличенія казались богатымъ людямъ довольно пикантными и они по временамъ даже рукоплескали проповѣднику, думая, что это простыя слова, которыя говорятся для занятія и развлеченія слушателей. Но когда они убѣдились, что такія обличенія вытекали изъ глубоко серьезнаго убѣжденія и искренняго сердца, то стали охладѣвать и мало-по-малу избѣгать вообще посѣщенія храма святой Софіи. Да и вообще-то они никогда особенно усердно не посѣщали этого храма, и даже въ великіе праздники достаточно было какой-нибудь новинки въ театрѣ или хорошей программы на гипподромѣ, чтобы они предпочли церковной службѣ эти увлекательныя мѣста увеселеній.

Приходя послушать патріарха, они думали, что исполняютъ этимъ долгъ свѣтскаго приличія и что своимъ присутствіемъ среди молящихся они даже дѣлали въ нѣкоторомъ родѣ одолженіе патріарху, который между тѣмъ не съумѣлъ-де оцѣнить этого ихъ благородства. Замѣтивъ такое отношеніе ихъ къ храму, патріархъ счелъ своимъ долгомъ открыто заявить съ каѳедры, что если они приходятъ въ церковь съ такими именно взглядами и цѣлями, то онъ предпочитаетъ лучше совсѣмъ не видѣть ихъ присутствія здѣсь. Ему гораздо пріятнѣе и отраднѣе совершать богослуженіе, если храмъ до тѣсноты наполненъ благоговѣйно слушающими его бѣдняками. Хваля ихъ, онъ, конечно, при этомъ свой собственный идеалъ того, чѣмъ они должны бы быть, принималъ за то, чѣмъ они были. Съ этой точки зрѣнія, справедливо считая себя общимъ отцомъ всѣхъ, онъ, иногда по своему отеческому состраданію къ нуждающимся, восхвалялъ ихъ больше, чѣмъ они заслуживали, и послѣ одного землетрясенія прямо сказалъ, что городъ, которому угрожала почти гибель отъ пороковъ богатыхъ, былъ спасенъ только молитвами и добродѣтелями бѣдныхъ.

Однажды Златоустъ разсказалъ поразительный случай. Была продолжительная засуха, причинившая великій голодъ и нужду. По этому случаю возносилось много молитвъ и совершалось много молебствій о дождѣ и наконецъ, къ великой радости и къ облегченію народа, пошелъ дождь и народъ массами устремился въ церкви, чтобы благодарить Бога. Но среди общей радости вдругъ встрѣчается человѣкъ до крайности чѣмъ то угнетенный и разстроенный.

— Почему ты не идешь съ нами, спрашиваютъ его, принять участіе въ нашемъ радостномъ благодареніи?

— Мнѣ ненавистно ваше благодареніе! отвѣчалъ тотъ. Я только что собралъ 10,000 мѣръ пшеницы, чтобы продать ее по возможно высокой цѣнѣ и уже разсчитывалъ на хорошую выручку, и вотъ теперь всѣ разсчеты разстроились!..

Такой разсказъ, конечно, во всякое время могъ вызвать крайнюю ярость противъ лицъ, предающихся алчности и жестокости; но было бы нелишне прибавить къ этому, что не всѣ богачи такіе же чудовищные, какъ этотъ, и не всѣ бѣдные являются воплощеніемъ добродѣтели. И дѣйствительно Златоустый пропо-

вѣдникъ говорилъ, что онъ считалъ не богатство преступленіемъ само по себѣ, а неправильное пользованіе богатствомъ.

Но дѣло въ томъ, что злоупотребленіе богатствомъ было глубокою общественною язвою того времени, и когда проповѣдникъ своимъ огненнымъ краснорѣчіемъ прижигалъ эту язву, то богатые и высшіе классы считали себя крайне оскорбленными. И вотъ вдобавокъ къ другимъ обвиненіямъ, взводившимся на Златоуста, теперь открыто поносили его какъ Гракха на церковной каѳедрѣ, мятежнаго демагога и яростнаго анархиста,— человѣка, который, ради своихъ собственныхъ злыхъ цѣлей, проповѣдывалъ соціализмъ и возстанавливалъ одни классы общества противъ другихъ, неимущихъ противъ имущихъ. Богатые при этомъ, конечно, не давали даже себѣ труда хорошенько понять его или вникнуть въ тотъ урокъ, который онъ старался преподать имъ; но бѣдные, которые, какъ всегда, составляли огромное большинство, видѣли, что онъ самъ, не смотря на окружающее его богатство, жилъ въ суровой простотѣ, нисколько не заботился о деньгахъ и всѣ доходы патріархіи расходовалъ на благо нуждающимся. Преклоняясь предъ его благороднымъ безкорыстіемъ и щедрымъ благотвореніемъ, признательные ему за высокое покровительство и защиту, бѣдняки поддерживали и ободряли его, и на время по крайней мѣрѣ, силой своей глубокой любви и преданности, они не давали осуществиться злымъ замысламъ, которые уже составлялись съ цѣлью его погубленія.

Такимъ образомъ у Златоуста было уже много враговъ, кокорые стремились къ его низверженію и погубленію. Но вотъ между ними явился и еще одинъ, вражда котораго была опаснѣе всѣхъ остальныхъ. Это была императрица Евдоксія. Гордая, вспыльчивая, страстная, властолюбивая и нетерпящая никакого соперничества въ своей власти, какой-бы то ни было преграды для своихъ наималѣйшихъ желаній она не только охладѣла къ патріарху, но и сдѣлалась крайне враждебной къ нему.

Со времени смерти Евтропія она самолично правила Аркадіемъ и правила нужно сказать, желѣзнымъ жезломъ. Все, что онъ ни дѣлалъ, было просто исполненіемъ ея требованій. Единственный противовѣсъ своему самовластію она находила только въ независимости патріарха, какъ церковнаго владыки восточной церкви. Какъ

только она убѣдилась, что не было никакой возможности сдѣлать изъ него орудія своихъ желаній или склонить его страхомъ, лестью или личными выгодами къ тому, чвобы отступить, хотя на волосъ, отъ предписаній строгаго долга, то начала чувствовать безпокойство. Но когда стрѣлы его обличеній противъ роскоши стали задѣвать и ее, какъ покровительницу модъ или даже, повидимому, нарочно направлялись на нее, то она закипѣла негодованіемъ и въ ней заговорила оскорбленная гордость. Сначала, однако, не смотря на то, что то та, то другая проповѣдь патріарха по временамъ очень сурово затрогивала ея условное и притворное благочестіе, она ради приличія сносила это скрѣпя сердце. Но два обстоятельства были причиной того, что ея негодованіе вспыхнуло огнемъ неумолимаго гнѣва.

Во-первыхъ она думала (хотя безъ всякаго основанія) что патріархъ при одномъ случаѣ выдалъ воинамъ мѣсто укрывательства ея любимца князя Іоанна, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ даже серьезно ходатайствовалъ о немъ, такъ что послѣдній своей жизнью былъ, вѣроятно, обязанъ его именно ходатайству. Другимъ обстоятельствомъ была произнесенная патріархомъ проповѣдь о виноградникѣ Навуѳея. Произнесеніе этой проповѣди какъ разъ совпало съ однимъ беззаконіемъ Евдоксіи, которая безсердечно лишила бѣдную вдову Калліотропу ея виноградника, и враги Златоуста не преминули донести ей, что подъ Іезавелью онъ разумѣлъ именно императрицу. При своей обычной прямотѣ Златоустъ быть можетъ и сказалъ что-нибудь такое, что могло допускать такое толкованіе, потому что объ этомъ явно свидѣтельствуетъ его посѣтитель, епископъ Порфирій газскій. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что не было еще такого вѣка, въ которомъ бы пророки и подвижники Божіи не призывались къ тому, чтобы бороться противъ алчности богатыхъ и самоуправства правителей. Такъ Авраамъ, по древнему іудейскому сказанію, обличалъ Нимврода; Исаія, какъ извѣстно изъ св. Писанія, укорялъ Ахаза; Іеремія противодѣйствовалъ Іоакиму и Седекіи; Даніилъ мужественно выступалъ противъ гнѣва Валтасара и Дарія; Іоаннъ Креститель обличалъ Ирода, святой Аѳанасій Великій мужественно возставалъ противъ Константина, Василій Великій противодѣйствовалъ Юліану и Валенту, Амвросій Великій доблестно боролся противъ самовластія императрицы Іустины и импера-

тора Θеодосія. Если есть хотя малѣйшая доля истины въ свидѣтельствахъ о тѣхъ злыхъ дѣлахъ, которыя совершала Евдоксія, то можно быть увѣреннымъ, что Златоустъ не поколебался бы выступить съ обличеніемъ ихъ.

Одинъ современный разсказъ, написанный Маркомъ, сотоварищемъ Порфирія, епископа газскаго, по случаю посѣщенія имъ Константинополя, проливаетъ интересный свѣтъ на состояніе дѣлъ въ то время. Это было въ началѣ 401 года. Порфирій прибылъ въ Константинополь съ цѣлью добиться отъ Аркадія указа о запрещеніи мятежнаго самоуправства язычниковъ въ Газѣ, и онъ просилъ Златоуста помочь ему въ этомъ.

— Мое ходатайство было бы безполезно, сказалъ патріархъ, потому что императоръ въ сущности находится всецѣло подъ властію императрицы, а она крайне непріязненна ко мнѣ, потому что предполагаетъ, что я сравнивалъ ее въ своей проповѣди о Навуѳеевомъ виноградникѣ съ Іезавелью; но я доставлю тебѣ возможность повидаться съ ней, черезъ ея царедворца, превосходительнаго Амантія.

Дѣйствительно Порфирій съ нѣсколькими другими епископами былъ удостоенъ аудіенціи у императрицы. Принимая ихъ, Евдоксія сидѣла на золотомъ диванѣ, причемъ извинилась, что не встала привѣтствовать ихъ, потому что скоро ожидала сдѣлаться матерью. Ей понравилось простое достоинство этихъ провинціальныхъ епископовъ, и она пожертвовала имъ черезъ Амантія большую сумму денегъ въ пользу ихъ епархій, а на слѣдующее утро назначила имъ другую аудіенцію.

Когда они явились, то она сказала, что императоръ смущенъ ихъ прошеніемъ, потому что Газа платила свои налоги съ замѣчательной аккуратностью, и онъ опасался, какъ бы, подвергая язычниковъ стѣсненію, не повредить правильному поступленію доходовъ въ казну. «Однако, прибавила она, я сдѣлаю для васъ все, что въ моей власти». Затѣмъ она попросила ихъ благословенія и молитвъ. Они преподали ей благословеніе и привели ее въ восторгъ, обѣщая ей, что она, будучи матерью трехъ дочерей, теперь сдѣлается матерью сына.

Обѣщаніе дѣйствительно исполнилось, потому что черезъ нѣсколько дней у нея родился сынъ Θеодосій, первый порфирород-

ный, т. е. князь, рожденный въ порфирѣ, со временъ Константина. Евдоксія приписала свое счастливое материнство молитвамъ именно газскихъ епископовъ. Вскорѣ ребенокъ былъ крещенъ со всѣмъ царственнымъ блескомъ.

Когда торжественное шествіе выходило изъ собора, то продѣлана была маленькая комедія, чѣмъ Евдоксія достигла своего желанія, которыя впрочемъ и безъ того въ это время рѣдко оставались неудовлетворенными. Епископъ, который несъ ребенка на рукахъ, по предварительному условію, остановился, и при этомъ Порфирій вложилъ свое прошеніе въ его маленькія ручки. Аркадій взялъ прошеніе изъ рукъ своего ребенка и, прочитавъ его, сказалъ: «я не могу отказать въ первой просьбѣ моего маленькаго сына».

Младенецъ немедленно былъ пожалованъ титуломъ« Августа» — къ великому неудовольствію всего западнаго міра; равнымъ образомъ императрица, которая теперь держала въ своихъ рукахъ всю власть, раньше принадлежавшую Руфину и Евтропію, и пользовалась ею съ одинаковой алчностью и низостью, также получила титулъ Августы.

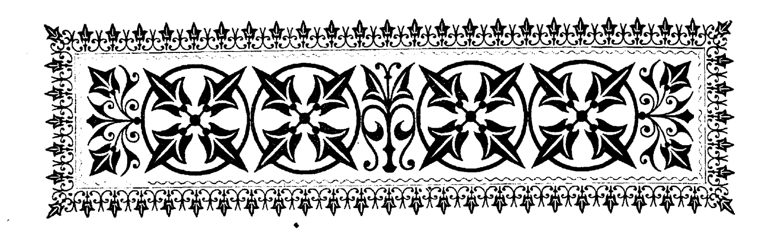
Римскій міръ протестовалъ впрочемъ не противъ собственно титула Августы, но противъ того, что безпомощная имперія въ своемъ жалкомъ подчиненіи то евнуху, то теперь женщинѣ, повидимому, напоминала старыя времена Багоя или Семирамиды *) и потеряла благородное мужество и доблести древняго Рима.

И вотъ, такимъ образомъ, благодаря уловкѣ Евдоксіи, изданъ былъ указъ, которымъ налагался запретъ на дальнѣйшее исповѣданіе язычества въ древнемъ финикійскомъ городѣ.

---

*) Bagoas — знаменитый евнухъ, любимецъ персидскаго царя Артаксеркса III. Имя его впослѣдствіи у римскихъ писателей сдѣлалось синонимомъ алчнаго и беззастѣнчиваго, забывшагося и безгранично высокомѣрнаго временщика. — Семирамида — сладострастная и властолюбивая жена Нина безгранично господствовавшая надъ своимъ мужемъ.

Перев.

ГЛАВА XXXVIII.

Новыя смуты.

Мы УЖЕ достаточно видѣли, какими нестроеніями и смутами страдала христіанская церковь въ Антіохіи и особенно въ Константинополѣ. Прискорбно видѣть, что то же самое нравственное паденіе давало себя чувствовать по всей Ѳракіи, Малой Азіи и Понту, — можно сказать по всѣмъ тѣмъ странамъ, къ населенію которыхъ обращались со своими соборными посланіями святые апостолы Петръ и Іаковъ. Уже къ началу второго столѣтія церковь, по свидѣтельству Плинія, настолько покорила міръ даже въ отдаленной Виѳиніи, что древніе храмы боговъ опустѣли; но вотъ теперь эти боги и воплощаемые имъ пороки: Меркурій и Афродита, Плутонъ и Цибела, Молохъ и Астарта, Мамона и Веліалъ, — вновь вторгались въ среду христіанъ, часто прикрываясь святѣйшими именами. Много доказательствъ подобнаго вторженія міра, плоти и діавола въ среду христіанъ представляла сѣверная Африка. Если бы интересъ нашей книги затрогивалъ и западный міръ, то мы увидѣли бы, что Римъ страдалъ въ этомъ отношеніи не менѣе, какъ Константинополь, Миланъ, какъ Ефесъ, Равенна какъ Александрія. Всѣ истинно вѣрующіе скорбѣли объ этомъ, тѣмъ болѣе, что лучшіе изъ самихъ язычниковъ, замѣчая упадокъ искренности и добродѣтельности въ христіанствѣ, не безъ злорадства говорили: «смотрите, какъ христіанство, сначала поражавшее простотой и доб-

лестью въ своемъ нравственномъ идеалѣ, теперь выродилось въ нѣчто болѣе нетерпимое и не болѣе нравственное, чѣмъ старое язычество. Оно воплотило въ себѣ тѣ старыя суевѣрія, какія отброшены нами. Христіане сдѣлались болѣе матеріальными, болѣе испорченными, чѣмъ нашъ неоплатонизмъ. Христіанство имѣетъ достойныхъ сыновъ, но большинство его приверженцевъ потеряли наши мужественныя доблести и не преминули усвоить наши признанные пороки» *). Въ Египтѣ, напримѣръ, было много такихъ, которые подъ вліяніемъ всѣхъ окружающихъ неблагопріятныхъ впечатлѣній, видѣли больше красоты и нравственной доблести въ жизни язычницы Ипатіи, чѣмъ въ жизни такого патріарха, какимъ былъ Θеофилъ александрійскій.

Всѣ истинные христіане невольно испытывали тревогу въ эти мрачные дни, и въ ихъ душу закрадывались почти невыносимыя опасенія. На ужасное усиленіе преданности міру и его страстямъ, которое даже могло напоминать имъ предсканное апостоломъ Павломъ отпаденіе, они смотрѣли, какъ на признакъ близкаго пришествія антихриста. Особенно близко принимали они къ сердцу вѣщія слова еврейскихъ пророковъ. Не прошло еще столѣтія со времени обращенія перваго христіанскаго императора и со времени перваго вселенскаго собора; не прошло еще четырехъ столѣтій съ того момента, какъ въ великую и славную ночь надъ спящимъ Виθлеемомъ ангельскій хоръ воспѣлъ свой небесный гимнъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе», и вотъ уже одинъ изъ величайшихъ подвижниковъ того времени, ученѣйшій писатель **) долженъ былъ покинуть Римъ съ проклятіемъ на устахъ противъ его вавилонскаго нечестія. Если таково было состояніе церкви въ такъ называемой каθедрѣ апостола Петра, то какимъ оно было въ другихъ мѣстахъ? Египетъ подвергался постояннымъ смутамъ отъ полуварварскихъ монаховъ. Самое паломничество въ Іерусалимъ, какъ свидѣтельствуетъ Григорій Нисскій, часто сопровождалось всевозможными преступленіями. Святой городъ сдѣлался гнѣздомъ всякаго насилія

---

*) Такіе отзывы и укоры можно читать у языческихъ писателей Евнанія, Ливанія и Зосима.

**) Блаж. Іеронимъ. Перев.

и суетности. Карѳагенъ, какъ и происшедшія отъ него епархіи, не только трепеталъ подъ деспотизмомъ негодныхъ правителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ терзаемъ попеременными смутами и буйствами Доната и циркумцелліоновъ, причемъ послѣдніе наводили ужасъ на истинныхъ поборниковъ православія. Азія находилась въ плачевномъ состояніи, съ которымъ мы немедленно познакомимся. Здѣсь въ новомъ Римѣ, т. е. въ Константинополѣ возсѣдалъ на престолѣ слабый императоръ съ рабской душой, причемъ франкская императрица самовластвовала съ беззастѣнчивостью какой-нибудь Семирамиды; императорскій дворъ утопалъ въ роскоши и порокахъ; чиновничій міръ глубоко зараженъ былъ взяточничествомъ, алчностью и насиліемъ; городъ и его окрестности кишѣли бродячими монахами и притворными подвижниками; повсюду господствовали козни и подкупы; многіе пресвитеры жили съ своими «духовными сестрами» почти въ открытомъ наложничествѣ; притворныя дѣвственницы и номинальныя вдовы вели себя не лучше какихъ-нибудь раскрашенныхъ куртизанокъ; зазорныя представленія въ театрѣ часто имѣли своими сюжетами различные скандалы изъ современной церковной жизни; въ гипподромѣ свирѣпствовали соперничавшія между собою голубая и зеленая партіи, внося еще больше смуты въ среду номинально числящагося христіанскимъ населенія. Народъ массами устремлялся на общественныя зрѣлища и на бой дикихъ звѣрей даже въ великую пятницу и въ первый день Пасхи. Въ одно изъ такихъ пасхальныхъ представленій одинъ молодой всадникъ наканунѣ своей свадьбы былъ задавленъ до смерти копытами колесничныхъ коней. Повсюду свирѣпствовали алчность и распутство. Среди низшихъ классовъ преобладало нищенство, прибѣгавшее часто къ самымъ возмутительнымъ обманамъ; среди высшихъ классовъ, подъ тонкимъ слоемъ выставочной роскоши, происходила самая ожесточенная борьба партій, переходившая въ неукротимую злобу и отличавшаяся возмутительнымъ безчеловѣчіемъ. Что могли думать истинно благочестивые люди того времени, когда наполненные слезами взоры ихъ устремлялись на страницы священнаго Писанія, гдѣ они могли читать: «серебро твое стало изгарью, вино твое смѣшано съ водой, князья твои мятежны и сообщники воровъ?» «Пророки предсказываютъ ложь, священники правятъ не

праведно; и Мой народъ любитъ это; что же вы сдѣлаете въ концѣ всего?»

Эта характеристика состоянія того времени нашла себѣ поразительную иллюстрацію въ событіи, которое имѣло роковое значеніе въ жизни великаго константинопольскаго патріарха и къ изложенію котораго мы переходимъ теперь. Событіе это, такъ сказать, впервые сдвинуло ту лавину, которая скоро должна была съ ужасающей силой обрушиться на священную голову Златоуста.

Случилось, что въ Константинополѣ засѣдалъ соборъ изъ 29 епископовъ подъ предсѣдательствомъ Златоуста для устроенія нѣкоторыхъ второстепенныхъ церковныхъ дѣлъ.

И вотъ въ сентябрѣ 400 года, когда епископы засѣдали въ одномъ изъ помѣщеній, прилегавшихъ къ храму святой Софіи, въ собраніе вошелъ епископъ, именно Евсевій валентиніанопольскій, изъ мало-извѣстной Кильвійской деревни въ долинѣ Кайстра. Держа въ рукахъ какую то писанную бумагу, онъ тономъ крайняго негодованія заявилъ, что прибылъ съ цѣлью донести о цѣломъ рядѣ возмутительныхъ дѣлъ, позорившихъ церковь Азіи.

Въ смущеніи и даже испугѣ члены собора просили его объяснить, въ чемъ дѣло. Продолжая рѣчь все съ болѣе возрастающимъ гнѣвомъ въ голосѣ, Евсевій сказалъ: «я прибылъ сюда для того, чтобы представить обвиненіе на одного епископа Азіи въ семи ужасныхъ преступленіяхъ: въ симоніи, хищеніяхъ, растратахъ, воровствѣ, лихоимствѣ, въ нарушеніи цѣломудрія и въ укрывательствѣ убійцы.

«Во-первыхъ онъ купилъ свою епископскую каѳедру за огромную сумму, и чтобы вознаградить себя, открыто продаетъ другія епископскія каѳедры по опредѣленному тарифу;

«Во-вторыхъ, онъ присвоилъ себѣ въ личное пользованіе имѣніе, завѣщанное церкви Василиной — матерью императора Юліана;

«Въ-третьихъ, онъ расплавилъ серебряныя чаши и церковные сосуды, чтобы добыть денегъ для своего сына;

«Въ-четвертыхъ, онъ взялъ мраморныя плиты изъ крещальни, чтобы обложить ими свою собственную баню;

«Въ-пятыхъ, онъ завладѣлъ мраморными колоннами, которыя

приготовлены были для церкви, и обратилъ ихъ на украшеніе своего собственнаго триклинія [1]);

«Въ-шестыхъ, онъ, несмотря на свой епископскій санъ, возвратилъ себѣ жену, съ которой живетъ открыто и отъ которой послѣ своей хиротоніи имѣлъ нѣсколько дѣтей;

«Въ-седьмыхъ, онъ держитъ у себя на службѣ молодого человѣка, который совершилъ убійство и не подвергался за это ни суду, ни покаянію».

— Кто же этотъ нарушитель закона? спросилъ патріархъ.

— Онъ здѣсь, онъ находится среди васъ; онъ одинъ изъ высшихъ епископовъ въ вашемъ собраніи, — запальчиво отвѣчалъ Евсевій. Вотъ онъ сидитъ, — и при этомъ указалъ на Антонина, митрополита важной каѳедры ефесской, епископа церкви, въ которой такъ долго проповѣдывалъ апостолъ Павелъ, преемникъ того Ангела церкви ефесской, о которомъ апостолъ Іоаннъ писалъ въ Апокалипсисѣ.

Антонинъ, сознававшій свою виновность, сдѣлался блѣднѣе полотна и въ страшномъ смущеніи заморгалъ передъ направленнымъ на него указательнымъ пальцемъ этого безвѣстнаго епископа съ Килвійскихъ горъ.

Евсевій между тѣмъ продолжалъ: «Да, и тѣ симонисты, которыхъ онъ назначилъ на каѳедры и которые сами торговались съ нимъ изъ-за каѳедръ, эти торгаши священными предметами, эти продавцы и покупатели за деньги святого духа Божія, — они также здѣсь, они также среди васъ!»

— Ты навѣрно ошибаешься, сказалъ патріархъ. То, что ты говоришь, совершенно невѣроятно. Братъ Павелъ ираклійскій, ты личный другъ епископа ефесскаго; не поразсмотришь ли ты это дѣло съ нимъ и его обвинителемъ и не попытаешься ли умиротворить ту сильную вражду, которая, повидимому, существуетъ между ними?

— Я отказываюсь отъ всякаго посредничества, раздраженно заявилъ Евсевій.

---

*) Триклиній—одно изъ отдѣленій въ домѣ, въ родѣ столовой съ ея принадлежностями. Въ частности самый обѣденной столъ съ его трехсоставными сидѣніями или лежанками. Перев.

Неудивительно, что епископы были до крайности встревожены столь запальчивымъ и столь подробнымъ обвиненіемъ; но Златоустъ, котораго часто обвиняли въ поспѣшности, ни мало не потерялъ своего спокойствія и дѣйствовалъ съ полнѣйшимъ благодушіемъ и осмотрительностью. Онъ видѣлъ, что даже если бы всѣ эти обвиненія нельзя было опровергнуть, нѣкоторые изъ нихъ однако могли допускать объясненіе или смягченіе. Одно изъ нихъ, которое, повидимому казалось, наиболѣе серьезно обставленнымъ и которое, если оно было вѣрно, ни подъ какимъ видомъ не могло быть оставлено безъ послѣдствій, было именно обвиненіе въ открытой и постыдной симоніи.

— Братъ ефесскій, спросилъ онъ, что ты скажешь на это тяжское обвиненіе?

Тѣмъ временемъ епископъ ефесскій успѣлъ отчасти оправиться отъ охватившаго его смущенія и, собравъ все свое достоинство, какое сохранилось въ его не чистой совѣсти, онъ всталъ и сказалъ:

— Я совершенно неповиненъ во всѣхъ этихъ преступленіяхъ, которыя не трудно опровергнуть. Этотъ человѣкъ—лжеобвинитель.

— Евсевій, сказалъ патріархъ, ты, очевидно, находишься въ возбужденномъ состояніи духа; ты, повидимому, находишься подъ вліяніемъ личной враждебности. Прошу тебя хорошенько взвѣсить свои основанія. Не возбуждай этихъ ужасныхъ обвиненій, если ты не можешь доказать ихъ. Епископъ Антонинъ отрицаетъ твои обвиненія и говоритъ, что можетъ опровергнуть ихъ. Берегись же, какъ бы тебѣ не произвесть напраснаго смущенія въ церкви.

Но Евсевій, который все еще находился въ распаленномъ гнѣвѣ, отказался взять назадъ то, что онъ сказалъ, и старался подать свою жалобу въ руки патріарха.

— Нѣтъ, братъ мой, сказалъ Златоустъ, я отказываюсь принять твою жалобу въ это время. Намъ нужно теперь идти въ церковь; мы должны совершить богослуженіе. Подумай хорошенько о твоемъ дѣлѣ. Если послѣ должной молитвы и размышленія, когда ты совершенно успокоишься, ты придешь къ убѣжденію, что долгъ, а не страсть заставляетъ тебя обвинять твоихъ со-

братьевъ, тогда приходи и подавай твою жалобу. Засѣданіе собора закончено. Пойдемте въ церковь.

Епископы встали. Патріархъ шелъ впереди, направляясь къ своему патріаршему трону, стоявшему въ алтарѣ, и съ его благословенія всѣ заняли мѣста полукругомъ по обѣ его стороны.

Началось богослуженіе; но вотъ вдругъ въ храмѣ опять явился Евсевій и поспѣшно пролагая себѣ дорогу по храму среди изумленнаго собранія богомольцевъ, прямо направился въ алтарь и, остановившись передъ патріархомъ, снова пытался вручить ему бумагу. Такъ какъ патріархъ все еще отказывался принять ее, то онъ сталъ неотступно просить, заклиная патріарха жизнью императора, не отказать въ своемъ правосудіи въ дѣлѣ, которое касалось величайшаго врага церкви; при этомъ онъ держалъ себя и говорилъ съ такой горячностью, что народъ даже подумалъ, что онъ просилъ у патріарха немедленнаго ходатайства о жизни какого-нибудь невинно осужденнаго на казнь преступника. Желая такъ или иначе прекратить это непристойное зрѣлище, нарушавшее самую торжественность богослуженія Златоустъ взялъ бумагу и богослуженіе продолжалось. Но когда пришло время для совершенія евхаристіи, то патріархъ оказался въ состояніи такого сильнаго душевнаго волненія, что, опасаясь возможности недостойнаго причащенія, попросилъ писидійскаго епископа Павсофія совершить таинство евхаристіи, и по окончаніи богослуженія сдѣлалъ знакъ членамъ собора слѣдовать за нимъ въ крещальню. Туда же онъ позвалъ и Евсевія, гдѣ, отечески укоривъ его за горячность, началъ разслѣдовать дѣло, котораго онъ такъ настойчиво требовалъ. Вызваны были нѣкоторые свидѣтели, но Евсевій заявилъ, что другіе свидѣтели и при томъ наиболѣе важные остались въ Азіи и что было бы желательно вызвать ихъ. «Въ такомъ случаѣ, сказалъ патріархъ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ замѣшана честь церкви, то я самъ отправлюсь въ Азію, чтобы допросить ихъ».

Дѣло теперь приняло весьма серьезный оборотъ. Антонинъ чувствовалъ, что его нечестивыя дѣла были слишкомъ зазорны, чтобы онъ могъ избѣжать осужденія отъ столь безпристрастнаго судьи. Тогда онъ прибѣгъ къ коварной уловкѣ. Время было смутное. Отсутствіе патріарха, въ виду мрачнаго состояніи поли-

тическаго горизонта, могло бы повлечь за собою серьезныя неудобства. Среди других своихъ грубыхъ беззаконій, епископъ ефесскій завѣдывалъ однимъ имѣніемъ въ Азіи въ качествѣ управляющаго отъ имени одного изъ важныхъ придворныхъ сановниковъ. Стараясь выиграть время для своего самооправданія и, если возможно, избѣгнуть обвиненія, этотъ волкъ въ овечьей шкурѣ отправился къ своему патрону и просилъ его употребить все свое вліяніе передъ императоромъ, чтобы онъ не далъ отпуска патріарху. Онъ успѣлъ въ этомъ. Но патріархъ не хотѣлъ оставить этого дѣла втунѣ, и такъ какъ онъ не могъ отправиться самъ, то послалъ для разслѣдованія дѣла комиссію изъ трехъ епископовъ, изъ которыхъ однимъ былъ его другъ и впослѣдствіи жизнеписатель Палладій еленопольскій. Члены комиссіи собрались въ Ипепахъ, близъ Ефеса, и вмѣстѣ съ епископами провинціи потребовали къ себѣ Евсевія и Антонина.

Между тѣмъ при помощи новыхъ подкуповъ и лукавой хитрости эти послѣдніе приняли уже всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать изъ розыскной комиссіи пустую формальность. Антонинъ со своей черствой совѣстью не останавливался ни передъ какими уловками, чтобы выпутаться изъ неожиданной непріятности, а въ свою очередь и его обвинитель Евсевій выступилъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ. Яростный обличитель симоніи, самъ сдѣлался симонистомъ, негодующій обвинитель Антонина превратился въ его тайнаго сообщника. Обвинитель въ укрывательствѣ преступника самъ взялъ огромную взятку съ цѣлью подобнаго же укрывательства. Въ виду такого оборота дѣла, судьямъ по необходимости пришлось ограничиться самымъ формальнымъ судопроизводствомъ. У Антонина имѣлись свои свидѣтели, которые могли бы доказать его невинность; а у Евсевія также были свидѣтели, поддерживавшіе его жалобы; но согласить ихъ, какъ оказалось, было до крайности труднымъ и дорогимъ дѣломъ, такъ какъ свидѣтели эти разбросаны были по всей Азіи.

— Сколько же времени потребуется, чтобы собрать ихъ? спросилъ Палладій, который отличался искренней прямотой въ этомъ дѣлѣ, какъ и самъ Златоустъ.

— По крайней мѣрѣ сорокъ дней, лукаво отвѣтилъ Евсевій.

Сорокъ дней! и это въ самый знойный періодъ нездоровой осени! Ясно было, что тутъ имѣлось въ виду просто такъ или иначе затормозить дѣло и такое продолжительное время назначилось съ цѣлію истощить терпѣніе членовъ комиссіи и, быть можетъ, даже повредить здоровью уполномоченныхъ. Однако они порѣшили ждать,—по крайней мѣрѣ двое изъ нихъ, такъ какъ третій членъ комиссіи, оказавшійся тайнымъ союзникомъ Антонина, отказался дѣйствовать за одно съ ними. Наконецъ, Евсевій и совсѣмъ не явился и былъ немедленно отлученъ епископами Азіи за непослушаніе и соучастіе въ преступленіи обвиненнаго имъ Антонина.

Онъ этого только и ожидалъ, преспокойно удалился и скрылся среди подонковъ константинопольскаго населенія. Тутъ вполнѣ обнаружилась вся негодность этой личности. Его ревность о церковной дисциплинѣ была ничѣмъ инымъ, какъ покрышкой для его личной зависти и заднихъ цѣлей. Что сталось съ его епархіей—намъ неизвѣстно; но нужно имѣть въ виду, что въ то время было много епископовъ, которые помимо своего титула не имѣли и сотой части тѣхъ обязанностей, какія лежатъ теперь даже на самыхъ скромныхъ викаріяхъ. Когда святой Григорій чудотворецъ былъ сдѣланъ епископомъ Неокесареи, то подъ его властью оказалось только шесть пасомыхъ, а Сасима, епархія, на которую Василій Великій опредѣлилъ друга своей юности Григорія Назіанзина, представляла собою не больше, какъ станцію для смѣны почтовыхъ коней. Вѣроятно жители Валентиніанополя были даже рады избавиться отъ своего недостойнаго пастыря.

Уполномоченные еще съ мѣсяцъ безъ всякаго дѣла пробыли въ Ипепахъ и затѣмъ возвратились въ столицу. Когда имъ случайно пришлось встрѣтиться съ Евсевіемъ въ Константинополѣ и они упрекнули его въ недостойномъ образѣ дѣйствій, то онъ холодно сказалъ имъ, что онъ заболѣлъ и не въ состояніи былъ являться къ нимъ на допросъ.

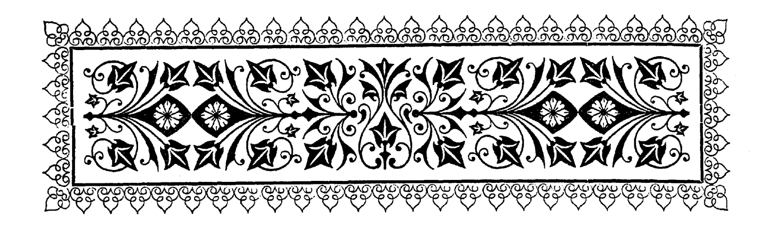
Между тѣмъ ефесскій епископъ Антонинъ отошелъ въ вѣчность, чтобы предстать со всѣми своими прегрѣшеніями предъ престоломъ того нелицепріятнаго Судіи, котораго не можетъ избѣгнуть ни одинъ грѣшникъ,—на тотъ судъ, гдѣ откроются всѣ прегрѣшенія людей, тяготящія ихъ возмущенную совѣсть. Среди на-

грабленныхъ мраморовъ и присвоенныхъ колоннъ, окруженный, быть можетъ, сыновьями, пользовавшимися всѣми плодами его святотатства, этотъ недостойный епископъ, при помощи подкупа овладѣвшій каѳедрой святаго Іоанна Богослова, избѣгъ земного суда, чтобы предстать предъ судилищемъ Христа, имя котораго онъ покрывалъ безчестіемъ, и Святого Духа, дарами котораго онъ торговалъ.

Послѣ смерти Антонина, какъ это и всегда бывало при занятіи великихъ каѳедръ въ Антіохіи, въ Римѣ, въ Александріи, въ Кесаріи и въ Константинополѣ, вокругъ ефесской каѳедры началась обычная борьба честолюбцевъ, старавшихся такъ или иначе воспользоваться освободившейся каѳедрой для удовлетворенія своихъ далеко не духовныхъ вожделѣній. Къ счастію, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ всѣмъ истиннымъ христіанамъ наскучило это печальное положеніе вещей, и поэтому они сами вмѣшивались въ это дѣло, чтобы прекратить недостойное соперничество. Опасаясь, какъ бы каѳедра не досталась въ руки какого-нибудь новаго Антонина, нѣкоторые изъ благомыслящихъ христіанъ и сосѣднихъ епископовъ обратились съ просьбой къ Златоусту. «Въ теченіе многихъ дней, писали они, среди насъ нарушались всѣ законы и порядки, и мы умоляемъ твое достоинство прибыть къ намъ и возстановить порядокъ благочестія въ нашей разрозненной церкви. Наше несчастіе безпримѣрно: съ одной стороны насъ терзаютъ аріане, а съ другой многіе подобно хищнымъ волкамъ лежатъ въ засадѣ, ожидая похищенія нашей епископской каѳедры. Вотъ и теперь взятки текутъ рѣками симоніи».

Была глухая зимняя пора, и патріархъ чувствовалъ себя утомленнымъ и больнымъ; но онъ не могъ не уважить столь торжественнаго и настойчиваго обращенія къ нему со стороны сыновъ ефесской церкви. И вотъ, всецѣло преданная дѣлу служенія церкви, душа придала бодрость и силу его тѣлу. 9-го января 401 года онъ отбылъ изъ Константинополя въ Апамею. Такъ какъ смуты, произведенныя возмущеніемъ Гайны и дерзостью аріанъ, закончились, то для двора не было уже достаточныхъ основаній противиться его отъѣзду изъ столицы.

ГЛАВА XXXIX.

Среди бездны злоупотребленій.

Патріархъ радъ бы былъ взять съ собою Филиппа, потому что послѣдній дѣлался все болѣе и болѣе полезнымъ для него. Но Филиппъ, какъ завѣдывавшій хозяйствомъ патріарха и помогавшій ему во всѣхъ дѣлахъ, не могъ надолго быть въ отсутствіи изъ патріархіи. Можно бы взять съ собой Евтихія, но патріарху казалось не совсѣмъ желательнымъ подвергать этого нѣжнаго юношу неизбѣжнымъ тягостямъ труднаго путешествія. Златоустъ, надѣявшійся, что со временемъ Евтихій могъ сдѣлаться пресвитеромъ или епископомъ, или вообще служителемъ церкви, не хотѣлъ разочаровывать его зрѣлищемъ той вопіющей противоположности между идеаломъ и дѣйствительностію, съ которой ему по необходимости пришлось бы встрѣтиться при посѣщеніи нѣкогда славныхъ, а теперь подвергшихся сильнымъ злоупотребленіямъ церквей, насажденныхъ апостолами Павломъ, Филиппомъ и Іоанномъ. Поэтому патріархъ взялъ съ собою болѣе серьезнаго Давида, котораго онъ высоко цѣнилъ какъ за его труды, такъ и за добрый характеръ, хотя серьезный темпераментъ его не отличался той бодростью и веселостью, которою часто освѣжали его двое другихъ молодыхъ людей. Давидъ также обсуждалъ вопросъ, могъ ли онъ принять на себя пресвитерское служеніе со связанною съ нимъ отвѣтственностью; но благодаря своему болѣе продолжительному

и разнообразному опыту будучи болѣе знакомъ, чѣмъ Евтихій, съ тѣми злоупотребленіями и недочетами, которые невольно приходилось всякому встрѣчать въ дѣйствительной жизни, онъ могъ бодрѣе смотрѣть на предстоявшую всякому истинному служителю церкви борьбу съ міромъ, плотію и діаволомъ.

Наконецъ, сборы были закончены и патріархъ отплылъ, сопровождаемый діакономъ Гераклидомъ, человѣкомъ высоко почтеннымъ, нѣсколькими другими пресвитерами, діаконами и Давидомъ. Уже раньше онъ отправилъ впереди себя Кирина халкидонскаго, Павла гераклидскаго и Палладія еленопольскаго, которые должны были дѣйствовать въ качествѣ его помощниковъ. При своемъ простосердечіи и довѣрчивости онъ не зналъ того обстоятельства, что первые двое совершенно не сочувствовали ему, если даже не становились въ положеніе открытыхъ враговъ. Еще болѣе великодушнымъ и безхитростнымъ было его распоряженіе, которое онъ сдѣлалъ съ цѣлью занять на время отсутствія свое мѣсто на каѳедрѣ святой Софіи. На эту должность онъ назначилъ Северіана гавальскаго, нисколько не подозрѣвая, что это былъ одинъ изъ представителей клики низкихъ интригановъ и при томъ враждебныхъ ему.

Гавала—это былъ небольшой городъ въ отдаленной Галилеѣ, и епископъ при его обычныхъ обстоятельствахъ не могъ бы имѣть въ столицѣ имперіи никакого значенія, теряясь среди массы пріѣзжихъ въ столицу епископовъ и священниковъ изъ разныхъ захолустьевъ. Но Северіанъ былъ человѣкъ честолюбивый и считалъ себя блестящимъ ораторомъ. Ему вовсе не хотѣлось оставаться въ какихъ-то дебряхъ въ мало-извѣстной Гавалѣ, и поэтому онъ всячески старался о своемъ личномъ возвышеніи, ни мало не безпокоясь о томъ, въ какомъ положеніи находились овцы его заброшенной паствы. Онъ по цѣлымъ годамъ не бывалъ у нихъ, такъ какъ исключительно заботился только о своихъ личныхъ интересахъ. Этотъ искатель приключеній держался только тѣхъ убѣжденій, которыя могли разсчитывать на популярность; не высказывалъ никакихъ другихъ мнѣній, кромѣ тѣхъ, которыя могли содѣйствовать его возвышенію; не гнушался никакого сообщества, хотя бы самаго презрѣннаго, только бы оно въ состояніи было, хотя немного, подвинуть его по направленію къ тому высокому

положенію, котораго онъ жаждалъ и которое для его болѣзненнаго честолюбія представлялось верхомъ счастья. Вся цѣль жизни для него заключалось въ томъ, чтобы услаждать свое самолюбіе призрачнымъ блескомъ міра сего. Такимъ образомъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ представлялъ полнѣйшую противоположность Златоусту, искреннее благочестіе, апостольскую простоту и безхитростность котораго онъ презиралъ со всей силой своей завистливой души.

Самая внѣшность Северіана служила отраженіемъ его характера. Это былъ широкоплечій, видный изъ себя человѣкъ, съ огромными и всегда старательно завитыми волосами на косматой головѣ. Лицо у него было широкое, черты правильныя, одежда безупречная и онъ умѣлъ всегда придавать своему выраженію безконечную пріятность, разливая по лицу сіяющую улыбку, которая могла всѣмъ внушать къ нему полнѣйшее довѣріе. На невзрачную фигуру, скромное одѣяніе и простыя манеры патріарха онъ не могъ смотрѣть безъ внутренняго ропота на странную и несообразную игру счастія, возвышающую такихъ, по его мнѣнію, малодостойныхъ лицъ на вершину церковнаго величія. Насколько болѣе популярнымъ и внушительнымъ патріархомъ былъ бы онъ самъ! Въ своемъ распаляемомъ честолюбіемъ воображеніи онъ рисовалъ себѣ, какъ бы онъ съ необычайною пышностью исполнялъ всѣ патріаршія обязанности и совершалъ служеніе, такъ что всѣ стали бы невольно восторгаться имъ; онъ затмилъ бы самого Нектарія; между тѣмъ этотъ Іоаннъ антіохійскій, одѣвавшійся бѣдно и не задававшій пировъ, заботился только о какой-то духовности, о разныхъ мечтательныхъ добродѣтеляхъ, а потому и пользовался популярностью только среди какихъ-то нищихъ и вообще бѣдныхъ классовъ населенія. Северіанъ пылалъ желаніемъ во что бы то ни стало выбиться изъ своей провинціальной безъизвѣстности, причемъ его особенно ободрилъ успѣхъ Антіоха, епископа другого сирійскаго города Птоломаиды. Антіохъ покинулъ свою епархію, чтобы найти себѣ болѣе видную и блистательную дѣятельность въ столицѣ. Его просили проповѣдывать въ святой Софіи, и онъ съумѣлъ пріобрѣсть себѣ репутацію краснорѣчиваго проповѣдника; въ теченіе нѣкотораго времени уже былъ желаннымъ гостемъ въ модныхъ кружкахъ столичнаго общества, получилъ

даже доступъ ко двору; и если иногда снисходилъ до того, что возвращался къ своей смиренной каѳедрѣ въ Птоломаидѣ, то пріѣзжалъ туда съ туго набитой мошной, съ блескомъ популярности. Между тѣмъ Северіанъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что, какъ ораторъ, онъ безъ труда могъ бы далеко превзойти этого столь счастливаго Антіоха.

Въ этихъ видахъ онъ въ теченіе нѣкотораго времени занялся приготовленіемъ и тщательнымъ изученіемъ наизусть цѣлаго ряда проповѣдей и когда почувствовалъ увѣренность, что онѣ были уже достаточно обработаны, въ смыслѣ звучности и пріятности, то отплылъ въ Константинополь въ полномъ убѣжденіи, что сами вѣтры не могутъ не благопріятствовать скорому плаванію корабля, на которомъ ѣхалъ Северіанъ добиваться счастья съ своими проповѣдями. Прибывъ въ столицу, онъ посѣтилъ патріарха, и съ крайнимъ раболѣпствомъ просилъ у него позволенія произнесть проповѣдь въ святой Софіи. Позволеніе это не трудно было получить, потому что въ Константинополѣ былъ обычай—прибывавшихъ въ столицу священниковъ и особенно епископовъ нарочито просить о произнесеніи проповѣди, хотя народъ такъ любилъ слушать патріарха, что даже въ соборѣ иногда шумно выражалъ свое неудовольствіе, когда видѣлъ, что на его мѣсто входилъ съ проповѣдью кто-нибудь другой.

Северіану было во всякомъ случаѣ позволено проповѣдывать и онъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, выбралъ проповѣдь, которую считалъ особенно оригинальной и поразительной. Къ произнесенію ея онъ долго готовился у себя дома передъ большимъ серебрянымъ зеркаломъ, пока не пришелъ къ убѣжденію, что достигъ совершенства въ самыхъ случайныхъ и самопроизвольныхъ жестахъ. Сначала народъ даже не прочь былъ подсмѣиваться надъ его рѣзкимъ и непривычнымъ въ столицѣ сирійскимъ акцентомъ; но когда попривыкли къ его голосу, то не безъ удовольствія слушали его, повидимому, неприготовленный потокъ звучной, пышной условной риторики. Его проповѣдь пріятно щекотила слухъ, нисколько не затрогивая совѣсти, и не задавая головѣ излишняго труда думать о чемъ-нибудь такомъ, что могло бы останавливать отъ совершенія грѣховъ или нарушать сладостное чувство самодовольства. Особенно доволенъ былъ міръ аристократическій. Про-

повѣди Северіана отличались очаровательной краткостью и изысканной мягкостью. По окончаніи такой проповѣди оставалось еще достаточно времени, для того, чтобы побывать въ театрѣ. Въ его проповѣдяхъ не было никакихъ оскорбительныхъ нападеній на модныя одежды, не было настойчивыхъ требованій самоотреченія, ничего такого, что могло бы тревожить спокойную условность обыденной религіозности или заставлять лицемѣра заглядывать внутрь себя — въ многоголовое чудовище своихъ худо направленныхъ страстей.

Вотъ дѣйствительно великолѣпный проповѣдникъ! Даже Кострицій, Марса и Епиграфія могли слушать такія проповѣди безъ малѣйшаго утомленія. Насколько новый проповѣдникъ неизмѣримо выше грубой назойливости, нелюбезныхъ личныхъ намековъ теперешняго патріарха, которымъ они обязаны только негодному Евтропію! А какой прекрасный человѣкъ въ то же время этотъ Северіанъ! Весь женскій міръ Константинополя былъ скоро безъ ума отъ него.

Такимъ образомъ епископу гавальскому выпалъ на долю успѣхъ, о которомъ онъ не смѣлъ мечтать даже во снѣ! Мало того, даже сами императоръ и императрица выразили желаніе, чтобы онъ лично былъ представленъ имъ. Вопреки устарѣвшему правилу, по которому воспрещалось переводить епископа на другую каѳедру, императорская власть могла, конечно, перевести его, куда ей угодно было. Стоило ему только еще нѣсколько подольше повести въ этомъ направленіи свою политику, и онъ, какъ знать? — быть можетъ сдѣлается впослѣдствіи и патріархомъ Константинопольскимъ!

Таковъ-то былъ человѣкъ котораго въ своемъ простосердечіи патріархъ оставилъ вмѣсто себя для нравственнаго назиданія народа. Этого нельзя ставить ему въ вину. Онъ самъ былъ человѣкъ глубоко смиренный. Будучи вообще чрезвычайно великодушенъ и снисходителенъ къ людямъ и всегда во всѣхъ проповѣдяхъ ища доброе, онъ думалъ, что и Северіанъ могъ своими проповѣдями приносить пользу, благо что его слушаютъ съ охотой и даже съ удовольствіемъ. Помимо этого онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы кто-нибудь могъ задаваться такими низкими цѣлями, какими въ дѣйствительности задавался Северіанъ, не могъ даже представить себѣ

личности, которая подъ своей жизнерадостной наружностью могла скрывать такую бездну низкаго честолюбія. Къ тому же въ столицѣ не случилось другого епископа, который былъ бы столь хорошо извѣстенъ. Филиппъ открыто роталъ на сдѣланное патріархомъ назначеніе; Евтихій качалъ своей невинной головой; даже Давидъ не одобрительно отнесся къ выбору такого замѣстителя. Серапіонъ прямо заявилъ, что онъ считаетъ Северіана коварнымъ лицемѣромъ. Лучшіе и благоразумнѣйшіе пресвитеры патріарха: Тигрій, Германъ и Кассіанъ высказывали серьезныя сомнѣнія касательно этого человѣка и его цѣлей, ровно какъ и касательно искренности самаго его ученія. Епископъ Палладій не поколебался частно сказать патріарху, что Северіанъ человѣкъ совершенно ненадежный и до крайности честолюбивый; но патріархъ, при своемъ глубокомъ человѣколюбіи и великодушной снисходительности не хотѣлъ этому вѣрить. Въ дѣйствительности, для него даже трудно было поступить иначе, потому что самъ императоръ, по наущенію Евдоксіи, выразилъ желаніе, чтобы въ его отсутствіе замѣстителемъ патріарха былъ назначенъ именно такой блистательный проповѣдникъ, какъ Северіанъ.

Но предоставивъ каѳедру Северіану, патріархъ однако не нашелъ возможнымъ довѣрить ему (какъ тотъ желалъ) управленія патріархатомъ. Завѣдываніе имъ онъ предоставилъ суровому, но искренно преданному ему архидіакону Серапіону.

Морское плаваніе было сопряжено съ значительными трудностями. Едва корабль, на которомъ отплылъ патріархъ съ своею свитою, вышелъ въ Евксинское море *), какъ на него съ необычайной яростью ринулся вѣтеръ, такъ что ему пришлось искать себѣ убѣжища подъ прикрытіемъ мыса Тритонскаго. Бросивъ тамъ якорь, корабль въ теченіе двухъ дней былъ сильно качаемъ бурей. Эта задержка была совершенно неожиданная, и такъ какъ капитанъ не сдѣлалъ надлежащихъ запасовъ на кораблѣ, то вдобавокъ къ тяжелому положенію, причиненному морской болѣзнью, всѣ жестоко страдали и отъ голода. Къ счастью, вѣтеръ перемѣнилъ свое направленіе, и они могли благополучно прибыть къ мѣсту своего назначенія.

*) Евксинское море — древнее названіе Чернаго моря. Перев.

Первымъ дѣломъ нужно было назначить въ Ефесъ новаго и достойнаго епископа. Такъ какъ тамъ шла ожесточенная борьба партій, выставлявшихъ каждая своего излюбленнаго кандидата на каѳедру, то единственнымъ способомъ умиротворить партійныя страсти было бы устранить всѣхъ партійныхъ кандидатовъ, и назначить на каѳедру такое лицо, которое стояло въ сторонѣ отъ этой ожесточенной борьбы. Въ этихъ видахъ патріархъ предложилъ жителямъ Ефеса своего друга и спутника Гераклида. Онъ еще былъ въ санѣ діакона, но уже пожилыхъ лѣтъ, отличался ученостью, благочестіемъ, мудростью, знаніемъ священнаго Писанія, много лѣтъ велъ аскетическую жизнь въ одномъ изъ монастырей въ Скитской пустынѣ, такъ что во всѣхъ отношеніяхъ былъ пригоденъ для занятія этой знаменитой каѳедры. Но онъ оказался слишкомъ хорошимъ человѣкомъ для того смутнаго времени и того буйнаго города, и неожиданное возвышеніе, которымъ онъ обязанъ былъ вліянію краснорѣчиваго патріарха, только повергло его черезъ нѣсколько лѣтъ въ бездну всякихъ бѣдствій и гибели.

Вслѣдъ затѣмъ патріархъ приступилъ къ разслѣдованію дѣла о замѣшанныхъ въ симоніи епископахъ, и такъ какъ Антонина уже не было въ живыхъ, то на сцену вновь явился жалкій епископъ валентиніанопольскій, который продалъ покойному свое молчаніе. «Я умоляю твое благочестіе, говорилъ онъ патріарху, вновь допустить меня къ общенію съ своими братьями, и позволь мнѣ теперь выставить свидѣтелей противъ шести епископовъ, которыхъ я обвинялъ». При своей безграничной снисходительности къ немощи другихъ, патріархъ удовлетворилъ его просьбу, отлученіе съ него было снято и онъ вновь выступилъ въ роли обвинителя. Указанные имъ шесть епископовъ стойко доказывали свою невинность, но они были подавлены противоположенными свидѣтельствами, не только со стороны мірянъ—мужчинъ и женщинъ, но и со стороны духовныхъ лицъ. Въ качествѣ ихъ обвинителей выступили даже нѣкоторые изъ ихъ собственныхъ пресвитеровъ, на которыхъ они разсчитывали, какъ на своихъ сторонниковъ. Не будучи въ состояніи долѣе отрицать взводимыхъ на нихъ обвиненій, они сознались въ своемъ грѣхѣ и смиренно просили о прощеніи. Въ оправданіе себя они приводили во-первыхъ, что не вполнѣ созна-

вали преступность совершаемыхъ имъ сдѣлокъ, такъ какъ симонія въ то время была самымъ обычнымъ явленіемъ; притомъ они были люди curiales т. е. владѣльцами земельныхъ участковъ, и поэтому подъ страшнымъ гнетомъ налоговъ въ тѣ смутныя времена, тѣснимые алчной и распущенной администраціей, не только должны были сами платить налоги, но и другихъ принуждать къ платежу. Должность эта была тяжелая и непріятная, такъ какъ по своему характеру она была чисто гражданской, вслѣдствіе чего Константинъ Великій снялъ это бремя съ духовенства. Но слѣдствіемъ этого было то, что многіе покупали епископскія каѳедры, не имѣя ни малѣйшаго призванія къ этому служенію или даже ни малѣйшаго права на него, единственно изъ-за того, что желали избавиться отъ тягости гражданскихъ обязательствъ. Все что они могли сказать теперь это: habetis confitentes reos *). Признаваясь въ своей виновности, они повергали себя на милосердіе патріарха и его уполномоченныхъ. О двухъ только вещахъ просили они: во-первыхъ, чтобы, хотя они потеряли право на свои каѳедры, имъ было позволено, въ качествѣ бывшихъ епископовъ, имѣть общеніе со своими собратьями — епископами въ алтарѣ, и во-вторыхъ, чтобы имъ возвращены были деньги, которыя потрачены ими были на симонію. По ихъ заявленію, на удовлетвореніе алчности епископа ефесскаго они потратили огромныя суммы; чтобы сдѣлаться епископами, они вынуждены были продать свои имѣнія и даже мебель и драгоцѣнныя украшенія своихъ женъ.

Въ виду смягчающихъ обстоятельствъ, просьба ихъ была уважена; но такъ какъ церковь, конечно, не могла возвратить имъ ихъ злоизрасходованныхъ денегъ, то имъ предоставлено было искать ихъ съ наслѣдниковъ Антонина обычнымъ судебнымъ порядкомъ. Рѣшеніе было и справедливое и милостивое, и однако впослѣдствіи Іоанна обвиняли въ поспѣшности, въ насиліи, въ самовольствѣ и несправедливости! Такова была злоба и несправедливость его ослѣпленныхъ ненавистью враговъ!

О томъ, какъ производилось дальнѣйшее разслѣдованіе злоупотребленій, намъ неизвѣстно, потому что мы располагаемъ только показаніями и свидѣтельствами враговъ патріарха. Его обвиняли

*) Предъ вами сознающіеся въ своей винѣ грѣшники.

въ томъ, что онъ, объѣхавъ Ликію, Памфилію, Фригію и Понтъ, самоуправно, не имѣя никакихъ правъ и даже повода, производилъ судъ надъ мѣстными епископами и осудилъ не менѣе 60 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ, именно Проересій лидійскій былъ обвиненъ имъ самолично. Обвиняли его и въ томъ, что вопреки канонамъ онъ иногда за одинъ разъ рукополагалъ по четыре епископа, что онъ собственной властью назначалъ новыхъ епископовъ, не совѣщаясь даже съ мѣстными синодами и вопреки ихъ желаніямъ, и что все это дѣлалось съ такой небрежностью, что иногда онъ рукополагалъ въ санъ епископа даже неосвобожденныхъ рабовъ, извѣстныхъ своей негодностью.

Въ этихъ обвиненіяхъ, конечно, не было ни малѣйшей истины, хотя и возможно, что патріархъ, ревнуя возможно скорѣе изгнать недостойныхъ пастырей и на мѣсто ихъ поставить болѣе достойныхъ служителей алтаря, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не имѣлъ ни времени, ни возможности дѣлать болѣе осторожнаго выбора среди представлявшихся ему кандидатовъ. Что касается его права, его юрисдикціи въ Малой Азіи, то она основывалась на особомъ предписаніи. Хотя въ дѣйствительности она была установлена только черезъ 50 л. послѣ этого соборомъ халкидонскимъ, но уже и въ это время ни отъ кого не подвергалась сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ патріархъ вполнѣ сознавалъ, что онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ своихъ правъ и слѣдовалъ въ этомъ отношеніи настоятельному велѣнію долга. Что касается второстепенныхъ вопросовъ, то весьма многіе каноны, по всеобщему согласію, уже считались устарѣлыми, почти вскорѣ послѣ ихъ провозглашенія. При томъ такой человѣкъ, какъ Златоустъ, смотрѣвшій на всѣ вещи съ точки зрѣнія высшей нравственности и духовнаго долга, конечно, высшія духовныя блага ставилъ выше всѣхъ внѣшнихъ и потому не столь важныхъ соображеній.

Но тяжелая миссія не закончилась и этимъ. Возвращаясь обратно черезъ Виѳинію, Златоустъ остановился въ ея главномъ городѣ Никомидіи, чтобы подвергнуть своему патріаршему суду на этотъ разъ не просто епископа, а даже архіепископа, представлявшаго собой одно изъ самыхъ странныхъ явленій того времени.

Это былъ италіецъ по имени Геронтій, когда то бывшій на

половину врачемъ, на половину волхвомъ въ Медіоланѣ. Это былъ нѣчто въ родѣ Парацельза четвертаго вѣка и Магатмы XIX столѣтія. Добившись какимъ то образомъ архіепископской каѳедры, онъ свои прежнія привычки сохранилъ и въ своемъ новомъ положеніи, и продолжалъ морочить народъ своими странными чудодѣйствами, увѣряя всѣхъ, что обладалъ силою подчинять себѣ демоновъ. По его разсказу, ему было однажды одно изъ ужаснѣйшихъ ночныхъ видѣній, когда демонъ, подъ названіемъ оноскелосъ, явился ему въ видѣ осла. Геронтій сразу замѣтивъ, кто скрывался подъ этимъ видомъ, схватилъ его, набросилъ на него узду и заставилъ работать на мельницѣ. Плѣненный демонъ настолько привыкъ къ своему положенію, что сдѣлался совершенно ручнымъ осломъ, преисправно исполнявшимъ возложенную на него тяжелую работу. Этой двусмысленной личности какъ то удалось сначала обойти св. Амвросія Великаго, который рукоположилъ Геронтія въ санѣ діакона; но узнавъ о его негодности, Амвросій изгналъ его изъ церкви Медіолана.

Потерпѣвъ тамъ неудачу, Геронтій отправился въ Константинополь и, благодаря своимъ заговорамъ и волшебствамъ, имѣлъ большой успѣхъ среди жителей востока, отличавшихся наклонностью къ суевѣрію. Тутъ онъ какъ то столкнулся съ Елладіемъ, архіепископомъ кесарійскомъ и экзархомъ Понта. Съ свойственною ему пронырливостью дабившись мѣста врача при дворѣ, Геронтій, съ вѣрнымъ разсчетомъ на будущее величіе, съумѣлъ оказать Елладію услугу, предоставивъ важную военную должность его сыну. Елладій, въ благодарность за эту услугу, долженъ былъ рукоположить его въ пресвитера и затѣмъ предоставить ему мѣсто въ Никомидіи, гдѣ онъ, благодаря своей хитрости, пріобрѣлъ большую популярность. Амвросій, негодуя на возвышеніе столь явнаго обманщика, нарочито писалъ къ Нектарію, настойчиво прося его освободить церковь отъ такого сомнительнаго пастыря. Слабохарактерный Нектарій однако опасался навлечь на себя неудовольствіе со стороны многочисленныхъ сторонниковъ Елладія въ Виѳиніи. Совершенно иначе отнесся къ этому дѣлу Іоаннъ Златоустъ. Онъ потребовалъ Геронтія на судъ къ себѣ, и, убѣдившись въ его недостоинствѣ, лишилъ его сана и далъ церкви достойнаго архипастыря въ лицѣ Пансофія, — философа - христіа-

нина, который былъ учителемъ императрицы Евдоксіи. Никомидійцы, однако, не съумѣли оцѣнить этого дѣйствія и остались недовольны. Подъ вліяніемъ сторонниковъ низвергнутаго архіепископа въ городѣ начались смуты. Какъ во времена какой-нибудь опустошительной язвы массы народа ходили по улицамъ въ траурныхъ одеждахъ, распѣвая печальныя пѣсни о постигшемъ ихъ бѣдствіи и обращаясь съ мольбами къ Всевышнему о возвращеніи имъ ихъ архипастыря. Недовольствуясь демонстраціями въ Виѳиніи, ихъ сограждане, проживавшіе въ Константинополѣ, также старались возбудить ненависть противъ патріарха и подобнымъ же образомъ и тамъ выражали свое неудовольствіе на распоряженіе патріарха.

И вотъ такимъ образомъ, какъ будто еще недостаточно было той ненависти, которую Златоустъ возбудилъ своей безбоязненной справедливостью въ столицѣ, противъ него поднялась цѣлая буря вражды и клеветы изъ разныхъ провинцій Малой Азіи. Все, что было низкаго, негоднаго въ этихъ областяхъ, теперь заскрежетало зубами, стараясь поглотить его.

Но это было еще не все. Патріархъ былъ неоднократно извѣщаемъ въ письмахъ отъ преданныхъ ему Филиппа и Серапіона, что Северіанъ злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, стараясь также строить противъ него козни. Въ высшемъ обществѣ противъ него все сильнѣе выступали ложь и клевета, и источникомъ этихъ козней въ значительной степени служилъ не кто иной, какъ именно его замѣститель Северіанъ. И дѣйствительно Северіанъ дѣлалъ все, чтобы возможно лучше въ личныхъ видахъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. У него было два плана, — во первыхъ возможно лучше упрочить свою популярность и посредствомъ лести и ласкательства войти въ милость у сильныхъ міра сего; во-вторыхъ — не упускать случая для того, чтобы распространять крайне неблагопріятныя мнѣнія о Златоустѣ. Этими двумя средствами онъ надѣялся со временемъ низвергнуть его, чтобы занять его мѣсто. Даже самыя его проповѣди, отличавшіяся крайней слащавостью, изобиловали различными намеками и инсинуаціями, которыя явно предназначались для того, чтобы наносить раны сердцу Златоуста и его сторонниковъ.

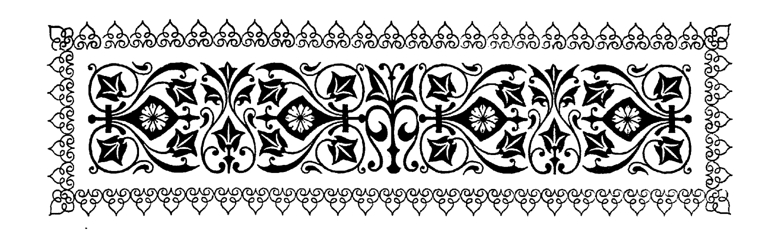
Обо всемъ этомъ патріарха и предостерегали преданные ему люди. Но онъ былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы обращать вни-

маніе на незначительныя, на его взглядъ, оскорбленія или снисходить до борьбы съ недостойнымъ противникомъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что говорили и распространяли о немъ враги его, онъ предоставлялъ дѣламъ идти своимъ путемъ, — полагая, что съ гораздо большей пользой онъ можетъ употребить свое время на служеніе церкви Божіей.

Но наконецъ ему сообщили объ одномъ случаѣ, который прямо показывалъ недостойность Северіана для предоставленнаго ему высокаго служенія и былъ слишкомъ поразителенъ, чтобы можно было оставить его безъ вниманія. Что это было такое, объ этомъ мы узнаемъ нѣсколько позже.

Козни противъ патріарха въ столицѣ между тѣмъ становились все болѣе и болѣе ожесточенными. Среди его враговъ было двое такихъ, которые для удовлетворенія своей ненависти къ нему готовы были на все, даже сдѣлать покушеніе на его жизнь, если бы только представился благопріятный случай къ тому. Это были личности до крайности негодныя. Они оба отлучены были патріархомъ отъ церкви — одинъ за открытое прелюбодѣяніе, а другой, по имени Іоаннъ, за убійство, совершенное въ звѣрской запальчивости (онъ дѣйствительно забилъ до смерти въ чемъ то провинившагося передъ нимъ молодого раба). Конечно, сами по себѣ это были личности ничтожныя, но въ союзѣ съ ними были всѣ тѣ, кого Златоустъ называлъ «жрецами, кормившимися отъ Іезавели», — всѣ тѣ, кого его остроумный другъ, епископъ Палладій назвалъ «желудкопоклонниками», «застольными исполинами» и «прихвостнями женщинъ», — лицами, позорившими священный санъ. Народъ однако обладалъ достаточнымъ запасомъ здраваго смысла, чтобы по достоинству цѣнить этихъ людей и относился съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ тѣмъ клеветамъ и нелѣпостямъ, которыя распространялись ожесточенными врагами ихъ возлюбленнаго архипастыря. Когда, утомленный своими дѣлами и путешествіемъ, патріархъ возвратился на своемъ кораблѣ въ столицу, то народъ, массами устремившись къ пристани и прибрежнымъ улицамъ, встрѣтилъ его даже съ болѣе громкими и восторженными кликами, чѣмъ съ какими встрѣчалъ Аркадія и Евдоксію, и такъ тѣснился къ нему, чтобы принять благословеніе, что шествіе его къ патріархіи по необходимости было очень медленнымъ. Патріархъ

пригласилъ народъ отправиться въ святую Софію и тамъ предъ восторженными слушателями излилъ всю полноту своего благодарнаго сердца за ту вѣрность, которую народъ сохранилъ къ нему, не обращая вниманія на злоухищренія его многочисленныхъ — открытыхъ и тайныхъ враговъ.

ГЛАВА XL *).

Встрѣча съ Вигилянціемъ.

> Quam dissimilis est nunc a se ipso populus Christianus **).
>
> Salvian. Le Gubernat. Dei.

ВСКОРѢ по своемъ возвращеніи въ столицу патріархъ былъ извѣщенъ своимъ діакономъ Прокломъ, однимъ изъ приближенныхъ Златоуста, помогавшимъ Серапіону въ дѣлѣ пріема просителей патріархіи, что въ Константинополь прибылъ извѣстный своею ученостью западный пресвитеръ Вигилянцій, и проситъ дозволенія повидаться съ патріархомъ востока. Это былъ большой любитель путешествій, бывалъ во многихъ городахъ и странахъ, и прибывъ теперь въ столицу восточной имперіи, привезъ патріарху Іоанну рекомендательное письмо отъ епископа Ноланскаго Павлина, извѣстнаго поэта. Іоаннъ имѣлъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія о личности Вигилянція и зналъ о свободѣ многихъ его мнѣній, не согласныхъ съ ученіемъ церкви; но по своему отеческому снисхожденію не отклонилъ его пріема, быть можетъ въ надеждѣ, получше познакомившись съ

---

*) Въ этой главѣ допущены существенныя отступленія отъ подлинника, такъ какъ приводимыя въ ней воззрѣнія, проникнутыя крайнимъ англиканизмомъ, не соотвѣтствовали бы духу православно-русскихъ читателей.

Перев.

**) Какъ непохожъ на себя сталъ теперь народъ христіанскій.

Сальвіанъ.

его мнѣніями, приготовить оружіе для лучшей борьбы съ подобными заблужденіями. Мало того, онъ порѣшилъ пригласить къ этому пріему и своихъ молодыхъ секретарей и послушниковъ, съ цѣлію наглядно показать имъ, какъ ученость нерѣдко можетъ соединяться съ неправомысліемъ. Молодые люди конечно съ радостью воспользовались случаемъ познакомиться съ извѣстнымъ полемистомъ западнаго міра.

Вигилянцій дѣйствительно прибылъ. Это былъ галлъ родомъ изъ Конвенъ, впослѣдствіи жившій въ Калагурѣ. Образованный и весьма ученый человѣкъ, онъ отличался однако склонностью къ крайнимъ мнѣніямъ и поэтому подвергался весьма сильнымъ обличеніямъ со стороны блаженнаго Іеронима, который, сначала будучи его другомъ, впослѣдствіи велъ съ нимъ ожесточенную полемику и, намекая на его слѣпоту во многихъ вопросахъ вѣры, язвительно называетъ его не Вигилянціемъ «бдительнымъ», — а Дормитанціемъ — «спящимъ» *). Такъ какъ отецъ Вигилянція былъ виноторговецъ, то Іеронимъ назвалъ его «низкороднымъ кабатчикомъ», самаряниномъ, жидомъ, человѣкомъ, который изблевываетъ мерзкую пьянственность, языкъ котораго слѣдовало бы вырѣзать хирургу и снять съ него безумную голову. Въ такомъ отношеніи Іеронима къ Вигилянцію была, конечно, своего рода крайность, но она въ значительной степени оправдывалась тѣмъ справедливымъ негодованіемъ, которое невольно возбуждалось въ душѣ знаменитаго церковнаго учителя при видѣ того, какъ подъ вліяніемъ Вигилянція и подобныхъ ему вольнодумцевъ въ среду христіанъ началъ проникать опасный духъ разрушительнаго раціонализма. Вигилянцій, насколько у насъ сохранились свѣдѣнія объ особенностяхъ его ученія, былъ именно однимъ изъ родоначальниковъ богословскаго раціонализма, такъ какъ онъ, неумѣ-

*) Блаж. Іеронимъ, какъ извѣстно, отличался и вообще чрезвычайною горячностью въ полемикѣ, въ которой онъ не останавливался предъ самыми рѣзкими выраженіями. Полемизируя напр. съ ученымъ Руфиномъ, онъ, надѣляя его сначала самыми возвышенными похвалами, впослѣдствіи послѣ разлада съ нимъ преслѣдовалъ его до самой смерти, называя его Груніемъ т. е. ворчуномъ. Даже когда тотъ лежалъ мертвымъ въ Сициліи, Іеронимъ въ одномъ толкованіи на священное Писаніе называлъ его не иначе, какъ скорпіономъ, придавленнымъ къ землѣ между Енкеладомъ и Порфиріономъ, многоголовой гидрой, которая наконецъ перестала шипѣть.

ренно превознося такъ называемое «духовное христіанство», доходилъ въ этомъ отношеніи до такихъ крайностей, что отрицалъ почитаніе святыхъ и ихъ мощей и распространялъ превратное, чисто раціоналистическое ученіе о евхаристіи. Посѣщая великаго патріарха восточной церкви, онъ по какому то странному недоразумѣнію думалъ найти въ немъ сочувствіе въ своихъ воззрѣніяхъ; но конечно ошибся въ этомъ, такъ какъ убѣдился, что между Златоустомъ и имъ такъ же мало общенія, какъ между свѣтомъ и тьмою.

Вигилянцій, съ свойственною подобнымъ личностямъ змѣиною мудростью и лицемѣрностью, отнюдь не хотѣлъ сразу выступать съ своими воззрѣніями, а намѣревался сначала вывѣдать собственныя воззрѣнія патріарха, чтобы потомъ смѣлѣе заявить о своемъ лжеученіи. Нисколько не подозрѣвая коварности этого умысла, простосердечный патріархъ съ обычнымъ радушіемъ встрѣтилъ славившагося своею ученостью западнаго пресвитера и даже пригласилъ его раздѣлить съ собою свой скромный обѣдъ,— предоставляя ему честь, которой рѣдко кто удостоивались и изъ епископовъ. Обѣдъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ, въ которой патріархъ разспрашивалъ Вигилянція о состояніи церковныхъ дѣлъ на западѣ.

— Позволь мнѣ познакомить тебя, — сказалъ патріархъ,—съ двумя моими послушниками — секретарями, Филиппомъ изъ Антіохіи и Давидомъ, теперь живущимъ въ Константинополѣ, но ведущимъ свое происхожденіе изъ Назарета.

— Изъ Назарета? — воскликнулъ Вигилянцій; я очень хорошо знаю этотъ городокъ, гдѣ родился Христосъ. Я посѣщалъ его, когда путешествовалъ вмѣстѣ съ благочестивымъ Руфиномъ въ Іерусалимъ. Никогда не забыть мнѣ пріятныхъ зеленыхъ долинъ, видъ на которыя открывается съ прилегающей къ нему горы. Особенно интересна та гора, на вершинѣ которой навѣрно частенько бывалъ Господь Іисусъ въ годы своего счастливаго дѣтства.

При этомъ Вигилянцій такъ пристально посмотрѣлъ въ лицо Давиду, что молодой человѣкъ смутился и не мало обрадовался, когда вошелъ Евтихій и позвалъ его разобрать ему что-то въ корреспонденціи патріарха.

— Кто этотъ молодой человѣкъ изъ Назарета? — спросилъ Вигилянцій. Къ сожалѣнію я слишкомъ пристально посмотрѣлъ на него и заставилъ его покраснѣть. Странно, что его лицо невольно напомнило мнѣ одно изображеніе Христа, которое я видѣлъ въ катакомбахъ Каликста въ Римѣ.

Патріархъ весьма заинтересовался этимъ сообщеніемъ, подробно разспрашивалъ о немъ Вигилянція, и въ объясненіе его удивленія сообщилъ ему, что Давидъ происходитъ по прямой линіи отъ семейства Деспосиновъ, состоявшимъ въ близкомъ родствѣ съ святымъ семействомъ плотника назаретскаго. Удивленный этимъ неожиданнымъ для него сообщеніемъ, Вигилянцій хотѣлъ было распространиться о своихъ взглядахъ на изображеніе Христа, но въ этотъ самый моментъ вошелъ опять Давидъ. Тогда вставъ съ своего мѣста, Вигилянцій взялъ юношу за руку, извинился передъ нимъ за причиненное ему невольное смущеніе и выражалъ свой интересъ къ человѣку, который родился въ Назаретѣ.

Между тѣмъ патріархъ глубоко заинтересовавшись изображеніемъ Христа, опять завелъ о немъ рѣчь съ Вигилянціемъ.

— Ты сказалъ намъ, — обратился онъ къ своему посѣтителю, о видѣнномъ тобою въ катакомбахъ изображеніи Господа нашего Іисуса Христа; не введено ли оно въ церквахъ запада?

Вигилянцію подумалось, что теперь насталъ благопріятный моментъ заявить о своихъ взглядахъ, и онъ сказалъ:

— Первая церковь, въ которой я видѣлъ иконы, это церковь моего простодушнаго друга Павлина, епископа ноланскаго.

— Не церковь ли святого Феликса? — спросилъ патріархъ.

— Именно такъ. Она построена во имя св. Феликса, и епископъ пишетъ въ честь его разныя славословія, ежегодно въ день его мученичества устраиваетъ въ его честь большія празднества и самая церковь расписана изображеніями событій изъ его жизни.

— Это весьма назидательно, — сказалъ Златоустъ.

— Назидательно-то, назидательно, — продолжалъ Вигилянцій; но въ наше смутное время, это и не безопасно. Павлинъ называетъ эти изображенія Библіей для мірянъ; но въ дѣйствительности это скорѣе Библія святого Феликса...

— Кто же такой былъ Феликсъ ноланскій, — спросилъ Филиппъ.

— Странно, что ты не знаешь этого, — сказалъ патріархъ; даже Евтихій могъ бы тебѣ сказать объ этомъ.

Это неожиданное обращеніе до крайности смутило Евтихія и онъ озадаченно заморгалъ своими прекрасными глазами, показывая, что не вполнѣ оправдывалъ ожиданія патріарха. Замѣтивъ его смущеніе, благодушный патріархъ сказалъ:

— Но лучше всего Вигилянцій сообщить вамъ.

— Феликсъ, — отвѣчалъ Вигилянцій, — былъ священникъ города Ноны; впослѣдствіи онъ былъ исповѣдниковъ во времена гоненія Деціевъ и Валеріана, но вообще о немъ извѣстно очень немного. Разскажу этимъ молодымъ людямъ одну интересную исторію о немъ. Однажды — во время гоненія — его преслѣдовали воины; наконецъ ему удалось скрыться въ пещерѣ на склонѣ одной горы, и какъ только онъ вошелъ въ нее, паукъ немедленно затянулъ входъ въ нее паутиной. Гонители, видя паутину, подумали, что въ пещерѣ никого нѣтъ и сочли ненужнымъ заглянуть въ нее. «Ubi Deus est», — сказалъ Феликсъ, выходя изъ пещеры, когда воины удалились, ibi aranea murus; ubi non est ibi murus aranea».

— Евтихій, переведи это для Филиппа, — улыбаясь сказалъ патріархъ.

— «Гдѣ Богъ, — началъ Евтихій (но Филиппъ навѣрно понимаетъ это изреченіе и безъ моего перевода!), тамъ и паутина есть стѣна; а гдѣ нѣтъ Его, тамъ и стѣна есть лишь паутина».

— Хорошо, Евтихій, — похвалилъ его патріархъ. Ты можешь быть толмачемъ для Филиппа въ Римѣ, — шутливо прибавилъ патріархъ.

— Но разскажи намъ, — обратился онъ къ Вигилянцію еще что нибудь о церкви Павлина.

Воспользовавшись этимъ предложеніемъ, Вигилянцій, уже не скрывая своихъ воззрѣній началъ говорить на ту тему, что къ сожалѣнію-де не все въ этой церкви обстоитъ благополучно, такъ какъ полуязыческое населеніе, привыкшее къ поклоненію идоламъ, совершаетъ поклоненіе и изображеніямъ Христа и его святыхъ, вводя такимъ образомъ новое идолопоклонство, против-

ное второй заповѣди, запрещающей поклоненіе какимъ бы то ни было подобіямъ — ни на небѣ, ни на землѣ, ни подъ водою. Не одобрилъ онъ даже того, что Павлинъ для изображенія Христа избралъ символъ, именно бѣлоснѣжнаго агнца подъ обагреннымъ кровью крестомъ.

— Это обычай древній, — замѣтилъ патріархъ; онъ свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ, что люди нуждаются въ какомъ-нибудь осязательномъ изображеніи предмета своего поклоненія. — И затѣмъ объяснилъ Вигилянцію, что онъ заблуждается въ своихъ воззрѣніяхъ и въ подтвержденіе ихъ неосновательно ссылается на вторую заповѣдь ветхозавѣтнаго закона, которая отмѣнена уже тѣмъ, что самъ невидимый Господь чрезъ воплощеніе принялъ зракъ раба и явилъ собою достойнѣйшій предметъ нашего поклоненія въ этомъ даже уничиженномъ образѣ. Достойны поклоненія и образы тѣхъ святыхъ Божіихъ, которые являются великими осуществителями и исполнителями новозавѣтнаго закона благодати. Онъ говорилъ далѣе и о томъ, какъ благодать Божія способна дѣлать и наше тлѣнное естество нетлѣннымъ и образы святыхъ сохранять для нашего поклоненія въ ихъ собственномъ смертномъ одѣяніи. Но замѣтивъ, что Вигилянцій до крайности смутился, встрѣтивъ такой рѣшительный отпоръ своимъ воззрѣніямъ со стороны патріарха востока, съ свойственнымъ ему духомъ благостнаго снисхожденія перешелъ къ другому предмету и попросилъ своего гостя разсказать, какъ онъ разошелся съ такимъ великимъ ученымъ подвижникомъ, какъ блаженный Іеронимъ.

— Вѣдь ты кажется гостилъ у него въ Виѳлеемѣ? спросилъ онъ Вигилянція.

— Да, я гостилъ у него, и глубокимъ благоговѣніемъ наполнялась моя душа, когда я находилъ кровъ въ его пещерѣ, примыкавшей къ пещерѣ самаго Рождества Христова. Я вполнѣ сочувствую Іерониму, когда онъ называетъ городъ Виѳлеемъ болѣе славнымъ чѣмъ городъ Римъ.

— Жизнь его, мнѣ думается, очень пріятна.

— Она могла бы быть пріятной, — съ печальной улыбкой сказалъ Вигилянцій. Мѣсто это очаровательно. Всѣ поля точно вышиты голубыми, пурпуровыми и розовыми цвѣтами на подобіе эфода первосвященника, и надъ ними звенятъ пѣсни птицъ. Лѣтомъ тамъ

можно находить отрадныя тѣни отъ холмовъ, поросшихъ богатой листвой; весной тамъ пріятно гулять подъ прикрытіемъ вѣковыхъ маслинъ. Даже зимой тамъ нечего бояться холода, потому что имѣется въ изобиліи топливо.

— Счастливый Іеронимъ!

— Увы, нѣтъ, не счастливый! И однако Іеронимъ могъ бы быть совершенно счастливымъ. Онъ живетъ съ перомъ въ рукѣ и его наслажденіе состоитъ въ постоянныхъ занятіяхъ. Ежедневно онъ преподаетъ ученіе двумъ благороднымъ дамамъ — Павлѣ и Евстохіи, прибывшимъ съ нимъ изъ Рима. Онъ пишетъ много посланій, много книгъ; онъ назидаетъ монаховъ, обучаетъ мальчиковъ въ своихъ монастыряхъ и проповѣдуетъ паломникамъ, которые стекаются въ его киновію.

— Какъ же ты говоришь, что его жизнь только еще могла бы быть счастлива?

— По двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ ведетъ слишкомъ тяжелую, чрезмѣрно аскетическую жизнь; во-вторыхъ, онъ всегда занятъ какимъ нибудь горячимъ споромъ, которому онъ придаетъ особенную ожесточенность своимъ неудержимымъ краснорѣчіемъ...

— Но ты еще не разсказалъ намъ, почему его гнѣвъ особенно горячо направляется противъ тебя?

— А это потому, что мы съ нимъ не сошлись въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, такъ какъ я держусь воззрѣній Іовиніана, противъ которыхъ вооружается Іеронимъ. Іовиніанъ былъ монахъ, аскетъ, который носилъ одну только грубую тунику; жилъ на хлѣбѣ и на водѣ и даже зимой ходилъ съ босыми ногами. Самъ никогда не вступалъ въ бракъ, но думалъ, что въ силу ложнаго преданія, нѣкоторыя дѣлали безбрачіе обязательнымъ для пресвитеровъ. Въ этомъ онъ согласуется съ отцами Никейскаго собора. По моему бракъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ же священенъ, какъ и безбрачіе! Развѣ Климентъ александрійскій не говорилъ, что не одобрять брака — значитъ не одобрять апостоловъ? Развѣ апостолъ Петръ не былъ женатъ, развѣ святой Филиппъ не отдалъ въ замужество своихъ дочерей, развѣ апостолъ Павелъ не говоритъ, что епископъ долженъ быть мужемъ одной жены? Развѣ Аѳанасій Великій не сказалъ, что «ничто не отнимаетъ у епископа права жениться, если онъ хочетъ?»

Патріархъ терпѣливо выслушалъ эту тираду своего ученаго гостя, въ которой доля истины подавлялась ложью и въ которой явно проглядывала опасная тенденція превозносить бракъ надъ безбрачіемъ, и затѣмъ совершенно спокойно сказалъ:

— Бракъ, конечно, дѣло почтенное и я самъ неоднократно говорилъ въ своихъ бесѣдахъ: пользуйся брачнымъ состояніемъ съ должною умѣренностью и ты наслѣдуешь царство небесное. Но ты не въ правѣ, конечно, порицать безбрачіе для тѣхъ, которые чувствуютъ къ нему призваніе!

— Конечно нѣтъ, — поправился Вигилянцій; но если принять во вниманіе злой обычай сожительства съ агапетками, съ которымъ тщетно борются даже государственные законы, то для меня, по крайней мѣрѣ, ясно, что принуждать многихъ къ такой жизни, которая возможна только для немногихъ, значитъ сдѣлать въ будущемъ, какъ это замѣтно уже и теперь, источникъ страшнаго развращенія и бѣдствія для цѣлыхъ народовъ.

— Этимъ ли ты только возбудилъ противъ себя гнѣвъ Іеронима? Не отрицалъ ли ты также и поста?

— Нѣтъ; я говорилъ только, что постъ нигдѣ не вмѣняется какъ христіанскій долгъ, что онъ не можетъ быть пріятенъ Богу какъ цѣль, а только какъ средство, и что для большинства темпераментовъ онъ только омрачаетъ и удручаетъ христіанамъ ихъ жизнь.

Тутъ заблужденіе Вигилянція сказалось уже съ такою ясностью, что оно бросилось въ глаза даже и Филиппу, и послѣдній, справедливо негодуя на фальшивый аргументъ Вигилянція, скромно сказалъ:

— Отецъ мой, могу ли я спросить пресвитера, что̀ онъ скажетъ въ объясненіе словъ Христа Спасителя: «но придутъ дни, когда женихъ отнимется отъ нихъ и они будутъ поститься въ тѣ дни».

— Я могъ бы отвѣтить, — уклончиво сказалъ Вигилянцій, но считаю болѣе почтительнымъ предоставить отвѣтъ самому патріарху.

— Этотъ текстъ нейдетъ сюда, Филиппъ, — сказалъ Златоустъ. Нѣтъ такихъ дней, когда бы Женихъ былъ совсѣмъ отнятъ отъ насъ; Онъ съ нами всегда даже до конца міра и даже те-

перь Онъ ближе къ намъ, чѣмъ когда былъ на землѣ въ образѣ человѣческомъ. Но постъ все-таки необходимъ намъ, немощнымъ людямъ, какъ орудіе обузданія нашей плоти и отогнанія ея возбудителя діавола; но, конечно, постъ истинный. Истинный же постъ состоитъ не въ тѣлесномъ только воздержаніи, но и въ духовномъ воздержаніи отъ зла. Мой великій предшественникъ Григорій Назіанзинъ когда-то содержалъ свой постъ въ безмолвіи, потому что онъ чувствовалъ себя слишкомъ склоннымъ къ горячимъ словамъ. Въ прекрасномъ сочиненіи Ермы «Пастырь», которое я далъ тебѣ, Филиппъ, нѣсколько дней тому назадъ, ты навѣрно помнишь, что̀ тамъ добрый Пастырь говоритъ Ермѣ.

— Да, отецъ мой, Ерма говоритъ, что истинный богоугодный постъ есть прощеніе обидъ и пребываніе въ благочестіи.

— И это совершенно вѣрно, и я упрашиваю тебя, Вигилянцій, чтобы ты въ духѣ этого добраго Пастыря простилъ тѣ обиды, которыя въ своей горячности нанесъ тебѣ Іеронимъ.

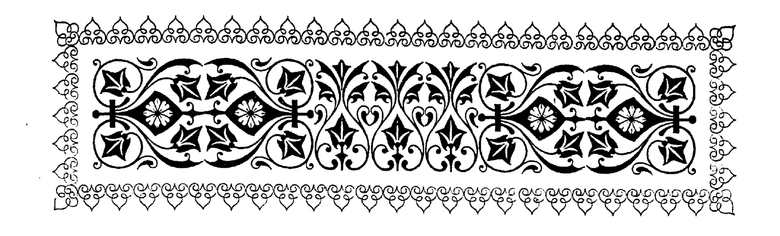
Вигилянцій въ сущности человѣкъ былъ миролюбивый и слова Златоуста глубоко тронули его.

— Я прощаю его, отвѣчалъ онъ, отъ всего моего сердца. Хотя Іеронимъ и жестоко отнесся ко мнѣ, но онъ человѣкъ искренній и принесъ церкви много пользы. Я не буду отвѣчать на его полемическія противъ меня сочиненія. Да разсудитъ насъ Богъ, нелицепріятный Судія! Самъ я думаю теперь до конца моей жизни посвятить себя скромнымъ обязанностямъ моего служенія, исполненію моего долга. Колѣнопреклоненно прошу твоего благословенія и благодарю тебя за твою доброту къ человѣку, который возбудилъ противъ себя такъ много вражды.

— Прощай, Вигилянцій, Богъ съ тобой, сказалъ патріархъ, совершая благословеніе надъ головой колѣнопреклоненнаго пресвитера. Если Богъ проститъ тебя, то уже никакого значенія не можетъ имѣть людская вражда. Но помни, что церковь есть истинная учительница правды, и поэтому всякій членъ ея долженъ всецѣло подчиняться ей. Каждый можетъ, конечно, имѣть свои частныя мнѣнія; но во всемъ существенномъ должно подчиняться общему голосу церкви, въ которомъ выражается голосъ самого Христа. Прощай!

Дальнѣйшая судьба Вигилянція неизвѣстна; но мы можемъ

надѣяться, что бесѣда его съ великимъ святителемъ, не смотря на всю ея краткость, оказала благотворное вліяніе на его убѣжденія, показавъ ему, что его личныя убѣжденія отнюдь не выражали собою голоса вселенской церкви и ея великихъ отцовъ и учителей.

Глава XLI.

Разлука.

Какъ долго вы тамъ толковали, сказалъ Евтихій, когда Давидъ съ Филиппомъ вышли изъ комнаты патріарха; что у васъ тамъ было такое?

— Прежде всего Вигилянцій поразсказалъ намъ многое о святомъ Феликсѣ и епископѣ ноланскомъ. Затѣмъ кое-что сообщилъ и объ Іеронимѣ виѳлеемскомъ, который, судя по его описанію, должно быть чрезвычайно интересная и пріятная личность. Но не въ этомъ дѣло. Ты скажи мнѣ, написалъ ли ты Валамиру? спросилъ Филиппъ. И если написалъ, то, надѣюсь, и отъ насъ высказалъ также сердечное привѣтствіе ему и Торисмунду.

— Конечно написалъ, отвѣчалъ Евтихій. Одинъ изъ воиновъ Авреліана случайно завтра отправляется въ Иллирію, и онъ захватитъ мое письмо. Я немедленно же долженъ отнести ему. Мнѣ придется идти черезъ Халкопратію...

— Надоѣлъ ты мнѣ своей Халкопратіей, раздраженно перебилъ Филиппъ. Я слишкомъ занятъ, чтобы идти съ тобою.

— А когда же ты пойдешь туда, за той бронзовой, какой-то таинственной вещью, которую ты мнѣ уже такъ давно проигралъ? Мнѣ кажется, что ты ходишь въ Халкопратію по разу въ недѣлю и какъ-будто все выбираешь что-то такое, но я до сихъ поръ ничего не вижу отъ тебя; между тѣмъ Давидъ, какъ и слѣдуетъ порядочному человѣку, сразу же далъ мнѣ проигранный имъ перовникъ.

— Я вообще не одобряю споровъ объ заклады, сердито сказалъ Филиппъ.

— Такъ зачѣмъ же ты постоянно ходишь выбирать что-то въ Халкопр....

Филиппъ сердито выпроводилъ Евтихія изъ комнаты, и когда тотъ ушелъ, Давидъ, обращаясь къ Филиппу, сказалъ:

— Филиппъ, я хотѣлъ бы поговорить съ тобой. Что ты думаешь о томъ, чтò говорилъ Вигилянцій?

Филиппъ, какъ умѣлъ, объяснилъ ему, но чувствуя свою слабость въ тѣхъ богословскихъ вопросахъ, которые затронуты были въ этомъ разговорѣ, онъ старался перейти на другую почву. Тогда, замѣтивъ это, и Давидъ съ своей стороны сказалъ ему:

— Филиппъ, у меня есть поводъ къ серьезной скорби, потому что менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ мы всѣ должны будемъ оставить Константинополь.

— Какъ такъ? воскликнулъ Филиппъ, охваченный внезапной тревогой, — всѣ?! — ты, твой отецъ и... (при этомъ онъ даже закрылъ себѣ лицо руками), и... и Маріамь?

— Именно такъ, Филиппъ. Но болѣе всего мы скорбимъ о томъ, что намъ придется разстаться съ патріархомъ, съ Евтихіемъ и главнѣе всего съ тобой.

— Но почему же, Давидъ, — почему все это?

— Я объясню тебѣ. Отецъ мой, будучи потомкомъ Іуды, котораго апостолы и евангелисты называютъ братомъ Господнимъ, отнюдь никогда не стыдился своего бронзовыхъ дѣлъ мастерства, какъ и праведный Іосифъ не стыдился плотничьяго ремесла въ Назаретѣ. Но Богъ благословилъ моего отца своими щедротами: Не только весь нашъ народъ, но и весь Константинополь знаетъ о его честности; кромѣ своего выгоднаго ремесла онъ занимался и многими другими дѣлами, которыя значительно обогатили его, гораздо больше, чѣмъ это требовалось при нашихъ скромныхъ нуждахъ. Братъ его Симонъ издавна обрабатывалъ нашъ земельный участокъ въ Галилеѣ, но мы только что получили извѣстіе о его смерти. Его единственный сынъ убитъ во время недавняго нашествія исаврійскихъ разбойниковъ, которые доходили до самаго Виѳлеема. Эта земля переходитъ теперь въ наслѣдство къ моему отцу, и мы должны отправиться въ Галилею, чтобы поселиться

тамъ. Отецъ, вполнѣ соглашаясь съ моими взглядами, пока не хочетъ, чтобы я сдѣлался пресвитеромъ въ это смутное время.

— Что ты говоришь? взволнованно сказалъ Филиппъ, который до крайности поблѣднѣлъ и изъ глазъ котораго ручьями полились слезы. — Неужели и Маріамь? Вѣдь ты знаешь, что я люблю ее, и надѣюсь, что и она любитъ меня.

— Она любитъ тебя, Филиппъ. Маріамь — дѣвушка весьма серьезная. Ей еще не приходилось встрѣчать юноши, котораго-бы она любила такъ, какъ любитъ тебя, — любовью чистой и сильной.

— Однако ты обрекаешь насъ на вѣчную разлуку!

— Почему же такъ, Филиппъ? Она еще слишкомъ молода, чтобы теперь же выходить замужъ, да и тебѣ было бы не хорошо оставлять его. Въ Палестину же ежегодно прибываютъ тысячи богомольцевъ; что помѣшаетъ и тебѣ постоянно сноситься съ нами? Неизвѣстно, на какомъ основаніи, но мой отецъ почему-то не сомнѣвается, что со временемъ мы опять всѣ будемъ вмѣстѣ.

Но для Филиппа въ этотъ моментъ весь міръ, повидимому, обращался въ самую мрачную развалину. Онъ склонилъ голову на руки и заплакалъ.

— Не плачь, Филиппъ, утѣшалъ его Давидъ. Богъ есть любовь, укрѣпляй свою вѣру убѣжденіемъ въ Его всеустроющей мудрости.

— Я теряю друга, сквозь слезы говорилъ Филиппъ, а у меня ихъ не много; я теряю предметъ моей сердечной любви, а у меня онъ лишь одинъ навсегда!.. А ты говоришь, чтобы я не плакалъ!

— Возлюбленный другъ моей юности, сказалъ Давидъ, вставая и обнимая его; но у тебя будетъ отецъ и будетъ другъ — Евтихій; мало того, у тебя есть обязанности, и ты можешь надѣяться, что со временемъ судьба озаритъ твои надежды подобно звѣздамъ; наконецъ, у тебя есть Богъ, Отецъ небесный, и Христосъ, какъ истинный и любвеобильный Пастырь.

Но утѣшая Филиппа, Давидъ и самъ не могъ удержать слезъ, которыя градомъ покатились изъ его глазъ. И когда они погрузились въ безмолвіе, то услышали голосъ Евтихія, который, находясь въ саду, пѣлъ своимъ звучнымъ молодымъ голосомъ латинскій гимнъ святого Амвросія:

Veni, Redemptor gentium,
Ostende partum Virginis;
Miretur omne soeculum!
Talis decet partus Deum *).

Когда онъ подошелъ къ двери, ведущей изъ сада въ патріархію, то находился въ самомъ веселомъ и счастливомъ состояніи духа. Изъ Иллиріи прибылъ воинъ, котораго Авреліанъ посылалъ въ Эмону, и съ нимъ Валамиръ прислалъ Евтихію древне-готическое серебряное, чрезвычайно красивое украшеніе въ видѣ грифона, съ приложеніемъ короткаго письма, заключавшаго въ себѣ самое сердечное привѣтствіе.

Евтихій, въ свою очередь, только что отправилъ Валамиру вмѣстѣ съ своимъ письмомъ два маленькихъ изображенія, которыя, какъ онъ былъ увѣренъ, доставятъ ему великое удовольствіе, — именно очень хорошее изображеніе патріарха, сдѣланное на голубомъ фонѣ, и затѣмъ изображеніе Ульфилы, просвѣтителя готовъ. Нетерпѣливо вбѣжавъ въ комнату со своими новостями, онъ сказалъ:

— А-га, Филиппъ! Я былъ тамъ, гдѣ бы навѣрно хотѣлъ побыть и ты,—въ Халкопратіи, и въ дверяхъ видѣлъ твою Мар...

Но онъ вдругъ въ изумленіи остановился.

— Что это такое? воскликнулъ онъ: вы оба плачете?! Въ чемъ дѣло? Возможно ли, чтобы Давидъ и его Іонаѳанъ поссорились между собою?

Мысль эта показалась столь смѣшной для нихъ, что оба они невольно улыбнулись.

— А, вотъ это лучше; но во имя неба, скажите, что случилось?

— Товарищъ мой, сказалъ Филиппъ, у котораго опять слезы хлынули изъ глазъ; тебѣ никогда уже больше не придется подшучивать надо мною по поводу моей привязанности къ Халкопратіи: Давидъ только что сказалъ мнѣ, что онъ съ своимъ отцемъ и... и Маріамью намѣренъ уѣхать отсюда навсегда!..

*) Приди, Искупитель народовъ,
Покажи рождество Дѣвы;
Да удивляются всѣ вѣка!
Такое Рождество приличествуетъ Богу.

— Навсегда?! переспросилъ Евтихій, какъ громомъ пораженный столь неожиданнымъ для него извѣстіемъ.

— Навсегда — слишкомъ длинное слово, Евтихій, сказалъ Давидъ.

— Но куда же вы отправляетесь жить?

— Въ наше старое отечество, неподалеку отъ Назарета.

— Знаетъ ли онъ объ этомъ? спросилъ Евтихій.

— Нѣтъ еще, сказалъ Давидъ; но только этого нельзя уже перемѣнить.

— Бѣдный мой, бѣдный Филиппъ, воскликнулъ Евтихій; мнѣ такъ жаль, что я причинилъ тебѣ скорбь. Что ты будешь дѣлать безъ Давида и безъ... О, это очень печально!

При этомъ онъ положилъ одну руку на плечо Филиппа и другою взялъ за руку своего друга. Но Филиппъ не въ состояніи былъ говорить, какъ будто весь блескъ жизни погасъ для него во мракѣ ночи.

Патріархъ также былъ глубоко опечаленъ, узнавъ, что онъ долженъ лишиться услугъ Давида. По этому поводу онъ велъ продолжительный серьезный разговоръ съ нимъ и съ его отцомъ Михаиломъ. Съ своей стороны онъ не считалъ себя въ правѣ ставить какое-нибудь препятствіе, но онъ не безъ волненія говорилъ о Филиппѣ и его любви къ Маріами.

— Они любятъ другъ друга искренней любовью, сказалъ онъ Михаилу; но Маріами еще нѣтъ и 16 лѣтъ; она слишкомъ молода, чтобы выходить замужъ, да и для Филиппа было бы не хорошо оставить тебя.

Патріархъ согласился съ этимъ, но въ то же время, занятый мыслью о счастьѣ своего любимца, переговорилъ съ Михаиломъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Въ эти трудныя времена были необходимы, конечно, для новобрачныхъ болѣе или менѣе обезпечивающія жизнь средства, и патріархъ сообщилъ, что Филиппъ не останется совершенно безденежнымъ. Ему принадлежалъ домъ его отца въ Антіохіи, который отдавался тамъ въ наемъ. Вмѣстѣ съ домомъ онъ получилъ въ наслѣдство также и небольшую сумму денегъ, которыя тщательно сберегаются для него; кромѣ того, хотя Филиппъ не зналъ объ этомъ, патріархъ въ своемъ завѣщаніи отказалъ ему свой старый домъ на Сингонской улицѣ, который

приноситъ ежегодный доходъ, и что останется отъ его скромнаго дохода, раздѣлилъ поровну между нимъ и Евтихіемъ. Давиду онъ ничего не доставляетъ по своему завѣщанію, но это единственно потому, что Михаилъ когда то говорилъ ему, что онъ и самъ въ состояніи обезпечить своихъ дѣтей отъ своихъ собственныхъ сбереженій.

— Тотъ, желанія котораго не многи, уже этимъ самымъ богатъ, владыка, сказалъ Михаилъ. Бѣдность тутъ не можетъ служить препятствіемъ, потому что Маріамь имѣетъ весьма приличное приданое. Но... (по его лицу пробѣжала тревожная тѣнь). Владыка мой, сказалъ онъ, послѣ невольной паузы; Богъ иногда даетъ мнѣ силу смутно прозирать въ будущее. Не знаю, какъ и почему, но только я увѣренъ, что иногда могу видѣть будущее, какъ бы оно уже было настоящимъ. Я знаю, что прощаюсь съ тобой навсегда. Благодарю тебя за твою доброту и любовь къ Давиду и ко мнѣ, которую ты оказывалъ мнѣ, хотя я лишь смиренный ремесленникъ іудейскаго происхожденія. Но прости меня и за то, что я скажу тебѣ. Когда я смотрю въ будущее, то вижу передъ тобою какъ бы облака и густой мракъ. Хотѣлось бы мнѣ отвратить свои взоры отъ этихъ грядущихъ лѣтъ! Христосъ Богъ да будетъ съ тобою! Я знаю, что ты ежедневно слышишь голосъ, говорящій тебѣ: будь вѣренъ до смерти и... ты почувствуешь нужду, чтобы это обѣтованіе поддержало тебя, «и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни».

— Я знаю это, сказалъ патріархъ. Но Тотъ, Кто за наше добро посылаетъ намъ бѣдствія, чтобы очистить насъ, какъ золото очищается въ огнѣ, всегда посылаетъ намъ и благодать, укрѣпляющую насъ въ тѣсное время. Преклонимъ же колѣна и испросимъ Его благословенія, — хотя бы оно пришло окутанное мракомъ, — благословенія намъ обоимъ и всѣмъ истиннымъ христіанамъ.

Они молитвенно преклонили колѣна — патріархъ константинопольскій и смиренный Деспосинъ, и затѣмъ вставъ, почувствовали въ себѣ силу бодро встрѣтить судьбу, какова бы она ни была.

Но вотъ, насталъ и послѣдній день пребыванія Михаила въ Константинополѣ. Патріархъ, съ тяжелымъ и грустнымъ сердцемъ простился съ Давидомъ, далъ ему цѣлованіе мира и отечески благословилъ его. Въ знакъ своей любви, онъ подарилъ ему прекрасный манускриптъ своихъ толкованій на посланіе къ евреямъ. Дес-

посины должны были отплыть вечеромъ и все ихъ имущество находилось уже на кораблѣ, который стоялъ на якорѣ въ гавани, чтобы отвесть ихъ въ портъ Акко. Съ благословенія патріарха и сердечнаго согласія Михаила, въ его присутствіи, Филиппъ и Маріамь торжественно дали священный обѣтъ быть вѣрными другъ другу, и обмѣнялись обручальными подарками. Филиппъ подарилъ Маріами драгоцѣнный камень, принадлежавшій когда-то его матери, а Маріамь подарила ему нитку золотыхъ монетъ, которыя восточныя дѣвицы обыкновенно носятъ въ своихъ волосахъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ эта нитка была сокровищемъ въ семействѣ Деспосиновъ, и такъ какъ она состояла изъ маккавейскихъ монетъ первосвященника Симона съ вычеканенной на нихъ лиліей и была когда-то (какъ въ ихъ родѣ сохранялось объ этомъ преданіе) носима самой Приснодѣвой Маріей, то въ ихъ глазахъ считалась неоцѣнимымъ сокровищемъ. Одной монеты не хватало, и она намѣренно оставалась незамѣненной, потому что въ этомъ они видѣли такъ сказать иллюстрацію притчи о женщинѣ и потерянной драхмѣ, а также знакъ того, что Христосъ считалъ бы свое дѣло неисполненнымъ, если бы въ стадѣ не оказалось даже хоть одной души изъ тѣхъ, которыхъ Отецъ Его небесный поручилъ Ему пасти. Никому, даже самому Филиппу, Маріамь не отдала бы этого драгоцѣннаго родового сокровища, если бы Михаилъ торжественно не заявилъ ей, что со временемъ настанетъ несомнѣнно день, когда Филиппъ опять возвратитъ ей эту драгоцѣнность въ ея собственныя руки. Любящіе другъ друга женихъ и невѣста обмѣнялись также локонами изъ волосъ другъ друга, чтобы носить ихъ на сердцѣ, пока опять не встрѣтятся между собою. Имъ позволено даже было обнять другъ друга и поцѣловаться, причемъ они сказали послѣднее прости, которое неудержимымъ горемъ разрывало имъ ихъ юныя сердца.

— Будь мужественъ, дорогой сынъ, сказалъ Михаилъ Филиппу, всходя съ Маріамью и ея служанкой на корабль. Многими скорбями должны мы входить въ царство Божіе.

— Отецъ мой, отецъ мой! рыдалъ Филиппъ; не увижу ужь я больше твоего лица, и это именно заставляетъ меня болѣе всего плакать!

— Нѣтъ, Филиппъ, торжественно сказалъ Михаилъ; не от-

чаявайся! Что-то такое говоритъ мнѣ, и я совершенно увѣренъ въ этомъ, что мы опять встрѣтимся съ тобою,—по сю ли сторону гроба, или въ загробной жизни; но ты и моя Маріамь будете на всю жизнь соединены между собою. Я вижу, какъ черныя волны свирѣпствуютъ передъ нами, — вижу бурю и ураганъ, но море свѣта открывается за ними и одолѣваетъ ихъ. Я вижу въ этомъ безконечную любовь и милость Божію. Прощай, прощай!

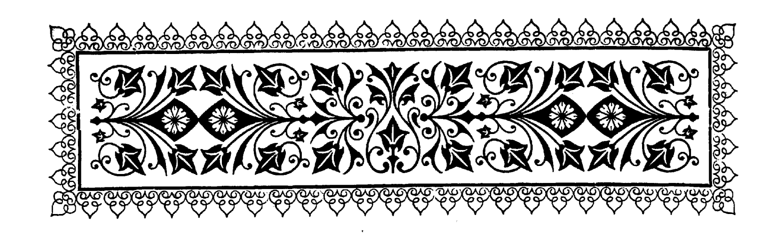
Давидъ оставался на берегу до самаго послѣдняго момента, чтобы сдѣлать всѣ окончательныя распоряженія. Уже ночная тѣнь ложилась на землю, когда Филиппъ и Евтихій шли съ нимъ къ пристани на Босфорѣ. Филиппъ далъ Давиду въ качествѣ своего послѣдняго подарка прекрасно вычеканенный, серебряный ящикъ, сдѣланный его отцомъ въ Антіохіи, и взамѣнъ получилъ отъ него золотой восточный свѣтильникъ, неизвѣстнаго вѣка, замѣчательной работы.

Говорить имъ было не о чемъ, они знали даже мысли другъ друга и безмолвно прижимали другъ друга къ сердцу; да они даже и не могли бы говорить и разстались съ безмолвными слезами. Давидъ взошелъ на палубу корабля, на которомъ уже подняты были паруса и скоро они скрылись въ сгущающемся мракѣ. Послѣднее, что видѣлъ Филиппъ, это была Маріамь, которая своимъ бѣлымъ платкомъ махала съ палубы корабля. Затѣмъ тьма покрыла все. Онъ отвернулся отъ моря, похитившаго у него наилучшее сокровище въ жизни, и пошелъ домой съ Евтихіемъ въ молчаніи, прерываемомъ только случайнымъ рыданіемъ, потрясавшимъ все его тѣло. Его подавляла не только скорбь разлуки съ предметомъ своей любви, съ своимъ другомъ, но и еще какое-то невыразимо тяжелое и мрачное предчувствіе. Самый небосклонъ казался ему какимъ то чернымъ, объятымъ непроницаемой тьмой. Евтихій зналъ, что было бы напрасной попыткой утѣшать его. Онъ могъ только безмолвно пожимать ему руку. Душу Филиппа неустанно, подобно коршуну, терзала одна мысль, то и дѣло возвращавшаяся въ его сердце; именно онъ думалъ: «я лишился своего друга, навсегда лишился предмета своей любви; да, навсегда! Ничего не остается для меня кромѣ отчаянія и горя»...

И дѣйствительно вскорѣ наступили мрачныя времена. Все, что могъ дѣлать патріархъ, все, что могли дѣлать Евтихій, Олим-

піада и Никарета для облегченія его омраченнаго сердца, все это дѣлалось. Къ счастію время мало-по-малу наложило свою цѣлительную руку на грустящаго юношу. Кромѣ того ему пришлось всецѣло посвятить себя исполненію сложныхъ обязанностей и массы накопившихся дѣлъ; но не мало еще времени прошло до того, какъ Филиппъ опять вернулся къ своей природной веселости и подвижности, и только чрезъ значительный промежутокъ окружающіе замѣтили на его лицѣ радостную улыбку, которая заиграла на немъ тѣмъ свѣтлымъ отблескомъ, какимъ всегда сіяло его лицо въ прежніе счастливые дни.

ГЛАВА XLII.

Козни Северіана.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого архидіаконъ Серапіонъ вошелъ въ комнату патріарха съ пылающимъ отъ негодованія лицомъ.

— Я пришелъ, мой святѣйшій владыка, сказалъ онъ, заявить жалобу самаго серьезнаго свойства противъ епископа гавальскаго.

— Что же такое сдѣлалъ Северіанъ? спросилъ патріархъ.

— Владыка, вчера я сидѣлъ въ ѳомаитѣ съ пресвитеромъ Тигріемъ, епископомъ Палладіемъ, діакономъ Прокломъ, Евтихіемъ и съ другими, когда Северіанъ пришелъ въ пріемную комнату, гдѣ находился Филиппъ; онъ спрашивалъ тебя, но тебя не было, потому что ты ушелъ посѣтить больного пресвитера, и онъ опять вышелъ черезъ палату. Евтихій и другіе по обычаю встали, а вмѣстѣ съ ними и Олимпіада и Пентадія, которыя ожидали твоего возвращенія, такъ какъ имъ нужно было видѣть тебя по дѣлу касательно общины діаконисъ. Я же не всталъ, такъ какъ занятъ былъ письмоводствомъ и не замѣтилъ его присутствія. Если бы я замѣтилъ, то, конечно, всталъ бы, при всемъ моемъ неуваженіи къ епископу гавальскому.

— Лучше было бы встать, Серапіонъ, сказалъ патріархъ; это условный знакъ почтенія, оказываемаго епископамъ, и нужно исполнять его.

— Въ будущемъ я такъ и буду поступать, отвѣчалъ Серапіонъ. Желаніе твоего блаженства по этому предмету болѣе чѣмъ достаточно для меня, хотя я, къ сожалѣнію, не чувствую дѣйствительнаго почтенія къ Северіану. Мнѣ онъ кажется предательскимъ лицемѣромъ.

— Мнѣ жаль, что ты такъ сурово относишься къ нему; но ты долженъ уважать самый санъ, даже если бы не могъ уважать личности. Развѣ мы, Серапіонъ, не должны поборать въ себѣ яростное чувство нелюбви и презрѣнія къ нашимъ собратьямъ? Мы должны относиться ко всѣмъ съ духомъ прощенія и безконечной снисходительности. Нѣтъ такого человѣка, который былъ бы всецѣло воплощеніемъ діавола, и въ глубинѣ сердца навѣрно всегда скрывается нѣчто ангельское. Святой Духъ въ насъ можетъ быть оскорбляемъ, но никогда совсѣмъ не оставляетъ насъ.

— Я преклоняюсь предъ твоимъ укоромъ, сказалъ Серапіонъ, и буду слѣдовать твоему наставленію, хотя мое негодованіе было воспламенено его предательствомъ и низостью въ отношеніи тебя. Но то, что я имѣю доложить, весьма важно. Видя, что я не всталъ, Северіанъ сурово взглянулъ на меня и раздраженнымъ тономъ сказалъ во всеуслышаніе: Христосъ не вочеловѣчился...

— Это дѣйствительно странно, Серапіонъ, сказалъ патріархъ; но не обманулъ ли тебя твой слухъ?

— Ошибка здѣсь была невозможна, отвѣчалъ архидіаконъ.

— Но что хотѣлъ онъ этимъ сказать? спросилъ патріархъ. Какую цѣль могъ онъ имѣть, высказывая богохульственныя слова, которыя, если онъ сказалъ ихъ, сразу заклеймили бы его какъ еретика и лицемѣра?

— Я не могу объяснить этого; но не изволишь ли спросить и другихъ,—вотъ они здѣсь.

Лица, о которыхъ упомянулъ Серапіонъ, одинъ за другимъ вошли. Олимпіада и Пентадія сказали, что онѣ сидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, за которымъ писалъ Серапіонъ, и епископъ Северіанъ стоялъ къ нимъ задомъ; эти слова, высказанныя въ крайнемъ раздраженіи, онѣ безспорно слышали; слышали ихъ также Проклъ и Тигрій, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили и тотъ взглядъ и раздраженный тонъ, съ которымъ епископъ вы-

сказалъ ихъ. Евтихій, сидѣвшій рядомъ съ Серапіономъ и вставшій, когда проходилъ епископъ гавальскій, сказалъ, что епископъ сначала проговорилъ что то такое, чего онъ не могъ хорошенько разслышать, а затѣмъ явственно высказалъ и эти богохульственныя слова.

— Какъ же ты понялъ эти слова, сынъ мой? спросилъ патріархъ.

— Мнѣ думалось, сказалъ Евтихій, что онъ въ своемъ раздраженіи высказалъ какую то клятву. Могу ли я говорить дальше?

— Конечно.

— Ну, хорошо, владыка; апостолъ Павелъ говоритъ о злоупотребленіяхъ языка въ Каринѳѣ: «никто, говорящій Духомъ Божіимъ, не говоритъ: Іисусъ да будетъ анаѳема». Я слышалъ, какъ ты объяснялъ это изреченіе въ томъ смыслѣ, что, въ крайнемъ возбужденіи, люди теряли всякое самообладаніе, ихъ языки подъ вліяніемъ злыхъ духовъ изрекали богохульство. Мнѣ какъ разъ припомнилось все это по поводу изреченія, которое высказано было въ гнѣвѣ Северіаномъ.

— Сынъ мой, сказалъ патріархъ, я не могу больше сомнѣваться, что Северіанъ высказалъ эти страшныя слова, и въ твоемъ заявленіи о нихъ, быть можетъ, есть нѣкоторая мудрость. Позовите сюда епископа.

Северіанъ пришелъ, совершенно не зная о томъ, что произошло, и его красивая, видная, самодовольная фигура представляла рѣзкую противоположность съ смиренной фигурой патріарха. Патріархъ всталъ, чтобы привѣтствовать его, но при этомъ такъ строго посмотрѣлъ ему въ лицо, что епископъ гавальскій сразу прервалъ свои огругленные комплименты и замѣчанія о погодѣ, въ которыхъ онъ началъ было разсыпаться.

— Твое блаженство, повидимому, сегодня чѣмъ то взволнованъ, сказалъ онъ.

— Северіанъ, сказалъ патріархъ, мнѣ заявлено достовѣрными свидѣтелями, которые не могли и не хотѣли лгать, что ты въ ихъ присутствіи воскликнулъ: «Христосъ не вочеловѣчился!»

— Какъ можешь ты слушать такія пустыя разсказни, сказалъ Северіанъ. Вѣдь если бы я вѣрилъ хотя даже десятой

доли того, что говорятъ о тебѣ, то я долженъ бы составить о тебѣ крайне не хорошее мнѣніе.

— Что бы тамъ ни говорили обо мнѣ, сказалъ патріархъ съ очевидной суровостью, это не относится къ дѣлу. Если кто-нибудь можетъ свидѣтельствовать противъ меня, пусть свидѣтельствуетъ, продолжалъ онъ, махнувъ рукой; обвиненіе же противъ тебя совершенно ясно и опредѣленно.

— Я никогда не говорилъ ничего подобнаго, увѣренно отрицалъ Северіанъ. Когда и гдѣ сказалъ я это?

— Вчера въ ѳомаитѣ.

— Кто говоритъ объ этомъ?

— Серапіонъ, Тигрій, Проклъ...

— Всѣ мои враги, сказалъ Северіанъ.

— Мой писецъ Евтихій...

— Этотъ-то дрянный самомнящій мальчишка!

— Прошу не выражаться такъ, воскликнулъ патріархъ. Евтихій почти еще мальчикъ; онъ такой скромный и безпорочный юноша, какого мнѣ еще никогда не приходилось видѣть. Кромѣ нихъ еще госпожа Олимпіада и Пентадія...

— Самые близкіе друзья твоего блаженства, сказалъ Северіанъ съ нескрываемой насмѣшкой.

— Мнѣ стыдно за тебя, воскликнулъ патріархъ; о, если бы Богу угодно было дать мнѣ увидѣть, что ты устыдился самого себя! Ты—христіанскій епископъ, неужели ты можетъ утверждать, что эти благочестивые пресвитеры, эти благочестивыя женщины изобрѣли ложь во вредъ тебѣ? Нѣкоторые изъ нихъ быть можетъ и не высокаго мнѣнія о тебѣ, но я готовъ поручиться за каждаго изъ нихъ, что они скорѣе умрутъ, чѣмъ солгутъ.

— Ну конечно, если ты по своему обычаю заранѣе порѣшилъ все это дѣло, грубо сказалъ Северіанъ; мнѣ остается только удалиться...

— Затѣмъ, продолжалъ патріархъ, подавляя въ себѣ сильный приступъ негодованія, ты, повидимому, забываешь, что призванъ сюда для того, чтобы давать отвѣтъ на взведенное на тебя опасное обвиненіе. Теперь я по своему долгу разслѣдую истину, и ты ничего не можешь выиграть дерзкимъ отношеніемъ къ своему судьѣ.

— Всѣмъ извѣстно, что ты завидуешь мнѣ, сказалъ Северіанъ.

Патріархъ едва могъ подавить улыбку. Изъ всѣхъ человѣческихъ слабостей зависть, какъ признакъ низкихъ натуръ, была наименѣе всего сродна его возвышенной натурѣ, а зависть къ Северіану въ особенности была послѣднимъ чувствомъ, какое только могло возникнуть въ его благородномъ сердцѣ.

— Оставь это неумѣстное замѣчаніе, Северіанъ, сказалъ онъ; вопросъ поставленъ вполнѣ просто и опредѣленно: сказалъ ты, или нѣтъ, слышанныя по крайней мѣрѣ шестью лицами слова: «Христосъ не вочеловѣчился?»

— Обвиненіе это нелѣпо, отвѣчалъ Северіанъ.

— Въ такомъ случаѣ я опять допрошу свидѣтелей.

— О, подожди, воскликнулъ Северіанъ, который теперь видѣлъ, что нельзя было избѣжать явной улики, подожди! и поднеся руку ко лбу съ крайне взволнованнымъ жестомъ, какъ-будто пытаясь что то припомнить, медленно проговорилъ: какъ-будто смутно я вспоминаю, что было что то въ этомъ родѣ. Твой архидіаконъ Серапіонъ—самый грубый и невѣжественный человѣкъ, съ какимъ только мнѣ приходилось когда-нибудь встрѣчаться...

— Такія выраженія непристойны тебѣ, сказалъ патріархъ; неприлично такъ выражаться христіанину, а тѣмъ болѣе епископу, который долженъ подавать примѣръ другимъ.

— Но, пожалуйста, не сбивай меня, сказалъ Северіанъ, выпрямляя свою тучную фигуру; я уже началъ было говорить, а ты прервалъ меня, что когда я проходилъ черезъ ѳомаиту, Серапіонъ, этотъ образецъ вѣжливости, этотъ перлъ изъ царедворцевъ, усмѣхнулся надо мною и не счелъ нужнымъ даже встать, какъ сдѣлали другіе; можно было даже подумать, что ты самъ далъ поводъ твоимъ приближеннымъ оскорблять меня...

— Я уже сдѣлалъ ему выговоръ за это и приказалъ ему вставать въ будущемъ, замѣтилъ патріархъ, котораго нисколько не могла смутить дерзость Северіана. Онъ увѣряетъ меня и я вѣрю ему, что онъ не всталъ просто потому, что, будучи занятъ письмоводствомъ, не видѣлъ тебя. Его предполагаемая насмѣшка есть лишь плодъ твоего собственнаго воображенія.

— И вотъ въ приступѣ негодованія, до крайности возмущен-

ный грубымъ безстыдствомъ этого человѣка, я быть можетъ въ своемъ гнѣвѣ высказалъ (вѣдь все же и я человѣкъ только!) что то въ родѣ того: если Серапіонъ умретъ христіаниномъ, то Христосъ не вочеловѣчился! Такъ какъ Серапіонъ никогда не жилъ по-христіански, то я увѣренъ, что онъ никогда и не умретъ по-христіански, и вотъ это я и выразилъ только немножко въ сильныхъ словахъ!..

— Довольно, сказалъ патріархъ, ты допускаешь, что употребилъ эти слова. Для твоего достоинства было бы лучше, если бы ты сначала не отрицалъ этого: твое объясненіе едва ли поправляетъ дѣло и не оправдываетъ твоего замѣчанія, сдѣланнаго въ богохульственной формѣ, заключающей въ себѣ нечестіе и кощунство. Въ виду этого ты не можешь больше оставаться въ Константинополѣ. Моею патріаршею властью я отсѣкаю тебя отъ общенія со всѣми подвластными мнѣ церквами; я запрещаю тебѣ входить въ нихъ; ты опозорилъ свой санъ и свое призваніе. Удались и проси Бога, чтобы Онъ простилъ твой грѣхъ.

— Обо всемъ этомъ узнаетъ императрица! дерзко отвѣтилъ онъ.

— Довольно, сказалъ патріархъ; императоръ имѣетъ власть во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ; но власть его не простирается на дѣла духовныя. Ты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отсутствовалъ изъ твоей заброшенной епархіи, преслѣдуя здѣсь свои честолюбивые планы. Я совѣтую тебѣ возвратиться въ свою епархію и приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Филиппъ, проводи епископа гавальскаго.

Раскраснѣвшись отъ ярости, Северіанъ тяжелой, но скорой поступью вышелъ отъ патріарха съ намѣреніемъ немедленно же обратиться съ жалобой во дворецъ, гдѣ своими markup кознями и ласкательствами онъ уже успѣлъ пріобрѣсти себѣ благоволеніе. Но когда онъ вышелъ изъ патріархіи, то увидѣлъ, что на форумѣ что то грозно шумѣла и волновалась толпа. Слухи о чинимыхъ Северіаномъ козняхъ по отношенію къ ихъ возлюбленному патріарху уже успѣли проникнуть и въ народъ. Своимъ здравымъ смысломъ народъ успѣлъ уже разгадать этого человѣка, который пользовался благосклоннымъ вниманіемъ такихъ дамъ, какъ Епиграфія, и былъ поддерживаемъ многими другими личностями та-

кого же закала изъ самого духовенства. Случилось, что во время объясненія между патріархомъ и Северіаномъ нѣкоторые decani, т. е. низшіе церковные служители (дьяки), составлявшіе одну вѣтвь общины параволановъ и помогавшіе при погребеніи бѣдныхъ, находились въ саду и слышали, какъ громко и дерзко епископъ гавальскій объяснялся съ патріархомъ. Они не замедлили разгласить вѣсть, что Северіанъ нанесъ оскорбленіе патріарху. При этомъ извѣстіи немедленно собралась толпа, которая рада была при первомъ случаѣ проучить ненавистнаго ей сирійца. При всей своей внѣшней напыщенности Северіанъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человѣкъ весьма трусливый. Онъ попросилъ Филиппа провесть его черезъ эту толпу, и Филиппу дѣйствительно удалось утишить ея ярость, потому что многіе знали и любили Филиппа за его веселый нравъ и доброту.

— Моя жизнь здѣсь въ опасности, замѣтилъ Северіанъ; проводи меня, Филиппъ, на пристань; я возьму лодку и уѣду въ Халкидонъ.

— Въ эти опасные дни народнаго волненія, владыка, не лучше ли будетъ тебѣ совсѣмъ оставить Константинополь, почтительно сказалъ Филиппъ, когда уже лодочникъ ударилъ въ весла.

— Мы посмотримъ еще, сердито отвѣтилъ Северіанъ.

И дѣйствительно внѣ Константинополя онъ пробылъ лишь нѣсколько дней. Евдоксія и вся окружающая ее клика пришли въ ярость, услышалъ о запрещеніи, наложенномъ на ихъ любимца. Гордая императрица не могла выносить, чтобы даже въ церкви кто-нибудь могъ самовластно распоряжаться помимо ея. Она послала за патріархомъ и упрашивала его опять возвратить столицѣ этого превосходнаго епископа.

— Что дурного нашелъ ты, владыка, сказала она, въ столь краснорѣчивомъ, благородномъ, православномъ проповѣдникѣ? Онъ единственная личность въ Константинополѣ, которую я съ моими придворными дамами и императоръ можемъ слушать съ истиннымъ удовольствіемъ.

Въ этомъ родѣ она продолжала упрашивать его, вплетая въ каждую фразу лукавую злобу, которой надѣялась уязвить патріарха. Съ прискорбіемъ, однако, она видѣла, что не въ состояніи сколько-нибудь затронуть его. Патріархъ, съ чувствомъ глу-

бокаго миротворенія, уже давно привыкъ не обращать вниманія на презрительныя выходки своихъ многочисленныхъ противниковъ. Орелъ нисколько не оскорбляется злобнымъ чириканьемъ какихъ-нибудь воробьевъ. Тогда императрица постаралась склонить и императора въ пользу Северіана. Цѣлымъ градомъ издѣвательствъ, слезъ и настойчивыхъ просьбъ она наконецъ достаточно убѣдила его, чтобы и онъ попросилъ патріарха отмѣнить свое запрещеніе.

— Императрица желаетъ этого, говорилъ Аркадій патріарху, а поэтому конечно желаю и я. Проповѣди Северіана не утомляютъ насъ такъ... какъ утомляютъ нѣкоторыя другія проповѣди. При нихъ можно уснуть... то-есть, я хочу сказать, можно слушать ихъ спокойно. Мы жалѣемъ о его отбытіи.

— Что касается твоихъ желаній, государь, то я готовъ глубоко уважать ихъ. У меня и раньше были серьезныя основанія къ недовольству епископомъ гавальскимъ, но въ угоду тебѣ и императрицѣ я даже оставилъ его на время своего отсутствія вмѣсто себя проповѣдывать съ каѳедры святой Софіи; однако его образъ дѣйствій, за который я принужденъ былъ наложить на него запрещеніе, былъ такъ предосудителенъ, что вполнѣ обнаружилъ его непригодность для этой должности. Мой долгъ по отношенію къ тебѣ едва ли совмѣстимъ съ моимъ высшимъ долгомъ передъ церковью.

— Въ такомъ случаѣ я никогда не дождусь конца всего этого, воскликнулъ Аркадій. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы меня оставили въ покоѣ.

— Церковныя преступленія должны быть наказываемы, сказалъ патріархъ, не такъ, какъ преступленія гражданскія.

Такимъ образомъ вопросъ остался въ прежнемъ положеніи. Но Евдоксія порѣшила во чтобы то ни стало добиться своего. Въ слѣдующее же воскресенье, какъ разъ разъ передъ началомъ службы, она прибыла въ церковь Софіи, окруженная своими приближенными, и держала на рукахъ своего младенца-сына, который былъ уже Августомъ. На востокѣ въ то время обычаемъ позволялось членамъ императорскаго дома прямо входить въ алтарь, хотя на западѣ святой Амвросій медіоланскій запретилъ это даже Ѳеодосію Великому, когда онъ, указавъ ему мѣсто внѣ алтаря, сказалъ: «государь, это мѣсто для пресвитеровъ; твое мѣсто, какъ

императора, вонъ тамъ». Послѣ этого даже въ Константинополѣ Ѳеодосій никогда не осмѣливался занимать мѣсто въ алтарѣ. Но теперь, въ виду всѣхъ собравшихся, гордая Евдоксія, не признававшая никакихъ стѣснительныхъ для нея правилъ, прямо направилась къ патріаршему мѣсту и, положивъ своего сына на колѣна патріарха, громко заклинала его, жизнью императора и главой младенца Августа, возвратить Северіана. Отказать ей въ этомъ значило бы произвести страшное смятеніе въ священномъ мѣстѣ, и глаза патріарха наполнились слезами. Онъ наклонился и поцѣловалъ невиннаго ребенка, котораго императрица оставила на его рукахъ. Всецѣло сосредоточившись мыслями на этомъ невинномъ маленькомъ ребенкѣ, онъ предался священнымъ воспоминаніямъ о томъ событіи, когда смиренная Приснодѣва Марія положила святѣйшаго Младенца на руки престарѣлаго Симеона, и сердце его смягчилось. Онъ не могъ противиться женской настойчивости, которая не останавливалась даже предъ такими пріемами, чтобы только достигнуть своей цѣли. Хотя въ глубинѣ сердца онъ не оправдывалъ своего теперешняго рѣшенія, но невольно останавливался на той мысли, что вѣдь эта женщина есть супруга императора, а апостолъ Павелъ повелѣвалъ повиноваться властямъ предержащимъ, потому что они установлены отъ Бога. Заклинанія Евдоксіи были такъ настойчивы, что было бы невозможно оставить ихъ безъ вниманія.

— Государыня, сказалъ онъ, я едва ли вправѣ противиться этимъ просьбамъ; я снимаю съ себя отвѣтственность по твоему повелѣнію, которое я понимаю, какъ повелѣніе императора, и готовъ вновь допустить Северіана къ нашему общенію.

Немедленно же гонцы отъ императрицы полетѣли съ этой вѣстью въ Халкидонъ и Северіанъ возвратился въ столицу, злорадствуя въ сердцѣ своей побѣдѣ надъ патріархомъ. Тѣмъ не менѣе онъ теперь всецѣло зависѣлъ отъ снисходительности іерарха, противъ котораго онъ такъ постыдно старался строить козни. Хотя императрица почти могла заставить патріарха снять съ него свое запрещеніе, однако въ этомъ дѣлѣ имѣлъ серьезное значеніе и голосъ народа. Присутствіе Северіана могло повести къ весьма опаснымъ смутамъ въ Константинополѣ и народъ непрочь былъ бы при случаѣ силой выпроводить его изъ церкви, въ которую онъ захотѣлъ бы войти. Но патріархъ не любилъ дѣйствовать на по-

ловину. Если онъ принужденъ былъ возвратить Северіана, то не хотѣлъ имѣть противъ него никакого даже скрытаго неудовольствія. Если онъ считалъ своимъ долгомъ уважить просьбу императорскаго дома о допущеніи его къ общенію съ собою, то сдѣлалъ это безъ малѣйшихъ ограниченій.

Поэтому онъ въ слѣдующее воскресенье даже произнесъ особую проповѣдь, съ цѣлью утишить негодованіе народа и побудить его прекратить свое враждебное отношеніе къ епископу гавальскому. «Голова, говорилъ онъ, должна соединиться съ членами и такимъ образомъ церковь съ пастыремъ, народъ съ императоромъ. Какъ вѣтвь не можетъ отдѣлиться отъ корня или рѣка отъ своего источника, такъ сыны должны быть въ единеніи съ своимъ отцомъ, ученики съ своими учителями. Вы часто обнаруживали свою любовь ко мнѣ, свое послушаніе мнѣ, и ради меня вы готовы были жертвовать даже своей жизнью. Мы едино въ обязанностяхъ, едино въ любви. Какъ моимъ духовнымъ дѣтямъ я совѣтую вамъ сохранять миръ. Между нами были смуты. Пусть онѣ закончатся, пусть о нихъ будетъ забыто,—примите нашего брата Северіана».

Рѣчь эта была прямодушна, проста и благородна, и имя Северіана было выдвинуто въ ней съ замѣчательнымъ искусствомъ и силой. Всѣ слушатели невольно чувствовали искренность словъ великаго проповѣдника и разразились громкими одобреніями. Патріархъ благодарилъ народъ за его согласіе на сдѣланное ему предложеніе; но принявъ Северіана, пусть примутъ его съ любовью. Такое торжество братской любви принесетъ миръ церкви и причинитъ радость на небѣ.

Чтобы сдѣлать примиреніе полнымъ, патріархъ пригласилъ Северіана произнесть проповѣдь въ слѣдующее воскресеніе. Его проповѣдь также дошла до насъ. Она отличается напыщенной риторикой и состоитъ изъ искусно подобранныхъ общихъ мѣстъ, хотя неискренность просвѣчивала въ каждомъ положеніи и тонѣ. Въ большей своей части это не что иное, какъ напыщенное восхваленіе блага единенія. «Въ нашихъ городахъ, говорилъ онъ, изображеніе августѣйшихъ братьевъ, правящихъ міромъ, Аркадія и Гонорія, украшено фигурой Согласія, стоящей между ними и обнимающей ихъ своими материнскими руками. Именно такъ теперь міръ Божій обнимаетъ насъ въ своемъ горячемъ лонѣ и на-

учаетъ насъ въ отдѣльныхъ тѣлахъ имѣть единую душу. Война покончена; воцарился миръ».

Залогъ мира былъ укрѣпленъ предъ святымъ престоломъ. Патріархъ былъ совершенно вѣренъ ему, и ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже взглядомъ не нарушалъ его. Но Северіанъ продолжалъ по прежнему строить свои козни, такъ что даже льстивыя, притворныя улыбки его явно выдавали ревнивую завистливость и невѣрность его лукаваго сердца. и поэтому небосклонъ омрачался все болѣе и болѣе.

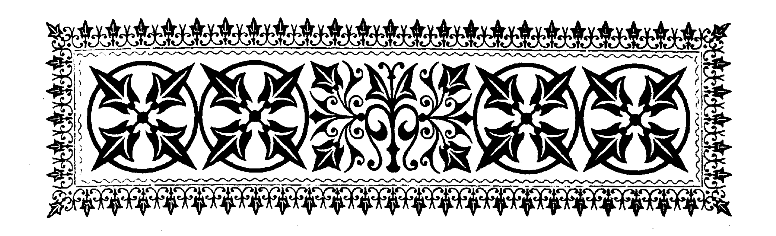
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

БОРЬБА НА ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

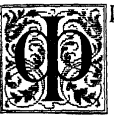
Міръ я принимаю какъ есть онъ,—
Это сцена, на которой каждый разыгрываетъ свою роль,
И мнѣ выпала наитруднѣйшая изъ всѣхъ.
Шекспиръ.

ГЛАВА XLIII.

Долгіе братья.

ИЛИППЪ, сказалъ однажды утромъ Евтихій, выходя на свою обычную работу: въ ѳомаитѣ теперь находятся четыре самыхъ странныхъ существа, какія ты когда-нибудь видѣлъ.

— Какіе нибудь духи или ангелы, насмѣшливо спросилъ Филиппъ, — въ родѣ тѣхъ, какими ты напугалъ готовъ со стѣнъ дворца?

— Со всѣмъ нѣтъ, антіохійскій острословъ, смѣясь отвѣчалъ Евтихій. Это — люди, но совершенно похожіе на какія то привидѣнія. Это старцы, изумительно высокіе ростомъ, повидимому, до крайности бѣдствующіе, потому что выглядятъ совершенно истощенными и полумертвыми отъ голода. Вся одежда ихъ состоитъ изъ овечьей шкуры и сандалій. На головѣ у нихъ длинные, черные, какъ смоль, свалявшіеся волосы, ноги обнаженныя и покрыты какими то рубцами, а у одного недостаетъ даже одного уха.

— Что имъ нужно?

— Они говорятъ только, что прибыли сюда повергнуть себя подъ покровительство патріарха. Проклъ сказалъ имъ, что онъ занятъ, но что они будутъ приняты черезъ нѣсколько минутъ. Иди, посмотри на нихъ.

Филиппъ пришелъ въ ѳомаиту и дѣйствительно увидѣлъ четыре

странныя личности, которыя описывалъ ему Евтихій. Они стояли вмѣстѣ, съ поникнутыми взорами въ концѣ палаты, опираясь на свои посохи. Внѣшность ихъ, когда они шли по улицамъ, была такъ необычайна, что за ними до самаго входа въ патріархію шла толпа воиновъ и уличныхъ мальчишекъ, и нѣкоторые изъ послѣднихъ и теперь заглядывали въ открытыя ворота патріархіи; но пришельцы, повидимому, не обращали вниманія на это любопытство, которое они возбуждали, и стояли молча, какъ будто поглощенныя собственными думами. Уста ихъ какъ будто шептали безмолвную молитву.

— Я угадалъ изъ твоего описанія, Евтихій, кто это такіе сказалъ Филиппъ. Съ перваго взгляда я увидѣлъ, что это отшельники изъ пустыни Нитрійской. Это навѣрно никто иные, какъ знаменитые долгіе братья. Но что имъ нужно здѣсь? Надѣюсь, что прибытіе ихъ не принесло ничего злополучнаго. Они находятся подъ властію его недостойнаго святѣйшества, патріарха александрійскаго. Я уже слышалъ, что они до крайности подвергались всевозможнымъ гоненіямъ отъ него.

— Разскажи мнѣ что-нибудь о нихъ.

— Я разскажу тебѣ все, что знаю, Евтихій, Старшій изъ нихъ — Аммоній. Онъ былъ спутникомъ святаго Аѳанасія Великаго, когда послѣдній былъ изгнанъ въ 341 году, почти 60 лѣтъ тому назадъ, и бѣжалъ въ Италію. Это былъ первый монахъ, котораго только видѣли въ Римѣ. Тогда онъ былъ еще юноша изъ Скитскаго монастыря. Изящные римляне съ удивленіемъ смотрѣли на его исполинскій ростъ, великолѣпную фигуру въ овчинѣ вмѣсто одежды и на крайнюю простоту его жизни; потому что среди ихъ роскоши и объѣденія, онъ ничего не ѣлъ кромѣ хлѣба и овощей и пилъ только воду. Подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ именно этой личностью въ Римѣ, святой Амвросій ввелъ монастырскій образъ жизни въ Италіи. Когда Аѳанасій возвратился въ Египетъ, то Аммоній сдѣлался отшельникомъ.

— Какъ же онъ лишился своего уха?

— Онъ самъ отрѣзалъ его себѣ, и потому его называютъ Паротомъ [1]).

---

[1]) Παρότης—карноухій.

— Зачѣмъ же? Развѣ онъ думаетъ, что достаточно и одного уха?—смѣясь спросилъ Евтихій.

— Нѣтъ, но въ то время Θеофилъ показывалъ видъ, что относился къ этимъ долгимъ братьямъ съ великимъ уваженіемъ и намѣревался схватить Аммонія силой и сдѣлать его епископомъ. Аммоній между тѣмъ рѣшительно не хотѣлъ этого и желалъ жить вдали отъ міра и его прелестей. По этому онъ бѣжалъ въ глубокія дебри Ливійской пустыни. Но даже и тамъ агенты Θеофила преслѣдовали его. Видя, что ему не избѣжать, онъ отрѣзалъ себѣ ухо и, явившись къ посланнымъ за нимъ, сказалъ: уходите, домогательства ваши тщетны. Каноны запрещаютъ рукополагать человѣка, который изуродованъ, — приэтомъ показалъ имъ свое окровавленное ухо.

— Вотъ такъ человѣкъ! воскликнулъ Евтихій; ну, а что это у нихъ за рубцы на рукахъ и ногахъ?

— Братья эти—исповѣдники, сказалъ Филиппъ, и это знаки, оставшіеся на нихъ послѣ пытокъ, перенесенныхъ ими отъ аріанина Валента.

— Что же сталось съ тремя другими?

— Θеофилъ. требуя отъ нихъ долга послушанія, приказалъ двумъ изъ нихъ явиться въ Александрію и принять на себя служеніе пресвитерское; третьяго Діоскора онъ взялъ силой, заставилъ его принять рукоположеніе и сдѣлалъ епископомъ Θермопольскимъ.

— Вотъ что! Неужели онъ епископъ? Странно, никто не встаетъ, когда онъ входитъ, никто даже не обращаетъ на него вниманія. А гдѣ-же этотъ Θермополь?

— Это лишь жалкая деревня въ нѣсколько хижинъ близъ пустыни. Въ дѣйствительности Діоскоръ не пересталъ быть отшельникомъ; да теперь онъ уже и не епископъ. Θеофилъ низложилъ и изгналъ его, сдѣлавъ вообще все, чтобы унизить, обезславить его и даже угрожалъ всѣмъ этимъ братьямъ смертью.

— Какъ такъ? Неужели онъ какой-нибудь фараонъ?

— Да, фараонъ, горячо сказалъ Филиппъ. Мало того, онъ чистый Новуходоносоръ, Каифа, Анна, Іуда—все вмѣстѣ, набѣленая стѣна, повапленный гробъ, полный мертвыхъ костей и всякой нечистоты. Да проститъ меня Богъ, если я заблуждаюсь, го-

воря такъ о столь высокопоставленномъ лицѣ! Но истина имѣетъ свои права, какъ и любовь. Іеремія проклялъ первосвященника Пасгора, и Исаія металъ громъ и молніи противъ пьяныхъ и нечестивыхъ священниковъ Іерусалима. Пророки всегда открыто поносили недостойныхъ священниковъ, и къ несчастію, такіе недостойные есть и теперь.

— Что тебя такъ возбуждаетъ противъ Θеофила? спросилъ Евтихій. О, Филиппъ, съ того времени, какъ ты лишился Давида, съ того времени, какъ уѣхала Маріамь, ты сдѣлался гораздо мрачнѣе и раздражительнѣе. Мнѣ хотѣлось бы какъ-нибудь утѣшить твое омраченное сердце.

— Евтихій, сказалъ Филиппъ; ты очень дорогъ мнѣ. Если бы не ты и онъ, то я не знаю, могъ-ли бы я перенести свою жизнь, потому что все вокругъ насъ мракъ, ложь и негодность. Но главная причина, почему именно въ моемъ сердцѣ кипитъ гнѣвъ противъ этого Θеофила, заключается въ томъ, что, насколько я знаю, онъ кипитъ злобой мщенія къ нашему возлюбленному патріарху. И увы, сказалъ Филиппъ, ломая себѣ руки, сердце подсказываетъ мнѣ, что онъ достигнетъ своей цѣли. Нашъ патріархъ въ сравненіи съ нимъ лишь невинное дитя. Многочисленные враги его, и во главѣ ихъ патріархъ александрійскій, видимо прилагаютъ всѣ усилія, чтобы погубить его...

— Сохрани Богъ, воскликнулъ Евтихій, дѣлая крестное знаменіе.

— Аминь, сказалъ Филиппъ; но этотъ александріецъ, этотъ, къ несчастью, преемникъ великаго Аθанасія — человѣкъ въ высшей степени злобный и даже далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи такихъ лицъ, какъ Северіанъ, Антонинъ ефесскій, Геронтій, такого симониста, какъ Евсевій валентиніанопольскій, Елпидій и всѣ другіе въ томъ же родѣ.

— Но, пожалуйста, оставимъ это, и скажи мнѣ еще что-нибудь объ этихъ замѣчательныхъ братьяхъ.

— Я разскажу тебѣ весьма коротко, потому что ихъ нужно немедленно вести къ патріарху. Аммоній и Діоскоръ остались въ пустынѣ, а Θеофилъ требовалъ, чтобы двое другіе жили въ Александріи, гдѣ положеніе ихъ становилось все болѣе и болѣе бѣдственнымъ, такъ какъ они начинали понимать всю алчность и ли-

шемѣріе своего недостойнаго патріарха. Они упрашивали его, чтобы онъ позволилъ имъ возвратиться въ Нитрію, и Θеофилъ, замѣтивъ ихъ недовѣріе къ нему, возненавидѣлъ ихъ съ того времени.

— Но они навѣрно чѣмъ-нибудь прогнѣвали его?

— Да, Евтихій, и чѣмъ бы ты думалъ? Θеофилъ большой поклонникъ золота. Его сестрѣ кѣмъ-то оставлено было большое наслѣдство въ пользу церкви, а онъ объявилъ, что это наслѣдство было завѣщано ей для ея собственнаго употребленія. Призванный въ свидѣтели по этому дѣлу, пресвитеръ Исидоръ, завѣдывавшій дѣлами благотворительности, заявилъ, что онъ ничего и нигдѣ не слышалъ о послѣднемъ. Тогда онъ началъ поносить и Исидора и обратился къ четыремъ братьямъ, чтобы они подтвердили его клевету на Исидора. Между тѣмъ они, напротивъ, поклялись, что Исидоръ — человѣкъ добросовѣстный всегда велъ жизнь благочестивую. Тогда Θеофилъ пришелъ въ ярость. Онъ не могъ выносить противорѣчій себѣ и привыкъ обращаться съ подчиненными ему епископами, священниками и монахами, какъ съ самыми простыми людьми, которыхъ онъ могъ лишать сана, заключать въ тюрьму или даже предавать смерти. Египетскія власти въ большинствѣ играютъ ему въ руку. Но такъ какъ онъ не могъ наказать братьевъ безъ всякаго основанія, то прибѣгъ къ самому послѣднему, къ самому страшному средству, именно обвинилъ ихъ въ ереси.

— Въ какой же ереси?

— Въ той, какую онъ называетъ оригенизмомъ, — въ сущности самое нелѣпое обвиненіе.

— Вѣдь Оригенъ кажется былъ однимъ изъ благочестивыхъ учителей христіанства?

— Несомнѣнно, онъ былъ величайшимъ писателемъ; но у него есть нѣкоторыя частныя, несогласныя съ ученіемъ церкви мнѣнія, и на этомъ основаніи Θеофилъ обвинилъ братьевъ въ оригенизмѣ, какъ ереси.

— Что такое самое слово оригенизмъ?

— Да это едва-ли кто можетъ объяснить тебѣ. Оригенъ былъ чрезвычайно плодовитый писатель; даже при его жизни его творенія подвергались грубымъ искаженіямъ и поддѣлкамъ. Такой человѣкъ, какъ Θеофилъ, легко можетъ любого человѣка на-

звать оригенистомъ, чтобы подвергнуть его обвиненію. Затѣмъ явилось дѣло Исидора.

— Какого Исидора? котораго онъ хотѣлъ сдѣлать патріархомъ?

— Именно; этому Исидору поручено было завѣдываніе госпиталями въ Александріи. Одна благородная женщина, зная, что Ѳеофилъ чрезвычайно любитъ строительство и что большую часть поступающихъ ему денегъ онъ употребляетъ неправильно, передала Исидору 1,000 фунтовъ золота въ пользу бѣдныхъ съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ не говорилъ объ этомъ Ѳеофилу. Но Ѳеофилъ, къ услугамъ котораго были сотни шпіоновъ, конечно узналъ объ этомъ и изъ мести возвелъ на Исидора ложное обвиненіе, о которомъ немедленно и доложилъ собору своего мѣстнаго духовенства.

— Какое же обвиненіе?

— Страшно и сказать тебѣ, Евтихій. Исидоръ, будучи уже 80-ти лѣтнимъ старцемъ, потребовалъ доказательствъ. Тогда Ѳеофилъ подкупилъ одного молодого человѣка, чтобы тотъ обвинилъ его; но совѣсть этого юнца и его матери не допустила до преступленія. Они устрашились клятвопреступленія и вмѣстѣ отказались отъ взведеннаго ими на Исидора преступленія. Обвиненіе, конечно, пало само собою. Несмотря на это, Ѳеофилъ заставилъ своихъ раболѣпныхъ египетскихъ епископовъ низложить Исидора и онъ бѣжалъ къ четыремъ братьямъ въ Скитскую пустыню. Что случилось послѣ, я ужъ не знаю.

— Твой разсказъ до крайности заинтересовалъ меня, сказалъ Евтихій; я пойду въ ѳомаиту, чтобы еще разъ посмотрѣть на этихъ знаменитыхъ мужей.

Онъ ушелъ и увидѣлъ, что съ братьями разговаривалъ епископъ еленопольскій. Палладій, подойдя къ нему, спросилъ его, когда освободится патріархъ, чтобы принять этихъ просителей.

— Черезъ нѣсколько минутъ, отвѣчалъ Евтихій.

— Въ такомъ случаѣ я посижу въ вашей пріемной, если можно, сказалъ Палладій, и когда ихъ можно будетъ принять, я самъ представлю ихъ патріарху.

Когда Палладій вошелъ въ комнату Филиппа, то послѣдній сказалъ ему:

— Владыка, Евтихій до крайности желалъ бы попросить тебя

разсказать что-нибудь объ этихъ долгихъ братьяхъ, но онъ стѣсняется.

— Я знаю все объ нихъ, сказалъ Палладій, который любилъ Евтихія, и съ удовольствіемъ разскажу ему. Что ему хочется знать?

— Разскажи намъ, владыка, что случилось съ ними послѣ того, какъ Исидоръ бѣжалъ къ нимъ? спросилъ Евтихій.

— Это очень печальная исторія, мой мальчикъ, началъ епископъ. — Братья прибыли въ Александрію, зная, что Исидоръ невиновенъ, и упрашивали Ѳеофила возстановить его въ санѣ; тотъ обѣщалъ, что возстановитъ, однако не исполнилъ своего слова. Тогда они прибыли опять, и Аммоній напомнилъ ему, что онъ забылъ свое обѣщаніе. Противодѣйствіе всегда приводитъ Ѳеофила въ страшную ярость. Аммонія онъ приказалъ заключить въ тюрьму. Братья его заявили, что они готовы вмѣстѣ съ нимъ сидѣть въ тюрьмѣ. Но александрійцы были въ такомъ страхѣ, что подняли ропотъ. Встревоженный этимъ, Ѳеофилъ велѣлъ выпустилъ братьевъ на улицу и они по своему смиренію сочли необходимымъ опять отправиться къ нему, Аммоній говорилъ отъ ихъ лица съ совершеннымъ спокойствіемъ и достоинствомъ, несмотря на то, что Ѳеофилъ, слушая ихъ, сверкалъ на нихъ злобными своими глазами и то блѣднѣлъ, то краснѣлъ отъ едва сдерживаемаго гнѣва. Затѣмъ вдругъ, не сказавъ ни слова, онъ всталъ, схватилъ Аммонія за горло и ударилъ его въ лицо такъ сильно, что хлынула кровь, и продолжая держать его, закричалъ: «еретикъ! анаѳематствуй Оригена!» Это было тѣмъ страннѣе, что дотолѣ не было ни разу упоминаемо даже и самаго имени Оригена!

— Но развѣ онъ никогда не читалъ, что епископъ не долженъ быть бійцей? Это кажется даже невѣроятнымъ!

— Это дѣйствительно скорѣе пристойно, сказалъ Палладій, какому-нибудь Нерону и Коммоду, а не христіанскому патріарху, но къ несчастью это было дѣйствительно такъ. Ѳеофилъ велѣлъ позвать своихъ воиновъ, собственными руками надѣлъ петлю на шею Аммонія и, заковавъ четырехъ братьевъ въ цѣпи, велѣлъ отвести ихъ обратно въ Нитрію.

Въ это время патріархъ позвалъ Филиппа, чтобы онъ впу-

стилъ долгихъ братьевъ. Филиппъ сказалъ ему, что здѣсь же находится епископъ Палладій, который и представитъ ихъ ему.

Долгіе братья вошли къ патріарху съ великимъ смиреніемъ, и сдѣлавъ колѣнопреклоненіе, поцѣловали ему руку.

— Мы радуемся, сказали они, видѣть твое святѣйшество!

— Встаньте, сказалъ патріархъ; не вы, а я долженъ цѣловать руку друзьямъ святого Аѳанасія Великаго, — исповѣдникамъ, потерпѣвшимъ мученіе и пытку отъ тиранніи Валента. Зовите меня просто епископомъ, а не святѣйшествомъ.

— Благодаримъ тебя, сказалъ Аммоній; мы люди простые и это даетъ намъ возможность говорить съ тобой свободнѣе.

— Говорите какъ братья съ братомъ, ободрялъ ихъ патріархъ.

— Несомнѣнно, владыка, сказалъ Аммоній, который какъ старшій говорилъ за другихъ, ты знаешь нашу печальную исторію до того времени, какъ Ѳеофилъ отослалъ насъ назадъ, позорно закованными въ цѣпи, къ нашимъ братьямъ, безъ всякой вины, но требуя отъ насъ, чтобы мы анаѳематствовали Оригена, о которомъ дотолѣ не было и помина.

— Странно, вѣдь кажется и самъ Ѳеофилъ былъ почитателемъ Адамантова учителя?

— Это дѣйствительно такъ, отвѣчалъ Аммоній; но у него произошелъ какой то странный поворотъ. Оригенъ училъ, что Богъ есть духъ, а безграмотные монахи, которыхъ называютъ антропоморфитами, держались ложнаго ученія, что Богъ имѣетъ руки, ноги и глаза, какъ у людей, и однажды они съ яростью прибыли въ Александрію, чтобы умертвить Ѳеофила за то, что онъ не держался ихъ воззрѣній. Онъ былъ крайне встревоженъ, и выйдя къ нимъ сказалъ: «видя васъ, святые иноки, я самъ вижу лицо Божіе». Успокоенные этимъ выраженіемъ, они, вмѣсто того, чтобы убить его, цѣловали ему руки. Съ того времени онъ увидѣлъ, какимъ могучимъ оружіемъ онъ можетъ располагать противъ своихъ враговъ, между которыми находишься и ты, владыка.

— Нельзя назвать еретикомъ всякаго, сказалъ патріархъ, за то только, что кому-нибудь придетъ въ голову назвать его такъ по своему невѣдѣнію или злословію. Но продолжай.

— Мы возвратились въ Нитрію, отягощенные цѣпями, опозоренные, отлученные, покрытые кровью. Затѣмъ отъ патріарха

пришелъ приказъ, чтобы во всѣхъ монастыряхъ были сожжены творенія Оригена. Во многихъ манускриптахъ содержалось толкованіе на священное Писаніе и самые манускрипты были рѣдки и необычайны...

— Объ этомъ я могу самъ засвидѣтельствовать, замѣтилъ патріархъ.

— Естественно между нами оказались такіе, которые, высоко цѣня эти творенія, отказались подчиниться столь несправедливому приказу. У Θеофила были шпіоны даже въ Нитрійской пустынѣ, и они извѣщали его обо всемъ, что мы дѣлали и говорили. Пятеро изъ нихъ были люди самаго низкаго свойства, недостойные быть привратниками. Одного изъ нихъ Θеофилъ рукоположилъ въ санъ діакона, а троихъ въ санъ пресвитера. Для одного изъ нихъ онъ даже основалъ призрачную каѳедру въ одной жалкой деревнѣ. Затѣмъ онъ вручилъ имъ прошеніе къ самому себѣ, написанное имъ же самимъ и наполненное ложными обвиненіями противъ Нитрійскихъ монаховъ. Вскорѣ затѣмъ эти пятеро шпіоновъ оставили свои кельи, явились въ Александрію, прямо направились въ церковь, гдѣ священнодѣйствовалъ патріархъ и, падая предъ его трономъ, подали ему какъ бы въ глубочайшемъ горѣ имъ самимъ составленное прошеніе. Θеофилъ притворно пришелъ въ ужасъ, прочитавъ эти клеветы, которыя были написаны его же собственной рукою, и воскликнулъ, что для того, чтобы истребить ересь, онъ долженъ самъ лично посѣтить Нитрію. Онъ обратился къ властямъ съ просьбой предоставить въ его распоженіе отрядъ воиновъ. Къ нимъ онъ присоединилъ многочисленныхъ слугъ своего дворца и вольнонаемныхъ праздношатаевъ, которые всегда готовы за деньги исполнять всякія порученія. Угостивъ ихъ виномъ, онъ двинулся во главѣ ихъ, разсчитывая свое путешествіе такъ, чтобы прибыть туда къ ночи. Было уже темно, когда онъ прибылъ въ горы и напалъ на насъ. Въ страхѣ отъ нападенія этой толпы въ полночь, многіе монахи бѣжали и поскрывались, подобно пророку Иліѣ, въ скалистыхъ ущельяхъ. Келіи монаховъ сдѣлались добычей грубыхъ воиновъ. Немного, конечно, какъ ты знаешь, было въ нихъ имущества, но все, что было въ нихъ, — небольшой запасъ вещей, свѣтильники, книги, однимъ словомъ все, что только оказалось, подверглось разграбленію.

— Какъ же вамъ-то удалось бѣжать?

— Мы были главной цѣлью его мщенія. Главнымъ его желаніемъ было именно схватить насъ; но наша небольшая лавра была построена нѣсколько въ отдаленіи, въ уступахъ холмовъ. Одинъ пустынникъ, въ ужасѣ прибѣжавъ къ намъ, разсказалъ, что дикій вепрь опустошаетъ виноградникъ Господень, и что одинъ изъ нападающихъ, нашъ тайный почитатель, велѣлъ ему предупредить насъ, что насъ хотятъ убить. Бѣжать было невозможно, потому что всѣ тропинки были заняты этими сынами геенны. Поспѣшно наши братья спустили насъ на веревкахъ въ колодезь, надъ отверстіемъ котораго они набросали бревенъ и камней, и они какъ разъ только успѣли во время сдѣлать это. Едва мы были скрыты, какъ на нашу лавру нахлынула эта враждебная толпа. Не найдя насъ, злодѣи въ крайней ярости разграбили наши кельи, разорвали наши священныя книги, разбили наши постели и скромную мебель, пронзали копьями самыя стѣны, чтобы увѣриться, не скрываемся-ли мы въ нихъ, и наконецъ, набросавъ кучу хвороста около нашего жилища, подожгли его. Пламя быстро охватило наши бѣдныя хижины и онѣ ярко горѣли въ жаркомъ, сухомъ и пустынномъ воздухѣ. Для охраненія, насколько это было возможно, нашего имущества, мы оставили тамъ бѣднаго мальчика. Онъ былъ сынъ одного человѣка, который оставилъ все, чтобы поступить въ нашу общину, и былъ воспитанъ среди насъ въ воздержаніи и благочестіи. Мы всѣ любили его. Онъ погибъ въ пламени...

По лицу престарѣлаго инока градомъ катились слезы, и патріархъ, слушая повѣсть ихъ ужасной бѣдственности, громко вздыхалъ.

— Даже священные сосуды евхаристіи, продолжалъ старецъ, были расплавлены... Даже святыя тайны погибли въ пламени...

— Это ужасно, воскликнулъ патріархъ.

— Оставивъ позади себя лишь груды пепла, среди которыхъ лежали полуобгорѣлыя кости нашего бѣднаго мальчика, Θеофилъ съ своими хищниками удалился. Когда мы вынуты были изъ колодца едва живые отъ холода, то предъ нашими глазами предстало только страшное зрѣлище разрушенія. Куда намъ было идти? Когда мы голодные съ плачемъ сходили съ холма, то къ намъ при-

были изъ мѣста своего укрывательства нѣсколько бѣглецовъ и разсказали намъ, что такъ какъ въ Египтѣ уже невозможно было оставаться дольше, то они порѣшили бѣжать въ Сирію, и приглашали и насъ съ собою. Сборнымъ пунктомъ быро назначено одно мѣсто, лежащее къ западу отъ Чермнаго моря. Тамъ именно собралось насъ восемьсотъ человѣкъ. Въ путь двинулось собственно триста человѣкъ, но многіе были престарѣлы и немощны, и поэтому погибли отъ голода въ пути. Среди оставшихся въ живыхъ были аввы, пресвитеры, діаконы, иноки, — нѣкоторые изъ нихъ люди глубокой старости, многіе со слѣдами пытокъ на тѣлѣ, которымъ они подвергались, какъ исповѣдники за вѣру православную. Мы порѣшили отправиться въ Палестину искать покровительства у Іоанна, добраго епископа іерусалимскаго. Вездѣ народъ принималъ насъ съ любовью и почтеніемъ; но даже и тамъ Θеофилъ преслѣдовалъ насъ. Онъ отправилъ чрезвычайно заносчивое письмо ко всѣмъ епископамъ Палестины, въ которомъ какъ какой-нибудь богъ...

— Это правда, замѣтилъ Палладій; онъ дѣйствительно склоненъ величаться какъ богъ.

— Не думаю, Палладій, сказалъ патріархъ; потому что это написано объ антихристѣ.

— Развѣ этотъ человѣкъ не антихристъ, владыка мой патріархъ? возразилъ Палладій; человѣкъ, который гордо выступаетъ намѣстникомъ Христа, низвергаетъ дѣло Христово...

Патріархъ далъ знакъ Аммонію, чтобы онъ продолжалъ.

— Его письмо къ палестинскимъ епископамъ было таково: «Вы не должны были противъ моей воли принимать этихъ иноковъ въ свои города. Я прощаю васъ только потому, что вы сдѣлали это по невѣдѣнію. Отселѣ будьте осторожны и не допускайте ни въ какое мѣсто церковное или частное тѣхъ, кого я отлучаю». До полученія этого письма епископъ Іоаннъ желалъ показать намъ доброту, но теперь мы были изгнаны Θеофиломъ даже изъ Палестины, какъ какіе-нибудь бѣглые рабы. Мы сѣли на корабль въ Іоппіи, гдѣ насъ всего осталось только пятьдесятъ человѣкъ, и вотъ мы теперь, владыка патріархъ, пришли просить твоего покровительства, зная о тебѣ, что ты любишь правду.

— Братья мои, со слезами отвѣчалъ патріархъ, — я скорблю

о вашихъ бѣдствіяхъ, но вы не находитесь подъ моей властью. Мнѣ надлежитъ дѣйствовать осторожно. Вѣдь вы осуждены соборомъ, каковъ бы онъ ни былъ; пока другой соборъ или вашъ собственный патріархъ не отмѣнитъ тяготѣющаго надъ вами приговора, законы церковные связываютъ мнѣ руки. Не открывайте никому, зачѣмъ вы прибыли сюда, пока я не напишу Ѳеофилу. Я не могу еще имѣть общеніе съ вами, но мои церкви всѣ открыты для вашей молитвы и вы найдете въ нихъ все необходимое для удовлетворенія и вашихъ тѣлесныхъ нуждъ.

— Нужды наши очень незначительны, сказалъ Аммоній; если только намъ можно гдѣ-нибудь достать пальмовыхъ листьевъ, то мы надѣлаемъ изъ нихъ циновокъ и корзинъ, продадимъ ихъ и купимъ себѣ пищи.

— Но теперь пока діакониса Олимпіада съ своими сестрами позаботится о васъ; для жилища я вамъ назначаю помѣщеніе при церкви Воскресенія, столь дорогой моему предшественнику Григорію Назіанзину.

Невозможно было и придумать болѣе мудраго и справедливаго образа дѣйствій при данныхъ, въ высшей степени щекотливыхъ обстоятельствахъ, чѣмъ этотъ. Златоустъ, не теряя времени, написалъ къ Ѳеофилу, въ духѣ братской любви и сыновняго почтенія, письмо, въ которомъ просилъ его снять съ этихъ иноковъ наложенное на нихъ отлученіе. На это письмо Ѳеофилъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Между тѣмъ иноки, утомленные своимъ долгимъ изгнанничествомъ, лишенные преимуществъ, доступныхъ самымъ смиреннымъ христіанамъ, составили письмо, въ которомъ изложили такое множество и столь ужасныхъ обвиненій противъ Ѳеофила, что епископъ Палладій въ своемъ жизнеописаніи св. I. Златоуста даже не рѣшился передать ихъ, потому что, говоритъ онъ, они показались бы невѣроятными. Не имѣя возможности иначе достигнуть улучшенія въ своемъ положеніи, они угрожали даже обратиться къ императору и подать ему эту жалобу.

Въ виду этого Златоустъ вновь написалъ Ѳеофилу и извѣщалъ его о томъ шагѣ, къ которому намѣревались приступить иноки въ своемъ отчаяніи. Тогда Ѳеофилъ отвѣтилъ ему троякимъ образомъ. Онъ отправилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ креатуръ, именно

епископа съ четырьмя монахами, въ Константинополь, чтобы очернить и обезславить долгихъ братьевъ и ихъ сотоварищей, называя ихъ еретиками и волхвами. Положеніе несчастныхъ страдальцевъ ухудшилось еще болѣе оттого, что жители столицы начали относиться къ нимъ съ крайней враждебностью, такъ что они не могли даже безъ опасенія оскорбленій выходить изъ своихъ келій. Помѣщеніе при церкви Анастасіи сдѣлалось для нихъ какъ бы тюремнымъ заключеніемъ. Тамъ именно въ 85-ти лѣтнемъ возрастѣ умеръ несчастный Исидоръ богадѣльникъ, котораго Ѳеофилъ старался когда то сдѣлать патріархомъ константинопольскимъ, а впослѣдствіи погубилъ крайне постыдными дѣлами. Златоусту Ѳеофилъ написалъ короткое заносчивое письмо всего въ три строки: «Мнѣ думалось, что ты знаешь никейскіе каноны, запрещающіе епископамъ входить въ обсужденіе распрей внѣ своихъ собственныхъ діоцезовъ. Если ты не знакомъ съ этими канонами, то прими ихъ во вниманіе теперь. Если меня можно судить, то только египетскимъ епископамъ, а не тебѣ, находящемуся на 75 дней разстоянія». Наконецъ онъ отлучилъ четвертаго брата Діоскора, велѣлъ чернымъ рабамъ стащить его съ епископскаго престола и уничтожилъ его діоцезъ. Діоскоръ бѣжалъ и присоединился къ своимъ братьямъ.

Благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, Ѳеофилъ располагалъ большимъ вліяніемъ даже въ Константинополѣ. Этотъ городъ въ своемъ продовольствіи хлѣбомъ, находился въ зависимости отъ Александріи, которая именно снабжала его запасами изъ житницъ Африки. Поэтому константинопольскій портъ часто былъ переполненъ египетскими кораблями, а на улицахъ встрѣчалось множество египетскихъ торговцевъ и матросовъ. Ѳеофилъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ имени, полнымъ властелиномъ Египта. Онъ могъ, если бы только захотѣлъ, довести столицу до голода, какъ это и было во времена Константина Великаго, когда въ такомъ именно намѣреніи обвиняли Аѳанасія Великаго. И не только эти египтяне, по большей части самаго низкаго разбора, находились въ полномъ его распоряженіи для всякихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, располагая огромными богатствами, беззастѣнчиво подкупалъ всѣхъ гражданскихъ и придворныхъ сановниковъ, которые готовы были за приличныя взятки сдѣлать все, что было угодно ему.

Такъ какъ Златоустъ не въ состоянiи былъ ничего сдѣлать для долгихъ братьевъ, то они, не вынося долѣе своей бѣдственности, порѣшили наконецъ обратиться къ императору Аркадiю. Константинопольскому патрiарху, желавшему только поступать согласно съ мудростью и справедливостью, пришлось теперь выдерживать враждебность съ двухъ сторонъ. Друзья долгихъ братьевъ обвиняли его въ слабой защитѣ ихъ дѣла. А съ другой стороны Ѳеофилъ кипѣлъ противъ него яростью за то, что онъ принялъ ихъ къ себѣ подъ защиту.

Но вотъ египетскiе монахи неожиданно нашли себѣ могучаго союзника.

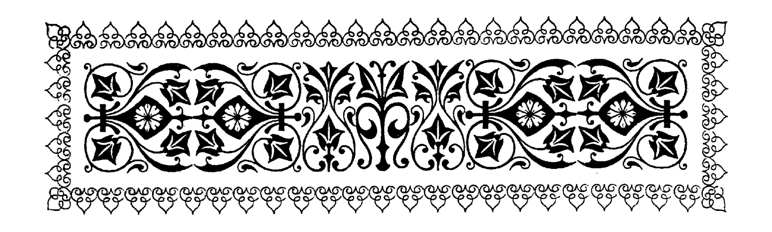
Императрица Евдоксiя, отличаясь внѣшнимъ показнымъ благочестiемъ, любила посѣщать разныя церкви, которыя она считала особенно священными, тѣмъ болѣе, что она теперь совсѣмъ перестала посѣщать святую Софiю, чтобы выразить этимъ свое нерасположенiе къ Златоусту. Однажды она выразила намѣренiе посѣтить церковь Iоанна Крестителя въ Евдомонѣ, гдѣ несчастный Гайна молился объ избавленiи отъ мучившаго его демона. Узнавъ объ этомъ, иноки, предводимые долгими братьями, стали какъ разъ на видномъ мѣстѣ на ея пути. Императрица ѣхала въ великолѣпной колесницѣ, окруженная тѣлохранителями; увидѣвъ странную толпу монаховъ въ овчинахъ, она узнала между ими по высотѣ роста гонимыхъ подвижниковъ, о которыхъ такъ много слышала раньше. Она приказала остановить колесницу и дала имъ знакъ, чтобы они подошли къ ней. Монахи не преминули подать ей свою страшную жалобу на Ѳеофила и объяснили цѣль своего прибытiя въ столицу. Евдоксiя отнюдь не хотѣла потакать самовластiю Ѳеофила, какъ не хотѣла признавать и самовластiя константинопольскаго патрiарха. Патрiархъ, по ея мнѣнiю, всецѣло долженъ былъ исполнять ея повелѣнiя. Ея девизомъ было: «Имперiя—это я».

— Патрiархъ александрiйскiй будетъ вызванъ сюда, сказала она и особый соборъ разслѣдуетъ тѣ преступленiя, въ которыхъ вы обвиняете его. А вы, достопочтенные отцы, помолитесь за меня, императора и моихъ дѣтей.

Она сдержала свое обѣщанiе. Одинъ изъ ея царедворцевъ немедленно былъ отправленъ въ Александрiю, чтобы потребовать

патріарха къ отвѣту за всѣ преступленія и неправды, въ которыхъ онъ былъ обвиняемъ. Онъ принялъ этотъ приказъ въ яростномъ и мрачномъ безмолвіи. Въ этомъ вызовѣ онъ увидѣлъ козни какого-нибудь соперника. Теперь ему предстояло справиться съ дѣломъ долгихъ братьевъ. Для отомщенія за попраніе своего достоинства нужно было во чтобы то не стало ниспровергнуть Златоуста. Онъ отправится въ столицу, но только не какъ обвиняемый, а какъ судья.

ГЛАВА XLIX.

Неудачное вмѣшательство.

Былъ только одинъ способъ, которымъ патріархъ александрійскій могъ надѣяться погубить патріарха константинопольскаго. Если бы роли ихъ перемѣнились, то-есть, если бы душа Іоанна пылала нечестивой яростью противъ Ѳеофила, то онъ могъ бы обвинить своего противника во множествѣ самыхъ страшныхъ преступленій и, обращаясь къ народу, легко могъ бы погубить его. Но Іоаннъ считалъ за лучшее скорѣй погибнуть отъ рукъ нечестиваго, чѣмъ воспользоваться его собственнымъ средствомъ для ниспроверженія его. «Вы осудили, вы убили праведнаго; онъ не противится вамъ»—таковъ былъ девизъ всей его жизни.

Однимъ изъ орудій, которымъ особенно ловко умѣлъ пользоваться Ѳеофилъ, было распространеніе ложной молвы. Но въ данномъ случаѣ ему легче было бы грязью бросить въ небо и запачкать его, чѣмъ заставить народъ вѣрить его клеветамъ, что константинопольскій патріархъ былъ человѣкъ негодный. Насколько жизнь константинопольскаго патріарха была свята, объ этомъ извѣстно было всѣмъ, и ни единый человѣкъ не придавалъ значенія тѣмъ клеветамъ, которыя распускались о немъ его врагами. Но нельзя ли было въ юношескихъ лѣтахъ его отыскать какихъ-нибудь слѣдовъ, которые показали бы, что онъ не всегда былъ такимъ невиннымъ, какимъ былъ теперь? Нельзя ли затѣмъ откопать

что-нибудь позорящее его и за тотъ періодъ, когда онъ служилъ въ Антіохіи?—Во всякомъ случаѣ стоило постараться, и одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ сообщниковъ Ѳеофила былъ отправленъ съ этой цѣлью въ столицу Сиріи. Но его поѣздка оказалась напрасной: онъ рѣшительно ничего не могъ найти такого, чѣмъ можно бы было попрекнуть теперншяго патріарха константинопольскаго,—даже изъ того времени, когда онъ былъ некрещенымъ юношей. А когда антіохійцы начали подозрѣвать цѣль всѣхъ этихъ разслѣдованій со стороны египетскаго агента, то ему едва удалось подобру, по-здорову убраться изъ города, и онъ ни съ чѣмъ возвратился къ своему повелителю. Но что изъ того, если нельзя было обезславить такого великаго подвижника, какъ Златоустъ посредствомъ какихъ-нибудь нравственныхъ пятенъ на его личности за его прежнюю жизнь? Вѣдь можно было найти другія средства для этой цѣли. Еще важнѣе въ этомъ отношеніи было обвиненіе въ ереси. Въ рукахъ опытнаго обвинителя это было дѣло не трудное. Изъ всѣхъ обвиненій, обвиненіе въ оригенизмѣ было однимъ изъ тѣхъ, которое въ то время могло находить особенно легкое довѣріе среди толпы. Поэтому враги порѣшили обвинить Златоуста именно въ оригенизмѣ.

При этомъ однако было бы крайне желательно, чтобы такое обвиненіе высказано было по отношеніи къ нему какимъ-нибудь такимъ лицомъ, имя котораго не способно было бы возбудить сомнѣніе въ его искренности, какъ несомнѣнно это случилось бы, если бы обвинителемъ выступилъ самъ Ѳеофилъ, коварный патріархъ египетскій, который самъ съ презрѣніемъ отвергалъ антропоморфизмъ, пока для него не сдѣлалось выгоднымъ принимать его и который во всѣхъ отношеніяхъ былъ такой оригенистъ, какимъ онъ хотѣлъ выставить теперь Златоуста. Сначала онъ думалъ воспользоваться для этой цѣли услугами блаж. Іеронима. Душа Іеронима была до крайности подозрительна ко всякаго рода ересямъ. Сначала и самъ онъ былъ поклонникомъ Оригена, открыто восхвалялъ его, переводилъ и распространялъ его книги. Но теперь, опасаясь, какъ бы его не обвинили въ ереси, онъ сдѣлалъ крутой поворотъ и отрекся отъ своей прежней привязанности къ нему. Ѳеофилъ имѣлъ на него большое вліяніе. Онъ склонилъ Іеронима перевести на латинскій языкъ письмо, въ которомъ егип-

тянинъ называлъ своего соперника: «нечистымъ демономъ, продавшимъ свою душу дьяволу», но боязливый виѳлеемскій отшельникъ, очевидно, не годился для того, чтобы принять участіе въ какомъ-нибудь дѣятельномъ походѣ на великаго святителя.

Поэтому Ѳеофилъ порѣшилъ воспользоваться для своей цѣли престарѣлымъ и высокочтимымъ Епифаніемъ епископомъ кипрскимъ, котораго никто не могъ подозрѣвать въ какихъ-нибудь несправедливыхъ замыслахъ. Епифаній былъ человѣкъ благочестивый и довольно ученый, но, при своемъ простодушіи, отличался слабостью характера, что и дѣлало его легкимъ орудіемъ въ рукахъ коварнаго интригана. Онъ написалъ книгу, въ которой обличались различныя ереси и всю жизнь свою посвятилъ на борьбу съ религіозными заблужденіями. Теперь онъ въ своихъ преклонныхъ лѣтахъ былъ до крайности чутокъ ко всему, въ чемъ только усматривалъ отступленіе отъ своихъ мнѣній. Поставивъ цѣлью своей жизни повсюду побороть религіозныя заблужденія, онъ съ этой цѣлью ѣздилъ даже въ Палестину гдѣ не мало причинилъ безпокойства іерусалимскому епископу Іоанну. Къ числу религіозныхъ заблужденій онъ причислялъ и нѣкоторыя изъ мнѣній Оригена. Поэтому онъ считалъ своимъ долгомъ всюду преслѣдовать тѣхъ, которые такъ или иначе держались мнѣній этого александрійскаго учителя. Ѳеофилъ хорошо зналъ такое настроеніе кипрскаго святителя и порѣшилъ воспользоваться имъ. Онъ отправилъ ему постановленіе своего египетскаго собора, осудившаго Оригена, сопроводивъ его смиреннымъ и льстивымъ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что самъ онъ, Ѳеофилъ, когда-то увлекался оригеновыми заблужденіями, отъ которыхъ ученая мудрость Епифанія освободила его, какъ птицу изъ силковъ птицелова. Не благоугодно ли епископу кипрскому еще разъ спасти церковь отъ заблужденія и собрать соборъ для того, чтобы анаѳематствовать Оригена и наложить запрещеніе на чтеніе его книгъ; не благоугодно ли будетъ ему спасти Константинополь и восточный міръ отъ возсѣдающаго на его престолѣ еретическаго патріарха, который съ долгими братьями развращаетъ свою паству оригиническими мнѣніями, такъ давно опровергнутыми Епифаніемъ?

Получивъ такое посланіе отъ Ѳеофила, Епифаній повѣрилъ его искренности и серьезно встревожился. Онъ порѣшилъ немед-

ленно отправиться въ столицу и позаботиться объ отвращеніи угрожающей церкви опасности. Несмотря на опасныя морскія бури, онъ отплылъ съ своего острова черезъ Циклады и остановился близь церкви святого Іоанна Крестителя въ Евдомонѣ. Тамъ онъ, вопреки канонамъ, началъ дѣйствовать совершенно самовластно и, даже не снесясь съ константинопольскимъ патріархомъ, рукоположилъ одного діакона. Несмотря на это, патріархъ Константинополя съ своимъ духовенствомъ принялъ его съ должнымъ почтеніемъ, которое внушалось самыми его преклонными лѣтами и благочестіемъ. Патріархъ предложилъ ему свое гостепріимство.

— Пока ты не поклянешься отлучить долгихъ братьевъ и анаѳематствовать Оригена, сказалъ Епифаній, дотолѣ я не пойду къ тебѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ патріархъ, по этому вопросу мы должны подождать рѣшенія вселенскаго собора.

— Очень хорошо, сказалъ епископъ; но теперь я отправлюсь въ частное помѣщеніе, приготовленное мнѣ послушникомъ Ѳеофиломъ.

Несмотря на такое несправедливое отношеніе къ себѣ, Златоустъ прислалъ Филиппа къ Епифанію въ его помѣщеніе, чтобы пригласить его принять участіе въ богослуженіи въ храмѣ святой Софіи.

— Скажи твоему владыкѣ, отвѣчалъ Епифаній, что я не могу освятить моимъ авторитетомъ ереси.

Не понимая въ чемъ дѣло, Филиппъ, кланяясь, спросилъ его:

— Твое блаженство не имѣетъ еще никакого отвѣта патріарху?

— Нѣтъ, сказалъ Епифаній.

Между тѣмъ Епифаній, продолжая дѣйствовать въ полномъ убѣжденіи своей правоты, созвалъ епископовъ, собравшихся въ Константинополѣ, поносилъ предъ ними Оригена и склонилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подписать составленное имъ осужденіе, хотя многіе изъ нихъ ровно ничего не знали объ Оригенѣ. Впрочемъ, были и несогласные съ нимъ. Между послѣдними былъ Ѳеотимъ, митрополитъ скитскій, который святостью жизни и искренней любовью пріобрѣлъ себѣ въ Томахъ, на берегу Эвксинскаго моря (въ знаменитомъ мѣстѣ изгнанничества Овидія) искреннюю преданность со стороны готовъ и своимъ вліяніемъ даже смягчилъ нравъ

своихъ дикихъ сосѣдей гунновъ, которые, пораженные его подвижничествомъ, называли его въ своемъ дикомъ невѣжествѣ: «Богомъ римлянъ».

Будучи подвижникомъ и исповѣдникомъ, онъ даже пользовался славой чудотворца. Когда онъ всталъ среди собравшихся епископовъ, то между ними водворилась глубокая тишина. Воспитавшись въ Греціи, Ѳеотимъ увезъ за собою въ свой скитскій городъ нѣкоторыя творенія Оригена и тамъ читалъ ихъ съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ вынулъ одинъ изъ этихъ манускриптовъ изъ-за пазухи и громко прочиталъ нѣсколько мѣстъ изъ него. «Неужели вы хотите, чтобы мы анаѳематствовали этого человѣка, этого подвижника, ученіе котораго обильно высокимъ православнымъ назиданіемъ? Осудить его безъ всякаго разбора, значило бы тоже, какъ осудить священныя книги, которыя онъ изъяснялъ такъ мудро, какъ никто еще. Если вы находите что-нибудь невѣрное въ его книгахъ, отвергните, но изъ-за этого не отвергайте всего заключающагося въ нихъ добра».

Безполезно однако обращаться съ такими увѣщаніями къ людямъ, которые совершенно незнакомы были съ дѣломъ или даже, что еще хуже, руководствовались предвзятыми цѣлями. Да и самъ Епифаній чувствовалъ, что такое осужденіе принесло бы мало пользы. Онъ порѣшилъ прямо обратиться по этому дѣлу къ народу, который принималъ его съ почтеніемъ, и дѣйствительно объявилъ, что намѣренъ произнести проповѣдь противъ заблужденій патріарха въ одной изъ подвѣдомственныхъ ему церквей, именно въ церкви Апостоловъ. Но даже Златоустъ, при всей своей безграничной снисходительности къ старцу, счелъ за необходимость предотвратить этотъ поступокъ, который повлекъ бы за собой смятеніе, опасное для самого Епифанія. Онъ послалъ Серапіона доложить объ этомъ Епифанію.

Епископъ, — сказалъ Серапіонъ, ты поступалъ и поступаешь неправильно, остерегись во время, иначе ты долженъ будешь понести отвѣтственность за свои дѣйствія.

Это твердое предупрежденіе заставило Епифанія нѣсколько призадуматься, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ укоръ со стороны самой императрицы. Въ это время заболѣлъ ея маленькій сынъ Ѳеодосій II-й и она обратилась къ епископу кипрскому съ прось-

бою помолиться о его выздоровленіи. «Скажи ей, сказалъ старецъ, что младенецъ будетъ живъ, если она перестанетъ потакать евреямъ и еретикамъ». Императрица обидѣлась на такой отвѣтъ. «Скажи ему, отвѣчала она, что жизнь моего ребенка находится въ рукахъ Божіихъ, а не его». Въ то же время она, устрашившись своей собственной смѣлости, послала за однимъ изъ долгихъ братьевъ и просила его примирить ее съ престарѣлымъ епископомъ.

Братья отправились къ нему всѣ четверо. Раньше онъ никогда не видѣлъ ни одного изъ нихъ.

— Видѣлъ ли ты владыка, когда-нибудь хоть одного изъ нашихъ учениковъ, — спросилъ Аммоній, или читалъ ли какую-нибудь изъ нашихъ книгъ?

— Нѣтъ, никогда, — отвѣчалъ Епифаній.

— Такъ не слѣдовало ли сначала познакомиться съ нами, прежде чѣмъ судить насъ? сказалъ отшельникъ. Мы съ своей стороны такъ именно поступали по отношеніи къ тебѣ. Мы говорили съ твоими учениками; мы читали твой «Якорь вѣры»; многіе осуждаютъ тебя за еретичество, а мы всегда отстаивали твое православіе и, однако, ты возстаешь противъ насъ, не изслѣдовавъ даже нашихъ мнѣній!..

Наконецъ глаза старца открылись, онъ увидѣлъ, что поступилъ поспѣшно и несправедливо; онъ видѣлъ, что самъ сдѣлался жертвой низкой интриги, направляемой негодными людьми противъ праведнаго и добраго патріарха, и какъ только онъ убѣдился въ своей неправотѣ, то со свойственной ему искренностью возскорбѣлъ, что ему, въ концѣ своей жизни, пришлось принять участіе въ такомъ темномъ дѣлѣ. Онъ поспѣшилъ возвратиться въ свой родной Кипръ. На корабль сопровождали его нѣкоторые епископы и онъ, прощаясь съ ними, выразилъ всю горечь, накипѣвшую на его сердцѣ. «Я оставляю васъ, сказалъ онъ, вашу столицу, вашъ дворецъ, ваше позорное лицемѣріе; уѣзжаю отъ васъ и спѣшу поскорѣе отсюда».

Въ глубокой скорби Епифаній поплылъ къ своей паствѣ; но онъ не пережилъ этого путешествія и умеръ на кораблѣ, при чемъ смерть его несомнѣнно была ускорѣна той сердечной болью которую онъ испыталъ при видѣ низкихъ дрязгъ столицы, а также

и сознаніемъ того, что онъ на закатѣ своихъ дней такъ неблагоразумно вмѣшался въ дѣло, которое не относилось къ нему и причинилъ не мало огорченій величайшему изъ святыхъ подвижниковъ Божіихъ.

Такимъ образомъ темная, затѣянная противъ Златоуста интрига — не удалась; но скоро поднялась противъ него новая буря. Поводомъ къ этой бурѣ послужило все та же его безбоязненная прямота въ обличеніи мірской суеты знатныхъ придворныхъ дамъ. Когда еще не совсѣмъ улеглась злоба его ожесточенныхъ враговъ, онъ произнесъ одну изъ самыхъ восторженныхъ бесѣдъ, въ которой металъ громы справедливаго негодованія на мірскую суетность, роскошь, интриги и низость богатыхъ высокородныхъ дамъ. Проповѣдь эта не дошла до насъ; быть можетъ она намѣренно была уничтожена скорописцемъ, опасавшимся какъ бы за нее не попасть въ бѣду. Но она немедленно была извращена, перетолкована и передана императрицѣ въ самой злонамѣренной искаженной формѣ, какъ-будто она намѣренно направлена была противъ нея лично. Златоустъ говорилъ объ Иліѣ и Іезавели совершенно въ историческомъ смыслѣ. Враги, пользуясь всякимъ случаемъ именно не могли упустить столь благопріятнаго момента и начали разглашать, что онъ намѣренно дѣлалъ явные намеки на императрицу, сравнивая ее съ Іезавелью, а себя съ Иліей. Этого рода искаженія того, что онъ говорилъ въ послѣднее время сдѣлались такъ обычными, что святитель самъ счелъ необходимымъ взять себѣ своего собственнаго скорописца, прекраснаго юношу по имени Калліаса, который былъ такъ искусенъ въ скорописи, что ни одинъ скорописецъ въ Константинополѣ не могъ равняться съ нимъ въ быстротѣ и точности записи. Рано оставшись сиротой, онъ воспитывался въ монастырѣ; но подросши и не найдя въ себѣ достаточнаго призванія въ монашеской жизни, онъ горячо взялся за скоропись, сдѣлавъ изъ нея средство къ добыванію себѣ средствъ къ жизни. Въ то время собственно еще не существовало того, что можно назвать стенографіей, но Калліасъ практически добился того, что могъ записывать цѣлую рѣчь или проповѣдь настолько, вѣрно что послѣ, при помощи памяти, могъ въ точности написать ее такъ, какъ она была произнесена. Калліасу именно мы обязаны сохраненіемъ многихъ позднѣйшихъ

бесѣдъ Златоуста; и иногда, ссылаясь на записи Калліаса, патріархъ съ успѣхомъ могъ опровергать (когда онъ считалъ это нужнымъ) возмутительную пародію, ложно приписываемую ему, на то, что онъ дѣйствительно сказалъ.

Калліасъ вмѣстѣ съ Филиппомъ и Евтихіемъ присутсвовалъ при произнесеніи проповѣди о грѣховныхъ излишествахъ знатныхъ женщинъ, и Филиппъ сразу видѣлъ, что дѣло принимало опасный оборотъ. Выходя изъ церкви съ двумя другими молодыми людьми, онъ сказалъ имъ:

Намъ придется опять несомнѣнно слышать объ этой проповѣди. О, если бы нашъ патріархъ вмѣстѣ съ кротостью голубя имѣлъ побольше мудрости змѣя!

— На это онъ сказалъ бы, я увѣренъ, отвѣчалъ Евтихій, какъ мнѣ часто приходилось слышать отъ него, что онъ можетъ говорить только то, что дано ему говорить въ то или другое время.

— Я вовсе не думаю порицать его. Но такія проповѣди погубятъ его.

— Но что же дѣлать? — сказалъ Евтихій. Эта проповѣдь, конечно, будетъ представлена императрицѣ въ такомъ видѣ, что она обезумѣетъ отъ ярости. Что скажешь ты на это, Калліасъ?

— Я сдѣлалъ все, что могъ, — отвѣтилъ Калліасъ. Я замѣтилъ, что единственнымъ скорописцемъ кромѣ меня былъ еще только Фока, обыкновенно записывавшій за Северіаномъ. Я знаю его давно и замѣтилъ, что онъ намѣренно выставляетъ злостныя слова и обороты и придаетъ такой оборотъ мыслямъ, какого они совсѣмъ не имѣютъ въ текстѣ.

— Ну конечно, — сказалъ Филиппъ; я не пробылъ и мѣсяца въ Константинополѣ, какъ убѣдился, что здѣсь противники поступаютъ не иначе, какъ приписывая другъ другу не то, что сказано въ дѣйствительности, а то что удобно для клеветы; достаточно поставить кой гдѣ слово или два, немножко перевернуть слова и выраженія, иначе сказать предложенія, сдѣлать остроумную вставку, — вотъ и готово превосходное основаніе для нападенія на человѣка, который въ дѣйствительности говорилъ нѣчто совершенно другое.

— Именно такъ и бываетъ, — сказалъ Калліасъ, и такъ

именно дѣлаетъ Фока въ интересахъ Северіана. Но сегодня кто-то испортилъ ему все дѣло.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ. Когда мы выходили изъ церкви, тамъ была страшная толкотня, Фока сидѣлъ у выхода на стулѣ, стараясь переписать свои замѣтки, и вдругъ кто-то опрокинулъ ему чернильницу какъ разъ на его рукопись, такъ что теперь онъ не въ состояніи воспроизвести ее!

— Кто-то?!—смѣясь сказалъ Филиппъ. Ахъ, Калліасъ!..

— Ну хорошо, — отвѣчалъ Калліасъ, немного покраснѣвъ; мнѣ по совѣсти казалось, что это будетъ совершенно справедливо послѣ всѣхъ его негодныхъ поступковъ!..

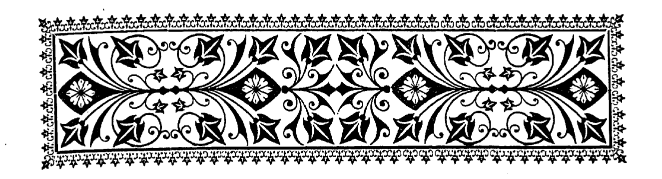
— Но это нисколько не препятствуетъ, какъ я опасаюсь, тому, чтобы молва не довела эту проповѣдь до императрицы въ наихудшей формѣ замѣтилъ Евтихій.

— Увы, Евтихій, навѣрно дойдетъ. Время все болѣе становится мрачнымъ; я ожидаю, что скоро мы должны будемъ сказать вмѣстѣ съ Маккавеями: «умремъ въ нашей простотѣ».

Мололые люди были правы. Евдоксіи было доложено, что Златоустъ произнесъ противъ нея яростную проповѣдь въ храмѣ святой Софіи. Этотъ доносъ, намѣренно искаженный Епиграфіей и ея приживалками, привелъ ее въ одинъ изъ тѣхъ припадковъ ярости, которая овладѣвала всѣмъ ея существомъ. Доселѣ она держала сторону долгихъ братьевъ, и она именно склонила Аркадія потребовать Ѳеофила для соборнаго суда надъ нимъ. Теперь долгіе братья и всѣ понесенныя ими обиды не существовали для нея. Она написала Ѳеофилу письмо, въ которомъ упрашивала его прибыть со всевозможно большимъ числомъ египетскихъ «такъ называемыхъ епископовъ», чтобы поскорѣе низложить и погубить Златоуста.

И александрійскій патріархъ, получивъ это письмо, возликовалъ въ своемъ негодномъ сердцѣ и почувствовалъ увѣренность, что наконецъ-то насталъ для него часъ мщенія.

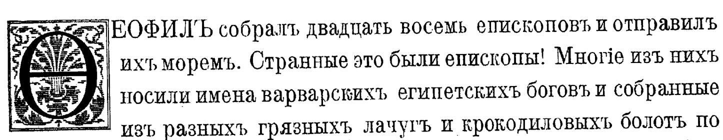

ГЛАВА XLV.

Совѣтъ нечестивыхъ.

Блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ. Псаломъ I, 1.

ѲЕОФИЛЪ собралъ двадцать восемь епископовъ и отправилъ ихъ моремъ. Странные это были епископы! Многіе изъ нихъ носили имена варварскихъ египетскихъ боговъ и собранные изъ разныхъ грязныхъ лачугъ и крокодиловыхъ болотъ по берегамъ Нила, были люди совершенно невѣжественные и настолько подслужливые своему заносчивому властелину, что по одному намеку готовы были бы осудить самого Аѳанасія Великаго. И эти-то люди, по наущенію его злѣйшихъ враговъ, должны были выступить судьями надъ первымъ патріархомъ Востока, величайшимъ подвижникомъ, знаменитѣйшимъ проповѣдникомъ и писателемъ своего вѣка, должны были судить его, вопреки рѣшенію собравшихся около Златоуста епископовъ неизмѣримо болѣе почтенныхъ, чѣмъ они, тѣмъ болѣе, что среди нихъ было и семь митрополитовъ.

Египтяне должны были подождать прибытія своего патріарха въ Халкидонѣ, гдѣ ихъ слѣпая враждебность изо дня въ день еще болѣе распалялась навѣтами Кирина, который никогда не говорилъ о Златоустѣ иначе, какъ о заносчивомъ, жестокомъ и опасномъ еретикѣ.

Самъ Ѳеофилъ предпочелъ совершить путешествіе сушей Онъ сдѣлалъ это не безъ намѣренія. Съ одной стороны онъ да-

валъ время злу, распространяться и, такъ сказать, подготовлять для него почву; съ другой стороны онъ разсчитывалъ по пути собрать себѣ сообщниковъ въ Софіи и Малой Азіи, гдѣ всѣ встрѣчали его въ виду его сана, съ раболѣпствомъ, а онъ съ своей стороны гордо заявилъ, что ѣдетъ въ столицу, чтобы низложить патріарха константинопольскаго. Попытка его однако не была особенно успѣшна. Вдобавокъ къ своимъ 28-ми египетскимъ прислужникамъ, онъ собралъ только еще семь другихъ епископовъ изъ Арменіи, Персіи и Месопотаміи. Для злополучнаго Кирина было бы очень хорошо, если бы никогда не прибылъ одинъ изъ нихъ, именно Маруѳа месопотамскій. Это былъ человѣкъ тяжелой поступи, чисто слоновыхъ размѣровъ и носилъ тяжелые сапоги. Киринъ, сидя однажды на диванѣ, нечаянно вытянулъ свои ноги, и Маруѳа, двигаясь со свойственной ему слоновой походкой, всей своей тяжестью надавилъ на одну изъ ногъ Кирина. Послѣдній вскрикнулъ отъ боли, такъ какъ Маруѳа концами желѣзныхъ гвоздей, которыми были подбиты его сапоги, ранилъ ему ногу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Послѣдствіемъ этого было то, что какъ-будто весь ядъ въ крови Кирина излился въ эту рану, чтобы подвергнуть его заслуженному имъ наказанію отъ Бога. Раны воспалились и появился антоновъ огонь. Необходимымъ оказалось ампутировать ему ногу, а нужно помнить, что въ то время не существовало притупляющихъ чувствительность средствъ. Несмотря на ампутацію, нога поражена была гангреной опять, такъ что опять пришлось сдѣлать новую ампутацію въ колѣнѣ. Нога воспалилась опять, пришлось сдѣлать еще ампутацію и злополучный Киринъ умеръ. Эти страданія были тѣмъ ужасны, что болѣзнь тянулась довольно долго. Онъ, какъ извѣстно, принималъ участіе въ соборѣ Придубскомъ и подписалъ его постыдныя опредѣленія, но уже не въ состояніи былъ пробыть въ Константинополѣ, чтобы продолжать тамъ козни враговъ Златоуста. Въ его страшной и медленной смерти всѣ видѣли явный знакъ гнѣва Божія за то участіе, которое Киринъ принималъ въ погубленіи великаго подвижника.

Въ іюлѣ 403 года, въ четвергъ, въ самый полдень, Ѳеофилъ, сопровождаемый своими 28-ю подчиненными сообщниками переѣхалъ черезъ Босфоръ и остановился на пристани, извѣстной подъ

названіемъ Халкидонской лѣстницы. Всѣ египетскіе хлѣбные корабли были украшены флагами; многочисленные египетскіе матросы встрѣчали его восторженными криками. Онъ проѣхалъ черезъ городъ и отправился въ Перу, гдѣ императрица предоставила ему дворецъ, извѣстный подъ названіемъ Плацидіана, по другую сторону Золотого Рога. Проѣзжая мимо дома патріарха Іоанна, онъ высокомѣрно отказался принять гостепріимство, по-братски предложенное ему и его епископамъ Златоустомъ. Онъ не хотѣлъ даже исполнить обычной обрядности, требовавшей предварительно войти въ церковь и пріобщиться вмѣстѣ съ патріархомъ столицы.

«Это, говорилъ Златоустъ своимъ друзьямъ, есть не что иное, какъ объявленіе открытой войны».

Знакомствомъ со всѣми этими событіями мы обязаны епископу еленопольскому Палладію и посланію самого Златоуста къ римскому папѣ Иннокентію. Ѳеофилъ, говоритъ Палладій своимъ живымъ языкомъ, прибылъ изъ Египта, подобно навозному жуку, хотя въ отличіе отъ жука, онъ привезъ съ собой массу великолѣпнѣйшихъ произведеній Египта и Аравіи, которыми намѣревался воспользоваться для распаленія вражды и ненависти. Въ Плацидіанскомъ дворцѣ александрійскій патріархъ жилъ совершенно по-царски, и постарался склонить въ свою пользу придворное духовенство—великолѣпными пиршествами и тонкою лестью, дѣйствуя при этомъ за одно съ разными интриганами и коварными женщинами, постоянно собиравшимися въ домѣ злѣйшаго врага Іоанна—Епиграфіи. Скоро онъ обзавелся и орудіями, которыя могли превосходно содѣйствовать его цѣли, именно діакономъ Іоанномъ, который отлученъ былъ Златоустомъ за умерщвленіе своего слуги, и еще однимъ діакономъ осужденнымъ за прелюбодѣяніе. Ему съ полнѣйшимъ усердіемъ, конечно, помогали также три знатныя вдовы—Марса, Кострицін и Епиграфія, а также ихъ приверженцы, въ числѣ которыхъ былъ Северіанъ гавальскій, Антіохъ толемаидскій и Акакій верейскій, вмѣстѣ съ массой другихъ негодныхъ представителей столичнаго клира, съ ихъ наложницами, которыхъ они называли духовными сестрами. Ѳеофилъ сразу почувствовалъ увѣренность въ успѣхѣ дѣла. Правда, было еще одно препятствіе, которое нужно было устранить. Колебался Аркадій,

которому казалось страннымъ, что множество неизвѣстныхъ египтянъ, предводимыхъ патріархомъ, обвиненнымъ въ страшныхъ преступленіяхъ, прибыли въ его столицу для обвиненія его собственнаго патріарха, котораго, каковы бы не были его недостатки, Аркадій считалъ великимъ и святымъ подвижникомъ. Мало того въ это самое время пять прежнихъ агентовъ Өеофила находились подъ приговоромъ смертной казни по обвиненію въ клеветничествѣ и только посредствомъ подкуповъ онъ добился замѣны этого смертнаго приговора ссылкой ихъ въ Проконнесъ. Но устранить это препятствіе было теперь не трудно, потому что имперіей правила въ дѣйствительности Евдоксія, а не Аркадій. Народъ, правда, относился съ негодованіемъ къ пришельцамъ и къ невѣрнымъ своему архипастырю членамъ духовенства. Но Өеофилъ оградилъ свою личную безопасность, испросивъ у императрицы почетную для себя охрану. Тѣмъ не менѣе было очевидно, что враждебный Златоусту соборъ никоимъ образомъ не могъ засѣдать въ Константинополѣ, не возбуждая опасности мятежа, и поэтому Северіанъ посовѣтовалъ перенести его въ сосѣдній Халкидонъ, гдѣ соборъ могъ засѣдать въ великолѣпномъ дворцѣ Руфина, впослѣдствіи находившемся во владѣніи Велизарія. Тамъ умерщвленный министръ Аркадія построилъ великолѣпную церковь, названную «Апостольской», въ честь апостоловъ Петра и Павла; сюда именно онъ десять лѣтъ передъ тѣмъ вызывалъ Аммонія Старшаго изъ долгихъ братьевъ, какъ человѣка пользовавшагося репутаціей величайшей святости въ имперіи, чтобы отъ его рукъ принять крещеніе. Дворецъ этотъ назывался «Дубомъ», и состоявшійся тамъ теперь соборъ, быть можетъ былъ самымъ безславнымъ изъ когда-либо засѣдавшихъ тамъ и вообще извѣстныхъ въ лѣтописяхъ церковной исторіи. На соборѣ предположено было разсмотрѣть три дѣла: обвиненіе противъ Златоуста, дѣло долгихъ братьевъ и обвиненіе въ кражѣ у одного діакона облаченій, возведенное противъ Гераклида, котораго Златоустъ поставилъ митрополитомъ ефесскимъ. Этотъ соборъ, извѣстный подъ названіемъ «Придубскаго» былъ, конечно, соборомъ партіи александрійской, а другой, болѣе значительный соборъ, составившійся изъ преданныхъ своему патріарху, епископовъ и засѣдавшій въ Өомаитѣ, былъ названъ соборомъ «Іоаннитовъ». Въ составѣ его членовъ было не менѣе семи митрополитовъ.

Едва ли можно указать хоть одинъ изъ каноновъ касательно епископской юрисдикціи, который не былъ бы открыто нарушенъ этимъ халкидонскимъ сборищемъ нечестивцевъ, злоупотреблявшихъ покровительствомъ двора. Потребовавъ къ себѣ представителей константинопольскаго духовенства, придубскій соборъ съ вопіющимъ безстыдствомъ прежде всего занялся разсмотрѣніемъ обвиненій, злонамѣренно взведенныхъ на Златоуста. Это судопроизводство сохранилось до насъ, благодаря записямъ Прокла, который тогда былъ еще юнымъ чтецомъ, но спустя 30 лѣтъ сдѣлался преемникомъ Златоуста по каѳедрѣ константинопольской.

Отлученный за человѣкоубійство діаконъ Іоаннъ обвинялъ патріарха между прочимъ въ томъ, что онъ приказалъ посадить въ оковы одного монаха, какъ бѣсноватаго, расхищалъ, продавалъ, или вообще растрачивалъ имущество церковное, издалъ книги, исполненныя всякихъ оскорбленій противъ духовенства, обвинялъ діаконовъ въ кражѣ своего омофора, рукоположилъ въ епископскій санъ грубаго расхитителя, по имени Антонина, выдалъ воинамъ князя Іоанна, при входѣ и выходѣ изъ церкви не творилъ молитвы, наединѣ принималъ къ себѣ женщинъ, рукополагалъ безъ свидѣтелей, совершалъ тайно циклопическія оргіи, всевозможныя насилія и беззаконія въ Азіи, ударилъ Мемнона по лицу въ церкви Двѣнадцати апостоловъ и окровавилъ его, надѣвалъ на себя епископское облаченіе, сидя на своемъ тронѣ, и ѣлъ до принятія святаго причащенія.

Къ этимъ обвиненіямъ монахъ Исаакъ, достойный споспѣшникъ человѣкоубійцы, прибавилъ, что патріархъ благоволилъ къ оригенистамъ, что онъ употреблялъ такія выраженія, какъ: жертвенникъ церкви наполненъ фуріями», «я обезумѣлъ отъ любви», «если согрѣшите опять, опять и кайтесь» и «если молитва Христа не была услышана, то Онъ молился не какъ должно», и что вообще онъ подбивалъ народъ къ мятежу.

Обвиненія Исаака, главнымъ образомъ составлены были на основаніи безсвязныхъ и безсмысленныхъ обрывковъ, надерганныхъ изъ разныхъ искаженныхъ записей, доставленныхъ скорописцемъ Фокой, котораго подстрекалъ своимъ злобнымъ вліяніемъ Северіанъ гавальскій.

Всѣ эти вымыслы — смѣсь всякой лжи и клеветы — были по

мысли двухъ измѣнниковъ, редактированы, искуснымъ во всевозможныхъ козняхъ и клеветахъ, перомъ самого Ѳеофила александрійскаго. Обвиненія эти самымъ своимъ характеромъ сразу выдавали свою сущность и обнаруживали всю беззастѣнчивость заключающейся въ нихъ злобы.

Даже и тѣ изъ нихъ, которые могли имѣть хоть какую-нибудь тѣнь правдоподобія, очевидно, были омрачены ядомъ злобнаго искаженія. Папа Инокентій, а затѣмъ и весь православный міръ впослѣдствіи отнесся къ этимъ обвиненіямъ, какъ совершенно нелѣпымъ, заслуживающимъ только одного презрѣнія.

Бываютъ обвиненія, на которыя благородный человѣкъ, сознающій свою невинность, не можетъ отвѣчать просто потому, что даже обращать на нихъ вниманіе считаетъ ниже своего достоинства. Унизительнымъ для своего достоинства считалъ и Златоустъ отвѣчать на эти сорокъ съ чѣмъ то, возведенныхъ на него обвиненій. Нужно ли было самому безпорочному человѣку въ Константинополѣ, обыкновенная пища котораго состояла изъ хлѣба и овощей и который ничего не пилъ кромѣ воды, доказывать, что онъ не задавалъ циклопическихъ оргій? Какая польза была для человѣка, завѣдомо равнодушнаго къ деньгамъ, доказывать, что все то, что сберегалось имъ отъ ненужной роскоши, онъ расходовалъ на благотвореніе? За исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ, трехъ клятвопреступниковъ самаго зазорнаго свойства, никто изъ порядочныхъ людей не осмѣливался утверждать даже хоть малѣйшее изъ этихъ ужасныхъ обвиненій. Только уже впослѣдствіи Златоустъ въ одномъ частномъ письмѣ говорилъ, что безнравственность, въ которой его такъ зазорно обвиняли, уже давно была для него физически невозможна.

Однако странно сказать, что въ то время, какъ негодный соборъ нечестивцевъ, засѣдавшихъ при Дубѣ, ликовалъ, болѣе многочисленное собраніе епископовъ, собравшихся около патріарха въ ѳомаитѣ, чувствовали себя въ глубоко угнетенномъ состояніи. Причиной этого было ихъ опасеніе, что Ѳеофилъ со своими наемниками опирался на императорскій дворъ и большинство негоднаго духовенства. «Помолитесь обо мнѣ, дорогіе братья, говорилъ Іоаннъ Златоустъ, когда онъ выслушалъ отвратительныя, взведенныя противъ него обвиненія, и видѣлъ, что, по крайней мѣрѣ изъ нѣ-

которыхъ изъ нихъ ему было бы трудно выпутаться безъ вреда, потому что ложь, имѣющая подобіе истины, всегда есть величайшая изъ видовъ лжи. «Помолитесь обо мнѣ, потому что я въ рукахъ сатаны. Да помилуетъ меня Богъ!» Услышавъ эти скорбныя слова, епископы горько заплакали и среди общихъ рыданій, усилившихся подъ вліяніемъ слуха о томъ, что патріархъ будетъ казненъ по обвиненію въ измѣнѣ, они массой окружили его и цѣловали ему глаза, его краснорѣчивыя уста, его священную голову.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, не надо! Неужели вы своими слезами хотите разорвать мнѣ сердце? И что такое жизнь, какъ не сонъ, тѣнь, паръ, меньше, чѣмъ ничто? Развѣ я не продалъ этотъ міръ, чтобы купить вѣчную жизнь? Развѣ моя судьба съ ея бѣдственностью и гоненіями чѣмъ-нибудь отличается отъ судьбы патріарховъ, пророковъ и апостоловъ? Какая земная награда была самому Господу отъ рукъ книжниковъ и фарисеевъ, лицемѣровъ, кромѣ той, что они называли Его самаряниномъ и вельзевуломъ, и наконецъ распяли Его?

— Если мы плачемъ, сказалъ одинъ изъ епископовъ, то оттого, что ты оставляешь насъ сиротами, а церковь вдовствующей, между тѣмъ, какъ мы видимъ, законы ея попираются и нечестіе торжествуетъ.

— Довольно, братъ мой, отвѣчалъ Златоустъ, ударя пальцемъ правой руки по ладони лѣвой. Не оставляйте вашихъ церквей изъ за меня. Церковь никогда не остается безъ главы. Если вы обезглавите Павла, то остается Тимоѳей и многіе другіе.

— Увы, воскликнулъ другой епископъ; но они не оставятъ намъ нашихъ церквей или приходовъ, не принудивъ насъ имѣть общеніе съ ними и подписать тебѣ осужденіе!

— Имѣйте съ ними общеніе, сказалъ Златоустъ, чтобы не было расколовъ въ церкви; но не подписывайте осужденія, потому что я невиненъ и вы своею подписью подтвердили бы ложь.

Въ этотъ самый моментъ отъ собора придубскаго прибыли два молодыхъ ливійца съ требованіемъ, чтобы Іоаннъ, которому они не давали даже титула епископа, явился въ соборъ въ сопровожденіи Серапіона и Тигрія.

Соборъ константинопольскій составилъ по этому поводу отвѣтъ и притомъ на имя одного Ѳеофила: «Перестань, писали они, на-

рушать законы церкви вмѣшательствомъ, противнымъ твоему собственному письму, въ юрисдикціи не принадлежащей тебѣ епархіи. Ты долженъ явиться къ намъ, ибо насъ собралось сорокъ епископовъ, изъ которыхъ семь митрополитовъ, а васъ только 36, изъ которыхъ 29 — египтяне».

Но собору придубскому, хотя болѣе трехъ четвертей его членовъ были жалкими тварями Ѳеофила, не имѣющими ни именъ, ни званія, ни совѣсти, а рукоположенныхъ епископами только для того, чтобы увеличить число послушныхъ Ѳеофилу голосовъ, Златоустъ написалъ отъ своего собственнаго имени. Въ своемъ письмѣ онъ говорилъ, что съ презрѣніемъ относится къ ихъ обвиненіямъ и отрицаетъ ихъ право судить его. Несмотря на это онъ, однако, готовъ былъ бы лично явиться къ нимъ, если бы они исключили изъ своего собранія его завѣдомыхъ открытыхъ враговъ: Ѳеофила, Акакія, Антонина и Северіана. Въ противномъ случаѣ, пусть они требуютъ его къ себѣ хоть тысячу разъ, и все будетъ напрасно.

Съ этимъ отвѣтомъ были отправлены три епископа и два пресвитера. Тогда изъ дворца прибылъ приказъ отъ самого Аркадія, чтобы »Іоаннъ явился на судъ собора». Златоустъ съ своей стороны опять высказалъ основанія для отказа въ этомъ. Вслѣдъ затѣмъ явился монахъ Исаакъ и одинъ константинопольскій клирикъ Евгеній (который за измѣну своему владыкѣ былъ награжденъ епископіей), и они еще разъ грубо требовали его. Хорошо было, что онъ не пошелъ, потому что соборъ епископовъ при Дубѣ превратился, подобно бывшему впослѣдствіи разбойничему собору въ Ефесѣ въ собраніе дерзкихъ убійцъ. Одинъ изъ трехъ посланныхъ туда епископовъ былъ избитъ, на другомъ изорвано облаченіе, а третій закованъ въ цѣпи, которыя предназначались для самого Златоуста, и, посаженный въ лодку, пущенъ былъ по теченію Босфора! Таковы то были члены этого нечестиваго сборища!

Такъ какъ Аркадій, повидимому, все еще колебался, то халкидонцы надумали увеличить вину Златоуста еще однимъ обвиненіемъ, взведеннымъ на него монахомъ Исаакомъ, что будто бы онъ повиненъ былъ и въ оскорбленіи Величества, такъ какъ называетъ Евдоксію Іезавелью. Въ дѣйствительности Златоустъ никогда не называлъ ее такъ. Раньше онъ даже восхвалялъ ея благочестіе, когда она казалась достойной похвалы; но впослѣдствіи, конечно, съ пастыр-

скою серьезностью предостерегалъ ее отъ опасностей, которымъ она подвергала себя, предаваясь своимъ неудержимымъ страстямъ. На своемъ двѣнадцатомъ засѣданіи нечестивый соборъ единогласно осудилъ патріарха и обвинительный актъ былъ отправленъ императору съ заявленіемъ, что они низлагаютъ Іоанна за дерзкій отказъ его въ предъявленномъ ему требованіи явиться на судъ собора, причемъ, однако, предоставлялось самому императору рѣшить вопросъ по обвиненію въ оскорбленіи величества.

Слѣдующимъ дѣломъ было разсмотрѣніе вопроса о долгихъ братьяхъ. Къ этому времени пресвитеръ Исидоръ умеръ, епископа Діоскора уже также не было въ живыхъ, Аммоній находился при смерти и не могъ отвѣтить на вызовъ собора. Въ виду этого Ѳеофилъ совершилъ показную комедію примиренія съ двумя оставшимися братьями, которые отличались наименьшимъ мужествомъ и сравнительно малымъ значеніемъ, даже тронулъ ихъ своими притворными слезами и позволилъ имъ возвратиться въ скитскій монастырь, добился отъ нихъ прощенія за всѣ причиненныя имъ неправды и заявилъ, что онъ никогда не встрѣчалъ столь доблестнаго инока, какимъ былъ ихъ братъ Аммоній! Послѣ этого глубоко возмутительнаго фарса, особенно въ виду отсутствія Гераклида ефесскаго, соборъ не могъ продолжать разсмотрѣніе дѣлъ. А что касается Оригена, то Ѳеофилъ самъ занялся по прежнему изученіемъ этого александрійскаго писателя и, будучи однажды захваченъ за чтеніемъ одной изъ его книгъ, которыя подъ страхомъ отлученія самъ же приказалъ сжигать повсюду, то съ пріятной улыбкой замѣтилъ, что, читая Оригена, онъ собиралъ лишь цвѣты и оставлялъ безъ вниманія шипы.

Между тѣмъ Аркадій приказалъ Златоусту удалиться, хотя въ то же время не принялъ никакихъ мѣръ къ приведенію своего приказа въ исполненіе, потому что народъ тѣсными массами охранялъ патріархію денно и нощно, точь въ точь какъ народъ же нѣкогда охранялъ Амвросія въ Медіоланѣ отъ нападенія войска императрицы Іустины. Массами собравшись передъ воротами дворца Аркадія, народъ кричалъ: «мы требуемъ истиннаго собора; мы желаемъ, чтобы вселенскій соборъ вновь разсмотрѣлъ дѣло и оправдалъ нашего патріарха!» Не только въ церквахъ, но и на улицахъ раздавались подобные крики и совершались молебствія.

На другой день послѣ приговора придубскаго собора неисправимый лицемѣръ Северіанъ имѣлъ дерзость выступить на каѳедру въ одной изъ церквей и произнести проповѣдь противъ Златоуста, заявляя, что его слѣдовало бы, помимо всего другого, низложить за одну только гордость, такъ какъ-де гордость изъ всѣхъ грѣховъ наиболѣе противна Богу. Но эта постыдная проповѣдь возбудила такую ярость въ слушателяхъ, что въ церкви поднялся страшный шумъ, народъ изгналъ нечестиваго измѣнника изъ города, такъ что онъ едва имѣлъ время, спасая свою жизнь, перебраться черезъ Босфоръ и со всевозможной поспѣшностью поѣхалъ въ свой діацезъ. Но по дорогѣ онъ однако перемѣнилъ свое намѣреніе. Гавала была слишкомъ ничтожнымъ городомъ, чтобы служить резиденціей столь важной персоны. Надѣясь на возможность перемѣны настроенія въ Константинополѣ, онъ скрылся на время вмѣстѣ съ другими своими сотоварищами Антониномъ и Акакіемъ въ домѣ Кирина, который въ это время заживо умиралъ отъ постигшей его гангрены, приближаясь къ неизбѣжному страшному суду Божію.

Златоустъ, съ своей стороны, сопровождаемый народомъ, отправился изъ своего дома въ Базилику и тамъ обратился къ своей паствѣ съ проповѣдью: «Братья мои, сказалъ онъ, волны ударяютъ въ скалу, но только съ пѣной разбиваются о ея непоколебимую твердыню; огромные валы вздымаются надъ кораблемъ, но какъ они могутъ потопить его, когда на немъ самъ Христосъ? Не бойтесь за меня. Чего мнѣ бояться? — смерти?! Но для меня и жизнь Христосъ и смерть пріобрѣтеніе! Изгнанія? Но Господня земля и исполненіе ея! Расхищенія моихъ имѣній? Но я ничего не принесъ въ этотъ міръ и конечно ничего не унесу изъ него; я презираю то, что многихъ заставляетъ трепетать. Я посмѣеваюсь надъ богатствомъ и почестями, которыхъ такъ желаютъ многіе. Богатство и бѣдность для меня совершенно одинаковы. Если я хочу жить, то только для того, чтобы быть полезнымъ для васъ. Богъ насъ соединилъ. Тираны уже раньше старались сокрушить церковь. Гдѣ они теперь? Они подверглись безмолвію и забвенію, а солнце все еще сіяетъ въ зенитѣ и даже тамъ, гдѣ облака затѣняли его. Тираны пытались смирить и даже дѣвственницъ, зубами желѣзными; однако ихъ вѣра осталась непоколебимой даже въ пыткахъ. Вѣрьте мнѣ, эти бури и угрозы не болѣе, какъ сѣть паука. Что касается

до имперіи и ея законовъ, то все это направляется къ безславію.

'Αδοξια... Какъ только это слово раздалось изъ его устъ, по массѣ народа пробѣжала какая то волна, и ему ясно стало, что слово «адоксія», ненамѣренно употребленное имъ въ смыслѣ безславія или безчестія понято было многими въ смыслѣ намека на импeрактрицу Евдоксію, хотя въ дѣйствительности онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія къ этому. Понятно, что придворные льстецы не замедлили донести императрицѣ о нанесенномъ ей «смертельномъ оскорбленіи», и она порѣшила доканать ненавистнаго ей патріарха. На слѣдующее же утро въ патріархію прибылъ начальникъ двора съ требованіемъ отъ имени императора, чтобы патріархъ немедленно, оставилъ столицу. У халкидонской лѣстницы, какъ ему было сказано, для него приготовлено судно и, если онъ будетъ противиться, то на готовѣ уже копьеносцы, которые силой удалятъ его.

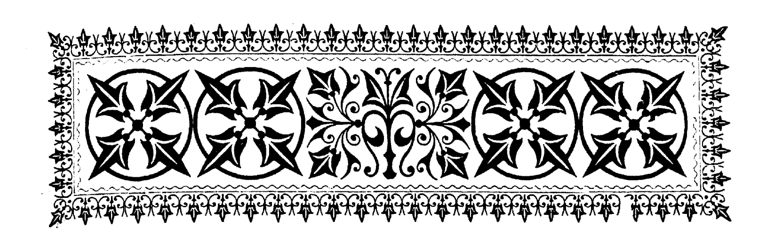
Силой! Златоустъ сразу увидѣлъ, что употребленіе силы могло бы повести къ кровавому побоищу между войсками и народомъ, быть можетъ даже къ страшной революціи. Онъ не могъ допускать и мысли, чтобы изъ за него пролита была кровь. Поэтому онъ порѣшилъ тайно удалиться и послалъ Филиппа къ начальнику двора сообщить о своемъ рѣшеніи. Начальникъ поручилъ это дѣло одному сыщику, какъ именно можно назвать чиновника, который назывался «куріозусъ» *) и подъ его надзоромъ Златоустъ незамѣтно, въ часы полуденнаго покоя, вышелъ въ потайную дверь изъ храма святой Софіи, сопровождаемый только Филиппомъ, и на время скрылся въ сосѣднемъ домѣ. Съ наступленіемъ ночи сыщикъ свелъ ихъ къ судну, гдѣ уже ихъ ожидалъ дворцовый начальникъ. Тутъ народъ узналъ ихъ, но патріархъ собственной властью устранилъи всѣ попытки взять его изъ рукъ враговъ, хотя народъ сопровождалъ его до самаго корабля, оглашая воздухъ громкими крикам негодованія противъ императрицы и всего двора.

Это было въ концѣ сентября 403 года. На слѣдующее утро весь городъ превратился въ своего рода церковь, потому что бѣдняки всякаго возраста и пола массами высыпали изъ своихъ до-

*) Curiosus.

мовъ, оглашая воздухъ громкимъ плачемъ и причитаніями. Среди этого общаго возбужденія, торжествующій Ѳеофилъ, окруженный своей почетной стражей, вступилъ въ Константинополь подобно завоевателю, расточая отлученіе друзьямъ Златоуста и епископскія каѳедры и другія почести своимъ приверженцамъ. Онъ позволилъ клятвопреступникамъ, предавшимъ своего патріарха, вновь занять свои мѣста въ церквахъ, изъ которыхъ они были изгнаны; но народъ самъ не допустилъ ихъ вторженія въ церковь. Каждая церковь была обращена въ своего рода крѣпость. Собственная попытка Ѳеофила вступить въ св. Софію повела къ страшному смятенію. Большинство бродячихъ монаховъ, которыхъ такъ безпощадно изобличалъ Златоустъ, были на сторонѣ гордаго египтянина и стояли за него. Но воины пошли противъ «чернецовъ», какъ ихъ называли обыкновенно, и вотъ кровь, какъ вода, полилась и на святилищахъ, крики ярости раздавались вмѣсто молитвъ и гимновъ, самыя крещальни были обагрены кровью. Патріархъ александрійскій, при видѣ этого страшнаго побоища, охваченъ былъ ужасомъ, тѣмъ болѣе, что народъ открыто и громко проклиналъ его, и многіе прямо угрожали, что безъ малѣйшаго колебанія сбросятъ его въ море. Поэтому онъ, въ страшной тревогѣ, переодѣвшись, бѣжалъ въ Халкидонъ и тамъ, поспѣшно сѣвъ на корабль вмѣстѣ съ своими негодными сподручными, отплылъ въ Египетъ.

Ipse suum cor edens, hominum vestigia vitans. Негодный интриганъ Исидоръ спровождалъ его въ этомъ бѣгствѣ и отселѣ, къ великому счастію, совершенно сходитъ со сцены, гонимый быть можетъ угрызеніями своей проснувшейся совѣсти и терзаемый о злѣ погубленной жизни.

ГЛАВА XLVI.

Землетрясеніе.

Κτύπησε μὲν Ζεὺς χθόνιος. αἱ δε παρθένοι
ῥίγησαν ὡς ἤχουσαν.
Sophocles, Oed. Col. 1606 *).

ФИЛИППУ позволено было сопровождать своего возлюбленнаго отца и господина, когда онъ былъ переправляемъ начальникомъ дворца черезъ Босфоръ. Сердце его терзалось слишкомъ глубокой скорбью, чтобы даже плакать. Вся будущность поверглась для него въ томительлую неизвѣстность, и предвѣщала только бѣдствіе и горе. Къ чему приведетъ это изгнанничество? Будетъ ли когда-нибудь Іоаннъ возвращенъ? Гдѣ ему придется жить въ будущемъ? Онъ, конечно, никогда не оставитъ патріарха, для котораго его услуги такъ необходимы; но мысль о Маріами и томительныя сомнѣнія касательно того, придется ли ему когда увидѣть ее, еще болѣе удручали скорбью его омраченное сердце.

При своемъ тяжеломъ состояніи, онъ крайне удивлялся бодрости и веселому настроенію духа патріарха. Вотъ онъ былъ теперь изгнанникомъ, низвергнутъ съ своего высокаго положенія, пораженъ злобствующими врагами, ужасно оклеветанъ, находился въ заточеніи, не зная, что можетъ принести ему завтрашній день, и однако онъ не выразилъ ни единымъ словомъ своей жалобы на

*) Ударилъ подземный Зевсъ, и дѣвы,
Услышавъ испугались.
Софоклъ.

судьбу, говорилъ съ Филиппомъ съ такимъ же спокойствіемъ и бодростью, какъ и всегда.

Но Филиппъ, конечно, зналъ, что причина этой необычайной бодрости духа была чистота его совѣсти. Онъ могъ иногда ошибаться въ своихъ сужденіяхъ; могъ иногда давать волю случайнымъ вспышкамъ нетерпѣнія и раздражительности, которыя невольно вызывались страшными злоупотребленіями, совершавшимися вокругъ него; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ былъ обвиненъ нечестивымъ сборищемъ Ѳеофила и его продажныхъ сообщниковъ, онъ былъ совершенно невиненъ. Онъ чувствовалъ, что если бы не его великодушное самоотреченіе, то въ столицѣ неизбѣжно произошло бы побоище, пожалуй, совершилась бы революція въ имперіи и расколъ въ церкви. Все это было отвращено только его рѣшеніемъ добровольно сдаться врагамъ.

Корабль присталъ къ берегу въ мѣстечкѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Капища», неподалеку отъ Халкидона. Начальникъ дворца остался, а стража отправилась назадъ за Босфоръ. Когда они остались одни, то Златоустъ сказалъ Филиппу: «сынъ мой, мнѣ не хочется оставаться въ этомъ мѣстѣ. Оно слишкомъ близко къ Халкидону, а въ сосѣдствѣ съ Кириномъ и Северіаномъ я не чувствую свою жизнь въ безопасности. Пойди и найми для меня лодку, и пока темно, мы можемъ немедленно же отплыть въ Пренетъ у залива Астокскаго, что противъ Никомидіи. Тамъ у моего друга Палладія имѣются два родственника, у которыхъ есть небольшая ферма, и тамъ мы можемъ быть спокойны».

Нельзя было терять ни минуты. Филиппъ немедленно нашелъ лодку. Вѣтеръ и теченіе были благопріятны, и къ полночи они были уже подъ гостепріимнымъ кровомъ на фермѣ, гдѣ встрѣчены были родственниками Палладія съ величайшей предупредительностью и почтеніемъ.

Но сердце Филиппа находилось въ удрученномъ состояніи.

— Отецъ мой, сказалъ онъ, что теперь будутъ дѣлать Калліасъ и нашъ бѣдный Евтихій, старый Флегонтъ и твои слуги? Не назначитъ ли императоръ новаго патріарха? Гдѣ тогда будешь жить ты?

— Сынъ мой, отвѣчалъ Златоустъ; когда ты доживешь до

моихъ лѣтъ, то научишься отъ всего сердца говорить: «не заботься о завтрашнемъ днѣ, достаточно для всякаго дня злобы его». Что касается тебя, Калліаса, Евтихія и моихъ старыхъ слугъ, то какъ знать? — быть можетъ намъ всѣмъ позволено будетъ опять отправиться назадъ въ Антіохію и поселиться на Сенгонской улицѣ. Я, конечно, не увѣренъ въ этомъ, но все въ волѣ Божіей.

— О, это было бы раемъ послѣ этого ужаснаго преступнаго города! воскликнулъ Филиппъ, и затѣмъ, подъ вліяніемъ охватившей его скорби, замолчалъ.

— Но вотъ теперь, весело сказалъ патріархъ, обрати свое вниманіе на этотъ превосходный ужинъ, который приготовили намъ наши друзья. Онъ гораздо лучше чѣмъ тотъ, какой намъ пришлось бы имѣть въ патріархіи, и твой молодой аппетитъ, конечно, сумѣетъ должнымъ образомъ оцѣнить его, потому что ты давно уже не ѣлъ.

— Мнѣ почему то думается, продолжалъ свое Филиппъ, что тебѣ ужь не придется быть больше патріархомъ Константинополя...

— Полно, Филиппъ, не печалься изъ за меня. Никогда не можетъ быть дѣйствительнымъ величіе человѣка, если въ немъ самомъ нѣтъ присущаго ему величія. Почести и титулы не могутъ ничтожнаго человѣка сдѣлать великимъ, равно какъ никакія приговоры не могутъ великаго человѣка сдѣлать малымъ. Да и что мы такое, какъ не прахъ и пепелъ? Можно ли внѣшней позолотой возвысить истинное достоинство людей? Если это будетъ такъ, какъ ты говоришь, то это значитъ только, что Богъ соблаговолилъ снять съ меня огромное бремя. Мое возвышеніе въ этотъ санъ было величайшимъ для меня испытаніемъ. Да что такое санъ или богатство для человѣка, который самъ добровольно когда то избралъ для себя жилищемъ мрачную пещеру? Скажи мнѣ, Филиппъ, не думаешь ли ты, что мы были бы гораздо счастливѣе въ нашемъ небольшомъ домикѣ въ Антіохіи?

— Да, отецъ мой, я съ восторгомъ вспоминаю эти счастливые дни. Тамъ ты не былъ окруженъ ненавистью злыхъ людей, ложью презрѣнныхъ завистниковъ. Когда я только подумаю о Константинополѣ, то мнѣ кажется, что это какое то чудовище, состоящее изъ шипящихъ ядовитыхъ змѣй, которыя, какъ видѣлъ Ганнибалъ во снѣ, яростно гнались за нимъ.

— Ну хорошо, сынъ мой; въ такомъ случаѣ преклонимъ колѣна; я помолюсь о тебѣ, о себѣ, о нашихъ возлюбленныхъ деспосинахъ, объ Евтихіѣ, обо всѣхъ насъ, и затѣмъ, какъ счастливыя дѣти уснемъ мирно, возлагая все свое упованіе на Бога.

Они стали на колѣна. Патріархъ излилъ свою душу въ громкой, но простой молитвѣ; затѣмъ они удалились на покой и спали долгимъ здоровымъ сномъ, причемъ юноша, какъ вѣрный слуга, спалъ у ногъ своего возлюбленнаго отца.

Разсвѣлъ уже день, когда они пробудились съ освѣженными силами, совершенно готовые ко всему, чтобы ни принесла имъ судьба.

Совершенно иначе была проведена эта ночь ихъ врагами. Ѳеофилъ, разбитый душой и тѣломъ, качался съ 28-ю своими прислужниками на бурныхъ волнахъ, чувствуя въ концѣ концовъ крайнюю удрученность неудачи, при всей своей кажущейся побѣдѣ и даже во снѣ все еще слышалъ яростные крики разгнѣваннаго народа, совпадавшіе съ тревогой его собственной совѣсти, которая не давала ему покоя, какъ какой-нибудь разъяренный Церберъ. Северіанъ, томясь отъ безсонницы, и сознавая, что, какъ ему казалось, теперь онъ былъ дальше, чѣмъ когда-нибудь отъ достиженія цѣли своего личнаго честолюбія, терзался въ своей душѣ сознаніемъ того, что онъ былъ жалкій и низкій обманщикъ. Киринъ, больной душой и тѣломъ, лежалъ уже при смерти, страдая отъ невыносимой боли, вслѣдствіе ампутаціи, которая начинала вновь принимать гангренозную форму. Мученія совѣсти нарушали сонъ и Антіоху птолемаидскому. Престарѣлый Акакій верейскій со вздохомъ желалъ, чтобы его сѣдая голова и достопочтенная наружность могли и передъ его собственною совѣстью пользоваться тѣмъ уваженіемъ, какимъ онъ пользовался отъ другихъ. Всѣ они были въ тяжеломъ и трудномъ состояніи, но никто изъ нихъ не раскаявался. Наконецъ, и въ самомъ дворцѣ, гдѣ жилъ величайшій распорядитель судебъ имперіи, въ палатахъ императора и императрицы всю ночь происходило страшное смятеніе и всѣ трепетали отъ ужаса.

Причиной этого было то, что едва удалились они на покой, какъ со стороны Евдомона донеслись первые потрясающіе стоны заколебавшейся матери-земли и подъ ногами почувствовались тѣ

невообразимые подземные удары, которые болѣе, чѣмъ всѣ другія явленія природы, доводятъ человѣка до безумнаго страха, поражая его ужасомъ. Толчки все болѣе возростали въ своей силѣ по мѣрѣ того, какъ землетрясеніе подвигалось къ центру города, и наконецъ самыя палаты дворца были потрясены нѣсколько разъ съ такою силой, что казалось будто бы стѣны его должны были неминуемо рухнуть, погребая подъ своими развалинами всѣхъ обитателей. Ужасъ охватилъ Евдоксію и страшная тревога усилилась еще болѣе оттого, что въ ея душѣ мгновенно проснулась совѣсть, громко свидѣтельствуя о только что совершенной неправдѣ. Ей невольно представилось, что это землетрясеніе было явнымъ наказаніемъ Божіимъ въ отомщеніе за причиненное ею оскорбленіе великому служителю — патріарху. А между тѣмъ удары землетрясенія, передъ которыми императорское величіе унизилось на одинъ уровень съ самыми ничтожными слугами дворца, сосредоточились какъ разъ именно въ опочивальнѣ императрицы. Блѣдная и трепещущая, слишкомъ взволнованная, чтобы даже молиться, перенося въ своемъ ужасѣ какъ бы тысячекратную смерть, она едва живая лежала на постели, пока наконецъ при одномъ особенно сильномъ подземномъ ударѣ она услышала, какъ стѣны ея опочивальни страшно затрещали, постель ея опрокинулась и она съ крикомъ ужаса повалилась на полъ.

Ея приближенныя служанки, блѣдныя и пораженныя ужасомъ, какъ и она сама, бросились къ ней на помощь.

— Надѣньте на меня верхнюю одежду, съ плачемъ воскликнула она, и ведите меня къ императору!

Аркадій также былъ встревоженъ, и поднятый отъ сна землетрясеніемъ, сидѣлъ у постели въ крайне удрученномъ состояніи вмѣстѣ съ нѣсколькими трепещущими около него царедворцами. Въ это самое время вбѣжала Евдоксія, полуодѣтая съ распущенными волосами, и въ изступленіи обнимая его колѣни, умоляла его немедленно же возвратить патріарха.

— Это за нашу неправду къ нему, съ воплемъ кричала она. Богъ послалъ это землетрясеніе поглотить насъ, какъ Корея, Даѳона и Авирона, составившихъ заговоръ противъ первосвященника Божія.

— За нашу несправедливость?! спросилъ императоръ съ ви-

домъ обидчивости. Что касается меня, то я никогда не имѣлъ никакихъ непріятностей съ Іоанномъ и всегда почиталъ его. Я считаю его святымъ мужемъ. Я уважаю его больше чѣмъ всю эту свору окружающихъ тебя лицемѣровъ. Если бы не ты и твои Кореи, Даѳаны и Авироны, въ родѣ Северіана и этого черномазаго египетскаго интригана, то мы съ патріархомъ были бы наилучшими друзьями. Я никогда въ дѣйствительности и не вѣрилъ, что онъ называлъ тебя Іезавелью и такъ далѣе: все это злобные вымыслы твоихъ великосвѣтскихъ подругъ и разныхъ прислужниковъ.

— О, возврати его, возврати его, или мы всѣ погибнемъ! Немедленно же позволь намъ послать за нимъ.

Раздался новый подземный ударъ, который, повидимому, потрясъ дворецъ до его основаній, императрица съ крикомъ и рыданіями повалилась къ ногамъ императора.

— Но какъ мы можемъ немедленно же послать за нимъ? раздраженно спросилъ императоръ. Вѣдь теперь глухая ночь и ты слышишь, какъ на улицѣ съ трескомъ рушатся зданія!..

— Въ такомъ случаѣ, сказала она, пошли какъ только займется заря. Быть можетъ къ тому времени землетрясеніе прекратится; быть можетъ это было только грозное предостереженіе для насъ.

Въ подземныхъ ударахъ, повидимому, наступилъ перерывъ; Евдоксія, представляя изъ себя растрепанное жалкое существо, вышла отъ императора, но не въ свою полуразрушенную комнату, а въ другую, которая, повидимому, обѣщала больше безопасности. Какъ только она ушла, Аркадій гнѣвно пробормоталъ про себя слова, которыя, если бы она услышала ихъ, могли бы стоить ему жизни, — и онъ сдѣлался бы жертвой яда или кинжала.

— Эта несносная женщина измучила меня, говорилъ онъ; она не даетъ мнѣ покоя, держитъ меня въ тревогѣ и причиняетъ всевозможныя хлопоты. Мнѣ никогда и на половину не приходилось хлопотать такъ много при Евтропіѣ; съ ней же положительно нельзя имѣть покоя ни на одинъ день. Смуты, мятежи днемъ, землетрясенія ночью. Она съ проклятіемъ изгоняетъ добраго патріарха сегодня, а завтра съ мольбами возвращаетъ его. Ахъ, какъ бы было хорошо, если бы я въ концѣ концовъ женился на дочери Руфина!..

Съ такими размышленіями жалкій правитель міра бросился опять на свою постель,—но сонъ уже не приходилъ къ нему.

Раннимъ утромъ императрица отправила гонца за патріархомъ въ Іеронъ съ письмомъ, въ которомъ, съ крайнимъ самообольщеніемъ извращая факты, писала: «Да не подумаетъ твое святѣйшество, что я отвѣтственна за то, что случилось съ тобой. Я не повинна въ твоей крови: епископы и злые люди составили этотъ заговоръ противъ тебя. Богъ, которому я служу, свидѣтель тѣмъ слезамъ, которыя я пролила о тебѣ. Я не забываю, что твоими руками крещены мои дѣти».

Но гонецъ не возвращался, потому что онъ напрасно искалъ Златоуста въ Іеронѣ. Тогда она послала другого, но и тотъ не возвратился; тогда она отправила третьяго и наконецъ, въ отчаяніи, послала еще своего приближеннаго царедворца Бризона, который, какъ это было извѣстно, былъ бы болѣе пріятенъ Златоусту, какъ одинъ изъ его лучшихъ друзей. Бризону, по счастію, удалось напасть на того самаго лодочника, съ которымъ Златоустъ отплылъ въ Пренетъ, и онъ немедленно отправился къ заливу Астакскому, чтобы поискать его тамъ.

Между тѣмъ народъ съ радостнымъ восторгомъ услышалъ вѣсть, что его возлюбленный патріархъ будетъ возвращенъ и что за нимъ посланы гонцы. Встревоженный и отчасти безпокойный подозрѣніями въ виду долгаго невозвращенія гонцовъ, народъ самъ порѣшилъ искать патріарха. Многіе немедленно наняли лодку и, слыша, что его нѣтъ въ Іеронѣ, отплыли въ различные порты, находящіеся по сосѣдству съ этимъ городомъ.

Въ Пренетѣ не было землетрясенія и Филиппъ проснулся отъ своего освѣжающаго сна въ менѣе мрачномъ настроеніи духа и, одѣваясь, видѣлъ, какъ патріархъ, съ выраженіемъ глубокаго спокойствія на лицѣ, все еще спалъ. «Сохрани его въ мірѣ, проговорилъ онъ самъ съ собою, ибо душа его покоится на Тебѣ, ибо онъ уповаетъ на Тебя».

Выйдя на открытый воздухъ, онъ увидѣлъ, какъ воды Пропонтиды сверкали подъ лучами утренняго солнца и бѣлѣли отъ безчисленныхъ парусовъ. Онъ былъ до крайности удивленъ. Очевидно, что-то такое случилось, хотя онъ и не могъ еще сообразить, что именно. Но что это народъ на многочисленныхъ лод-

кахъ искалъ кого-то, это было очевидно, потому что лодки постепенно входили во всѣ порты, которыхъ было множество на этомъ густо населенномъ берегу. Къ добру это, или къ худу? Какъ было знать.

Наконецъ, онъ увидѣлъ, какъ одна лодка быстро летѣла на парусахъ въ самый Пренетъ. «Теперь, подумалъ онъ, мы узнаемъ», и онъ поспѣшилъ сказать объ этомъ своему владыкѣ.

— Взгляни, сказалъ онъ, отецъ мой на всѣ эти паруса! Я не могу — объяснить себѣ этого необычайнаго движенія; но въ Константинополѣ навѣрно что-нибудь произошло. Черезъ нѣсколько минутъ мы узнаемъ, потому что одна лодка теперь вонъ входитъ въ нашу пристань.

— Ступай, встрѣтить ее, Филиппъ; руководись твоимъ собственнымъ сужденіемъ о томъ, что лучше всего сказать или сдѣлать.

Филиппъ отправился на берегъ и невольно вскрикнулъ отъ радости, потому что на носу лодки стоялъ Бризонъ, махая масличной вѣтвью. Добросердечный евнухъ узналъ его. Своей сіяющей улыбкой онъ не предвѣщалъ ничего другого, кромѣ добра и счастья.

Бризонъ сообщилъ о цѣли своего прибытія Филиппу, который прямо свелъ его на ферму. Тамъ онъ передалъ Златоусту письмо отъ императрицы и, едва позволилъ себѣ раздѣлить торопливо съ нимъ завтракъ, настаивалъ, чтобы Златоустъ немедленно же отправился съ нимъ. Онъ уже разослалъ гонцовъ во всѣ стороны съ извѣстіемъ, что патріархъ найденъ. Лодки массами входили въ портъ; когда царедворецъ и патріархъ сѣли въ лодку, то были окружены цѣлой флотиліей изъ сотни лодокъ, съ которыхъ къ нимъ раздавались самые восторженные крики привѣтствій. Патріархъ порѣшилъ не вступать въ самый Константинополь, потому что канонъ одного собора (хотя и аріанскаго, состоявшагося въ Антіохіи въ 341 году) запрещалъ епископу, который былъ низложенъ, вступать въ свой городъ до отмѣны прежняго постановленія другимъ соборомъ. Поэтому онъ остановился въ одномъ изъ пригородовъ, извѣстномъ подъ названіемъ Маріана, гдѣ у императрицы былъ дворецъ, который она предоставила въ его распоряженіе. Народъ однако не удовлетворился этимъ. Находясь въ состояніи возбужденія, онъ продолжалъ свои яростные крики про-

тивъ императора и императрицы. Сама Евдоксія обратилась къ нему съ самой смиренной просьбой, умоляя его отложить всѣ свои сомнѣнія, и Бризонъ доказывалъ ему, что вѣдь антіохійскій канонъ ни коимъ образомъ не могъ быть приложимъ къ рѣшенію крайне безпорядочнаго собора, какимъ былъ соборъ придубскій; что даже, если бы онъ былъ приложимъ, то осужденіе съ него снято уже большимъ числомъ епископовъ и что во всякомъ случаѣ при данныхъ обстоятельствахъ совершенно достаточно было императорскаго разрѣшенія. Филиппъ съ радостью поддержалъ этотъ взглядъ и убѣждалъ своего возлюбленнаго отца исполнить искреннее желаніе глубоко любящаго его народа.

Народъ самъ рѣшилъ этотъ вопросъ, уведя патріарха почти силой. Между тѣмъ уже наступилъ вечеръ. Народъ необозримыми массами сопровождалъ его, такъ какъ у всѣхъ были въ рукахъ факелы, то шествіе приняло видъ огненной рѣки. Во главѣ шествія была сама императрица. Она не только восторженно привѣтствовала патріарха, но, повидимому, готова была плясать и кричать отъ радости. Отъ лица императора при встрѣчѣ присутствовалъ его главный секретарь. Народъ оглашалъ воздухъ гимнами, которые тутъ же были составляемы и поспѣшно записываемы. Свое настроеніе по отношенію къ той негодной части духовенства, которая измѣнила своему патріарху и старалась погубить его, народъ достаточно доказывалъ своими криками: «патріархъ, очисти твое духовенство, изгони измѣнниковъ!» Его сопровождало не менѣе 30-ти епископовъ. Торжествующій народъ шелъ за нимъ до самаго храма святой Софіи и тамъ, ставъ на колѣна, народъ съ воздѣтыми руками упрашивалъ его дать ему свое патріаршее благословеніе. Онъ благословилъ свой вѣрный народъ и обѣщался обратиться къ нему съ словомъ на слѣдующее утро. Въ этотъ же вечеръ, къ своему полному торжеству, онъ получилъ еще другое письмо отъ императрицы, въ которомъ она со свойственной ей горячностью писала: «Молитва моя услышана, и достигла моей цѣли. Это для меня болѣе богатое украшеніе, чѣмъ моя діадима. Я опять возвратила себѣ первосвященника, я возвратила тѣлу его голову, кормчаго кораблю, жениха брачному чертогу».

Но хотя вся эта восторженная встрѣча была пріятна патрі-

арху, однако еще болѣе его нѣжное сердце было тронуто той невыразимой радостью, съ которой его возвращеніе было встрѣчено его ближайшими друзьями и домочадцами. Многіе изъ нихъ, вслѣдствіе огромной массы народа, не могли пробраться къ нему; но теперь въ ѳомаитѣ къ нему подошли и сгруппировались во главѣ съ престарѣлымъ Флегонтомъ всѣ его вѣрные домочадцы и слуги, которые колѣнопреклоненно просили у него благословенія. Тутъ же были Серапіонъ, Тигрій, Германъ, Проклъ, Кассіанъ и епископъ Палладій, которые со слезами радости цѣловали ему руки, а также молодые люди, которые, подобно Филиппу, готовы были умереть за него, именно Калліасъ и Евтихій. Они совершенно завладѣли его руками, покрывали ихъ поцѣлуями и омочили слезами, пока онъ не велѣлъ имъ вставать и не далъ имъ отъ полноты своего отеческаго сердца цѣлованіе мира.

На слѣдующее утро онъ обратился къ своимъ служителямъ, собравшимся въ огромномъ числѣ, съ особой бесѣдой, которая дошла до насъ и извѣстна подъ названіемъ: «Бесѣда по возвращенію изъ изгнанія». Въ ней онъ очень сильно, но безъ всякой раздраженности, говорилъ о незаконномъ вторженіи и насиліи Ѳеофила. На другихъ многочисленныхъ враговъ онъ не обратилъ никакого вниманія, но прошелъ ихъ полнымъ молчаніемъ. Съ свойственнымъ ему глубокимъ простодушіемъ, онъ съ высокой похвалой говорилъ и объ Евдоксіи, такъ радостно встрѣтившей его по возвращеніи. Предъ своимъ вѣрнымъ народомъ онъ излилъ всю полноту своей души въ выраженіяхъ самой глубокой благодарности.

По окончаніи проповѣди и богослуженія, когда молодой Евтихій, посвященный теперь въ чтеца, помогалъ патріарху разоблачаться, патріархъ улыбаясь замѣтилъ:

— Два дня тому назадъ, я совсѣмъ не думалъ, чтобы мнѣ когда-нибудь пришлось носить омофоръ въ храмѣ семъ. Богъ осѣнилъ меня своею благостью.

— Я надѣюсь, что мнѣ придется много разъ помогать твоему блаженству при облаченіи и разоблаченіи, радостно сказалъ молодой чтецъ.

И дѣйствительно, въ это время едва ли самъ императоръ былъ такъ могущественъ въ своей столицѣ, какъ патріархъ Іоаннъ.

Онъ немедленно же со всей своей привычной строгостью приступилъ къ исполненію многочисленныхъ обязанностой своего служенія. Первѣйшей необходимостью было очистить духовенство отъ разныхъ измѣнниковъ, и онъ сдѣлалъ это твердой рукой. Въ то же время онъ наградилъ вѣрныхъ и преданныхъ лицъ. Діаконъ Тигрій былъ возведенъ въ санъ священника. Архидіаконъ Серапіонъ получилъ епископію гераклейскую, освободившуюся послѣ бѣгства или низложенія Павла, котораго съ притворнымъ безпристрастіемъ Ѳеофилъ номинально назначилъ предсѣдателемъ придубскаго собора въ тотъ день, когда низложенъ былъ Златоустъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

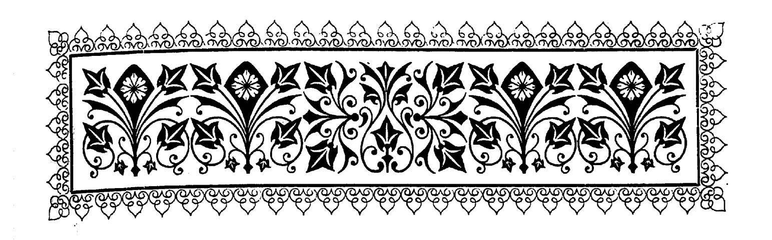

ПОРАЖЕНІЕ ВЪ ПОБѢДѢ

и

ПОБѢДА ВЪ ПОРАЖЕНІИ.

ГЛАВА XLVII.

Статуя Евдоксіи.

Опять пляшетъ Иродіада,
опять главы Іоанновой ищетъ.

Увы! наступившій миръ былъ только временнымъ перемиріемъ, потому что съ одной стороны Евдоксія все еще оставалась Евдоксіей: между ней и патріархомъ, столь несимпатичнымъ ей по своему характеру и темпераменту, невозможна была продолжительная дружба. Да и какое согласіе могло быть между женщиной безумной и ненасытной гордости, дворъ которой переполненъ былъ интригами и мірской суетой, и между святителемъ, отличавшимся безбоязненнымъ мужествомъ и непреклонной справедливостью? Съ другой стороны Ѳеофилъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать Златоусту получить посредствомъ полноправнаго собора отмѣну приговора, произнесеннаго надъ нимъ нечестивымъ соборомъ придубскимъ. Аркадій послалъ Ѳеофилу вызовъ, чтобы онъ прибылъ на засѣданіе собора, гдѣ онъ долженъ былъ отвѣчать на взводимыя на него обвиненія; но египтянинъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія опять подвергать свою жизнь опасности среди населенія, такъ грозно обнаружившаго преданность своему патріарху. Онъ отписалъ, что, будучи изгнанъ чернью изъ Константинополя, которая угрожала сбросить его въ море, онъ не могъ уже быть въ этомъ городѣ, тѣмъ болѣе, что его народъ такъ глубоко преданъ ему, что отбытіе его не могло бы повести за собою мятежъ въ Александріи.

Такъ дѣло шло въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Епископы въ числѣ шестидесяти, не имѣя возможности составить изъ себя формальнаго собора, не формально объявили, что они, признавая невинность Златоуста, въ то же время осуждаютъ и считаютъ незаконными всѣ постановленія, сдѣланныя соборомъ придубскимъ. Полагая, что теперь уже сдѣлано все возможное для исполненія постановленій церкви и поддержанія ея чести, Златоустъ спокойно отдался обязанностямъ своего высокаго служенія.

Но вотъ въ сентябрѣ 403 года случилось событіе, которое ускорило временно отсроченную, катастрофу, и причиной этого событія была опять Евдоксія, честолюбіе которой не знало границъ и которая добивалась неслыханной дотолѣ чести.

Человѣкъ, незнакомый хорошенько съ человѣческой натурой, могъ бы подумать, что полуварварская женщина, дочь какого-то франкскаго воина, будучи интригами евнуха возведена до высочайшаго положенія, дававшаго ей возможность принимать участіе въ управленіи міровой имперіей, должна бы вполнѣ удовлетвориться этимъ. Мало того, будучи супругой совершенно слабаго человѣка она имѣла на него безграничное вліяніе. Будучи въ полномъ смыслѣ самодержавной, она однако не довольствовалась этимъ и хотѣла во что бы то ни стало получить и самыя регаліи самодержавія. Она добилась теперь отъ своего супруга священнаго и почетнаго титула Августы, — титула, который даже величавая жена Октавіана Августа могла получить только уже при концѣ жизни. Затѣмъ она вымучила у Аркадія и право на то, чтобы ее «боготворили», какъ и его самого. Это полуязыческое боготвореніе въ дѣйствительности было остаткомъ того времени, когда императоръ, какъ своего рода воплощеніе народа, пользовался отчасти тѣмъ поклоненіемъ, съ которымъ народъ относился къ богинѣ Рима. Такое богопоклоненіе никогда еще дотолѣ не представлялось женщинѣ. Жены или другія ближайшія родственницы императора могли пользоваться только, такъ сказать, отраженіемъ этого богопоклоненія и только ужъ отъ самого императора получать ту долю священности, которой могли обладать. Разъ это отличіе было предоставлено такой полуварварской женщинѣ, какъ Евдоксія, то вмѣстѣ съ этимъ связывалось и то, что ея статуи, хотя и не для божескихъ почестей, должны были быть выставлены

по всѣмъ городамъ имперіи. Это еще было бы сносно на раболѣпномъ востокѣ; но совершенно иначе отнесся къ этому западный міръ, который увидѣлъ въ этомъ такое оскорбленіе для своего достоинства, что Гонорій вынужденъ былъ по этому поводу написать энергическій протестъ своему старшему брату, — протестъ, къ которому Аркадій отнесся со своей обычной вялостью и мрачнымъ презрѣніемъ.

Но даже и этого недовольно было Евдоксіи. Дѣйствуя черезъ Симплиція, — префекта столицы, и черезъ главныхъ сенаторовъ, она заставила сенатъ воздвигнуть въ честь ея статую несравненнаго великолѣпія на самомъ видномъ мѣстѣ столицы.

Мѣстомъ для этого была избрана Августова площадь, между императорскимъ дворцомъ и соборнымъ храмомъ святой Софіи; отъ котораго она находилась поэтому въ самомъ близкомъ разстояніи. Статуя была поставлена на пьедесталъ изъ многоцвѣтнаго мрамора, тамъ гдѣ стояла и ростра, съ которой, при важныхъ случаяхъ, императоръ лично обращался съ рѣчами къ сенату, народу и войску.

И дѣйствительно статуя была воздвигнута тамъ. Сначала для нея сдѣланъ былъ массивный фундаментъ. Онъ существуетъ еще и теперь и былъ открытъ въ 1848 году. На немъ съ одной стороны латинской прозой, на другой греческими гекзаметрами написана восторженная, но совершенно не заслуженная похвала этой, крайне самолюбивой, заносчивой императрицѣ. На пьедесталѣ была воздвигнута колонна и на вершинѣ колонны уже стояла сдѣланная изъ литого серебра статуя Евдоксіи, которая своимъ повелительнымъ жестомъ, такъ сказать, угрожала церкви, сенату, народу и городу.

Какъ видно изъ закона Ѳеодосія II, открывать статуи императорскихъ лицъ было въ обычаѣ по воскресеньямъ или праздничнымъ днямъ; и такъ и какъ открытіе сопровождалось своего рода идолопоклонническими обрядами, глубоко смущавшими христіанскую совѣсть, то въ царствованіе сына этой Евдоксіи, оно было запрещено даже особымъ эдиктомъ. Затѣмъ изъ дошедшаго до насъ разсужденія между однимъ христіаниномъ и философомъ Аполлоніемъ, что въ виду раболѣпныхъ почестей, оказываемыхъ такимъ статуямъ, язычникъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ спра-

шивалъ: «почему христіанскіе священники допускаютъ такое идолопоклонничество царственнымъ образамъ, когда они осудили поклоненіе языческимъ статуямъ?» Почему, съ язвительностью спрашивалъ язычникъ, вы оказываете мужчинамъ и даже женщинамъ честь, которую, какъ вы проповѣдуете, нужно воздавать только Богу?»

Какъ статуя, такъ и оказываемыя ей почести во всѣхъ отношеніяхъ были до крайности непріятны Златоусту. Эти почести, однако, настолько вошли въ обычай въ восточной имперіи, что онъ сначала не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло; но такъ какъ торжество сопровождалось разными неприличными плясками, распущенными пантоминами, шумными пѣснями и паясничествомъ всякаго рода, то онъ не могъ оставить всего этого безъ вниманія. Главнымъ днемъ открытія статуи Евдоксіи, днемъ, когда надоѣдливый шумъ и гамъ былъ особенно неприличенъ и торжество неумѣстно, было воскресенье. Въ этотъ день, вслѣдствіе совершавшагося передъ церковью безобразія, оказалось даже невозможнымъ должнымъ образомъ совершать богослуженіе. Пѣніе церковнаго хора подавлялось безобразными криками и грубыми взрывами смѣха, вызывавшагося комедіей, которая устраивалась на площади для народа. Когда Златоустъ хотѣлъ было произнести проповѣдь, то его голосъ оказался совершенно неслышнымъ и подавлялся непристойнымъ гвалтомъ и шумнымъ бѣснованіемъ, какъ разъ происходившимъ за дверьми собора. Глубоко огорченный этимъ, патріархъ обратился съ жалобой къ префекту города. Однако тотъ, будучи манихеемъ и врагомъ патріарха, тайно даже былъ радъ случаю безнаказанно досадить православнымъ. Онъ не только не принялъ никакихъ мѣръ къ ограниченію праздничныхъ безобразій, но даже донесъ императрицѣ въ преувеличенномъ видѣ о томъ, что патріархъ выразилъ неудовольствіе по случаю этихъ народныхъ празднествъ въ честь ея. При этомъ онъ ложно заявилъ, что патріархъ въ раздраженіи поклялся отучить народъ, чтобы впредь не оказывалъ статуѣ императрицѣ никакого почтенія. Евдоксія уже не мало была раздражена укоромъ, который Аркадій получилъ изъ-за нея отъ своего младшаго брата изъ Рима. Съ Гоноріемъ она ничего не могла сдѣлать; но ей было невыносимо, что ей ставилъ преграды на пути къ ея величію и доса-

ждалъ всевозможными укорами какой-то патріархъ въ самой ея столицѣ, и что въ то время, когда всѣ другіе сановники лежали у ея ногъ, этотъ непреклонный духовный сановникъ на всякомъ шагу доказывалъ несравненное превосходство величія нравственнаго закона надъ ея императорскимъ величіемъ. Со свойственной ей порывистостью она тутъ же высказалась съ крайнимъ негодованіемъ противъ несноснаго вмѣшательства въ ея дѣла со стороны патріарха, и разумѣется, какъ только объ этомъ узнала вся (какъ выражается Палладій) «яростью обуяненная фаланга» его враговъ, то немедленно подала свой голосъ и стала слѣдить за нимъ по пятамъ. Ободрились и старыя знакомыя: Марса, Костриція и Епиграфія и въ ихъ салонахъ опять начались собранія нечестивыхъ, замышлявшихъ погубленіе величайшаго святителя.

Очень возможно, что въ слѣдующее же воскресенье Златоустъ въ своей проповѣди высказалъ свое глубокое негодованіе, которымъ волновалось его сердце. И судя по тому, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, занимавшая его мысль обыкновенно воплощалась въ столь яркія картины и пользовалась такими сильными выраженіями, что въ пылу ораторскаго вдохновенія у него часто срывались съ устъ фразы, которыя не трудно было перетолковывать въ смыслѣ прямого оскробленія извѣстныхъ личностей. Но при своей глубокой искренности и прямотѣ, онъ, отнюдь, не считалъ нужнымъ быть на-сторожѣ противъ его многочисленныхъ враговъ, которыя между тѣмъ уже сидѣли въ засадѣ и только и ждали случая подловить его на неосторожномъ словѣ или выраженіи.

Калліасъ по обычаю записалъ проповѣдь своего владыки, и Златоустъ, когда она была написана, прочиталъ ее и съ радостью нашелъ, что хотя онъ говорилъ въ сильныхъ выраженіяхъ объ идолопоклоннической профанаціи воскреснаго дня, а также объ опасностяхъ крайней гордости и честолюбія, однако и въ увлеченіи пыломъ ораторства, не сдѣлалъ такихъ замѣчаній, которыя выходили бы за предѣлы долга или умѣренности. Онъ былъ тѣмъ болѣе остороженъ въ этомъ отношеніи, что Филиппъ глубокую преданность, котораго къ себѣ онъ зналъ, съ чисто сыновней почтительностью, предупреждалъ и просилъ его не слишкомъ рѣзко выражать свой гнѣвъ по поводу недавнихъ событій.

— Отецъ мой, — осмѣлился онъ сказать; міръ нельзя обратить къ добру однимъ ударомъ и, конечно, мы не можемъ быть отвѣтственны за событія, которыхъ мы ни коимъ образомъ не могли бы предотвратить.

Но другой скорописецъ, Фока, на запись котораго Калліасъ, при одномъ прежнемъ случаѣ, какъ бы нечаянно опрокинулъ всю чернильницу, также записалъ проповѣдь патріарха и подвергъ ее коварнымъ передѣлкамъ въ угоду своему патрону, Северіану. Его запись, конечно, немедленно же полетѣла въ домъ Епиграфіи гдѣ уже собрались всѣ старые враги Златоуста, съ присоединеніемъ двухъ новыхъ враговъ, именно Леонтія анкирскаго, темнаго интригана въ родѣ Ѳеофила, и Аммонія сожженно-фригійскаго, который, какъ говоритъ Палладій, прибылъ изъ сожженной Фригіи для того, чтобы сожигать церковь.

Просмотрѣвъ эту рукопись, Северіанъ увидѣлъ, что тутъ представляется хорошій случай нанести патріарху роковой ударъ.

— Иди сюда, — сказалъ онъ Леонтію; ты, я увѣренъ, согласишься со мной, что отъ этого патріарха, который нарушаетъ каноны церкви и былъ осужденъ за разныя преступленія и несправедливости, нужно отдѣлаться. Пока онъ существуетъ, не будетъ ни мира, не согласія, и церковь будетъ страдать.

— Я согласенъ съ тобой, — подтвердилъ своимъ хриплымъ голосомъ Леонтій.

— Такъ вотъ посмотри на эту запись его послѣдней проповѣди.

Леонтій просмотрѣлъ и пожалъ плечами.

— Два-три сильныхъ выраженія, — сказалъ онъ, и больше тутъ ровно ничего нѣтъ серьезнаго.

— Да, — сказалъ Северіанъ; но нельзя ли тутъ употребить нѣсколько искусства, нѣсколько мудрости змѣя, того благочестиваго обмана, который бываетъ часто необходимъ для другихъ, а также и для собственнаго блага?

Леонтій анкирскій не протестовалъ противъ этого. Онъ былъ совершенно незнакомъ съ той растяжимостью, которая господствовала въ его время по отношенію къ истинѣ и легко переходила въ казуистику, нашедшую себѣ впослѣдствіи особенно сильныхъ защитниковъ въ Римѣ. Онъ еще не зналъ, какъ многіе не

считали зло зломъ, если только оно могло содѣйствовать имъ въ достиженіи извѣстныхъ, якобы добрыхъ цѣлей.

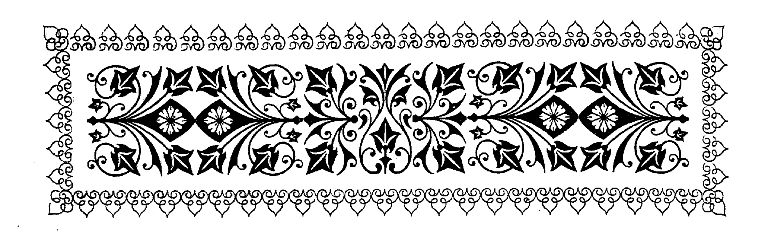
— Конечно, если взять нѣсколько кусковъ мозаики, и переставить ихъ, то можно даже изображеніе царя превратить въ изображеніе какого-нибудь пресмыкающагося, замѣтилъ онъ. Но я не вижу, чтобы можно было многое сдѣлать съ этой проповѣдью.

— А я сдѣлаю, сказалъ Северіанъ, и судьба Іоанна рѣшена!

Онъ отправился домой для совершенія своей поддѣлки. Въ самомъ началѣ проповѣди онъ поставилъ выраженіе, которое въ записи приписывалось Златоусту: «опять бѣснуется Иродіада, опять пляшетъ, опять ищетъ головы Іоанна»; затѣмъ онъ прибавилъ нѣсколько другихъ выраженій, изъ которыхъ многія въ той или въ другой формѣ быть можетъ и произносимы были Златоустомъ при томъ или другомъ случаѣ, и затѣмъ, утомившись этимъ трудомъ онъ взялъ манускриптъ своего соотечественника Ефрема Сирскаго, перевелъ нѣсколько изъ него на греческій языкъ, и этотъ переводъ присоединилъ къ концу своей гнусной поддѣлки. Затѣмъ онъ велѣлъ Фокѣ переписать эту передѣлку, и вотъ эта то запись и была представлена Евдоксіи, какъ буквальная запись послѣдней проповѣди Златоуста!

Проповѣдь эта еще и теперь существуетъ среди подложныхъ произведеній святаго Іоанна Златоуста и къ счастію носитъ на себѣ признаки очевидной поддѣлки.

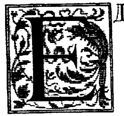

ГЛАВА XLVIII.

Подложная проповѣдь.

Tu, licet extremos late dominere per Indos,
Te Medus, te mollis Arabs, te Seres odorent:
Si metuis, si prava cupis, si duceris ira,
Servitii patiere jugum, tolerabis inigeus
Interius leges. Tunc omnia jure tenebis
Cum poteris rex esse tui *).

Claudian.

ЕДВА прочитавъ первую фразу, Евдоксія, какъ высокомѣрная и вспыльчивая императрица пришла въ неописанную ярость. Она знала, что Іоаннъ Златоустъ велъ жизнь аскетическую и отличался столь суровой нравственной непреклонностью, что его часто сравнивали съ Іоанномъ Крестителемъ. Затѣмъ, прислушавшись къ толкамъ уличныхъ криковъ столицы, она не могла не знать, что ее саму часто называли Іезавелью и Иродіадой. Такъ какъ она при этомъ не подозрѣвала обмана, разсчитаннаго на ея довѣрчивость, и недостаточно знакома была съ окружавшимъ ее міромъ, съ которымъ соприкасалась только черезъ посредство постоянно обманывавшихъ ее прибли-

---

*) Тебѣ слѣдуетъ владычествовать до послѣднихъ предѣловъ Индіи:
Тебѣ покланяются и мидянинъ, и изнѣженный арабъ и сиріецъ;
Но если поддаешься страху, желаешь незаконнаго, руководишься гнѣвомъ,
Будешь нести иго рабства, страдать отъ несправедливыхъ законовъ,
Тогда только можешь управлять всѣмъ по праву,
Когда самъ будешь царемъ надъ самимъ собой.

Клавдіанъ.

женныхъ, то она рѣдко могла узнавать дѣйствительную правду. Доставленную ей запись она приняла за подлинную, и въ виду того, что такая рѣчь произнесена была о ней въ храмѣ святой Софіи и притомъ человѣкомъ, котораго она всего два мѣсяца тому назадъ возвратила въ столицу и который тогда краснорѣчиво восхвалялъ ея благочестіе и благотворительность, она не могла снести этого оскорбленія и сердце ея охвачено было цѣлымъ пожаромъ неукротимой вражды. Северіанъ, замѣтивъ, какъ отъ смѣны яростныхъ чувствъ ненависти, уязвленной гордости лицо ея мѣнялось и то краснѣло, то блѣднѣло и какъ грудь ея тяжело вздымалась и дыханіе почти обращалось въ шипѣніе, когда она перелистывала рукопись, ликовалъ отъ радости, что теперь наконецъ цѣль его была вполнѣ достигнута, и онъ злорадствовалъ въ своемъ зломъ сердцѣ.

Оставивъ у императрицы свою поддѣлку съ цѣлью, чтобы она вполнѣ произвела свое дѣйствіе, онъ удалился. Императрица, зная, что императоръ былъ одинъ, прямо бросилась въ его комнату.

Ни что еще такъ не потрясало нервовъ и не выводило Аркадія изъ его неподвижной пассивности, какъ эти внезапные набѣги со стороны Евдоксіи. Раньше отъ этихъ набѣговъ его защищалъ Евтропій, а теперь они случались то и дѣло. Если бы мы могли вообразить какимъ чувствомъ охваченъ былъ бы автоматъ, внезапно подхваченный вихремъ, то могли бы представить себѣ и то, какъ въ данномъ случаѣ чувствовалъ себя Аркадій.

Когда императоръ и императрица дѣлали торжественные выходы, то всегда соблюдали самыя строгія требованія императорскаго этикета. Вѣдь они оба были личностями августѣйшими и даже ихъ младенецъ сынъ уже былъ тоже августѣйшимъ. Оба они были предметомъ «боготворенія», такъ что придворные, приближаясь къ нимъ, даже закрывали себѣ глаза руками, какъ будто съ цѣлью защитить себя отъ исходившаго отъ нихъ слишкомъ лучезарнаго блеска. Въ ихъ общественно государственныхъ отношеніяхъ ничто не нарушало ежедневной рутины пышнаго византійства, выработаннаго восточнымъ раболѣпствомъ. Но когда они оставались одни, то, такъ сказать, мстили за эту утомительную парадность полнымъ устраненіемъ всякихъ формальностей, причемъ, давая волю своимъ обычнымъ человѣческимъ мыслямъ и чувствамъ,

являлись уже въ качествѣ самыхъ простыхъ людей съ неразлучными у нихъ слабостями. Рабамъ, евнухамъ, пажамъ, царедворцамъ и вообще приближеннымъ, нерѣдко случалось слышать, какъ изъ отдаленныхъ комнатъ пурпурныхъ покоевъ доносились голоса, часто отличавшіеся непристойной крикливостью, а иногда до нихъ доносились даже обрывки такихъ ругательствъ, которыя постоянно можно было слышать на Халкедонской лѣстницѣ и въ другихъ мѣстахъ скопленія уличнаго сброда.

Аркадій зналъ, что ему нужно было готовиться къ чему-нибудь очень непріятному всякій разъ, какъ вбѣгала къ нему Евдоксія, не сопровождаемая никѣмъ изъ своихъ дѣтей. Когда она входила въ его комнату съ извѣстной небрежностью въ своемъ императорскомъ одѣяніи, какъ это было при настоящемъ случаѣ, то онъ всегда долженъ былъ ждать какой-нибудь сильной непріятности и сцены.

— Это невыносимо, кричала она, бросаясь на золотое кресло; это совершенно, невыносимо и мучительно! Я скорѣе предпочла бы быть какой-нибудь продавщицей на базарѣ, чѣмъ, будучи Августой, выносить все это!?

— Въ чемъ же теперь дѣло? съ видомъ утомленности и раздраженнаго неудовольствія сказалъ Аркадій.

— А дѣло въ томъ, что ты уже больше не императоръ востока, съ холоднымъ презрѣніемъ отвѣчала она.

— Вотъ что! съ заученнымъ равнодушіемъ сказалъ Аркадій, кто же теперь императоръ?

— А все тотъ же! почти вскикнула она. Пока ты не отдѣлаешься отъ этого человѣка, ни городъ, ни церковь, ни имперія не будутъ имѣть ни малѣйшаго покоя!

— Этотъ человѣкъ, конечно...?

— Ну, конечно, патріархъ,—этотъ Іоаннъ антіохійскій, который былъ уже осужденъ цѣлымъ соборомъ за невозможныя преступленія и теперь опять возвратился въ столицу, чтобы мутить все!

— Странно! но вѣдь всего какихъ-нибудь два мѣсяца, тому назадъ, сказалъ Аркадій, ты сама здѣсь на колѣняхъ съ крикомъ и плачемъ, — помнишь въ ту ночь, когда было землетрясеніе? — говорила, что Богъ послалъ на насъ гибель за то, что мы изгнали

этого святого. Вѣдь это ты именно и изгнала его тогда и требовала возвращ....?

— Никогда я этого не дѣлала! беззастѣнчиво прервала Евдоксія.

— Ты именно всегда готова сказать, что никогда не дѣлала. Но если такъ, то кто же это сдѣлалъ? Вѣдь ты же сама писала Ѳеофилу; ты ежедневно строила противъ него козни; ты добилась изгнанія его посредствомъ всякой лжи...

— Нѣтъ это уже слишкомъ, сказала императрица, отъ ярости кусая себѣ губы.

— Затѣмъ ты со всевозможной поспѣшностью воротила его обратно; ты посылала гонцовъ за гонцами, чтобы найти его; ты сама выходила встрѣчать его; ты цѣловала, обнимала его...

— О, это невозможно! вскрикнула Евдоксія; неужели никто не можетъ отомстить за меня?..

— И вотъ теперь, продолжалъ Аркадій, съ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, не обращая вниманія на эти вскрики и чувствуя, что онъ начиналъ наконецъ брать нѣкоторый перевѣсъ,— и вотъ ты теперь бѣснуешься и кричишь, опять хочешь, чтобы его изгнали; а затѣмъ послѣ новаго землетрясенія, какъ я нисколько не сомнѣваюсь, ты будешь опять рвать и метать, будешь кричать о томъ, чтобы его возвратили. Я не могу наконецъ выносить этихъ сценъ!

— Очень и очень хорошо! воскликнула она, пылая яростью. Такимъ образомъ Аркадій такой блѣднокровный призракъ, что въ состояніи выносить, чтобы его жену, родившую ему четырехъ дѣтей, публично обзывали Іезавелью и Иродіадой передъ распущенной мятежною толпой въ его собственной церкви, и все это на разстояніи полета брошеннаго камня отъ его собственнаго дворца! О, если бы, вскричала она, я была замужемъ за дѣйствительнымъ мужчиной!!..

Аркадій намѣревался дѣйствовать по своему обычному плану, т. е. собственно не дѣлать ничего и предоставить дѣла ихъ собственному теченію. Но послѣ нѣкоторой паузы, давъ полную волю неудержимымъ истерическимъ рыданіямъ, Евдоксія вскочила и съ неудержимымъ порывомъ гнѣва и ярости, бросивъ къ его ногамъ подложную проповѣдь, вскричала:

— Такъ вотъ прочти это!

Аркадій, совершенно растерявшись, поднялъ рукопись, взглянулъ на нее и затѣмъ опять бросилъ, какъ будто она нисколько не интересовала его.

— И такъ что же ты намѣренъ дѣлать?

Аркадій не отвѣчалъ.

— Неужели ты потерпишь, чтобы меня такъ грубо и безнаказанно оскорбляли изо дня въ день?

Аркадій продолжалъ хранить все тоже сумрачное молчаніе, которое еще болѣе бѣсило Евдоксію, чѣмъ всякая рѣчь.

— Мужъ ли ты, или прислужникъ?

— А ты женщина, или Фурія?

— О, если бы я никогда не покинула домъ Промота!

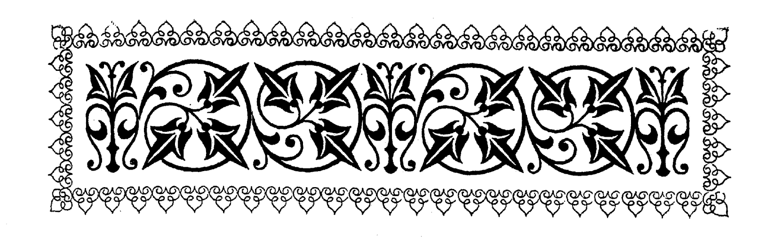
— Одно только ясно мнѣ, сказалъ императоръ, именно то, что я имѣлъ безконечно меньше непріятностей во времена Евтропія...

— Тогда выбери какого-нибудь раба изъ сброда твоихъ евнуховъ и сдѣлай его господиномъ надъ собою, презрительно вскричала Евдоксія, — но пойми, что ты будешь предметомъ прикровенныхъ издѣвательствъ разныхъ комедіантовъ театра. Самый жалкій клоунъ въ Константинополѣ будетъ издѣваться надъ государемъ, который труслливъ, потому что даже самый маленькій клоунъ избилъ бы человѣка, который оскорбилъ бы его жену...

— Дѣлай, что тебѣ угодно; поступай, какъ знаешь; только, пожалуйста, оставь меня въ покоѣ, сказалъ Аркадій тономъ невыразимаго отвращенія.

Сказавъ это, онъ въ крайнемъ изнеможеніи повалился на подушки своего дивана и закрылъ себѣ отягченные глаза. Онъ былъ дѣйствительно жалокъ. Если бы его жена была нѣжной, благородной женщиной, какой была его мать, то онъ могъ бы быть лучшимъ правителемъ и не столь жалкимъ человѣкомъ, но съ Евдоксіей онъ былъ положительно несчастенъ.

ГЛАВА XLIX.

Торжество козней.

Изъ всѣхъ злокозныхъ дѣлъ всего
противнѣе небесамъ,
Обида чрезъ обманъ невинному.
Данте.

СКОРО сдѣлалось очевиднымъ для всѣхъ, что Евдоксія порѣшила не останавливаться ни передъ чѣмъ, чтобы только погубить патріарха. Самыя мрачныя тучи собрались и нависли надъ только что было прояснившимися сердцами его друзей и почитателей. Императрица опять прибѣгла къ помощи Ѳеофила, и хотя онъ не хотѣлъ прибыть лично, однако прислалъ въ качествѣ своихъ представителей трехъ египтянъ и къ нимъ присоединились всѣ другіе недруги Златоуста. Рѣшено было созвать новый соборъ, въ отношеніи котораго однако ясны были двѣ вещи, что онъ не предполагался быть вселенскимъ, котораго требовалъ патріархъ, и, что, подъ вліяніемъ императрицы и ея пособниковъ, онъ долженъ былъ составиться исключительно изъ враговъ патріарха.

Тѣ, кто не былъ посвященъ въ тайные замыслы, не понимали, откуда внезапно надвигалась эта новая грозовая буря. Златоустъ, обличая языческія мерзости, которыми сопровождалось открытіе статуи Евдоксіи въ воскресный день, выражалъ только чувство всѣхъ истинныхъ христіанъ своей столицы. Конечно, его обли-

ченія не могли бы послужить предметомъ такого страшнаго обвиненія, которое должно было повлечь за собой его полную гибель. Одни только Филиппъ и Калліасъ угадывали тайну. Калліасъ зналъ, что теперь уже ходили по рукамъ нѣкоторыя подложныя проповѣди, приписываемыя Златоусту. Онъ со скорбью подозрѣвалъ заговоръ между скорописцемъ Фокой и его покровителемъ Северіаномъ. Филиппъ вполнѣ соглашался съ нимъ и, порѣшивъ взять быка за рога, вмѣстѣ съ Евтихіемъ отправился къ Фокѣ. Филиппъ никогда не прибѣгалъ къ хитрости. Если онъ хотѣлъ добиться чего-нибудь, то всегда дѣлалъ это съ откровенной прямотой.

— Фока, сказалъ онъ, мы любимъ патріарха и имѣемъ основаніе опасаться, что теперешнее недовольство, направленное противъ него, навѣрно основывается на извращеніи того, что онъ дѣйствительно сказалъ о статуѣ императрицы. Не одолжишь ли ты намъ твоей буквальной записи?

— Чтобы ты могъ сравнить ее съ записью твоего друга Калліаса? сказалъ Фока съ оттѣнкомъ профессіональнаго соперничества, и нанести ущербъ моей репутаціи въ качествѣ скорописца въ его выгодѣ? — Покорно благодарю!..

— Вовсе нѣтъ, замѣтилъ Евтихій съ открытой улыбкой, обезоруживавшей всякое противодѣйствіе. Мы совсѣмъ не умѣемъ прибѣгать къ такимъ living козням. Филиппъ сказалъ тебѣ, что у насъ есть основаніе подозрѣвать, что для патріарха, котораго мы считаемъ своимъ отцомъ и благодѣтелемъ, подготовляется гибель посредствомъ подпольныхъ козней. Для насъ было бы очень важно предотвратить опасность; а этого мы достигнули бы, если бы при помощи двухъ записей—Калліаса и твоей вмѣстѣ—мы могли бы доказать, что онъ ничего не сказалъ оскорбительнаго для императрицы. Ни одинъ еще скорописецъ въ Константинополѣ не можетъ равняться съ вами двумя...

— А, этотъ молодецъ умѣетъ какъ льстить, смутившись сказалъ Фока.—Ну, хорошо, я покажу вамъ мою запись.

Они посмотрѣли эту запись и нашли, что, хотя во многихъ выраженіяхъ она нѣсколько и отличалась особымъ колоритомъ, однако, въ общемъ согласовалась съ записью ихъ друга Калліаса.

— Такъ эту вотъ самую запись, какъ говорятъ въ народѣ, Северіанъ и показалъ императрицѣ? спросилъ Филиппъ.

— Этого я не знаю, отвѣчалъ Фока; но Северіанъ во всякомъ случаѣ заплатилъ мнѣ за одинъ экземпляръ.

Они поблагодарили его и разстались добрыми друзьями. Но Филиппъ порѣшилъ произвести свое разслѣдованіе нѣсколько дальшѐ.

Онъ отправился къ Амантію; но хотя Амантій и былъ царедворцемъ Евдоксіи, однако та никогда не повѣряла ему своихъ тайнъ; поэтому онъ не могъ дать никакихъ свѣдѣній. Не могъ дать ихъ и Бризонъ. Онъ видѣлъ рукопись на столѣ въ комнатѣ императрицы и, судя по почерку, подумалъ, что она принадлежитъ Северіану. Больше онъ ничего не зналъ объ этомъ.

— Не можешь ли ты мнѣ позволить взглянуть на нее? спросилъ Филиппъ.

— Всякая попытка къ этому, мой добрый малецъ, могла бы просто стоить намъ нашихъ головъ. Я сомнѣваюсь, можетъ ли отсюда выйти что-нибудь доброе.

Планъ Филиппа такимъ образомъ не удался. Если Богъ не прикроетъ щитомъ своего покрова его возлюбленнаго отца, на предотвращеніе опасности уже не представлялось никакой надежды.

Епископы между тѣмъ по вызову спѣшили въ Константинополь; все это были старые враги Златоуста, еще болѣе настроенные противъ него его злѣйшими врагами или возстановленные противъ него подкупами и угрозами агентовъ Евдоксіи. Одинъ изъ нихъ, Ѳеодотъ тіанскій, убѣдившись, что его вызвали принять участіе не въ правильномъ судебномъ дѣлѣ, а въ заговорѣ, немедленно же уѣхалъ изъ столицы и возвратился въ свой діацезъ. Но такихъ честныхъ людей къ сожалѣнію было немного.

Близко уже былъ праздникъ Рождества Христова, а въ этотъ великій праздникъ императоръ и императрица всегда торжественно присутствовали за богослуженіемъ въ святой Софіи. Между тѣмъ теперь Аркадій объявилъ, что онъ не можетъ входить въ общеніе съ Златоустомъ, пока онъ не очиститъ себя отъ взводимыхъ на него тяжкихъ обвиненій. Златоустъ отвѣчалъ, что онъ давно уже самъ желалъ очистить себя и что если бы императоръ созвалъ свободный соборъ изъ безпристрастныхъ членовъ, то онъ съ полнѣйшею учтивостью явился бы для отвѣта передъ нимъ. Даже и передъ сомнительнымъ собраніемъ, которое невозможно было, въ

собственномъ смыслѣ, назвать соборомъ, онъ все-таки явился бы если бы ему ясно формулировали взведенныя на него обвиненія и допросили добросовѣстныхъ свидѣтелей.

Смѣлость, съ которой Іоаннъ Златоустъ утверждалъ свою невинность, встревожила его противниковъ. А что, если онъ въ самомъ дѣлѣ явится лично, и своей ненавистью, своимъ краснорѣчіемъ, своей популярностью, своими неотразимыми доказательствами, разнесетъ весь вздоръ и ложь, нагромождаемые его врагами, и послѣ этой бури сдѣлается еще болѣе непреодолимымъ, чѣмъ когда-либо? Это было бы вовсе неудобно для нихъ. Поэтому они письменно обратились къ Ѳеофилу за совѣтомъ. Тотъ съ свойственной ему казуистической находчивостью посовѣтовалъ имъ опереться на одно правило антіохійскаго собора 341 года, которымъ запрещалось епископу, низложенному соборомъ, возвращаться на свою каѳедру, пока онъ не будетъ возвращенъ другимъ соборомъ. По этому канону, отвѣтилъ Ѳеофилъ, Іоаннъ не имѣлъ ни малѣйшаго права даже пребывать въ Константинополѣ.

Златоустъ не приминулъ съ своей стороны дать отвѣтъ на такое обвиненіе, и отвѣтъ его былъ подавляющій. Соборъ придубскій, по его отзыву, былъ совершенно незаконный; онъ нарушилъ всѣ законы церковные, дисциплину, обычное право; онъ составленъ былъ изъ египетскихъ сторонниковъ Ѳеофила. Самыя засѣданія этого собора въ предѣлахъ его діацеса для суда надъ нимъ же самимъ были прямымъ нарушеніемъ правила никейскаго собора, на которомъ никто не настаивалъ сильнѣе самаго Ѳеофила.

Затѣмъ, даже если бы соборъ придубскій былъ законенъ, то его постановленіе въ свое время было отмѣнено гораздо болѣе многочисленнымъ соборомъ епископовъ, въ числѣ которыхъ было и семь митрополитовъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха.

Въ-третьихъ, возвращеніе патріарха съ того времени было уже одобрено и его невинность вполнѣ признана согласіемъ по меньшей мѣрѣ 60-ти епископовъ, почти двойнымъ числомъ противъ того числа епископовъ, которые подавали голоса при Дубѣ.

Въ-четвертыхъ, патріархъ не по своей собственной волѣ возвратился въ столицу, а былъ почти насильно возвращенъ своимъ народомъ и притомъ согласно съ императорскимъ повелѣніемъ.

Въ-пятыхъ, соборъ антіохійскій, издавшій приводимый про-

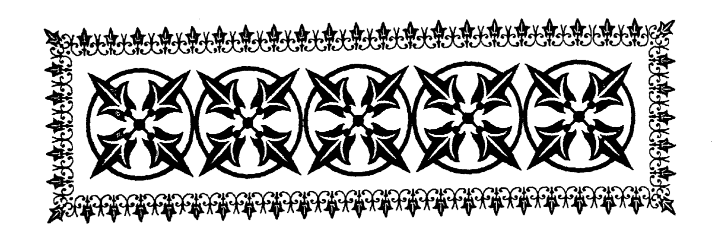
тивъ него канонъ, былъ соборомъ еретическимъ, авторитетъ котораго былъ отвергнутъ православной церковью, и самое значеніе этого канона находило для себя лучшее поясненіе въ томъ, что онъ былъ измышленъ, какъ орудіе гонительства съ цѣлью ниспроверженія святого Аѳанасія Великаго.

Противъ этихъ рѣшительныхъ доводовъ, новый соборъ не могъ ничего сдѣлать. Но наконецъ онъ порѣшилъ просить императора, чтобы онъ самъ выслушалъ это дѣло, какъ оно будетъ представлено десятью епископами съ обѣихъ сторонъ. Это публичное состязаніе состоялось. Но враждебная партія, чувствуя слабость своей аргументаціи, возмѣщала ее такимъ неприличнымъ шумомъ и гамомъ, что въ присутствіи самого императора не стѣснялась производить сцены грубыхъ насилій. Воспользовавшись минутнымъ затишьемъ въ этой яростной бурѣ, Елпидій, епископъ лаодикійскій, — престарѣлый и добродѣтельный іерархъ, убѣленный сѣдинами, почтенный по наружности, принимая сторону патріарха, сказалъ своимъ спокойнымъ голосомъ:

— Государь, не хочетъ ли Северіанъ и его партія подписать символъ этого собора антіохійскаго? Если они не могутъ этого, то значитъ соборъ еретическій и каноны его не дѣйствительны.

Противники патріарха были какъ громомъ поражены этимъ столь простымъ и неожиданнымъ предложеніемъ, которое съ улыбкой одобрилъ и самъ Аркадій. Враги патріарха молчали; но наконецъ они съ притворной смѣлостью заявили, что готовы подписать символъ вѣры собора антіохійскаго, и этимъ закончили состязаніе. Въ дѣйствительности же они никогда не посмѣли сдѣлать того, что обѣщали, и оправдывались подъ тѣмъ чудовищнымъ предлогомъ, что обѣщаніе-де это было вынуждено у нихъ силой.

Такой исходъ этого состязанія могъ бы казаться торжествомъ для патріарха; но онъ былъ безполезенъ. Евдоксія во чтобы то ни стало порѣшила изгнать Златоуста, — если не полузаконными мѣрами, то открытымъ насиліемъ. На сторонѣ силы должно быть и право и, если бы нѣкоторые изъ благорасположенныхъ епископовъ и отказались подчиниться угрозамъ или подкупамъ, то во всякомъ случаѣ патріархъ былъ бы изгнанъ, не смотря ни на какое, хотя бы дикое возмутительное нарушеніе всякой справедливости.

Глава L.

Продолжающаяся агонія.

ВРЕМЯ приблизилось къ великому посту, а дѣла все еще находились въ состояніи смутъ и неизвѣстности. Положеніе дѣлъ въ Константинополѣ было въ родѣ того, какъ если бы два войска въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наблюдали другъ за другомъ съ противоположныхъ высотъ, при чемъ ни одно не осмѣливалось напасть на другое, и казалось, не предвидѣлось никакой надежды на возстановленіе мира или на возможность возвращенія къ нормальному исполненію обязанностей.

Эта неопредѣленность положенія была особенно непріятна и даже опасна для тѣхъ враговъ патріарха, которыхъ не переставала разжигать своею яростью императрица Евдоксія. Вотъ уже приближалась Пасха, и враги великаго святителя боялись, какъ бы императоръ въ этотъ великій свѣтлый праздникъ не надумалъ отправиться въ храмъ святой Софіи и не поддался впечатлѣнію той горячей любви и преданности, съ которой народъ относился къ своему великому пастырю. Это нужно было отвратить во что бы то ни стало.—Они отправились къ Аркадію, предводимые по обычаю Северіаномъ и просили его, что такъ какъ Златоустъ уже совершенно низложенъ и осужденъ двумя соборами, то его слѣдовало бы совсѣмъ изгнать изъ церкви. Но дѣйствительно ли Златоустъ былъ такъ низложенъ, такъ осужденъ? Аркадій, даже при

своемъ довольно смутномъ умѣ, чувствовалъ значительныя сомнѣнія въ истинѣ этого утвержденія, но поколебался прямо выразить ихъ.

— Повѣрь намъ, государь, говорилъ Северіанъ; мы епископы, а истинный епископъ не можетъ говорить ложь.

Это зависитъ оттого, кого ты называешь истиннымъ епископомъ, подумалъ Аркадій; но онъ по обычаю поддался вліянію того, кто говорилъ послѣднимъ, и обыкновенно принималъ такой образъ дѣйствій, который въ данный моментъ причинялъ ему меньше хлопотъ. Поэтому онъ, уступая настоянію враговъ, послалъ сообщить Златоусту, что, такъ какъ онъ осужденъ, то долженъ удалиться изъ своей церкви.

— Я принялъ церковь отъ Бога, моего Искупителя, для попеченія о Его народѣ; поэтому я не могу оставить ее. Но если ты хочешь изгнать меня силой, то я, конечно, въ твоей власти.

— Аркадій колебался. «Пожалуй, сказалъ онъ, можетъ произойти опять землетрясеніе. Я просто заключу его въ патріархію, и затѣмъ, если Богъ обнаружитъ свой гнѣвъ, то я въ состояніи буду немедленно возвратить его въ церковь.

Вотъ поистинѣ значило просить знаменія! Патріархъ могъ бы оспаривать право императора на такое дѣйствіе и не исполнить такого повелѣнія, такъ какъ оно ставило его въ положеніе узника въ своемъ собственномъ домѣ. Притомъ было очевидно, что народъ находился въ возбужденномъ состояніи. Поэтому, опасаясь какого-нибудь страшнаго взрыва гнѣва съ его стороны въ случаѣ насилія надъ патріархомъ, котораго такъ глубоко любилъ народъ, Аркадій рѣшительно разстроился. Не зная что дѣлать, онъ послалъ за Акакіемъ и Антіохомъ. Онъ не хотѣлъ посылать за Северіаномъ, который рѣшительно возбудилъ въ немъ отвращеніе, хотя продолжалъ быть постояннымъ агентомъ Евдоксіи. Призванные епископы дали совѣтъ императору низложить патріарха.

Подобно Пилату, онъ все еще колебался, зато они подобно Аннѣ и Каіафѣ воскликнули: «пусть на насъ будетъ его вина».

Было однако еще 40 такихъ епископовъ, которые находились въ постоянномъ общеніи съ патріархомъ, и они порѣшили сдѣлать еще одно усиліе съ цѣлью спасти его. Къ несчастію, какъ и всегда, доброе дѣло лишь немногихъ подвигаетъ къ особой пред-

пріимчивости, между тѣмъ какъ сторонники зла всегда проявляютъ необычайную ревность къ достиженію всѣхъ своихъ злыхъ цѣлей. Діаволъ обыкновенно получаетъ отъ своихъ слугъ чрезвычайно ревностное служеніе, котораго часто недостаетъ служителямъ Христа. Люди, сдѣлавшіеся рабами зависти, обыкновенно скачутъ къ достиженію своихъ цѣлей, какъ кони подъ ударами хлыста, между тѣмъ какъ при трубномъ гласѣ долга они ползутъ подобно черепахѣ. Поэтому и противники патріарха вели свое дѣло съ необычайной ревностью, между тѣмъ какъ сторонники ограничивались лишь негодующимъ восклицаніемъ: «Что за позоръ»!

Приверженцы и почитатели Іоанна Златоуста, которыхъ теперь насмѣшливо стали звать «Іоаннитами», услышали, что императоръ и императрица намѣрены были отправиться на моленіе въ церковь мучениковъ, и немедленно всѣ вмѣстѣ отправились встрѣтить ихъ тамъ. Со слезами упрашивали они ихъ Величества возстановить пастыря церкви—ради великаго святого праздника. Однако имъ данъ былъ короткій и рѣзкій отказъ, потому что рядомъ съ болѣе податливымъ Аркадіемъ, сидѣлъ его злой геній, въ лицѣ Евдоксіи. Тогда епископъ кратійскій Павелъ, смѣло воскликнулъ:

— Евдоксія, побойся ты Бога! Сжалься надъ твоими дѣтьми! Не омрачай кровопролитіемъ свѣтлаго праздника нашего Господа!

Но все было напрасно! И эта дерзновенная мольба разбилась въ дребезги, подобно волнѣ, о скалу ея смертельной ненависти. Она ни за что не хотѣла теперь уступить, и еще болѣе ожесточилась, подготовляя надъ своей головой тотъ приговоръ, который скоро произнесенъ былъ надъ нею.

Канунъ Пасхи былъ обыновенно тѣмъ временемъ, когда особенно много совершалось крещеній. Въ канунъ именно этой Пасхи 404 года приготовились принять крещеніе и вступить въ церковь Божію не менѣе 3,000 человѣкъ, и всѣ эти оглашаемые собрались въ крещальнѣ. Началось уже богослуженіе, и среди восторженныхъ пѣсенъ святого радованія, одѣтые въ бѣлые одежды новопосвящаемые готовы были при свѣтѣ многочисленныхъ свѣтильниковъ вступить въ священную баню возрожденія. Какъ разъ именно въ этотъ моментъ духовнаго творчества врагъ Златоуста, съ отрядомъ войска, услужливо доставленнаго императрицей, вор-

вались въ церковь съ цѣлью овладѣть ею, и на праздникъ Пасхи отнять ее у патріарха. Произошло страшное смятеніе. Грубые воины бросились на крещаемыхъ. Многіе изъ нихъ были женщины, не мало было мальчиковъ и дѣвочекъ, большинство изъ нихъ уже были раздѣты, приготовившись къ погруженію, въ купель, и вотъ, устрашенные теперь этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, они принуждены были поспѣшно придаться бѣгству, не имѣя даже времени захватить съ собой самыхъ необходимыхъ одеждъ. Священники и діаконы, совершавшіе таинство, были схвачены и на нихъ порваны были ихъ священныя одежды; многіе изъ нихъ были серьезно ранены, и прозрачная вода купели обагрилась ужаснымъ цвѣтомъ крови. Воины между тѣмъ предавшись грабежу, осквернили святой престолъ, и доспѣхи легіонеровъ обагрились виномъ, разлившимся изъ опрокинутой чаши святого причащенія...

Несмотря на столь ужасное попраненіе всякой святыни, вѣрная паства Златоуста, разбѣжалась изъ крещальни и собралась въ Константиновыхъ баняхъ, чтобы закончить священный обрядъ таинства. Было уже за полночь, и ничто не могло сильнѣе озадачить враговъ патріарха, какъ то обстоятельство, что императоръ, прибывъ на слѣдующее утро въ соборный храмъ, нашелъ его совершенно оставленнымъ, такъ какъ народъ, лишенный своего истиннаго пастыря, не хотѣлъ итти въ этотъ храмъ. Поэтому они порѣшили согнать народъ въ святую Софію силой, и просили Аркадія, чтобы онъ далъ имъ отрядъ войска для исполненія ихъ возмутительнаго дѣла. Боясь ярости страшной для него Евдоксіи, безпомощный императоръ согласился и на эту просьбу. Еще разъ дворцовое войско двинулось на нечестивое дѣло. Отрядъ фракійскихъ щитоносцевъ штурмовалъ церковь, которая наскоро устроена была оглашенными въ баняхъ Константина. Ихъ предводителю Люцію Аркадій наказалъ воздерживаться отъ всякихъ насилій, и такъ какъ крещаемые не расходились, то, подкупленный врагами патріарха, онъ порѣшилъ употреблять силу. Сказано-сдѣлано, и онъ, подавая примѣръ своимъ грубымъ фракійцамъ, самъ, ворвавшись въ церковь съ плетью въ рукахъ, началъ безпощадно избивать ею всѣхъ попадавшихся ему подъ руку, не различая ни старцевъ, ни молодыхъ, ни юношей, ни дѣвъ, ни духовенства, ни мірянъ. По-

слѣдовали съ высшей степени возмутительныя сцены. Всѣ собравшіеся были разогнаны, многіе потерпѣли ужасныя раны, духовенство подвергалось жестокимъ побоямъ, и воины, предавшись грабежу, хватали все, не исключая и священныхъ сосудовъ. На слѣдующее утро на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ были выставлены объявленія, въ которыхъ подъ страхомъ величайшаго наказанія высказывалось требованіе, чтобы всѣ отказались отъ общенія съ Златоустомъ.

Но вѣрные пасомые все еще не падали духомъ. Они не хотѣли оставить своего гонимаго патріарха и не желали подчиниться злой фалангѣ его враговъ. Не имѣя возможности совершать богослуженіе въ святой Софіи, они массой вышли за городъ, чтобы совершать богослуженіе подъ тѣнью зеленѣющихъ деревъ на отлогостяхъ лѣсистыхъ холмовъ, на томъ мѣстѣ, которое нѣкогда отведено было Константиномъ для цирковыхъ увеселеній. Случилось, что императоръ также отправился въ одну церковь, находящуюся за городомъ, для пасхальнаго богослуженія, и при своемъ возвращеніи, замѣтивъ огромную толпу одѣтыхъ въ бѣлое одѣяніе оглашаемыхъ и другихъ богомольцевъ, съ удивленіемъ спросилъ: «кто это такіе?» — «О, это еретики», сказалъ кто-то изъ его дерзкихъ на ложь приближенныхъ. Когда онъ возвратился, то Северіанъ со своими сообщниками просилъ у него позволенія разсѣять этихъ еретиковъ и схватить ихъ учителей. Позволеніе было дано, и вотъ опять императорскіе спермидоны, радуясь новому случаю удовлетворить свою злобу, напали на невинныхъ богомольцевъ, звѣрски вырывали цѣнныя серьги изъ ушей женщинъ, часто отрывая вмѣстѣ съ ними и части самыхъ ушей. Духовенство, знатные міряне и выдающіеся члены паствы были схвачены и заключены въ самую обыкновенную тюрьму. Вслѣдствіе этого самая тюрьма превратилась въ церковь и оглашалась священнымъ пѣснопѣніемъ. Несмотря на это огромныя массы народа оставались непоколебимыми въ своей преданности патріарху, за дѣло котораго народъ готовъ былъ потерпѣть даже мученичество.

Таковы-то были извѣстія, которыя одно за другимъ до глубины души омрачали сердце Златоуста и всѣхъ его окружавшихъ и благорасположенныхъ къ нему іерарховъ, и не трудно представить себѣ, что и всѣ трое молодыхъ людей — Филиппъ, Калліасъ

и Евтихій также удручены были тяжелой скорбью, которая глубоко омрачала ихъ настроеніе.

— Отецъ мой, сказалъ Филиппъ; эта жизнь навѣрно невыразимо тягостна для тебя, наши сердца обливаются кровью за тебя!

— Нѣтъ, зачѣмъ говорить, что нѐвыразимо тягостна, отвѣчалъ патріархъ, или даже, что въ самой неизвѣстности положенія заключается тяжелое испытаніе. Я не первый изъ служителей Христа и, вѣроятно, буду не послѣднимъ изъ тѣхъ многихъ милліоновъ, которые убѣждаются, что истинное бѣдствіе состоитъ въ самой жизни на землѣ. Іовъ тысячи лѣтъ тому назадъ позналъ опытомъ, что «человѣкъ рожденъ для скорби и исчезаетъ какъ искра, улетающая вверхъ». Все свое личное несчастіе я могу переносить съ твердостью; но что удручаетъ меня, такъ это скорби о церкви и скорбь о моемъ народѣ. Онъ теперь подобенъ виноградннку, который опустошается цѣлымъ стадомъ дикихъ звѣрей, и трудно сказать, чѣмъ все это кончится?—Но навѣрно близокъ уже конецъ...

О, если бы у меня былъ даръ прозорливости, какимъ обладалъ Михаилъ, — сказалъ Филиппъ. — Онъ предостерегалъ насъ о приближающихся бѣдствіяхъ!

— Нѣтъ, къ чему предсказанія, Филиппъ мой? Рано ли, поздно ли — «скажите праведнику, благо будетъ ему», но намъ сказано, что стократная награда будетъ тому, кто претерпитъ гоненіе до конца...

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, на улицѣ послышался шумъ отъ какого-то смятенія. Филиппъ побѣжалъ узнать, что это такое, и скоро узналъ. Оказалось, что какой-то человѣкъ, притворившись помѣшаннымъ, пробрался ко входу патріархіи и обнажилъ огромный ножъ, которымъ намѣревался умертвить Златоуста. Онъ былъ схваченъ и былъ бы разорванъ народомъ на куски; но патріархъ послалъ Филиппа къ городскому профекту, находившемуся неподалеку. Человѣкъ этотъ былъ схваченъ съ окровавленными руками. Никто не сомнѣвался въ томъ, что это сумашествіе было притворное и что онъ былъ агентомъ какого-нибудь сатанинскаго замысла враговъ, жаждавшихъ крови патріарха. Префектъ, приказалъ допросить его подъ пыткой; но еще

раньше, чѣмъ онъ былъ преданъ пыткѣ, Златоустъ послалъ нѣсколькихъ епископовъ походатайствовать объ его освобожденіи. Онъ все еще надѣялся, даже когда не было никакой надежды на то, что враги его могутъ устыдиться, въ виду такого его безграничнаго всепрощенія...

Но надежда его была тщетна! Вскорѣ послѣ этого именно дѣла безграничнаго прощенія, Евтихій вбѣжалъ съ блѣднымъ лицомъ сообщить Филиппу и Калліасу, что какой-то убійца съ кинжаломъ въ рукахъ ворвался въ ѳомаиту. Молодые люди немедленно вскочили и Филиппъ схватилъ палку, которую, въ это опасное время, онъ считалъ не лишнимъ постоянно держать въ углу своей комнаты. Въ большой палатѣ происходила сцена невообразимаго ужаса и смятенія. Какой-то рабъ съ кинжаломъ въ рукахъ дѣйствительно пробрался въ палату и, будучи остановленъ однимъ изъ служителей патріархіи, пронзилъ его. Онъ затѣмъ ранилъ и второго человѣка, который съ громкими криками бросился на него. Случайно вошелъ еще одинъ человѣкъ, который пытался также остановить его, но разъяренный злодѣй повалилъ и его на землю своимъ смертоноснымъ оружіемъ. Произошелъ общій переполохъ, и злодѣй, бросившись бѣжать, съ неудержимой яростью нанесъ болѣе или менѣе тяжелыя раны и еще четыремъ другимъ лицамъ, такъ что когда молодые люди вбѣжали въ комнату, то убійца — уже убилъ и ранилъ семь человѣкъ изъ домочадцевъ патріарха.

Бросившись на него, Филиппъ, изо всей силы нанесъ ему ударъ своей увѣсистой палкой въ плечо. Ударъ былъ такъ силенъ и удаченъ, что злодѣй повалился отъ него на полъ. Въ это время Калліасъ схватилъ его за правую руку, нанесъ ему ударъ въ високъ и выхватилъ у него изъ руки кинжалъ, съ котораго капала кровь. Избитый и обезоруженный онъ былъ связанъ и затѣмъ приведенъ къ патріарху.

Сознавая свою страшную виновность, негодяй, обнаружившій достаточно смѣлости въ самомъ способѣ своего нападенія, пришелъ въ неописанное смущеніе въ присутствіи великаго патріарха, котораго онъ намѣтилъ своей жертвой. Колѣна у него тряслись, лицо покрылось мертвенной блѣдностью и самые зубы отъ страха стучали настолько, что дѣлали почти невнятнымъ то, что онъ хотѣлъ сказать. Ему казалось, что патріархъ можетъ на смерть убить

его однимъ своимъ взглядомъ или однимъ мановеніемъ руки положить на него проклятіе, поразить отвратительной проказой и подвергнуть его всѣмъ ужасамъ ада.

— Прости, прости, прости! кричалъ онъ. Это не мое дѣло: меня послали убить тебя; я получилъ деньги за это...

— За какую же цѣну продалъ ты свою несчастную душу? спросилъ Златоустъ.

— За пятьдесятъ червонцевъ.

— Принесли ли пользу Іудѣ тридцать сребренниковъ, за которые онъ продалъ своего Господа?

— О, не посылай меня въ адъ, закричалъ опять несчастный злодѣй, пытаясь броситься въ ноги патріарху и вымолить себѣ незаслуженное прощеніе.

— Я не такъ худъ, какъ тотъ, кто послалъ меня!

— Кто же послалъ тебя?

— Одинъ изъ твоихъ враговъ.

— Скажи, кто же это, ты негодный убійца! воскликнулъ Филиппъ, схвативъ его за волосы.

— Помягче, Филиппъ, помягче,—сказалъ патріархъ.

— Да; но, отецъ мой, четыре убитыхъ этимъ негодяемъ невинныхъ жертвы лежатъ мертвыми вонъ тамъ на полу, и какъ знать, быть можетъ, и еще трое другихъ, тяжело раненые, также не переживутъ этихъ ранъ?

— Я скажу тебѣ, кто подкупилъ меня умертвить тебя, мрачно сказалъ злодѣй. Это — пресвитеръ Елпидій. Я его рабъ. Если присвитеръ подкупаетъ рабовъ къ убійству, то какъ можетъ противиться этому невѣжественный рабъ? Прокляни его, прокляни его! Богъ да проклянетъ его! — бормоталъ онъ.

— Его преступленіе больше твоего, сказалъ Златоустъ; что касается твоего покушенія на мою жизнь, то я прощаю тебя. Да проститъ тебя и Богъ также! Но ты умертвилъ четырехъ, быть можетъ, даже семь невинныхъ людей, и было бы грѣхомъ отпустить тебя. Возьмите его къ префекту!

— О, негодный убійца,— скрежеща зубами, воскликнулъ Филиппъ, я не ручаюсь за себя, что доведу тебя цѣлымъ до судьи. Скажи твоему господину, если ты когда опять увидишь его лицомъ къ лицу, что онъ безконечно болѣе негодная тварь, чѣмъ ты.

Надѣюсь, что онъ никогда не попадется мнѣ навстрѣчу, а то я не совладаю съ собой, чтобы не задушить его.

— Филиппъ, Филиппъ, сказалъ Златоустъ до крайности взволнованному молодому человѣку; ты — христіанинъ, истинный христіанинъ; не выходи изъ себя даже ради меня! «Гнѣвъ человѣка не содѣлываетъ правды Божіей».

— Прости меня, отецъ мой, опускаясь на колѣна, отвѣчалъ Филиппъ. Извини и прости меня. Благослови меня, именно меня отецъ мой!..

— Да, сынъ мой, ты заслуживаешь прощенія. Твой гнѣвъ вышелъ изъ благородства. Только пусть онъ не воспламеняется больше. Я даю тебѣ наилучшее благословеніе. Богъ да вознаградитъ тебя за правду и любовь ко мнѣ. Міръ оставляетъ меня, но ты...

Онъ не могъ закончить своей фразы.

— Мы всѣ, я, Евтихій и Калліасъ — да и нѣкоторые изъ епископовъ и духовенства, никогда не оставимъ тебя, даже до смерти, — съ рыданіемъ проговорилъ взволнованный юноша.

Между тѣмъ народъ въ Константинополѣ, сознавая, что жизнь его великаго святителя не была болѣе безопасной отъ неистовой ярости Евдоксіи и кровожадной злобы другихъ враговъ его, порѣшилъ охранять его денно и нощно, и защищать его, какъ народъ медіоланскій нѣкогда защищалъ своего Амвросія. Народъ образовалъ изъ себя особыя очередныя стражи, и каждая стража въ свое время охраняла всѣ частныя и общественныя ворота, ведшія въ домъ патріарха.

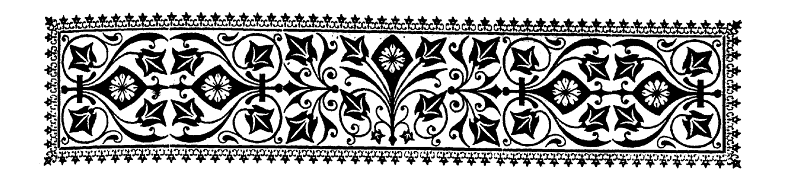
Но жизнь Амвросія оказалось нужнымъ защищать только въ теченіе нѣсколькихъ дней. Между тѣмъ теперь было иное: приходилось постоянно охранять народу своего возлюбленнаго святителя въ его домѣ отъ окружающихъ его властныхъ враговъ. А это было дѣло невозможное. Да и самая церковь столицы не могла долго оставаться въ этомъ состояніи страшнаго возбужденія. Уже то обстоятельство, что ни Елпидій, ни рабъ, котораго онъ подкупилъ умертвить Златоуста и который въ дѣйствительности умертвилъ нѣсколько невинныхъ людей, не были наказаны, свидѣтельствовало о страшномъ упадкѣ императорской справедливости; но Златоустъ все еще былъ живъ, все еще оставался патріархомъ! Для кипѣв-

шихъ яростью враговъ его становилось невыносимо, что они не въ состояніи были воспользоваться добычей своей побѣды, да и ярость Евдоксіи и окружавшихъ ее Іезавелей все еще не насытилась мщеніемъ. Въ такомъ мрачномъ и неопредѣленномъ положеніи дѣло оставалось отъ Пасхи до Троицы. Никто глубже самого Златоуста не сознавалъ, что такъ дѣло не могло продолжаться. Онъ уже въ тайнѣ помышлялъ отдать себя въ жертву не насытной ярости своихъ враговъ, жаждавшихъ его крови. Такъ какъ ихъ ненависть была неумолима, то онъ порѣшилъ добровольно покончить это печальное состояніе и уступить мѣсто другому. Его отнюдь нисколько не смущало предстоявшее лишеніе сана или положенія. Не смутился бы онъ даже и тѣмъ, если бы его силой удалили изъ его дома или съ его каѳедры: онъ ужъ готовъ былъ принесть свою жизнь въ жертву и, если Богу было угодно, то онъ съ совершенно спокойной совѣстью могъ совершить это дѣло самопожертвованія. Одно только онъ хотѣлъ сохранить до смерти, именно свою незапятнанную невинность, какъ наилучшее свидѣтельство о томъ, что на его душѣ не было такихъ преступленій, за которыя онъ долженъ бы отвѣчать предъ Богомъ или людьми.

Между тѣмъ, не видя ни малѣйшаго просвѣта въ мрачномъ состояніи восточной церкви, онъ порѣшилъ обратиться за помощью къ своимъ собратьямъ-епископамъ западной церкви. Поэтому онъ написалъ письма: римскому епископу Иннокентію I, Хроматію епископу аквилейскому и Венерію, занимавшему теперь престолъ епископа медіоланскаго. У него очевидно была надежда, что епископы, стоявшіе вдали отъ низменныхъ козней, которыми омрачалъ миръ церкви Ѳеофилъ со своими сообщниками, съумѣютъ образумить заносчивость полуварварской императрицы, теперь стоявшей во главѣ всего этого страшнаго заговора. Въ своемъ посланіи онъ, описавъ всѣ тѣ ужасы смятеній и гоненій, которымъ подвергалась церковь константинопольская, умолялъ ихъ положить конецъ этому невыносимому состоянію, объявить произнесенное надъ нимъ осужденіе неправильнымъ и не имѣвшимъ законнаго основанія и высказать укоры тѣмъ, которые, совершая всѣ эти беззаконія, относились къ нему даже съ бо́льшею несправедливостью, чѣмъ какую позволили бы себѣ совершить какіе-нибудь скиѳы или сарматы.

Чтобы отправить это письмо по назначенію, для этого нуженъ былъ какой-нибудь смѣлый и надежный человѣкъ. Такъ какъ движенія какого-нибудь епископа или діакона, враги не преминули бы, со свойственной имъ пронырливостью, услѣдить и такимъ образомъ воспрепятствовали бы достиженію цѣли, то онъ порѣшилъ послать Калліаса, къ которому относился съ самымъ теплымъ участіемъ. Калліасу можно было вручить письма тайно; его движеніе, какъ простого молодого человѣка, не могли возбуждать подозрѣній, его способность, какъ скорописца, могла при этомъ оказаться полезной, а его безпорочный, благородный характеръ могъ давать ему возможность выходить изъ всякихъ затрудненій. Евтихій былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ. Можно бы, пожалуй, послать Филиппа; но въ теперешнее смутное время нельзя было обойтись безъ него. Поэтому Калліасу именно поручено было побывать у трехъ главнѣйшихъ западныхъ епископовъ, которымъ адресованы были письма, а затѣмъ также повидать и другихъ выдающихся іерарховъ, къ которымъ можно было получить доступъ; а если окажется возможнымъ, то возбудить симпатію и великаго Стилихона и даже самого императора Гонорія. Всѣ подробности были предоставлены его собственной смѣтливости, а для покрытія всѣхъ расходовъ ему дана была надлежащая сумма денегъ. Калліасъ, прежде чѣмъ отправиться, имѣлъ продолжительный разговоръ съ Филиппомъ и они согласились между собой, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, посылать извѣстія о своихъ дѣйствіяхъ и о состояніи дѣлъ.

ГЛАВА LI.

Изгнаніе.

Ъ ТАКОМЪ печальномъ положеніи дѣло продолжалось до Троицы. Около патріарха то и дѣло происходили самыя грубыя сцены насилія, такъ какъ гражданскіе сановники, поощряемые неукротимой яростью Евдоксіи и ея злобныхъ прислужниковъ, не останавливались даже передъ оскорбленіемъ святилища Божія. Яростныя ругательства, крики мучимыхъ, лязгъ мечей,— все это нерѣдко раздавалось даже въ церквахъ, когда черезъ чуръ усердные прислужники двора старались заставить вѣрный народъ отречься отъ своего великаго святителя, къ которому они питали непреодолимую любовь. Многимъ невольно вспоминались слова Евангелія: «будутъ знаменія въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ; и на землѣ будутъ бѣдствія народовъ отъ ярящагося моря и волнъ; сердца людей упадутъ отъ страха и ожиданія того, что́ придетъ на міръ, ибо и силы небесныя поколеблются». И страхъ народа былъ не безоснователенъ. Пораненіе, низложеніе, изгнаніе и мученичество (вѣдь по своимъ конечнымъ цѣлямъ это было истинное мученичество) святого патріарха Константинопольскаго повело къ величайшимъ послѣдствіямъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. На западѣ это событіе содѣйствовало установленію вліянія римскаго епископа, которое во многихъ отношеніяхъ было полезно для человѣчества, прежде чѣмъ оно, искаженное подложными дарственными грамотами и лжедекреталіями,

не перешло въ жестокую и пагубную тираннію. На востокѣ это событіе повергло церковь въ тяжелое рабство, въ которомъ она надолго потеряла возможность быть безбоязненной обличительницей роскоши и угнетенія, и сдѣлалась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ капризныхъ деспотовъ.

Дни тревоги, смутъ и богохульства, въ теченіе которыхъ, выражаясь образомъ пророковъ, дѣти приближались къ рожденію, и однако матери не имѣли силы родить ихъ, медленно тянулись среди всевозможныхъ ужасовъ и покушеній на убійство до Духова дня, 5-го іюня 404 года, Евдоксія со своими прислужниками чувствовала, что откладывать дальше завершеніе своего замысла было бы не безопасно. Даже при полнотѣ своего самовластія она чувствовала страхъ виновности, которая трепещетъ передъ безоружной невинностью. Безграничная преданность народа къ своему патріарху могла мало-по-малу восторжествовать надъ трусливой совѣстливостью императора. Затѣянныя ими гнусныя покушенія на убійство не удались; могло даже случиться, что правда наконецъ восторжествуетъ, и такимъ образомъ, вся темная паутина лжи и подкуповъ могла безслѣдно разорваться. Аркадій, опасаясь, какъ бы преступленіе, совершенное по его попустительству посредствомъ обвиненія, которое, какъ онъ зналъ, было плодомъ клятвопреступничества и неукротимой ненависти, не навлекло новаго наказанія свыше, ожидалъ какого-нибудь знаменательнаго затменія или землетрясенія, которое бы опять навело страхъ на Евдоксію. Это дало бы ему поводъ уволить созванныхъ на соборъ епископовъ въ свои епархіи и возстановить Златоуста на его патріаршій престолъ.

Но во время этихъ знойныхъ іюньскихъ дней ни громъ не раздавался, ни разражалась буря, которая хоть сколько-нибудь нарушила бы лазурную тишь раскаленнаго неба.

Между тѣмъ императрица, съ свойственной ей непреклонной назойливостью, не переставала отравлять Аркадію жизнь своими просьбами, хотя онъ уже давно отказался отъ всякой дѣйствительной власти. Наконецъ его образъ дѣйствій былъ рѣшенъ четырьмя худшими врагами Златоуста, которые были вождями партіи Евдоксіи. Это были Антоній, Акакій, Киринъ и Северіанъ, которые, по наущенію Евдоксіи, попросили аудіенціи и являлись къ императору. Аркадій, конечно, не могъ выстоять противъ этихъ

вліятельныхъ сановниковъ, хотя онъ своимъ вялымъ умомъ и проникалъ въ глубину ихъ коварства.

— Государь, сказали они ему со свойственной имъ лестью и двоедушіемъ, ты назначенъ отъ Бога правителемъ для того, чтобы всѣ мы повиновались тебѣ, чтобы ты дѣйствовалъ согласно съ твоей волей. Не будь же болѣе сострадательнымъ, чѣмъ священники, болѣе святымъ, чѣмъ епископы. Мы передъ всѣмъ міромъ объявили: Да будетъ низложеніе Іоанна на нашихъ головахъ». Не губи же насъ всѣхъ изъ за того, чтобы тебѣ пощадить одного».

— Ну, хорошо, отвѣчалъ императоръ; если преступленіе ваше, то и наказаніе будетъ вамъ. Я считаю Іоанна невиннымъ и православнымъ; если вы заставляете меня оскорбить небо совершеніемъ несправедливости противъ него, то пусть кровь его падетъ на ваши головы.

Тогда они въ своей зачерствѣлой совѣсти не постыдились повторить то же самое, что нѣкогда разъяренные враги сказали о самомъ Христѣ: кровь его да будетъ на насъ и на дѣтяхъ нашихъ», и Аркадію, подобно Пилату, оставалось умыть свои руки въ этомъ дѣлѣ и сказать: «я неповиненъ въ крови сего праведника, смотрите вы!»..

Въ полдень этого же дня патрицій, главный нотарій императора принесъ патріарху письменный указъ, въ которомъ было сказано: «четыре епископа принимаютъ на себя отвѣтственность за твое низложеніе; поручи твое дѣло Богу и удались отсюда безъ замедленія».

«Поручи твое дѣло Богу!» Даже въ этой фразѣ императоръ обнаружилъ, что его указъ былъ плодомъ не его собственныхъ убѣжденій, а его безсилія...

Указъ этотъ, конечно, какъ нужно было думать, былъ окончательный, и это дѣйствительно такъ и было. Самъ Златоустъ глубоко скорбѣлъ по поводу позорившихъ св. церковь смутъ и старался положить имъ конецъ, такъ какъ иначе онѣ могли привесть къ невообразимымъ ужасамъ. Онъ считалъ своимъ долгомъ, въ случаѣ крайности, повиноваться властямъ. Въ патріархіи около него собрались многіе епископы и преданное ему духовенство. Онъ прочиталъ имъ посланіе императора и сказалъ, что намѣ-

ренъ черезъ нѣсколько минутъ пойти вмѣстѣ съ ними въ соборъ и оттуда удалиться, куда указано будетъ волей Отца небеснаго.

Затѣмъ онъ ушелъ въ свою комнату и позвалъ къ себѣ Филиппа и Евтихія.

— Дѣти мои, сказалъ онъ имъ, съ усиліемъ подавляя волновавшее ихъ глубокое чувство,— назначенный часъ пробилъ: императоръ прислалъ мнѣ указъ объ изгнаніи, которому я не могу противиться больше и удаляюсь отсюда. Какой-то голосъ говоритъ мнѣ, что, когда черезъ нѣсколько моментовъ я оставлю это жилище, которое сегодня называютъ моимъ дворцомъ, то оставлю его навсегда. Въ моемъ жилищѣ уже никогда не увидятъ меня больше. Я предаю себя въ руки Божіи; Его да будетъ воля, а не моя!

Онъ остановился, чтобы не поддаться безутѣшному плачу, потому что оба молодые люди стали на колѣна у его ногъ и, не въ силахъ будучи говорить, безмолвно цѣловали ему руки, омывая ихъ своими горючими слезами.

Нѣжно освободивъ свои руки, онъ съ благословеніемъ положилъ ихъ на черные локоны Филиппа и на короткіе свѣтлые волосы Евтихія.

— Мои возлюбленныя и дорогія дѣти, сказалъ онъ; я изо дня въ день видѣлъ вашу доброту, вашу вѣрность, вашу любовь ко мнѣ. Мнѣ тяжелѣе и больнѣе разстаться съ вами, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было. Вы были всецѣло преданы мнѣ. Возлюбленный Филиппъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ты озарялъ мои дни, и облегчалъ мои труды. Я всегда былъ увѣренъ, что все, что бы я ни поручалъ тебѣ,— все будетъ сдѣлано и сдѣлано хорошо. Мнѣ стоило только сказать тебѣ о дѣлѣ, и я могъ совершенно забыть о томъ. А ты, дорогой Евтихій, я радовался при видѣ того, какъ ты возрастаешь въ благочестіи, подобно цвѣтку розы въ весеннее время года и подобно лиліямъ у потоковъ водъ. Прощайте, прощайте, мои дѣти! Богъ милосердія и мира да будетъ съ вами!

Они преклонили свои головы и закрыли лица руками, и онъ сдѣлалъ надъ ними знаменіе благословенія; но затѣмъ Филиппъ порывисто вскричалъ:

— Нѣтъ, отецъ мой, не приказывай намъ оставить тебя! Мы пойдемъ, куда ты пойдешь; мы готовы умереть, гдѣ будешь ты

умирать. Какъ твой Богъ есть нашъ Богъ, такъ и твои испытанія да будутъ нашими испытаніями.

— Нѣтъ, не такъ, дѣти мои, ласково сказалъ онъ. Ваше сочувствіе, ваша служба дѣйствительно были бы для меня безграничнымъ утѣшеніемъ. Но какъ я могу допустить, чтобы ваша юность увяла ради меня? Я человѣкъ старый, дни моей жизни сочтены, дѣло мое сдѣлано; враги мои восторжествовали. Я иду, подобно апостолу Павлу, не зная ничего, кромѣ того, что въ каждомъ городѣ ожидаютъ меня узы и тюремныя заключенія. Мрачные дни, о которыхъ предсказывалъ Михаилъ, настали. Я не знаю, сверкнетъ ли для меня въ этомъ мірѣ даже слабый лучъ радости; но что касается васъ, то проводите вашу жизнь въ вѣрѣ и страхѣ Божіемъ и да дастъ Онъ вамъ, по своей благости, много счастливыхъ дней.

— Мы не можемъ оставить тебя, отецъ нашъ, съ рыданіемъ воскликнулъ Евтихій. Лучше пытки и гоненія съ тобой, чѣмъ сознаніе, что ты въ тревогѣ и скорби, а мы далеко отъ тебя и ничего не можемъ сдѣлать для облегченія твоей скорби!..

— Ахъ, дорогой мой сынъ Евтихій, этого не можетъ быть, сказалъ патріархъ; этого не позволили бы даже, если бы я пожелалъ. Утѣшься, сынъ мой! Для меня достаточно знать, что вы счастливы и это для меня будетъ большимъ утѣшеніемъ, чѣмъ видѣть, какъ ваша молодая жизнь гибнетъ ради меня отъ преждевременной скорби. Но ахъ! перестаньте, перестаньте, дѣти мои! Своимъ плачемъ вы надрываете мнѣ сердце. Вѣрьте мнѣ, даже въ этотъ часъ, даже среди моей скорби, я счастливъ, потому что чувствую свою невинность. Если вамъ придется страдать, то да будетъ и вамъ также дано познать и почувствовать, что страдать съ Христомъ — не значитъ страдать...

Но увидѣвъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ говорить, онъ совершенно спокойно прибавилъ:

— Нѣтъ, дѣти мои, не предавайтесь слишкомъ скорби. Дѣлать такъ значило бы сомнѣваться въ благости Божіей. Ты, Филиппъ, останешься здѣсь, чтобы присматривать за моимъ скромнымъ имуществомъ, а также позаботься о томъ, чтобы мои любезные старые слуги моей юности были благополучно возвращены въ мой родной домъ въ Антіохію. Что касается тебя, мой воз-

любленный Евтихій, то когда меня уже не будетъ здѣсь, Филиппъ и Олимпіада позаботятся о всѣхъ твоихъ нуждахъ, пока ты не сдѣлаешься пресвитеромъ. Я оставляю васъ обезпеченными въ настоящемъ и въ будущемъ, какъ увидишь ты вотъ изъ этой бумаги, Филиппъ. Прощайте, прощайте!..

Онъ велѣлъ имъ встать съ колѣнъ и поцѣловалъ ихъ въ обѣ щеки, и затѣмъ все еще съ орошеннымъ слезами лицомъ вышелъ къ епископамъ и пресвитерамъ, находившимся въ ѳомаитѣ.

— Пойдемте, сказалъ онъ, пойдемте и помолимся въ послѣдній разъ, и простимся съ ангеломъ церкви! Разстояніе было недалекое и они пошли въ храмъ святой Софіи подъ конвоемъ дворцовой гвардіи. Въ церкви собралось множество народа, который, смутно сознавая, что наступило какое-то великое событіе, запрудилъ толпами всѣ улицы и проходы. Златоустъ съ своими вѣрными служителями вошелъ въ алтарь. Какъ только онъ вошелъ туда, ему подана была записка отъ его друга Авреліана. «Торопись, сказано было въ ней; грубый негодяй Люцій расположился съ отрядомъ воиновъ въ баняхъ Зевксиппа. Онъ поклялся, что, если ты замедлишь, то вытащитъ тебя изъ церкви силой. Оставь церковь тайно, или между войскомъ и народомъ произойдетъ столкновеніе и улицы обагрятся кровью».

Записку эту онъ прочиталъ вслухъ и затѣмъ прибавилъ: «Никогда, если только я могу воспрепятствовать этому. Мои слуги уже обѣщали приготовить мнѣ мула у западныхъ воротъ, и я тайно выйду отсюда черезъ восточную калитку. Прощайте мои возлюбленные друзья!

Онъ далъ двумъ епископамъ свое прощальное цѣлованіе мира, но не имѣлъ времени дать того же другимъ. «Прощайте, всѣ вы, сказалъ онъ; я не въ состояніи былъ бы обнять всѣхъ васъ. Еще нѣсколько моментовъ, я отдохну въ крещальнѣ и затѣмъ удалюсь».

Но въ крещальнѣ ожидали его всѣ четыре благочестивѣйшія и благороднѣйшія діакониссы: Олимпіада, Пентадія, Никарета и Сальвина, и тамъ произошла другая грустная трогательная сцена разлуки.

— Послушайте меня, дочери мои, — сказалъ онъ. Свершилось! Я окончилъ мое теченіе, вы не увидите моего лица больше. Если мой преемникъ будетъ назначенъ должнымъ образомъ, правильно,

то уважайте его и повинуйтесь ему. Не лишайте церковь Божію вашихъ услугъ и о!., поминайте меня въ вашихъ молитвахъ.

Благородныя женщины бросились на мраморный полъ, цѣловали ему ноги и омывали ихъ своими слезами.

— Уведите ихъ отсюда, — сказалъ онъ, прерывающимся голосомъ епископу Евлизію, который добровольно вызвался сопровождать его: потому что я чувствую себя до крайности потрясеннымъ и видъ ихъ скорби можетъ распалить ярость народа.

Добрый епископъ ласково взялъ княгинь Олимпіаду и Сальвину за руки и, прося другихъ слѣдовать за собою, вывелъ ихъ изъ крещальни.

Затѣмъ Златоустъ вышелъ въ маленькую дверь, избѣгая народной толпы, которая жаждала увидѣть, какъ онъ будетъ всходить на приготовленнаго для него мула у западныхъ воротъ.

«Онъ ушелъ, говоритъ епископъ Палладій, и вмѣстѣ съ нимъ ушелъ и ангелъ церкви»...

Тамъ уже поджидалъ его небольшой отрядъ воиновъ, подъ начальствомъ двухъ молодыхъ военачальниковъ Анатолія и Ѳеодосія. Сопровождаемый епископами Евлизіемъ и Киріакомъ и нѣсколькими преданными ему пресвитерами, желавшими проводить его за Босфоръ, по крайней мѣрѣ, до Никеи, онъ отдался прямо стражѣ. Избѣгая наиболѣе людныхъ улицъ, воины направились къ Халкидонской лѣстницѣ. Стараясь по возможности остаться незамѣченнымъ, святитель закрылъ себѣ лицо складками своей одежды, но нѣкоторые изъ народа, слѣдившіе за всѣмъ съ крайней тревогой и подозрѣніемъ, узнали его и послѣдовали за нимъ. Число ихъ стало быстро возростать и только обнаженные мечи и суровая рѣшительность преторіанцевъ могла сдерживать ихъ угрожающій напоръ и воспрепятствовать ихъ попыткѣ освободить своего возлюбленнаго архипастыря. Но несомнѣнно произошло бы кровопролитіе, если бы самъ патріархъ не предотвратилъ его своимъ трогательнымъ увѣщаніемъ къ народу.

— Мой возлюбленный и вѣрный народъ, — сказалъ онъ; я удалюсь добровольно. Будемъ повиноваться волѣ Божіей и указу императора! Вы исполните меня скорби, если даже хотя одну каплю крови прольете изъ-за меня. Поручаю всѣхъ васъ безграничному милосердію и покрову Божію. Прощайте!

Онъ преподалъ народу благословеніе; толпа стала на колѣни, чтобы принять благословеніе, и успокоилась.

Между тѣмъ Филиппъ и Евтихій положительно не въ состояніи были оставаться въ патріархіи, когда ихъ возлюбленный отецъ поспѣшно былъ уводимъ въ неизвѣстное изгнаніе. Да и какъ онъ могъ даже думать, чтобы такіе глубоко преданные ему люди, какими были они, могли спокойно разстаться съ нимъ? Послѣ нѣкотораго колебанія, вызывавшагося опасеніемъ, какъ бы не причинить ему еще больше скорби, они въ одинъ голосъ сказали: «пойдемъ, и если нужно умремъ съ нимъ»! Незамѣтно (такъ какъ они набросили на себя поверхъ своего обычнаго платья коричневые плащи параволановъ) они послѣдовали за Златоустомъ въ храмъ святой Софіи, вмѣстѣ съ другимъ народомъ вошли въ него и видѣли, какъ онъ входилъ въ алтарь. Затѣмъ Филиппъ, въ совершенствѣ зная расположеніе церкви и опасаясь какъ бы чего-нибудь не случилось, пошелъ вмѣстѣ съ Евтихіемъ къ восточной калиткѣ, видѣлъ, какъ патріархъ вышелъ изъ нея и послѣдовалъ за нимъ до самой пристани. Златоустъ твердо вышелъ на ожидавшій его корабль и оба они невольно вспомнили въ этотъ моментъ, съ какими различными чувствами они уже два раза бывали на Халкидонской лѣстницѣ. Одинъ разъ они прибыли къ ней въ золоченой, украшенной драконами, императорской яхтѣ, управляемой придворными слугами, когда именно вмѣстѣ съ Амантіемъ и Авреліаномъ были привѣтствуемы восторженными криками народа, и въ другой разъ, когда послѣ перваго изгнанія патріарха, невообразимая масса народа, нарядно разодѣтая, миріадами высыпала на этотъ же самый берегъ, чтобы встрѣчать своего возлюбленнаго пастыря глубоко радостными криками. И вотъ теперь его тайно и поспѣшно увозили отсюда среди начинавшагося сумрака, и уводили къ его гибели, волки въ овечьей шкурѣ, люди неукротимой злобы и ненависти, невыносившіе его присутствія только вслѣдствіе того, что его благочестіе служило рѣзкимъ укоромъ ихъ собственной негодности. Филиппъ протискался черезъ толпу и хотѣлъ войти на корабль, но воины преградили ему дорогу скрещенными копьями, и съ ругательствомъ сказали ему, что съ патріархомъ не позволено ѣхать ни кому изъ его слугъ. Тогда Филиппъ съ горячей просьбой обратился къ обоимъ молодымъ военачальникамъ:

Милостивые господа, — сказалъ онъ; святой патріархъ боленъ и слабъ, и не можетъ самъ позаботиться о себѣ; я привыкъ служить ему съ самаго моего дѣтства; умоляю васъ позвольте мнѣ отправиться съ нимъ. Я поѣду на свои собственныя средства и не причиню вамъ ни малѣйшаго затрудненія.

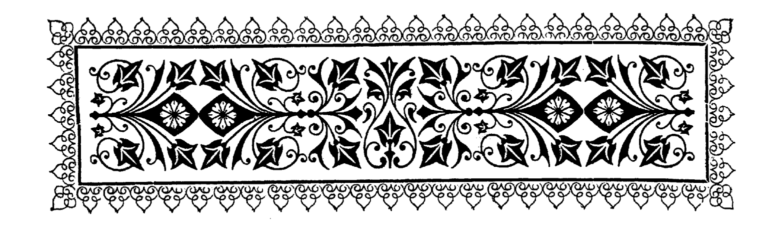
— Позвольте и мнѣ также, — сказалъ Евтихій, ломая руки; и я также одинъ изъ его секретарей!

Оба военачальники, которые относились въ дѣйствительности съ самымъ добрымъ расположеніемъ и почтеніемъ къ своему великому узнику, были видимо тронуты этимъ; но Анатолій, старшій изъ нихъ, ласково положилъ руку на плечо Филиппу, сказавъ ему: «Добрые молодые люди, намъ жаль васъ; но приказъ императора для насъ обязателенъ, — мы не можемъ допустить васъ». Военачальники взошли на корабль, весла по ихъ командѣ ударили по глубокимъ синимъ волнамъ, и молодые люди въ послѣдній разъ видѣли своего возлюбленнаго отца, который продолжалъ стоять на палубѣ. Онъ уже не слышалъ ихъ голоса, но видѣлъ, какъ они протягивали къ нему свои умоляющія руки и плакали; на прощаніе онъ крикнулъ имъ: «о дѣти мои! зачѣмъ вы принесли мнѣ эту новую скорбь?»

Филиппъ былъ почти внѣ себя отъ горя. «Отецъ мой, отецъ мой, кричалъ онъ; я не могу остаться, я не оставлю тебя», и онъ даже бросился къ кораблю.

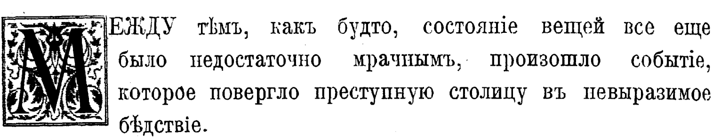
Ему едва не удалось вскочить на палубу, но онъ поскользнулся и упалъ въ воду, при чемъ однимъ изъ веселъ ударило его по головѣ. Онъ исчезъ подъ водой и, какъ патріархъ, такъ и Евтихій вскрикнули отъ ужаса. Къ счастью, матросъ съ одного изъ близь стоявшихъ тутъ же судовъ немедленно бросился въ воду за тонущимъ молодымъ человѣкомъ, благополучно вытащилъ его на берегъ и отдалъ его Евтихію, почти въ безсознательномъ состояніи. Нанесенный ему ударъ оказался незначительнымъ, холодная вода привела его въ чувство; черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя и опираясь на руку своего товарища, съ поникнутой головой и скорбнымъ лицомъ отправился назадъ въ патріархію въ своей насквозь промокшей одеждѣ.

ГЛАВА LII.

Пожаръ.

МЕЖДУ тѣмъ, какъ будто, состоянiе вещей все еще было недостаточно мрачнымъ, произошло событiе, которое повергло преступную столицу въ невыразимое бѣдствiе.

Когда небольшое судно, уносившее великаго святителя къ берегамъ Виѳинiи, бороздило свой путь, искрившiйся подъ лучами заходящаго солнца, какъ гребцы, такъ и воины невольно вскрикнули отъ крайняго удивленiя и любопытства. Выведенный изъ своего скорбнаго состоянiя патрiархъ также взглянулъ и увидѣлъ огромное пламя, которое, вспыхнувъ надъ столицей, быстро расширялось, принимая все болѣе зловѣщiе размѣры и наконецъ покрыло небо ужасающимъ заревомъ. Что бы это значило? Отчего бы могло это быть? Чтобы это загорѣлся соборъ, казалось невѣроятнымъ, но возможно, что въ Константинополѣ произошла революцiя, Не возсталъ ли народъ, глубоко огорченный лишенiемъ своего возлюбленнаго патрiарха, противъ императора и не поджегъ ли зданiй по обѣимъ сторонамъ гордаго продолговатаго форума, извѣстнаго подъ названiемъ «Августея», или даже самый императорскiй дворецъ. Скоро они узнали роковую истину, а между тѣмъ имъ приходилось подавить въ себѣ всепожирающую тревогу и дальше продолжать свой путь.

Какъ только народъ, находившійся внѣ храма святой Софіи, началъ подозрѣвать, что дѣло клонилось къ предательству, что ихъ возлюбленный патріархъ силой уводился отъ своихъ пасомыхъ, то началъ стараться какъ-нибудь проникнуть въ церковь. Западная дверь ея однако, какъ оказалось, была заперта и ограждена. Бросившись вокругъ прилегавщихъ строеній, чтобы найти гдѣ-нибудь другой входъ, народъ нашелъ, что восточный входъ былъ защищаемъ дворцовыми воинами, не допускающими никого въ церковь. Тогда неизбѣжнымъ сдѣлалось столкновеніе. Началась свалка; и хотя не мало народу было убито, однако толпѣ удалось пробиться въ самую церковь. Между тѣмъ народъ, толпившійся у западныхъ вратъ, не зная о томъ, что происходило, и воображая, что патріархъ взятъ силой, началъ яростно громить главныя двери, которыя наконецъ частью были открыты, частью совершенно разломаны. Бросившись внутрь, народъ опять встрѣтился тамъ съ воинами, которые, будучи встревожены яростью толпы, обнажили мечи. Іудеи и язычники, привлеченные любопытствомъ къ мѣсту этого происшествія, съ насмѣшнами и издѣвательствами смотрѣли на происходящее и тѣмъ еще болѣе разжигали ярость стоящихъ другъ противъ друга — толпы и войска. Разъяренные оскорбленіемъ, христіане ринулись впередъ, произошла другая кровавая схватка. Многоцвѣтный мраморъ священнаго помоста скоро усѣянъ былъ трупами и обагренъ кровью. Какъ бы для того, чтобы болѣе усилить общій ужасъ, со стороны Эвксинскаго моря разразилась буря, нагнавшая такую густую массу тучъ, что наступила тьма, которая для возбужденныхъ умовъ народа казалась необъяснимой и чудесной. Пораженные внезапнымъ ревомъ урагана, воины и народъ стояли молча, будучи охвачены какимъ-то подаваляющимъ, священнымъ ужасомъ. Битва прекратилась и народная толпа, гонимая страхомъ чего-то необычайнаго, начала разбѣгаться изъ храма. Но вотъ вдругъ, какъ-будто кровля храма была поражена громовымъ ударомъ съ неба, послышался страшный трескъ, и отъ патріаршаго трона съ непостижимой яростью вырвался огромный языкъ пламени. «Пожаръ, пожаръ!» закричали многіе, но, повидимому, было уже поздно прекратить ужасную ярость огненной стихіи. Брусья, изъ которыхъ былъ построенъ храмъ, представляли весьма сухой, горючій матс-

ріалъ. Огненный языкъ поднялся до самой крыши, и распространяясь по стѣнамъ и балкамъ, представлялъ видъ колоссальнаго, охваченнаго пламенемъ дерева. Затѣмъ отъ вѣтвей и листьевъ этого ужаснаго дерева, по всѣмъ направленіямъ расходились какъ-будто миріады огненныхъ змѣй, которыя, извиваясь около колоннъ и архитравъ, расплавляли желѣзную кровлю и цѣпи огромныхъ паникадилъ, которыя съ страшнымъ трескомъ падали, разбиваясь о каменный полъ. Народъ и воины, одинаково охваченные ужасомъ, смѣшанными массами бросились вонъ изъ храма, подъ вліяніемъ страха забывъ о взаимной враждѣ. Многіе были задавлены до смерти или получили переломы рукъ и ногъ во время этого дикаго бѣгства, и едва выбѣжали на свѣжій воздухъ, какъ весь соборъ представлялъ уже собой одно сплошное пламя, потушить которое уже нечего было и думать. Отъ каѳедральнаго собора—одной изъ великолѣпнѣйшихъ церквей въ мірѣ, — ничего не осталось, кромѣ груды почернѣлыхъ развалинъ, обуглившихся отъ яростнаго огня, и одинъ небольшой придѣлъ, который какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, только немного опаленный огнемъ.

Но этимъ еще не ограничились бѣдствія. Гонимыя яростнымъ вѣтромъ огромныя горящія головни были далеко отброшены къ югу и падали на прилегавшія зданія. Странно сказать, что отъ нихъ не загорѣлась патріархія, хотя она ближе всего находилась къ сгорѣвшей церкви. Этимъ она (хотя это осталось неизвѣстнымъ) была обязана Филиппу, который, пробужденный страшнымъ зрѣлищемъ отъ своего оцѣпенѣнія, причиненнаго великою скорбію, быстро распорядился, чтобы слуги поливали кровлю водой, немедленно туша всѣ падающія на нее искры и головни. Такихъ предосторожностей не было принято по отношенію къ двумъ слѣдующимъ зданіямъ: сенату и банямъ Зевксиппа. Послѣдствіемъ этого было то, что они быстро были охвачены пламенемъ и представляли цѣлое море неукротимаго огня. Два огромныя столба пламени высоко поднимались въ воздухѣ и, сбиваемыя вѣтромъ, наклонялись одно къ другому, представляя собою исполинскую огненную арку, а подъ нею, какъ между двумя дѣйствующими вулканами, обезумѣвъ отъ страха, метались и бѣгали тысячи народа, трепетавшаго отъ постигшаго городъ страшнаго бѣдствія. Всѣ, болѣе или менѣе одушевленные патріотизмомъ, граждане скорбѣли о гибели двухъ пре-

краснѣйшихъ зданій императорскаго города. Христіане скорбѣли о гибели своего лучшаго храма, а язычники оплакивали разрушеніе памятниковъ своей старины. Особенно жаль было многихъ произведеній классической скульптуры, которыя погибли навсегда. Между прочимъ погибла знаменитая статуя девяти музъ, которую Константинъ привезъ изъ Геликона для украшенія своей новой столицы, а также и другія произведенія классическаго искусства, какъ Зевсъ Додонскій, Аѳина Линдская, Амфитрита Родосская, Панъ, воздвигнутыя греками въ память битвы Саламинской. Всѣ эти статуи исчезли въ потокахъ расплавленнаго металла или были разбиты массами рушившихся на нихъ развалинъ. Зевсъ и Аѳина, отчасти, сохранились, хотя и въ ужасно обезображенномъ видѣ, и именно благодаря тому, что расплавленный свинецъ, ринувшись на нихъ, тѣмъ самымъ защитилъ ихъ отъ разрушающей стихіи, и языческій историкъ Зосимъ утѣшалъ себя мыслью о томъ, что Зевсъ и Аѳина порѣшили, несмотря ни на какія угрозы христіанъ, никогда не оставлять города, который былъ новымъ Римомъ. Но душа его скоро была омрачена еще болѣе неотразимымъ убѣжденіемъ, что божества эти мало обращаютъ вниманія на человѣческія дѣла, что они занимаются только какими-то пустяками и, почти исключительно наслаждаясь своимъ нектаромъ, совсѣмъ не заботятся о благѣ міра и, даже слыша бѣдствія и вопли людей, остаются безучастны къ нимъ.

Такимъ образомъ все населеніе великой столицы востока имѣло причину скорбѣть; и эта причина была даже глубже, чѣмъ современники въ состояніи были понять, потому что, когда удалился изъ нея великій патріархъ Златоустъ, то вмѣстѣ съ нимъ удалился и ангелъ церкви. Золотой свѣтильникъ патріархата былъ сдвинутъ съ своего мѣста и, хотя затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ новыхъ патріарховъ, но большинство ихъ было только слабымъ отраженіемъ закатившагося теперь великаго свѣтила.

Кто причинилъ это столь ужасное пожарище? Отвѣтъ на этотъ вопросъ навсегда остался тайной и тайна эта будетъ запечатанной до того великаго дня, когда откроются тайны всѣхъ сердецъ.

Нѣкоторые, въ крайнемъ возбужденіи, съ полнымъ убѣжденіемъ утверждали, что это было явленіе сверхъестественное. Они разсказывали, что самолично слышали трескъ и видѣли, какъ съ

неба сходила огненная стрѣла, которая разщепила патріаршій тронъ въ знакъ гнѣва Божія, такъ чтобы никто изъ недостойныхъ преемниковъ не осквернилъ своимъ присутствіемъ престолъ, на которомъ возсѣдалъ святой Іоаннъ.

Другіе сваливали вину на іудеевъ и язычниковъ, которые со свойственной имъ къ христіанамъ злобой, воспользовались моментомъ, когда христіане были удручены необычайной скорбью, подожгли ихъ знаменитую церковь, надѣясь быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и многихъ изъ поклонниковъ Галилеянина. Враги изгнаннаго патріарха съ своей стороны не преминули распустить злую клевету, будто, виновникомъ пожара былъ самъ Златоустъ; но даже и Евдоксія, не смотря на свою злобу, даже Аркадій при всей своей тупости находилъ обвиненіе это слишкомъ нелѣпымъ. Всѣ обстоятельства дѣла, какъ и показанія сотни свидѣтелей, а болѣе всего свѣтлый характеръ святого патріарха дѣлали это обвиненіе столько же смѣшнымъ, какъ и постыднымъ. Грубый языческій префектъ и городскія власти, при всемъ своемъ желаніи, пользоваться всякимъ поводомъ къ погубленію ненавистныхъ имъ людей, однако съ самаго начала отвергли это предположеніе какъ нелѣпое, такъ что обвиненіе это продолжали поддерживать только немногіе злѣйшіе, ослѣпленные своей злобой враги бывшаго патріарха, которые имѣли дерзость утверждать это даже въ своемъ письмѣ къ папѣ Иннокентію, какъ-будто это былъ историческій фактъ.

Самымъ распространеннымъ мнѣніемъ, хотя въ пользу его не было ни малѣйшихъ данныхъ, было то, что пожаръ этотъ былъ дѣломъ «Іоаннитовъ», какъ стали называть приверженцевъ изгнаннаго патріарха. Но можно полагать за несомнѣнное, что это было не такъ. Если бы этотъ пожаръ дѣйствительно былъ ихъ дѣломъ, то безъ сомнѣнія во время послѣдовавшихъ за пожаромъ пытокъ и гоненій, дѣло это обнаружилось бы вполнѣ.

Вѣроятнѣе всего пожаръ произошелъ отъ какой-нибудь случайности, такъ что въ Константинополѣ рѣшительно никто не могъ узнать его причины. Во всякомъ случаѣ такое огромное бѣдствіе причинила маленькая искорка, вспыхнувшая въ храмѣ святой Софіи, и ужасный пожаръ вообще произошелъ при такихъ обстоя-

тельствахъ, что невольно въ этомъ бѣдствіи многіе видѣли карающую руку правосудія Божія.

Однимъ только облегчалось бѣдствіе, причиненное этимъ страшнымъ пожаромъ. Когда великій соборъ превращенъ былъ въ пепелъ, этой участи чудесно избѣгъ одинъ небольшой придѣлъ его. Въ этомъ предѣлѣ находилась ризница, къ которой хранились драгоцѣнные золотые и серебрянные сосуды и другія сокровища церкви. И въ этомъ обстоятоятельствѣ приверженцы Златоуста справедливо видѣли явно божественное промышленіе. На патріарха, какъ извѣстно, между прочимъ взводилось и то обвиненіе, что онъ продалъ, отчуждилъ, присвоилъ и употребилъ на свои собственныя надобности сокровища церкви. Если бы ризница съ ея сокровищами погибла въ пламени, то не только нельзя было бы опровергнуть эту клевету, но враги не преминули бы утверждать, что Іоаннъ самъ поджегъ храмъ, чтобы скрыть слѣды своего расхищенія. Теперь же всѣ сокровища были на лицо, оказались неприкосновенными, имъ существовалъ точный инвентарь, и онъ переданъ былъ префекту Студію и комитету высокихъ сановниковъ. Двое приближенныхъ Златоуста, пресвитеры Германъ и Кассіанъ тщательно просмотрѣли инвентарь въ присутствіи узаконенныхъ властей, сдали священные сосуды, получили расписку въ сдачѣ ихъ и увезли эту расписку къ папѣ Иннокентію въ Римъ, какъ торжественное доказательство невиновности патріарха. Чудесное спасеніе ризницы такимъ образомъ лишило беззастѣнчивыхъ клеветниковъ средства, которое иначе послужило бы въ ихъ рукахъ однимъ изъ самыхъ роковыхъ орудій противъ ненавистнаго имъ патріарха.

Результатомъ всего этого страшнаго событія была великая скорбь, которая прежде и тяжелѣе всего обрушилась на самого Златоуста. Сопровождаемый епископами Евлизіемъ и Киріакомъ, а также нѣсколькими пресвитерами, онъ продолжалъ свой печальный путь въ Никею, гдѣ долженъ былъ получить сообщеніе о своемъ окончательномъ назначеніи. Сердца ихъ объяты были великой тугой при извѣстіи, что святая Софія превратилась въ груду развалинъ; но вотъ всѣ они какъ громомъ были поражены тѣмъ, что по распоряженію суда префектъ Студій прислалъ чиновника съ обвиненіемъ этихъ именно двухъ епископовъ въ поджогѣ и съ

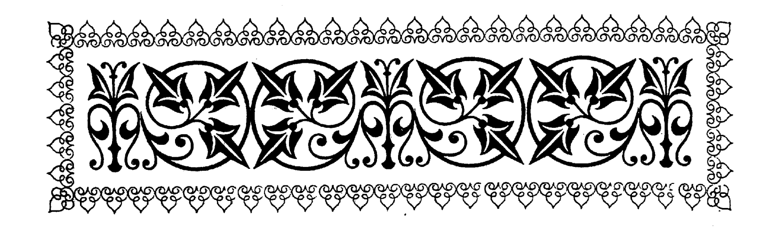
наказомъ заключить ихъ, какъ и пресвитеровъ, въ оковы и обратно отвести въ столицу для заключенія въ тюрьму. До глубины души огорченный Златоустъ, негодуя на столь злобное обвиненіе, заявилъ, что его собратья — епископы такъ же невинны, какъ и онъ самъ, и что онъ самъ готовъ раздѣлить ихъ судьбу. Въ качествѣ самой простой справедливости онъ требовалъ, чтобы и его допросили на судѣ и дали возможность защитить себя и своихъ друзей. Но даже императрица не посмѣла включить патріарха въ это гнусное обвиненіе. Присланный чиновникъ могъ дѣйствовать только согласно отданнымъ ему предписаніямъ. Онъ заключилъ въ оковы Евлизія и Киріака и ихъ спутниковъ, и они отведены были въ тюрьму — сначала въ Халкидонъ, а затѣмъ въ Константинополь. Изъ судопроизводства выяснилось, что для обвиненія ихъ не было ни малѣйшаго основанія; но даже и не смотря на это, они были изгнаны изъ Константинополя и имъ запрещено было когда-нибудь опять вступать въ его предѣлы.

Златоустъ, почти подавленный скорбью, продолжалъ свой путь. Ему не позволено было взять съ собою ни одного лишняго слуги. Но Богъ былъ милостивъ къ нему; сердца грубыхъ воиновъ были тронуты его достоинствомъ и его несчастіемъ, и они, какъ и ихъ начальникъ, относились къ нему съ искреннимъ почтеніемъ и дѣлали все, что только можно было, для облегченія его бѣдственности и удовлетворенія его нуждъ.

Наконецъ они прибыли въ Никею и тамъ остановились на нѣкоторое время, пока не объявлена будетъ воля императора. Великій святитель немного ободрился, отдохнувъ въ городѣ и освѣжившись мягкими вѣтерками озера Асканіи, и въ сознаніи своей невинности онъ сталъ утѣшать себя надеждой,—что для жительства ему будетъ назначено какое-нибудь сносное мѣсто изгнанія въ родѣ Севастіи въ Арменіи, гдѣ онъ могъ бы спокойно провести остатокъ своихъ дней, — тѣхъ скромныхъ дней, которые не казались бы мрачными для человѣка, никогда не обольщавшагося честолюбіемъ міра сего. Но тѣмъ тяжелѣе былъ испытанный имъ ударъ, когда онъ услышалъ, что по настоянію Евдоксіи, мѣстомъ его изгнанія назначалось полуразрушенное поселеніе Кукузы, въ углу одной дикой долины въ Таврскомъ горномъ хребтѣ. Это мѣсто отличалось несноснымъ климатомъ, часто подвергалось на-

паденіямъ исаврійскихъ разбойниковъ, такъ что, ссылая его въ это мѣсто, враги, какъ-будто, намѣренно зарывали его живымъ въ мрачную могилу. Напрасно преданные ему друзья упрашивали, чтобы ему назначено было болѣе сносное мѣсто изгнанія. Знатные преступники обыкновенно добивались для себя удобнаго мѣста пребыванія; но ненависть императрицы была все еще такъ велика, что противъ нея безсильны были всякія жалобы, и старая армянская деревня, извѣстность которой единственно заключалась именно въ томъ, что она была мѣстомъ погребенія одного изъ прежнихъ архіепископовъ Константинопольскихъ, именно Павла, замученнаго аріанами, теперь должна была получить всемірную извѣстность, предоставивъ жалкое убѣжище для послѣднихъ лѣтъ жизни величайшаго изъ отцовъ церкви четвертаго вѣка.

ГЛАВА LIII.

Крестный путь.

И ВОТЪ великій святитель двинулся въ мѣсто своего изгнанія. Печальное путешествіе началось 4-го іюля 404 года, и тягость его произвела почти то дѣйствіе, котораго такъ горячо желала императрица и ея злые сообщники — именно, ускореніе мученической кончины того, въ комъ они увидѣли своего врага, потому что онъ говорилъ имъ правду.

Правда, непреклонный въ сознаніи своей правоты, патріархъ ни на одинъ день не падалъ духомъ. Съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ онъ порѣшилъ, несмотря на всѣ обвиненія и изгнанія, на всѣ клеветы, продолжалъ свое служеніе церкви Божіей, насколько это оставалось возможнымъ для него. Но увѣренный въ своей участи, онъ горячо отдавался трудамъ по расширенію миссіонерскаго дѣла въ Финикіи и въ другихъ странахъ. Въ Никеѣ жилъ одинъ отшельникъ, который, огорченный окружавшей его мірской суетой, удалился въ горную пещеру, гдѣ и порѣшилъ закончить свои дни. Златоустъ посѣтилъ его, упросилъ перемѣнить свое рѣшеніе и, отправившись къ доброму священнику Констанцію въ Антіохію, предложить свои услуги въ качествѣ миссіонера для ниспроверженія идоловъ въ Финикіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ изгнанный святитель, пользуясь своимъ досугомъ, разсылалъ утѣшительныя письма, которыя дышали безбоязненностью и святымъ само-

отреченіемъ апостола Павла, и въ этихъ письмахъ онъ облегчалъ скорби Филиппа, Олимпіады и другихъ своихъ друзей.

Затѣмъ конвой съ своимъ узникомъ двинулся дальше. Но едва они вступили въ мрачную область сожженной Фригіи, какъ Златоустъ подвергся припадку хронической лихорадки, причиненной отчасти утомленіемъ, отчасти невозможностью ежедневно пользоваться баней, которая была такъ необходима при его слабомъ здоровьѣ, отчасти вслѣдствіе гнилой воды и чернаго зловоннаго хлѣба, часто бывшаго единственной пищей, которую они могли доставать. Конвою было приказано избѣгать большихъ городовъ на своемъ пути, — быть можетъ потому, что дворъ опасался возможности крупныхъ общественныхъ демонстрацій въ пользу низложеннаго патріарха. Пока они находились въ діоцезѣ Пессинскомъ, епископъ котораго, Дмитрій, былъ благорасположенъ къ нему, они не подвергались никакимъ оскорбленіямъ; но когда вступили въ діоцезъ Леонтія анкирскаго, то этотъ закоснѣлый врагъ патріарха, не смягченный бѣдствіями невиннаго страдальца, удручилъ его страданія угрозами, въ которыхъ дѣлались намеки даже на убійство. Когда они съ трудомъ переправились черезъ эту область въ Каппадокію, то народъ массами стекался изъ городовъ и селеній, чтобы принять отъ низложеннаго патріарха благословеніе. Но тутъ опять онъ сдѣлался предметомъ враждебной выходки со стороны нѣкоего Фаретрія, — епископа кессарійскаго, жестокость котораго была тѣмъ гнуснѣе, что сопровождалась самымъ лукавымъ лицемѣріемъ. Этотъ недостойный епископъ отправилъ патріарху письмо съ выраженіемъ самой льстивой преданности, и въ немъ писалъ, какъ давно онъ жаждалъ облобызать знаменитаго патріарха, и теперь онъ собралъ множество иноковъ и инокинь, чтобы сдѣлать ему почетную встрѣчу. Духовенство его діоцеза дѣйствительно относилось къ Іоанну съ великимъ почтеніемъ и Фаретрій задумалъ сыграть въ двойную игру: ему хотѣлось бы и не оскорбить чувствъ своего духовенства, и вмѣстѣ съ тѣмъ выслужиться передъ императрицей. Изгнанному патріарху было отведено помѣщеніе на самой окраинѣ города; но Фаретрій пришелъ въ крайнее негодованіе, когда увидѣлъ, какъ жители города стали массами стекаться къ изгнаннику; выражая ему свое сожалѣніе и почтеніе. Патріархъ былъ до крайности утомленъ длиннымъ путе-

шествіемъ, не прекращавшимся ни днемъ, ни ночью, и потому былъ весьма радъ, когда двое врачей отнеслись къ нему съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ онъ дѣйствительно при своей слабости и болѣзненности крайне нуждался въ ихъ попеченіи. Одинъ изъ нихъ даже добровольно вызвался сопровождать его до Кукузъ, порѣшивъ, если возможно, спасти его отъ тѣхъ, угрожавшихъ смертью, страданій, которыя, какъ онъ писалъ діакониссѣ Ѳеодорѣ, были тяжелѣе страданій колодниковъ, осужденныхъ на каторжную работу. Новыя муки испытывалъ онъ вслѣдствіе неполученія писемъ отъ Тигрія, Филиппа и Олимпіады. Къ счастію для него, онъ не зналъ, теперь да никогда вполнѣ не зналъ и впослѣдствіи (такова была благоразумная любвеобильность ихъ молчаливости) о причинахъ, которыя дѣлали для нихъ невозможнымъ писать къ нему.

Между тѣмъ Фаретрій, подъ вліяніемъ низкой ревности и тревоги, пришелъ въ ярость. Для него было невыносимо видѣть, какъ къ изгнанному патріарху знатные граждане его города относились съ такимъ почтеніемъ, котораго никогда не высказывали по отношенію къ нему самому, и онъ даже опасался какъ бы враги Златоуста не притянули его къ отвѣтственности за оказанное имъ опальному патріарху гостепріимство, какъ бы ни было жалко, жестоко и коварно это гостепріимство. Съ свойственною подобнымъ натурамъ низостью, онъ поэтому прибѣгъ къ living козням. Изгнаннику предстоялъ еще путь въ 128 миль *), а онъ между тѣмъ, былъ слишкомъ болѣнъ, чтобы выносить опасности путешествія по горнымъ дорогамъ. Но какъ только конвой двинулся въ путь, то былъ остановленъ тревожнымъ извѣстіемъ, что исаврійцы сдѣлали разбойничій набѣгъ на страну. Всѣ жители Кесаріи, даже старики и мальчики, должны были защищать стѣны города.

Воспользовавшись этимъ случаемъ, Фаретрій порѣшилъ удручить страданія великаго святителя. Отправленная по его распоряженію толпа монаховъ, вооружившись камнями, окружила жилище Златоуста, угрожая, что они сожгутъ его заживо со всѣмъ конвоемъ, если онъ немедленно же не удалится изъ города. Нападавшіе въ своей грубости, дошли до того, что даже нанесли

*) Около 200 верстъ.

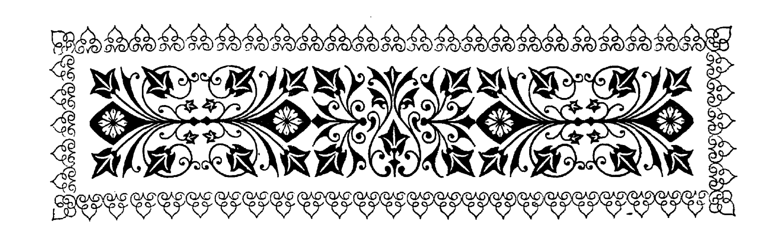
побои преторскимъ воинамъ, которые были слишкомъ малочисленны, чтобы защищаться. Начальникъ конвоя обратился за помощью къ префекту города. Но и префектъ не въ состояніи былъ ничего сдѣлать съ этой ордой. Фаретрій не хотѣлъ позволить изгнаннику отдохнуть даже въ теченіе двухъ дней, и страдалецъ, понуждаемый начальникомъ конвоя, долженъ былъ оставить городъ. Былъ знойный полдень; святителя поспѣшно посадили на носилки и понесли за городъ. Одинъ изъ пресвитеровъ, видя это насильственное отбытіе, съ плачемъ пришелъ къ Іоанну и сказалъ: «жизнь твоя здѣсь не безопасна, самые исаврійцы отнесутся къ тебѣ лучше, чѣмъ эти негодные люди».

При этихъ печальныхъ обстоятельствахъ одна женщина, по имени Селевкія, предоставила больному страждующему изгнаннику кровъ своего загороднаго дома, находившагося въ восьми верстахъ отъ города. Патріархъ съ благодарностью принялъ это предложеніе, и Селевкія, вооруживъ своихъ рабовъ, поставила ихъ на стражѣ для отраженія возможнаго ночного нападенія. Между тѣмъ Фаретрій, недовольный разстройствомъ его плана, послалъ ей письмо съ угрозой, что она будетъ каяться, если немедленно не удалитъ отъ себя своего гостя. Но мужественная женщина, несмотря на угрозы, настояла на своемъ добромъ дѣлѣ. Ей былъ посланъ еще другой болѣе грозный приказъ и она устрашилась. Златоустъ былъ разбуженъ въ полночь, вещи его поспѣшно были сложены, и ему сказали, что неподалеку уже были исаврійцы, что слуги Селевкія бѣжали и поскрывались. Мулъ для него уже былъ приготовленъ и конвой готовъ къ выступленію. Ночь была бурная и мрачная. Патріархъ велѣлъ зажечь факелы; но пресвитеръ Евеѳій, сопровождавшій его изъ Кесаріи, велѣлъ ихъ потушить, чтобы не привлечь ими разбойниковъ. Путеводитель провелъ ихъ по скалистымъ пустыннымъ горнымъ тропамъ. Мулъ спотыкался на каждомъ шагу, и наконецъ, даже упалъ, а вмѣстѣ съ нимъ повалился на землю и великій святитель, ужасно потрясенный и едва живой. Евеѳій думалъ, что онъ уже умеръ; но онъ очнулся, и такъ какъ уже не могъ ѣхать, то пресвитеръ схватилъ его за руку и потащилъ по камнямъ въ страшной мучительной агоніи. Исаврійцевъ они избѣгали, если только тамъ были дѣйствительно исаврійцы, а не просто весь этотъ переполохъ былъ

произведеніемъ гнусныхъ вымысловъ враговъ. Въ теченіе слѣдующаго дня конвой продолжалъ свой тягостный путь черезъ потоки и горы, и наконецъ на 70-ый день по оставленіи Константинополя они прибыли въ Кукузъ. Но эта страшная, убійственная ночь глубоко запечатлѣлась въ памяти патріарха. «Легкая скорбь говоритъ, а великая молчитъ». О своихъ бѣдствіяхъ онъ не сообщалъ никому, кромѣ Олимпіады, да и ее просилъ не разсказывать никому о нихъ.

Изъ Кукуза онъ отправилъ ей письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ: «Въ настоящее время я безопасенъ отъ исаврійцевъ; они удалились въ свою собственную область. Я безопаснѣе здѣсь, чѣмъ въ Кесаріи, потому что, за немногими исключеніями никого не боюсь такъ, какъ обуяныхъ враждою епископовъ».

ГЛАВА LIV.

Царство ужаса.

ЕДВА Златоустъ отправленъ былъ въ мрачное мѣсто своего изгнанія, какъ въ Константинополѣ началось царство всевозможныхъ ужасовъ. Избраніе и посвященіе его преемника было совершено съ поразительной быстротой. Очевидно, въ этомъ дѣлѣ не совѣтовались ни съ епископами, ни съ духовенствомъ, ни съ народомъ. Чрезъ недѣлю послѣ пожара, уничтожившаго главную церковь столицы, жители узнали съ крайнимъ удивленіемъ, что на мѣсто изгнаннаго святителя по милости Евдоксіи, патріархомъ назначенъ пресвитеръ Арсакій.

Это уже былъ 80-лѣтній старецъ, рѣшительно ни чѣмъ не выдававшійся. Разъяренная независимостью Златоуста, Евдоксія порѣшила избрать ему преемникомъ человѣка, который бы не имѣлъ ни малѣйшей возможности оказывать ей какое-нибудь противодѣйствіе. Арсакій былъ братъ Нектарія, предшественника Златоуста. Это былъ человѣкъ недалекій умомъ, боязливый въ дѣйствіяхъ, слабый въ словѣ: «онъ былъ (какъ со свойственной ему картинностью говоритъ Палладій еленопольскій), нѣмѣе рыбы и неспособнѣе жабы». Молва говорила, что когда его братъ Нектарій хотѣлъ сдѣлать его епископомъ Тарса и онъ отклонилъ это предложеніе, то патріархъ упрекнулъ его въ честолюбивыхъ замыслахъ на каѳедру константинопольскую — въ ожиданіи его

смерти, вслѣдствіе чего Арсакій будто бы поклялся, что никогда не приметъ епископскаго сана. При всемъ томъ онъ имѣлъ одно большое достоинство въ глазахъ Евдоксіи, такъ какъ представлялъ собой полнѣйшую противоположность Златоусту съ его дѣятельнымъ самоотверженнымъ служеніемъ церкви и правдѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ завѣдомый врагъ Златоуста, котораго онъ на придубскомъ соборѣ обвинялъ въ растратѣ церковнаго имущества.

Онъ былъ наскоро рукоположенъ своимъ сообщникомъ Северіаномъ въ церкви апостоловъ, которая временно служила каѳедральнымъ соборомъ.

Но сдѣлавшись патріархомъ, онъ однако не нашелъ признанія со стороны народа и повсюду видѣлъ предъ собой пустыя церкви. Народъ, преданный Златоусту и привыкшій къ его пламенному краснорѣчію, вовсе не хотѣлъ признавать новаго, съ непозволительной поспѣшностью навязаннаго патріарха и слушать поученія человѣка, котораго всѣ считали совершенно не способнымъ къ церковному учительству. Поэтому патріаршій престолъ оказался для него до невыносимости тяжелымъ бременемъ, и онъ чрезъ годъ унизительнаго отчужденія закончилъ свою жизнь постыдной смертью. Время его патріаршества не ознаменовалось ни одной заслугой предъ церковью и только омрачилось двумя низкими гоненіями, отвѣтственность за которыя отчасти должна пасть именно на него. Не въ состояніи будучи пріобрѣсти даже обычнаго уваженія къ себѣ ни способностью, ни добротой, онъ не принималъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы смягчить ужасы перваго гоненія, а своимъ обращеніемъ къ суду послужилъ ближайшей причиной втораго гоненія.

Первое гоненіе началось по возбужденному противъ «Іоаннитовъ» обвиненію въ поджогѣ, и это гоненіе представляетъ собою одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ церковной исторіи, когда власть тьмы возобладала въ царствѣ свѣта.

Прежде всего гоненіе обрушилось на ближайшихъ участниковъ страданій великаго святителя, именно на двухъ добрыхъ епископовъ Евлизія и Киріака, которые отправились было дѣлить изгнанничество съ Златоустомъ. Разслѣдованіе дѣла по возведенному на нихъ обвиненію въ поджогѣ было предоставлено префекту города Студію. Нужно было быть самымъ негоднымъ и не-

справедливымъ судьей, чтобы осудить людей, невиновность которыхъ была очевидна и доказывалась всѣми обстоятельствами дѣла: поэтому, послѣ временнаго тюремнаго заключенія, они были просто изгнаны изъ города. Но такой легкій выходъ ихъ изъ подставленной имъ ловушки не особенно понравился яростнымъ врагамъ великаго святителя. Они стали разглашать, что Студій отнесся къ обвиняемымъ съ непозволительной снисходительностью. Въ этомъ съ ними согласилась и Евдоксія. Поэтому Студій былъ лишенъ должности и на его мѣсто былъ назначенъ язычникъ Оптатъ — одна изъ самыхъ звѣрскихъ личностей въ IV столѣтіи. Онъ былъ такъ жестокъ, что могъ удовлетворить даже Северіана и Антіоха.

Началась жестокая расправа со всѣми такъ называемыми «іоаннитами». Однимъ изъ первыхъ былъ приведенъ на судъ этого жестокаго судьи пресвитеръ Тигрій. Исторія его жизни была трогательна. Онъ происходилъ изъ варваровъ, былъ рабомъ и евнухомъ, и за свою вѣрность, былъ награжденъ отпущеніемъ на волю. Когда онъ сдѣлался свободнымъ, то своимъ благочестіемъ и благотворительностью заслужилъ того, что былъ рукоположенъ въ санъ діакона и впослѣдствіи сдѣлался пресвитеромъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ почитателей Златоуста, и всѣ знали его за человѣка благороднаго, великодушнаго и добраго къ бѣднымъ. На обвиненіе въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ виновниковъ пожара, онъ, конечно, утверждалъ свою невинность; но мстительности враговъ патріарха нельзя было удовлетворить подобными пустяками. Онъ былъ «іоаннитъ» и этого было довольно. Съ него сорвали одежду, положили лицомъ внизъ, и затѣмъ онъ былъ подвергнутъ бичеванію плетьми, начиненными свинцомъ. Затѣмъ его подвергли пыткѣ: сначала посредствомъ винта поломали пальцы, послѣ чего растянули его на деревянной лошади, привѣсивъ къ его ногамъ и рукамъ свинцовыя тяжести, которыя до такой степени натянули ему жилы, что онъ лишился чувствъ. Не смотря на эту ужасную пытку, ни одного слова нельзя было вырвать изъ устъ ничѣмъ незапятнаннаго страдальца. Всѣ эти истязанія окончились ничѣмъ и только способствовали удовлетворенію ненасытной мстительности враговъ изгнаннаго патріарха. Нисколько не заботяся о томъ, былъ ли онъ живъ, или мертвъ, палачи бросили Тигрія на солому въ тюрьму, и когда онъ немного

оправился отъ страшной пытки, то изгнали его въ Месопотамію, гдѣ онъ и закончилъ свои дни.

На нѣкоторое время этой злобы враговъ удалось избѣгнуть другому вѣрному почитателю изгнаннаго патріарха, Серапіону. Онъ, какъ уже сказано было выше, уже раньше пожара сдѣлался епископомъ гераклійскимъ во Фракіи, и поэтому невозможно было обвинять его въ поджогѣ собора, такъ какъ онъ находился въ это время за сотни верстъ отъ Константинополя. Но хорошо зная, съ какимъ неправеднымъ судьей ему пришлось бы имѣть дѣло, онъ бѣжалъ и скрылся въ одномъ православномъ готскомъ монастырѣ. Мѣсто его укрывательства, однако, было узнано и онъ въ цѣпяхъ былъ привезенъ въ Константинополь, потому что тамъ партія Северіана особенно жаждала насытить надъ нимъ свою смертельную ненависть. Онъ былъ подвергнутъ жесточайшей пыткѣ желѣзными кошками; стальными щипцами ему содрали кожу со лба, вырвали всѣ зубы и онъ затѣмъ отправленъ былъ въ Египетъ, гдѣ могъ ожидать еще худшаго, если только это возможно было, отъ Ѳеофила александрійскаго.

Слѣдующей жертвой былъ превосходный Гераклидъ, который Златоустомъ возведенъ былъ на египетскую каѳедру г. Ефеса на мѣсто недостойнаго, запятнавшаго себя симоніей Антонія. На соборѣ придубскомъ негодный монахъ Исаакъ взвелъ на него ложное обвиненіе въ томъ, что онъ, будто бы укралъ одѣяніе у одного діакона. Врагамъ только и нужно было этого. Они схватили его и заключили въ тюрьму, гдѣ онъ и томился въ крайней бѣдственности въ теченіе многихъ лѣтъ.

Негодные гонители порѣшили затѣмъ добраться до женщинъ, преданныхъ изгнанному святителю. Сначала они пытались страхомъ заставить ихъ имѣть общеніе съ новымъ патріархомъ Арсакіемъ и анаѳематствовать Златоуста; но благородныя женщины обнаружили такое геройство, такую непреклонность, что, несмотря на всѣ угрозы, отказались измѣнить великому святителю и своей твердостью разстроили махинаціи враговъ. Эти скромныя, нѣжныя, благордныя діакониссы, въ своей преданности изгнанному патріарху обнаружили не меньше твердости, чѣмъ и замученные пресвитеры.

Весь Константинополь зналъ, что знатная Олимпіада, которая

была чуть не императорскаго сана и слава о благочестіи которой гремѣла по всему міру, принадлежала къ числу самыхъ преданныхъ почитателей патріарха, и къ ней именно и къ ея подругамъ діакониссамъ онъ обращался съ своимъ послѣднимъ прощальнымъ словомъ. Если бы можно было запугать и принудить къ отреченію ее, то несомнѣнно не устояли бы въ своей твердости и другія. На сторонѣ новаго патріарха Арсакія оказалась бы весьма почтенная сила, если бы такую высокородную даму, имѣвшую придворныя связи, владѣвшую огромными богатствами, славившуюся своей благотворительностью, можно было заставить признать новый режимъ и вступить въ общеніе съ преемникомъ Іоанна. Поэтому она была позвана къ трибуналу Оптата, куда явилась окруженная преданными ей епископами, пресвитерами и придворными чинами. Чтобы сильнѣе повліять на ея воображеніе, тутъ же на готовѣ стояли палачи и пытатели, а также выставлена была и адская машина для пытки. Когда Оптату показалось, что все это зрѣлище произвело надлежащій эффектъ, онъ громовымъ голосомъ спросилъ,—«Какъ она смѣла поджигàть великую Базилику Константинопольскую?»

— Вся моя жизнь, тономъ спокойнаго презрѣнія отвѣчала Олимпіада, служитъ достаточнымъ опроверженіемъ столь безстыдной клеветы. Я нѣкогда была очень богата, и все мое богатство всегда шло на украшеніе и построеніе храмо́въ Божіихъ. Поэтому я послѣдняя личность въ мірѣ, которой пришла бы въ голову мысль поджигать ихъ.

— Вся твоя жизнь! закричалъ несправедливый судья. — О мы знаемъ всю твою жизнь!

— Если же ты знаешь все отвѣчала непреклонная дама, то сойди съ трибунала, на которомъ ты сидишь, какъ судья, и выступай моимъ обвинителемъ, а кто-нибудь другой пусть рѣшитъ наше дѣло.

Очевидно дѣло принимало не желательный оборотъ. Въ присутствіи массы находящихся тутъ зрителей Оптатъ почувствовалъ себя сраженнымъ. Изъ среды присутствующихъ послышался ропотъ негодованія и по всей палатѣ суда раздались восклицанія недовольства. Въ виду этого Оптатъ перемѣнилъ свой тонъ и продолжалъ уже въ видѣ притворнаго совѣта:

— Истинно жаль, что такія добрыя женщины вмѣшиваются въ это смутное партійное дѣло. Вотъ вашъ патріархъ Арсакій назначенъ императоромъ на мѣсто бывшаго Іоанна, который осужденъ двумя соборами епископовъ и изгнанъ за свои преступленія. Зачѣмъ вы причиняете всѣ эти смуты, противясь, какъ церкви, такъ и государству? Пожалуйста, избавьте себя отъ этихъ непріятностей, имѣйте общеніе съ вашимъ истиннымъ церковнымъ владыкой.

И вотъ, такимъ образомъ Оптатъ старался хоть лестью достигнуть той цѣли, которой не могъ достигнуть угрозами; но благородная діаконисса была слишкомъ умна, чтобы поддаться этой подставленной ей ловушкѣ.

— Это уже совершенно другое обвиненіе, сказала она. Я привлечена была сюда къ суду на основаніи слѣпого обвиненія въ поджогѣ. Чудовищно, что самыя основы обвиненія могли измѣниться безъ малѣйшаго объясненія причины этого. Если ты оправдываешь меня отъ прежней клеветы и хочешь судить по новому обвиненію, то позволь мнѣ посовѣтоваться съ моими защитниками.

Префектъ поэтому вынужденъ былъ отложить дѣло; но когда Олимпіада опять была приведена, то объявила, что было бы противно и ея долгу и совѣсти анаѳематствовать истиннаго святителя Златоуста и имѣть общеніе съ Арсакіемъ.

— Тогда твое упорство да будетъ надъ твоей головой, гнѣвно сказалъ разъяренный судья. Ты изгоняешься въ Сизикъ и заплатишь штрафъ, который будетъ стоить тебѣ не малой части твоихъ имѣній.

— Ты можешь отобрать мои имѣнія, все съ тѣмъ же благороднымъ спокойствіемъ отвѣчала Олимпіада, можешь меня изгнать изъ моего дома, но не можешь покорить моей души.

Таковъ-то былъ печальный конецъ многолѣтняго самоотреченія ради другихъ! Немного спустя послѣ этого, удрученная душой и тѣломъ, Олимпіада навсегда покинула домъ, въ которомъ когда-то въ роскоши и нѣгѣ проводила свою молодость и дѣлами благотворенія облегчала свое преждевременное благочестивое вдовство.

Оптатъ затѣмъ попробовалъ свое инквизиторское искусство надъ Пентадіей — вдовой консула Тимасія, главнаго начальника войскъ при Ѳеодосіи. Когда ея доблестный мужъ былъ изгнанъ

и тайно умерщвленъ Евтропіемъ, она нашла себѣ убѣжище въ церкви. Жизнь ея спасена была отъ козней евнуха тѣмъ правомъ убѣжища, которое мужественно охранялъ Златоустъ. Удрученная испытаніями, она посвятила свою жизнь, въ качествѣ діакониссы, на служеніе церкви и своему благодѣтелю. Она сдѣлалась совершенной отшельницей и никогда не выходила изъ своей комнаты, кромѣ какъ помолиться въ храмѣ святой Софіи, откуда опять возвращалась въ свое уединеніе. Сановный палачъ надѣялся поэтому, что она окажется не такой рѣшительной, какъ Олимпіада, и ее будетъ легче запугать. Желая испробовать всѣ средства, Оптатъ, воспроизводя ужасы темныхъ вѣковъ гонительства, не только выставлялъ предъ ея глазами адскія орудія пытки, но сначала вытащивъ ее изъ ея уединенной комнаты, публично повелъ ее на форумъ, съ форума къ трибуналу, отъ трибунала въ тюрьму, и затѣмъ подвергалъ на ея глазахъ пыткѣ разныхъ лицъ, обвиненныхъ въ томъ великомъ преступленіи, что они «іоанниты». Съ коварною злобою онъ показывалъ ей, какъ знатные именитые люди корчились подъ ударами бича; показывалъ обнаженныя тѣла юношей, погибавшихъ подъ мечемъ и огнемъ, и заставлялъ ее смотрѣть на цѣлые потоки крови,—на то, какъ изможденныя, измученныя человѣческія существа издавали послѣдній вздохъ отъ самыхъ ужасныхъ видовъ казней. Все это она видѣла своими глазами, хотя впрочемъ, едва ли было бы справедливо сказать, что она дѣйствительно видѣла все; потому что хотя ее тѣло присутствовало при этомъ злобномъ торжествѣ власти тьмы, ея душа парила къ небу въ сладостномъ общеніи со Христомъ. Нисколько не смутилась она, когда кончилась эта оргія адской жестокости. Предъявленное ей обвиненіе въ поджогѣ она опровергла въ нѣсколькихъ, совершенно спокойныхъ словахъ, чѣмъ заградила уста своихъ обвинителей и заставила Оптата постыдно отказаться отъ обвиненія.

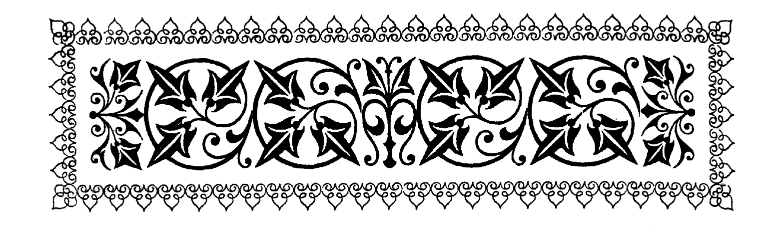
Имя Сальвины,—дочери короля, близкой родственницы Ѳеодосія, въ дѣтствѣ воспитывавшейся вмѣстѣ съ самимъ Аркадіемъ и Гоноріемъ, — послужило достаточной защитой ея отъ подобныхъ жестокостей и она продолжала вести въ своемъ вельможномъ домѣ жизнь, посвященную аскетизму и служенію церкви. Болѣе подходящей жертвой могла послужить добрая старая дѣва Никарета, хотя она также происходила изъ богатаго и знатнаго виѳинскаго

семейства. Чрезвычайно скромная и всецѣло преданная дѣламъ благотворенія, она съ своей лекарственной коробкой извѣстна была всѣмъ бѣднымъ жителямъ Константинополя, и сами врачи съ благодушной улыбкой признавали, что она своею добротою умѣла внушать такое довѣріе больнымъ, что ея простыя лекарства часто оказывались гораздо дѣйствительнѣе ихъ медицинскихъ средствъ. Она также, при всей своей невинности и добротѣ, должна была испытать тѣ ужасы, которымъ была подвергнута Пентадія. Громкій ропотъ бѣдняковъ, глубоко любившихъ ее, удержалъ Оптата отъ наиболѣе суровыхъ мѣръ, но онъ со свойственной ему жестокостью присудилъ ее къ конфискаціи почти всего имущества. Утопая въ безумной роскоши, дворъ постоянно нуждался въ деньгахъ и потому Аркадій отнюдь не прочь былъ пользоваться огромными штрафами. Нечего говорить, что Евдоксія, при своихъ излишествахъ, также постоянно нуждалась въ огромныхъ средствахъ и потому богатство Никареты, которое въ теченіе стольких лѣтъ служило источникомъ помощи для бѣдняковъ, теперь было захвачено въ пользу казны,—чтобы пойти, конечно, на удовлетвореніе самой чудовищной роскоши. Однако и этимъ нельзя было остановить ея благотворительности. Низводя свои собственные расходы и по своему нѣкогда большому домохозяйству до самой ничтожной суммы, она все-таки еще была въ состояніи пользоваться той роскошью въ добрыхъ дѣлахъ, которыя составляли теперь единственное удовольствіе для ея благочестивой души. Даже и въ этомъ своемъ положеніи она все еще продолжала возбуждать зависть въ сердцѣ враговъ Златоуста. Они знали, что она въ своей душѣ не питала ни малѣйшаго уваженія ни къ кому изъ нихъ и оставалась вѣрной памяти сосланнаго патріарха. Подвергаясь постепеннымъ непріятностямъ, она поэтому также оставила мѣсто своихъ щедрыхъ благодѣяній и къ концу своихъ дней удалилась въ свою родную Виѳинію.

Въ этомъ же родѣ власть тьмы продолжала свои ужасы и дальше, и не только мужчины, но и женщины, многіе монахи, дѣвственницы и діакониссы подвергались штрафамъ, бичеванію, тюремному заключенію и пыткамъ. Но все было напрасно. Хотя враги Златоуста располагали всей властью, какая только находилась въ рукахъ беззастѣнчивой Евдоксіи, однако, при всѣхъ усиліяхъ, они никакими

пытками не могли подчинить себѣ свободныхъ благородныхъ душъ, обитавшихъ въ столь немощныхъ тѣлахъ. Друзья сосланнаго патріарха не хотѣли имѣть никакого общенія съ лицами, которыя обагряли свои руки кровью невинныхъ. Они тайно собирались въ извѣстныхъ домахъ или даже на отдаленныхъ малодоступныхъ поляхъ и тамъ продолжали молиться Господу Богу, вознося горячія мольбы за своего сосланнаго патріарха и о томъ, чтобы Богъ смягчилъ сердца его жестокихъ враговъ.

ГЛАВА LV.

Юные страдальцы за правду.

Враги изгнаннаго патріарха чувствовали нѣкоторое смущеніе. Они имѣли наглость даже утверждать, что самъ Іоаннъ поджегъ свой каѳедральный храмъ; но когда никто не вѣрилъ этому, то старались увѣрить всѣхъ, что если Іоаннъ самъ не сдѣлалъ этого, то во всякомъ случаѣ это сдѣлали по его наущенію іоанниты. Однако, не смотря на всѣ свои старанія найти какія-нибудь доказательства въ пользу этого утвержденія, не смотря на страшныя мученія, которымъ подвергали всѣхъ обвиняемыхъ, все было напрасно потому что никакія пытки не могли вырвать изъ устъ невинныхъ страдальцевъ ни единаго слова, которое могло бы послужить подтвержденіемъ подобныхъ обвиненій. Враги Златоуста съ своимъ сановникомъ палачемъ Оптатомъ во главѣ уже вдоволь насладились зрѣлищемъ всевсевозможныхъ пытокъ, вызывавшихъ вопли и крики у страдальцевъ, которыхъ они мучили за ихъ невинность, и однако не могли не сознавать, что въ сущности не достигли ничего кромѣ удовлетворенія своей личной вражды и ненависти, и что, напротивъ, проклятія, возбужденныя ими противъ себя въ тысячахъ сердецъ, были для нихъ отнюдь не безопасными.

На нѣкоторое время они поэтому даже прекратили всякое гонительство. Они увидѣли, что сколько бы ни продолжали они свое адское дѣло бичеванія, сожженія, колесованія и другихъ пытокъ, сколько бы

не водворяли въ Константинополѣ ужасовъ, омерзительныхъ для всякой благородной души, имъ не достигнуть было своей цѣли, всѣ ихъ обвиненія падали и вся ложь, которую они создавали съ цѣлью обвиненія невинныхъ, обрушивалась на ихъ же собственныя преступныя головы.

Тогда у двухъ негоднѣйшихъ членовъ враждебной бывшему патріарху клики, у злобнаго Елпидія и уличенаго въ прелюбодѣяніи діакона Іоанна явилась, какъ имъ казалось, блистательная мысль. Почему бы Оптату не наложить своей руки на тѣхъ двухъ молодыхъ людей, которые все еще жили въ патріархіи? Вѣдь не даромъ же ихъ любилъ изгнанный патріархъ и они такъ всецѣло преданы ему! Если гдѣ-нибудь можно серьезно предполагать преступленіе въ поджогѣ, то конечно у нихъ, какъ у несомнѣнныхъ виновниковъ этого бѣдствія. Во всякомъ случаѣ странно, что инквизиторы оставили ихъ до сихъ поръ безъ вниманія. А между тѣмъ подвергнуть ихъ надлежащей пыткѣ, заключить въ тюрьму и быть можетъ совсѣмъ убить ихъ было бы прекраснымъ средствомъ мщенія, потому что это усугубило бы скорбь изгнанника и причинило бы ему такое же страданіе, какое, какъ имъ думалось, онъ уже испыталъ, услышавъ о жестокостяхъ по отношенію къ его возлюбленнымъ діакониссамъ. Кромѣ того эти молодые люди, (изъ которыхъ Евтихій былъ почти не болѣе, какъ мальчикъ) пожалуй, могли бы оказаться въ виду своей юности, еще не привыкшей къ тяжкимъ скорбямъ и испытаніямъ, податливѣе даже женщинъ, которые въ теченіе долгихъ лѣтъ своей жизни ужъ не мало перенесли житейскихъ невзгодъ и треволненій и успѣли попривыкнуть къ нимъ. Сообразно съ этимъ адскимъ замысломъ, немедленно дано было знать, Оптату, что подъ руками находится весьма хорошая добыча, которою и необходимо поскорѣе воспользоваться.

Филиппъ и самъ уже не мало удивился, почему это его до сихъ поръ не арестовали, хотя ему и въ голову не приходило, чтобы у враговъ могла явиться мысль объ арестѣ такого невиннаго и безобиднаго существа, какимъ былъ его возлюбленный Евтихій, этотъ скромный, совершенно безпорочный, ласковый и добрый мальчикъ. Самъ Филиппъ все это время жилъ какъ въ сновидѣніи. По временамъ ему казалось, что онъ уже круглый сирота въ мірѣ, не имѣетъ ни отца, ни матери, ни даже друзей.

Давида уже не было, Маріамь также исчезла, а его духовный отецъ подвергся злостному и жестокому изгнанію, разлученъ быть можетъ навсегда съ Калліасомъ и своими добрыми сотоварищами— молодыми готами. И такъ какъ теперь ему не съ кѣмъ было посовѣтоваться, или на кого-нибудь положиться въ трудныя минуты жизни, то ему казалось, что онъ уже умеръ для этого міра. Онъ такъ жестоко страдалъ въ сердцѣ, что даже не хотѣлъ ходить на судебныя засѣданія, — изъ опасенія, какъ бы внезапный взрывъ негодованія не вывелъ его изъ себя и не причинилъ вреда дѣлу тѣхъ, кого онъ любилъ. А когда ему разсказали, какъ жестоко тираны поступили съ Тигріемъ, Серапіономъ и Гераклидомъ, что̀ вынесли Олимпіада, Пентадія и Никарета, а также и всѣ преданнѣйшіе сосланному патріарху иноки, дѣвственницы и пресвитеры, то черезъ его сердце какъ-будто прошелъ обоюдоострый мечъ. Это его бѣдственное состояніе еще болѣе усиливалось вслѣдствіе того, что въ теченіе довольно значительнаго времени онъ не получалъ никакихъ извѣстій отъ Михаила Деспосина, не получалъ ни строки отъ Давида, ни малѣйшей вѣсточки отъ своей возлюбленной, милой Маріами. Онъ зналъ, что сношенія сдѣлались весьма затруднительными въ это смутное и неувѣренное время; до него доходили слухи о набѣгахъ исаврійцевъ, которые свирѣпствовали по всей странѣ — отъ сѣвера до юга. Онъ ни на моментъ не сомнѣвался въ преданности и любви этихъ, теперь далекихъ отъ него друзей; но не случилось ли чего съ ними? Живы ли еще они? Да, что-то подсказывало ему, что они живы, по крайней мѣрѣ должны быть живы. А если такъ, то почему они не присылали ему хоть нѣсколькихъ строкъ или нѣсколькихъ словъ, чтобы только извѣстить о себѣ и ободрить его. Кромѣ этой постоянной тревоги, онъ слышалъ также о скорби души Златоуста во время долгаго утомительнаго путешествія въ Кукузъ. Никто кромѣ Филиппа не могъ вполнѣ представить себѣ, какъ великій святитель, при своемъ немощномъ тѣлѣ и слабомъ здоровьѣ, долженъ былъ страдать при отсутствіи самыхъ простыхъ удобствъ жизни въ страшную ночь, проведенную имъ въ Кесаріи, во время тревожнаго и поспѣшнаго путешествія по песчаной Галатіи, во время ускоренныхъ переходовъ среди обитаемыхъ разбойниками ущелій и пещеръ Арменіи, и наконецъ, въ холодѣ и самыхъ тя-

желыхъ условіяхъ жизни въ той жалкой деревнѣ, которая избрана была злобой его враговъ, для его постояннаго мѣстопребыванія. Да, поистинѣ, для Филиппа горечь смерти уже миновала; пусть арестуютъ или не арестуютъ его, какъ имъ угодно! Если умертвлять его, такъ тѣмъ лучше. Что такое жизнь для него? Это паръ и притомъ ядовитый; для него уже исчезли золотыя мечты юности и наступила мрачная ночь. Уже солнце жизни, которое на время блистало такъ ярко, побагровѣло, какъ кровь, и погрузилось въ море отчаянія и смерти...

Но когда жизнь уже потеряла свои радости, у нея къ счастію, оставались еще свои обязанности. Филиппъ былъ спасенъ отъ крайняго отчаянія въ своемъ мрачномъ настроеніи необходимостью дѣйствовать въ пользу своего возлюбленнаго владыки. Какъ только святитель удалился, онъ занялся приведеніемъ его дѣлъ въ порядокъ и началъ дѣлать приготовленія къ отправкѣ его старыхъ слугъ въ ихъ старый домъ въ Антіохіи. Хотя не прошло и десяти дней, какъ Арсакій, въ качествѣ новаго патріарха уже вступилъ въ патріархію, Филиппъ однако успѣлъ какъ слѣдуетъ воспользоваться этимъ временемъ. Собственная меблировка, принадлежащая изгнанному патріарху, была такъ проста, что Арсакій, любившій, подобно своему брату, роскошь, даже съ удовольствіемъ облегчалъ всякую возможность къ удаленію всей этой рухляди, какъ онъ называлъ ее. Онъ порѣшилъ вновь убрать патріархію роскошными коврами и тирскими занавѣсями, какъ это было при его братѣ, и намѣревался возобновить прежніе аристократическіе обѣды, чтобы придать дому патріарха принадлежавшій ему раньше блескъ. Что касается комнаты, бывшей кабинетомъ Златоуста, то онъ не хотѣлъ жить въ такомъ скромномъ помѣщеніи. Не чувствовалъ онъ ни малѣйшаго интереса и къ рукописямъ своего предшественника, и даже не могъ представить себѣ, какъ это такой высокопоставленный человѣкъ могъ терпѣть около себя такія старыя безобразныя запыленныя вещи. Единственными книгами, которыя имѣлись у Арсакія, кромѣ выдающейся текущей литературы, было небольшое собраніе коментаріевъ котенъ и нѣсколько сборниковъ проповѣдей, изъ которыхъ онъ черпалъ матеріалъ для словъ и рѣчей, произносившихся имъ при разныхъ торжественныхъ случаяхъ.

И вотъ, такимъ образомъ скоро все было уложено и Филиппъ отправилъ въ Антіохію огорченныхъ слугъ, которые всѣ знали его съ самаго ранняго дѣтства. Онъ утѣшалъ ихъ въ скорби, говоря имъ, что патріархъ предоставилъ ему съ Евтихіемъ старый домъ на Сингонской улицѣ и что они также пріѣдутъ туда и поселятся тамъ, какъ только закончатъ свои дѣла въ Констснтинополѣ и позволятъ имъ обстоятельства. Теперь же онъ долженъ былъ помогать въ изготовленіи писемъ и свидѣтельствъ, которыя Палладій, Германъ и Кассіанъ намѣрены были взять съ собой къ Иннокентію — папѣ римскому. Изъ Антіохіи Филиппъ надѣялся въ недалекомъ будущемъ перебраться въ Кукузъ и посвятить свою молодую жизнь на служеніе своему возлюбленному отцу и господину; предполагалъ, что возьметъ съ собою и Евтихія, если это будетъ возможно, и во всякомъ случаѣ хотя бы и на время, но непремѣнно побываетъ у него. Увы! «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Впрочемъ, зачѣмъ смотрѣть такъ мрачно на дѣло? Все лучшее, хотя бы мы часто сомнѣвались въ возможности его достиженія, осуществляется совершенно невидимыми для насъ путями, по руководству высшей Премудрости, и то, что мы считаемъ въ настоящій моментъ несчастьемъ, можетъ въ концѣ концовъ оказаться наилучшимъ счастіемъ.

Оставивъ патріархію, Филиппъ съ Евтихіемъ наняли небольшое помѣщеніе въ пригородѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Золотого Рога. Тамъ они жили очень спокойно, потому что считали за лучшее по возможности избѣгать опасности, которая слишкомъ угрожала имъ и, чтобы не встрѣчаться съ врагами Златоуста, не ходили даже въ церковь апостоловъ, гдѣ новый патріархъ совершалъ свое служеніе. Черезъ нѣсколько дней они надѣялись закончить свои сборы и отправиться въ Антіохію.

Въ ихъ маленькомъ помѣщеніи Евтихій былъ самымъ пріятнымъ изъ товарищей; да и Филиппъ ни съ кѣмъ другимъ не могъ бы такъ разгонять все болѣе сгущавшагося въ его душѣ мрака, который началъ окутывать его юную, преждевременно загубленную жизнь. Жизнь Евтихія находилась еще при началѣ своей весны и все было радостно въ ней; испытанія жизни еще и на половину не коснулись его такъ тяжело, какъ они коснулись Филиппа, и та скорбь, которая уже обрушилась на него, была облегчаема не-

преодолимой вѣрой, горѣвшей въ его безпорочной душѣ. У него былъ прекраснѣйшій голосъ и его часто просили пѣть въ храмѣ святой Софіи, когда требовалось «solo». Своимъ пѣніемъ онъ производилъ такое сильное впечатлѣніе, что всякій разъ, какъ становилось извѣстнымъ, что онъ будетъ пѣть, собирались огромныя массы народа. Теперь онъ пользовался своимъ искусствомъ для облегченія горя своего друга: каждый вечеръ, передъ отходомъ ко сну, они вмѣстѣ пѣли псалмы и гимны. Кромѣ того, когда они гуляли по дикимъ отдаленнымъ мѣстамъ уединеннаго берега, Евтихій время отъ времени пѣлъ какой-нибудь прекрасный отрывокъ изъ греческихъ или римскихъ пѣсенъ и своимъ чарующимъ голосомъ утишалъ гнѣвъ, который кипѣлъ въ душѣ Филиппа противъ константинопольскаго общества. Но юность счастлива тѣмъ, что хотя она способна сильно предаваться тѣмъ или другимъ мыслямъ за то скорби ея скоро забываются, такъ какъ духъ бодрости и надежды неистощимъ въ ней. Филиппъ уже сталъ надѣяться, что настанутъ же дни, когда его душа просвѣтлѣетъ и найдетъ утѣшеніе при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ жизни, какъ вдругъ на нихъ обоихъ обрушился страшный ударъ.

Оптатъ уже издалъ приказъ арестовать ихъ. Однажды они возвращались съ морского берега, гдѣ только что искупались въ синихъ волнахъ Босфора, какъ при поворотѣ улицы, въ которой они жили, Евтихій внезапно схватилъ Филиппа за руку и указалъ ему на представившееся имъ странное, но довольно понятное зрѣлище.

Какъ разъ предъ дверью ихъ помѣщенія въ полномъ вооруженіи стояли два палатина съ длинными копьями въ рукахъ.

Повернуться и бѣжать было бы безполезно: куда они могли уйти? Кто могъ бы укрыть ихъ? Нечего и говорить, что ихъ догонятъ и схватятъ. Очевидно, бѣжать было безполезно. Взявъ другъ друга за руку, они пошли впередъ. Палатины немедленно скрестили свои копья предъ входомъ, запретили имъ войти и отъ имени императора арестовали ихъ.

— Покажите намъ приказъ объ арестѣ, сказалъ Филиппъ.

Воины показали, и Филиппъ, прочитавъ обвиненіе въ томъ, что они были поджигатели и яростные іоанниты, увидѣлъ, что оно было подписано рукой Северіана.

Сопротивляться было невозможно и они сдались. На руки имъ были надѣты цѣпи. Конвоируемые воинами съ обѣихъ сторонъ, державшими за концы цѣпей, они были отведены въ тюрьму. Когда они проходили по улицамъ, то многіе видѣли ихъ и узнавали. Народъ открыто выражалъ свое сомнѣніе и съ обычной безбоязненностью выкрикивалъ громкія ругательства противъ Евдоксіи, Оптата, Северіана и ихъ соучастниковъ; однако никто не посмѣлъ сдѣлать попытки освободить арестованныхъ, потому что почти на всѣхъ улицахъ стояли патрули воиновъ въ полномъ вооруженіи и съ угрожающимъ выраженіемъ на своемъ грубомъ лицѣ часто проѣзжалъ ихъ военачальникъ Луцій. Брошенные въ тюрьму, они оставлены были тамъ въ ея душной атмосферѣ, на нѣсколько дней съ явнымъ намѣреніемъ, чтобы это тяжелое мѣстопребываніе ослабило ихъ духъ и истощило ихъ физическія силы, согнавъ яркій румянецъ съ ихъ юныхъ щекъ и подавивъ молодую бодрость въ ихъ горячихъ сердцахъ. Но этотъ низкій планъ не удался. Душа молодыхъ людей была такъ чиста, что даже при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ своего положенія они продолжали сохранять обычную бодрость и нисколько даже не поблѣднѣли въ мрачной темницѣ. Когда ихъ привели къ трибуналу, то при видѣ этихъ юношей — темноглазаго Филиппа съ безбоязненнымъ взоромъ, и свѣтловолосаго Евтихія, лицомъ, походившаго на ангела, среди зрителей невольно вырвался ропотъ сожалѣнія и сочувствія къ нимъ. Это однако нисколько не смутило языческаго префекта.

— Этого мальчика легко будетъ запугать, прошепталъ Оптатъ своему товарищу.

— А мы попробуемъ во всякомъ случаѣ, отвѣчалъ тотъ.

— Что побудило тебя, такого молодого бездѣльника, поджигать нашъ великій храмъ? спросилъ Оптатъ, наклоняясь къ Евтихію съ самымъ суровымъ видомъ.

— Я скорѣе отсѣкъ бы себѣ правую руку, господинъ, скромно отвѣчалъ Евтихій, чѣмъ поджигать церковь Божію.

— Ахъ ты проклятый лицемѣръ; еще вотъ какъ умѣетъ говорить! воскликнулъ судья. — Но мы знаемъ, что ты мятежный іоаннитъ, несмотря на всю бѣлизну и привлекательность твоего лица. Смотри, у меня не говорить безсмыслицъ, закричалъ онъ,

иначе я съумѣю какъ-нибудь иначе выпытать изъ тебя правду. Если ты самъ не поджегъ церкви, то судъ нисколько не сомнѣвается, что ты знаешь, кто это сдѣлалъ. Такъ сказывай намъ.

— Я совсѣмъ не знаю, господинъ, отвѣчалъ Евтихій; мы скорбѣли сердцемъ при видѣ того, какъ наша возлюбленная церковь была объята пламенемъ, и никто изъ насъ, преданныхъ патріарху, не могъ совершить такого преступленія.

— Патріарху?! Ахъ, ты безстыдный болтунъ! Кого ты разумѣешь: его ли блаженство патріарха Арсакія, или того негоднаго богохульника и злонамѣреннаго человѣка, котораго на вѣчность императоръ отправилъ въ изгнаніе въ Кукузъ?

— Стыдись говорить такъ, закричало нѣсколько голосовъ изъ среды слушателей.

— Какой стыдъ! въ свою очередь закричалъ префектъ. Я васъ всѣхъ прикажу арестовать и выпороть плетями, если вы еще пикнете хоть одно слово. Отвѣчай, узникъ!

Господинъ, сказалъ Евтихій, я разумѣлъ бывшаго патріарха Іоанна, котораго всегда почиталъ, какъ святѣйшаго мужа....

— А, такъ ты вотъ какъ! Такъ теперь анаѳематствуй этого негоднаго Іоанна, и мы повѣримъ, что ты невиновенъ, и отпустимъ тебя.

— Будь твердъ мой Евтихій, прошепталъ Филиппъ, который стоялъ неподалеку отъ него.

Единственнымъ отвѣтомъ мальчика было то, что онъ повернулся къ нему съ сіяющей полуукоризненной улыбкой. Неужели Филиппъ хоть на моментъ могъ вообразить, что онъ поколеблется?

Оптатъ продолжалъ свое дѣло.

— Ты, другой узникъ, закричалъ онъ, если ты скажешь еще слово, прежде чѣмъ тебя спрашиваютъ, то будешь наказанъ плетьми въ видѣ прелюдіи къ твоему допросу! Ну, мальчикъ, проклинай же бывшаго патріарха Іоанна!

— Я не могу, господинъ, сказалъ Евтихій, и никогда этого не сдѣлаю. Онъ былъ мой благодѣтель, почти мой отецъ. Я сирота и онъ далъ мнѣ убѣжище. Я обязанъ ему самой моей душой.

— А, такъ ты не можешь, ты не смѣешь? Смотри мальчикъ: ты видишь это?—Палачъ, покажи ему нѣкоторыя изъ этихъ хорошихъ игрушекъ.

Палачъ отдернулъ занавѣсъ и тронувъ Евтихія за плечо, показалъ ему пальцемъ.

Евтихій увидѣлъ тамъ цѣлую коллекцію всякаго рода орудій пытки. Тамъ стояла горячая жаровня, на которой до-красна накалились различныя орудія пытки; а рядомъ съ ней желѣзныя рамперы — въ родѣ тѣхъ, которыми мучимъ былъ святой Лаврентій, щипцы для раздробленія пальцевъ и сдиранія ногтей; скобки, желѣзная лошадь съ острыми шпильками на спинѣ, на которую привязывались узники съ тяжелыми привѣсками къ рукамъ и ногамъ; были щипцы для раздиранія членовъ, изъ носороговой кожи ремни, усаженные шпильками и свинцовыми шишками; также были и ужасныя желѣзныя кошки (ingulae) съ острыми когтями, которыми палачъ проводилъ по тѣлу кровавыя борозды. Евтихій бросилъ на нихъ взглядъ и на моментъ поблѣднѣлъ.

— Видите ли вы это? спросилъ Оптатъ. Хорошо, неправда ли? Развѣ ты хочешь познакомиться съ ними?

Мальчикъ только поднялъ свои глаза къ небу и проговорилъ безмолвную молитву; а Филиппъ опять проговорилъ: «мужайся, мой Евтихій».

— Воинъ, ударь этого безстыднаго негодяя по мордѣ! яростно закричалъ Оптатъ; скажи хоть еще слово, и я вырву тебѣ языкъ.

Преторіанецъ нанесъ Филиппу въ лицо сильный ударъ, отъ котораго тотъ вспыхнулъ, а Евтихій, увидѣвъ это, даже вскочилъ и вскрикнулъ.

— Ахъ ты, негодная собака! закричалъ судья, не думай разжалобить насъ твоимъ притворнымъ видомъ мученичества. Еще разъ говорю тебѣ: анаѳематствуй Іоанна или.... — не докончилъ онъ, вмѣсто словъ краснорѣчиво указалъ пальцемъ на орудія страшныхъ пытокъ.

— Я не могу, сказалъ Евтихій своимъ тихимъ и пріятнымъ голосомъ, который тронулъ сердца всѣхъ присутствующихъ. Я не могу и не хочу! Господи Іисусе, помоги мнѣ!

— Не обольщайся мальчикъ, съ притворнымъ сожалѣніемъ сказалъ присутствовавшій при этомъ Северіанъ; «хотя бы я отдалъ тѣло мое на сожженіе, но если любви не имѣю, то нѣтъ мнѣ пользы въ томъ».

Евтихій повернулъ къ нему свой чистый взглядъ, причемъ по его лицу невольно прошла тѣнь презрѣнія а по тѣлу пробѣжала дрожь отвращенія.

— Мы напрасно тратимъ время, сказалъ Оптатъ. Раздѣть его.

Воины сняли съ него одежду.

— Побичевать его скутикомъ*).

Страшный бичъ засвисталъ въ воздухѣ и ужасными размахами заходилъ по бѣлой спинѣ мальчика, но онъ не говорилъ ни слова и въ его голубыхъ глазахъ продолжалъ сіять неземной свѣтъ.

— Еще разъ говорю тебѣ: анаѳематствуй Іоанна.

Евтихій не могъ говорить, но отрицательно покачалъ головой.

— Если этого недостаточно, чтобы сломать его упрямство, то положить его на лошадь, — приказалъ Оптатъ.

Воины взвалили его безпомощное израненное тѣло на унизанную шпильками спину деревянной лошади. Теперь попробуйте надъ нимъ ungulae.

Сердце Филиппа готово было разорваться. Онъ неудержимо конвульсивно зарыдалъ, закрывъ лицо руками.

Палачъ придвинулъ ungulae къ Евтихію и началъ царапать ему тѣло.

— Филиппъ, Филиппъ, простоналъ несчастный мальчикъ отъ невыносимой боли и протянулъ къ нему руку.

Филиппъ схватилъ ее и прижалъ къ сердцу, пока палачъ грубо не оторвалъ ее, сильно ударивъ по ней. Но Евтихій больше думалъ о скорби своего друга, чѣмъ о собственной, и душа его перешла въ состояніе восторженнаго изступленія. Онъ чувствовалъ, что какъ будто ангелы въ бѣломъ одѣяніи стояли рядомъ съ нимъ, какъ будто самъ Христосъ держалъ его за руку и съ одобреніемъ пожималъ ее. Когда палачъ придвинулъ страшное ungulae къ другому его боку, то онъ почти былъ безъ сознанія; какъ будто море свѣта проносилось надъ моремъ мрака. Агонія перешла въ экстатическое состояніе, при которомъ Евтихій уже не чувствовалъ боли и не произносилъ ни единаго звука.

---

*) Scutica — σκουτική — бичъ изъ ремней, начинявшійся для тяжеловѣсности свинцомъ или унизывавшійся шпильками. Страшное орудіе наказанія и пытки въ древности. Перев.

— Красивая тварь, замѣтилъ Оптатъ. Палачъ, надо немножко посбавить ему красоту. Пощупай ему кошечкой на лбу.

Человѣкъ-звѣрь сорвалъ кожу со лба мальчика, содравъ вмѣстѣ съ ней и брови. Кровь текла ручьями и залѣпила ему глаза и прекрасные локоны его бѣлокурыхъ волосъ спутались въ безобразные комья; но онъ все еще не издавалъ ни звука.

— Скажешь ли ты когда нибудь? вскричалъ Оптатъ, А ну-ка попробуй приложить факелъ къ его ранамъ, приказалъ онъ палачу.

Филиппъ былъ внѣ себя отъ ярости и готовъ былъ броситься на безчеловѣчныхъ мучителей. Между тѣмъ палачъ, исполняя приказаніе, поднесъ огонь къ ранамъ мальчика. Отъ новой боли наполовину придя въ себя, онъ вздохнулъ и затѣмъ громкимъ голосомъ радостно вскричалъ: «Я вижу херувимовъ и серафимовъ и тебя самого Господи Іисусе» и откинулся назадъ. Палачъ продолжалъ держать факелъ у ранъ Евтихія, но онъ уже не корчился, не двигался и не говорилъ ни слова. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ. Онъ лежалъ безъ чувствъ. Разодраная кожа клочьями висѣла у него по лицу, красота его была обезображена, его прекрасные волосы спутаны и обагрены кровью. Бѣлая кожа покрыта кровавыми пятнами. Воины развязали его. Онъ былъ уже мертвъ! И во время наступившаго безмолвія, многіе, какъ они впослѣдствіи сообщали, ясно слышали взмахи ангельскихъ крыльевъ и ясно слышали мелодію ангельскихъ пѣсенъ...

Наступившее безмолвіе было прервано грубымъ голосомъ Оптата.

— Унесть отсюда эту дрянь! Теперь очередь за вторымъ узникомъ, онъ, повидимому, доставитъ намъ больше развлеченія.

Филиппъ былъ раздѣтъ и подвергся бичеванію; бока ему также были содраны посредствомъ желѣзной кошки; затѣмъ его сажали и на деревянную лошадь и вообще подвергали всѣмъ ужасающимъ пыткамъ. Но всѣ эти жестокости оказались напрасными и не могли вырвать у Филиппа ни единаго слова. Для мучителей было бы удовольствіемъ даже и то, если бы онъ простоналъ или въ отчаяніи началъ проклинать своихъ враговъ; но онъ не говорилъ ни хорошаго, ни дурного и поэтому сдѣлалось слишкомъ скучнымъ слушать безмолвное бряцаніе орудій пытки, когда самъ страдалецъ не издавалъ ни единаго вздоха.

Палачи хотѣли было приступить еще къ большимъ жестокостямъ, которыя, конечно, кончились бы съ его жизнью, но среди зрителей поднялся такой гнѣвный ропотъ, что сами палачи испугались и не особенно охотно исполняли свое дѣло. Даже сами судьи стали серьезно побаиваться, и не напрасно, такъ какъ становилось весьма вѣроятнымъ, что народъ, разъяренный судьбой невиннаго Евтихія, легко могъ поднять яростный мятежъ, убить мучителей, префекта и разнести все зданіе. Поэтому невольно наступилъ перерывъ. Филиппъ все еще лежалъ на лошади какъ мертвый. Онъ не слышалъ громкаго шума голосовъ, поднявшагося среди присутствующихъ, и впослѣдствіи говорилъ (уже много спустя послѣ этого, въ тѣ счастливые дни, когда ему можно было опять вспоминать объ этихъ ужасныхъ испытаніяхъ), что онъ сомнѣвается въ томъ, чувствовалъ ли дѣйствительно какую-нибудь боль. Бываетъ иногда такое напряженное состояніе, что душа совершенно перестаетъ сознавать свое тѣло, подобно тому, какъ воины часто въ пылу битвы не сознаютъ боли отъ своихъ ранъ или даже не сознаютъ самыхъ ранъ вообще, пока не закончится битва. — Душа Филиппа была такъ возбуждена, такъ потрясена при видѣ жестокостей, причиненныхъ Евтихію, а затѣмъ была такъ охвачена непостижимымъ для него восторгомъ, что всѣ другія ощущенія замерли въ немъ. Палачамъ пришлось бы пытать его, пока бы онъ не умеръ; но потерявъ всякую надежду добиться отъ него чего-нибудь, напуганные притомъ яростными криками народа, судьи прекратили засѣданіе.

— Развязать его, мрачно сказалъ Оптатъ, и отвесть его обратно въ темницу.

— Онъ уже давно безъ сознанія, негодный убійца, злой демонъ, — закричалъ изъ толпы какой-то молодой человѣкъ, который знавалъ Филиппа и часто проводилъ въ его обществѣ счастливые часы.

— Кто это такой? грозно закричалъ префектъ; привести его сюда, подвергнуть его бичеванію, растянуть его на лошади, приложить къ нему ungulae! Какъ!? вы не можете сказать, кто это закричалъ изъ толпы? Мерзавцы! Васъ нужно самихъ подвергнуть бичеванію. Воины, очистить палату суда! Если нужно, можете употребить въ дѣло мечи; я вамъ приказываю!

Но даже и воины къ этому времени уже до крайности утомлены были безобразнымъ зрѣлищемъ. Они не хотѣли употреблять силы и народъ, расходясь надѣлялъ префекта и его товарищей такими нелестными, но вполнѣ заслуженными эпитетами: «демоны, убійцы!»...

Сознавая преступность своего дѣла, неправедные судьи старались незамѣтно отъ толпы разойтись по домамъ. Но народъ подстерегалъ ихъ и съ особенною яростію обрушился на Северіана, справедливо видя въ немъ одного изъ главныхъ виновниковъ всѣхъ этихъ бѣдствій и ужасовъ. Когда онъ появился на улицѣ, то народъ съ угрозами окружилъ его, плевалъ на него и бросалъ камнями. И тогда этотъ недостойный епископъ долженъ былъ невольно убѣдиться, что даже несмотря на такую сильную покровительницу, какой оказывалась императрица, въ Константинополѣ ему оставаться было очень опасно. Въ ближайшую же ночь онъ удалился изъ столицы, и мучимый угрызеніями своей возмущенной совѣсти, еще нѣсколько времени странствовалъ по окрестнымъ городамъ и затѣмъ, какъ бы съ печатью Каина на лицѣ, исчезъ въ своемъ удаленномъ діоцезѣ, гдѣ и скончалъ дни своей, опозоренной многими беззаконіями, жизни.

Когда палачи выносили тѣло Евтихія изъ суда, то еще не совсѣмъ были увѣрены, умеръ ли онъ. Но когда они вынесли его на открытый воздухъ, то сдѣлалось яснымъ, что они несли только, обагренное кровью, тѣло мученика.

— Что намъ дѣлать съ нимъ? сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Зачѣмъ намъ трупъ нести въ темницу? Не позвать ли лучше священника?

Они дѣйствительно сказали пресвитерамъ, присутствовавшимъ въ судѣ, и нѣкоторые изъ нихъ поспѣшно вышли. Мы сами похоронимъ его, сказали они. Нѣтъ ли у кого-нибудь какого полотна или простыни? чтобы закрыть ему лицо?

Подъ рукой не оказалось никакой простыни; но одинъ изъ нихъ, желая поскорѣй скрыть мучительное зрѣлище, набросилъ свою верхнюю одежду на останки мальчика и затѣмъ они отправились къ мѣсту погребенія. Надъ прахомъ несчастнаго мальчика была совершена краткая молитва. Затѣмъ всѣ молча стали расходиться и многіе съ увѣренностью утверждали, что Евтихій не-

сомнѣнно займетъ мѣсто въ мартирологіи, такъ какъ они слышали отзвуки небеснаго пѣснопѣнія, которое сладостно звучало надъ тѣмъ мѣстомъ упокоенія, гдѣ безвременно смѣшалось съ прахомъ прекрасное тѣло юнаго мученика.

Въ безсознательномъ состояніи и жестоко искалѣченномъ видѣ Филиппъ былъ отнесенъ назадъ въ тюрьму (онъ былъ еще живъ) и небрежно брошенъ на кучу гнилой соломы, какъ единственной для него постели. Тамъ посѣтила его человѣколюбивая жена Авреліана, въ ушахъ которой всегда, повидимому, звучалъ голосъ, говорившій: «Я былъ боленъ и въ темницѣ, и вы посѣтили Меня». Сердце ея было поражено болью при видѣ несчастія юноши, о которомъ въ первые дни прибытія Златоуста въ Константинополь, ея благородный мужъ такъ часто говорилъ ей, какъ о своемъ веселомъ и скромномъ товарищѣ. Тамъ онъ и лежалъ среди толпы удрученныхъ отчаяніемъ узниковъ, изъ которыхъ каждаго ежедневно ожидала такая же или подобная участь, и никто не заботился о томъ, что едва теплившаяся искра жизни въ немъ теперь особенно бы требовала заботливаго и любящаго ухода днемъ и ночью.

— Бѣдный, бѣдный молодой человѣкъ, со вздохомъ восклицалъ Авреліанъ, когда она разсказала ему въ какомъ положеніи нашла Филиппа. — Мы переживаемъ ужасно опасное время, моя милая Клавдія. Я припоминаю, какимъ веселымъ и вмѣстѣ скромнымъ, какимъ преданнымъ былъ этотъ темноволосый юноша, когда онъ, почти силой, заставилъ меня и Амантія противъ нашей воли позволить ему сопровождать своего господина въ нашъ нечестивый городъ. Я припоминаю, съ какой заразительной веселостью, а часто и съ счастливыми пѣснями, онъ вмѣстѣ съ другимъ прекраснымъ мальчикомъ Евтихіемъ пѣвчимъ, который, какъ я слышалъ, звѣрски замученъ сегодня до смерти, ежедневно проходилъ мимо нашего дома, исполняя свои служебныя порученія или дѣла благотворенія!

— Нельзя ли бы тебѣ походатайствовать о немъ предъ императоромъ?

— Дорогая Клавдія! Аркадій, какъ ты знаешь, весь въ рукахъ у Евдоксіи; а что такое Евдоксія, когда въ ней запылала ненависть, это, конечно, ты тоже знаешь...

— И однако, навѣрно даже она не воспротивилась бы попыткѣ избавить отъ смерти жестоко мучимаго молодого человѣка. О, Авреліанъ, рискни нѣсколько и попытайся спасти его!

— Я попробую и немедленно же отправлюсь, сказалъ преторіанскій префектъ. Что такое въ концѣ концовъ жизнь, какъ не служба?

Онъ надѣлъ на себя свою пурпурную мантію и немедленно же вышелъ. Благодаря своему высокому сану, онъ могъ всегда получить немедленно же аудіенцію. Аркадій, который искренно уважалъ его, радъ былъ видѣть его. Авреліанъ въ немногихъ словахъ изложилъ свою просьбу, услышавъ которую, императоръ съ безпокойствомъ задвигался на своемъ креслѣ.

— Я желалъ бы, чтобы это время прошло поскорѣе, жалобнымъ тономъ сказалъ Аркадій. По природѣ я человѣкъ добросердечный и однако теперь приходится по цѣлымъ днямъ слышать взмахи бичей и повсюду видѣть мрачные взгляды народа, выражающаго гнѣвный ропотъ на меня, когда я даже иду въ церковь. Самый амфитеатръ зараженъ настроеніемъ гнѣва и сожалѣнія...

— Но не можешь ли ты, государь, прекратить это безполезное гоненіе на іоаннитовъ? сказалъ префектъ, падая на одно колѣно.

— Что же я могу сдѣлать, отвѣчалъ жалкій правитель міра. Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось бы принимать участія въ козняхъ этихъ негодныхъ враговъ истинно святого патріарха. И вотъ теперь весь небосклонъ омрачился. Богъ хочетъ послать намъ другое землетрясеніе; но что я могу сдѣлать? Тутъ съ одной стороны—этотъ, выжившій изъ ума, старецъ заставляетъ меня собирать для него паству, а съ другой стороны Евдоксія вынуждаетъ меня къ новымъ изгнаніямъ, къ новымъ козням. Я хотѣлъ бы...

Но что онъ хотѣлъ, этого такъ и не высказалъ.

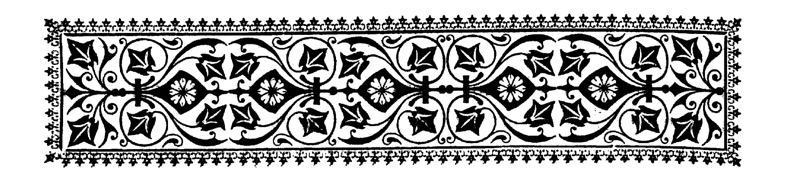
— Я увѣренъ, что если твоя вѣчность только бы настойчиво выразила свое желаніе, то это жестокое гонительство на невинныхъ іоаннитовъ прекратилось бы. Это позоръ для твоего благороднаго царствованія, что гражданъ ежедневно подвергаютъ пыткамъ, бичуютъ женщинъ, мальчиковъ пытаютъ до смерти...

— Выразить желаніе?! Ахъ, ты слишкомъ мало знаешь. Но жизнь этого молодого человѣка нужно во всякомъ случаѣ спасти,

если только это возможно будетъ сдѣлать. Я напишу приказъ объ его освобожденіи и сейчасъ же здѣсь подпишу его.

Онъ сѣлъ къ столу и, обмакнувъ стиль въ свою большую золотую чернильницу, написалъ приказъ четкимъ прекраснымъ почеркомъ, который былъ его единственнымъ достоинствомъ.

Авреліанъ въ восторгѣ поспѣшилъ домой. Клавдія немедленно велѣла приготовить самыя удобныя изъ своихъ носилокъ, и положила на нихъ самыя мягкія подушки, и Авреліанъ вмѣстѣ съ ней отправился въ темницу, пригласивъ съ собой и одного изъ лучшихъ врачей въ Константинополѣ. Съ самой нѣжной заботливостью Филиппъ былъ положенъ на носилки и отнесенъ въ больницу. Тамъ врачъ употребилъ все свое искусство, чтобы вправить ему искалѣченныя руки, и затѣмъ онъ осторожно отнесенъ былъ въ домъ Авреліана, гдѣ въ большой, просторной комнатѣ, въ которую проникалъ свѣжій морской вѣтерокъ, умѣряя палящій лѣтній зной, онъ былъ положенъ на великолѣпную постель и пользовался всѣми услугами, какія только могли доставить искусство врача и заботливость вельможи. И тамъ, въ теченіе нѣсколькихъ тяжелыхъ дней юный страдалецъ за правду находился въ безсознательномъ состояніи, витая между жизнью и смертью.

ГЛАВА LVI.

Проблески наступающей зари.

Прошло не мало опасныхъ для жизни Филиппа дней, но молодость восторжествовала и жизнь, при помощи благотворнаго вліянія неиспорченной здоровой натуры, побѣдила смерть. Послѣ перенесенной имъ безчеловѣчной, жестокой пытки, Филиппъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не приходилъ въ ясное сознаніе; глаза его какъ-будто застилались какимъ-то покровомъ мглы и только слабое дыханіе и легкое движеніе доказывали, что онъ еще живъ. Но теперь онъ началъ показывать признаки выздоравливанія.

Однажды Авреліанъ и Клавдія стояли у его постели вмѣстѣ съ врачемъ, который былъ добрымъ христіаниномъ. Авреліанъ смотрѣлъ на Филиппа съ нѣсколько печальнымъ видомъ.

— Какъ перемѣнился онъ! Что сталось съ этимъ веселымъ молодымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ шесть лѣтъ тому назадъ! Возвратится ли когда нибудь цвѣтъ на эти блѣдныя щеки и прежняя сила и быстрота этимъ искалѣченнымъ членамъ? — грустно говорилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ врачъ; я приложилъ къ нему все мое искусство, и по милости Божіей оно не оказалось напраснымъ. Но когда больной придетъ въ полное сознаніе, то можетъ наступить реакція отчаянія и умственной агоніи, которой я сильно побаиваюсь.

— Что же ты посовѣтуешь?

— Ему было бы лучше всего въ деревнѣ. Когда онъ въ состояніи будетъ мыслить и вспоминать, префектъ, то движенія и выклики воиновъ на твоемъ дворѣ будутъ безпокоить его, и какъ ни ревностна въ своей добротѣ госпожа Клавдія, онъ будетъ нуждаться еще въ комъ-нибудь, кто бы ухаживалъ за нимъ и днемъ и ночью.

— До его выздоровленія съ радостью взялась бы ухаживать за нимъ Олимпіада, замѣтила Клавдія. Нѣсколько дней тому назадъ, она приходила повидать его, хотя и не безъ опасности для себя. Въ домѣ патріарха ей часто приходилось встрѣчаться и бесѣдовать съ нимъ.

— Это было бы лучше всего, сказалъ врачъ. Въ островномъ городѣ Кизикѣ, гдѣ теперь живетъ Олимпіада, онъ могъ бы съ позьзой подышать чистымъ воздухомъ Пропонтиды. Госпожа Олимпіада очень искусная и преданная своему дѣлу сидѣлка. Какъ для нея, такъ и для него было бы хорошо, если бы онъ находился подъ ея попеченіемъ. Съ своей стороны требуя постояннаго ухода, онъ тѣмъ самымъ могъ бы разогнать удручающую ее меланхолію.

На слѣдующій день Филиппъ пришелъ въ себя. У его постели сидѣла Клавдія. Онъ не узналъ ея. Глаза его смутно бродили по незнакомой ему комнатѣ. Онъ едва могъ припомнить, кто онъ такой, или составить себѣ какое-нибудь, хотя смутное воспоминаніе, о прошедшемъ. Клавдія положила ему на голову руку.

— Гдѣ это я? тихо спросилъ онъ, это не похоже на темницу...

— Ты находишься въ домѣ Авреліана, преторіанскаго префекта.

— А ты, госпожа?

— Я — Клавдія, — жена Авреліана. Мы ухаживали за тобой.

Настала долгая пауза.

— А онъ? Живъ ли онъ? Гдѣ онъ теперь? съ безпокойствомъ спрашивалъ Филиппъ.

— Ты разумѣешь консуларія Авреліана? — Онъ въ слѣдующей комнатѣ.

— Нѣтъ онъ — патріархъ Іоаннъ...

— Онъ здравствуетъ, и теперь находится въ Кукузѣ.

— О, я припоминаю, я припоминаю все!... А Евтихій? Голосъ его оборвался, когда онъ пытался произнести это слово.

— Не говори и не думай даже теперь, дорогой Филиппъ. Все, что для тебя нужно, это поскорѣе выздоровѣть.

— Но живъ ли онъ?

— Да, Филиппъ, онъ живетъ въ той странѣ, гдѣ Богъ отретъ всякую слезу съ лица всѣхъ страждущихъ...

— Онъ никогда не отретъ слезъ съ моего лица, слабымъ шепотомъ проговорилъ Филиппъ, и дѣйствительно безмолвныя слезы, которыхъ онъ не въ состояніи былъ отереть, потекли ручьями по его впалымъ щекамъ. Встану ли я когда-нибудь съ этого одра болѣзни?

— Да, Филиппъ, и будешь опять здоровымъ, сильнымъ и счастливымъ.

— Нѣтъ, никогда уже не буду счастливымъ, съ тихимъ стономъ отвѣтилъ онъ.

— Да, будешь счастливъ, дорогой юноша, сказалъ врачъ, который зашелъ въ этотъ моментъ, — если ты только теперь удалишь всякую тревогу изъ твоей души и будешь спокоенъ.

Въ теченіе слѣдовавшей затѣмъ недѣли онъ говорилъ немного; но что въ его душѣ происходила непрестанная работа и онъ все болѣе погружался въ море скорби, — это было такъ очевидно, что найдено было полезнымъ перевезти его въ виллу Олимпіады, что и было сдѣлано съ всевозможной заботливостью и предосторожностями. Сопровождаемый врачемъ, перевозимый небольшими пространствами и окруженный всевозможными удобствами, онъ безъ всякаго страданія и даже съ пользой для себя перенесъ это путешествіе въ Кизикъ. Тамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ пролежалъ въ постели, на открытомъ воздухѣ, среди садовъ, рощъ и цвѣтниковъ, въ которыхъ утопала вилла Олимпіады. Свѣжій воздухъ живительно подѣйствовалъ на него; онъ окрѣпъ, такъ что могъ опять ходить и приливъ юной жизни вновь началъ давать о себѣ знать въ его молодыхъ жилахъ.

Но какъ опасался врачъ, страшное воспоминаніе о недавнихъ ужасныхъ испытаніяхъ тяжелымъ бременемъ лежало на его сердцѣ. Не было ли поистинѣ ужасно, что нечестіе, ложь, низкія козни,

лицемѣріе могли восторжествовать, между тѣмъ какъ невинность и праведность подверглись униженію, пораженію, изгнанію и пыткамъ. Златоустъ находился въ жалкой и заброшенной армянской деревнѣ, тревожимый набѣгами разбойниковъ, подавленный ненавистью и побѣдоносной клеветой. Олимпіада, Пентадія и Никарета были изгнаны, оштрафованы и унижены, вѣрные іоанниты подвергались побоямъ, тюремному заключенію, пыткамъ. Евтихій былъ звѣрски умерщвленъ. Михаилъ, Давидъ, Маріамъ гдѣ-то находились вдали и безмолствовали; онъ самъ истерзанъ пытками, едва не покончившими съ его жизнью, потерялъ всякую надежду на будущее и въ его жизни уже не видѣлось ни малѣйшаго просвѣта. А между тѣмъ такія личности, какъ Евдоксія, Северіанъ, Ѳеофилъ александрійскій, торжествовали; неужели Богъ навсегда заключился въ своемъ безграничномъ голубомъ небѣ, и уже не обращаетъ вниманія на нечестіе лицемѣровъ и бѣдственность людей добродѣтельныхъ? Да и слышалъ ли Христосъ ихъ молитвы, или... Тутъ Филиппъ, повидимому, всецѣло поддался мрачному сомнѣнію и унынію и у него не являлось даже желанія жить вообще.

Но вотъ медленно и несомнѣнно начали показываться проблески надежды и въ его душѣ стали разгораться лучи добрыхъ предчувствій.

Вообще онъ сдѣлался очень молчаливымъ, да и Олимпіада была такъ удручена бѣдствіями, что ея душа также была омрачена тучами, черезъ которыя не просвѣчивала ни единая звѣздочка. Но однажды онъ вдругъ спросилъ ее:

— Освѣдомлялся ли онъ обо мнѣ? Знаетъ ли онъ? Писалъ-ли онъ?»

Олимпіада знала, кого онъ разумѣетъ, и отвѣчала:

— Да, патріархъ неоднократно спрашивалъ о тебѣ. Ради его спокойствія, мы скрывали отъ него все, что было можно; но мечъ пронзилъ его сердце, когда мы не могли не сообщить ему, что Евтихій замученъ и что ты витаешь между жизнью и смертью; ему вмѣстѣ съ Давидомъ можно было сказать: «всѣ волны твои и бури постигли меня». Онъ писалъ и тебѣ, и такъ какъ теперь ты достаточно поправился, чтобы читать его письмо, то я вотъ и передаю его тебѣ.

Филиппъ трепещущей рукой взялъ письмо и ушелъ въ садъ, чтобы прочитать его наединѣ.

«Сердце мое обливается о тебѣ кровью, мой Филиппъ, такъ говорилось въ письмѣ; я слышалъ отъ Олимпіады, какое испытаніе, какое бѣдствіе Богъ послалъ на васъ ради моего недостоинства, — или лучше сказать, ради истиннаго долга. Когда я слышалъ о твоихъ страданіямъ, о смерти нашего возлюбленнаго Евтихія, то я плакалъ, какъ-будто готово было разорваться мое сердце. Я не находилъ утѣшенія, пока не излилъ моей души предъ Богомъ. Я не могу болѣе плакать о немъ, хотя и печально думать, что мы уже никогда не увидимъ его лица и не услышимъ его сладостнаго голоса. Да и зачѣмъ намъ плакать о томъ, котораго міръ не можетъ уже позорить или мучить, который теперь блаженствуетъ въ ближайшемъ соприсутствіи Бога? О тебѣ, котораго я всегда любилъ, какъ сына, я не переставалъ никогда скорбѣть, и не проходитъ дня, когда бы ты не былъ упоминаемъ въ моихъ молитвахъ. Никогда, никогда я не забуду тебя, всю твою доброту, любовь ко мнѣ, сначала въ тѣ счастливые дни въ Антіохіи, а затѣмъ и среди невзгодъ въ Константинополѣ.

«Олимпіада сообщила мнѣ, дорогой Филиппъ, что ты могъ бы совсѣмъ выздоровѣть, если бы твое выздоровленіе не замедлялось гнетомъ скорби. Твоя скорбь вполнѣ естественна, тѣмъ не менѣе полагайся на Бога, и надѣйся на Него, ибо Онъ былъ и будетъ свѣтомъ твоего лица и твоимъ Богомъ. Тебѣ часто приходилось видѣть, какъ тучи набѣгаютъ со стороны Евксинскаго моря и омрачаютъ лазурь неба; но развѣ ты не знаешь что все это лишь облака земли и нашей нижней атмосферы, создаются самимъ солнцемъ, а позади ихъ все еще сіяетъ солнце, хотя бы, на время его и не видно было. Филиппъ мой! Богъ есть это солнце; Онъ не знаетъ захода, Онъ всегда находился въ зенитѣ, ибо Онъ есть свѣтъ, а съ нимъ нѣсть тьмы.

«Такъ ободрись же, Филиппъ мой; Богъ никогда не оставитъ тебя и не забудетъ, если ты будешь возлагать на него твое упованіе. Напиши мнѣ и сообщи, что твое сердце не удручено скорбью, напиши мнѣ, если ты можешь, въ томъ счастливомъ настроеніи, которымъ ты поддерживалъ во мнѣ бодрость въ теченіе многихъ лѣтъ. О себѣ самомъ я ничего не скажу теперь, потому что наша возлюбленная Олимпіада знаетъ мои дѣла, и она сообщитъ тебѣ, какъ я живу въ этомъ отдаленномъ мѣстѣ изгнанія».

Это письмо доставило ему великое утѣшеніе, хотя онъ еще не могъ постигнуть глубочайшаго смысла его содержанія. Такъ какъ на слѣдующій же день долженъ былъ отправляться гонецъ для доставленія массы писемъ изгнанному патріарху отъ его друзей въ Константинополѣ, то и Филиппъ поспѣшилъ написать ему нѣсколько строкъ.

«Отецъ мой, писалъ онъ, я все еще слишкомъ слабъ и правая рука у меня слишкомъ дрожитъ, чтобы написать больше этого краткаго привѣтствія. О, мы пережили мрачное, жестокое время! Молись обо мнѣ, отецъ мой, чтобы не ослабѣла вѣра моя. Къ тому времени, какъ отъ тебя придетъ слѣдующее письмо, мнѣ, надѣюсь, будетъ уже лучше. Позволь мнѣ прибыть къ тебѣ въ Кукузъ, и я полечу туда какъ бы на крыльяхъ вѣтра. Я былъ бы поистинѣ радъ еще разъ услышать твой голосъ, посидѣть у твоихъ ногъ, послужить тебѣ, посвятить тебѣ мою жизнь».

Еще и другое утѣшеніе содѣйствовало облегченію мрачнаго настроенія Филиппа. Доселѣ особеннымъ ужасомъ постоянно подавляла его душу мысль объ Евтихіѣ, когда онъ, сначала вспоминая о счастливыхъ часахъ, проведенныхъ съ нимъ и съ Давидомъ въ пріемной патріархіи, переходилъ затѣмъ къ воспоминанію о томъ неизгладимомъ зрѣлищѣ, въ которомъ онъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ дорогой его сердцу другъ и товарищъ истекалъ кровью подъ страшными орудіями безчеловѣчной пытки. Это видѣніе, какъ казалось Филиппу, угрожало довести его до сумасшествія. Однажды оно особенно мучило его и, повидимому, угрожало повергнуть его опять въ море безотраднаго унынія. Онъ сидѣлъ на сѣрой, покрытой мхомъ, скалѣ подъ деревомъ. Слезы такъ и капали черезъ пальцы рукъ, на которыя онъ опирался своей усталой головой, и въ своей крайней скорби онъ молитвенно обратился къ Богу, умоляя отогнать отъ него это видѣніе и дать ему возможность думать о своемъ погибшемъ другѣ только въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предъ этой ужасной пыткой. Когда онъ нѣсколько разъ повторилъ этотъ молитвенный вопль, то у него вдругъ явилась увѣренность, что молитва его услышана. Въ теченіе наступившей ночи онъ спалъ глубокимъ, мертвымъ сномъ, и когда онъ спалъ, то счастливое сновидѣніе какъ бы на легкихъ крыльяхъ носилось надъ его головой. Ему казалось, будто онъ видитъ зо-

лотую лѣстницу между небомъ и землей и ангелы восходятъ и нисходятъ по ней, и на верху ея находится лицо Сына человѣческаго. Ему казалось, будто онъ видитъ, какъ полночное небо отверзло свою необъятную глубь и въ необычайномъ сіяніи съ неба раздаются величественные гимны въ родѣ того, какой раздавался надъ Виолеемомъ въ ночь Рождества Христова. Ему казалось, будто онъ видитъ, какъ святые старцы, лучезарные серафимы, пламенныя херувимы слагаютъ свои амаранѳовые вѣнцы предъ сапфирнымъ престоломъ, и среди всѣхъ этихъ лучезарныхъ лицъ онъ видѣлъ и своего Евтихія — невиннымъ, красивымъ и счастливымъ, — даже еще болѣе невиннымъ и красивымъ, болѣе счастливымъ, чѣмъ какимъ онъ видѣлъ его въ самые счастливые часы его жизни. Затѣмъ ему показалось, что Евтихій простеръ къ нему руки, желая говорить съ нимъ, и дѣйствительно, въ бѣлой одеждѣ съ пальмовой вѣтвью въ рукѣ, юный мученикъ подошелъ къ его постели и сказалъ ему: «Филиппъ, почему тебѣ такъ скорбѣть обо мнѣ? Я часто бываю около тебя; и око не видѣло и ухо не слышало того блаженства, какимъ мы наслаждаемся на небесахъ, теперешнемъ нашемъ жилищѣ. Не скорби же обо мнѣ болѣе и живи такъ, чтобы мы всѣ могли встрѣтиться въ этой странѣ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни слезъ ни воздыханій».

Съ этими словами, которыя все еще, подобно сладостной мелодіи, звучали въ его ушахъ, Филиппъ проснулся, и ему казалось, какъ-будто комната все еще была наполнена свѣтомъ и неземнымъ миромъ. Молитва его была услышана; онъ никому не сообщилъ объ этомъ сновидѣніи, кромѣ Олимпіады, и внутренно былъ убѣжденъ, что это было нѣчто болѣе, чѣмъ простое ночное сновидѣніе. Отселѣ, когда образъ Евтихія вновь появлялся въ его душѣ, то это уже былъ не образъ ужаса, а образъ красоты и мира неизрѣченнаго.

Случилось и еще одно счастливое обстоятельство, которое также значительно облегчило гнетъ омрачавшаго его душу отчаянія.

Какая, часто думалось ему, предстоитъ ему будущность? Что касается средствъ жизни, то онъ могъ не безпокоиться объ этомъ, потому что имѣлъ достаточное обезпеченіе. Златоустъ завѣщалъ ему съ Евтихіемъ свое имѣніе въ Антіохіи и этого было доста-

точно для него. Одинъ изъ преданныхъ почитателей Златоуста, добрый священникъ Констанцій въ Антіохіи, присматривалъ за тѣмъ, чтобы это наслѣдство сохранялось въ должномъ порядкѣ, а также завѣдывалъ и самыми деньгами, оставшимися послѣ Ермы, отца Филиппа. Къ этимъ двумъ источникамъ содержанія присоединилась и еще сумма, и при томъ изъ весьма высокаго источника.

Съ того времени какъ преторіанскій префектъ Авреліанъ походатайствовалъ за Филиппа предъ Аркадіемъ, императоръ, собственные порывы котораго, когда онъ былъ предоставленъ самому себѣ, были далеко не чужды доброты, обнаруживалъ необычайный интересъ къ молодому человѣку. Онъ просилъ Авреліана сообщать ему о немъ, всякій разъ когда не было Евдоксіи, и такимъ образомъ узналъ исторію того, какъ Филиппъ и Евтихій ухитрились устрашить хищныхъ готовъ Гайны, которые иначе безъ сомнѣнія разграбили бы императорскій дворецъ и, быть можетъ, умертвили бы и его самого и императрицу, и такимъ образомъ оказали громадную услугу имперіи. Услуга была такъ важна, что онъ не могъ не чувствовать себя глубоко обязаннымъ за нее, и былъ не мало удивленъ благородной, скромной застѣнчивостью молодого человѣка, который даже никогда никому не разсказывалъ о столь замѣчательномъ доказательствѣ своей преданности престолу. Какой же страшной неблагодарностью былъ награжденъ этотъ молодой человѣкъ, въ то время, какъ многіе развращенные, негодные и невѣрные люди были осыпаны почестями, которыми они только злоупотребляли. Аркадій послалъ за начальникомъ императорскихъ щедротъ и приказалъ ему позаботиться о томъ, чтобы негласно, но непремѣнно, Филиппу выдавалась ежегодная пенсія въ сто червонцевъ *). Затѣмъ онъ выразилъ желаніе, чтобы министръ, не говоря объ этомъ никому, постоянно имѣлъ Филиппа въ виду и пользовался всякимъ случаемъ для того, чтобы содѣйствовать ему въ жизни. Въ случаѣ его полнаго выздоровленія, императоръ повелѣлъ, чтобы молодой человѣкъ былъ допущенъ къ нему въ частной аудіенціи.

Все это было сообщено Филиппу, и онъ теперь могъ быть совершенно спокоенъ за свою будущность. Богъ, который ути-

*) Aureus — червонецъ, около семи рублей золотомъ. Перев.

шаетъ бурю и льва дѣлаетъ ягненкомъ, начиналъ оказывать ему свое милосердіе послѣ испытанныхъ имъ тяжелыхъ ударовъ судьбы. Но даже и при всемъ томъ — что радостнаго могъ онъ ожидать въ будущемъ — безъ друзей, безъ любви? О, если бы онъ могъ еще надѣяться, что когда-нибудь судьба Маріамы соединится съ его судьбой!

Полное выздоровленіе его все еще замедлялось подъ вліяніемъ этихъ грустныхъ мыслей, какъ однажды одинъ изъ рабовъ Олимпіады пришелъ сказать ему, что о немъ спрашиваетъ какой-то его другъ и ожидаетъ его въ таблинумѣ *).

— Другъ! со вздохомъ повторилъ Филиппъ; какой другъ остался у меня въ Константинополѣ? Всѣ, кого я любилъ, уже умерли или находятся въ темницѣ, или въ изгнаніи...

— Но этотъ другъ, господинъ, велѣлъ мнѣ сказать тебѣ, что онъ прибылъ изъ Палестины.

— Изъ Палестины?!

Сердце Филиппа радостно затрепетало и онъ пошелъ за рабомъ. Въ таблинумѣ, оборотясь спиной къ дверямъ, стоялъ высокій, красивый молодой человѣкъ, устремивши взоръ на лодки, бороздившія голубую Пропонтиду.

Онъ повернулся, когда вошелъ Филиппъ.

— Давидъ! воскликнулъ Филиппъ, и въ одинъ моментъ они пали въ объятія другъ другу.

Прошло въ безмолвіи нѣсколько счастливыхъ мгновеній. Затѣмъ Филиппъ заговорилъ первымъ.

— О, Давидъ! воскликнулъ онъ, плача отъ радости. Все ли благополучно у васъ? Здорова ли Маріамь, — но твоя улыбка и счастливое лицо уже дали мнѣ знать, что все благополучно!..

— Да, Филиппъ, у насъ все благополучно, благодаря Бога!

— А какъ твой отецъ? Какъ Маріамь? О, Давидъ, любитъ ли еще она меня?

— Она любитъ тебя, Филиппъ, такой же сильной, чистой и преданной любовью, какъ и твоя!

— Давидъ, Давидъ! почему же никто изъ васъ не писалъ мнѣ?

*) Tablinum — парадное отдѣленіе дома, украшенное картинами и другими художественными произведеніями. Картинная галлерея, мѣсто пріема почетныхъ или близкихъ друзей и посѣтителей. Перев.

— Какъ можешь ты думать, что мы не писали, Филиппъ? Мы писали при всякомъ представлявшемся намъ случаѣ; но ты не оставилъ никакой вѣсти о себѣ въ патріархіи. Я слѣдилъ за тобой до твоего перехода на жительство у Хрисокира; я слѣдилъ за тобою до тюрьмы, и тамъ я узналъ, что ты былъ выпущенъ на свободу по приказу императора, и теперь только отъ Авреліана секретно узналъ я, что ты находишься здѣсь.

— О, Давидъ, мы перенесли ужасное время, ужасныя событія!... Евт...

— Я все знаю, перебилъ Давидъ со слезами, душившими ему горло. Прежде чѣмъ дать тебѣ знать, я уже повидѣлся съ госпожей Олимпіадой. Ахъ! Боже!...

Филиппъ опустилъ голову.

— Пути Божіи непостижимы, сказалъ онъ, мы были разсѣяны какъ бы молніеносными ударами. Счастливые дни навсегда миновали...

— Навсегда — это слишкомъ много сказано, дорогой мой Филиппъ. Но ахъ, какой изможденный, какой жалкій видъ имѣешь ты! — но тѣмъ болѣе нѣжно любимый, — прибавилъ онъ, прижимая его къ своему сердцу. — Но какъ непохожъ ты теперь на то, чѣмъ былъ когда-то, возлюбленный Филиппъ!

— Я былъ подвергнутъ жестокимъ пыткамъ, Давидъ, и теперь я лишь развалина изъ того, чѣмъ былъ прежде. Вся веселость моя погибла, здоровье разстроено. Маріамь ни за что не захочетъ выдти за меня...

И бѣдный молодой человѣкъ предался неудержимому рыданію.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, Филиппъ утѣшься! Сестра моя — твоя невѣста. Твоя въ болѣзни и въ здоровьѣ, въ жизни и въ смерти. Не безпокойся!

Такъ какъ Филиппъ не хотѣлъ утѣшиться, то Давидъ нѣжно взялъ его за руку, вывелъ въ садъ, сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ подъ однимъ изъ развѣсистыхъ деревьевъ и сказалъ:

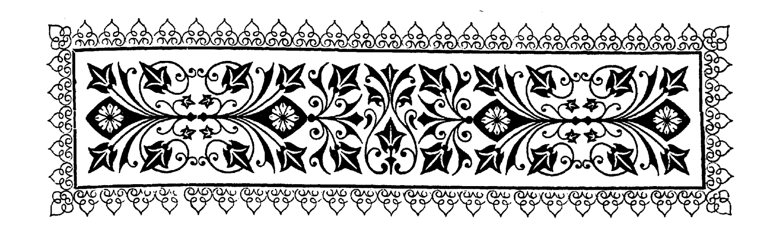
— Послушай, Филиппъ, ты знаешь моего отца. Ты знаешь, что, быть можетъ, по священной чистотѣ его вѣры, Богъ иногда даетъ ему провѣдать то, что будетъ. Ты помнишь, какъ онъ предсказывалъ намъ эти мрачные дни, и онъ въ душѣ страдалъ

съ тобой, молился за тебя; послѣдними словами его были: «Давидъ, сынъ мой, ты найдешь Филиппа; скажи ему, что все у него будетъ благополучно, къ нему вновь возвратится полнѣйшее здоровье. Маріамь, по преданіямъ, крѣпко хранимымъ среди насъ, слишкомъ молода, чтобы теперь же выходить замужъ, и я желалъ бы, чтобы она подольше побыла здѣсь на радость и благословленіе мнѣ; но Филиппъ, ея обрученный женихъ, черезъ два года, если онъ прибудетъ къ намъ, обвѣнчается съ ней и возьметъ ее въ свой домъ».

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ, проговорилъ Филиппъ и надежда, повидимому, вновь начала зажигать пламя въ его глазахъ и на впалыхъ щекахъ появилась даже слабая краска.

Олимпіада просила Давида подольше побыть у нея на виллѣ, но обязанности и дѣла требовали его возвращенія домой и онъ могъ остаться не болѣе десяти дней. Это были первые счастливые дни для Филиппа со времени великихъ бѣдствій, и каждый день, повидимому, приносилъ ему больше силы и жизни, когда онъ гулялъ или катался на лодкѣ по Пропонтидѣ. Съ братомъ Маріами и съ другомъ своей юности, котораго онъ болѣе всего любилъ на землѣ. Зима его жизни съ ея мракомъ и холодомъ начала проходить, появились признаки возвращенія весны.

ГЛАВА LVII.

Возвращеніе Калліаса.

Филиппъ получилъ два письма, которыя совмѣстно съ теченіемъ самихъ обстоятельствъ, и опредѣлили дальнѣйшее направленіе его жизни.

Если бы великій святитель позволилъ ему прибыть въ Кукузъ, то Филиппъ непремѣнно отправился бы туда, какъ только стало для него возможнымъ двинуться въ путь. Поселиться въ этой жалкой армянской деревнѣ, чтобы съ теченіемъ времени попросить и Маріамь раздѣлить съ нимъ тамъ опасности и лишенія, это, конечно, походило бы на то, какъ если бы отказаться отъ всякихъ радостей жизни, отъ всякихъ стремленій честолюбивой молодежи. Но Златоустъ былъ его духовный отецъ и даже болѣе, чѣмъ отецъ, и куда звалъ его долгъ, тамъ Богъ несомнѣнно благословитъ его жизнь.

Но прежде чѣмъ уѣхать Давиду, получено было письмо отъ патріарха.

«Для меня, писалъ онъ въ отвѣтъ на письмо Филиппа, было глубокимъ удовольствіемъ получить отъ тебя извѣстіе, мой возлюбленный Филиппъ, и видѣть еще одно доказательство глубины твоей любви ко мнѣ. И дѣйствительно, возлюбленный сынъ мой, никакая земная радость не была бы для меня выше, какъ пользоваться по прежнему поддержкой твоей юной крѣпости, твоей юной веселости. Но было бы крайнимъ себялюбіемъ съ моей сто-

роны обрекать тебя на цѣлые годы, быть можетъ, тяжелой бездѣятельности въ этомъ холодномъ, пустынномъ мѣстѣ, столь мрачномъ, столь бѣдственномъ, столь подверженномъ постояннымъ тревогамъ. Самъ я всегда былъ таковъ, что, имѣлъ достаточно силы сносить все, что бы ни послалъ мнѣ Богъ, и благодарилъ Его за все, но мои скорби усилились бы чрезмѣрно, если бы я чувствовалъ, что за меня и другіе подвергнуты страданію. И вотъ почему, мой дорогой Филиппъ, ты не долженъ прибыть сюда. Моя любовь стала бы пыткой для меня, при видѣ того, что ты повлеченъ въ бѣдственность. Нѣтъ, твоя жизнь будетъ еще впереди. Помни обо мнѣ, пиши, какъ можно чаще; молись обо мнѣ; дѣлай все, что можешь для меня, твоего бѣднаго отца, всякимъ другимъ способомъ, — но я не могу принять въ жертву твою юную жизнь. Она предназначена для болѣе широкой и благородной цѣли, которую въ должное время Богъ объявитъ тебѣ, чѣмъ служеніе немощному старцу. И даже въ моемъ изгнаніи Богъ не оставилъ меня. Я нашелъ здѣсь неожиданное облегченіе. Смиренный епископъ кукузскій очень добръ ко мнѣ. Онъ даже хотѣлъ отречься отъ своей каѳедры въ пользу меня. Главный гражданинъ этого маленькаго поселенія совершенно отдалъ въ полное мое распоряженіе свой домъ. Моя родственница — діаконисса Сабина находится со мной и заботится о всѣхъ моихъ нуждахъ. И ты не долженъ думать, что я пребываю въ праздности. У меня большая переписка. О какъ иногда скучаю я о тебѣ и Давидѣ, объ Евтихіи и Калліасѣ! Но этого не должно быть. Я пытался основать миссію среди готовъ, среди финикіанъ, среди персовъ. Даже здѣсь Богъ позволяетъ мнѣ быть въ нѣкоторомъ смыслѣ вождемъ или руководителемъ Его церкви.

«Что же въ такомъ случаѣ дѣлать тебѣ? Я не могу придумать ничего лучше, какъ то, чтобы ты отправился въ Антіохію и поселился въ нашемъ старомъ домѣ. Это, какъ ты знаешь, прекрасный городъ. Тамъ много такихъ, которые знаютъ и любятъ тебя, или скоро узнаютъ и полюбятъ тебя, и тамъ, если Богу угодно, ты можешь служить Ему въ теченіе многихъ лѣтъ въ церкви и въ государствѣ. Богъ да благословитъ тебя, да возстановитъ тебѣ полное здоровье и да хранитъ тебя въ вѣрѣ и страхѣ, многовозлюбленный Филиппъ, пока (если намъ не суждено встрѣ-

титься на землѣ) мы не встрѣтимся въ Его многихъ обителяхъ за гробомъ».

Филиппъ поговорилъ по поводу этого письма съ Олимпіадой, и она согласилась съ высказываемымъ въ немъ совѣтомъ. Она знала что Златоустъ отговаривалъ и многихъ другихъ своихъ приверженцевъ отъ желанія поселиться съ нимъ въ Кукузѣ, гдѣ одинъ видъ ихъ жизни, окруженной тревогами и скорбями, только удручалъ бы его страданія. Антіохія была родиной Филиппа и тамъ находился домъ его дѣтства. Лучше всего для него было бы отправиться туда, и тамъ онъ скоро оправился бы вполнѣ.

— Я увѣрена, что твое здоровье возстановилось бы Филиппъ, сказала она, когда бы возвратилось къ тебѣ твое прежнее счастливое настроеніе. Со времени твоего сновидѣнія, о которомъ ты мнѣ разсказывалъ, и еще болѣе со времени посѣщенія Давида, ты сдѣлалъ удивительные успѣхи. Скоро ты будешь вполнѣ походить на того счастливаго Филиппа, котораго я впервые увидѣла съ нашимъ благочестивымъ патріархомъ и съ твоимъ юнымъ сотоварищемъ — лѣтъ шесть или болѣе тому назадъ.

Но Филиппъ вскорѣ нашелъ, что отбытіе свое въ Антіохію лучше было пока отложить.

Одною изъ причинъ этого было то, что добрый престарѣлый епископъ Флавіанъ скончался, насыщенный днями и окруженный почестями. Желаніемъ всего города и всѣхъ благочестивыхъ людей востока было то, чтобы на его мѣсто былъ избранъ превосходный пресвитеръ Констанцій. Но это отнюдь не соотвѣтствовало бы козням и намѣреніямъ враговъ Златоуста. Констанцій былъ всегда преданнымъ почитателемъ истиннаго патріарха константинопольскаго. Поэтому враги Златоуста не только помѣшали его избранію, но, при помощи самыхъ чудовищныхъ насилій, достигли того, что каѳедра отдана была человѣку, который былъ преданнымъ слугой орудовавшей клики. Это былъ честолюбивый клерикъ, по имени Порфирій. Сначала онъ посредствомъ интригъ и подкуповъ добился того, что Констанцій былъ изгнанъ и затѣмъ его сообщники, воспользовавшись праздничнымъ днемъ, когда огромная масса гражданъ находилась на олимпійскихъ играхъ въ Дафнѣ, вошли въ церковь, двери ея заперли, и Порфирій былъ поспѣшно рукоположенъ Акакіемъ, Северіаномъ и Антіохомъ, которые, предвидя,

что ихъ уловка можетъ возбудить негодованіе жителей города, послѣ этого удалились изъ города. Но дѣло было уже сдѣлано, хотя и постыднымъ образомъ, и народъ тщетно угрожалъ сжечь домъ Порфирія вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Изъ Константинополя онъ получилъ для охраны своей особы отрядъ войска, силой овладѣлъ церквами и представилъ собою новый примѣръ постыдной алчности, какою отличались многіе въ то мрачное время.

Въ виду такого состоянія дѣлъ въ Антіохіи, Филиппъ видѣлъ, что для него было бы неблагоразумно еще разъ и притомъ напрасно выступать противъ ужасовъ ненависти, которые едва не погубили его въ Константинополѣ. Поэтому онъ долженъ былъ отложить отъѣздъ въ домъ своего дѣтства до тѣхъ поръ, пока не утихли бури гонительства, послѣ чего только можно было надѣяться на нѣкоторую безопасность. И вотъ теперь все оказалось въ неувѣренномъ состояніи. Гдѣ ему пробыть въ теченіе тѣхъ двухъ лѣтъ, которые должны пройти прежде, чѣмъ онъ могъ жениться на Маріамѣ?

Во времена мрака и унынія, когда умъ отказывается служить, Богъ обыкновенно указываетъ путь своимъ чадомъ, и планы Филиппа на этотъ разъ были рѣшены письмомъ, полученнымъ имъ отъ Калліаса.

Калліасъ, какъ припомнитъ читатель, былъ отправленъ Златоустомъ еще до своего изгнанія съ письмами къ епископамъ аквилейскому, медіоланскому и римскому, въ которыхъ извѣщалъ ихъ о страшномъ бѣдствіи, постигшемъ церковь константинопольскую, и просилъ о сочувствіи и помощи. Калліасъ писалъ нѣсколько писемъ, но вслѣдствіе смутнаго состоянія Италіи и имперіи, а также недавнихъ перемѣнъ и волненій, письма его не дошли по назначенію, да и онъ въ свою очередь не получилъ никакихъ извѣстій. Но теперь отъ него пришло къ Филиппу письмо. Письмо это пришло изъ Рима и въ немъ кратко сообщалось, что Калліасъ передалъ различные документы, порученные ему Златоустомъ, въ руки папѣ Иннокентію, и теперь отправляемъ былъ имъ обратно съ письмами къ Авреліану, Бризону, Амантію и Анѳимію, который былъ теперь консуломъ, и къ другимъ высокопоставленнымъ друзьямъ изгнаннаго патріарха. Ему поручено было добыть и еще нѣкоторыя данныя, а также и заручиться ихъ со-

дѣйствіемъ въ дѣлѣ возвращенія незаконно изгнаннаго патріарха. Калліасъ сообщалъ, что онъ надѣялся увидѣть Филиппа весьма скоро послѣ того, какъ дойдетъ до него это письмо, и что тогда онъ сообщитъ ему всѣ дальнѣйшія новости.

Филиппъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его прибытія и наконецъ, вышелъ встрѣчать его съ горячими привѣтствіями на пристань въ Кизикѣ, съ которой онъ издали узналъ его, когда его лодка подходила къ берегу. Съ того времени, какъ они въ послѣдній разъ видѣлись, прошло такъ много, что сначала они могли только безмолвно пожимать другъ другу руки, идя на виллу Олимпіады. Послѣ ужина Филиппъ прерывающимся голосомъ разсказалъ своему другу о всѣхъ совершившихся въ Константинополѣ событіяхъ, отъ которыхъ до того доходили лишь самые неясные отголоски. Изъ глазъ Калліаса ручьями текли слезы, когда Филиппъ разсказалъ ему объ изгнаніи патріарха, о пожарѣ, о жестокомъ гонительствѣ, объ Евтихіѣ и о собственныхъ страданіяхъ. Калліасъ съ своей стороны могъ сообщить добрую вѣсть, что великіе епископы запада и душой и сердцемъ были противъ лжи и жестокости Ѳеофила и его сподручниковъ. Онъ былъ принятъ съ высшей степени радушно. Хроматій аквилейскій, достопочтенный другъ Амвросія, Руфина и Іеронима, встрѣтилъ его съ самыми горячими привѣтствіями. Затѣмъ онъ отправился къ Венерію — къ епископу медіоланскому, который показалъ ему ту самую базилику, гдѣ народъ избралъ Амвросія и гдѣ при этомъ случаѣ Амвросій впервые ввелъ антифонное пѣніе на западѣ; показалъ тотъ источникъ, въ которомъ Амвросій крестилъ Августина; ворота, въ которыя онъ не пустилъ Ѳеодосія, когда тотъ прибылъ съ своей преступной совѣстью послѣ страшнаго побоища, произведеннаго имъ въ Ѳессалоникѣ; каѳедру, съ которой онъ произнесъ погребальную рѣчь надъ юными, коварно умерщвленными императорами Граціаномъ и Валентиніаномъ III. Наконецъ, онъ видѣлъ Римъ со всѣми его богатствами, суматохой и дымомъ; и тамъ великій папа Иннокентій выразилъ ему лично негодованіе противъ негоднаго злосчастнаго патріарха александрійскаго и высказался въ пользу благочестиваго изгнанника. Мало того, Иннокентій, нуждаясь въ секретарѣ для своей обширной переписки, и будучи пораженъ скорописью Калліаса, просилъ его возвратиться въ Римъ, послѣ того

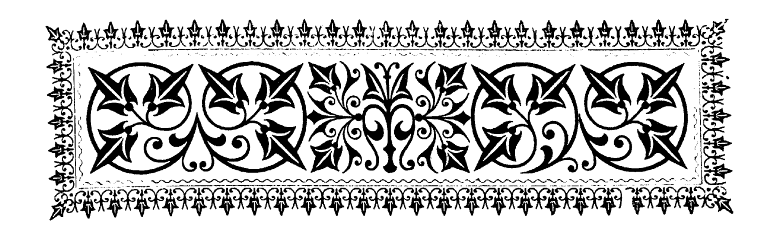
какъ онъ передастъ свои порученія, и занять постоянное мѣсто скорописца въ его домѣ.

— Видѣлъ ли ты Алариха? Моихъ друзей — Торисмунда и Валамира? Стилихона и императора Гонорія? нетерпѣливо спрашивалъ Филиппъ. Мнѣ надоѣлъ востокъ. Съ какимъ бы удовольствіемъ я повидалъ этотъ западный міръ!

— Я видѣлъ всѣхъ ихъ, отвѣчалъ Калліасъ, даже и прекрасную величественную жену Стилихона, и если госпожа Олимпіада позволитъ мнѣ, то я сообщу вамъ нѣсколько подробностей о моемъ путешествіи.

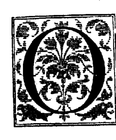
— Ну, конечно; но это лучше отложить на завтра, сказала Олимпіада, потому что Филиппъ еще далеко не окрѣпъ здоровьемъ и теперь ему время идти на покой.

ГЛАВА LVIII.

Валамиръ и святой Телемахъ.

ЛИМПІАДА, въ это время находилась въ угнетенномъ состояніи, при которомъ, повидимому, останавливались самыя колеса жизни. На слѣдующій день она не выходила изъ своей комнаты и просила Филиппа и Калліаса извинить ее за отсутствіе.

— Сегодня превосходный день, сказалъ Филиппъ, а я знаю, Калліасъ, что ты любишь ловить рыбу. Возьмемъ лодку. Ты будешь ловить рыбу, а я посижу на кормѣ, и мы можемъ поговорить до полноты нашихъ сердецъ. Рыба не прогнѣвается на это, прибавилъ онъ, съ свойственной ему прежней улыбкой.

— А, сказалъ Калліасъ, я вижу, что ты все еще сомнѣваешься въ моемъ искусствѣ рыболова; такъ я же, въ опроверженіе твоей насмѣшки, принесу домой большой кузовъ тунцовъ [1]) для госпожи Олимпіады, а тебѣ не достанется ни одного.

— Въ такомъ случаѣ я буду громко говорить и отгонять тунцовъ, отвѣчалъ Филиппъ, занимая мѣсто на кормѣ, въ то время какъ Калліасъ взмахомъ веселъ двинулъ лодку по свѣтло-голубымъ водамъ, сверкавшимъ лучами утренняго солнца.

— Доводилось ли тебѣ видѣть когда-нибудь въ такомъ совершенствѣ «улыбку моря»? сказалъ Филиппъ. Вотъ тутъ прекрасное

---

[1]) θύννος — рыба тунецъ.

мѣсто остановиться — подъ этимъ тѣнистымъ холмомъ. Такъ лови же, Калліасъ, а вмѣстѣ и поговоримъ. Гдѣ ты впервые остановился послѣ того, какъ уѣхалъ отъ насъ?

— Я со всевозможной быстротой отправился къ дворцу Алариха въ Емонѣ, и тамъ я увидѣлъ...

— Торисмунда и Валамира? перебилъ Филиппъ. Мнѣ крайне хотѣлось бы узнать что-нибудь о нихъ.

— Торисмунда, сказалъ Калліасъ, но увы, не Валамира!

— Увы!? Что это значитъ? Неужели съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе? Какъ ужасенъ нашъ міръ!

— Я разскажу тебѣ. Первый вопросъ Торисмунда (вѣдь онъ видѣлъ меня когда-то въ патріархіи и сразу узналъ) былъ о тебѣ. Онъ навсегда полюбилъ тебя и проникся уваженіемъ къ тебѣ — послѣ той борьбы, которую вы вели въ Антіохіи, будучи еще мальчиками. Когда я разсказалъ ему о положеніи дѣлъ въ Константинополѣ, то онъ отъ негодованія пришелъ въ ярость. Ему ненавистно самое имя Константинополя. Его глаза пылаютъ гнѣвомъ, когда онъ начинаетъ говорить о немъ. Затѣмъ онъ спрашивалъ и объ Евтихіѣ. Я не скрылъ отъ него печальнаго состоянія нашихъ дѣлъ. «Но гдѣ, спросилъ я его, твой братъ Валамиръ?» Душа его привязалась къ Евтихію такими тѣсными узами дружбы, какой мнѣ никогда еще не приводилось видѣть. Онъ потупилъ свой взоръ и отвѣчалъ: «мы сами не знаемъ, гдѣ находится мой возлюбленный, братъ. Мы оба находились съ королемъ Аларихомъ, когда онъ, сдѣлавъ нападеніе на Италію, отступилъ отъ Полленціи и прибылъ въ Верону. Въ Веронѣ мы были настигнуты войсками Стилихона, и его аланскіе союзники напали на насъ съ такой силой, что самъ Аларихъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ, и спасся только благодаря быстротѣ своего боевого коня. Съ нимъ былъ и я. Въ дѣйствительности мы даже не потерпѣли пораженія: всѣ наши отступили въ полномъ порядкѣ за Альпы. Но увы, братъ мой Валамиръ былъ взятъ въ плѣнъ и быть можетъ убитъ. Съ того времени мы ничего не слышали о немъ.

— Мое сердце поражено было скорбью, когда я услышалъ это, Филиппъ; потому что я подумалъ, какъ глубоко огорчило бы это Евтихія, но я высказалъ Торисмунду нѣсколько словъ утѣшенія и ободренія.

— «Да, отвѣчалъ онъ, быть можетъ, онъ и живъ еще, но если такъ, то онъ находится въ рабствѣ. А это хуже смерти!»

— Но развѣ онъ не писалъ бы тебѣ?

— Нѣтъ; при своей гордости мой братъ не захотѣлъ бы писать, даже если бы это было возможно, изъ своего унизительнаго состоянія въ рабствѣ.

— Мнѣ нечего было сказать на это, но я обѣщалъ, что такъ какъ собираюсь въ Италію, то сдѣлаю самые поразительные розыски и быть можетъ въ состояніи буду добиться выкупа Валамира, если онъ еще живъ.

— «Если нѣтъ, горячо воскликнулъ Торисмундъ, то все-таки представляется поводъ къ мщенію!

— «Аларихъ, узнавъ, что изъ патріархіи былъ посланный, послалъ за мной и пригласилъ меня къ себѣ на ужинъ. Этотъ великолѣпный молодой король отличается гораздо болѣе красивымъ готскимъ типомъ, чѣмъ Гайна. Онъ производитъ впечатлѣніе природнаго благородства и вестготы говорятъ, что когда они поднимали его на своихъ щитахъ, то не было еще военачальника, который выглядѣлъ бы столь храбрымъ и достойнымъ своего положенія. Но онъ держитъ себя безъ всякой надменности, запросто говорилъ со мной о патріархѣ, котораго онъ глубоко уважаетъ, а также разсказывалъ и о самомъ себѣ. Онъ убѣжденъ, что еще сумѣетъ разграбить вѣчный городъ. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ разсказывалъ и своимъ длинноволосымъ военачальникамъ, что предъ своимъ первымъ нашествіемъ на Италію онъ слышалъ, какъ бы голосъ архангела, кричащій ему изъ глубины одной рощи: Спѣши! спѣши, Аларихъ! Ты долженъ проникнуть ad Urbem *).

«Навѣрно воитель прочелъ сомнѣніе на моемъ лицѣ, потому что онъ улыбнулся и сказалъ: и я дѣйствительно проникъ ad Urbem, хотя на этотъ разъ не въ вѣчный «Urbs»—Римъ, но до рѣки Урбисъ, на которой стоитъ Полленція! Скажи въ Константинополѣ, что, не смотря на хвастовство Стилихонова барда Клавдіана, мы не были разбиты въ Полленціи. Этотъ карликообразный аланъ—Савлъ,—да погубитъ его Богъ!—бросился на насъ въ ве-

*) Urbs — городъ Римъ, Urbis — рѣка Урбисъ. Обычная у древнихъ оракуловъ игра словами. Перев.

ликую пятницу, этакій безобразный язычникъ — татаринъ! — Имъ удалось кое-что пограбить и они захватили съ собой старый пурпурный плащъ, обагренный кровью императора Валента въ Адріанополѣ. Но мы не были разбиты, и Стилихонъ заключилъ договоръ съ нами, гордо закончилъ Аларихъ.

— Мнѣ никогда не приходилось, Филиппъ, видѣть человѣка, который бы такъ быстро могъ угадывать мысли, какъ Аларихъ. Думаю, что онъ прочиталъ слово: «Верона» на моемъ лицѣ, потому что прибавилъ: «нѣтъ, мы не были разбиты и при Веронѣ! Бывшее мнѣ предсказаніе исполнится. Италія еще не слышала имя Радагайса. Они услышатъ его въ слѣдующемъ году, и помогу ли я ему разграбить Италію, или нѣтъ, это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и, прибавилъ онъ тихимъ голосомъ, отъ Стилихона и Гонорія».

«Затѣмъ онъ началъ говорить съ неразумной откровенностью, какъ мнѣ думалось, о Стилихонѣ и объ обоихъ императорахъ. Къ Стилихону онъ относился съ чрезвычайнымъ уваженіемъ и въ значительной степени раздѣляетъ его мнѣніе, что самое лучшее, что остается сдѣлать готамъ, это вполнѣ слиться съ римлянами въ одинъ народъ и образовать новую, болѣе благородную расу. Онъ думаетъ, что Стилихонъ есть прирожденный король среди этого погрязшаго въ интригахъ, легкомысленнаго народа, ослѣпленнаго суевѣріемъ, которое представляетъ лишь каррикатуру на истинное христіанство, и рабовъ жалкаго деспота. Онъ чувствуетъ безграничное презрѣніе къ обоимъ божественнымъ величествамъ—Аркадію и Гонорію, обоихъ ихъ онъ считаетъ блѣднокровными, малоспособными людьми, игрушками своихъ собственныхъ евнуховъ. Аркадія онъ называетъ ханжей, способнымъ лишь на то, чтобы окружающіе водили его за носъ, а ничтожнаго Гонорія называетъ смѣсью робости, жестокости и лукавства. Эти готы рѣдко скрываютъ свои мысли. За ужиномъ онъ показалъ мнѣ (а со мной какой-то неизвѣстный лѣтописецъ) монету, на которой выбита была каррикатура на Гонорія, на которой вмѣсто извѣстной римской волчицы съ сосущими ее безсмертными близнецами изображена была ослица, которую сосутъ двѣ курицы! Тутъ отчасти быть можетъ имѣлось въ виду нанести оскорбленіе христіанамъ намекомъ на древнюю клевету, называвшую ихъ asinarii (поклонниками осла),

но главнымъ образомъ имѣлось въ виду осмѣять глупую слабость Гонорія къ курамъ, въ кормленіи которыхъ онъ проводитъ больше половины своего времени. «Да это впрочемъ единственное дѣло, на которое способенъ этотъ жалкій призракъ», прибавилъ Аларихъ.

На слѣдующій день я оставилъ Эмону и послѣ различныхъ приключеній, о которыхъ поговоримъ въ другой разъ, въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ я побывалъ въ Аквилеѣ, Мадіоланѣ и въ Римѣ. Римъ я нашелъ въ состояніи возбужденія и тревоги. Ты знаешь, какъ самый воздухъ переполняется различными слухами, когда прерываются правильныя сообщенія. Въ то время было продолжительное наводненіе, и римляне, воображавшіе, что Аларихъ скоро двинется противъ нихъ, возлагали свою главную надежду на то, что онъ не въ состояніи будетъ переправиться черезъ вышедшія изъ береговъ рѣки Ломбардіи. Однажды огромное облако пыли дало знать о приближеніи какого-то войска. Римляне трусливо укрылись за своими вновь возведенными стѣнами и даже не выслали соглядатаевъ узнать, въ чемъ дѣло. Но вотъ, какъ описалъ впослѣдствіи этого событіе поэтъ Клавдіанъ—народъ смотря со стѣнъ, увидѣлъ среди пыли добрую сѣдую голову, которую хорошо знали всѣ, именно благородное лицо Стилихона, который сіялъ подобно звѣздѣ, выглянувшей изъ за тучи. Ты можешь вообразить, какими радостными кликами они привѣтствовали его! Имѣя Стилихона у себя, они чувствовали, что Римъ безопасенъ.

— Не присутствовалъ ли ты при великомъ тріумфѣ, о которомъ молва доходила и до насъ? спросилъ Филиппъ.

— Да, присутствовалъ, и я никогда не видѣлъ, да и не надѣюсь уже видѣть чего-нибудь болѣе великолѣпнаго. Для совершенія этого тріумфа нарочито прибылъ самъ Гонорій съ своимъ тестемъ Стилихономъ. Въ городѣ воздвигнуты были особыя арки въ воспоминаніе о событіи, при которомъ, какъ всѣ говорили въ городѣ, «готы были поражены навсегда». Мнѣ разсказывали, что Аларихъ и его военачальники помирали отъ смѣха, когда имъ разсказали объ этомъ. Гонорій былъ назначенъ консуломъ въ шестой разъ, и такъ какъ Римъ только три раза за цѣлое столѣтіе видѣлъ у себя императора, то къ его встрѣчѣ были сдѣланы самыя пышныя приготовленія.

— Какое впечатлѣніе вынесено было ими отъ своего императора?

— Стилихонъ научилъ его какъ держать себя, и онъ сумѣлъ завоевать сердца народа. Сенаторамъ онъ не позволилъ идти передъ своей тріумфальной колесницей. Выглядѣлъ онъ необыкновенно хорошо, потому что на его блѣдныхъ щекахъ появился даже румянецъ. На головѣ у него была діадима, одѣтъ онъ былъ въ украшенную разными драгоцѣнностями трабею *), а на шеѣ висѣли нитки изъ драгоцѣнныхъ камней и арабскихъ изумрудовъ! Но среди римлянъ были и такіе, которые скорѣе съ презрѣніемъ относились къ этимъ его драгоцѣннымъ украшеніямъ. Цинцинатъ, Марій, Юлій Цезарь не выступали въ такихъ нарядахъ; вся эта разорительная пышность вошла уже позднѣе, во времена упадка истинной доблести у римлянъ, и потому старики относились къ ней съ неодобреніемъ.

— А гдѣ ты самъ былъ въ это время?

— Папа Иннокентій любезно предоставилъ мнѣ мѣсто на ступеняхъ Юліевой Базилики, такъ что мнѣ видно было, какъ процессія двигалась вдоль Священной улицы и поднималась къ Капитолійскому холму — среди множества храмовъ и дворцовъ. Всѣ кровли были унизаны народомъ и по дорогѣ подъ ноги коней цѣлымъ дождемъ сыпались розы и гирлянды.

— Императоръ былъ одинъ въ колесницѣ?

— Нѣтъ; рядомъ съ нимъ сидѣлъ Стилихонъ. Онъ былъ въ простомъ военномъ одѣяніи, но во всѣхъ движеніяхъ своихъ выглядѣлъ героемъ, и большая половина восторженныхъ привѣтствій римлянъ направлялась именно къ нему. Затѣмъ ѣхала молодая императрица Марія — дочь Стилихона, — дѣвственница жена, какъ говорятъ, — и она выглядѣла какъ цвѣтокъ необычайной красоты а рядомъ съ ней въ весьма простомъ одѣяніи былъ ея благородный братъ Евхерій, которому предстоитъ великая будущность.

— Вотъ уже, Калліасъ, замѣтилъ Филиппъ, время близится къ полудню. А какъ на счетъ твоихъ тунцовъ для Олимпіады?

— Ахъ ты насмѣшникъ, отвѣчалъ Калліасъ. Я бы уже на-

*) Trabea — великолѣпная парадная одежда съ красными полосами и пурпурной оторочкой, — принадлежность царей и консуловъ въ древнемъ Римѣ.
Перев.

ловилъ дюжины двѣ ихъ, если бы ты не отпугивалъ ихъ своей несмолкаемой болтовней. Теперь слѣдовало бы намъ позавтракать, и затѣмъ я не скажу тебѣ ни слова, пока не наловлю достаточно. А въ наказаніе тебѣ я увѣряю тебя, что то, что осталось еще недосказаннымъ, было бы для тебя до крайности интересно.

— О, нѣтъ, это было бы не хорошо съ твоей стороны, сказалъ Филиппъ; я въ такомъ случаѣ не дамъ тебѣ завтрака, пока ты все не разскажешь мнѣ!

Они открыли корзинку, поставленную рабами Олимпіады въ лодку, и въ ней оказались превосходныя грозди винограда и смоквы, пирожки и бутылку прекраснаго Ѳазосскаго вина.

— Хотя сама она и была воздержана до крайней суровости, однако, въ качествѣ хозяйки, считала своимъ долгомъ предоставлять Филиппу такую діэту, которая, по ея мнѣнію, скорѣе всего могла возстановить ему силы. Послѣ закуски Калліасъ сказалъ Филиппу, что Олимпіада, наказала ему немного отдохнуть. Филиппъ неохотно повиновался этому приказу. Когда онъ спалъ, Калліасъ продолжалъ ловить рыбу, часто взглядывая на лицо спящаго молодого человѣка, отчасти съ чувствомъ скорби при видѣ того, какъ измождено было это лицо, а еще болѣе съ надеждой, потому что у Филиппа постепенно возстановлялись силы и возвращалась прежняя бодрость духа.

Къ тому времени, какъ проснуться Филиппу, Калліасъ уже наловилъ такъ много рыбы, что ея достаточно было бы для всего домохозяйства Олимпіады. Онъ съ торжествомъ показывалъ свою добычу товарищу, который даже не вѣрилъ, чтобы это онъ могъ самъ наловить, и высказалъ подозрѣніе сначала, что онъ навѣрно купилъ ее у какого-нибудь рыболова, за что Калліасъ наказалъ его тѣмъ, что заставилъ еще нѣсколько времени ждать своего разсказа, при чемъ уже на его глазахъ поймалъ еще съ полдюжины рыбъ.

Затѣмъ онъ замоталъ свою удочку и вмѣстѣ съ сѣткой отложилъ въ сторону и сказалъ, что имъ, пожалуй, пора уже домой, гдѣ онъ и закончилъ свой разсказъ, такъ какъ онъ имѣлъ разсказать о такихъ предметахъ, которые навѣрно были бы не безъинтересны и для Олимпіады.

Олимпіаду они нашли уже въ нѣсколько менѣе удрученномъ

состояніи. Калліасъ былъ радъ чѣмъ-нибудь съ своей стороны разсѣять ея меланхолическое настроеніе.

Возвращаясь къ своему разсказу о тріумфѣ Гонорія, онъ продолжалъ: «Я не досказалъ тебѣ, Филиппъ, того, что заинтересовало меня гораздо больше всего этого императорскаго великолѣпія. Я уже сказалъ тебѣ, что Гонорій освободилъ сенаторовъ отъ обязанности идти передъ его колесницей; но вслѣдъ за его колесницей по два человѣка въ рядъ шла длинная партія плѣнныхъ готовъ. Первымъ въ ряду, изъ чего можно было заключить, что это былъ человѣкъ благороднаго происхожденія, я видѣлъ...

Филиппъ вскинулъ глаза и схватилъ Калліаса за руку.

— Ты видѣлъ... о, я догадываюсь кого!

— Да, сказалъ Калліасъ, я увидѣлъ молодого Валамира, друга нашего Евтихія! Онъ шелъ съ опущенными глазами въ глубочайшемъ уныніи. Но когда онъ проходилъ мимо ступеней Базилики, я обратилъ его вниманіе на себя; онъ узналъ меня и въ одинъ мигъ лицо его просіяло, но затѣмъ, опять свѣтъ угасъ на немъ, какъ будто ему стало стыдно, что его увидѣли въ положеніи плѣнника и раба. Но я порѣшилъ не терять его изъ виду и пробирался чрезъ толпу, которая тѣснилась къ процессіи. Мнѣ еще разъ удалось пробраться къ нему на вершинѣ Капитолія, и я, улучивъ удобную минуту, спросилъ его, гдѣ бы я могъ видѣть его, но онъ только покачалъ головой, такъ какъ и самъ не зналъ.

«Прошло нѣсколько дней, и я напрасно искалъ его. По окончаніи недѣли торжествъ, благодареній, процессій, пиршествъ всякаго рода должно было состояться великолѣпное гладіаторское зрѣлище, на которомъ хотѣлъ присутствовать самъ Гонорій вмѣстѣ съ Стилихономъ. Императоръ Константинъ не одобрялъ гладіаторскихъ зрѣлищъ, и многіе изъ нашихъ великихъ христіанскихъ святыхъ отцовъ церкви съ негодованіемъ поносили избіеніе человѣческихъ существъ, совершаемое просто для удовольствія жестокой толпы. Но Римъ все еще па половину языческій, или даже болѣе, чѣмъ на половину языческій городъ, и Флавіевъ амфитеатръ досѣлѣ поддерживаетъ свои мрачныя преданія. Гонорій, подстрекаемый любопытствомъ посмотрѣть на это знаменитое зрѣлище, оказалъ лишь слабое сопротивленіе и въ политическихъ видахъ

допустилъ зрѣлище. Но хуже всего было то, что это гладіаторское зрѣлище представляло самое удобное средство отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ наиболѣе опасныхъ плѣнныхъ готовъ.

Конечно, Филиппъ, и ты, госпожа Олимпіада, повѣрите мнѣ, когда я скажу, что у меня не было ни малѣйшаго желанія присутствовать въ амфитеатрѣ, чтобы мнѣ, подобно молодому Алипію, о которомъ разсказываетъ блаженный Августинъ, не подвергнуться увлеченію подъ вліяніемъ страшнаго возбужденія *). Я стоялъ у арки Тита, чтобы наблюдать, какъ жадная къ зрѣлищамъ толпа огромными массами входила въ многочисленныя двери этого колоссальнаго амфитеатра. Затѣмъ случилась странная вещь.

«Мимо меня прошелъ какой-то восточной монахъ въ овчиной шкурѣ. Это былъ отшельникъ и на него всѣ обращали вниманіе, потому что такіе пустынники въ Римѣ встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ на востокѣ. Онъ былъ высокій и худой, съ сѣдыми волосами на головѣ и бородѣ, и овчинная мантія у него была уже старая и рваная. Замѣтивъ, что я стоялъ у арки и не спѣшилъ вмѣстѣ съ толпой, онъ устремилъ на меня свои глаза, которые, повидимому, горѣли какимъ-то особымъ огнемъ, и сказалъ по-сирійски:

— Юноша, я вижу, что ты христіанинъ. Ты не хочешь слѣдовать за толпой и дѣлать зло; но я прошу тебя, пойдемъ со мной въ этотъ притонъ демоновъ. Быть можетъ сегодня ты увидишь что-нибудь необычайное.

— Кто ты такой, отецъ? спросилъ я.

— Меня зовутъ Телемахомъ, сказалъ онъ; я отшельникъ изъ Загбы. Немногіе въ этомъ городѣ говорятъ по-сирійски; никто не знаетъ меня. Если кто-нибудь пожелаетъ узнать впослѣдствіи мое имя, то ты можешь сказать имъ, кто я и откуда пришелъ.

«Я не могъ отказаться сопровождать его, потому что его слова казались для меня какъ бы божественнымъ повелѣніемъ.

*) Алипій — молодой христіанинъ — всячески избѣгалъ кровожадныхъ римскихъ зрѣлищъ. Затащенный однажды насильно товарищами въ амфитеатръ, онъ зажмуривалъ глаза, чтобы не видѣть отвратительныхъ сценъ; но случайно увидѣвъ ихъ, онъ до крайности увлекся ими. См. о немъ въ жизнеописаніи бл. Августина въ сочиненіи Фаррара: „Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви". Перев.

Мы пошли въ амфитеатръ, который былъ уже до тѣсноты переполненъ народомъ, такъ что мы могли найти себѣ мѣсто только среди рабовъ и самыхъ послѣднихъ бѣдняковъ на верху. Признаюсь, что это было великолѣпное зрѣлище. Солнце весело изливало лучи на это огромное зданіе, въ которомъ собралось до 80,000 народа. Надъ головами этой безчисленной массы людей волновался громадный шелковый навѣсъ, защищавшій зрителей отъ палящихъ лучей. Повсюду виднѣлись самые разноцвѣтные наряды женщинъ: среди бѣлыхъ тогъ мужчинъ они казались какъ бы грядками цвѣтниковъ. Арена амфитеатра была посыпана блестящимъ пескомъ. Въ подіумѣ въ самой богатой и роскошной обстановкѣ сидѣли императоръ и императрица, Стилихонъ и Евхерій, принцессы Сирена и Ѳермантія, платья которыхъ усыпаны были жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, сверкавшими при малѣйшемъ ихъ движеніи. Тутъ же собрались всѣ сенаторы, вся аристократія Рима. Я видѣлъ, и не безъ смущенія, многихъ даже изъ духовныхъ лицъ. Особенно сильно подстрекала всеобщее любопытство вѣсть, что послѣ единичныхъ схватокъ долженъ былъ послѣдовать общій бой — sine missione, то есть, что всѣ гладіаторы должны были покончить свою борьбу смертью, и что среди плѣнныхъ будетъ сражаться молодой красивый готъ изъ благороднаго семейства амалинговъ. Сердце мое сжалось отъ страха, потому что я зналъ, что подъ этимъ готомъ разумѣлся никто иной, какъ Валамиръ».

Тутъ Филиппъ въ крайнемъ возбужденіи схватилъ Калліаса за руку и съ открытымъ ртомъ смотрѣлъ ему въ лицо.

«Первая часть представленія была великолѣпна и совершенно безвредна для участниковъ. Отрядъ палатиновъ произвелъ показной кавалерійскій бой и совершилъ маневръ на своихъ великолѣпныхъ скакунахъ. Была также представлена аллегорическая сцена съ красивой процессіей; затѣмъ показывались дикія животныя — львы, тигры, страусы, даже камелопарды, и я, никогда раньше не видѣвшій такихъ странныхъ и красивыхъ животныхъ, крайне интересовался зрѣлищемъ.

«Но затѣмъ началась мерзость, на которую масса зрителей смотрѣла съ невыразимымъ восторгомъ. Первый гладіаторскій бой былъ провозглашенъ особымъ герольдомъ, который сказалъ:

«Гладіаторъ Сатиръ теперь сразится съ Валамиромъ молодымъ готскимъ амаломъ; оба они выступятъ съ мечами и въ полномъ вооруженіи».

«Когда до меня донесся звучный голосъ герольда, то сердце запылало во мнѣ крайнимъ негодованіемъ. Вѣдь Валамиръ былъ почти не болѣе какъ мальчикъ, и поэтому было чудовищно выставлять его, какъ это было сдѣлано, противъ знаменитаго и самаго искуснаго гладіатора Италіи, который съ самыхъ раннихъ лѣтъ воспитывался въ школахъ ланистовъ *) и получилъ уже много побѣдныхъ вѣнковъ.

«Я взглянулъ на отшельника, но онъ, повидимому, весь погрузился въ молитву, совершенно забывъ обо всемъ, что происходило вокругъ него.

«Оба выставленные бойцы обошли арену кругомъ и привѣтствовали императора своими поднятыми мечами. Мнѣ показалось, что я замѣтилъ ноту отчаянія въ голосѣ Валамира, когда онъ вмѣстѣ съ другими гладіаторами пѣлъ обычный въ такихъ случаяхъ героическій гимнъ: «Ave Caesar, morituri te sabutamus **).

«Затѣмъ они остановились почти въ центрѣ арены, и всѣ 80,000 глазъ устремились на нихъ, когда послышался лязгъ мечей.

Телемахъ, между тѣмъ, все еще не говорилъ ни слова и не шевелился даже.

«Сила, мужество и ловкость, обнаруженныя Валамиромъ, могли бы наполнить гордостью сердце самого Алариха; но я сразу увидѣлъ, что онъ не былъ и не могъ быть равнымъ борцомъ противъ хладнокровнаго, испытаннаго исполина, противъ котораго онъ былъ выставленъ и который; находясь въ полномъ разцвѣтѣ своей возмужалости, отличался необыкновеннымъ искусствомъ и геркулесовской силой. Единственно, что удивляло меня, когда я сидѣлъ тамъ объятый страхомъ, трепеща всѣмъ тѣломъ отъ возбужденія и думая о тебѣ и Евтихіи, было то, что онъ еще умѣлъ такъ долго выдерживать неравную борьбу.

---

*) Lanista — учитель гладіаторскихъ игръ. Въ Римѣ существовали особыя школы, въ которыхъ ланисты за извѣстную плату обучали гладіаторскимъ пріемамъ рабовъ и плѣнниковъ, равно какъ и свободныхъ любителей этого искусства. Перев.

**) Да здравствуетъ цезарь! Мы, готовясь умереть, привѣтствуемъ тебя.

«Вдругъ по толпѣ пронесся неописанный крикъ: «Habet», когда Сатиръ нанесъ своему противнику первую рану, и багровая кровь ручьями побѣжала по доспѣхамъ Валамира. Этотъ крикъ, повидимому, пробудилъ Телемаха. Онъ вскочилъ, быстрымъ взоромъ окинулъ все происходящее вокругъ него и затѣмъ скорыми шагами направился внизъ по корридорамъ. Я не зналъ сначала, что онъ хотѣлъ сдѣлать, да и зрители были слишкомъ заняты боемъ, чтобы замѣтить его, потому что Сатиръ нанесъ противнику только наружную рану и Валамиръ, съ непреклоннымъ духомъ, возобновилъ безнадежную борьбу.

«Но какъ разъ въ то время, когда Телемахъ дошелъ почти до cancelli (золоченныхъ барьеровъ, воздвигнутыхъ для того, чтобы не давать возможности дикимъ звѣрямъ выпрыгивать съ арены въ народъ, какъ иногда и случалось), новой ударъ, нанесенный Валамиру въ шлемъ, повалилъ его на-земь, и Сатиръ мгновенно наступилъ на него съ поднятымъ мечомъ, обводя глазами зрителей, какъ бы въ ожиданіи съ ихъ стороны знака — убить или пощадить.

«По обычаю зрители поднимали вверхъ большой палецъ въ знакъ своего желанія о пощадѣ, если пораженный боецъ обнаруживалъ выдающееся геройство; и можно бы думать, что молодость, красота и мужество молодого амала должны бы склонить всѣхъ въ его пользу. Но нѣтъ; онъ былъ однимъ изъ страшныхъ, ненавистныхъ римлянамъ готовъ, и безъ малѣйшаго колебанія 20,000 большихъ пальцевъ безжалостно повернулись внизъ въ знакъ требованія, чтобы Сатиръ пронзилъ Валамиру грудь или горло мечомъ. Вотъ тогда именно, къ крайнему изумленію всѣхъ присутствующихъ, отъ императора до самаго послѣдняго раба, Телемахъ, подобно изступленному, перескочилъ черезъ барьеръ и, съ крикомъ бросившись впередъ, подбѣжалъ къ лежащему на землѣ молодому готу и съ повелительнымъ жестомъ сталъ противъ побѣдоноснаго гладіатора.

«Сатиръ въ изумленіи отскочилъ отъ своей жертвы какъ бы увидѣвъ какое-то привидѣніе, и опустилъ мечъ. Будучи номинально христіаниномъ, онъ почувствовалъ необычный страхъ въ присутствіи странной фигуры, изможденнаго лица и сверкавшихъ глазъ этого высокаго тощаго отшельника. Но народъ немедленно понялъ намѣреніе отшельника, и театръ огласился криками ярости

и разочарованія, такъ что, какъ-будто, всѣми овладѣли демоны. Сатиръ отошелъ къ стѣнѣ арены, въ крайнемъ страхѣ продолжая смотрѣть на неожиданно явившагося отшельника. Валамиръ между тѣмъ всталъ. Между ними былъ только одинъ Телемахъ; но въ него посыпался со стороны зрителей цѣлый градъ всевозможныхъ вещей, какія только попадались народу подъ руку, при чемъ многіе, совсѣмъ обезумѣвъ отъ ярости, тоже перескочили за барьеръ и бросали въ него палками. Озвѣрѣвъ отъ кровожадности, они повалили его на-земь, били пинками и кулаками, бросали въ него камнями. Я также выскочилъ за барьеръ; но будучи одинъ противъ цѣлыхъ сотенъ, что могъ я сдѣлать?

«Скоро оказалось, что онъ былъ мертвъ, и тогда въ душѣ озвѣрѣлыхъ людей совершился переворотъ чувствъ и наступила тишина. «Кто это былъ?» всѣ спрашивали другъ друга. Самъ императоръ былъ до крайности взволнованъ, насколько это возможно при его равнодушномъ темпераментѣ. Онъ всталъ съ своего сидѣнія и позвалъ герольда, поручивъ ему спросить кого-нибудь изъ знавшихъ умерщвленнаго старца, кто онъ такой. Я былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы стѣсняться и, подбѣжавъ къ ложѣ императора, закричалъ: «Государь, это былъ Телемахъ, пустынникъ изъ Загбы».

Даже мнѣ самому казалось будто я закричалъ неестественно сильнымъ и громкимъ голосомъ и какъ будто сказанныя мною слова произвели гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ можно было ожидать отъ нихъ. Весь народъ охваченъ былъ необычайнымъ волненіемъ. Всѣ съ ужасомъ отступали отъ тѣла умерщвленнаго подвижника. Оно лежало на блестящемъ бѣломъ пескѣ, которымъ была посыпана арена, и кровь изъ многихъ ранъ обагрила его одежду. Многіе увѣряли, что видѣли даже сіяніе вокругъ его. Императоръ и его приближенные встали, но прежде чѣмъ оставить амфитеатръ, онъ приказалъ герольдамъ объявить, что игры закончены и не возобновятся и что тѣлу Телемаха, пустынника загбійскаго, будетъ оказано должное почтеніе, какъ тѣлу подвижника и мученика.

«Пораженная ужасомъ толпа бросилась къ вомиторіи *) и

*) Vomitoria — выходныя двери въ амфитеатрѣ. Перев.

разошлась по домамъ съ чувствомъ необычайнаго страха; но многіе опять возвращались и входили на самую арену, съ цѣлью ближе взглянуть на человѣка, который умеръ чтобы спасти жизнь погибавшаго юноши. Когда всѣ такимъ образомъ всецѣло были заняты погибшимъ отшельникомъ, я постарался повидѣть Валамира. Онъ стоялъ, опершись на стѣну подъ подіумомъ, блѣдный и ослабѣвшій отъ потери крови. Я спросилъ его о нанесенной ему ранѣ.

— «Это ничего, сказалъ онъ, хотя я потерялъ много крови. Но ахъ, Калліасъ, душа моя страдаетъ отъ ужаса и ненависти. Не можешь ли ты помочь мнѣ какъ-нибудь бѣжать отсюда къ моему народу?

«Эта мысль явилась у меня даже раньше, чѣмъ онъ высказалъ ее. По близости къ намъ находилась дверь въ споліаріумъ *), куда обыкновенно послѣ боя вытаскивались мертвыя тѣла. Я шепнулъ ему, чтобы онъ, пока никто не видитъ, вышелъ въ эту дверь, и вслѣдъ за нимъ незамѣтно вышелъ и я. Комната была пуста. Всѣ, находившіеся тамъ прислужники выбѣжали на арену посмотрѣть, что происходило тамъ, и къ нашему счастью, дальнѣйшій выходъ также былъ отпертъ, потому что служителя ожидали, что имъ придется имѣть дѣло съ массой труповъ. Мы не замѣтно оказались подъ сѣнью огромной коллонады. Не знаю, какая то странная случайность или тайное предчувствіе заставило меня захватить съ собой плащъ параволана. Во всякомъ случаѣ этотъ плащъ оказался при мнѣ и я сказалъ Валамиру, чтобы онъ набросилъ по-верхъ своихъ доспѣховъ этотъ плащъ и закрылъ себѣ голову. Затѣмъ онъ оперся на мою руку и мы переулками направились къ моему помѣщенію, которое отвелъ мнѣ епископъ близъ Латерана. Позади насъ кой-гдѣ остались слѣды крови, но это было неизбѣжно; да къ счастью въ этихъ переулкахъ было не много народу. По пути мы проходили мимо маленькой цирульни и, я, подъ вліяніемъ счастливой мысли, зайдя въ нее, купилъ тамъ простой черный парикъ, которымъ и прикрылъ

*) Spoliarium — особое отдѣленіе въ амфитеатрѣ, гдѣ гладіаторы ждали своей очереди и куда послѣ боя выносились тѣла убитыхъ и раненыхъ.

Перев.

короткія свѣтлыя кудри амала. Все это измѣнило внѣшность его до неузнаваемости. По прибытіи въ свое обиталище, я далъ ему подкрѣпиться пищей.

«Еще не было полудня; но такъ какъ нельзя было терять ни момента, а устроить бѣгство не было возможности безъ посторонней помощи, то я рѣшилъ прямо отправиться въ домъ Стилихона и возбудить въ немъ сочувствіе въ пользу Валамира.

«Я зналъ, что было трудно добиться аудіенціи у могущественнаго вандала, который былъ въ одно и тоже время первымъ министромъ и генералиссимусомъ, мужемъ принцессы Сирены, отцемъ императрицы Маріи и оффиціальнымъ опекуномъ какъ Аркадія, такъ Гонорія. Но мнѣ помогло, повидимому, промышленіе Божіе, потому что во дворцѣ мнѣ удалось увидѣть сына Стилихона, — благороднаго молодого-Евхерія. Великій вандалъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ яростною завистью, и онъ изъ осторожности не давалъ своему сыну высокихъ должностей и не окружалъ его блескомъ, хотя даже эта предосторожность не воспрепятствовала распространенію молвы, что онъ тайно замышлялъ сдѣлать его императоромъ. Когда Евхерій вышелъ, я протянулъ къ нему руки въ знакъ мольбы. Онъ остановился и я просилъ дать мнѣ частную аудіенцію на пять минутъ. Онъ соизволилъ, и я вкратцѣ разсказалъ ему исторію Валамира. Онъ еще не былъ такъ романизированъ, какъ его отецъ, и я зналъ, что онъ съ большимъ сочувствіемъ относился къ готамъ. Тронутый моимъ разсказомъ и мужествомъ юнаго гота въ борьбѣ съ Сатиромъ, свидѣтелемъ которой онъ лично былъ въ Колизеѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Завтра императоръ и мой отецъ отправляютъ письма въ Константинополь. Посланный отправится на кораблѣ изъ Остіи въ Диррахіи. Епископъ римскій, покровительствомъ котораго пользуешься ты, несомнѣнно будетъ радъ отослать тебя назадъ съ отвѣтомъ на письма, привезенныя ему тобою отъ патріарха Іоанна. Пусть молодой готъ переодѣнется и сопровождаетъ тебя въ качествѣ твоего слуги. Я снабжу его паспортомъ». Я горячо поблагодарилъ его и поцѣловалъ ему руку. Валамиръ былъ внѣ себя отъ радости. Все вышло хорошо; и надо было видѣть его необычайную радость, когда корабль скрылся изъ виду и Валамиръ, уже въ сущности не рискуя ничѣмъ, снялъ съ себя чуждую ему одежду. Ты бы

вдоволь насмѣялся при видѣ того, какъ онъ бросилъ свой парикъ въ море и опять оказался въ своемъ собственномъ видѣ.

— Скоро ли онъ оправился отъ своихъ ранъ? спросилъ Филиппъ?

— Да, очень скоро, и онъ приписываетъ это суровой школѣ своего воспитанія. Зная наклонности своего народа къ излишеству ни онъ, ни Торисмундъ никогда не прикасались къ вину. Поэтому ихъ раны исцѣляются гораздо скорѣе, чѣмъ раны ихъ сотоварищей.

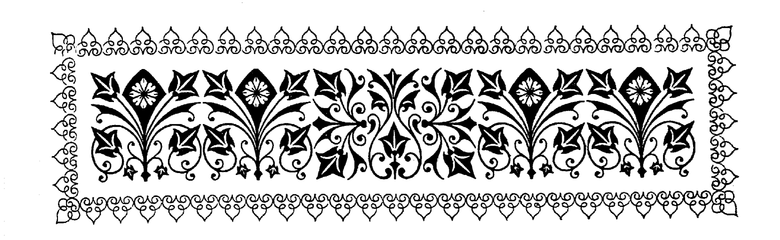
«Благодаря отчасти тому, чему онъ научился отъ Евтихія, Валамиръ составилъ себѣ самъ возвышенный идеалъ того, чѣмъ должны быть готы. Онъ думаетъ, что если имъ когда-нибудь суждено погибнуть, то это можетъ случиться только благодаря ихъ собственнымъ недостаткамъ и порокамъ... Онъ даетъ имъ возвышенный примѣръ, и при всякомъ благопріятномъ случаѣ высказываетъ имъ свои убѣжденія. И вотъ, теперь я закончилъ свой разсказъ, тѣмъ болѣе, что госпожа Олимпіада, какъ мнѣ кажется, навѣрно уже утомилась.

— Но скажи еще, благополучно ли добрался Валамиръ до дворца Алариха?

— Да, и я имѣлъ счастіе лично видѣть его встрѣчу съ своимъ братомъ. Теперь они по истинѣ par nobile fratrum *).

---

*) Благородная чета братьевъ.

ГЛАВА LIX.

Праведное возмездіе.

ПРЕЖДЕ чѣмъ продолжать исторію Филиппа и великаго изгнанника, остановимся нѣсколько на изслѣдованіи того, насколько злоба ихъ враговъ достигла своей цѣли; потому что враги ихъ вскорѣ совсѣмъ исчезнутъ со страницъ нашей книги. Благочестивый патріархъ, какъ мы уже видѣли, обязанъ былъ своимъ низверженіемъ ненависти цѣлой своры озлобленныхъ враговъ: императрицы, испорченнаго, преданнаго міру, распущеннаго общества Константинополя, злыхъ женщинъ, предводимыхъ кликой парумяненныхъ и обвѣшанныхъ разными украшеніями знатныхъ вдовъ, многихъ недостойныхъ членовъ духовенства, ложныхъ монаховъ, лицемѣрныхъ дѣвственницъ, такъ называемыхъ агапетъ, жившихъ въ домахъ духовенства подъ именемъ духовныхъ сестеръ, и болѣе всего Ѳеофила, недостойнаго патріарха Александріи и его столь же недостойныхъ сподвижниковъ, между которыми особенно выдавались Северіанъ и Киринъ, главные дѣятели на нечестивомъ соборѣ придубскомъ.

Пути Божіи, по отношеніи къ людамъ, часто неизъяснимы; только ужъ съ теченіемъ времени мы въ состояніи прослѣдить дѣйствіе Божья Промысла, который страшными огненными перстами обнажаетъ ложь негодныхъ людей. Кажущееся благоденствіе негодныхъ людей и кажущаяся бѣдственность и униженное состояніе праведниковъ, все это отъ начала міра составляло одну

изъ самыхъ трудныхъ проблемъ. Псалмопѣвцы и другіе святые находили себѣ утѣшеніе въ томъ, что, хотя нечестивые, повидимому, и благоденствуютъ, однако часто можно видѣть, какъ они внезапно погибаютъ и приходятъ къ страшному концу, и что обыкновенно праведные не совсѣмъ остаются безпомощными и родъ ихъ не вынуждается милостыней добывать себѣ хлѣбъ. Но этотъ общій законъ, конечно, подлежитъ большимъ исключеніемъ и едва ли относится къ тѣмъ великимъ подвижникамъ, которые умирали среди огорченій или въ пламени мученичества. Только уже въ позднѣйшіе вѣка найдено было новое, болѣе глубокое рѣшеніе этой проблемы, и люди научились съ непреклонной вѣрой смотрѣть на подобное явленіе въ томъ двоякомъ убѣжденіи, что праведность есть сама по себѣ счастіе, а грѣхъ въ самой природѣ своей носитъ возможность наказанія, и что есть загробный міръ, гдѣ возстановлено будетъ все, что неправильно взвѣшено и измѣрено на землѣ. Конечно, для человѣческаго ума невозможно съ совершенною полнотою и ясностью теоретически объяснить тайны состоянія вещей въ нашемъ мірѣ, столь полномъ грѣха, смерти и горя. Величайшій подвижникъ древности, праведный Іовъ, пораженный проказой, сидѣлъ на гноищѣ, лишенный всего, всѣми отверженный и униженный бѣднякъ, надъ которымъ даже пьяницы издѣвались въ своихъ пѣсняхъ. Даже преданные ему друзья только растравляли его раны, высказывая свое предположеніе, что бѣдственность его была возмездіемъ ему за какой-нибудь тайный грѣхъ. Это ихъ жестокое предположеніе вызвало гнѣвъ свыше, и даже если бы Іовъ никогда не былъ возстановленъ изъ страшной бѣдственности въ великое благосостояніе, то все-таки мы не въ правѣ были бы приводить его бѣдствіе въ доказательство того, что Богъ не печется о сотворенныхъ Имъ душахъ, и о праведныхъ и неправедныхъ на нашей ничтожной землѣ думаетъ не болѣе какъ о дѣлахъ какихъ-нибудь пчелъ и муравьевъ съ ихъ жалкими заботами и трудами. Все, что мы въ правѣ были бы сказать, если бы такія случаи, какъ случай съ Іовымъ, былъ общимъ правиломъ, а не исключеніемъ, это то, что̀ сказалъ непорочный царь въ своемъ горѣ: «я видѣлъ Бога въ сіяніи звѣздъ, я видѣлъ Его въ цвѣтахъ, покрывающихъ поля, но я не видѣлъ его въ отношеніяхъ къ людямъ».

Но когда такіе люди, какъ Ѳеофилъ, указывали на судьбу Златоуста, на мученичество Евтихія, на огорченіе Олимпіады, на пытки, которымъ подвергнуты были Тигрій и Серапіонъ, какъ на доказательство того, что самъ Богъ сталъ противъ Іоанна и іоаннитовъ, то этимъ они не могли обмануть ни себя ни другихъ людей. Съ одной стороны люди видѣли, что Златоустъ даже и въ своей бѣдственности былъ счастливъ; его оклеветали и однако онъ былъ счастливъ, — и всѣ искренніе люди ни за что не промѣняли бы его испытанія на пышную преступность патріарха Александріи или упитанную лицемѣрность Северіана съ его холоднымъ каменнымъ безсердечіемъ. Въ Константинополѣ не было такой женщины (не исключая даже Епиграфіи съ ея золоченымъ будуаромъ, не исключая самыхъ пышныхъ монахинь и духовныхъ сестеръ, не исключая даже самой Евдоксіи съ ея императорской порфирой), — которыя не согласились бы съ радостью отказаться отъ своего нечестиваго благополучія, если бы только въ награду за это дано было имъ сердце, жизнь и будущая награда доброй Никареты или потрясенной горемъ, Олимпіады. Событія достаточно показали всѣмъ, что среди кажущагося безмолвія и равнодушія небеснаго судьи, по временамъ все-таки можно было видѣть проблески Его праведнаго гнѣва на преступниковъ, и ангелъ росы постоянно стоялъ въ пещи огненной, чтобы отклонять всепожирающее пламя отъ возлюбленныхъ Имъ.

Если была еще личность, которая болѣе чѣмъ даже Ѳеофилъ, была причиной гибели Златоуста, то это, конечно, была императрица Евдоксія. Она слѣпо отдалась фуріямъ ненависти и честолюбія. Для дочери Баутона было бы хорошо, если бы она вышла замужъ за человѣка своего собственнаго положенія; если бы Евтропій никогда не интриговалъ противъ Руфина и не подсунулъ ея портрета впечатлительному Аркадію. Опьяненная своимъ необычайнымъ возвышеніемъ, она до страсти наслаждалась окружавшимъ ее ласкательствомъ и своимъ властолюбіемъ. Гордость ея ничѣмъ не могла насытиться, кромѣ какъ постоянно приносимымъ ей куреніемъ. Противъ Евтропія ярость ея въ значительной степени происходила вслѣдствіе ея убѣжденія, что, благодаря именно ему, отсрочивалось присужденіе ей титула и достоинства Августы и ставилось препятствіе ея притязаніямъ на постановку

статуй и на всеобщее поклоненіе въ провинціяхъ, — каковое притязаніе вызвало всеобщее неудовольствіе на западѣ.

Низвергая Златоуста, просто вслѣдствіе дѣйствительной суровости его обличеній, направленныхъ противъ ея недостатковъ и часто воображаемыхъ оскорбленій ей, въ которыхъ его обвиняли поддѣльщики и клеветники, императрица дѣйствовала противъ голоса своей собственной совѣсти. Это вполнѣ обнаружилось въ объявшемъ ее страхѣ и въ той настойчивости, съ которымъ она умоляла Аркадія о возвращеніи его изъ перваго изгнанничества, когда совѣсть ея была до крайности смущена землетрясеніемъ, потрясшимъ ея покои. Не будетъ много сказать, что послѣ второго изгнанія патріарха, она никогда уже не имѣла спокойствія. Она находилась въ постоянной тревогѣ, и такъ какъ опять ожидала сдѣлаться матерью, то ея положеніе поистинѣ сдѣлалось плачевнымъ.

Патріархъ изгнанъ былъ 20-го іюня 404 года. Затѣмъ послѣдовало страшное гоненіе противъ іоаннитовъ. 30-го сентября надъ Константинополемъ разразилась необычайно яростная градовая буря, столь ужасная и разрушительная, что нѣсколько человѣкъ было убито на улицахъ и много зданій подверглось серьезной порчѣ. Евдоксія въ этой бурѣ увидѣла гнѣвъ Божій. Она день ото дня блѣднѣла и худѣла, болѣе и болѣе становилась жалкой, и угрызенія совѣсти рѣшили ея судьбу. Ей было всего 31 годъ отъ роду, и однако 30-го сентября — менѣе чѣмъ черезъ 3½ мѣсяца послѣ отбытія Златоуста — прекрасная Августа погибла отъ бѣдственной кончины.

Постоянное волненіе духа привело ее къ тому, что она имѣла болѣзненный выкидышъ. Ребенокъ (какъ по крайней мѣрѣ разсказывали въ народѣ) уже за три мѣсяца до рожденія былъ мертвъ и это мертворожденіе причинило ей ужасныя страданія. Она не имѣла силы совершить роды. Тогда, отчаявшись во всякой законной или святой помощи, она упросила своего жалкаго супруга тайно призвать во дворецъ одного волшебника. Волшебникъ пришелъ, произнесъ надъ ней свои причитанія и положилъ ей на грудь магическое письмо. Ребенокъ родился мертвымъ и злополучная мать умерла. Неудивительно, что народъ приписывалъ столь безвременную, столь плачевную кончину грозному посѣщенію Божію.

Среди самыхъ ожесточенныхъ противниковъ патріарха, какъ мы видѣли, былъ египтянинъ Киринъ, двоюродный братъ Θеофила— епископъ халкидонскаго. Златоустъ относился къ нему съ добротой и довѣріемъ и даже назначилъ его однимъ изъ своихъ трехъ помощниковъ во время производства дѣлъ слѣдствія по церковнымъ злоупотребленіямъ въ Малой Азіи, откуда онъ возвратился ожесточеннымъ врагомъ и обвинителемъ своего патріарха. Но скоро послѣдовало и возмездіе (если это было возмездіе), которое обрушились на него. Онъ никогда уже не поправился отъ раны, причиненной его ногѣ тяжелой поступью Маруθы месопотамскаго на предварительномъ собраніи, предшествовавшемъ собору придубскому. Сильное воспаленіе и постоянное страданіе не препятствовали ему впрочемъ продолжать свою враждебность до послѣдняго конца. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ яростныхъ агитаторовъ, былъ однимъ изъ тѣхъ четырехъ лицъ, которыя приняли на свои головы преступную отвѣтственность, отъ которой уклонился Аркадій. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ епископовъ, которые подписали письмо къ папѣ Иннокентію, содержавшее въ себѣ лживое обвиненіе въ томъ, что Іоаннъ Златоустъ самъ поджегъ свою церковь, и отправленное ими съ калѣкообразнымъ и обезображеннымъ косноязычнымъ просвитеромъ Патерномъ. Какъ бы въ наказаніе за эту нравственную низость все тѣло Кирина было охвачено такимъ же гнойнымъ воспаленіемъ, какимъ страдала и его душа. Ногу ему нѣсколько разъ ампутировали, и однако гангрена не переставала распространяться. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ въ такихъ ужасныхъ страданіяхъ, что сдѣлался предметомъ сожалѣнія даже для своихъ враговъ.

Что случилось съ Северіаномъ гавальскимъ и какъ неожиданно померкло багровое солнце его честолюбія, оставивъ его въ положеніи разочарованнаго гонимаго человѣка, объ этомъ уже было сказано выше.

Другіе изъ главныхъ участниковъ нечестиваго заговора противъ великаго святителя также не надолго избѣгли возмездія — за свое злочестивое торжество. Хотя Палладій епископъ еленопольскій опускаетъ завѣсу забвенія надъ ихъ именами, однако судьба ихъ была вполнѣ извѣстна, какъ ему самому, такъ и его современникамъ.

Одинъ изъ нихъ, выдающійся клеветникъ на Златоуста, умеръ отъ жабы, отъ которой языкъ его такъ распухъ, что онъ не могъ уже говорить. Въ этомъ состояніи онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы ему подали дощечку; и когда она подана была ему, то онъ написалъ на ней исповѣданіе въ своихъ злыхъ дѣлахъ.

Другой, пораженный вскорѣ затѣмъ своего рода необычайной язвой, былъ изъѣденъ червями и умеръ омерзительной смертью.

Третій нечаянно свалился съ лѣстницы и убился отъ этого паденія.

Четвертый, пораженный хронической подагрой, самъ причинилъ тяжелое осложненіе для своей болѣзни, поддаваясь сверхестественнымъ страхамъ, которые терзали его злополучную душу.

Антіохъ птолемаидскій, который, нисколько не заботясь объ обязанностяхъ своего служенія, въ теченіе всей жизни занятъ былъ скопленіемъ себѣ богатства, наконецъ имѣлъ дерзость даже написать трактатъ противъ стяжанія и умеръ презираемый за свою лицемѣрную алчность.

Арсакій, сдѣланный патріархомъ константинопольскимъ послѣ Златоуста, послѣ годичнаго управленія, ожесточенный сильнымъ противодѣйствіемъ, презираемый всѣми, что было лучшаго въ Константинополѣ и во всемъ западномъ мірѣ, черезъ годъ закончилъ свою тяжелую жизнь и умеръ 11 ноября 405 года.

А Ѳеофилъ александрійскій — главный виновникъ всего этого преступнаго заговора противъ величайшаго изъ святителей?

Онъ продолжалъ жить, — потому что продолженіе жизни иногда служитъ главнымъ орудіемъ наказанія Божьяго.

Продолжая жить, онъ сознавалъ, что ревнивая ярость его противъ подвижника Божія угрожала подвергнуть его имя безславію и, такъ какъ съ теченіемъ времени его многочисленныя преступленія начали постепенно обнаруживаться предъ всѣми, то онъ опасался, что имя его безсмертится въ потомствѣ — на всеобщее поношеніе и проклятіе!

Онъ дожилъ до того, что въ самой Александріи, которой онъ правилъ жезломъ желѣзнымъ, народъ даже на улицахъ начиналъ громко укорять его во всѣхъ его низкихъ козняхъ и преступленіяхъ.

Продолжая жить, онъ пришелъ къ убѣжденію, что самое ра-

болѣпное ласкательство массы жалкихъ епископовъ, которыхъ онъ посвятилъ на служеніе своимъ церквамъ, не могло заглушить тѣхъ угрызеній совѣсти, которыя не переставали терзать его внутри.

Продолжая жить, онъ еще болѣе удручалъ свою совѣсть, оскорбивъ имя Златоуста въ особомъ поносительномъ посланіи, въ которомъ называлъ его отчаяннымъ тираномъ; кощунственнымъ покровителемъ святотатства, не только не христіаниномъ, но хуже Валтасара, лицемѣромъ, виновность котораго стоитъ-де всякаго земного наказанія, и только впослѣдствіи получитъ должное возмездіе въ вѣчномъ осужденіи, такъ что онъ будетъ низвергнутъ Христомъ въ тьму кромѣшную.

Продолжая жить, онъ удручилъ свою преступную совѣсть еще и тѣмъ, что позорилъ имя благочестивой Олимпіады, предъ которой, когда-то еще надѣясь добиться отъ нея чего-нибудь въ свою пользу, онъ въ свое время ползалъ на колѣняхъ и цѣловалъ ей руки. Съ теченіемъ времени онъ позорилъ даже благочестиваго Оригена, къ которому, между тѣмъ, самъ относился съ благоговѣніемъ.

Онъ продолжалъ жить въ постоянномъ страхѣ смерти. «Какой страхъ, какое смятеніе и тоску приходится намъ испытывать, говорилъ онъ, когда душа разлучается съ тѣломъ». Продолжая жить въ блескѣ и деспотизмѣ, онъ наконецъ выразилъ даже зависть къ пустыннику Арсенію, который всегда памятствовалъ о томъ часѣ, когда онъ долженъ былъ предстать предъ лицомъ праведнаго Судіи.

Но вотъ и его постигла общая доля земного: 15 октября 412 года онъ былъ найденъ мертвымъ на своей постели. Смерть его послѣдовала при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Когда онъ удалился на покой, то едва успѣлъ лечь и заснуть, какъ у его постели появилось какое-то мрачное, отвратительное существо.

— Кто ты такой и какъ осмѣливаешься вторгаться въ мои покои? въ ужасѣ закричалъ онъ.

— Такой тонъ уже безполезенъ для твоего блаженства, издѣваясь, сказалъ незнакомецъ. Негодный человѣкъ, твой часъ пришелъ! Съ этой постели ты уже не встанешь! изъ этой комнаты ты уже и не выйдешь!

— Прочь отсюда, ужасный врагъ! закричалъ патріархъ и сдѣлалъ крестное знаменіе.

Незнакомецъ засмѣялся. «Неужели ты настолько неразуменъ, воскликнулъ онъ, что думаешь, будто даже знаменіе креста, сдѣланное нечестивыми руками, можетъ отвратить возмездіе, навлеченнное тобой въ теченіе жизни, исполненной преступленій и гордыни?

— Кто ты такой? испуганно опять спрашивалъ Ѳеофилъ.

— Какъ развѣ ты не знаешь меня? сказалъ незнакомецъ. Развѣ ты не знаешь твоего ближайшаго друга? Не знаешь того, кто такъ долго жилъ съ тобой, кто внушалъ тебѣ въ уши всѣ козни, ложь, кто постоянно сидѣлъ у тебя на плечѣ, кто постоянно руководилъ тобою въ теченіе столькихъ лѣтъ?!

— Я не знаю тебя, простоналъ Ѳеофилъ; я никогда еще не видѣлъ существа, столь отвратительнаго, какъ ты.

Незнакомецъ только громко засмѣялся.

— Не знаешь меня?! Кого же знать долженъ ты? Ты именно создалъ меня, я никто иной, какъ ты самъ! Неужели ты отрекаешься отъ меня! Нѣтъ, въ настоящее время я твой, а ты — мой. Взгляни на всѣ событія въ которыхъ мы дѣйствовали вмѣстѣ, на всѣ дѣла, которыя мы сдѣлали съ тобой.

Онъ махнулъ рукой, и Ѳеофилъ увидѣлъ передъ собой цѣлыя горы золота, добытаго лукавствомъ, ложью, лестью и вымогательствомъ.

— Не довольно тебѣ этого? спросилъ онъ. Смотри, какъ мы богаты! Какъ мы съ тобой прекрасно воспользовались жизнью! Какъ мы прекрасно съ тобою воспользовались этимъ золотомъ! Какъ мы подкупали имъ александрійскихъ чиновниковъ! Какъ оно оказывалось полезнымъ при подкупѣ членовъ собора въ Константинполѣ и Халкидонѣ, какъ оно давало намъ возможность пріобрѣтать массу нужныхъ намъ клятвопреступниковъ! Ужъ не взять ли намъ его съ собою и въ будущую жизнь, — авось и ангелы окажутся доступными для подкуповъ!...

— Взгляни еще!

Предъ взоромъ злополучнаго умирающаго сановника возстала фигура молодого человѣка, который былъ подкупленъ 15-ю фунтами золота, чтобы взвесть низкое обвиненіе на одного священника, но который самъ потомъ съ ужасомъ отрекся отъ своей преступной клятвы. И однако священникъ, при всей своей не-

винности, погибъ отъ бѣдственнаго своего положенія и умеръ въ нищетѣ и горѣ.

— Узнаешь ли ты добраго Исидора Гостепріимника? сказалъ безпощадный мучитель. Мы когда-то, какъ тебѣ извѣстно, пытались сдѣлать его патріархомъ константинопольскимъ. Это намъ не удалось. Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи мы излили на него свою досаду и съ успѣхомъ погубили его.

— Взгляни еще.

— Мнѣ нѣтъ надобности говорить тебѣ, кто эти четыре долгіе братья. Смотри, лицо одного изъ нихъ обагрено кровью отъ твоего жестокаго удара! Какая прекрасная вещь есть мщеніе! Вспомни, какъ ты заключалъ ихъ въ тюрьму, клеветалъ на нихъ, бичевалъ ихъ, грабилъ, гналъ изъ города въ городъ, морилъ ихъ голодомъ, раззорялъ ихъ и наконецъ почти нравственно погубилъ ихъ. И когда ихъ лучшія силы были подавлены лѣтами и бѣдственностью, тогда ты пролилъ крокодиловы слезы надъ тѣми изъ нихъ, которыхъ еще не предалъ смерти. Это пріятное зрѣлище для тебя на смертномъ одрѣ, не правда ли?

— Взгляни и еще.

— Кто этотъ старецъ въ ужасной армянской деревнѣ, отданный въ жертву исаврійскихъ разбойниковъ, изгнанный съ своей каѳедры,—старецъ, тѣло котораго измучено, имя очернено, и самъ онъ такъ медленно умерщвляется, что никто въ сущности не можетъ назвать это убійствомъ! А! вижу, что ты узнаешь благочестиваго патріарха константинопольскаго, котораго ты клеймилъ, какъ нечестиваго демона, осудилъ на вѣчныя мученія ада! Какъ ты съ твоими египетскими пособниками (и тутъ мрачный незнакомецъ захохоталъ опять) восторжествовалъ надъ нимъ! Ага! Развѣ ты теперь не съ величайшей охотой промѣнялъ бы твою побѣду на его пораженіе?

— Можно бы еще много показать тебѣ изъ твоихъ дѣлъ,—гораздо больше, чѣмъ извѣстно міру, потому что, по счастливой случайности, намъ удалось достать ту записку, которую долгіе братья подали Аркадію съ изложеніемъ твоихъ прошлыхъ дѣяній. Но навѣрно тебѣ достаточно и этой картины твоей прошлой жизни. Прощай!

Страшный незнакомецъ, а вмѣстѣ съ нимъ и развернуты

имъ картины постепенно исчезли. «Ухъ! воскликнулъ Ѳеофилъ, это былъ тяжелый и безобразный сонъ!»

Но затѣмъ явилась другая мрачная, закутанная фигура. «Ѳеофилъ, сказала она, твой послѣдній часъ пришелъ; приготовься стать лицомъ къ лицу съ Богомъ!» Фигура коснулась его. Онъ упалъ назадъ на подушку. На слѣдующее утро его нашли мертвымъ, съ выраженіемъ ужаса въ его широко раскрытыхъ глазахъ.

Поистинѣ — смерть грѣшника люта!

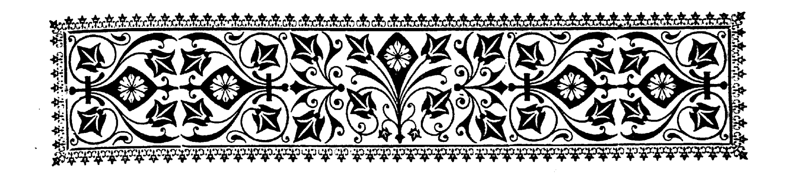
КНИГА ШЕСТАЯ.

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ.

Τίς οἶδεν εἰ τὸ ζῆν μὲν ἐστὶ κατθανεῖν,
Τὸ κατθανεῖν δὲ ζῆν;

Кто знаетъ, жить не значитъ ли быть мертвымъ,
И быть мертвымъ не значитъ ли жить?

Еврипидъ.

ГЛАВА LX.

Филиппъ и императоръ.

Видѣлъ ли ты человѣка проворнаго въ своемъ дѣлѣ? Онъ будетъ стоять предъ царемъ; онъ не будетъ стоять предъ простыми.

Притч. XXII, 29.

АЛЛІАСЪ въ теченіе двухъ недѣль пробылъ подъ гостепріимнымъ покровомъ Олимпіады и, за это время онъ имѣлъ удовольствіе убѣдиться, насколько онъ своей искренностію и сердечной простотой, поднялъ духъ и ободрилъ, какъ саму хозяйку, такъ и своего друга. Общія очертанія его собственной будущности, повидимому, теперь приблизительно опредѣлились. Подобно Филиппу, онъ проникся непреодолимымъ отвращеніемъ къ Константинополю, съ его сумятицей, съ его роскошью, съ его притворной религіозностью, съ его жестокостью, гонительствомъ и развращеніемъ. Съ теченіемъ времени ему пришлось узнать, что въ этомъ отношеніи западъ былъ не лучше востока и что миръ и довольство, какіе можетъ доставить жизнь, гораздо больше зависятъ отъ насъ самихъ, чѣмъ отъ мѣста нашего обитанія, или отъ условій нашего положенія. Но на западѣ ему представлялась возможность для хорошаго заработка. Замѣтивъ въ немъ чрезвычайно искуснаго скорописца, папа римскій охотно предложилъ ему мѣсто скорописца при своемъ дворѣ, съ весьма значительнымъ жалованьемъ.

Повидимому, ясно опредѣлялась также и будущность Филиппа. Какъ только въ Антіохіи прекратятся смуты, ему можно будетъ поселиться въ своемъ родномъ городѣ и жить тамъ не только съ удобствомъ, но и не безъ значительнаго вліянія, и онъ ожидалъ, какъ рая, наступленія тѣхъ счастливыхъ лѣтъ, когда ему удастся наконецъ вновь увидѣться и на всю жизнь сочетаться съ предметомъ своей любви. Но такъ какъ его бракъ съ Маріамью, неизбѣжно откладывался, то онъ и не зналъ хорошенько, чѣмъ заняться въ теченіе ближайшихъ двухъ лѣтъ. Онъ не хотѣлъ дольше пользоваться добротой Олимпіады; теперь онъ самъ въ состояніи былъ трудиться, а у нея было такъ много преданныхъ секретарей, агентовъ и слугъ, что она не имѣла надобности въ такихъ услугахъ, какія могъ бы оказывать онъ, какъ ни рада она была бы воспользоваться ими. При такихъ обстоятельствахъ Калліасъ убѣдилъ Филиппа воспользоваться находившимся въ его распоряженіи временемъ для путешествія на западъ, что было бы не безполезно для его житейскаго опыта предъ вступленіемъ въ бракъ, и при этомъ обѣщалъ ему радушное гостепріимство, если бы онъ надумалъ побывать въ Римѣ.

Филиппъ нѣсколько колебался, но его колебанія были рѣшены извѣстіемъ, которое получено было отъ такой высокой личности, какъ самъ императоръ Аркадій. Префектъ Авреліанъ написалъ Олимпіадѣ письмо съ просьбой извѣстить его, поправился ли Филиппъ отъ своей болѣзни и, узнавъ отъ нея, что онъ теперь совершенно выздоровѣлъ, сообщилъ объ этомъ императору. Аркадій потребовалъ Филиппа къ себѣ на частную аудіенцію. Филиппъ до крайности былъ удивленъ извѣстіемъ объ этомъ, потому что личность византійскаго императора, согласно съ установившимся этикетомъ, всегда окружалась ореоломъ недоступности. Онъ дѣйствительно могъ испугаться такого неожиданнаго требованія ко двору, если бы добросердечный префектъ не увѣрилъ его, что эта аудіенція будетъ совершенно частною и что послѣдствіемъ ея будетъ для него польза, а не вредъ.

Черезъ три дня послѣ этого Филиппъ отправился въ Халкидонъ. Тамъ онъ на императорской яхтѣ доставленъ былъ къ столичной пристани и затѣмъ въ закрытой колесницѣ отвезенъ во

дворецъ, при чемъ еще разъ съ невольнымъ трепетомъ увидѣлъ патріархію, а также и обуглившуюся площадь, гдѣ нѣкогда величественно поднимались святая Софія и сенатъ.

Авреліанъ провелъ его въ покои самого императора, который далъ знать, что хотѣлъ бы поговорить съ молодымъ человѣкомъ наединѣ. Аркадій значительно смягчился со времени потери своей вспыльчивой и властолюбивой императрицы. Съ свойственной ему пассивностью онъ все еще допускалъ продолженіе постыднаго жестокаго и несправедливаго гоненія на ни въ чемъ неповинныхъ іоаннитовъ; но это главнымъ образомъ зависѣло отъ того, что у него образовалась какая-то боязнь вмѣшиваться въ церковныя дѣла и онъ не обладалъ достаточной энергіей, чтобы слѣдить за дѣйствіями новаго патріарха Арсакія и его преемника Аттика. Въ его душѣ все сильнѣе укрѣплялось убѣжденіе, хотя онъ и слишкомъ былъ слабъ, чтобы низвергнуть тираннію враждебной Златоусту партіи, что изгнанный патріархъ несомнѣнно былъ достойнѣе всѣхъ остальныхъ представителей іерархіи его столицы. Несмотря на высокомѣрное посланіе Ѳеофила и опредѣленіе собора придубскаго, папа Иннокентій — епископъ запада, объявилъ Златоуста невиннымъ, возведенныя на него клеветы отвергалъ, какъ плодъ чудовищнаго клятвопреступленія, и отказался прервать общеніе съ нимъ. Даже въ своемъ изгнаніи и униженіи Златоустъ оставался признаннымъ вождемъ церкви и въ ея дѣлахъ принималъ больше участія, чѣмъ его враги. Правда, Аркадій не только не принялъ епископовъ и пресвитеровъ, которыхъ Иннокентій прислалъ къ нему съ просьбой о возвращеніи изгнаннаго патріарха (между ними былъ и Палладій еленопольской), но онъ даже допустилъ по отношенію къ нимъ такую грубость и жестокость, которыя темнымъ пятномъ легли на его царствованіе. Это однако было скорѣе дѣломъ его агентовъ, чѣмъ его самого, и онъ несомнѣнно вмѣшался бы въ это дѣло, если бы не яростная и негодующая ревнивость, съ которой онъ относился къ своему младшему брату Гонорію, который, хотя былъ на нѣсколько лѣтъ младше его, однако не однократно позволялъ себѣ рѣзко укорять Аркадія и тѣмъ самымъ возбуждалъ въ немъ самыя сильныя чувства враждебности, къ какой только способна была его душа. Эти вмѣшательства Гонорія казались столь невыносимыми для Аркадія, какъ

старшаго брата, что они душили въ немъ всѣ его лучшія чувства — въ пылу гнѣвнаго раздраженія.

Между тѣмъ дѣло его не находилось далеко въ блестящемъ положеніи. Онъ все еще продолжалъ жить въ постоянномъ опасеніи небеснаго гнѣва и былъ поистинѣ жалкимъ человѣкомъ. Смерть Евдоксіи, Арсакія, Кирина и другихъ враговъ Златоуста положительно устрашала его. Къ тому же кромѣ страшной градовой бури, Константинополь былъ потрясенъ новымъ сильнымъ землетрясеніемъ. Въ восточной имперіи появилась чума и голодъ, и спокойствіе ея было постоянно нарушаемо серьезными угрозами со стороны Алариха и Стилихона (къ которымъ обоимъ Аркадій чувствовалъ непреодолимое отвращеніе), а также и слухомъ о приближеніи, да и дѣйствительнымъ хищническимъ наступленіемъ варварскихъ ордъ подъ главенствомъ Родагайса. И вотъ при такомъ тяжеломъ положеніи, ему думалось, что онъ могъ бы отвратить угрожавшую ему гибель проявленіемъ вполнѣ заслуженной благодарности и доброты по отношенію къ Филиппу, который былъ столь любезнымъ Златоусту. Онъ видѣлъ въ этомъ, хотя и запоздалую возможность, хоть отчасти вознаградить великаго святителя за нанесенныя ему обиды. Вотъ почему онъ хотѣлъ о многомъ наединѣ поговорить съ Филиппомъ.

Аркадій часто чувствовалъ крайнее утомленіе отъ того придворнаго формализма, которымъ постоянно окружали его хитрые, склонные къकознямъ приближенные рабы. Ему хотѣлось поговорить съ простымъ человѣкомъ при болѣе естественной и простой обстановкѣ. Филиппа онъ когда-то раньше видѣлъ вмѣстѣ съ Златоустомъ и тогда же былъ пораженъ его свѣтлымъ и честнымъ лицомъ. Онъ сразу же началъ съ выраженія ему благодарности за вѣрноподданническую находчивость, съ которой онъ отвратилъ угрожавшую Константинополю двоякую опасность со стороны коварнаго Гайна, увѣривъ его въ своихъ будущихъ милостяхъ, сказалъ ему о той пенсіи, которую онъ назначилъ ему въ награду за его услуги.

Филиппъ низко поклонился, и Аркадій не могъ не уловить тона искренности, прозвучавшаго въ выраженныхъ имъ словахъ благодарности.

— А теперь, сказалъ императоръ, отложимъ всякую церемо-

ніальность, потому что я хочу поговорить съ тобой откровенно. Зови меня просто государемъ. Ты хорошо знаешь патріарха?

— Я жилъ подъ его кровлей, отвѣчалъ Филиппъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ сынъ. О если бы государь, горячо прибавилъ онъ, твоя императорская душа никогда не поддавалась злонамѣреннымъ льстивымъ разсказамъ о немъ! Нельзя еще найти болѣе невиннаго, или болѣе святого человѣка!

Аркадій совершенно не привыкъ слышать, чтобы къ нему обращались съ такими вполнѣ откровенными и простыми заявленіями; но это было для него пріятная новость, хотя онъ едва ли зналъ, что ему сказать въ отвѣтъ на это. Послѣ небольшой паузы, онъ сказалъ:

— Ты хорошо дѣлаешь, говоря со мной безъ всякаго стѣсненія; затѣмъ онъ прибавилъ: «я боюсь, что и ты пострадалъ за свою преданность ему».

— Я, государь, ужасно пострадалъ, отвѣчалъ Филиппъ, причемъ слезы ручьями полились у него изъ глазъ; но все это было бы ничто, если бы твое величество возвратило его изъ этой жестокой ссылки.

— Императоры не всегда могутъ дѣлать то, чего бы хотѣли, не болѣе, какъ другіе люди, со вздохомъ сказалъ Аркадій. Если бы я имѣлъ около себя лучшихъ приближенныхъ, то это было бы возможно; но власть гораздо болѣе есть призракъ, чѣмъ дѣйствительность. Я говорю съ тобой откровенно и знаю, что ты сумѣешь уважить мое довѣріе къ тебѣ. Но хотя мнѣ невозможно возвратить патріарха Іоанна, однако я по крайней мѣрѣ могу сдѣлать что-нибудь для тебя, какъ его сына. Ты еще поживешь здѣсь?

— О государь, я не могъ бы жить здѣсь, отвѣчалъ Филиппъ. Всякая улица здѣсь связана для меня съ самыми ужасными воспоминаніями. Когда положеніе дѣлъ немного успокоится въ Антіохіи, Богъ, я надѣюсь, позволитъ мнѣ возвратиться въ мой родной городъ.

— Ты женатъ?

— Нѣтъ, вспыхнувъ отвѣчалъ Филиппъ, но....

— А, я вижу, съ улыбкой сказалъ Аркадій. Кто она такая? Изъ Константинополя?

— Она, государь, дочь Михаила, о которомъ твоему величе-

ству извѣстно, — золотыхъ дѣлъ мастера въ Халкопротіи; но она теперь живетъ вблизи священнаго Назарета.

— Въ такомъ случаѣ слушай, сказалъ императоръ. Теперь времена опасныя. Варваръ Радогайсъ съ ордами алановъ и остготовъ двигается для расхищенія Италіи. Исаврійцы дѣлаютъ опустошительные набѣги на Палестину. При такомъ тяжеломъ положеніи я намѣренъ обратиться за совѣтомъ къ святому Нилу. Я посылаю къ нему письмо съ царедворцемъ Бризономъ, который отправится съ особымъ конвоемъ. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправился и какой-нибудь болѣе находчивый человѣкъ. Если хочешь, то ты можешь отправиться съ нимъ. А затѣмъ ты можешь отправиться и въ Назаретъ.

Филиппъ горячо поблагодарилъ императора и принялъ предложеніе.

— Я не забуду тебя, когда ты возвратишься съ твоей невѣстой въ Антіохію. Ты будешь подъ моимъ покровительствомъ, прибавилъ Аркадій. Но теперь сообщи мнѣ о твоемъ патріархѣ. Какъ онъ поживаетъ въ Кукузѣ, — вѣроятно весьма бѣдственно?

— Нѣтъ государь, отвѣчалъ Филиппъ. Само по себѣ это мѣсто безплодное, ужасное и опасное; но патріархъ нашелъ себѣ тамъ много друзей и все еще занятъ святыми дѣлами, такъ что всѣ лучшіе сыны церкви Христовой все еще взираютъ на него.

Аркадій вздохнулъ опять.

— О если бы я могъ измѣнить все, что случилось! сказалъ онъ. Но противъ меня соединились всѣ и я былъ безпомощенъ. Это не моя вина. Северіанъ и другіе его сообщники приняли вину на свою собственную голову. Вѣроятно, патріархъ ненавидитъ меня! Навѣрно, проклинаетъ меня? Не поэтому ли обрушиваются на меня всѣ эти бѣдствія?.

— Нѣтъ, государь, отвѣчалъ Филиппъ, ты не знаешь его. Онъ не только не проклинаетъ тебя, а ежедневно молится о тебѣ! Нѣтъ такого изреченія Христа, котораго бы онъ чаще всего не приводилъ, какъ изреченіе: «Прощайте враговъ вашихъ, любите ненавидящихъ васъ, молитесь о дѣлающихъ вамъ зло и гонящихъ васъ».

— Благодарю тебя, за это сообщеніе, сказалъ Аркадій; они составляютъ утѣшеніе для меня. Пишешь ли ты когда-нибудь къ нему?

— Да, государь, отвѣчалъ Филиппъ; пишу всякій разъ, какъ только представится благопріятный случай.

— Въ такомъ случаѣ передай ему — по, понимаешь? — секретно — что императоръ проситъ у него прощенія и его молитвъ. О, если бы Евдоксія могла помириться съ нимъ прежде своей печальной кончины! — Глаза императора подернулись слезами. — Я говорилъ съ тобой весьма открыто Филиппъ, прибавилъ онъ; но у меня есть способность узнавать человѣка, которому можно довѣряться. Я радъ былъ поговорить съ тобой, и не забуду тебя.

Онъ подалъ ему руку и Филиппъ, падая на колѣна, поцѣловалъ ее. Аркадію, повидимому, даже не хотѣлось разставаться съ нимъ. Уже давно онъ не велъ такого откровеннаго, чисто человѣческаго разговора съ кѣмъ-нибудь изъ людей, и онъ былъ доволенъ этимъ.

Неужели совершенно невозможно удержать тебя на моей службѣ? спросилъ онъ.

— О, государь, тебѣ принадлежитъ право повелѣвать, и я радъ бы всѣмъ моимъ существомъ послужить тебѣ. Но нельзя ли это гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ этомъ ужасномъ городѣ, не среди этихъ неумолимыхъ враговъ, которые мучили меня, моего отца и моихъ друзей?

— Пусть будетъ такъ, — хотя мнѣ и прискорбно это. Однако не могу ли я еще что-нибудь сдѣлать для тебя?

— Государь, Антіохія находится въ смятеніи подъ владычествомъ новаго епископа, котораго поставилъ ей Северіанъ. Онъ ненавидитъ патріарха Іоанна и, навѣрно, будетъ преслѣдовать меня. Достаточно одной строки отъ тебя къ Анѳимію патрицію, къ префекту востока, и это облегчило бы мнѣ спокойствіе и безопасность.

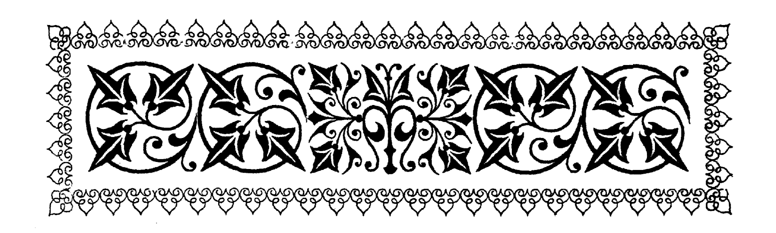
— Ты получишь это, сказалъ императоръ и, обмакнувъ свой стиль въ огромную золотую чернильницу, стоявшую рядомъ съ его великолѣпнымъ кресломъ на столѣ, отдѣланномъ въ лаписъ-лазурь, — онъ написалъ на листѣ пергамента изящной каллиграфіей, которой впослѣдствіи славился его маленькій сынъ, слѣдующія строки:

«Подъ страхомъ нашей немилости, мы запрещаемъ всѣмъ причинять вредъ нашему слугѣ Филиппу. Онъ можетъ имѣть общеніе съ кѣмъ ему угодно. Подписалъ А р к а д і й».

— Вотъ тебѣ, сказалъ императоръ; теперь еще разъ поцѣлуй мнѣ руку, но пусть это будетъ не въ послѣдній разъ, какъ я вижу тебя.

Приказъ былъ написанъ знаменитыми пурпуровыми чернилами, которыя, подъ страхомъ смерти, запрещено было употреблять кому-нибудь другому, кромѣ императора.

Филиппъ, изливаясь въ выраженіяхъ благодарности, сталъ на колѣна, еще разъ поцѣловалъ пухлую руку императора и удалился.

ГЛАВА LXI.

Въ скитѣ святого Нила.

РИЗОНЪ съ своимъ конвоемъ долженъ былъ двинуться въ путь съ письмомъ императора къ святому Нилу черезъ десять дней. Филиппъ написалъ объ этомъ Златоусту, ободрялъ его сердце секретнымъ сообщеніемъ о своемъ свиданіи съ императоромъ и сказалъ, что будетъ писать ему при всякомъ возможномъ случаѣ. Затѣмъ онъ простился съ Олимпіадой, выразивъ ей въ самыхъ горячихъ словахъ свою глубокую благодарность за оказанное ему гостепріимство.

— «Тебѣ, госпожа, я обязанъ самой моей жизнью; никогда я не забуду твоего имени въ своихъ молитвахъ къ Богу». Да облегчитъ Онъ твою временную скорбь и да озаритъ облекающія твое сердце тучи своей вѣчной радугой!

— Прощай, Филиппъ, сказала Олимпіада. Нашъ патріархъ училъ меня не видѣть рокового камня преткновенія въ моихъ бѣдствіяхъ. Разставаясь съ тобой, я считаю долгомъ подарить тебѣ написанный имъ для меня трактатъ объ истинѣ; да будетъ онъ руководствомъ тебѣ во всей твоей жизни, внѣдряя въ твое сердце убѣжденіе, что всякій изъ насъ только самъ виновникъ своихъ злоключеній и бѣдствій.

При живомъ интересѣ Филиппа повидать свѣтъ, а также и благодаря увеличивающейся возможности еще разъ встрѣтиться съ Маріамою, путешествіе это для него было чрезвычайно пріят-

пымъ. Бризонъ былъ добрымъ, пріятнымъ сотоварищемъ. Проплывъ Пропонтиду и миновавъ голубыя Симплегады, затѣмъ пройдя вдоль берега Троады и Лесбоса, они впервые остановились въ портѣ Ефеса, гдѣ могли видѣть поприще великихъ трудовъ апостола Павла. Затѣмъ они поплыли среди островов Греціи чрезъ Средиземное море въ Александрію. Для нихъ было полезно, что они везли съ собой письмо императора и имѣли конвой, потому что это ограждало ихъ отъ лукавыхъ махинацій Ѳеофила. Быстро осмотрѣвъ чудеса Египта, они переправились черезъ пустыню и Филиппъ съ невыразимымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на обнаженные утесы Синая, отбрасывавшаго свои пурпурныя тѣни.

Келья, построенная для себя святымъ Ниломъ ютилась на небольшой площадкѣ, на которой находится пещера въ скалѣ, гдѣ, по преданію, скрывался Илья и гдѣ онъ услышалъ голосъ Господа. Эта ложбина была окружена гранитными скалами, и по срединѣ ея росъ одиноко высокій кипарисъ, который, какъ перстъ, указывалъ къ небу.

Исторія жизни святого Нила представляетъ поразительную картину изъ религіозной жизни четвертаго вѣка. Это былъ человѣкъ высокаго роста, видный собой, отличавшійся мужественной красотой. Вступивъ на поприще гражданской жизни, онъ имѣлъ большой успѣхъ въ Константинополѣ и даже достигъ высокаго положенія префекта востока. Онъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ сыновей и, повидимому, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что онъ умретъ государственнымъ мужемъ, богатымъ, пасыщеннымъ лѣтами и увѣнчаннымъ государственными почестями. Но вдругъ, въ немъ произошелъ глубокій, внутренній переворотъ, и когда онъ поддался размышленію о трехъ послѣднихъ стадіяхъ жизни смерти, страшномъ судѣ и вѣчности, то весь окружающій его міръ потерялъ для него прелесть и превратился въ его глазахъ въ пепелъ и прахъ. Въ 390 году, не сдѣлавъ ни малѣйшаго предварительнаго заявленія, онъ отрекся отъ міра и, взявъ съ собой своего сына Ѳеодула, удалился въ пустыню горы Синая. Подобно великому Арсенію, учителю Аркадія и Гонорія, который послѣдовалъ его примѣру черезъ четыре года позже, онъ до этого времени жилъ въ блескѣ пышнаго двора, окруженный рабами въ шелковыхъ одеждахъ, съ золотыми поясами. Теперь онъ оставилъ все

богатство и всякую роскошь и удалился къ горѣ Синаю, чтобы пріобрѣсть новую, гораздо болѣе великую силу въ качествѣ безбоязненнаго провозвѣстника христіанскихъ истинъ. Но онъ не избѣгъ суровыхъ испытаній. Онъ убѣдился, что даже на горѣ Синаѣ онъ долженъ былъ бороться съ демонами, искушавшими его не менѣе чѣмъ и въ мірѣ. Варварскіе хищники сдѣлали набѣгъ на пустыню и увели многихъ пустынниковъ въ плѣнъ, между ними и Нила съ сыномъ. Хищники отпустили Нила, но оставили себѣ молодого Ѳеодула, чтобы принести его въ жертву «утренней звѣздѣ». Но послѣ ночной попойки варвары проспали, и умилостивительный часъ утренняго разсвѣта былъ потерянъ ими. Чтобы избавиться отъ хлопотъ, они продали Ѳеодула въ рабство и впослѣдствіи онъ попалъ въ руки одному епископу, у котораго Нилъ и нашелъ его. Пораженный ихъ добродѣтельной жизнью, епископъ заставилъ ихъ обоихъ принять посвященіе.

Бризонъ и Филиппъ, сопровождаемые конвоемъ, стали подниматься по крутому всходу на Синай, и Филиппъ часто съ улыбкой подавалъ руку помощи запыхавшемуся евнуху, который привыкъ къ удобствамъ роскошнаго дворца и падалъ отъ непривычныхъ трудностей, которыя теперь пришлось преодолѣвать. Когда они достигли площадки, гдѣ стояла келья Нила рядомъ съ единственнымъ миндальнымъ деревомъ, находившемся теперь въ своемъ полномъ цвѣту, то знаменитый пустынникъ и его сынъ вышли къ нимъ и радушно привѣтствовали ихъ.

Бризонъ подалъ письмо императора и Нилъ сказалъ, что напишетъ и запечатаетъ ему отвѣтъ въ этотъ же вечеръ. Въ теченіе дня онъ долго и серьезно разговаривалъ съ Филиппомъ о Златоустѣ, къ которому питалъ величайшее благоговѣніе и съ свойственною ему прямотою восторженно отзывался о немъ, не смотря на опасное сосѣдство Ѳеофила.

— Конечно, сказалъ онъ, если отрекаясь отъ міра, пустынникъ не научается безбоязненности въ дѣлѣ Божіемъ, то онъ не пріобрѣтетъ ничего.

Онъ не поколебался выразить крайнее неодобреніе и образу дѣйствій Аркадія. Зачѣмъ онъ посылаетъ ко мнѣ? съ негодованіемъ спросилъ онъ. Неподалеку отъ насъ въ скитской пустынѣ живетъ Арсеній. Этотъ истинно великій святой мужъ былъ его

учителемъ и крестнымъ отцомъ и гораздо лучше меня можетъ преподать ему совѣтъ и помолиться о немъ.

— Его вѣчность императоръ... началъ было Бризонъ.

— Тсс! Ты не во дворцѣ, а въ кельѣ Нила, на горѣ Синаѣ.

— Ну, хорошо, — его милость Аркадій никогда не любилъ великаго Арсенія...

— Потому что онъ честно исполнялъ свои обязанности по отношенію къ нему и наказывалъ его, сказалъ Нилъ, а Аркадій былъ слишкомъ малодушенъ, чтобы простить ему это.

Бризонъ содрогнулся и умоляюще поднялъ руки. Развѣ можно было слушать такія слова по отношенію къ властелину міра?

— Да и чего можно было ожидать отъ воспитанія, въ которомъ дѣти, какъ Аркадій и Гонорій, сидѣли, между тѣмъ, какъ ихъ учитель стоялъ.

— Но, сказалъ Бризонъ, его вѣчность Θеодосій...

— Его вѣчность умерла, съ улыбкой прервалъ его Нилъ.

— Извини меня, отецъ, сказалъ Бризонъ, это только титулъ, который я повторяю по привычкѣ. Однажды Θеодосій, войдя въ занятную комнату и увидѣвъ, что его дѣти сидятъ, между тѣмъ какъ ихъ учитель стоитъ, такъ разсердился, что съ негодованія лишилъ ихъ обоихъ императорскихъ украшеній.

— Вотъ это хорошо! воскликнулъ отшельникъ.

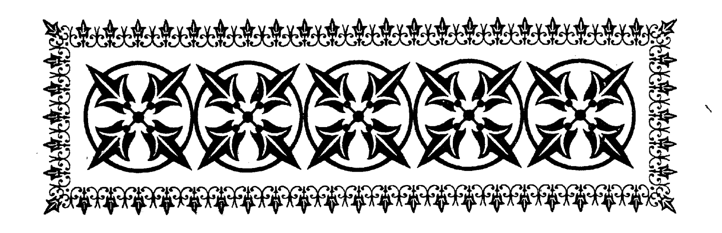
— Думаешь ли ты, что я могъ бы повидать великаго Арсенія? спросилъ Филиппъ.

— Я охотно познакомлю тебя съ нимъ, ласково сказалъ Нилъ; но характеръ у него строгій. Онъ страстно преданъ безмолвію и уединенію, и говоритъ: «я часто скорблю о томъ, что вообще говорилъ и не воздерживалъ моего языка». Онъ едва даже позволилъ патріарху Θеофилу посѣтить себя и даже не предложилъ ему мѣста. Если случится такое нестроеніе, то онъ можетъ, пожалуй, прогнать тебя камнями, какъ однажды сдѣлалъ съ другимъ посѣтителемъ, или отнестись къ тебѣ, какъ отнесся къ нему Іоаннъ-карликъ, который, хотя зналъ, насколько великъ былъ Арсеній, просто бросилъ ему сухарь и велѣлъ ему съѣсть его, стоя на колѣняхъ. Нѣтъ, тебѣ лучше совсѣмъ не посѣщать его.

На слѣдующее утро они должны были отправиться въ обратный путь, и Нилъ передалъ Бризону свой отвѣтъ императору.

Если бы Бризонъ зналъ содержаніе этого посланія, то онъ съ трепетомъ бы передалъ его Аркадію. Въ немъ Нилъ высказалъ горькіе укоры императору за изгнаніе Златоуста. «Когда я услышалъ объ его изгнаніи, писалъ Нилъ, то я былъ какъ молніей пораженъ огненною скорбью. Ты погасилъ свѣтильникъ истины и заставилъ замолкнуть трубу Божію»...

Если бы въ Константинополѣ землетрясеніе продолжилось, то Аркадій, безъ сомнѣнія, отнесся бы съ большимъ вниманіемъ къ укорамъ святого Нила; но такъ какъ землетрясеніе прекратилось, основы дворца не колебались, то онъ впалъ въ свою обычную сонливость и предоставилъ дѣламъ идти своимъ путемъ.

ГЛАВА LXII.

Встрѣча Филиппа съ блаж. Іеронимомъ.

Augustior urbe Romana — Bethleem*).

ИЛИППЪ здѣсь разстался съ Бризономъ, потому что царедворецъ торопился поскорѣе возвратиться въ столицу съ ея житейскими удобствами, а Филиппъ не менѣе желалъ поскорѣй добраться до Назарета. Ѳеодулъ, который по лѣтамъ былъ почти сверстникъ ему, любезно выразилъ согласіе проводить его до Газы, и по пути ему удалось видѣть не мало монастырей и нѣсколько познакомиться съ жизнью отшельниковъ.

Въ Газѣ онъ былъ радушно принятъ престарѣлымъ епископомъ Порфиріемъ, простымъ и безхитростнымъ благочестіемъ котораго онъ былъ вполнѣ очарованъ. Порфирій съ радостью проводилъ его до Іерусалима, гдѣ онъ радушно былъ принятъ знаменитымъ епископомъ Іоанномъ. Это посѣщеніе было для него тѣмъ пріятнѣе, что Іоаннъ относился съ величайшимъ благоговѣніемъ къ его возлюбленному учителю Златоусту и открыто выражалъ свои чувства. Епископъ, найдя въ юношѣ сродныя чувства, съ юношеской бодростью обошелъ съ нимъ многія священныя мѣста, въ окрестностяхъ города. Святая земля сдѣлалась для Филиппа своего рода пятымъ евангеліемъ. Въ Палестинѣ, какъ ему

---

*) Виѳлеемъ — славнѣе города Рима. Іерон. Ер. LIV, 13.

справедливо думалось, онъ могъ лучше понимать самое ученіе Господа Христа и ближе уяснить себѣ многія изъ событій Его земной жизни. Нѣсколько дней, проведенныхъ имъ въ Іерусалимѣ были для него днями невыразимаго счастія, которое испытано было имъ, когда онъ смотрѣлъ на городъ съ того мѣста, гдѣ Христосъ оплакивалъ его съ горы Елеонской. Чувствомъ глубокаго благоговѣнія проникался онъ, посѣтивъ и развалины дома двухъ сестеръ Марѳы и Маріи и увидѣвъ гробъ Лазаря въ Виѳаніи. Цѣлый рой самыхъ возвышенныхъ мыслей пронесся у него въ душѣ, когда онъ побывалъ на самой Голгоѳѣ, когда колѣнопреклоненно молился въ церкви святого гроба и побылъ на площади, гдѣ стоялъ разрушенный іерусалимскій храмъ, гдѣ такъ часто бывалъ и училъ Господь Іисусъ Христосъ. Онъ по цѣлымъ часамъ уединенно странствовалъ по долинамъ Енномовой и Іосафатовой, а также вокругъ холмовъ, раскинувшихся около Іерусалима. Въ теченіе многихъ торжественныхъ моментовъ онъ предавался размышленіямъ подъ сучковатымъ деревомъ, съ обломанными вѣтвями, на Акелдамѣ, мѣстѣ самоубійства Іуды. Въ одну приснопамятную ночь, это было наканунѣ великаго четверга, онъ, войдя въ Золотыя ворота, прошелъ подъ огромными маститыми маслинами въ долину Кедронскую, и подъ чарующимъ потокомъ луннаго свѣта одиноко стоялъ близъ маслинъ, составлявшихъ остатокъ сада Геѳсиманскаго, — на мѣстѣ душевнаго боренія Сына человѣческаго. Пережить всѣ эти мысли и чувства среди этихъ достопамятныхъ картинъ природы значило то же самое, какъ вновь возвратиться къ духовной жизни. Ему, конечно, желательно было бы посѣтить и самую пещеру Рождества Христова и епископъ далъ ему письмо къ блаженному Іерониму, имя котораго славилось по всему міру. Филиппу однако не особенно хотѣлось встрѣтиться съ нимъ, потому что ему извѣстно было, что Іеронимъ перевелъ на латинскій языкъ позорное письмо Ѳеофила о Златоустѣ и, такимъ образомъ, далъ ему широкое распространеніе по всей западной имперіи. Но онъ преодолѣлъ это нежеланіе и заставилъ себя забыть оскорбленіе, которое, какъ онъ чувствовалъ, могло произойти просто по невѣдѣнію.

Маститый ученый, который всегда относился съ благорасположеніемъ къ молодымъ людямъ, принялъ его любезно, потому

что въ дѣйствительности онъ былъ человѣкъ весьма добрый. Филиппу хотѣлось бы спросить его поразсказать что-нибудь объ Оригенѣ, но онъ понималъ, какъ этими разспросами онъ легко могъ встревожить Іеронима, ревностно боровшагося противъ заблужденій великаго александрійскаго ученаго. Но когда онъ заговорилъ о рожденіи Христа, и просилъ Іеронима повести его въ самую церковь Рождества, то сѣрые глаза старца просіяли. «Ахъ, сказалъ онъ, позволь мнѣ пойти съ тобою. Никогда мнѣ не наскучитъ бывать въ этомъ священномъ мѣстѣ. Эта именно пещера была тѣмъ магнитомъ, который привлекъ меня сюда изъ Рима. Она дѣлаетъ Виѳлеемъ самымъ священнымъ мѣстомъ въ мірѣ, потому что тамъ, какъ воспѣваетъ псалмопѣвецъ: «veritos orfa est» *). Здѣсь я умалился съ Малымъ симъ, здѣсь я молюсь къ Нему о прощеніи моихъ грѣховъ».

Старецъ взялъ Филиппа за руку и повелъ его отъ пещеры, въ которой жилъ и въ которой онъ исполнилъ свой знаменитый переводъ Библіи, въ сосѣднюю пещеру бывшую когда-то стойломъ при деревенской гостинницѣ въ Виѳлеемѣ, гдѣ родился Христосъ. Съ невыразимымъ волненіемъ молодой человѣкъ и старецъ стали на колѣна у небольшой серебряной звѣзды, вокругъ которой шла надпись: «Hic de virgine Maria Christus natus est»**).

Филиппъ оставилъ Виѳлеемъ, любезно и почтительно распростившись съ знаменитымъ отшельникомъ. Передъ отъѣздомъ Филиппа, Іеронимъ приготовилъ ему небольшой обѣдъ, за которымъ онъ имѣлъ удовольствіе видѣть благочестивыхъ римскихъ женщинъ— Павлу и Евстохію. Онѣ оставили свои раззолоченые дворцы на Аргентинскомъ холмѣ, чтобы сопровождать великаго мужа, который, будучи еще секретаремъ папа Дамаса, посвящалъ ихъ, какъ и многихъ другихъ благородныхъ женщинъ Рима, въ тайны еврейскаго языка и въ основы толкованія священнаго писанія, который, какъ всѣ ожидали въ то время, избранъ будетъ на каѳедру Рима, какъ только она освободится. Но Іеронима постигла общая участь людей, которые борятся противъ порока и лицемѣрія, и съ нимъ въ столицѣ міра, случилось почти то же самое, что и съ Злато-

---

*) Возсіяла истина.

**) Здѣсь отъ Дѣвы Маріи родился Христосъ.

устомъ. Несмотря на всю нравственную высоту и непорочность своей жизни, онъ подвергся такимъ грязнымъ навѣтамъ, что долженъ былъ оставить столицу западнаго христіанства, и называя ее Вавилономъ, одѣтой въ багряницу блудницы, почти съ проклятіемъ отрясъ ея прахъ съ ногъ своихъ.

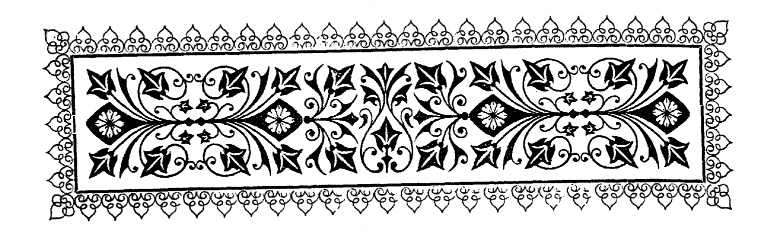
— Ты должно быть очень счастливъ здѣсь, отецъ? спросилъ его Филиппъ; здѣсь, вдали отъ бурь и треволненій Рима?

— Счастливъ? проговорилъ Іеронимъ. Кто вообще счастливъ? Пожалуй, я дѣйствительно счастливъ въ томъ смыслѣ, что при многихъ своихъ недостаткахъ, я все-таки старался служить Богу и посвящалъ себя на служеніе Его Сыну. Я счастливъ, потому, что имѣю надежду на прощеніе моихъ грѣховъ ради Христа и наслаждаюсь тѣмъ глубокимъ внутреннимъ миромъ, который не могутъ потрясти никакія внѣшнія бури. Я счастливъ въ этой священной пещерѣ, что живу въ ней и, гуляя среди тѣнистыхъ аллей Виѳлеема, вижу благоухающіе цвѣты и слышу весеннія пѣсни птицъ. Но что касается того, что міръ называетъ счастіемъ, то этого нѣтъ здѣсь. Если и есть солнечное сіяніе внутри меня, то его мало, или и совсѣмъ нѣтъ вокругъ меня. Богъ не соизволилъ сохранить меня отъ брани языковъ, и безъ сомнѣнія вина въ этомъ въ значительной степени, лежитъ во мнѣ самомъ. Ахъ, молодой человѣкъ! Если ты ищешь того, что этотъ міръ называетъ счастьемъ, то до праха смерти свое себялюбіе, никогда не обличай лжи и обмана, не укоряй порока, никогда не становись на сторону непопулярнаго дѣла, никогда не высказывай непріятной истины. Становись на сторону большинства, плыви по теченію, отвѣчай всѣмъ согласно съ ихъ идолами. Тогда ты будешь общимъ любимцемъ и всѣ люди будутъ восхвалять тебя. Если примешь священный санъ то можешь даже сдѣлаться патріархомъ твоей родной Антіохіи.

— И затѣмъ...? спросилъ Филиппъ.

— Я вижу, сказалъ Іеронимъ, что мнѣ нечего больше говорить тебѣ. Богъ научилъ тебя правильно понимать вещи. Прощай и благословеніе старца да сопровождаетъ тебя во всѣхъ твоихъ дѣлахъ.

ГЛАВА LXIII.

У Деспосиновъ.

Вотъ священныя поля,
По нивамъ которыхъ тѣ ноги святыя ходили,
Что тысячу восемьсотъ лѣтъ предъ тѣмъ
Къ ужасному древу, насъ ради, пригвождены были.
Шекспиръ.

Доселѣ путешествіе Филиппа было очень счастливымъ, но вскорѣ оно сдѣлалось еще счастливѣе. Богъ, по неисповѣдимому попущенію котораго надъ головой мо-модого человѣка пронеслись самыя ужасныя бури, теперь велъ его подъ лучами яркаго солнца на «зеленыя пастбища и берега тихихъ водъ».

Оставивъ гостепріимный домъ добраго епископа іерусалимскаго, онъ двинулся на сѣверъ, съ необычайнымъ любопытствомъ останавливался у Веѳиля и Силома и цѣлый часъ пробылъ у колодца Іакова, чтобы прочитать въ Евангеліи Іоанна бесѣду Іисуса Христа съ самарянкой на этомъ самомъ мѣстѣ и поразмыслить по поводу высказанныхъ въ ней истинъ. Отсюда онъ отправился въ Энъ-Ганнинъ, негостепріимную самарянскую деревню, на которую сыны Громовы хотѣли низвесть огонь съ неба, и затѣмъ вступилъ въ великую равнину Ездрилонскую. Въ Изреелѣ онъ переночевалъ, причемъ въ теченіе всего вечера гулялъ по холмамъ Гельвуи и посѣтилъ источникъ, у котораго по преданію, Гедеонъ испытывалъ своихъ воиновъ и Давидъ сражался съ исполиномъ Голіаѳомъ.

Отсюда, имѣя уже въ виду величественный Ѳаворъ и снѣговыя вершины Ермона, онъ переправился черезъ одинъ изъ рукавовъ древней рѣки, именно рѣки, Кисона и приблизился къ горамъ Галилеи. Тутъ при началѣ узкаго подъема на известковую скалу, ведущаго къ Назарету, онъ съ величайшей радостью увидѣлъ своего друга Давида, который вышелъ встрѣчать его съ мулами и запасомъ пищи. Горячо и радостно поздоровавшись, они разостлали коверъ на роскошной зелени среди весеннихъ цвѣтовъ подъ тѣнью гранатныхъ яблонь и во время счастливаго разговора, состоявшаго въ цѣломъ роѣ воспоминаній о прошломъ, Давидъ съ радостью замѣтилъ, что хотя тѣнь иногда, повидимому, и пробѣгала по горизонту души его друга, однако, онъ опять былъ все тѣмъ же веселымъ и благодушнымъ Филиппомъ, какъ и въ прежніе дни. Въ отвѣтъ на нетерпѣливые распросы Филиппа, онъ разсказалъ ему, что черезъ два дня они могутъ прибыть въ Лубіехъ, старое отечество Деспосиновъ, и что тамъ онъ встрѣтитъ Маріамь, которая, здоровая и счастливая, съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ожидала его прибытія.

Когда они поднимались по горной тропѣ, то предъ ними открывалась прекраснѣйшая зеленая долина съ пальмами и бѣлыми домиками, и такъ какъ день былъ праздничный, то они постоянно встрѣчали веселыя кучки бойкихъ дѣтей изъ Назарета — въ ихъ разноцвѣтныхъ туникахъ и кафтанахъ. Затѣмъ они миновали источникъ, у котораго уже собрались дѣвицы изъ Назарета, доселѣ славящіяся красотой, которая будто бы, въ наслѣдство передана имъ пресвятой Маріей, при чемъ у каждой на головѣ или на плечахъ было по глиняному кувшину. Одна изъ нихъ, самая красивая между ними, застѣнчиво взглянула на Давида, съ заискрившейся радостью въ глазахъ. Лучезарная улыбка, съ которой онъ встрѣтилъ ея взглядъ, видимо преобразила все его лицо. Филиппъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Мы теперь послѣдуемъ за этой дѣвушкой, смущенно сказалъ Давидъ; сегодня мы переночуемъ въ домѣ ея отца.

— Все ли это, Давидъ? сказалъ Филиппъ. Почему же ты ничего не сказалъ мнѣ раньше? Это еще больше увеличило бы мое счастіе.

— Ты угадалъ мой секретъ, сказалъ Давидъ, вспыхнувъ,

какъ мальчикъ. Да, Филиппъ, я обрученъ съ Руѳью, дочерью Андрея Назаретскаго. Онъ купецъ, и такъ какъ мы остановимся у него, то ты увидишь мою невѣсту, которая даже красивѣе твоей Маріами.

— Съ этимъ я не согласенъ, воскликнулъ Филиппъ.

— И такъ же добра.

— Это невозможно. Но я поздравляю тебя, Давидъ, отъ всего моего сердца.

Въ домѣ Андрея для нихъ накрытъ былъ превосходный ужинъ, на уютномъ дворѣ рядомъ съ бьющимъ фонтаномъ. Филиппъ любовался ручными бѣлыми голубями, которые въ ожиданіи корма садились имъ на плечи. Все въ этомъ домѣ было красиво и въ то же время просто. Когда Давидъ отправился съ нимъ осматривать Назаретъ, то Филиппъ, со свойственной ему правдивостью, долженъ былъ признать, что хотя въ дѣйствительности Руѳь не могла идти въ сравненіе съ Маріамою, все же она была прекрасна, и онъ, схвативъ руку своего друга, сердечно выражалъ ему поздравленіе.

Они побывали въ мастерской, гдѣ трудился Тотъ, Кого люди называли плотникомъ назаретскимъ; видѣли тѣ мѣста, гдѣ проходило безгрѣшное дѣтство Того, Кто «преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и людей». Давидъ показалъ Филиппу и ту зеленую поляну, гдѣ, какъ говорило преданіе, мальчики назаретскіе во время своихъ игръ избрали отрока Іисуса своимъ царемъ и увѣнчали его вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и заставляли каждаго прохожаго подходить и съ почтеніемъ преклонить предъ нимъ колѣна. Затѣмъ они поднялись на холмъ Назаретскій, гдѣ, какъ можно думать, часто бывалъ въ своемъ дѣтствѣ Спаситель Христосъ, гдѣ Онъ при дуновеніи свѣжаго вѣтерка, игравшаго Его свѣтлыми волосами, окидывалъ своимъ взоромъ всю окружавшую страну до снѣговыхъ вершинъ Ермона или смотрѣлъ на разстилавшуюся у подножія холмовъ, гдѣ стояла его деревня, равнину, которая всегда была боевымъ полемъ въ Палестинѣ.

Очарованный всѣмъ, что ему пришлось видѣть, Филиппъ однако все еще продолжалъ съ нетерпѣніемъ торопиться впередъ, и на слѣдующее утро, когда они позавтракали на открытомъ дворѣ подъ тѣнью виноградныхъ лозъ, мулъ уже былъ готовъ для

нихъ и они отправились дальше мимо Канны Галилейской (гдѣ все еще были показываемы паломникамъ шесть каменныхъ водоносовъ, въ которыхъ вода была обращена въ вино) въ Лубіехъ. На невысокихъ холмахъ находилась простая ферма или хижина, которая въ теченіе 4-хъ столѣтій передавалась отъ отца къ сыну въ семействѣ брата Господня Іуды. У дверей этой хижины стоялъ Михаилъ, вышедшій встрѣчать ихъ, а немного прячась за нимъ, стояла Маріамь. Трудно передать тотъ восторгъ, съ которымъ встрѣтились такъ долго не видѣвшіе другъ друга молодые люди; но такъ какъ они были обручены, а обрученіе въ Палестинѣ считалось почти не менѣе священнымъ, чѣмъ самый бракъ, то Филиппу позволено было снять съ дѣвушки покрывало, поцѣловать ее въ щеку и долго и крѣпко обнять ее. Затѣмъ онъ пристально посмотрѣлъ на нее, и она на него. Между ними протекли цѣлыя моря самой жестокой тоски и, хотя на устахъ и въ глазахъ Филиппа играла улыбка юноши, однако по нимъ явственно уже прошла сумрачная тѣнь какъ бы смерти, и это огорчило ее.

— Неужели я такъ измѣнился, Маріамь, спросилъ Филиппъ, читая каждую мысль, которая отражалась на еще чистомъ, какъ зеркало, лицѣ; и такъ какъ она нѣсколько промолчала, то онъ воскликнулъ: «о, Маріамь! неужели я не тотъ Филиппъ, котораго ты знала въ тѣ счастливые дни? Неужели болѣзни, скорбь и пытки сдѣлали меня непохожимъ на того, кого ты когда-то любила?

Вмѣсто всякаго отвѣта она склонила свое лицо къ нему на плечо.

— Ты измѣнился, мой дорогой Филиппъ, проговорила она; но эта перемѣна не сдѣлала тебя менѣе прекраснымъ, менѣе дорогимъ для меня. Тоска прошла по твоему счастливому лицу, но не изгладила на немъ полноты любви. Быть можетъ, Филиппъ, прибавила она, поднимая взоръ къ небу, быть можетъ, если Богу угодно, я въ состояніи буду внести въ твою жизнь опять тотъ же солнечный лучъ, какой озарялъ ее въ прежніе годы.

Отъ волненія онъ не могъ говорить и только горячо прижималъ ее къ своему сердцу.

Обыкновенно строгій этикетъ восточной жизни допускалъ нѣкоторую послабу въ простомъ домѣ Деспосиновъ въ Лубіехѣ. Христіанство возвысило положеніе женщинъ изъ прежняго положенія рабыни и игрушки мужчинъ, обреченной на безотрадное уедине-

ніе; онѣ были возведены въ положеніе равныхъ имъ существъ и помощницъ; теперь онѣ пользовались уже гораздо большей свободой, чѣмъ въ прежнее время, и Маріамь никогда не была просто безмолвной, бездушной и безправной тѣнью въ домѣ своего отца, а была свѣтомъ его дома и постоянной участницей мысли, какъ своего отца, такъ и своихъ братьевъ. Поэтому она имѣла полную возможность долго и серьезно говорить съ Филиппомъ о будущемъ и прошломъ, и они болѣе и болѣе приходили къ убѣжденію, что не только ихъ сердца связаны были узами совершенной любви, но что и ихъ мысли также вполнѣ сходились по многимъ существеннымъ вопросамъ жизни. Маріамь относилась къ священнѣйшимъ и торжественнымъ предметамъ съ тѣмъ широкимъ и свѣтлымъ взглядомъ, который со времени Христа неизмѣнно сохранился въ домѣ его ближайшаго земного родства.

Это были поистинѣ счастливые и пріятные дни! Давидъ показалъ Филиппу, насколько ихъ пастухи знали своихъ овецъ: они звали ихъ по имени; ходили впереди ихъ, такъ что стадо слѣдовало за ними, и отыскивали затерявшихся ягнятъ среди холмовъ. Время было весеннее. Вѣтви пальмъ покрыты были зеленью, виноградныя лозы распространяли сладость благоуханія, а въ воздухѣ повсюду раздавались голоса горлицъ. Сидя съ Маріамою и съ Филиппомъ у какого-нибудь источника, часто за-просто развалившись на мягкой зелени дерна, Филиппъ съ неослабнымъ любопытствомъ слѣдилъ за орлами, парившими надъ головой въ недосягаемой лазури, за бѣлыми пеликанами, тяжело двигавшимися къ лежащему внизу озеру, а также за игривыми хохлатыми перепелами и разноцвѣтными сизоворонками, которыя сверкали въ лучахъ солнца точно живые изумруды. Срывая полевыя лиліи, наряднѣе которыхъ не одѣвался и самъ Соломонъ, красные тюльпаны и другіе пестрѣвшіе всевозможными красками цвѣты, онъ сплеталъ изъ нихъ вѣнокъ для темныхъ волосъ Маріами. Вокругъ нихъ кружились и ворковали голуби, садились на какую-нибудь кровлю и затѣмъ опять весело слетали съ нея, паря въ воздухѣ, и онъ чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ.

— Но развѣ вы не боитесь исаврійцевъ? вдругъ спросилъ онъ однажды, какъ будто опасаясь, что такое мирное счастье не можетъ всегда продолжаться на землѣ.

— Нисколько, отвѣчалъ Давидъ. Они однажды сдѣлали набѣгъ, но не имѣли въ виду опустошать хижинъ. Они думаютъ, что въ Іерусалимѣ спрятаны огромныя сокровища, особенно въ гробахъ царей. Поэтому они туда именно дѣлаютъ подобные набѣги. Хотя они и причиняютъ не мало тревогъ и бѣдствій, однако мы не особенно пострадали отъ нихъ. Лубіехъ лежитъ въ сторонѣ отъ главныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна ведетъ въ Тиръ до самаго берега, а другая въ Генисаретъ, мимо Галилеи языческой.

— Но на насъ по временамъ нападали шайки хищниковъ, сказала Маріамь.

— Не пугайся, Филиппъ, смѣясь сказалъ Давидъ. У насъ есть развѣдчики до самаго Ливана, и когда исаврійцы выступаютъ въ путь, то отъ вершины Ермона по всѣмъ холмамъ зажигаются огни, такъ что мы всегда можемъ предотвратить опасность.

— Кромѣ того у насъ есть тайный путь къ побѣгу, прибавила Маріамь. Покажи ему, Давидъ, потому что онъ смотритъ такъ испуганно, какъ-будто ужъ видитъ предъ собой исаврійцевъ.

— Какъ! открыть нашу тайну этому худшему изъ исаврійскихъ хищниковъ, который намѣренъ похитить у насъ тебя, Маріамь?—Нѣтъ, ни за что!..

— Да, покажи, сказалъ Филиппъ, и тогда тебѣ безполезно будетъ скрывать Маріамь, когда я съ войскомъ приду требовать ее, какъ я и сдѣлаю, если ты не примешь мѣры предосторожности. Ты забываешь, смѣясь прибавилъ онъ, что его вѣчность въ Константинополѣ теперь мой близкій другъ, а я его посланникъ,— такъ смотри же!

— Да, намъ не спастись отъ этой ужасной личности и отъ недосягаемаго царедворца, Маріамь, сказалъ Давидъ; такъ пойдемъ же.

Онъ провелъ его по небольшой тропинкѣ внизъ съ холма, на которомъ они сидѣли, и показалъ ему почти совсѣмъ незамѣтную, хотя и большихъ размѣровъ, пещеру, входъ въ которую былъ такъ закрытъ густой массой плюща, что его можно было замѣтить, только уже совершенно близко подойдя къ самой пещерѣ.

— Вотъ наша крѣпость, сказалъ онъ. Въ одну изъ этихъ пещеръ мы загоняемъ все, что есть лучшаго въ нашемъ стадѣ.

Она идетъ подъ холмомъ и имѣетъ невидное отсюда отверстіе на противоположной сторонѣ. Снаружи мы оставляемъ нѣсколько овецъ, нѣсколько хлѣба, вина и масла, предоставляя все это захватить разбойникамъ, если имъ угодно. Затѣмъ все, что у насъ есть дѣйствительно цѣннаго, мы переносимъ въ другую еще болѣе скрытую пещеру, въ которой подъ защитой вооруженныхъ людей, укрываются также и наши женщины и дѣти. Входъ въ нее они могутъ защищать противъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; да притомъ имѣется еще и тайный выходъ, если бы угрожала опасность. Но разбойники никогда не проникаютъ въ эту пещеру и всегда ограничиваются просто тѣмъ, что во время перехода захватываютъ попадающую имъ подъ руку добычу, — подобно тебѣ, худшему изъ исаврійцевъ!

— А кто хочетъ сдѣлать исаврійское нападеніе на одинъ домъ въ Назаретѣ? смѣясь отпарировалъ Филиппъ.

— О, это совершенно иное дѣло. Назаретъ находится неподалеку. Напримѣръ, сегодня Андрей со своимъ семействомъ придетъ навѣстить насъ, потому что Руѳь — любимая подруга Маріами; но ты намѣренъ увезти свою добычу куда то на край земли.

— Только въ Антіохію и, если ты очень добръ, то, конечно, пріѣдешь навѣстить насъ тамъ.

Михаилъ былъ человѣкъ богатый и, сердечно сожалѣя о тѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, которыя выпали на долю его будущаго зятя, сдѣлалъ все возможное отъ себя, чтобы доставить ему удовольствіе. Онъ устроилъ восхитительную на цѣлую недѣлю, поѣздку къ озеру Галилейскому съ мулами, палатками и прислужниками. Въ этой поѣздкѣ участвовала не только Маріамь, но и купецъ Андрей съ своей дочерью.

Отправившись въ путь, они первый привалъ сдѣлали въ Курнъ-Хаттинѣ, на горѣ Блаженствъ, и на ея вершинѣ громко прочитали нагорную проповѣдь Господа Христа. Затѣмъ они проѣхали мимо небольшой деревни Хоттинской, гдѣ Христосъ исцѣлилъ прокаженнаго; спустились въ долину Голубиную, гдѣ ароматическія травы, подъ давленіемъ ихъ ногъ, наполняли воздухъ сладостнымъ благовоніемъ, и видѣли пещеры разбойниковъ, которыхъ выгналъ Иродъ. Затѣмъ они проѣхали черезъ деревню Маг-

долу, развалины грязныхъ хижинъ которой прикрывались массами пурпурной листвы вьюновъ, и вскорѣ предъ ними открылся видъ на песчаный берегъ, точно серебро сверкавшаго, знаменитаго озера. Для Филиппа было величайшимъ счастьемъ походить по богатымъ роскошнымъ равнинамъ Генисарета, проѣзжать подъ роговыми вѣтвями цвѣтущихъ олеандровъ, напомнившихъ ему о берегахъ Оронта; видѣть, какъ черно-бѣлыя чайки терпѣливо сидѣли на пустынномъ тростникѣ, время отъ времени бросаясь на рыбку, которая неосторожно всплывала поверхъ кристальной воды. Вмѣстѣ съ Давидомъ онъ искупался въ озерѣ на серебристомъ пескѣ, гдѣ такъ часто чинили свои сѣти рыбаки Петръ и Андрей съ сыновьями Заведея. Они прислушивались къ веселому щебетанію безчисленныхъ крохотныхъ птичекъ, изъ которыхъ, какъ припомнилось Филиппу, ни одна не падаетъ на землю безъ воли Божіей. По дорогѣ они побывали на развалинахъ мраморной синагоги съ изображеніемъ сосуда съ манной надъ входомъ ея,— той синагоги, въ которой Христосъ проповѣдывалъ въ бытность свою въ Капернаумѣ. Съ изумленіемъ остановились они и надъ грудой безобразныхъ развалинъ, составлявшихъ остатокъ нѣкогда славнаго Хоразина, надъ которымъ Христосъ произнесъ свое «горе». Сѣвъ въ лодку, они то на веслахъ, то на парусахъ переправились черезъ озеро къ вади *) Керза, — къ тому мѣсту исцѣлѣнія бѣсноватаго гергесинца, и доходили до зеленой, усѣянной цвѣтами небольшой равнины къ сѣверу отъ озера, гдѣ Христосъ чудесно напиталъ 5,000 человѣкъ; взбирались затѣмъ и на гору, на вершину которой удалился Христосъ, чтобы найти себѣ покой и уединеніе для молитвы.

Когда Филиппъ видѣлъ всѣ эти мѣста, то не выразимые миръ и радость разливались по его душѣ. Въ немъ, повидимому, возрождалась та самая простота и искренность, которую внушалъ Христосъ, та восторженность и ненарушимая чистота сладостной вѣры, которая была истиннымъ достояніямъ древнихъ христіанъ. Онъ видѣлъ церковь Христову въ ея бѣломъ одѣяніи и брачныхъ цвѣтахъ, подъ сѣнью собственнаго знамени самого Христа. На бе-

*) Вади — ложбина, по которой весной протекаетъ потокъ, высыхающій къ лѣту, но оставляющій достаточно влаги для роскошной растительности. Нѣчто въ родѣ балки нашего Крыма. Перев.

регахъ Галилейскаго озера, онъ многое уяснилъ себѣ въ ученіи Христа, гораздо больше, чѣмъ это возможно было для него въ Константинополѣ.

Для Филиппа всѣ эти мѣста и, связанныя съ ними, воспоминанія были какъ-бы источникомъ въ пустынѣ; но вотъ обзоръ ихъ уже заканчивался. Ему крайне не хотѣлось еще на годъ раставаться съ Маріамою среди испытаній и треволненій міра сего. Однажды въ тихій прекрасный вечеръ они всѣ вмѣстѣ сидѣли у своихъ палатокъ, а передъ ними при солнечномъ закатѣ нѣжно сверкало знаменитое озеро. Филиппъ держалъ Маріамь за руку, а Давидъ сидѣлъ на травѣ у ногъ Руѳи. Подъ вліяніемъ внезапнаго прилива чувствъ, онъ обратился къ Михаилу и сказалъ:

— О господинъ, о отецъ мой! Зачѣмъ тебѣ откладывать нашу свадьбу еще на годъ? Жизнь коротка и неувѣренна. Времена теперь тяжелыя. Если мнѣ опять на цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ отправиться странствовать по бѣлу свѣту, то Богъ знаетъ, что можетъ случиться со мной. Чаша невиннаго счастья уже была у нашихъ устъ; зачѣмъ намъ отнимать ее опять?

Михаилъ нѣсколько подумалъ.

— Филиппъ, сказалъ онъ наконецъ; быть можетъ и будетъ ошибкой отлагать твой союзъ съ Маріамою и союзъ Давида съ Руѳью; но все-таки не лучше ли тебѣ по крайней мѣрѣ предварительно побывать въ Антіохіи и посмотрѣть, что все ли у тебя тамъ готово для брачной жизни, которая, по милости Божіей, можетъ настать для тебя въ будущемъ.

— Я на крыльяхъ полечу въ Антіохію, и сдѣлаю всѣ приготовленія.

— Не можетъ ли епископъ Порфирій посовѣтовать тебѣ чего-нибудь? Какъ бы изъ Антіохіи не вышелъ опять ужасный Константинополь!..

Филиппъ засмѣялся. Вполнѣ уважая оказанное ему императоромъ довѣріе, онъ только въ общихъ словахъ разсказалъ имъ о своей аудіенціи у императора Аркадія и о пожалованной ему пенсіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ таинственно раскрылъ небольшой вышитый кошелекъ, висѣвшій у него на шеѣ и подаренный ему Маріамою. Въ немъ находилась нитка изъ монетъ, которая была столь

дорогимъ для него воспоминаніемъ и залогомъ ихъ обрученія, и тамъ же лежалъ маленькій сложенный пергаментъ. Раскрывъ пергаментъ на ладони руки, онъ показалъ своимъ удивленнымъ спутникамъ охранный автографъ, данный ему императоромъ.

— Э, э, Филиппъ, воскликнулъ Давидъ; да мы со временемъ увидимъ тебя правителемъ востока! Слыхано ли когда о такой не бывалой снисходительности со стороны его вѣчности, чтобы онъ собственноручно выдалъ свой указъ простому...

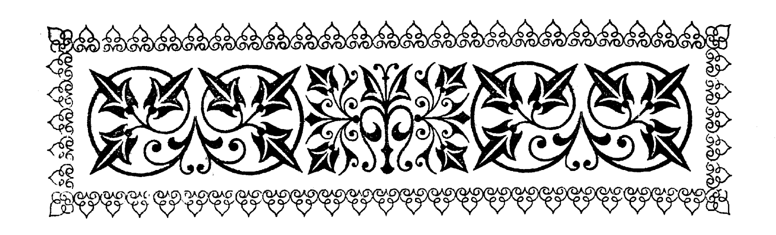
— Простому писцу ты хочешь сказать, Давидъ? — съ сердечнымъ смѣхомъ перебилъ его Филиппъ. Но хотя бѣдный писецъ теперь сравнительно богатый человѣкъ, онъ, однако, ничуть не хочетъ быть правителемъ востока. Хотя онъ еще не возвысился до этого положенія, онъ однако, не далеко отъ него, потому что Анѳимій — новый правитель востока, любитъ нашего отца Іоанна и, конечно, будетъ добръ и ко мнѣ и къ Маріами ради него.

— Филиппъ, сказалъ Михаилъ; да будетъ такъ, какъ ты говоришь. Ты знаешь, что хотя мы живемъ здѣсь такъ просто, однако я имѣю нѣкоторые доходы отъ торговли...

Почти всѣ его барыши раздаются бѣднымъ, прошепталъ Давидъ.

— ... и одно изъ моихъ судовъ дня черезъ два отплыветъ въ Малую Азію. Ты можешь отплыть съ нимъ и остановиться въ Селевкіи, откуда можешь направиться и въ Антіохію. Если твой домъ окажется въ готовности, то немедленно же пріѣзжай къ намъ обратно. Ты обвѣнчаешься съ Маріамою, Давидъ съ Руѳью въ одинъ и тотъ же день, если угодно Богу, въ церкви Назаретской.

ГЛАВА LXIV.

Двѣ счастливыхъ свадьбы.

Обрадованный Филиппъ немедленно же воспользовался предложеніемъ главы Десносиновъ. На его суднѣ онъ, увлекаемый мягкимъ попутнымъ вѣтромъ, быстро прибылъ въ Селевкію. Опять, какъ въ своемъ дѣтствѣ, онъ увидѣлъ гору Казій, которая, увѣнчанная теперь развалиной храма Зевса, бросала свою огромную темно-пурпуровую тѣнь на Эгейское море. Опять онъ проѣзжалъ мимо великолѣпной рощи Дафны съ ея полевыми розами, съ гробницей святого Вавилы и разрушеннымъ храмомъ бога солнца. Опять онъ видѣлъ Оронтъ, сверкавшій подъ тѣнью цвѣтущихъ рощъ. Опять онъ ѣхалъ по той дорогѣ, по которой слѣдовалъ за колесницей, увозившей Златоуста, опять прошелъ черезъ Золотыя ворота, видѣлъ огромнаго Харонія; видѣлъ красивую статую фортуны города. Невольно содрогнулся онъ, проѣзжая мимо преторіи и палаты суда, гдѣ еще въ дѣтствѣ испыталъ ужасы смертельной агоніи и страхъ пытки, видѣлъ стройное зданіе, которымъ Руфинъ подкупилъ Антіохію хранить молчаніе по случаю звѣрски умерщвленнаго областеначальника Лукіана; видѣлъ дикую горловину Парѳенія, по которой онъ раннимъ утромъ пробирался съ Анѳусой въ пещеру Македонія, и все болѣе волнуемый смѣнявшимися свѣтлыми и мрачными воспоминаніями, онъ вступилъ на Сингонскую улицу, остановился передъ старой знакомой дверью, изъ которой онъ вышелъ почти восемь лѣтъ тому назадъ.

Только еще почти восемь лѣтъ! И однако какая, повидимому, неизмѣримая бездна отдѣляла его отъ веселаго беззаботнаго мальчика, котораго Златоустъ и Анѳуса спасли отъ бѣдственности и смерти, принявъ его въ свой домъ, гдѣ обращались съ нимъ, какъ съ сыномъ возлюбленнымъ! Старый Флегонтъ, по его оклику, открылъ дверь и изумленно смотрѣлъ на него, не вѣря своимъ глазамъ. Подъ вліяніемъ внезапнаго прилива чувствъ, онъ пошатнулся и чуть не упалъ въ обморокъ.

— Господинъ Филиппъ! пробормоталъ онъ.

— А, Флегонтъ весело сказалъ Филиппъ; ободрись, мой дорогой старый другъ! Для тебя, какъ я вижу, я все еще маленькій мальчикъ. Но, если будетъ угодно Богу, Флегонтъ, то я скоро прибуду сюда навсегда жить вмѣстѣ съ вами со всѣми, и привезу съ собой мою теперешнюю невѣсту...

— Маріамь! воскликнулъ Флегонтъ со слабой улыбкой.

— Да, Маріамь, которою нашъ незабвенный Евтихій бывало такъ часто поддразнивалъ меня.

— Но разскажи мнѣ о моемъ дорогомъ возлюбленномъ господинѣ патріархѣ.

— Онъ, какъ ты знаешь, находится въ Кукузѣ, въ Арменіи. Попрежнему онъ и тамъ постоянно трудится на пользу дѣла Божія, и несмотря на изгнаніе и тревоги, холодъ и болѣзни, онъ счастливъ и тамъ, потому что уповаетъ на Бога, и многія относятся къ нему съ добротой.

— О, господинъ Филиппъ, сказалъ старый рабъ, почему ты не отправишься къ нему? Я немедленно отправился бы самъ, но я старъ и, если бы и перенесъ путешествіе, то былъ бы безполезенъ для него.

— А ты развѣ думаешь, что я не раздѣлилъ бы съ нимъ изгнанія, если бы это было возможно? укоризненно спросилъ Филиппъ. Въ теченіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ послѣ его изгнанія я безпомощно пролежалъ въ болѣзни, отъ которой, если бы не Олимпіада, никогда бы и не поправиться мнѣ. А когда мнѣ сдѣлалось лучше, онъ не позволилъ мнѣ отправиться къ нему въ Кукузъ. Я умолялъ его позволить мнѣ прибыть къ нему, но онъ написалъ и конечно, съ полнѣйшею искренностью, что одна мысль о томъ, что я сдѣлался несчастнымъ (хотя я никогда не былъ бы

несчастенъ съ нимъ) угнетала бы его и увеличила бы тяжесть его испытаній. Вопреки его ясному повелѣнію и желанію я, конечно, уже не могъ отправиться къ нему. Знаешь ли ты все, что случилось въ Константинополѣ?

— Я слышалъ, господинъ Филиппъ, что они мучили тебя. О, какъ часто я плакалъ о тебѣ, о моемъ господинѣ. Плачъ и молитвы — вотъ въ чемъ проходила моя жизнь въ теченіе многихъ, многихъ дней. А этотъ дорогой мальчикъ — Евтихій — прибудетъ ли онъ также къ намъ?

— А развѣ ты еще не знаешь, Флегонтъ? Увы! увы! какъ счастливъ онъ былъ бы здѣсь со мной теперь! И какую бы радость вносилъ онъ своимъ присутствіемъ! Флегонтъ, прекраснаго лица этого мальчика никогда уже не увидѣть намъ на землѣ!..

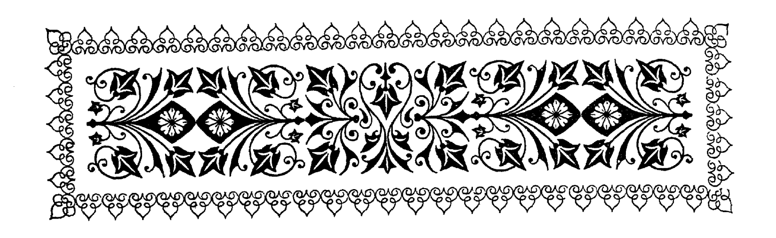
— Да развѣ они убили его?

— Не спрашивай меня теперь, Флегонтъ. Я не могу вспоминать объ этомъ. Но я знаю,— что его прекрасная душа теперь въ раю блаженства неизреченнаго.

Все оказалось въ полнѣйшемъ порядкѣ въ этомъ старомъ домѣ. Пока Порфирій не вторгся на антіохійскую каѳедру, собственностью, какъ Златоуста, такъ и Филиппа завѣдовалъ Констанцій — избранникъ своего народа, при помощи своей доброй сестры Епифаніи. Когда Порфирій изгналъ его изъ города, онъ съ радостью раздѣлилъ изгнанническую жизнь Златоуста въ Кукузѣ; но, вслѣдствіе непрестанныхъ козней негоднаго узурпатора антіохійской каѳедры, онъ наконецъ, принужденъ былъ искать себѣ убѣжище на островѣ Кипрѣ. Послѣ его отбытія попеченіе объ ихъ имуществѣ принялъ на себя Александръ, который впослѣдствіи сдѣлался преемникомъ Порфирія и объединилъ подъ свою властью, разрозненную паству. Филиппъ нашелъ свой милый старый домъ, въ которомъ каждый уголъ былъ такъ знакомъ ему, въ полной готовности для жительства и всѣ его дѣла находились въ порядкѣ и процвѣтаніи. Черезъ два дня, которыми онъ воспользовался, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія и посѣтить всѣхъ, кого онъ зналъ, и любилъ въ Антіохіи, онъ полетѣлъ обратно въ Селевкію и, найдя тамъ корабль, отходившій въ Беритъ, отплылъ на немъ въ этотъ городъ и оттуда со всевозможной скоростью, направился въ Назаретъ и Лубіехъ.

Михаилъ уже не хотѣлъ дальше откладывать двойной свадьбы. Совершить ее предположено было въ Назаретѣ, при чемъ епископъ Іоаннъ іерусалимскій лично преподалъ благословеніе молодымъ. Долго въ Назаретѣ помнили эту счастливую свадьбу. Михаилъ былъ самою выдающеюся личностью во всей окружности, всѣ въ этомъ небольшомъ городѣ знали и любили его. Церковь не могла вмѣстить и половины желавшихъ присутствовать при вѣнчаніи; но народъ, собравшійся у церкви, разбрасывалъ розы саронскія и лиліи долинъ передъ женихами и ихъ невѣстами. Всѣ назаретскіе мальчики, обладавшіе голосомъ, дружно пѣли свадебные гимны, и рѣдко еще въ этой церкви раздавалось такое восторженное пѣніе и рѣдко она была свидѣтельницей столь веселаго, столь чистаго и радостнаго событія.

Глава LXV.

Филиппъ въ Антіохіи.

ИХАИЛЪ приказалъ накрыть вечеромъ столы на зеленой муравѣ вокругъ фонтана для дѣтей Назарета и задалъ имъ счастливое пиршество. Тутъ послѣдовала въ высшей степени интересная сцена: разноцвѣтныя одежды, цвѣты, благоухающій воздухъ, веселыя пѣсни, рой дѣтей, прекрасныя дѣвы Назарета, среди которыхъ красивѣе всѣхъ были Маріамь и Руѳь, — все это было чрезвычайно мило. Обвѣнчанныя четы вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не могли забыть того горячаго и трогательнаго изображенія истинно христіанскаго дома, которое сдѣлано было епископомъ Іоанномъ въ обращенной къ нимъ рѣчи.

«Гдѣ, говорилъ онъ, найти намъ словъ, которыя были бы достаточно полными для выраженія счастія супружества, скрѣпляемаго церковью, подтверждаемаго святымъ причастіемъ, запечатлѣваемаго благословеніемъ Божіемъ,— супружества, вѣсть о которомъ ангелы уносятъ къ небу и которое благословляется самимъ Отцомъ небеснымъ? Какъ благословененъ супружескій союзъ двухъ вѣрныхъ участниковъ одной и той же надежды, однихъ и тѣхъ же желаній, одного и того же ученія, одного и того же служенія! Оба они братья, оба сослужителя, оба составляютъ одну плоть, одинъ духъ; вмѣстѣ они молятся, вмѣстѣ преклоняются передъ престоломъ благодати; взаимно они учатъ другъ друга, взаимно увѣщеваютъ, взаимно поддерживаютъ другъ друга. Они

одинаковы въ церкви Божіей, за трапезой Божіей, въ нищетѣ, тѣснотѣ, въ гоненіяхъ и въ веселіи. Никто изъ нихъ не скрываетъ чего-нибудь отъ другого, никто не избѣгаетъ другого, никто не тяготится другимъ. Добровольно посѣщаютъ они больныхъ, помогаютъ нуждающимся. Ихъ милостыни, ихъ жертвы, ихъ повседневное усердіе ни въ чемъ не встрѣчаетъ препятствія. Они вмѣстѣ участвуютъ въ псалмахъ, гимнахъ и въ пѣсняхъ духовныхъ, въ счастливомъ соревнованіи сердца и голоса. Христосъ, видя и слыша все это, радуется, посылаетъ имъ свой миръ. Гдѣ двое, тамъ и Онъ; а гдѣ Онъ, тамъ нѣтъ лукаваго» *).

Давидъ съ Руѳью долженъ былъ еще пожить въ домѣ своего отца, потому что Давиду хотѣлось доставить своему отцу Михаилу облегченіе въ хлопотахъ по торговлѣ и земледѣлію; Филиппъ же съ своей молодой женой, проведя истинно счастливую недѣлю по большей части на открытомъ воздухѣ, подъ тѣнью лѣсовъ близъ озера Галилейскаго, двинулся въ путь въ Антіохію. Они отправились сухимъ путемъ, потому что Филиппу не хотѣлось подвергнуть Маріамь случайностямъ бурь Средиземнаго моря. Поэтому они двигались исподволь, по дорогѣ побывавъ въ Тирѣ, Сидонѣ, Дамаскѣ и въ Беритѣ.

Всѣ домочадцы въ Антіохіи вышли встрѣчать ихъ, и горячо привѣтсвуя ихъ, разбрасывали предъ ними розы и лиліи. Маріамь съ радостью вступила въ исполненіе скромныхъ обязанностей своего новаго дома, и Филиппъ ожидалъ теперь благопріятнаго случая, чтобы свои силы и дарованія со всевозможно большей пользой употребить на служеніе Богу и людямъ.

Едва однако пробыли они съ мѣсяцъ въ Антіохіи, какъ были встревожены заносчивыми угрозами со стороны Порфирія, какъ одного изъ членовъ враждебной Златоусту клики.

Ему хорошо было извѣстно, что Филиппъ жилъ въ домѣ, принадлежащемъ Златоусту, и въ городѣ его считали усыновленнымъ сыномъ изгнаннаго патріарха. Ненавидя Златоуста со всей яростью своей низкой натуры, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидѣлъ также и Филиппа и порѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы такъ или иначе уничтожить его.

*) Смотри въ трактатѣ Тертулліана Ad Uxorem, въ концѣ.

Съ этой цѣлью онъ заносчиво потребовалъ Филиппа къ себѣ, съ намѣреніемъ принудить его отказаться отъ изгнаннаго патріарха. И если бы Филиппъ, къ счастью, не находился подъ могучимъ покровительствомъ императора, то ему пришлось бы или бѣжать изъ Антіохіи или подвергнуться новымъ тяжкимъ испытаніямъ, даже тюрьмѣ и пыткѣ. Но при данномъ состояніи, Филиппъ былъ увѣренъ въ своей полнѣйшей безопасности, равно какъ и въ томъ, что Порфирій никогда не посмѣлъ бы причинить ему непріятности, если бы зналъ, что онъ находится подъ непреодолимымъ покровомъ императорской милости.

Филиппъ въ отвѣтъ на сдѣланное ему требованіе чрезъ особаго посланнаго заявилъ, къ немалому изумленію послѣдняго, что онъ отрицаетъ самое право со стороны епископа Порфирія требовать его къ себѣ, но что онъ самъ намѣренъ побывать у него просто изъ требованій вѣжливости.

Прежде чѣмъ пойти къ Порфирію, онъ, однако счелъ необходимымъ сначала представиться Анѳимію — правителю востока. Правитель принялъ его весьма любезно, такъ какъ имѣлъ тайный наказъ отъ императора оказывать ему всякое покровительство. Онъ часто видѣлъ его въ патріархіи, зналъ, съ какой любовью относился къ нему Златоустъ, котораго онъ самъ глубоко и искренно уважалъ. Къ самозванному епископу Антіохіи онъ чувствовалъ, едва скрываемое, презрѣніе и, услышавъ, что онъ намѣренъ былъ сдѣлать посягательство на права Филиппа, порѣшилъ удивить его внезапнымъ посѣщеніемъ въ то самое время, когда долженъ былъ находиться у него молодой человѣкъ.

И вотъ Филиппъ отправился въ домъ Порфирія, гдѣ онъ принятъ былъ приближенными гордаго іерарха въ пріемной залѣ съ недвусмысленными улыбками и издѣвательствомъ. Не обращая вниманія на это, онъ прошелъ, какъ бы ничего не замѣчая, заявивъ только докладчику, что онъ прибылъ по приглашенію самого епископа.

Докладчикъ доложилъ о немъ и вышелъ, но Филиппъ еще не получилъ приглашенія войти. Онъ продолжалъ стоять, не получивъ даже приглашенія сѣсть. Наконецъ онъ самъ подошелъ къ стоявшей на нѣкоторомъ разстояніи скамьѣ и сѣлъ въ ожиданіи какого-нибудь сообщенія; но ему не сказано было ни слова и онъ

оказался въ крайне неловкомъ положеніи. Приближенные епископа сидѣли за завтракомъ, но его намѣренно игнорировали, точно его совсѣмъ не было здѣсь.

Терпѣніе никогда не было среди выдающихся добродѣтелей Филиппа, и такъ какъ слуги появлялись и уходили, вызывая другихъ, приходившихъ уже послѣ, но его недопуская въ кабинетъ епископа, то онъ наконецъ всталъ и негодующимъ голосомъ, достаточно слышнымъ не только въ самой залѣ, но и въ кабинетѣ Порфирія, сказалъ:

— Скажите епископу Порфирію, что онъ желалъ видѣть меня въ этотъ часъ, и если онъ не хочетъ видѣть меня, то я уйду, потому что не имѣю возможности терять своего времени.

Всѣ присутствующіе, привыкшіе относиться къ своему деспоту съ крайнимъ раболѣпствомъ, были поражены этимъ заявленіемъ молодого человѣка.

— Дерзкій, воскликнулъ одинъ изъ нихъ, подходя къ нему съ угрожающимъ жестомъ.

— Тронь меня хоть однимъ пальцемъ, и я повлеку васъ отсюда къ префекту.

Сказавъ это, онъ повернулся и направился къ выходу изъ залы, тогда поспѣшно вышелъ докладчикъ, сказавъ, что епископъ теперь готовъ принять его.

Филиппъ вошелъ въ кабинетъ въ крайне гнѣвномъ настроеніи, и такъ какъ онъ принятъ былъ безъ малѣйшей любезности, то и самъ съ своей стороны ограничился лишь легкимъ поклономъ *).

— Какъ ты смѣешь? воскликнулъ Порфирій — вмѣсто всякаго привѣтствія.

— Да извинитъ меня твое блаженство, спокойно отвѣчалъ Филиппъ; я не понимаю, чего ты требуешь отъ меня.

— Какъ смѣешь ты относиться къ епископу города безъ должнаго почтенія?

Филиппъ промолчалъ. Ты не истинный епископъ Антіохіи подумалъ онъ про себя; ты насильно вторгся на каѳедру противъ

*) Смотри у Григорія Нисскаго, Epistola I. Съ нимъ совершенно такъ же поступлено было высокомѣрнымъ Елладіемъ кесарійскимъ.

желанія народа по технямъ и интригамъ. Порфирій прочиталъ его мысли и гнѣвно воскликнулъ:

— Я послалъ тебѣ приказъ о томъ, чтобы ты публично призналъ меня, или подвергся послѣдствіямъ твоего упорства.

— Я не могу этого сдѣлать, отвѣчалъ Филиппъ.

— Я знаю твою фанатическую привязанность къ этому нечистому демону, изгнанному патріарху Константинополя; тѣмъ не менѣе, императорскимъ указомъ повелѣвается, чтобы всѣ признавали меня, а слѣдовательно долженъ признать и ты.

— Тотъ, кого ты называешь нечистымъ демономъ, сказалъ Филиппъ съ сверкающими глазами, это святой подвижникъ Божій, котораго я почитаю отъ всего моего сердца.

— Такъ ты отказываешься войти въ общеніе со мной?

Филиппъ опять промолчалъ.

— О, воскликнулъ Порфирій, такъ мы скоро укротимъ твою строптивость. Мнѣ думается, ты уже раньше отвѣдалъ сладостей пытки; значитъ понравилась она?

— Я уже испыталъ пытки, и конечно, тебѣ хотѣлось бы опять подвергнуть меня имъ, сказалъ Филиппъ, уже совершенно не владѣя собою; но это не въ твоей власти.

— Его превосходительство, правитель востока съ своими ликторами,— доложилъ прислуживающій священникъ.

— Проси его превосходительство, сказалъ Порфирій, и выведи пока этого молодого человѣка; я еще не кончилъ съ нимъ.

— Конечно еще нѣтъ, съ улыбкой сказалъ Филиппъ.

Когда Филиппъ выходилъ, то въ это самое время входилъ правитель востока и увидѣвъ его сказалъ ему:

— Пойдемъ къ владыкѣ вмѣстѣ съ мной; мое посѣщеніе касается тебя.

Анѳимій съ холоднымъ достоинствомъ привѣтствовалъ епископа и сказалъ: «Я вижу, что мой секретарь Филиппъ былъ у тебя», я пришелъ сказать тебѣ, владыка, чтобы онъ былъ избавленъ отъ какихъ бы то ни было непріятностей.

— Странное заявленіе, воскликнулъ Порфирій; власть императора мнѣ думается выше власти твоего превосходительства, а его вѣчность ясно повелѣлъ, чтобы въ его владѣніяхъ всѣ при-

знавали вѣру, содержимую мною, Ѳеофиломъ александрійскимъ и Акакіемъ верейскимъ.

— Такъ ты подвергаешъ сомнѣнію мое заявленіе? спросилъ Анѳимій.

— Я долженъ, правитель, обратиться по этому предмету къ императору.

— Прекрасно. Но видѣлъ ли твое блаженство когда-нибудь автографъ императора?

— Нѣтъ, не случалось.

— Такъ тебѣ представляется случай познакомиться съ нимъ теперь. Я только что получилъ отъ его вѣчности императора Аркадія приказъ принять Филиппа на государственную службу, и Анѳимій показалъ ему приказъ, написанный собственной рукой императора.

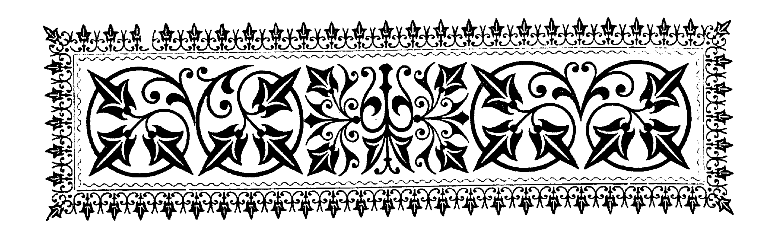
— Но это не можетъ отмѣнить прежняго эдикта, сказалъ Порфирій, все еще продолжая стоять на своемъ.

— Но вотъ этотъ приказъ освобождаетъ меня отъ него, въ свою очередь сказалъ Филиппъ. Твое блаженство теперь можетъ хорошо узнать, какъ пурпурныя чернила, такъ и императорскую подпись.

Онъ выложилъ на столъ охранный приказъ, данный ему императоромъ. «Правитель востока, прибавилъ онъ, знаетъ, что говорится въ этомъ приказѣ. Послѣ этого твое блаженство, быть можетъ, найдетъ болѣе безопаснымъ преслѣдовать тѣхъ, которые не имѣютъ такой защиты и оставить меня въ покоѣ».

Порфирій изумленно смотрѣлъ на документъ и поблѣднѣлъ. Онъ крайне опасался, какъ бы Анѳимій и Филиппъ не сдѣлали неблагопріятнаго отзыва о немъ передъ императоромъ. Такъ какъ онъ молчалъ, то они поклонились и вышли. Между тѣмъ слуги Порфирія уже ожидали отъ него приказаній схватить Филиппа, чтобы заключить его въ тюрьму и конфисковать его имущество; но послѣ всего происшедшаго, крайне растроенный своей неудачей епископъ встрѣтилъ ихъ съ такой яростью, что они не знали, что имъ дѣлать, и онъ приказалъ имъ никогда опять не напоминать ему объ этомъ дѣлѣ.

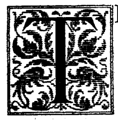

ГЛАВА LXVI.

Изгнанникъ въ Кукузѣ.

Господня земля и исполненіе ея!

ЕПЕРЬ предъ Филиппомъ, повидимому, открылась перспектива самаго глубокаго мира и благополучія. Въ немъ было нѣчто такое, что невольно возбуждало уваженіе къ нему всѣхъ честныхъ людей. Благодаря своему открытому, честному характеру онъ совершенно склонилъ въ свою пользу правителя Анѳимія, какъ раньше это было съ префектомъ Авреліемъ и многими другими, включая и самаго императора. Способность распознавать даровитыхъ и надежныхъ людей есть одинъ изъ самыхъ лучшихъ даровъ, какимъ только могутъ обладать правители. Анѳимій обладалъ этой способностью съ высшей степени. Онъ назначилъ Филиппа на отвѣтственную и важную должность въ преторіи и эта должность приблизила молодого человѣка въ его собственной личности, дала ему большое вліяніе и предоставляла возможность для достиженія еще болѣе высокихъ степеней. Съ этимъ служебнымъ успѣхомъ соединялось и необычайное счастіе въ семейной жизни Филиппа. Онъ былъ окруженъ домочадцами Златоуста, которые всѣ были христіане и люди— испытанной преданности. Маріамь, воспитанная въ изящной простотѣ, при которой богатство никогда не переходило въ роскошь, не только оказалась превосходной хозяйкой въ его домѣ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ искренно отдалась дѣлу благотворительности среди бѣдняковъ, и дѣло дало ей возможность вполнѣ понять, насколько желаніе другимъ счастія и благополучія способно водворять радость и блаженство въ собственной душѣ.

Счастіе ихъ семейной жизни еще болѣе возвысилось, когда у нихъ родился сынъ. Подъ вліяніемъ воспоминаній о прошломъ, а также не желая, чтобы теперешнее благополучіе заставило забыть пережитыя испытанія, Филиппъ назвалъ своего сына Евтихіемъ. Здоровье и красота ребенка, повидимому, обѣщали полное благополучіе въ этомъ отношеніи. Когда ребенокъ родился, Филиппъ отправился въ пещеру, въ которой все еще продолжалъ свою подвижническую жизнь Македоній-ячменоѣдъ. Изможденный и часто больной, удручаемый невыразимыми приступами скорби, сѣдовласый старецъ съ радостью привѣтствовалъ своего духовнаго сына и охотно согласился на его просьбу принять на себя обязанность крестнаго отца при крещеніи перваго сына того самаго молодого человѣка, жизнь котораго въ его отрочествѣ, онъ когда то такъ самоотверженно спасъ. Доброта Македонія повлекла за собой и дальнѣйшія добрыя послѣдствія. Такъ какъ годы немощи до крайности обременяли его жизнь, то по просьбѣ Филиппа и Маріами онъ согласился оставить свою пещеру и, только изрѣдка посѣщая ее, поселился въ особой кельѣ, которая построена была для него Филиппомъ въ прилегающей долинѣ. Тамъ онъ жилъ неподалеку отъ ихъ дома и тамъ Маріамъ могла вполнѣ заботиться объ удовлетвореніи скромныхъ нуждъ удрученнаго немощами старца.

Но никогда ни на одинъ день изъ души Филиппа не исчезала память о его возлюбленномъ отцѣ Іоаннѣ Златоустѣ. Въ одномъ изъ писемъ, которыми они обмѣнивались при всякомъ удобномъ случаѣ, Филиппъ просилъ его всегда быть съ нимъ въ духѣ въ 5 часовъ послѣ полудня, такъ чтобы ихъ молитвы могли возноситься въ одно и то же время, подобно ѳиміаму въ золотой кадильницѣ божественнаго первосвященника. Письма часто затеривались въ пути, потому что разбойники, рыскавшіе по всѣмъ горнымъ дорогамъ, часто грабили посланныхъ и затрудняли всякія сношенія. Тѣмъ не менѣе Филиппу удалось сообщить Златоусту о своемъ выздоровленіи, о своихъ путешествіяхъ, о своей свадьбѣ,

о своемъ поселеніи въ Антіохіи, о своемъ семейномъ счастіи, а святитель съ своей стороны съ твердой непреклонностью запрещалъ Филиппу жертвовать своей молодой жизнью и отклонялъ, часто высказываемое имъ желаніе отправиться въ Кукузъ. Даже и эти любящія запрещенія остались бы безсильны, если бы Филиппъ не былъ убѣжденъ, что тяжесть положенія патріарха въ нѣкоторомъ отношеніи еще болѣе усиливалась бы отъ прибытія всякаго новаго посѣтителя, которые массами прибывали повидать его въ этомъ отдаленномъ мѣстѣ изгнаніи. Два преданныхъ друга оказывали ему всѣ услуги, какія только могла подсказать самая искренняя любовь. Однимъ изъ нихъ была глубоко преданная ему тетка, діаконисса Сабиніана, сестра его отца,—женщина высокоблагочестивая; другимъ былъ добрый пресвитеръ Евеѳій, который сопровождалъ его во время самаго путешествія. Одинъ богатый житель Кукуза по имени Діоскоръ отдалъ ему въ полное распоряженіе свой домъ, лучшій въ городѣ, а самъ удалился на сосѣднюю дачу. Чрезвычайно добръ и почтителенъ былъ и Адельфій, превосходный епископъ этого отдаленнаго діоцеза, и онъ не щадилъ никакихъ усилій, чтобы только какъ-нибудь облегчить положеніе знаменитаго изгнанника. Съ чисто сыновней любовью относился къ нему и мѣстный правитель Сопатръ. Сначала могло казаться, что спокойствіе, которымъ онъ пользовался въ новомъ мѣстѣ своего пребыванія, при отсутствіи смутъ и враговъ, могло даже оказаться болѣе благопріятнымъ для его здоровья, чѣмъ Константинополь съ его грубыми оскорбленіями и жестокимъ гонительствомъ. Но когда снѣгъ сталъ покрывать вершину горы Тавра и зима сковала ледянымъ покровомъ всю эту мѣстность, то страданія престарѣлаго патріарха чрезвычайно усилились. Онъ схватилъ жестокій кашель. Когда для него поддерживали большой огонь, то дымъ почти душилъ его, а когда убавляли огонь, то старецъ почти погибалъ отъ холода. Привыкнувъ къ мягкому климату Антіохіи и Константинополя, онъ вынужденъ былъ слечь въ постель, гдѣ мучимый безсонницей и отсутствіемъ всякаго аппетита, онъ лежалъ прикрытый одѣяломъ, едва сохраняя въ себѣ настолько жизни, чтобы чувствовать всю ея бѣдственность. Положеніе его сдѣлалось лучше съ наступленіемъ весны. Онъ могъ наслаждаться красотой весеннихъ цвѣтовъ и благовоннымъ вѣя-

ніемъ весны. Главнѣй всего, опять сдѣлалось возможнымъ сношеніе съ окружающимъ міромъ, и онъ могъ получать письма отъ возлюбленныхъ Олимпіады и Филиппа. Тѣмъ не менѣе смерть уже стучалась къ нему въ дверь. Исаврійцы постоянно наводили ужасъ на жителей; грабили дачи, угоняли скотъ, сожигали фермы, убивая всѣхъ, кто сопротивлялся имъ. Нельзя было выйти даже изъ за стѣны города, не опасаясь быть захваченнымъ и уведеннымъ въ горы, послѣ чего разбойники требовали обыкновенно огромныхъ суммъ въ качествѣ выкупа. По временамъ тревога была такъ велика, что многіе бѣгали, ища себѣ убѣжища въ густыхъ лѣсахъ, которыми были покрыты откосы горъ и скалъ, и спасенія въ разныхъ пещерахъ и недоступныхъ дебряхъ. Однажды и самъ Златоустъ съ своими немногими домочадцами принужденъ былъ также прибѣгнуть къ подобному способу спасенію отъ угрожавшихъ хищниковъ.

Такое положеніе сдѣлалось невыносимымъ, что было необходимо наконецъ искать защиты въ Арабиссѣ, — уединенной горной крѣпости, построенной миляхъ въ двадцати отсюда, на вершинѣ почти неприступныхъ скалъ. Тамъ Златоустъ съ любовью и уваженіемъ былъ принятъ правителемъ, а также Отреемъ, епископомъ или, вѣрнѣе сказать, викаріемъ селенія. Но мѣсто это было хуже всякой тюрьмы. Великому изгнаннику теперь не было возможности даже совершать ежедневныхъ прогулокъ, которыя были безусловно необходимы для его здоровья, и онъ могъ только съ невыразимой скорбью смотрѣть на печальную картину покрытыхъ снѣгомъ вершинъ и на необозримыя пространства снѣговыхъ равнинъ. Притомъ крѣпость вскорѣ была переполнена массой злополучныхъ бѣглецовъ, которые также искали въ ней убѣжища отъ хищниковъ и, вслѣдствіе переполненія города и болѣзни еще болѣе усилили бѣдственность положенія несчастныхъ обитателей этой забытой крѣпости. Но даже и здѣсь они не были вполнѣ безопасны отъ голодныхъ и звѣрскихъ хищниковъ. Нѣкоторые изъ болѣе дѣятельныхъ, особенно молодые люди, въ крайнемъ отчаяніи, уходили въ лѣса и пытались бѣжать въ болѣе гостепріимныя страны; но они платились эа эту смѣлость своей жизнью: ихъ тѣла были нерѣдко находимы замерзшими. Однажды ночью 300 исаврійцевъ сдѣлали нападеніе на самую Арабиссу и были отражены только

послѣ ожесточеннаго боя. Златоустъ, къ счастью, не зналъ объ этой опасности. Онъ спалъ и, такъ какъ его не будили, то онъ и не зналъ объ угрожавшей опасности до самаго утра, когда всякая опасность ужъ миновала.

Не трудно понять, что при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ и въ интересахъ самого изгнанника, было нежелательно, чтобы его обременяли различные посѣтители, которые своими жалобами на свое бѣдственное положеніе только бы усугубляли его собственную бѣдственность. Къ нему прибылъ изъ Антіохіи молодой человѣкъ по имени Ѳеодотъ. Отецъ его былъ человѣкъ благороднаго происхожденія, и юноша, пылая глубокимъ почтеніемъ къ великому изгнаннику, упросилъ своего отца позволить ему посѣтить Златоуста. Въ Арабиссу онъ отправился, не взирая на всѣ опасности, и принесъ съ собой отъ своего отца великолѣпные подарки. Златоустъ возвратилъ эти подарки съ особымъ любезнымъ письмомъ и вмѣстѣ съ ними отправилъ назадъ молодого Ѳеодота. Возможожно ли было для него принести какую-нибудь дѣйствительную пользу въ воспитаніи молодого человѣка въ такой мѣстности, гдѣ жизнь была сопряжена со всевозможными тревогами, гдѣ постоянно угрожали убійства, хищничество и поджогъ?

Не смотря на всѣ эти затрудненія и очевидное нежеланіе престарѣлаго патріарха подвергать другихъ одинаковой съ собой бѣдственности, многіе все-таки приходили къ нему и онъ продолжалъ занимать столь высокое положеніе въ глазахъ всего христіанскаго міра, что наконецъ это вновь воспламенило замиравшую было искру ярости и ненависти въ душѣ Аттика, который былъ преемникомъ Арсакія въ Константинополѣ, и еще болѣе въ злобныхъ сердцахъ Северіана и Порфирія. «Вся Антіохія въ Кукузѣ», раздраженно писалъ Порфирій Северіану. «Этотъ человѣкъ — обезславленный, изгнанный, осужденный — отправляетъ миссіи въ Персію и Финикію, мѣшаетъ мнѣ пользоваться всей принадлежащей мнѣ властью въ Антіохіи и составляетъ изъ епископовъ запада вмѣстѣ съ папой римскимъ заговоръ противъ патріарховъ Александріи и Константинополя, какъ и противъ меня самого. Этотъ мерзавецъ продолжаетъ быть препятствіемъ и страхомъ для живыхъ; этотъ побѣжденный еретикъ наконецъ беретъ перевѣсъ надъ нами, побѣдоносными православными. Ты долженъ

принять всѣ мѣры къ тому, чтобы страхомъ и ласкательствомъ убѣдить императора издать приказъ объ изгнаніи его въ какое-нибудь еще болѣе отдаленное и безотрадное мѣсто имперіи, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Если онъ умретъ или исчезнетъ въ пути, или попадетъ въ руки грубыхъ исаврійцевъ, тѣмъ лучше будетъ для христіанскаго міра».

Вооружившись этимъ жестокимъ письмомъ, Северіанъ побывалъ у Аттика и съ выраженіемъ притворнаго сожалѣнія и почти крокодиловыми слезами упрашивалъ его, ради того мира, который такъ дорогъ всѣмъ истиннымъ христіанамъ, добиться отъ Аркадія указа о дальнѣйшемъ изгнаніи разжалованнаго патріарха Іоанна. Когда епископы приняли на себя всю отвѣтственность за изгнаніе Златоуста, то Аркадій не прочь былъ совсѣмъ покончить съ этимъ тяжелымъ дѣломъ, и послѣдовавшія затѣмъ ужасная смерть, бѣдственность, землетрясеніе, заставили его еще сильнѣе желать устраненія отъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло. Но Аттикъ зналъ, на какой струнѣ лучше всего было играть. Онъ убѣдилъ императора, что имя Іоанна теперь начинало становиться лозунгомъ козней запада противъ восточной церкви и что Гонорій и Стилихонъ (а эти два имени вѣрнѣе всего могли возбудить въ императорѣ самый яростный гнѣвъ) навѣрно воспользуются этими церковными дѣлами, какъ поводомъ для самаго опаснаго политическаго вмѣшательства. Безъ особенныхъ затрудненій, съ помощью этого орудія, Аттикъ добился изданія указа о переводѣ Златоуста въ самое отдаленное мѣсто имперіи. Северіанъ съ свойственной ему злобой уже намѣтилъ и самое мѣсто. Это былъ ужасный, лежавшій въ развалинахъ городъ Питій или Пиѳіунтъ при Черномъ морѣ. Тамъ Златоустъ даже совсѣмъ не могъ найти христіанъ, и среди иніотовъ, лазговъ и гунновъ неизбѣжно долженъ былъ погибнуть въ полной заброшенности и безъизвѣстности.

Добившись желаннаго указа, враги немедленно приступили къ дѣлу и позаботились о томъ, чтобы еще болѣе усилить бѣдственность ненавистнаго имъ святителя. Они узнали, что тѣ два военачальника, которые сопровождали Златоуста въ его изгнаніе въ Кукузъ, молодые — Анатолій и Ѳеодотъ оказались людьми добросердечными, относились къ страдальцу съ уваженіемъ и старались облегчать ему путешествіе, на сколько это позволяли обстоя-

тельства. Вслѣдствіе этого, ожесточенные враги порѣшили не допускать подобной ошибки во второй разъ. Конвоировать узника назначены были два другихъ офицера, въ которыхъ нельзя было предполагать ни малѣйшаго состраданія. Имъ тайно дано было понять, что они получатъ хорошую награду и скоро будутъ повышены въ чинахъ, если должнымъ образомъ исполнятъ сдѣланное имъ порученіе. Мало того, сдѣланы были еще болѣе мрачные намеки въ томъ смыслѣ, что не будетъ большой важности и въ томъ, если узникъ совсѣмъ не дойдетъ до Пиѳіунта. Если бы «случилось», что онъ умретъ въ дорогѣ, то это нисколько не повліяетъ на полученіе ими награды и повышенія, — быть можетъ даже еще болѣе обезпечитъ имъ обѣщанную награду, такъ какъ этимъ сразу были бы устранены многія досадныя затрудненія. Этими офицерами были Секундъ и Киѳегій.

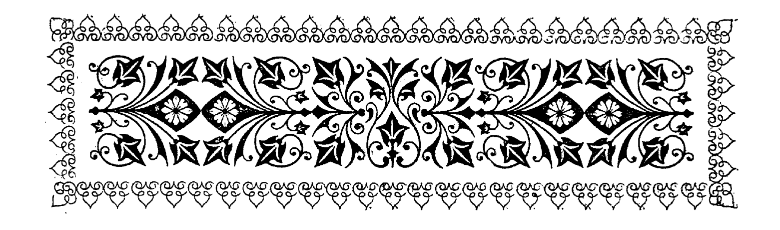
— Все это довольно ясно, сказалъ Киѳегій своему товарищу, дѣлясь впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ даннаго ему порученія.

— Да, отвѣчалъ Секундъ, съ широкой усмѣшкой на своемъ жестокомъ лицѣ. Это, очевидно, только пустые разговоры, а въ дѣйствительности это значитъ, чтобы мы попросту умертвили его, — только бы такъ медленно, чтобы народъ не могъ назвать этого дѣла столь отвратительнымъ именемъ — убійства!

— Онъ несомнѣнно почтеннѣе всѣхъ ихъ вмѣстѣ, замѣтилъ Киѳегій.

— Это не наше дѣло, отвѣчалъ другой, пожимая плечами; вѣдь не мы пойдемъ въ адъ изъ за него...

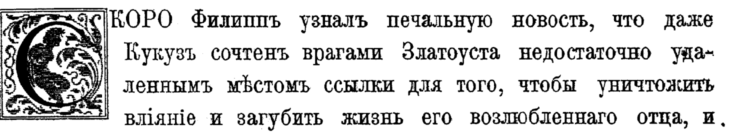

ГЛАВА LXVII.

Мученическій вѣнецъ.

Слава Богу за все. Аминь.
Св. I. Златоустъ.

СКОРО Филиппъ узналъ печальную новость, что даже Кукузъ сочтенъ врагами Златоуста недостаточно удаленнымъ мѣстомъ ссылки для того, чтобы уничтожить вліяніе и загубить жизнь его возлюбленнаго отца, и что закончить свои дни онъ обреченъ въ страшныхъ развалинахъ Пиѳіунта. Это извѣстіе заставило его принять рѣшительныя мѣры. Сначала онъ думалъ ѣхать немедленно въ Константинополь и воспользоваться всѣмъ своимъ вліяніемъ на Авреліана и императора, чтобы добиться отмѣны указа; но это было бы дѣломъ безнадежнымъ и притомъ было ужъ поздно. Когда это извѣстіе дошло до Филиппа, то конвой, который назначенъ былъ для удаленія Златоуста, уже выступилъ въ путь.

Единственно, что оставалось теперь дѣлать, это во что бы то ни стало отправиться въ Арабиссу, принять всѣ мѣры, какія оказались бы только возможными, чтобы сдѣлать путешествіе изгнанника болѣе сноснымъ и доставить ему всѣ возможныя удобства и облегченія въ его послѣднемъ убѣжищѣ. Какъ ни велика была связывавшаяся съ этимъ жертва, ни Филиппъ, ни Маріамь не чувствовали ни малѣйшаго колебанія въ убѣжденіи, что таково было требованіе долга. Поэтому Филиппъ поручилъ Маріамь бдительному

попеченію своихъ друзей въ Антіохіи, тѣмъ болѣе что Анѳимій, охотно давая ему отпускъ, обѣщалъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы Маріамь не подверглась какимъ-нибудь оскорбленіямъ и кознямъ со стороны неукротимыхъ враговъ Златоуста. Филиппъ оставилъ ее съ тѣмъ меньшей тревогой, что теперь совсѣмъ неподалеку отъ нихъ жилъ благочестивый Македоній, съ которымъ можно было посовѣтоваться и который могъ ей во всякое время оказать покровительство и защиту.

Затѣмъ онъ немедленно двинулся въ путь и поспѣшно помчался по сѣрымъ холмамъ и выжженнымъ долинамъ среди безчисленныхъ опасностей, на которыя онъ однако, всецѣло занятый мыслью о достиженіи своей цѣли, не обращалъ никакого вниманія. Видя его съ крайне незначительнымъ багажемъ, испачканнымъ, запыленнымъ во время непрерывнаго пути, принужденнымъ ежедневно довольствоваться самымъ грубымъ и скуднымъ содержаніемъ, никто не могъ бы и представить себѣ, чтобы онъ везъ съ собою весьма значительную сумму золота. Противъ опасности, которая могла возникнуть отъ провинціальныхъ враговъ Златоуста или хищныхъ чиновниковъ, онъ былъ достаточно огражденъ однимъ письмомъ, которое было при немъ, и особенно автографомъ императора, который онъ спряталъ въ своемъ платьѣ, чтобы вынуть его только въ крайней необходимости. Въ Арабиссу онъ прибылъ безъ какихъ-либо серьезныхъ затрудненій и великій святитель еще разъ насладился послѣднимъ отблескомъ земного счастья, когда прижалъ къ своей старческой груди своего любимаго и преданнаго духовнаго сына.

Филиппъ напрасно негодовалъ на то, что патріархъ окруженъ былъ почти тюремной обстановкой, которая была почти также мрачна, и притомъ была гораздо менѣе здоровой, чѣмъ обстановка въ пещерѣ отшельника на горѣ Сильпія; но онъ пришелъ въ восторгъ и умиленіе при видѣ благородной твердости, съ которой великій изгнанникъ сносилъ всѣ трудности, а также благороднаго благодушія его непреклонной вѣры. Черезъ два дня прибыли Секундъ и Киѳегій съ своимъ кватерніономъ *) и представили приказъ о

*) Quaternio — отрядъ воиновъ, состоящій изъ 4-хъ человѣкъ, подъ начальствомъ офицера. Пеерв.

томъ, чтобы на слѣдующее же утро двинуть узника въ путь въ мѣсто его новаго изгнанничества. Ни Евѳеію, ни кому бы то не было изъ слугъ не позволено было сопровождать патріарха или помогать ему въ его немощахъ и нуждахъ. Когда начальникъ отряда увидѣлъ немощную и согбенную фигуру и замѣтилъ, на сколько слабъ и боленъ былъ ихъ узникъ, то они вполнѣ убѣдились, что даже безъ открытаго убійства они не лишатся награды и повышенія, которыя были имъ обѣщаны.

Между тѣмъ Филиппъ порѣшилъ, во что бы то ни стало не разставаться съ Златоустомъ, тѣмъ болѣе, что и вообще духомъ онъ въ теченіе послѣднихъ трехъ ужасныхъ мѣсяцевъ былъ постоянно вмѣстѣ съ нимъ, раздѣляя его бѣдственность. У начальниковъ отряда было приказаніе на всемъ пути избѣгать городовъ, чтобы видъ доблестнаго узника не пробудилъ въ населеніи сочувствія къ великому святителю и негодованія противъ его злобныхъ враговъ. Имъ позволено было останавливаться только въ самыхъ жалкихъ деревняхъ, гдѣ не было никакихъ удобствъ жизни, гдѣ грязь и нечистота еще сильнѣе отягощали страданія, гдѣ едва возможно было достать даже самаго необходимаго для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей. Скоро Филиппъ угадалъ ихъ жестокое намѣреніе, когда, слѣдуя за ними по пятамъ, онъ въ первый же день ихъ путешествія замѣтилъ, что конвойные грубо мстили за малѣйшее выраженіе сострѣданія къ своему узнику и подвергали оскорбленію всякаго, кто болѣе или менѣе высказывалъ сочувствіе къ нему.

Онъ двинулся въ путь не вмѣстѣ съ ними, потому что опасался, что они своей властью могли бы воспрепятствовать ему въ этомъ. Но когда они уже отправились въ путь, онъ послѣдовалъ за ними въ недалекомъ разстояніи и остановился въ той же деревнѣ, гдѣ и они остановились на ночь. Тамъ онъ постарался повидаться съ обоими начальниками конвоя, и при этомъ онъ убѣдился, что Секундъ былъ человѣкъ совершенно звѣрскаго характера и готовъ былъ съ буквальной точностью исполнять данныя ему инструкціи. Онъ, какъ понялъ Филиппъ, порѣшилъ такъ или иначе достигнуть того, чтобы Златоустъ не дошелъ живымъ до Пиѳіунта и чтобы послѣ этого, не взирая на угрызенія совѣсти или возмущеніе чувства человѣчности, немедленно же потребовать обѣщанной имъ награды и повышенія. Въ Киѳегіѣ съ другой сто-

роны еще не совсѣмъ потухла искра человѣчности; но, къ несчастію, Секундъ былъ старше чиномъ.

Филиппъ попросилъ у нихъ позволенія сопровождать ихъ и сдѣлать все, что было возможно для избавленія патріарха отъ безполезныхъ страданій, которыя для человѣка его лѣтъ и при расшатанномъ состояніи его здоровья могли быть только ужасны. При этомъ онъ пояснилъ, что, стараясь доставить хотя небольшое удобство узнику, онъ въ то же время могъ нѣсколько облегчить тяжесть пути самимъ начальникамъ и ихъ отряду. Секундъ не только не хотѣлъ сдѣлать даже этого малаго снисхожденія, но даже заявилъ, что и совсѣмъ не позволитъ Филиппу сопровождать ихъ. Ему обѣщано было золото и повышеніе въ военномъ рангѣ, если онъ сдѣлаетъ все, чего отъ него желаютъ, «и я, добавилъ онъ, хочу въ точности исполнить данныя мнѣ инструкціи».

— Въ вашихъ инструкціяхъ нѣтъ ничего такого, что̀ бы мнѣ запрещало сопровождать васъ, сказалъ Филиппъ. Я вовсе не хочу нарушать данныхъ вамъ приказовъ; я прошу тебя только о самомъ обыкновенномъ человѣколюбіи.

— Что мнѣ въ твоемъ человѣколюбіи? грубо отвѣтилъ Секундъ.

— Мнѣ думается не будетъ никакой бѣды позволить ему сопровождать, т. е. прислуживать патріарху,—съ своей стороны замѣтилъ Киѳегій.

Секундъ удивленно взглянулъ на него.

— Я старшій здѣсь, рѣзко сказалъ онъ; а что касается тебя, молодой человѣкъ, то убирайся отсюда или ты отвѣдаешь носороговой шкуры на твоей спинѣ.

Филиппъ вспыхнулъ отъ негодованія; но онъ чувствовалъ, что этотъ грубіянъ въ сущности былъ трусъ. Сначала онъ хотѣлъ даже предложить ему взятку, но теперь порѣшилъ лучше подѣйствовать на него страхомъ.

— Грубіянъ, сказалъ онъ, ты не знаешь съ кѣмъ говоришь! Я вижу что ты подкупленъ Аттикомъ и Северіаномъ, чтобы умертвить узника и за это ожидаешь большихъ выгодъ. Смотри, берегись! Если ты сдѣлаешь хоть малѣйшее насиліе надо мною, то вмѣсто награды получишь висѣлицу. Слышалъ ты когда-нибудь объ Амоимiѣ, правителѣ востока? Да? Такъ вотъ возьми прочти, и послѣ этого не смѣй грубить мнѣ.

Онъ бросилъ на столъ охранное письмо отъ Анѳимія, которое Секундъ прочелъ съ видомъ тревоги.

— Быть можетъ также ты слышалъ о князѣ Авреліанѣ, консуларіѣ и преторьянскомъ префектѣ, который очень скоро можетъ раздѣлаться съ такими личностями, какъ ты. Такъ вотъ прочти это, — и онъ показалъ ему полученный отъ Авреліана приказъ, въ которомъ говорилось, чтобы всѣ воины обращались съ Филиппомъ вѣжливо и предупредительно.

— Наконецъ едва ли вѣроятно, чтобы человѣкъ, въ родѣ тебя, когда-нибудь видѣлъ пурпурныя чернила императорской подписи. Ужъ не думаешь ли ты, что давшіе тебѣ инструкціи могутъ защитить тебя противъ священнаго величія императора!?

При этомъ онъ развернулъ предъ глазами изумленнаго начальника конвоя автографъ императора Аркадія и сказалъ:

— Вотъ твой товарищъ свидѣтель и многимъ знатнымъ лицамъ извѣстно, что я здѣсь и намѣренъ въ теченіе всего пути сопровождать васъ. Быть можетъ, ты отселѣ узнаешь, что если опять посмѣешь напомнить мнѣ о носороговой шкурѣ, то это будетъ стоить тебѣ твоей жалкой головы.

Секундъ при видѣ всего этого до крайности растерялся, но наружно все еще продолжалъ сохранять свою строптивую грубость. Филиппъ между тѣмъ улучилъ случай въ эту ночь повидать Киѳегія наединѣ и обѣщалъ ему значительную сумму денегъ, если онъ удовлетворитъ его желаніе, и сдѣлалъ намекъ, что онъ даже вѣрнѣе получитъ награду отъ такихъ лицъ, какъ Анфимій и Авреліанъ, чѣмъ отъ озлобленныхъ враговъ великаго узника. Киѳегій обѣщалъ не причинять никакой обиды ни патріарху, ни Филиппу, и сдѣлать все, что было возможно для него; но при этомъ замѣтилъ, что онъ не могъ отмѣнить распоряженія, которыя дѣлалъ старшій офицеръ.

И вотъ такимъ образомъ Филиппъ день за днемъ шелъ вмѣстѣ съ Златоустомъ и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ободрять его и по возможности облегчать его въ тяжеломъ положеніи.

Между ними происходили длинныя и глубоко отрадныя бесѣды о минувшихъ дняхъ, и благодушная кротость и самоотреченіе глубоко удрученнаго узника такъ сильно тронули сердца Ки-

оегія и одного изъ воиновъ, что они при всякой представлявшейся возможности, выражали свое сочувствіе и благорасположеніе и дѣлали все возможное для облегченія его скорбей. Многоиспытанный старецъ, продолжая путь почти всегда пѣшкомъ, обыкновенно опирался на руку Филиппа, и Филиппъ былъ глубоко радъ тому, что на долю ему выпало счастье во многихъ отношеніяхъ облегчать страдальческую жизнь своему духовному отцу и благодѣтелю. Но онъ не въ силахъ былъ воспрепятствовать гнуснымъ замысламъ и грубой злобѣ Секунда. Даже для молодого крѣпкаго путешественника, снабженнаго всѣми необходимыми удобствами, путешествіе по такимъ грубымъ дорогамъ и тропамъ, когда имъ приходилось то взбираться по скалистымъ переходамъ, то переправляться черезъ ложбины потоковъ и горныхъ ручьевъ, было истинной пыткой, тѣмъ болѣе что при всей утомительности пути имъ не давалось возможности для отдохновенія. Потребовалось не больше трехъ мѣсяцевъ для того, чтобы при всевозможныхъ затрудненіяхъ и бѣдствіяхъ, пройти путь отъ Арабиссы до Команы. Порѣшивъ добить свою жертву, но безъ дѣйствительнаго насилія, грубый начальникъ пользовался всякой перемѣной погоды, чтобы поскорѣе достигнуть своей цѣли.

Во время ихъ путешествія, имъ приходилось проходить по дорогамъ и странѣ, которыя были пыльны и выжжены палящимъ зноемъ лѣта и ранней осени. Но какъ бы ни былъ невыносимъ зной, Секундъ безъ всякой жалости давалъ приказъ двигаться дальше, и съ злорадствомъ видѣлъ, какъ Златоустъ, ослабѣвая и спотыкаясь, не смотря на поддержку Филиппа, едва передвигалъ усталыя старческія ноги, испытывая ужасныя страданія отъ невыносимаго зноя, палившія его непокрытую лысую голову. Когда наступали страшныя грозовыя бури, то безчеловѣчный начальникъ опять пользовался ими для своей жестокой цѣли: онъ, очевидно, надѣялся, что старецъ-патріархъ, вынужденный идти въ промокшей одеждѣ, подъ страшнымъ ливнемъ, не оставившимъ на немъ сухой нитки, будетъ доконченъ, схвативъ какую-нибудь смертельную лихорадку. Всѣ въ отрядѣ чрезвычайно удивлялись, что Златоустъ еще такъ долго выдерживалъ эту ужасную пытку, и въ дѣйствительности начинало казаться даже возможнымъ, что подъ бдительнымъ попеченіемъ Филиппа, кровожадная цѣль Секунда и его вдох-

повителей въ концѣ концовъ окажется недостигнутой и великій святитель можетъ живымъ достигнуть Пиѳіунта.

По дорогѣ между Филиппомъ и этимъ начальникомъ происходило много столкновеній. Филиппъ, со свойственной ему горячностью, протестовалъ противъ его безчеловѣчныхъ выходокъ и даже грозилъ негодяю, что онъ заставитъ его раскаяться въ своей жестокости. Секундъ несомнѣнно убилъ бы его, если бы смѣлъ; но онъ трепеталъ при мысли о томъ мщеніи, которое постигнетъ его со стороны самого императора. Киѳегій при этомъ часто принималъ сторону Филиппа, и даже воины подъ вліяніемъ его благодушія и особенныхъ тайныхъ щедрыхъ подачекъ, выражали ему свое сочувствіе, на сколько это было возможно для нихъ. Филиппъ при одномъ случаѣ прямо поссорился съ Секундомъ, и сказалъ что даже если ему удастся погубить патріарха переутомленіемъ и жестокостью, то многія высокопоставленныя лица несомнѣнно узнаютъ объ этомъ и безчеловѣчный грубіянъ лишится тѣхъ наградъ и повышеній, которыя онъ хочетъ достигнуть своей жестокостью.

Наконецъ конвой съ узникомъ прибылъ въ Каману понтійскую, въ Каппадокіи. Тамъ для Златоуста можно бы найти отдыхъ и освѣженіе, въ которыхъ онъ такъ страшно нуждался; но Секундъ порѣшилъ не дать имъ отдохнуть тамъ. Онъ намѣренно повелъ конвой по самымъ отдаленнымъ окраинамъ города и остановился не раньше, какъ они прибыли къ небольшой часовнѣ, верстахъ въ 10-ти дальше города. Тамъ онъ вынужденъ былъ остановиться на ночь, хотя болѣе потому, что самый отрядъ ихъ нуждался въ отдохновеніи и снѣ, а не изъ вниманія къ страдальцу.

Находившаяся тамъ небольшая церковь была построена въ память святого Василиска, — епископа комонскаго, который въ третьемъ столѣтіи потерпѣлъ мученическую пытку при Лукіанѣ въ Антіохіи отъ руки языческаго императора Максима Дазы. Тутъ добрый сельскій священникъ счелъ глубочайшимъ долгомъ своего сердца сдѣлать все, что было возможно, для великаго святителя, который, очевидно, находился недалеко отъ смерти. Онъ предоставилъ ему свою собственную постель—къ немалому негодованію Секунда, и окружилъ его всѣми удобствами, какія только были ему доступны. Послѣдній разъ на землѣ Златоустъ имѣлъ освѣ-

жающій сонъ, и во время сна, ему явился замученный епископъ, святой Василискъ съ пальмовою вѣтвью въ рукѣ и сказалъ: «мужайся, братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ». Священнику также въ эту ночь явился святой Василискъ и сказалъ ему: «приготовь мѣсто для. нашего брата Іоанна, потому что онъ готовъ присоединиться ко мнѣ!» Убѣжденный въ истинѣ своего сновидѣнія, священникъ умолялъ Секунда временно отложить отбытіе по крайней мѣрѣ—до полудня. Единственнымъ отвѣтомъ грубаго преторіанца на эту просьбу былъ лишь приказъ отряду немедленно двинуться въ путь.

Съ надрывающимся сердцемъ Филиппъ, несмотря на все свое негодованіе, подошелъ къ своему возлюбленному духовному отцу, чтобы помочь ему встать и поддерживать въ пути, ободряя его словами надежды и любящаго утѣшенія. Великій святитель, находясь даже и въ крайней степени своего истощенія и лихорадочнаго возбужденія, все еще обнаруживалъ свойственное ему благодушіе и непреклонное мужество.

Тебѣ мой дорогой Филиппъ, не долго уже придется обременять себя попеченіемъ обо мнѣ. Я чувствую, что послѣдній песокъ жизни вытекаетъ изъ моего бреннаго сосуда.

— О, отецъ мой, ты, конечно, изъ любящей ласки говоришь мнѣ о томъ, что ты обременяешь меня. Тебѣ я обязанъ всѣмъ— моей жизнью, всѣмъ счастьемъ, какое только я имѣлъ, даже всей моей душой!

Святитель глубоко любящимъ взоромъ посмотрѣлъ на своего духовнаго сына.

— Я знаю твою любовь ко мнѣ, сынъ мой, сказалъ онъ, но въ послѣднюю ночь видѣлъ во снѣ святого Василиска и не переживу этихъ дней.

— Если бы намъ только доставить тебя благополучно въ Пиѳіунтъ, то тамъ ты могъ бы найти себѣ друзей и прожить еще нѣсколько благословенныхъ, спокойныхъ лѣтъ.

— Да будетъ воля Божія, Филиппъ, но если для меня жизнь есть Христосъ, то несомнѣнно смерть есть пріобрѣтеніе. Я не буду спрашивать съ Еврипидомъ: «Кто знаетъ не есть ли смерть жизнь, и жизнь не есть ли смерть? потому что мы знаемъ, что для любящихъ Бога, смерть есть жизнь. Не скажу я также и то,

что сказалъ Сократъ своимъ судьямъ: «я иду къ смерти, а вы къ жизни; но что лучше, одному Богу извѣстно,»—потому что намъ Христосъ открылъ, что именно лучше, и святой Павелъ сказалъ намъ, что умереть и быть со Христомъ не просто лучше, но и гораздо, гораздо лучше.

— Но какую великую потерю понесетъ церковь Христова!

— Никакая личность не имѣетъ безусловной необходимости. Дѣло Божіе совершается само по себѣ, хотя бы дѣлатели и исчезли. Мрачныя времена наступаютъ въ мірѣ; но у Христа много служителей, которые будутъ трудиться для Него, и, какъ я надѣюсь, по милости Божіей будутъ даже мудрѣе и полезнѣе меня.

Слова эти онъ сказалъ медленно и съ затрудненіемъ. Великій святитель чувствовалъ затрудненіе въ дыханіи и черезъ нѣсколько моментовъ затѣмъ въ изнеможеніи упалъ на руки Филиппа. Отъ часовни они прошли не болѣе 30 стадій *) и принуждены были остановиться.

— Вспрысни его немного водой, сказалъ Секундъ и двинемся дальше. Это только уловка съ его стороны—затянуть время.

— Онъ умираетъ, отвѣтилъ Филиппъ. Навѣрно ты не потащишь его съ звѣрскимъ варварствомъ дальше? Если ты это сдѣлаешь, то тебѣ придется на своихъ плечахъ нести назадъ въ церковь уже трупъ.

Филиппъ, поддерживая голову Златоуста, вспрыснулъ нѣсколько капель воды на его лихорадочно пылавшее лицо и влилъ нѣсколько капель вина въ его изсохшія уста, и патріархъ немного ожилъ.

— Впередъ, скомандовалъ Секундъ.

— Если хочешь, иди одинъ, сказалъ Филиппъ. Патріархъ не сдѣлаетъ ни одного шагу дальше.

— А мы увидимъ это, грубо отвѣчалъ начальникъ, поднимая мечъ, чтобы плашмя ударить Филиппа.

— Ты раскаешься въ этомъ, воскликнулъ Филиппъ, строго взглянувъ на него и негодный трусъ отступилъ отъ него въ то время, какъ Киѳегій и воины бросились было защищать его.

— Идти впередъ безполезно, сказалъ Киѳегій; патріархъ, очевидно, не переможетъ сегодняшняго дня.

*) Стадія — около 100 саженъ.

Явственный ропотъ согласія со стороны воиновъ показалъ, что они согласны были съ своимъ младшимъ офицеромъ.

— Это бунтъ, яростно закричалъ Секундъ. Вы отвѣтите за это!

Каѳегій взялъ его за руку и отвелъ въ сторону.

«Товарищъ, сказалъ онъ, не глупи слишкомъ много. Ты можешь получить награду или повышеніе только въ томъ случаѣ, если не доведешь этого молодого человѣка до крайняго раздраженія. Всѣ наши солдаты, да и я также (если ты заведешь меня слишкомъ далеко) выступятъ свидѣтелями противъ тебя. Если ты дорожишь своей головой, то лучше не дѣлай этого.

— Впередъ! съ дикой яростью опять закричалъ тотъ.

— Ни шагу мы не пойдемъ дальше съ умирающимъ человѣкомъ, упрямо отвѣтили воины.

— Если ты будешь настаивать дальше, сказалъ Киѳегій Секунду, мы обезоружимъ тебя и подвергнемъ аресту.

Секундъ ругался и проклиналъ всѣхъ, отъ ярости топая ногами. Но видя, что все безполезно и даже не безопасно настаивать дальше, онъ мрачно далъ приказъ возвратиться къ часовнѣ.

Златоустъ уже не могъ дальше идти, но съ помощью Киѳегія и воиновъ Филиппъ, теперь уже рѣшительно не обращая вниманія на приказанія Секунда, вырубалъ нѣсколько жердей въ лѣсу, черезъ который они проходили, наскоро сдѣлалъ носилки, набросалъ на нихъ одежду и, осторожно поднявъ полусознательнаго старца, попросилъ воиновъ нести его обратно къ часовнѣ. Когда они прибыли, священникъ, предвидѣвши ихъ возвращеніе, уже приготовилъ для нихъ пищу и еще разъ предоставилъ свою постель святителю.

— Я умираю, пресвитеръ, слабо проговорилъ великій святитель; но я хотѣлъ бы умереть, облачившись въ бѣлую священную одежду, чтобы она напоминала мнѣ о томъ одѣяніи, которое я носилъ при крещеніи.

Священникъ принесъ нѣсколько бѣлыхъ священныхъ одѣяній и Филиппъ помогъ облачить умиравшаго патріарха. Снявъ съ себя собственныя одежды даже до сапогъ, онъ раздѣлилъ ихъ между присутствующими, для которыхъ въ послѣдующее время эти части одежды святителя пріобрѣли значеніе драгоцѣнныхъ останковъ. Киѳегію и воинамъ, относившимся къ нему съ добротой, онъ далъ

нѣсколько денегъ, которыя оказались при немъ, а также и другія незначительныя вещи на память. Доброму священнику онъ оставилъ свой омофоръ и небольшой золотой церковный сосудъ. Затѣмъ онъ попросилъ, чтобы его оставили наединѣ съ Филиппомъ.

— Дорогой сынъ мой, сказалъ онъ; ты, любовь и преданность котораго озаряли меня въ теченіе счастливыхъ лѣтъ и утѣшали въ теченіе смутъ и треволненій жизни, — ты, который былъ сыномъ и почти болѣе, чѣмъ сыномъ для меня бездѣтнаго старца, Богъ да благословитъ тебя тысячекратно за всю твою доброту! — ты перенесъ ради меня ужасныя пытки, да вознаградитъ Онъ тебя своимъ стократнымъ благословеніемъ! Свѣтъ Его лица да свѣтитъ на тебя въ счастливомъ домѣ, озаряемомъ веселыми лицами дѣтей! Твой маленькій Евтихій въ должномъ возрастѣ да наполнитъ чашу твоей жизни счастіемъ, твоя Маріамь да будетъ для тебя радостью даже до смерти!

Филиппъ колѣнопреклоненный стоялъ у его постели, закрывъ лицо руками и отъ волненія не могъ говорить.

— Что тебѣ такъ много плакать обо мнѣ, дорогой Филиппъ? продолжалъ святитель. Теперь нѣтъ причинъ для скорби: самые тяжелые дни, всѣ тягчайшія испытанія жизни, благодареніе Богу, закончились. «Подвигомъ добрымъ подвизался я, дерзаю я сказать съ апостоломъ, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ, отселѣ уготованъ мнѣ вѣнецъ правды, который Господь праведный судья дастъ мнѣ въ день оный». Нѣтъ, нѣтъ, Филиппъ, ты не долженъ такъ плакать. Напротивъ, радуйся обо мнѣ, и я прошу тебя передать Олимпіадѣ и всѣмъ моимъ старымъ друзьямъ въ Константинополѣ и Антіохіи, что я умираю, вѣруя во Христа, въ страхѣ Божіемъ и въ причастіи Святаго Духа, совершенно счастливымъ. Возьми съ моей шеи эту золотую цѣпь, которую я всегда носилъ подъ моей одеждой, потому что она мнѣ оставлена была моей матерью Анѳусой. На висящей на ней золотой медали находится изображеніе добраго пастыря. Носи ее всегда, Филиппъ, на память обо мнѣ. Теперь прощай. Господь да благословитъ тебя.

Онъ положилъ свои немощныя руки на голову своего колѣнопреклоненнаго духовнаго сына и отъ глубины сердца благословилъ его. Затѣмъ онъ попросилъ, чтобы его внесли въ алтарь и въ послѣдній разъ сподобили причаститься святыхъ тайнъ. Тро-

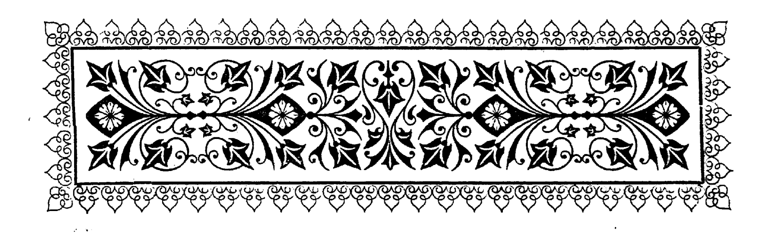
гательно повторилъ онъ предпричастную молитву и медленно, съ затрудненіемъ прочелъ молитву Господню. Затѣмъ, какъ-бы великая слава озарила его лицо; онъ на половину поднялся съ своего одра, обвелъ всѣхъ какимъ то восторженнымъ взоромъ, какъ-будто видѣлъ открывшіяся передъ нимъ небеса, и яснымъ голосомъ воскликнувъ: «слава Богу за все. Аминь», замертво палъ на руки Филиппа.

— Онъ отрясъ прахъ смертности, проговорилъ добрый священникъ, онъ отошелъ къ своимъ отцамъ. Утѣшься, добрый юноша. Кто изъ его друзей могъ бы пожелать ему опять возвращенія въ этотъ негодный міръ злобы?

На слѣдующее утро почившаго святителя положили въ скромный гробъ рядомъ съ святымъ Василискомъ и оба эти мученика мирно почивали вмѣстѣ.

Это было 17-го сентября 407 года. Скончавшемуся патріарху было въ это время 60 лѣтъ отъ роду. Почти въ теченіе семи лѣтъ онъ былъ патріархомъ Константинополя, въ теченіе трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ пробылъ въ изгнаніи — низложеннымъ, оклеветаннымъ и гонимымъ человѣкомъ. Онъ не дожилъ до того, чтобы видѣть, какъ само время очистило его имя, разсѣяло всю ложь и клевету, которыя омрачали его невинность; не увидѣлъ также и глубокаго раскаянія дѣтей своихъ убійцъ. Глупцы считали его жизнь безумствомъ, а его кончину — безчестіемъ. Но онъ сопричисленъ былъ къ сынамъ Божіимъ и жребій его со святыми.

ГЛАВА LXVIII.

Послѣдняя аудіенція у Аркадія.

Это Фалернское вино есть лишь сокъ съ немногихъ гроздъ, и эта порфира представляетъ собой лишь немного овечьей шерсти, окрашенной кровью улитки...
Маркъ Аврелій.

ОСТАЕТСЯ намъ теперь только распроститься еще съ нѣсколькими изъ тѣхъ лицъ, съ которыми мы познакомились на предшествующихъ страницахъ.

Когда Филиппъ возвратился къ Маріами въ Антіохію, то онъ нашелъ и ее и своего маленькаго Евтихія здоровыми и благополучными и, какъ ни печальны были послѣдніе дни его возлюбленнаго отца и покровителя Златоуста, имя его скоро сдѣлалось предметомъ благословенныхъ и любящихъ воспоминаній среди его друзей и почитателей. Когда все уже кончилось и великій святитель умеръ въ изгнаніи и бѣдственности, то невольно должна была умереть и всякая зависть къ нему, такъ какъ не оставалось уже и пищи для козней. Враги его были пресыщены успѣхомъ своей злобы, и заслуженное возмездіе, какъ мы видѣли не замедлило обрушиться на нихъ. Между тѣмъ, при всеобщемъ благоговѣніи запада къ великому патріарху Іоанну, имя его начало сіять все ярче и ярче. Папа Иннокентій и всѣ другіе великіе италійскіе епископы провозглашали его невинность, обличали тѣ негодныя козни жертвой которыхъ онъ палъ, и, съ негодующимъ

презрѣніемъ относясь къ пасквилю Θеофила, переведенному Іеронимомъ, они прославляли его личность и восхваляли его жизнь и подвиги, какъ мученика и святого. Все, что теперь могло быть сдѣлано для его памяти, это склонить патріарха Аттика внести его имя въ дитпихъ, въ который послѣдовательно вносились всѣ патріархи Константинополя. Несмотря на ожесточенное противодѣйствіе нѣкоторыхъ изъ сообщниковъ Θеофила, въ концѣ-концовъ удалось достигнуть и этого.

Между тѣмъ судьба Златоуста имѣла громадныя послѣдствія, какъ для восточной, такъ и западной половины имперіи. Подъ тяжестью нанесеннаго величайшему представителю восточной церкви, удара, сами нравственныя силы патріархіи, какъ-будто, ослабѣли и въ теченіе послѣднихъ вѣковъ мы не видимъ въ ней уже такихъ доблестныхъ вождей, которые могли бы стать въ одинъ уровень съ этимъ великимъ вселенскимъ учителемъ и отцомъ церкви. Послѣдующіе патріархи Константинополя, по большей части, были люди весьма незначительные и только уже впослѣдствіи, когда церковь опять нуждалась въ великихъ представителяхъ своей истины для борьбы съ начинавшимъ заблуждаться западомъ, во главѣ ея явились славные вожди, какимъ былъ, напримѣръ, Фотій.

Затѣмъ споръ изъ-за Златоуста способствовалъ увеличенію той розни, какая ужъ начала обозначаться между востокомъ и западомъ. По мѣрѣ все большаго умаленія власти западнаго императора (пока имперія не погасла, такъ сказать, въ безцвѣтной личности жалкаго мальчика, который, по странной ироніи исторіи, сталъ извѣстенъ подъ двойнымъ именемъ Ромула Августула) все болѣе возрастало вліяніе папъ Рима. Тотъ вѣкъ, при своей растерянности и смутахъ, нуждался въ сильномъ руководителѣ и, не найдя такого руководителя среди своихъ гражданскихъ правителей, западъ обращался за помощью къ главному своему епископу, который, въ лицѣ такихъ іерарховъ, какъ Левъ I и Григорій Великій, сдѣлался, подъ естественнымъ давленіемъ обстоятельствъ, представителемъ міра въ трудной задачѣ преобразованія цивилизаціи, погибавшей подъ непреодолимымъ напоромъ варварскаго нашествія.

Для Филиппа память о Златоустѣ на всю жизнь осталась идеаломъ и источникомъ вдохновенія. Въ юности ему пришлось

испытать всевозможныя треволненія и невзгоды, но за то въ зрѣлыхъ лѣтахъ ему выпало на долю наслаждаться миромъ и благоденствіемъ. При своей житейской опытности, при своей природной смѣтливости, при своемъ замѣчательномъ тактѣ, при своемъ знаніи дѣла, при своемъ добросовѣстномъ усердіи и неподкупной честности, онъ скоро сдѣлался человѣкомъ необходимымъ для Анѳимія и его главныхъ сановниковъ. Антіохіецъ родомъ, онъ понималъ темпераментъ и хорошо зналъ настроеніе сирійскаго населенія, среди котораго онъ трудился. Язычникъ по происхожденію, онъ умѣлъ находить наилучшіе способы, чтобы пріобрѣтать довѣріе честныхъ язычниковъ. Христіанинъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ, онъ не вносилъ въ гражданскія дѣла того яростнаго духа, подъ вліяніемъ котораго люди, болѣе узкіе и эгоистичные, старались, такъ сказать, жалить другъ друга до смерти. Пользуясь милостію Аркадія, который нерѣдко справлялся о немъ и даже иногда съ милостію и снисходительностью посылалъ ему свои привѣтствія, онъ съ необычайной быстротой возвышался въ гражданскомъ мірѣ и еще не достигнувъ полной возмужалости, сдѣлался одной изъ самыхъ вліятельныхъ личностей въ своемъ родномъ городѣ. Это благоволеніе фортуны было для него тѣмъ болѣе пріятнымъ, что находилось въ полнѣйшей противоположности съ мракомъ пережитыхъ имъ бурь въ прежнее время.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ кончины Златоуста, правитель Анѳимій отправилъ Филиппа съ весьма важными порученіями въ Константинополь. Охраняемый императорскимъ конвоемъ, онъ проѣзжалъ тѣмъ же самымъ путемъ, по которому когда то ѣхалъ вмѣстѣ съ воинами Авреліана, когда онъ, будучи совершенно безъизвѣстнымъ мальчикомъ, сопровождалъ Златоуста, несознательно приближаясь къ исполненію своей таинственной судьбы. Естественно, что при этихъ, столь измѣнившихся обстоятельствахъ онъ невольно долженъ былъ оживить въ себѣ много воспоминаній; но теперь, подъ вліяніемъ благословеннаго мира и семейнаго счастья, а также и успѣховъ по службѣ, успѣли уже значительно сгладиться мрачныя впечатлѣнія пережитыхъ бурь и невзгодъ. На нѣсколько дней онъ остановился на небольшой фермѣ, теперь принадлежавшей Палладію, бывшему епископу еленопольскому, который изгнанъ былъ съ своей каѳедры, какъ іоаннитъ. Отъ Филиппа, Палладій

главнымъ образомъ, и получилъ самыя точныя свѣдѣнія, столь картинно потомъ изложенная имъ, объ изгнаніи и послѣднихъ дняхъ Златоуста, — свмдѣнія, которыя онъ и изложилъ въ своемъ знаменитомъ діалогѣ *). Онъ посѣтилъ также развалины церкви православныхъ готовъ, гдѣ онъ былъ свидѣтелемъ, страшнаго побоища, и съ любопытствомъ осматривалъ, теперь уже почти закончившееся, возстановленіе храма святой Софіи и сената. Съ сердечнымъ привѣтствіемъ онъ принятъ былъ своимъ другомъ Авреліаномъ, теперь во второй разъ преторіанскимъ префектомъ, царедворцами Амантіемъ и Бризономъ. Естественно, что онъ побывалъ и въ томъ домѣ въ Халкопратіи, гдѣ впервые увидѣлъ Маріамь, свою возлюбленную жену, и Давида, други своей жизни. Не преминулъ онъ побывать даже и въ патріархіи, съ которою былъ такъ хорошо знакомъ. Патріарха Аттика онъ не хотѣлъ безпокоить, но служитель показалъ ему ѳомаиту и его старую спальню, а также переднюю комнату, гдѣ онъ своими сотоварищами когда-то провелъ такъ много счастливыхъ часовъ; затѣмъ, охваченный тяжелыми, но вмѣстѣ и сладостными чувствами, поникнувъ головой и сложивъ руки, онъ вошелъ въ комнату, которая была кабинетомъ великаго патріарха. Теперь она уже совершенно не походила на то, чѣмъ была въ старое время; она была теперь превращена въ частную гостиную и, богато убранная коврами и занавѣсями, носила на себѣ всѣ признаки того великолѣпія, которымъ когда-то блестѣлъ патріаршій домъ во времена патріарха Нектарія. Цѣлымъ роемъ пронеслись въ головѣ Филиппа всѣ сладостныя воспоминанія о прошломъ. Чтобы закрыть книгу этихъ воспоминаній и глубже запечатлѣть ихъ въ своемъ сердцѣ, сталъ на колѣна и долго, хотя и безмолвно, молился у безвѣстной могилы своего возлюбленнаго друга и мученика Евтихія.

Затѣмъ онъ счелъ своимъ долгомъ посѣтить и Никарету въ ея скромномъ домѣ, въ которомъ она жила послѣ конфискаціи ея

*) Это превосходное сочиненіе Палладія еленопольскаго, изложенное въ діамической формѣ, служитъ главнымъ первоисточникомъ для жизнеописанія св. Іоанна Златоуста. Оно помѣщено въ первомъ томѣ „Opera omnia“ св. І. Златоуста съ лицами Минія, на греческомъ и латинскомъ языкахъ.

Перев.

имущества, и съ радостью убѣдился, что высокочтимая старица была и въ своей бѣдственности такой же бодрой и веселой, какою была при своемъ богатствѣ. Она все еще и теперь посѣщала бѣдныхъ съ своей лекарственной коробкой и Филиппъ, котораго она нашла столь же неугомоннымъ, какъ всегда, шутливо назвалъ себя жертвой всевозможныхъ неслыханныхъ болѣзней и просилъ у нея всевозможныхъ пилюль и пластырей для возможно вѣрнаго излеченія отъ преждевременной полноты и другихъ недуговъ, слѣды которыхъ, какъ онъ былъ увѣренъ, Никарета могла замѣтить на его лицѣ, хотя оно сіяло самымъ завиднымъ здоровьемъ.

Послѣ этого ему уже никогда опять не пришлось видѣться съ нею. Онъ посѣтилъ и Олимпіаду на ея виллѣ въ Кизикѣ и она съ живѣйшимъ интересомъ слушала о всѣхъ подробностяхъ смерти того, котораго она называла не иначе какъ: «святымъ мученикомъ Божіимъ». Она никогда уже не освободилась отъ глубоко объявшей ее меланхоліи, овладѣвшей ея духомъ среди страшнаго напора бѣдствій, которымъ ознаменовалось служеніе незабвеннаго патріарха. Она умерла въ Никомидіи, куда переѣхала изъ Кизика. Впослѣдствіи разсказывали, что на смертномъ одрѣ ей было видѣніе, повелѣвавшее, чтобы гробъ ея выброшенъ былъ въ море. Когда онъ дѣйствительно былъ выброшенъ, то вѣтромъ и волной отнесенъ былъ изъ Пропонтиды въ Босфоръ; теченіемъ отнесло его отъ злого города Константинополя и онъ выброшенъ былъ къ противоположному берегу въ Брокѳахъ, гдѣ тѣло ея было погребено и гдѣ у гроба ея совершалось много чудесъ.

Прежде чѣмъ оставить Константинополь, Филиппъ опять былъ позванъ на частную аудіенцію къ императору. Аркадій встрѣтилъ его съ необычайной теплотой и опять просилъ его, устранивъ всѣ церемоніи и формальности, говорить съ нимъ совершенно свободно, какъ съ простымъ человѣкомъ.

— Я чувствую себя нѣсколько одинокимъ послѣ смерти Евдоксіи, сказалъ онъ, и хотя я утѣшаюсь веселымъ лепетомъ моихъ дѣтей, однако, не часто нахожу человѣка, съ которымъ бы можно было поговорить по душѣ и вполнѣ по-дружески. Я надѣюсь, что ты счастливъ въ Антіохіи, Филиппъ. Анѳимію я наказалъ, чтобы онъ хорошенько заботился о тебѣ, и надѣюсь, что его сіятельство исполнилъ мое желаніе.

— Онъ былъ въ высшей степени добръ ко мнѣ, сказалъ Филиппъ; я смиренно благодарю твою императорскую милость ко мнѣ.

— Ты знаешь, что я много обязанъ тебѣ, Филиппъ, и хочу показать себя благодарнымъ. Ты уже раньше видѣлъ мой почеркъ,—я нѣсколько горжусь имъ; вотъ еще и другіе образцы его. Возьми и прочти.

Это былъ дипломъ на дворянство. Филиппъ съ изумленіемъ прочелъ, что въ этомъ дипломѣ императоръ возводилъ его въ рангъ illustris. Аркадій съ улыбкой смотрѣлъ на него. Филиппъ сталъ на одно колѣно, поцѣловалъ протянутую императоромъ руку и, горячо благодаривъ его за этотъ великій знакъ милости, сказалъ, что онъ приложитъ всѣ свои старанія, чтобы содѣйствовать исполненію наилучшихъ желаній императора.

— Ты уже и безъ того сдѣлалъ все это, милостиво сказалъ Аркадій. Антіохія никогда не находилась въ болѣе спокойномъ и удовлетворительномъ состояніи, чѣмъ теперь, и Анѳимій пишетъ мнѣ, что этимъ онъ обязанъ въ большой степени не только твоей способности и честности, но также и твоей громадной популярности среди твоихъ согражданъ. Они навѣрно также какъ и ты, будутъ довольны рангомъ, въ который я возвелъ тебя. Но теперь я хотѣлъ бы, чтобы ты мнѣ все разсказалъ о смерти бѣднаго патріарха Іоанна.

Аркадій, отчасти, былъ самъ изумленъ потокомъ своего краснорѣчія «но вѣдь, подумалъ онъ, про себя, у меня такъ много интригановъ, сикофантовъ, искателей мѣстъ и лицемѣровъ всякаго рода, что мнѣ не болѣе раза въ году удастся поговорить съ искреннимъ и надежнымъ человѣкомъ».

Филиппъ разсказалъ ему о послѣднихъ событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, и Аркадій глубоко вздохнулъ.

— Я никогда не хотѣлъ всего этого, сказалъ онъ; я не давалъ никакихъ для этого приказаній; все это было сдѣлано его врагами. Я прикажу Авреліану изгнать этого негодяя Секунда и повысить Киѳегія.

— Ты, государь, милостиво позволяешь мнѣ свободно говорить съ тобой, сказалъ Филиппъ. Мнѣ думается, я не злоупотреблю этой свободой, если осмѣлюсь попросить, чтобы ты велѣлъ Аттику

внести имя Іоанна въ диптихъ и возвратить его останки изъ Команы и похоронить ихъ въ святой Софіи.

Аркадій шире обыкновеннаго раскрылъ свои глаза.

— Ахъ, сказалъ онъ, опять вздыхая; ты мало знакомъ, какія смуты и непріятности могутъ возникнуть отсюда. Я не смѣю. Быть можетъ это будетъ сдѣлано впослѣдствіи моимъ сыномъ. Видѣлъ ли ты когда нибудь моего маленькаго порфиророднаго?

— Государь, я видѣлъ его только еще младенцемъ, сказалъ Филиппъ, когда его крестили въ соборѣ и когда въ маленькой рукѣ Августа было прошеніе, которое ради его ты милостиво удовлетворилъ, даровавъ просимое моему доброму другу, епископу газскому.

— Такъ ты долженъ повидѣть его, сказалъ Аркадій, и, позвонивъ въ золотой колокольчикъ, приказалъ явившемуся на зовъ, пышно одѣтому рабу привесть къ нему молодого Августа.

Маленькій царевичъ, ребенокъ шести лѣтъ, былъ введенъ начальникомъ палатъ. Онъ былъ въ пурпурныхъ шелковыхъ одеждахъ, отороченныхъ золотомъ, и былъ прекрасный мальчуганъ, въ которомъ скорѣе воспроизвелась изящная красота его франкской матери, чѣмъ бѣдная натура его отца. Аркадій, чрезвычайно любившій его и гордившійся имъ, взялъ его на руки и прижалъ къ своему сердцу.

— Кто ты? спросилъ царственный мальчикъ, когда Филиппъ выразилъ ему знаки своего почтенія.

— Это, сказалъ Аркадій, Филиппъ, illustris Антіохіи и когда ты сядешь на престолъ твоего отца, мой Ѳеодосій, то ты долженъ знать и любить его и онъ будетъ твоимъ добрымъ слугой и совѣтникомъ.

— Мнѣ нравишься ты, пролепеталъ мальчикъ, смотря на Филиппа своими большими глазами. Я хочу поцѣловать тебя.

Филиппъ немного смутился отъ этой необычной чести, которую хотѣлъ оказать ему августѣйшій ребенокъ, но Аркадій сказалъ: «поцѣлуй его, мой мальчикъ, и помни его».

Филиппъ невольно вспомнилъ при этомъ о своемъ маленькомъ Евтихіѣ и горячо поцѣловалъ его съ своей стороны. Затѣмъ императоръ отослалъ мальчика обратно въ пурпурную палату и сказалъ Филиппу:

— Послѣ постигшихъ насъ бѣдствій—градовой бури—землетрясенія, ниспровергшаго золотой крестъ на Капитоліѣ, послѣ голода и язвъ, послѣ слуховъ о смутахъ на востокѣ и западѣ, мнѣ невольно думалось, что Богъ прогнѣвался на меня, но когда я смотрю на моихъ малютокъ—Пульхерію, Аркадію, Марину и Θеодосія, то во мнѣ является увѣренность, что я прощенъ, хотя преподобный Нилъ и не далъ мнѣ одобренія. Слышалъ ли ты о знаменитомъ проявленіи милосердія, которое Богъ далъ мнѣ нѣсколько дней тому назадъ?

— До меня дошелъ только весьма смутный слухъ, сказалъ Филиппъ.

— Я ѣздилъ на богомолье въ Карію, большую мартирію у орѣховаго дерева, на которомъ повѣшенъ былъ мученикъ Акакій. Едва я вышелъ изъ этой церкви, а за мной и вся многочисленная толпа присутствующихъ, какъ все зданіе мгновенно обрушилось. Если бы это произошло хоть минутой раньше, то цѣлыя сотни народа были бы задавлены до смерти. Народъ увидѣлъ въ этомъ чудо, потому что рѣшительно никто не пострадалъ. Это событіе сдѣлало меня весьма счастливымъ.

— Это несомнѣнно было чудесное избавленіе, государь, и явный знакъ Божія покровительства.

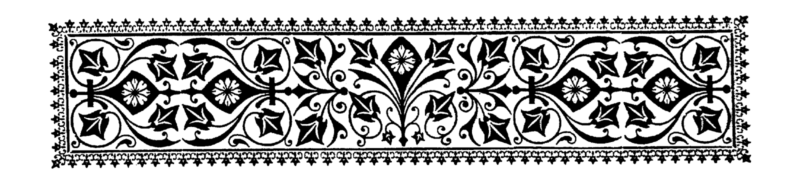
— Прощай, мой добрый illustris, сказалъ императоръ. Я не здоровъ. Не думаю, чтобы моя жизнь протянулась долго. Предъ уходомъ возьми вотъ это и носи въ память обо мнѣ, какъ знакъ моего благоволенія, — я почти долженъ сказать — моей любви.

Императоръ снялъ съ своей руки перстень, усыпанный безчисленными смарагдами, и надѣлъ его на палецъ Филиппа.

— Сіятельный сановникъ долженъ имѣть и украшеніе, сообразное съ своимъ саномъ, прибавилъ императоръ.

— Я не знаю, какъ и благодарить тебя, государь, за столь многія и великія милости, сказалъ Филиппъ, опять цѣлуя руку императора. Постараюсь быть достойнымъ ихъ и ежедневно буду молить Бога о твоемъ благоденствіи.

Послѣ этого они ужъ никогда не видѣлись. Аркадій умеръ 1-го мая 408 года черезъ семь мѣсяцевъ послѣ кончины Златоуста. Ему было всего 31 годъ отъ роду и преемникомъ ему былъ маленькій Θеодосій II-й, отъ имени котораго сначала управляла его сестра Пульхерія въ качествѣ регентши.

ГЛАВА LXIX.

Положеніе дѣлъ на западѣ.

Такимъ образомъ Филиппъ возвратился въ Антіохію знатнымъ человѣкомъ со смарагдовымъ перстнемъ императора на рукѣ и возведенный въ санъ, который давалъ ему мѣсто среди первѣйшихъ сановниковъ города. И чтобы увеличить его счастіе, Маріамь подарила ему другого прекраснаго сына, которому при крещеніи дано было имя Іоаннъ.

Македоній кротко предостерегалъ его отъ опасности чрезмѣрнаго упоенія такимъ внезапнымъ и необычайнымъ успѣхомъ въ жизни.

— Ты еще молодъ, Филиппъ, говорилъ онъ, и теперь ты богатъ и знатенъ, пользуешься великой милостью правителя востока и даже самого императора. У тебя прекрасная жена, двое превосходныхъ мальчиковъ, и твоя будущность, повидимому, обезпечена; но, сынъ мой: «какая польза человѣку, если онъ міръ весь пріобрящетъ, а душу свою отщетитъ?»

— Отецъ мой, отвѣчалъ Филиппъ, несчастіе было для меня, если и суровымъ, то благословеннымъ учителемъ. Оно научило меня цѣнить вещи по ихъ истинному значенію. Я знаю, что у богатства есть крылья, на которыхъ оно можетъ улетѣть; я знаю, что земное счастіе болѣе хрупко, чѣмъ стекло; знаю, что жизнь не надежна и въ лучшемъ смыслѣ очень коротка. Поэтому я ежедневно молюсь, чтобы никакія земныя сокровища не заставили меня забыть сокровища, ожидающаго насъ на небесахъ.

— Я вѣрю тебѣ, сынъ мой, сказалъ Македоній, и Богъ да поддержитъ тебя въ этомъ настроеніи!

Филиппъ получилъ отъ Калліаса поздравительное письмо. Калліасъ не былъ для него такимъ давнимъ и близкимъ другомъ, какъ Давидъ и Евтихій; но Филиппъ былъ преданъ ему и зналъ его за честнаго и вѣрнаго человѣка.

Какъ въ этомъ своемъ письмѣ, такъ и въ послѣдующихъ, Калліасъ сообщалъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія изъ жизни запада. Сначала онъ передалъ ему поразительную вѣсть объ умерщвленіи Стилихона и о томъ, какъ вмѣстѣ съ нимъ рушились и всѣ надежды и честолюбивые замыслы его дома, и это имѣло глубочайшій интересъ для Филиппа, потому что онъ изъ поэмъ Клавдіана привыкъ съ восторгомъ относиться къ храброму и величественному вандалу.

Стилихонъ палъ жертвой негодныхъ интригъ придворной клики, и дѣйствительно онъ уже давно былъ предметомъ самой злобной зависти, какъ чужеземецъ. Люди узкихъ чувствъ и ограниченнаго ума не могли понять его широкой и дальновидной политики. Это гнусное убійство было главнымъ образомъ дѣломъ лицемѣра Олимпія, котораго онъ самъ когда-то возвелъ изъ грязи, но который своимъ ласкательствомъ втерся въ довѣріе къ Гонорію и умѣлъ скрывать свое коварство подъ личиной фарисейства, обманывавшаго даже такихъ людей, какъ блаженный Августинъ. Низкія козни, направленныя къ низверженію великаго вандала-полководца, нашли свое завершеніе въ Павіи, гдѣ войска, по тайному наущенію, возмутились и избили его приверженцевъ. Онъ могъ бы двинуться изъ Болоньи, гдѣ находился въ это время; могъ бы подавить заговоръ и овладѣть флотомъ. Но онъ выдержалъ долгъ своего вѣрноподданства, и этимъ такъ глубоко раздражилъ сильнаго и дикаго готскаго военачальника Сара, что тотъ неожиданно напалъ на лагерь Стилихона, избилъ его гунновъ-тѣлохранителей и заставилъ вандала бѣжать въ Равенну для спасенія своей жизни. Такъ какъ смуты кругомъ усложнялись, то онъ бѣжалъ въ церковь, ища тамъ убѣжища. Тамъ онъ и нашелъ свою трагическую кончину, благодаря одному изъ тѣхъ гнусныхъ пріемовъ коварства, широкая распространенность которыхъ показывала, что народъ стоялъ наканунѣ своей гибели. Арестовать его явился Ге-

ракліанъ съ отрядомъ войска и Стилихонъ соглашался оставить святилище, если императоръ дастъ ему клятву, что жизнь ему будетъ пощажена. Ему показали письмо отъ Гонорія въ этомъ смыслѣ и онъ вышелъ; но какъ только вышелъ изъ церкви, ему показано было и другое письмо, въ которомъ повелѣвалось, чтобы его немедленно убили, какъ общественнаго врага. Даже и въ этотъ послѣдній моментъ его друзья и воины хотѣли во чтобы то ни стало спасти его; но онъ запретилъ и устранилъ всѣ ихъ усилія и, ставъ на колѣна, подставилъ свою шею подъ ударъ жалкаго Геракліана, который мечемъ отрубилъ ему голову. За это звѣрское убійство онъ былъ возведенъ въ санъ правителя Африки; но туда онъ отправился только для того, чтобы впослѣдствіи найти себѣ тамъ праведное возмездіе.

Гибель Стилихона естественно повлекла за собою и гибель его семейства. Уже раньше разведшійся съ старшей дочерью Маріей, Гонорій теперь развелся и съ ея младшей сестрой Термантіей, и она подъ конвоемъ отправлена была къ своей матери Серенѣ въ Римъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Евхеріемъ. Евхерій былъ умерщвленъ по приказанію императора, какъ только прибылъ въ Римъ. Подъ вліяніемъ чувства ревности и безосновательнаго опасенія, какъ бы Серена не передала города Алариху, римляне добились того, что и она подвергнута была казни, и молва говорила, что она была задавлена въ темницѣ тѣмъ самымъ жемчужнымъ ожерельемъ, которое она взяла со статуи Весты. Вскорѣ затѣмъ умерли Термантія и Марія и съ ними закончило свою ужасную судьбу все семейство Стилихона, этого тестя императора и въ теченіе долгаго періода бывшаго властелиномъ западнаго міра.

Быстрое возмездіе обрушилось на всѣхъ соучастниковъ этого гнуснаго заговора. Съ удаленіемъ единственнаго великаго полководца, который могъ еще сдерживать напоръ готовъ, открылся свободный путь для Алариха. Три раза онъ овладѣвалъ Римомъ. При одномъ изъ этихъ случаевъ, онъ имѣлъ знаменитый разговоръ съ римскимъ посланникомъ и при немъ, въ качествѣ скорописца, у папы Иннокентія присутствовалъ Калліасъ, такъ что это событіе увѣковѣчено въ исторіи именно на основаніи сдѣланной имъ записи. Послы сначала приняли высокомѣрный тонъ, который впрочемъ ни на моментъ не смутилъ Алариха и который (какъ раз-

сказывалъ Калліасъ Филлипу) невольно заставилъ Торисмунда и Валамира, стоявшихъ рядомъ съ царственнымъ вестготомъ, широко улыбнуться. Они хвастливо говорили о безчисленномъ множествѣ жителей въ вѣчномъ городѣ и о его неистощимомъ богатствѣ.

— Чѣмъ гуще сѣно, тѣмъ легче косить его, отвѣтилъ Аларихъ.

— Что же ты оставишь намъ?

— Ваши жизни, съ ядовитой усмѣшкой отвѣтилъ онъ.

Злополучные римляне, доведенные, въ виду завоеванія Аларихомъ Остіи, до безвыходнаго положенія, при которомъ имъ угрожала голодная смерть, едва въ состояніи были уплатить выкупъ, потребованный Аларихомъ, и съ этой цѣлью даже принуждены были — зловѣщее предзнаменованіе! — расплавить статую Доблести (Virtus). Этимъ они доказали, что совсѣмъ уже не обладали той «доблестью», которой когда-то такъ славился Римъ. Калліасу пришлось быть очевидцемъ и многихъ другихъ достопамятныхъ событій въ это роковое для имперіи время. Онъ видѣлъ, какъ жалкій риторъ Атталъ, — не болѣе, какъ легкомысленный стихоплетъ, — украшенъ былъ императорскими регаліями, когда Аларихъ, желая смирить и образумить Гонорія, выдвинулъ ему соперника въ званіи императора. При страшной голодовкѣ, вызванной тѣмъ, что Геракліанъ отрѣзалъ подвозъ хлѣба изъ житницъ Африки, Калліасъ слышалъ, какъ народъ кричалъ Атталу въ амфитеатрѣ: «Pone pretium carne humanae» (назначь цѣну на человѣческое мясо). Онъ стоялъ рядомъ съ Валамиромъ (относившимся къ нему съ глубокой благодарностью за ту помощь, которую онъ оказалъ ему при его побѣгѣ отъ рабства), когда Аларихъ презрительно снялъ съ Аттала его порфиру и діадему и послалъ ихъ въ знакъ примиренія въ подарокъ Гонорію.

Аларихъ дѣйствовалъ въ глубокомъ сознаніи того, что онъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ судьбы, когда въ третій разъ осадилъ вѣчный городъ, который ни разу не сдавался въ теченіе семи вѣковъ. Одинъ пустынникъ предостерегалъ его, чтобы онъ не подвергалъ слишкомъ ужасному разгрому той столицы, которая въ теченіе тысячелѣтія господствовала надъ міромъ. На это молодой воитель отвѣтилъ, что онъ не только не навлекалъ гнѣва небесъ, совершая дѣло, потрясшее сердца народовъ, а напротивъ,

только повиновался божественному призванію, такъ какъ въ ушахъ у него постоянно раздавался голосъ, приказывавшій ему взять наконецъ вѣчный городъ.

И вотъ, такимъ образомъ 24-го августа 410 года Аларихъ вмѣстѣ съ Торисмундомъ и Валамиромъ, въ полномъ вооруженіи находившимися близъ него, въ полночь ворвались въ Саларійскія ворота Рима и отдали вѣчный городъ на трехдневное разграбленіе.

Хотя большинство готовъ были христіане и они уважали убѣжище при храмахъ, однако было невозможно, чтобы, во время самоуправства огромной орды готскихъ воиновъ въ такомъ городѣ, какъ Римъ съ его вѣками скоплявшимися сокровищами, не произошло разныхъ печальныхъ и жестокихъ сценъ. Оба молодые остгота, Торисмундъ и Валамиръ пылали неукротимой яростью и жаждали отомстить за всѣ тѣ неправды, которыя ихъ, почти истребленный, народъ потерпѣлъ отъ рукъ испорченной цивилизаціи; но они вмѣстѣ съ тѣмъ отличались глубокимъ почтеніемъ къ религіи и, свободно предаваясь разграбленію патриціевыхъ домовъ, употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы предотвратить жестокость и побоища. Валамиръ зналъ тотъ домъ, который предоставленъ былъ папой Иннокентіемъ Калліасу въ окрестностяхъ Латерана, и онъ позаботился, при первой возможности, получить отъ Алариха стражу, которая могла бы оградить безопасность его друга. Самого папы по счастливой случайности не оказалось въ городѣ, потому что онъ отправился къ Гонорію въ Равенну съ цѣлью побудить этого жалкаго, ничего не дѣлавшаго царька принять мѣры къ защитѣ своей столицы. Калліасъ, отправляясь съ письмами къ Иннокентію, сопровождалъ гонца, который отправленъ былъ изъ Рима съ извѣстіемъ, отъ котораго сердца у людей оцѣпенѣли, такъ какъ имъ казалось, что наступилъ конецъ міра,— именно, съ извѣстіемъ о томъ, что вѣчный городъ—властелинъ всего міра, теперь былъ безпомощной добычей варваровъ. Съ этимъ гонцомъ онъ проникъ въ императорскій дворецъ, и глубоко взволнованный евнухъ, съ необычнымъ пренебреженіемъ ко всякому этикету, въ крайнемъ возбужденіи, безъ доклада отдернулъ пурпурный занавѣсъ императорскихъ покоевъ и прямо доложилъ императору:

— Государь, Рома (Roma) погибла! *).

— Развѣ?! крайне удивившись, сказалъ государь; какъ такъ? Да вѣдь только всего какой-нибудь часъ тому назадъ я самъ кормилъ ее изъ моихъ собственныхъ рукъ!

— Не Рома — твоя любимая курица, сказалъ царедворецъ, а городъ Рома, твоя столица — Римъ!

— А-а! отвѣчалъ Гонорій, какъ бы съ чувствомъ облегченія; а я испугался, другъ мой, и думалъ, что издохла моя курица Roma!..

Евнухъ вышелъ, стиснувъ губы въ злостную саркастическую улыбку.

— Вотъ такъ государь, сказалъ онъ, только съ евнухами ему и жить.

Но когда Аларихъ удалилъ свои силы и двинулся въ южную Италію, то положеніе Рима сдѣлалось до крайности жалкимъ и невозможнымъ, онъ представлялъ такую картину нищеты и раззоренія и такъ страдалъ постоянно отъ голода, что Калліасъ порѣшилъ удалиться изъ него, — тѣмъ болѣе, что одна прекрасная римлянка обѣщалась сдѣлаться его невѣстой. Семейство ея жестоко пострадало во время готскаго грабежа, и такъ какъ не было никакой увѣренности въ томъ, что не послѣдуетъ и другихъ набѣговъ со стороны варваровъ, то ему хотѣлось поскорѣе найти для нея болѣе безопасный и счастливый домъ. Объ этомъ онъ упомянулъ и въ письмѣ къ Филиппу.

Филиппъ теперь находился на вершинѣ своихъ успѣховъ и благоденствія. При дворѣ у него былъ другъ Анѳимій и его положеніе еще болѣе упрочилось благодаря его дѣйствительнымъ заслугамъ, которыя тѣмъ болѣе выдавались, что вполнѣ преданные и неиспорченные сановники были далеко не обычнымъ явленіемъ въ то время. Ѳеодосій II, съ необыкновенной быстротой, возвелъ его изъ ранга illustris въ spectabilis. У него родился третій сынъ, котораго онъ назвалъ Давидомъ и дочь, которой при крещеніи онъ далъ имя Анѳусы. Домъ на Сингонской улицѣ былъ теперь недостаточно помѣстителенъ для его потребностей да и не

*) Roma, Рома — правильное названіе вѣчнаго города, неизвѣстно какимъ процессомъ превратившееся у насъ въ искаженное его названіе — Римъ.

Перев.

вполнѣ соотвѣтствовалъ его высокому рангу, въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ сенаторовъ Антіохіи. Поэтому онъ построилъ себѣ новый домъ неподалеку отъ Оронта съ садомъ, виноградникомъ и рощей и съ нѣсколькими фонтанами, сладостно журчавшими въ своихъ мраморныхъ бассейнахь. У него никогда не было наклонности погружаться въ роскошь. Обстановка и убранство его дома были изящны и красивы, но безъ всякой вульгарной выставочности. Онъ помнилъ долгъ благороднаго гостепріимства; и какъ онъ самъ, такъ и Маріамь, предаваясь дѣламъ благотворенія, были надѣляемы сердечными благожеланіями всѣхъ труждающихся и обремененныхъ.

Онъ зналъ способности своего стараго друга и написалъ Калліасу, предлагая ему для жительства свой домъ въ Сингонской улицѣ и обѣщая ему хорошее и почетное мѣсто въ должности префекта востока. Калліасъ съ благодарностью принялъ это предложеніе. Онъ обвѣнчанъ былъ съ своей Марціей въ присутствіи самого папы Иннокентія въ Латеранской базиликѣ. Папа жалѣлъ, что ему приходилось лишиться его услугъ, и, въ знакъ доброй памяти, подарилъ ему золоченую «ampulla» (сосудъ), на днѣ которой имѣлось изображеніе: «трехъ отроковъ въ пещи». Но самъ папа сильно обѣднѣлъ вслѣдствіе разграбленія Рима, и не въ состояніи былъ платить жалованье искусному скорописцу. Онъ видѣлъ, что для Калліаса открывался гораздо лучшій горизонтъ въ Антіохіи и, отправляя его на родину, напутствовалъ его своимъ архипастырскимъ благословеніемъ. Филиппъ и Маріамь съ радостью встрѣтили его и его молодую жену, и онъ нашелъ домъ на Сингонской улицѣ въ такомъ благоустройствѣ и окруженъ былъ такими удобствами, какихъ только можно было желать.

Съ двумя молодыми готами-амалингами Филиппъ разлученъ былъ вслѣдствіе полной неодинаковости ихъ судьбы, но по временамъ онъ слышалъ о нихъ, получая иногда вѣсти и отъ нихъ самихъ. Они участвовали во всѣхъ дѣйствіяхъ Алариха и находили удовольствіе въ смягченіи милосердіемъ неизбѣжныхъ жестокостей, которыми сопровождались побѣдоносные набѣги ихъ соплеменниковъ. Когда готы опустошали Кампанію, то прибыли въ Нолу и схватили добраго епископа Павлина. Разныя украшенія, которыми онъ щедро благоукрасилъ церковь и монастырскія зданія

святого Феликса, дали поводъ готамъ подозрѣвать, что у него были огромныя скрытыя сокровища; но, какъ говоритъ о томъ блаженный Августинъ: «онъ давно уже сложилъ свои сокровища въ нѣдрахъ бѣдняковъ». Въ этомъ, однако, было трудно убѣдить плѣнившихъ его готовъ, и, находясь въ ихъ рукахъ, онъ возносилъ молитву: «Господи, не дай мнѣ потерпѣть мученіе ради золота и серебра, ибо Ты знаешь, куда пошло все мое богатство». Благодаря вмѣшательству и настойчивымъ убѣжденіямъ Валамира, онъ былъ освобожденъ грубыми воинами и избавленъ онъ дальнѣйшихъ непріятностей, хотя онъ потерялъ и то немногое, что у него осталось и, послѣ сравнительнаго достатка, повергся въ крайнюю бѣдность. Онъ былъ благодаренъ Валамиру за это благородное покровительство, далъ ему свое епископское благословеніе и сказалъ, что помолится о немъ святому Феликсу.

— Благодарю тебя, отецъ, отвѣчалъ Валамиръ; я сдѣлалъ только то, что требуетъ долгъ отъ каждаго христіанина.

Братья-готы вмѣстѣ съ Аларихомъ двинулись въ городъ Регіумъ, были свидѣтелями его неудержимой скорби, причиненной гибелью въ бурныхъ проливахъ флота, съ которымъ онъ намѣревался отправиться для покоренія Африки, и стояли у его смертнаго одра въ 410 году въ Консенціи. Когда онъ, еще имѣя не болѣе 31 года, отошелъ въ вѣчность, оставляя неисполненными столь многіе изъ своихъ широкихъ плановъ. Аларихъ любилъ ихъ и полагался на нихъ больше, чѣмъ на кого бы то ни было изъ своихъ сподвижниковъ. Они именно закрыли ему глаза и получили отъ него послѣднее слабое пожатіе его умирающихъ рукъ.

Готы отвели теченіе небольшой рѣки Бузентина, сдѣлали холмъ надъ его останками, украсили его драгоцѣнной добычей и трофеемъ Рима и направили бурный потокъ опять въ его прежнее русло. При этомъ они убили плѣнниковъ, исполнившихъ эту работу, чтобы никто не зналъ, гдѣ лежитъ ихъ герой, и не нарушили бы или даже не ограбили бы мѣста его упокоенія.

Торисмундъ и Валамиръ съ крайнимъ неодобреніемъ отнеслись къ этому послѣднему акту варварства. Подобныя дикія дѣла заставляли ихъ отчаяваться въ готахъ, которые нуждались въ цивилизаціи и самообладаніи, чтобы сдѣлаться постоянными властелинами западнаго міра.

На мѣсто Алариха готы выбрали королемъ Атаульфа — храбраго и красиваго шурина Алариха и вслѣдъ за погребеніемъ его шурина, торжественно подняли его на щиты.

Но былъ одинъ человѣкъ, противъ котораго въ груди Торисмунда кипѣли неукротимыя чувства гнѣва и на котораго онъ желалъ излить мщеніе, исполненіе котораго считалъ своимъ долгомъ. Это былъ Саръ, котораго Торисмундъ считалъ предателемъ своихъ соплеменниковъ, дѣйствительнымъ убійцей Стилихона, оскорбителемъ и наслѣдственнымъ врагомъ Алариха. Саръ былъ воинъ исполинскаго роста и геркулессовской силы. За свои предательскія услуги возведенъ былъ въ санъ «магистра воинствъ» *). Но то же самое легкомысліе, съ которымъ онъ возсталъ противъ Стилихона, побудило его оставить Гонорія и перейти на сторону узурпатора Іовина. Атаульфъ услышалъ, что онъ рыскалъ по странѣ съ небольшой горстью приверженцевъ; поэтому послалъ большой отрядъ подъ начальствомъ Торисмунда схватить его. Но отважный молодой остготъ лично бросился на Сара во главѣ маленькаго конвоя. Саръ съ своими тѣлохранителями оказали чудеса храбрости. Торисмундъ пришпорилъ на него своего коня и ранилъ его копьемъ, но на смерть былъ пораженъ сильной рукой военачальника. Столкнувшись лицомъ къ лицу съ Саромъ, одинъ готъ ловко набросилъ ему сѣтку на голову; тотъ запутался въ ней, повалился на землю и, обезоруженный, живымъ приведенъ былъ къ Атаульфу, который, высказавъ ему горькіе укоры, приказалъ предать его казни.

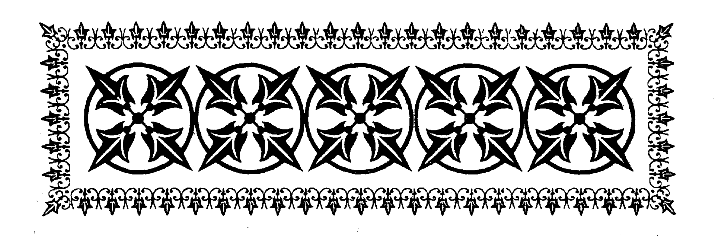
Валамиръ долго оплакивалъ столь неожиданную кончину своего брата. Теперь онъ былъ послѣднимъ амаломъ въ своемъ племени и единственно только возвышенные уроки, полученные имъ въ дѣтствѣ отъ Евтихія въ патріархіи, не допустили его впасть въ мрачную меланхолію и отчаяніе. Атаульфъ любилъ и цѣнилъ его не менѣе, чѣмъ Аларихъ, и онъ оказывалъ на вестгота сильное и благотворное вліяніе. Онъ присутствовалъ на знаменитой свадьбѣ Атаульфа съ римской принцессой Плацидіей въ Нарбоннѣ, когда готскій король подарилъ своей прекрасной нѣвѣстѣ, въ качествѣ рабовъ, 50 юношей, наряженныхъ въ роскошныя серебря-

*) Magister Militum — главный начальникъ военнаго министерства.

ныя одежды, при чемъ каждый юноша колѣнопреклоненно подносилъ ей золотую чашу, наполненную рубинами и другими драгоцѣнностями, — изъ добычи доставшейся при расхищеніи Рима. Онъ сдѣлался постояннымъ сподвижникомъ Атаульфа и былъ съ нимъ въ Барцелонѣ, когда послѣдній палъ жертвой смертельнаго удара въ спину, которымъ искалѣченный рабъ Вернульфъ отомстилъ за своего бывшаго господина, Сара. Валамиръ ударомъ меча на смерть положилъ кровожаднаго негодяя. Вопреки всѣмъ его желаніямъ и самымъ настойчивымъ просьбамъ, готы избрали своимъ новымъ королемъ Сигерика,— брата Сара. Сигерикъ питалъ сильное неудовольствіе противъ него. Когда новый король, который былъ даже хуже и грубѣе своего брата Сара, подвергъ унизительному оскорбленію дочь великаго Θеодосія, заставивъ Плацидію пѣшкомъ пройти двѣнадцать миль передъ своей колесницей, Валамиръ такъ открыто и горячо выразилъ свое негодованіе, что произошла ссора. Сигерикъ, въ приступѣ ярости, собственноручно пронзилъ его мечомъ.

Такъ закончилось племя остготскихъ амаловъ изъ дома Гайны. Жизнь ихъ вообще была коротка и исполнена трагизма. Они взялись за мечъ и, подобно столь многимъ воителямъ того времени, сами погибли отъ меча.

ГЛАВА LXX.

Счастливое дѣтство и годы благоденствія.

Какъ цвѣты розъ въ весеннее время года
и какъ лиліи у потоковъ водъ.
Іисусъ, сынъ Сираха.

АМЪ нѣтъ надобности изображать годы мирной и благополучной жизни Филиппа. Михаилъ умеръ и былъ погребенъ въ церкви Назарета. Давидъ становился все болѣе и болѣе вліятельнымъ и уважаемымъ человѣкомъ во всей сѣверной Палестинѣ. По просьбѣ правителя Іерусалима онъ сдѣланъ былъ уполномоченнымъ старшиной провинціи, и такъ какъ онъ пользовался всеобщей любовью и довѣріемъ, то доходы Галилеи правильно и безъ всякаго замедленія поступали въ императорскую казну. Это содѣйствіе, оказанное правительству Деспосиномъ, было такъ замѣтно, что и онъ также возведенъ былъ въ санъ illustris и удостоился одобренія императора. Онъ не разъ бывалъ въ Антіохіи, а Филиппъ съ Маріамъ не разъ посѣщали его въ Лубіехѣ.

Такъ какъ ихъ старшіе мальчики были однихъ лѣтъ, то они порѣшили, чтобы Евтихій и Іоаннъ, сыновья Филиппа, съ Филиппомъ и Андреемъ, сыновьями Давида, совмѣстно получили религіозное воспитаніе въ Антіохіи подъ руководствомъ епископа Евстаѳія, который по смерти Порфирія, послѣ 85-лѣтняго раздѣленія, наконецъ объединилъ подъ своей властью разрозненную

паству. При этомъ случаѣ, Давидъ съ своимъ семействомъ сдѣлалъ продолжительный визитъ своимъ друзьямъ и родственникамъ въ Антіохіи.

Въ четырнадцатую годовщину дня рожденія наслѣдника Филиппа, въ ихъ новомъ домѣ на берегахъ Оронта состоялось небольшое празднество. На это празднество былъ приглашенъ и Калліасъ съ своимъ сыномъ Иннокентіемъ и съ своими маленькими дочерьми Галлой и Пульхеріей, и роща, садъ вокругъ дома Филиппа, а также виноградникъ у берега рѣки, увѣшанный роскошными пурпурными гроздами, оглашался въ этотъ вечеръ веселыми криками молодыхъ людей, когда всѣ эти дѣти беззаботно играли между собою.

Мальчики устроили гимнастическія состязанія полный пентаѳлонъ *), въ которомъ они состязались съ нѣкоторыми родственниками во-второмъ поколѣніи друзей дѣтства Филиппа, именно Ахилла и Эроса,—тѣхъ, что понесли жестокую казнь во время страшнаго мятежа въ Антіохіи. Маленькія дѣвочки Калліаса плели изъ лавровъ и петрушекъ гирлянды, переплетая ихъ розами, чтобы увѣнчать ими побѣдителей. Филиппъ далъ своимъ дѣтямъ здоровое физическое воспитаніе молодыхъ грековъ, такъ что они своимъ искусствомъ превосходили мальчиковъ Давида. Изъ пяти состязаній они оказались побѣдителями въ бросаніи диска и въ метаніи дротика; но мускулистые сыновья Давида, привыкшіе къ полной пастушеской жизни на холмахъ Галилеи, превзошли ихъ въ прыганіи и бѣганьи и равными оказались въ борьбѣ.

Сидя у фонтана, старые друзья Филиппъ, Давидъ и Калліасъ съ матерями своихъ дѣтей весело и радостно смотрѣли на беззаботныя дѣтскія игры. Филиппу невольно припомнился тотъ день, когда онъ боролся съ Торисмундомъ въ саду своего духовнаго отца и когда ему припомнилось все, что произошло съ того времени, то тѣнь скорби прошла по его душѣ.

— Ахъ, Давидъ, сказалъ онъ, это были счастливые дни! Но когда я вспомню все то, что намъ пришлось перенесть потомъ,

---

*) Πένταθλον — Pentathlum — гимнастическій терминъ, означавшій состязаніе въ пяти дѣйствіяхъ — бросаніи диска, бѣгѣ, прыганіи, борьбѣ и метаніи дротика (discus, cursus, saltus, lucta et jactatio). У римлянъ это состязаніе называлось также quinquertium. Перев.

то я почти ужасаюсь при мысли о неизбѣжности тѣхъ испытаній, которыя должны будутъ обрушиться и на этихъ веселыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Будемъ пользоваться счастьемъ настоящаго, отвѣчалъ Давидъ; зачѣмъ омрачать его предчувствіемъ будущихъ дней?

Но Филиппъ какъ бы про себя прочелъ слѣдующія строки изъ Гомера:

Все на землѣ измѣняется, все скоротечно; всего же,
Что ни цвѣтетъ, ни живетъ на землѣ, человѣкъ скоротечнѣй;
Онъ о возможной въ грядущемъ бѣдѣ не помнитъ, покуда
Счастіемъ боги лелѣютъ его и стоитъ на ногахъ онъ;
Если жъ бѣду ниспошлютъ на него всемогущіе боги,
Онъ негодуетъ, но твердой душой неизбѣжное сноситъ:
Такъ суждено ужъ намъ всѣмъ, на землѣ обитающимъ людямъ *).

— Да, такъ и это должно быть, Давидъ. Мы можемъ благодарить Бога, что мы не безсмертны. Мы можемъ благодарить Его, что жизнь добраго человѣка, какъ бы она ни закончилась, обыкновенно увѣнчивается благословеннымъ первородствомъ смерти.

— Что ты скажешь, мой молчаливый Калліасъ? спросилъ Филиппъ.

— Я скажу, отвѣчалъ Калліасъ, что если мы, по милости Божіей, оставимъ нашимъ дѣтямъ драгоцѣнное наслѣдство характера и добраго примѣра, то оставимъ имъ лучшее сокровище, и этого будетъ болѣе, чѣмъ довольно для нихъ.

Въ этотъ моментъ радостно вбѣжалъ сынъ Филиппа, — живая картина здоровья и счастья.

— Блистательный и сіятельный вельможи, — началъ онъ съ поклономъ напускной важности по направленію къ своему отцу и къ Давиду, — и ты, господинъ секретарь, и вы, госпожи, всѣ вы приглашаетесь голосомъ герольда прійти и посмотрѣть увѣнчанныхъ побѣдителей.

— А кто же оказались въ пентаѳлонѣ великими побѣдителями? спросилъ Филиппъ.

— Твой старшій сынъ, о великій сенаторъ, которому сегодня

*) Одисс. XVIII, 130—136, въ переводѣ Жуковскаго.

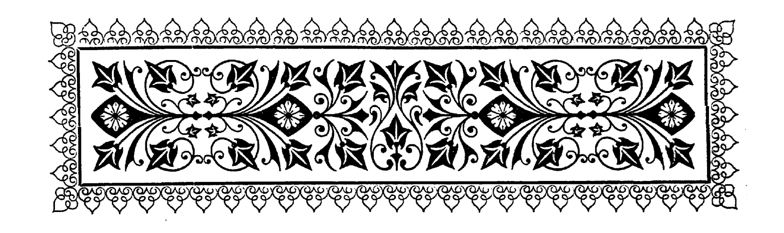
исполнилось 14 лѣтъ и который долженъ быть одѣть въ мужскую тогу, и твой сынъ, блистательный господинъ, сказалъ онъ съ задорнымъ смѣхомъ въ своихъ прекрасныхъ глазахъ, кланяясь Давиду.

Всѣ встали и пошли въ виноградникъ, гдѣ на зеленой открытой площадкѣ у рѣки имъ представился цѣлый маскарадъ герольдовъ и азіарховъ*), и тамъ, среди громкихъ рукоплесканій со стороны товарищей, дѣвочки Калліаса возлагали гирлянды на темные локоны двухъ мальчиковъ, которые затѣмъ были одѣты въ праздничныя одежды, и въ торжественной процессіи отведены были на праздничное торжество, приготовленное для нихъ Маріамью.

Престарѣлый Македоній, сидя неподалеку подъ густой листвой деревъ, съ отеческой улыбкой наблюдалъ за всѣмъ этимъ и, поднявъ свои старческія руки, благословлялъ ихъ счастливое дѣтство.

---

*) Азіархами—назывались въ малоазійскихъ городахъ особые почетные горожане, которые выбирались въ качествѣ устроителей и руководителей общественныхъ игръ и увеселеній и которымъ на это время присвоивались роскошныя, золотомъ шитыя одежды. Перев.

ГЛАВА LXXI.

Воздаяніе послѣднихъ почестей.

Въ ПОСЛѢДУЮЩІЕ годы случилось событіе, которое пролило цѣлый потокъ радости въ благодарныя сердца трехъ друзей, бывшихъ когда-то секретарями патріарха. Это было въ 437 году, когда они всѣ трое были уже въ пожилыхъ лѣтахъ. Это было торжество истины и невинности, окончательная награда со стороны высшей Правды попранной памяти ихъ великаго благодѣтеля и отца, патріарха константинопольскаго Іоанна. Въ это время его уже всѣ начали называть восторженнымъ титуломъ Златоуста, которымъ впослѣдствіи почти совсѣмъ вытѣснено было его собственное личное имя. У него было два преемника — Арсакій, который умеръ въ 405 году, и Аттикъ, умершій въ 425 году. Аттикъ не смотря на сильное противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ приверженцевъ Ѳеофила александрійскаго, подъ давленіемъ единогласнаго мнѣнія западной церкви, равно какъ и всѣхъ лучшихъ и благочестивыхъ представителей восточной церкви, принужденъ былъ внести имя Іоанна въ диптихъ церкви константинопольской. Послѣдующіе патріархи уже не были противниками великаго святителя, а въ 494 году на патріаршій престолъ былъ возведенъ Проклъ, который самъ когда-то былъ чтецомъ и секретаремъ Златоуста.

Однажды въ 437 году въ праздникъ, посвященный памяти Златоуста, онъ произнесъ ему похвальное слово предъ народомъ

въ большомъ соборѣ, и вдругъ былъ прерванъ не только громкими кликами одобренія со стороны собравшагося народа, но и криками: «Возврати намъ нашего избраннаго патріарха; возврати намъ тѣло нашего отца Іоанна!» Объ этомъ желаніи своей паствы Проклъ довелъ до свѣдѣнія императора, и Өеодосій II, который самъ съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ творенія великаго святителя и обыкновенно называлъ его «учителемъ вселенной и золотыми устами», немедленно удовлетворилъ эту просьбу. Въ теченіе 30 лѣтъ тѣло мученика-святителя лежало въ скромной гробницѣ въ церкви святого Василиска. Өеодосій приказалъ теперь перенести его въ столицу; во всѣхъ городахъ, черезъ которые проносимъ былъ гробъ, останки святителя встрѣчаемы были съ восторженнымъ благоговѣніемъ, какъ со стороны духовенства, такъ и народа. Въ Халкидонъ онъ отправилъ для встрѣчи мощей императорскаго трибуна, да и самъ ожидалъ ихъ прибытія вмѣстѣ съ сенаторами, великими сановниками и военачальниками. Это было 27 января 438 года. Для встрѣчи мощей собралось такое множество кораблей и судовъ всякаго рода, что, по выраженію одного современнаго историка, «Пропонтида обратилась въ материкъ». Была ночь, и на поверхности моря отражался блескъ безчисленныхъ свѣтильниковъ, когда граждане миріадами высыпали встрѣчать смертные останки святого подвижника, который съ позоромъ и муками былъ изгнанъ отъ нихъ. Катафалкъ въ великолѣпной процессіи сопровождаемъ былъ до церкви апостоловъ, гдѣ были погребены прежніе патріархи Константинополя, христіанскіе императоры, равно какъ Аркадій и Евдоксія. Какъ только гробъ поставленъ былъ на полъ, Өеодосій сталъ передъ нимъ на колѣна вмѣстѣ съ своей прекрасной сестрой Пульхеріей; затѣмъ, снявъ съ себя пурпурную мантію, онъ возложилъ ее на мощи святителя и, потупивъ взоры и прикоснувшись челомъ къ краю гроба, громко молился за своего отца и мать, умоляя о прощеніи имъ тѣхъ страшныхъ грѣховъ невѣдѣнія, которые они совершили противъ святого служителя Божія. Прежде чѣмъ окончательно закрыть мощи въ золотой приготовленной для нихъ ракѣ, Проклъ возложилъ ихъ на патріаршій тронъ, и подъ золоченой кровлей, раздался громкій и много разъ повторявшійся возгласъ: «прими опять престолъ твой, отче!» Затѣмъ мощи великаго

святителя поставлены были неподалеку отъ гробницы Аркадія и Евдоксіи, и въ этомъ великомъ храмѣ безмолвнаго примиренія смертные останки великаго мученика и его убійцъ продолжали стоять вмѣстѣ, пока надъ ними не пронеслась буря послѣдующихъ историческихъ превратностей.

При этомъ торжественномъ перенесеніи мощей Златоуста присутствовали его старые послушники и скорописцы Филиппъ, Давидъ и Калліасъ. Имъ предоставлены были почетныя мѣста, потому что патріархъ Проклъ знавалъ ихъ въ прежнее время и помнилъ ихъ, и имъ нарочито послано было приглашеніе быть свидѣтелями этого торжественнаго событія, такъ какъ они были самыми старыми и дорогими духовными сыновьями Златоуста.

По окончаніи торжества, Проклу поручено было привесть ихъ во дворецъ для представленія императору. Императоръ принялъ ихъ каждаго отдѣльно и говорилъ съ ними чрезвычайно милостиво, потому что, какъ онъ говорилъ, онъ не могъ лучше оказать должнаго почтенія великому святителю, какъ оказавъ милость тѣмъ, кого онъ любилъ.

Калліасу, который горячо былъ рекомендованъ императору въ одномъ письмѣ папой Иннокентіемъ, а также правителемъ востока, онъ подарилъ золотую чернильницу, которой когда-то пользовался самъ Аркадій, — ту самую, какъ припоминалъ Филиппъ, въ которую въ его присутствіи покойный императоръ обмакивалъ свой стиль при его первомъ достопамятномъ свиданіи съ нимъ. Затѣмъ онъ пожаловалъ ему титулъ и санъ протонотарія.

Давиду онъ предлагалъ на выборъ любую награду, какой бы онъ только пожелалъ, и благодарилъ его за умѣлое управленіе сѣверной областью Палестины. Давидъ попросилъ и немедленно получилъ нѣкоторыя украшенія для скромной церкви въ Назаретѣ, а также и сумму денегъ на устройство праздника для его согражданъ.

Затѣмъ вошелъ Филиппъ, и Ѳеодосій принялъ его съ еще болѣе горячей сердечностью. Онъ слышалъ отъ своихъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ сановниковъ о тѣхъ услугахъ, которыя когда-то оказалъ Филиппъ во время угрожавшей отъ готовъ опасности; да и Аркадій, въ своихъ частныхъ запискахъ, оставилъ

замѣтку, въ которой просилъ, чтобы къ Филиппу всегда относились какъ къ человѣку, котораго онъ любилъ и уважалъ. Затѣмъ и то свиданіе, при которомъ Аркадій велѣлъ ему поцѣловать Филиппа, когда онъ еще былъ шестилѣтнимъ мальчикомъ, глубоко запечатлѣлось въ памяти Θеодосія II, потому что это случилось не задолго до смерти его отца. Правда, за тѣ 30 лѣтъ, которыя прошли съ того времени, черные волосы Филиппа успѣли въ значительной степени посеребриться; но императоръ все еще помнилъ его прекрасную наружность и узналъ императорскій перстень съ блестящимъ смарагдомъ, который Аркадій надѣлъ ему когда-то на руку.

— Здраствуй, мой clarissimus! улыбаясь сказалъ императоръ.

— Только spectabilis, государь, по неизреченной твоей милости, низко кланяясь отвѣчалъ Филиппъ.

— Нѣтъ, сказалъ императоръ, отселѣ, послѣ этого знаменательнаго дня не менѣе, какъ clarissimus *). Возьми вотъ это свидѣтельство о твоемъ повышеніи. Тутъ ты найдешь и нѣчто болѣе, чѣмъ это признаніе твоихъ заслугъ, возводящихъ тебя въ высшій классъ знатности; но ты не долженъ раскрывать этого, пока не уйдешь отъ меня.

Филиппъ сталъ на колѣна и поцѣловалъ руку своему благодѣтелю.

— Но это еще не все, продолжалъ императоръ. — Я обязанъ тебѣ глубочайшимъ долгомъ благодарности, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Антіохіи, и я предоставляю тебѣ просить у меня всякой милости, какой только хочешь.

— Твоя императорская щедрость обременила меня столь многими милостями, сказалъ Филиппъ, и возвела меня въ санъ настолько выше моего скромнаго происхожденія, что я не могу уже ничего просить.

— И однако ты долженъ попросить какой-нибудь милости ради меня, — если не ради тебя самого.

— Государь, сказалъ Филиппъ, помолчавъ немного, — есть милость, которая, мнѣ думается, была бы наиболѣе пригодной для

*) Clarissimus — наияснѣйшій — высшій титулъ въ римской государственной іерархіи. Перев.

этого дня примиренія. Когда нашъ возлюбленный патріархъ Іоаннъ былъ изгнанъ, то у насъ съ Давидомъ и Калліасомъ былъ очень молодой сотоварищъ по секретарству, по имени Евтихій, котораго глубоко любилъ патріархъ, какъ и всѣ знавшіе или видѣвшіе его.

— Я слышалъ о немъ, сказалъ Θеодосій; всѣ, кто ни разсказываетъ мнѣ о немъ, прямо говорятъ, что онъ былъ прекрасенъ, какъ ангелъ Божій.

— И такъ же невиненъ, какъ и прекрасенъ, государь. Онъ былъ въ высшей степени жестоко замученъ до смерти префектомъ Оптатомъ по наущенію негодныхъ враговъ изгнаннаго патріарха. Милость, которую я попросилъ бы у твоего императорскаго величества, состоитъ въ томъ, чтобы надъ его могилой была построена небольшая мартирія.

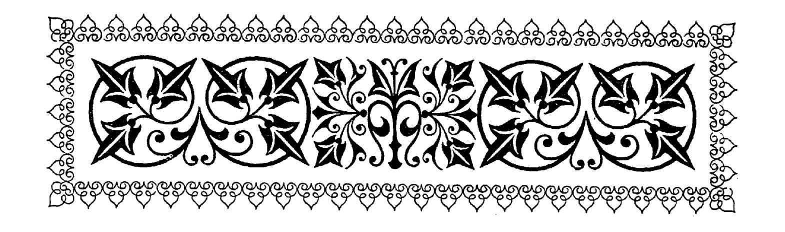
— Это лишь справедливо, Филиппъ, и непремѣнно будетъ такъ.

Такимъ образомъ надъ скромной гробницей Евтихія въ свое время возникла церковь, блиставшая превосходной мозаикой; надъ ея небольшимъ абсидомъ былъ Христосъ, который какъ добрый пастырь держалъ въ рукахъ ягненка и окруженъ былъ другими овцами, ласково смотрѣвшими на Него. Въ украшеніяхъ, шедшихъ по стѣнамъ кругомъ, находились христіанскіе символы: рыба и голубь, съ вѣткой и съ зелеными листьями, овца и пальмовая вѣтвь и крылатые херувимы, порхавшіе среди зеленой листвы и пурпурныхъ гроздовъ. На одной стѣнѣ между двухъ львовъ стоялъ обнаженный и невредимый Даніилъ, изображавшій собой какъ-бы душу, стоявшую между львами грѣха и смерти. По другую сторону трое отроковъ съ свѣтлыми лицами и невредимыми ногами ходили по пламени раскаленной печи. Подъ абсидомъ было мозаическое изображеніе головы Евтихія, и подъ ней шла греческая надпись, которая гласила:

Въ мирѣ,
Во Христѣ,
Евтихій мученикъ.
Онъ живетъ.

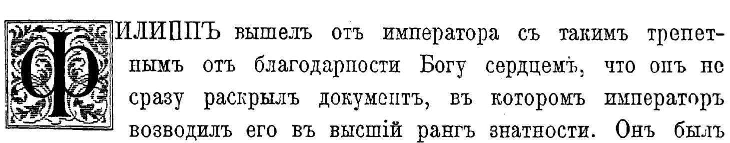

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ГЛАВА LXXII.

Добрый правитель востока.

ФИЛИППЪ вышелъ отъ императора съ такимъ трепетнымъ отъ благодарности Богу сердцемъ, что онъ не сразу раскрылъ документъ, въ которомъ императоръ возводилъ его въ высшій рангъ знатности. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ другими мыслями, чтобы обращать вниманіе на это. Сколь благъ былъ къ нему Богъ! Какими неизслѣдимыми путями Онъ проявилъ свои вѣчныя цѣли! Патріархъ Іоаннъ пострадалъ, какъ и столь многіе другіе изъ лучшихъ святыхъ подвижниковъ Божіихъ были также призваны къ страданію, чтобы очиститься подобно золоту въ горнилѣ, по таинственному преднамѣренію Божію. Но какъ вѣчное милосердіе Божіе восторжествовало надо всѣмъ — въ медленномъ ходѣ обстоятельствъ! Можно ли было кратковременное страданіе патріарха сравнивать съ необычайной вѣчной славой, въ которую онъ теперь вступилъ? Развѣ эти самыя обстоятельства не послужили къ его лучезарной и всемірной извѣстности? Несмотря на всѣ усилія его враговъ, невинность его была окончательно признана всѣми, имя его съ честью возстановлено было на почетное мѣсто въ диптихѣ вселенской церкви. Филиппъ видѣлъ, какъ его изможденное тѣло положено было въ отдаленной скромной мартиріи; теперь онъ же видѣлъ,

какъ его мощи въ золотой гробницѣ были поставлены рядомъ съ императорскими гробницами. Іоаннъ былъ изгнанъ, замученъ императоромъ и императрицей; и вотъ теперь ихъ сынъ и преемникъ вмѣстѣ съ сестрой преклоняли колѣна предъ его останками со слезами въ покаянной молитвѣ, прося прощенія для своихъ согрѣшившихъ родителей. Душа Филиппа была полна сознаніемъ той истины, которая по слову Премудраго признается самими негодными гонителями подвижниковъ Божіихъ: «мы, глупцы, считали его жизнь безумствомъ, его кончину безчестной; теперь же онъ поставленъ среди чадъ Божіихъ и жребій его со святыми»!

Неудивительно, что Филиппъ терялся въ этихъ мысляхъ, потому что, гдѣ былъ онъ? Онъ наслаждался гостепріимствомъ патріарха, гдѣ жилъ теперь Проклъ, котораго любилъ Златоустъ, и котораго Филиппъ могъ еще хорошо помнить, какъ юнаго чтеца, прислуживавшаго своему владыкѣ. Филиппъ попросилъ, чтобы ему дали побыть въ дорогой для него старой прихожей комнатѣ рядомъ съ кабинетомъ патріарха и по близости той спальни, въ которой Евтихій ухаживалъ за раненымъ Валамиромъ. Рой воспоминаній проносился въ его головѣ, и онъ впалъ въ забытье. Онъ лежалъ съ открытыми глазами, и явственно увидѣлъ сначала Златоуста, затѣмъ Евтихія, который во всемъ сіяніи своего безсмертія подошелъ къ нему, взялъ его за руку и съ благословеніемъ и радостно сіявшимъ лицомъ смотрѣлъ на него.

Онъ очнулся и увидѣлъ, что передъ нимъ лежитъ письмо отъ императора. Открывъ его, онъ съ необычайнымъ изумленіемъ прочелъ, что Ѳеодосій не только сдѣлалъ его clarissimus, но въ дѣйствительности назначилъ его правителемъ востока!

Это было положеніе, по своему достоинству равное почти царственности. Но Филиппъ не смутился имъ. Онъ не добивался его. Оно дано было ему по Промышленію Божію. Онъ отправился къ князю Анѳимію, который теперь былъ патриціемъ и главнымъ министромъ имперіи. Анѳимій былъ уже посвященъ въ эту тайну, онъ всталъ съ широкой улыбкой на своемъ красивомъ лицѣ и, низко кланяясь, сказалъ: «Желаю всякаго счастія наияснѣйшему правителю востока»!

— Что мнѣ теперь дѣлать? спросилъ Филиппъ.

— Ты долженъ черезъ два дня отправиться въ Антіохію.

Туда ты будешь отправленъ въ императорской колесницѣ съ конвоемъ палатиновъ, и ты долженъ помнить, что твое положеніе теперь требуетъ всѣхъ принадлежностей государственнаго достоинства, которыя должны окружать главнаго правителя востока.

И вотъ такимъ образомъ Филиппъ, уже окруженный государственнымъ великолѣпіемъ, возвращался въ Антіохію по той самой, хорошо извѣстной ему дорогѣ, по которой онъ сначала проѣхалъ на конѣ преторіанца рядомъ съ колесницей, везшей его возлюбленнаго духовнаго отца Іоанна въ столицу — къ славѣ и къ мученичеству.

Въ Антіохіи онъ встрѣченъ былъ съ восторженными кликами со стороны собравшагося народа и тамъ онъ, сынъ незначительнаго ремесленника, притомъ погибшаго позорною смертью за свой мятежъ, оффиціально вступилъ во дворецъ могущественныхъ царей Селевкидовъ. Свой домъ вмѣстѣ съ землей на берегахъ Оронта онъ отдалъ подъ больницу для прокаженныхъ въ благодарственное приношеніе Богу.

Съ достоинствомъ, съ непреклонной честностью, милостиво и справедливо, съ мудрымъ тактомъ, встрѣчая всеобщее одобреніе, управлялъ онъ Антіохіей и префектурой востока. Свою высокую должность онъ занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Дѣти его выросли и возмужали въ великолѣпномъ дворцѣ и были источникомъ благословенія и счастія для него. Вездѣ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ добраго правителя востока. Ему не пришлось дожить до глубокихъ лѣтъ и онъ умеръ въ полнотѣ своихъ силъ. Благодарный народъ хотѣлъ было почтить его великолѣпнымъ погребеніемъ, но онъ пожелалъ простого погребенія и былъ болѣе счастливъ при мысли, что онъ «сходилъ въ могилу среди благословеній бѣдныхъ».

Антіохійцы хотѣли воздвигнуть его памяти великолѣпный мавзолей, но онъ распорядился, чтобы на его могилѣ была положена простая алебастровая доска въ церкви святого Вавилы. По угламъ она была украшена небольшими мозаиками, на верху были изображены въ кругѣ три рыбы, знаменовавшихъ Господа Іисуса и Святую Троицу, а также и знаменитая монограмма Христа съ знамени Константина Великаго. Внизу были выгравированы желѣзныя кошки и свинцовый бичъ, въ знакъ того, что Филиппъ

былъ исповѣдникомъ и почти мученикомъ за истину, а также голубь съ зеленымъ листомъ въ клювѣ, какъ бы отъ древа жизни. Надпись на пей гласила:

Въ мирѣ,
Во Христѣ,
Филиппъ
Правитель востока.
Во Христѣ онъ умеръ,
Во Христѣ онъ живетъ.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА

(въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Садовая ул., Гостиный дворъ, № 45)

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Агрономовъ А., свящ. Книжки для народа и школъ. *Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ* (№ 1—18) *допущены къ обращенію въ народѣ и пріобрѣтенію въ библіотеки приходскихъ церквей* (Церк. Вѣд. за 1892 г. № 37). *Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ допущены въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ.* (Церковн. Вѣд. № 1891 г. 34).

1) Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, ц. 2 коп. 2) Торжеств. входъ Господа І. Христа въ Іерусалимъ, ц. 2 коп. 3) Страстная седьмица, ц. 4 к. 4) Свѣтлое Христово Воскресеніе, ц. 5 коп. 5) Вознесеніе Господа І. Христа, ц. 2 к. 6) Святая Пятьдесятница, ц. 2 к. 7) Преображеніе Господа І. Христа, ц. 2 к. 8) Успеніе Пресвятыя Богородицы, ц. 2 коп. 9) Рождество Пресвятыя Богородицы, ц. 2 коп. 10) Воздвиженіе честнаго и животворящ. Креста Господня, ц. 2 к. 11) Покровъ Пресвятыя Богородицы, ц. 2 коп. 12) Великое чудо милости Божіей 17 октября, ц. 2 к. 13) Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы, ц. 2 коп. 14) Рождество Господа Іисуса Христа, ц. 2 к. 15) Крещеніе Господа Іисуса Христа, ц. 2 к. 16) Срѣтеніе Господа Іисуса Христа, ц. 2 к. 17) Непобѣдимая и непостижимая сила креста Господня, ц. 2 коп. 18) Всероссійская церковь есть воистину православная церковь, ц. 4 коп. 19) О значеніи крестн. ходовъ и освященія воды, ц. 2 к.

Акаѳистъ святому Ангелу, неусыпаемому хранителю человѣческой жизни. Съ изображ. св. Ангела. Гражд. печ. Роскош. изд., отпеч. на вел. бум., двумя красками, крупной печати. Спб., ц. 30 к., въ коленк. пер. 75 коп.

— Воскресенію Христову. Съ изображ. Воскр. Христова, церк. печ. Спб., ц. 20 к. Тоже, граж. печ. ц. 20 к., въ коленкор. перепл. 60 к.

— Пресвятѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Церк. печ. Спб., ц. 20 к. Тоже граж., ц. 20 к., въ коленкор. перепл 75 к.

— Св. мучениц. Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви и матери ихъ Софіи. Съ изображеніемъ. Спб., церк. печ., ц. 30 к. Тоже, граж. печ., ц. 30 коп., въ колен. перепл. 75 к.

— Св. великомуч. Екатеринѣ. Съ изображен., церк. печ. Спб., ц. 30 к. Тоже, гражд. печати, ц. 30 к., въ коленкор. переплетѣ 75 к.

— Святому пророку Иліи, церк. печ. Спб., ц. 30 коп. Тоже, граж. печ., 30 к., въ коленк. перепл. 75 к.

— Святит. Иннокентію, Иркут. чудотв. Съ изображен., церк. печ. Изд. 3-е. Спб., ц. 20 коп. Тоже, граж. печ., ц. 20 к., въ коленк. переплетѣ 60 коп.

— Св. чудотворцу Іоанну Воину, граж. печ. Спб., ц. 20 к., въ коленк. переплетѣ 60 к. Тоже, церк. печ., въ 4 д. л., ц. 50 к.

— Пресв. Богородицѣ явленія ради чудотворныя иконы Ея Казанскія, церк. печ. Спб., ц. 20 к. Тоже граж печ., ц. 20 к., въ коленк. пер. 60 к.

— Св. муч. Параскевѣ. Съ изображ., церк. печ., ц. 30 к. Тоже, граж. печ., ц. 30 к., въ переплетѣ 75 к.

— Ко Пресвят. Госпожѣ Владычицѣ, Дѣвѣ Богородицѣ, преславнаго ради явленія чудотворныя иконы Ея, именуемыя Тихвинскія, церк. печ. Спб., ц. 20 к. Тоже, граж. печати. ц. 20 к., въ переплетѣ 60 к.

Алексѣевъ А. А. Очерки домашней и общественной жизни евреевъ, ихъ вѣрованія, богослуженіе, праздники, обряды, Талмудъ и кагалъ. Изд. 3-е. Исправл. и дополненное. Спб. 1897 г., ц. 1 руб., въ перепл. ц. 1 руб. 75 к.

Алексѣевъ. Систематическій сборникъ дѣйствующихъ постановленій по счетоводству, отчетности мѣстъ и властей Вѣдомства Свят. Сѵнода. Спб., 1880 г., ц. 1 р. 50 к.

Амвросій, архіеп. Москов. Псалтирь. Въ новомъ славянскомъ переводѣ. М., 1878 г., ц. 50 к.

Анастасій, еписк. Врест. Проповѣди. Спб., 1890 г., ц. 1 р. 50 к.

Антоній, іером. Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности. Изд. 2-е. Спб., 1888 г., ц. 1 р.

Антоновъ В. Г., свящ. Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ апостольскихъ чтеній. Изд. 2-е. Спб., 1896 г., ц. 50 к.

— Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій. Съ присовокупленіемъ истор. происхожд. важнѣйш. праздник. Православ. Русской Церкви. Для народныхъ школъ. Изд. 3-е. Спб., 1894 г., ц. 50 к.

— Чтеніе Псалтири по умершимъ. Спб., 1895 г., ц. 10 к.

Арндтъ, Іоаннъ. Объ истинномъ христіанствѣ. Съ присовокупленіемъ райскаго вертограда. 2 тома. Одобрено Учен. Комит. Мин. Народн. Просвѣщ. для ученич. библ. средн. учебн. завед. и начальныхъ школъ. Спб., 1875 г., ц. 4 р., въ коленк. переп. 6 р.

Архангельскій І., свящ. Поученія къ простому народу. Изд. 6-е. Спб., 1889 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переп. 2 р. 25 к. *Учен. Комит. Мин. Нар. Просв.*

одобр. для ученич. библ. среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Аѳанасій св. Великій, архіеп. александ., и его избранныя творенія. Никанора, еп. арханг. и холмогор. Спб., 1893 г., ц. 1 р., въ коленк перепл. 1 р. 75 к.

Бажановъ В. Б. Протопрес. Воинъ-христіанинъ. Изд. 5-е. Спб., 1889 г.. ц. 5 коп.

— Воскресный день. Изд. 6-е. Спб., 1889 г., ц. 5 к.

— Нравоучительныя повѣсти для дѣтей. Изд. 14-е. Спб., 1896 г., ц. 25 к., въ коленк. перепл. 50 к. *Мин. Народн. Просвѣщ. одобрено для пріобрѣт. въ ученич. библ. средн. учебн. завед.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

— О религіи. Спб., 1892 г., ц. 60 к. *Мин. Нар. Прос. одобрено для пріобр. въ ученич. библ. средн. учебн. заведен.* 21 іюля 1894 г. № 14375.

— Объ обязанностяхъ христіанина. Изд. 6-е. Спб., 1871 г., ц. 60 к. *Мин. Народ. Просвѣщ. одобрено для пріобрѣтенія въ ученич. библ. средн. учебн. зоведен.* 21 іюля 1894 г. № 14375.

— О вѣрѣ и жизни христіанской. Изд. 7-е. Спб., 1891 г., ц. 10 к. *Включена въ каталогъ книгъ для употреб. въ низшихъ училищахъ Вѣдом. Мин. Нар. Прос. въ отд. III для учелич. бцбл. и для народн. чтенія.* (Стр. 30, 1882 г.).

— Пища для ума и сердца, или собраніе христіанск. размыш., перев. съ иностран. 2 ч. Спб., 1889 г., ц. 1 р.

— Примѣры благочестія изъ житій святыхъ. Изд. 8-е. 1896 г., ц. 25 коп. *Включена въ каталогъ книгъ для употр. въ низшихъ училищ. Вѣдом. Мин. Народ. Просвѣщ. въ отд. III для ученич. библ. и для народнаго чтенія.* (Стр. 30, 1882 г.).

— Притчи, избранныя изъ Круммахера. Спб., 1889 г, ц. 25 к. *Включена въ каталогъ книгъ для употр. въ низшихъ училищахъ Вѣдом. Мин. Нар. Прос. въ отд. III для ученич. библ. и для народн. чтенія* (Стр. 30, 1882 г.).

— Слова и рѣчи. Изд. 3-е. 1858 г., ц. 1 р.

— Сокровище духовное отъ міра собираемое. Изъ твореній св. отца нашего Тихона, еп. Воронежскаго. Спб., 1889 г., ц. 20 к. *Включена въ каталогъ книгъ для употр. въ низшихъ учил. Вѣд. Мин. Народн. Просвѣщ. въ отд. III для ученич. библіот. и для народнаго чтенія.* (Стр. 30, 1882 г.).

Бакстръ. Вѣчное блаженство святыхъ. Переводъ съ франц. А. Свѣтлакова (законоучит. Нижегор. губ. гимназіи). Спб., 1882 г., ц. 1 р., въ коленк. пер. 1 р. 50 к.

Барсуковъ И. Иннокентій, митропол. московскій и коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ. Книга эта одобрена: Учебнымъ Комит. при Свят. Сvнодѣ. Ученымъ Комит. Мин. Народн. Просвѣщ. для пріобрѣт. въ фундаментальныя и ученич. библ. учебн. завед. и удостоена Имп. Акад. Наукъ преміи. М., 1883 г., ц. 5 р.

Бернардъ Авва. Правила святой жизни. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 50 к., въ коленкор. перепл. 1 р.

Берсье Евгеній. Бесѣды. 4 тома. Спб., 1890—1896 г., ц. 3 р 60 к., въ одномъ коленк. перепл. 4 р. 25 к. (Первый и второй томъ Министер. Нар. Просвѣщ. одобрены для пріобрѣтенія въ ученич. библ. средн учеб. зав. 21 іюля 1894 г, № 14375).

Бобровъ П., прот. Бесѣды священника съ наставниками молоканскими, въ опроверженіе мнѣній по главнымъ пунктамъ вѣроученія молоканъ и штундистовъ. Спб., 1896 г., ц. 30 к.

— Поученія сельскаго пастыря, между которыми есть поученія, направленныя противъ молоканъ. Издан. 2-е. Спб., 1881 г., ц. 1 р. 25 к.

Богородскій Ѳ., свящ. Голосъ сельск. пастыря. Поученія, рѣчи и внѣбогослужебныя чтенія. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. переп. 2 р. 50 к.

Богоявленскій П., священ. Бесѣды на сvмволъ вѣры. Изд. 2-е. Спб., 1891 г., ц. 50 к.

— Бесѣды о молитвѣ Господней, говоренныя къ сельскимъ прихожанамъ. Изданіе 2-е. Спб., 1891 г., ц. 30 к.

Божественное лицо и дѣло Господа нашего Спасителя Іисуса Христа. Спб., 1882 г., ц. 1 р.

Борисъ, архим. (Бывш. рект. Спб. Дух. Акад.). Въ какихъ отношеніяхъ особенно важно для пастыря Церкви обладать научнымъ знаніемъ Богословія? Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 10 к.

— Въ чемъ искать счастья въ жизни? Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 10 к.

— Объясненія XLIX главы книги Бытія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на апологетич. ея значеніе Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 20 к.

— О значеніи и пользѣ образованія. (Бесѣда къ учащимся). Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 10 к.

— О сравнительной миѳологіи. Макса Мюллера. Изложеніе и критика новѣйшей лингвистической теоріи миѳовъ. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 30 к.

Бородкинъ М. Графъ Л. Н. Толстой, какъ учитель жизни. Спб., 1897 г., ц. 40 к.

Бувье, пасторъ. Письма больного къ другу, также больному. Съ исправленіями по духу ученія православной Церкви. Перев. съ франц. А. П. Озерова. Спб., 1894 г, ц. 30 к.

Булгаковскій Д., свящ. Знаменіе Божіей Матери. Съ изображ. иконы. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 5 к.

— Изъ загробнаго міра явленія умершихъ отъ глубокой древности до нашихъ дней. Спб., 1894 г., ц. 75 к.

— Молитва—царица добродѣтелей. Изд. 4-е. Спб.. 1893 г.. ц. 10 к.

— Память о покойникахъ. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 5 к.

— Такъ ли мы живемъ, какъ Богъ велитъ? Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 3 к.

— Храмъ Божій и его священная важность для христіанъ. Изд. 4-е. Спб., 1893 г., ц. 10 к

Буткевичъ Т. Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Опытъ историко-критическаго изложенія Евангельской исторіи. Съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйш. врем. Изд. 2-е. Спб., 1887 г., ц. 4 р., въ коленк. перепл. 5 р.

— Иннокентій Борисовъ, бывшій архіеп. Херсонскій. Спб., 1887 г., ц. 2 р.

Бѣлоцвѣтовъ А., прот. Кругъ поученій (110) на всѣ воскресные и праздничн. дни въ году и на седмицы: Пасхальную, первую поста и Страстную. Изд. 5-е. Свят. Сvнодъ, опредѣленіемъ отъ 1—20 Мая 1881 г., одобрилъ для пріобрѣт. въ церк. библ. (Церк. Вѣст., № 31. 1881 г.). Спб., 1894 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. перепл. ц. 2 р. 25 к.

— О сквернословіи. Поученіе. Спб., 1890 г., ц. 3 к.

— Приготовленіе къ исповѣди и св. причащ. св. Христовыхъ таінъ. Поученія великопостныя. (Извлеч. изъ книги „Кругъ поученій") Спб., 1894 г., ц. 20 к.

Валуевъ П. А., графъ. Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній на всѣ дни года. Спб., 1885 г., ц. 4 р.

Веніаминъ, архіеп. Нижегор. Новая Скрижаль или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ. Въ 4-хъ част. Съ 77 рис. грав. на дер. Л. Сѣряковымъ. Спб., 1891 г., ц. 2 р., въ коленк. переп. 3.

Виссаріонъ, еп. Костр. (докт. Богосл.). Толкованіе на Париміи. Изд. 2-е, въ трехъ томахъ. Спб., 1894 — 96 гг., ц. 5. р. 50 к., въ роскошн. коленк. переп. 8 р.

— Толкованіе на Божественную Литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василія Великаго. Изд. 4-е. Спб., 1895 г., ц. 1 р.

— Сборникъ для любителей духовнаго чтенія. Спб., 1897 г., ц. 2 р.

Властовъ Г. Опытъ изученія Евангелія св. Іоанна Богослова. Въ двухъ томахъ. Спб., 1887 г., ц. 3 р. 50 к., въ коленк. переп. 4 р. 50 к.

— Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ. Въ 3-хъ томахъ. Изд. 2-е. Всѣ три тома „Священ, лѣтописи" опредѣлен. Св. Сvнода *одобрены для пріобрѣт. въ фундаментальныя и учен. библіот. духовн. семин. Мин., Нар. Просв. реком. для фундам. библ. средн. учебн. завед. Реком. для всѣхъ церквей.* Спб., 1878 г., ц. 8 р., 50 к. въ коленк. переп. 11 р. 50 к.

Воробьевъ Г. О Московскомъ Соборѣ 1681 — 1682 г. Спб., 1885 г., ц. 1 р.

Вруцевичъ М. Руководство для консисторій, духовныхъ слѣдователей и духовенства. Законы о подсудности и производствѣ слѣдствій по проступкамъ священноцерковнослужителей съ объясненіями по рѣшеніямъ Правит. Сената и указамъ Святѣйшаго Сvнода. Изд. 3-е. Спб., 1896 г., ц. 1 р. 25 к.

Гейки К., д-ръ. Святая земля и Библія, описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей. Съ оригин. рис. Г. А. Гарпера. Пересказъ съ англ. подъ редак. Ф. С. Комарскаго. Съ приложен. карты Палестины. Роскошн. изд. отпечатан. на велен. бум. 2 тома. 1894 г., ц. 10 р., въ роскошн. коленк. переп. 12 р.

Голубевъ С. Исторія Кіевской Духовной Академіи. Вып. I. Кіевъ, 1886 г., ц. 2 р.

Голубинскій Ѳ. Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка (о конечныхъ причинахъ). М., 1894 г., ц. 2 р., въ коленк. перепл. ц. 3 р.

Граниковъ М. Разговоръ священника съ прихожаниномъ противъ лѣченія заговорами. Спб., 1894 г., ц. 15 к. *Включена въ каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдом. Мин. Нар. Просвѣщ. въ отдѣл. для ученическ. библіотекъ и для народн. чтенія* (Стран. катал. 36 1882 г.).

Григорій митр. День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято? *Внесена въ списокъ книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ* (Церк. Вѣд. № 2, 1896 г.). Спб., 1894 г., ц., 30 к., въ коленк. переп. ц. 75 к.

Громачевскій А. Практическія задачи дѣятельности сельскаго православнаго священника. Спб., 1890 г., ц. 1 р.

Дебольскій Г. С. протоіер. Дни богослуженія православной каѳолической восточной Церкви 2 т. въ 6-ти частяхъ. Изд. 9-е. Спб., 1894 г.; ц. 3 р. въ коленк. пер. 4 р. — *Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрены для учен. библ. средн. и низш. учебн. зав.* 2 сентября 1884 г. № 12959.

— Житіе св. Равноапост. Князя Владиміра. Съ прилож. бесѣды о святыхъ въ православной церкви. Прот. В. Нордова. Спб 1888 г., ц. 10 к.

— Краткое обозрѣніе богослуженія православной церкви. Съ рисун. въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб., 1886 г., ц. 50 к. *Одобрена учен. ком. Мин. Нар. Просв. для употребл. въ гимн. и прогимназ.*

— Необходимость и важность христіан. повед. и послушанія правосл. Церкви. Изд. 2-е. Спб., 1885 г., ц. 50 к. *Одобрена для пріобр. въ ученич. библ. средн. уч. зав. Мин. Нар. Просв.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— О говѣніи по уставу православной Церкви. Изд. 3-е, Спб., 1892 г. ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для пріобр. въ ученич. библ. средн. учебн. зав.* 21 іюля 1894 г. № 14375.

О любви къ отечеству и трудѣ по слову Божію Спб., 1890 г., ц. 25 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для учен. библ. средн. и низш. учебн. зав.* 2 сентября 1884 г. № 12957.

— О пользѣ чтенія Библіи, сирѣчь книгъ священ. Писанія. Изд. 2-е, Спб., 1897 г., ц. 50 к.

— Попеченіе православной Церкви о спасеніи міра, выраженное въ ея богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ рожденія до смерти, или объясненіе обрядовъ, требъ, таинствъ и богослуженія православной Церкви. Съ рисунк. въ текстѣ. *Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учен. библ. средн. и низш. учебн. завед.* 2 сентября 1894 г. № 12959. Идз. 4-е, Спб., 1894 г., ц. 2 р. въ коленк. переп. 3 р.

— Установленія ветхозавѣтной Церкви, и христіанскія, для которыхъ первыя служили образцами. Изд. 2-е, Спб., 1893 г., ц. 60 к.

— Седмица говѣнія, исповѣди и причащенія. Изд. 4-е, Спб., 1897 г. ц. 20 к. *Внесена въ списокъ книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ.* (Церк. Вѣд. № 2, 1896 г.).

Дементьевъ Г. Введеніе Реформаціи въ Швеціи. Спб., 1892 г., ц. 1 р.

Дестунисъ Софія. Житія святыхъ. Составлено по Четь-Минеямъ и другимъ книгамъ. Съ изображеніями святыхъ и праздниковъ академика Ѳ. Г. Солнцева. 12 книгъ. Спб., 1892 г., ц. 6 р., въ коленк. переп. въ 4-хъ книгахъ 9 р. *Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сѵнодѣ для учен. библ. духовныхъ семинарій и училищъ въ качествѣ назидательнаго чтенія для учащихся* (27 Іюля 1886 г. № 428). *Одобрено Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. для ученич. библ. учебн. зав. Мин. Нар. Просв.* (20-го Мая 1887 г № 7623). *Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей циркулярно рекомендована мѣстнымъ начальствамъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи для библіотекъ ввѣренныхъ имъ заведеній* (24 Февраля 1887 г., № 2995).

— Житія святыхъ, ежедневное чтеніе для народа и для церковно-приходскихъ школъ. Со включеніемъ: 1) мѣсяцеслова, 2) объясненія праздниковъ и 3) указанія дней особеннаго чествованія Божіей Матери. Съ 120 изображ. святыхъ. 12-ть книжекъ. Спб., 1891 г., ц. 1 р. 80 к., въ коленк. переп. въ 2-хъ книгахъ ц. 3 р. 30 к. По ея же книгѣ „Житій святыхъ“, изд, 1886 г., *одобренной Учебнымъ Комитетомъ при Свят. Сѵнодѣ* (27 Іюня 1886 г. № 428 и *Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв.* (20 мая 1887 г. № 7623).

— Житіе св. Давида Богоотца, Пророка и Царя Іудейскаго. Съ изобр. его. Спб., 1895 г., ц. 10 к.

— Житіе святаго отца нашего Николая архіепископа мурликійскаго чудотворца. Съ изображеніемъ его. Составлено по новѣйшимъ источникамъ Спб., 1895 г., ц. 10 к.

Дмитревскій И. Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи, основано на священномъ писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и на писаніяхъ св. отцевъ Церкви. Съ рисунк. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1884 г., ц. 2 р. 50 к., въ коленк. переп. 3 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для фундамент. библ. средн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

Звѣринскій В. В. О православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи съ библіографическимъ указателемъ. Т. I. Преобразованія старыхъ и учрежденіе новыхъ монастырей съ 1764—95 по 1 іюля 1890 года (594 монастыря). Т. II. Монастыри по штатамъ 1764, 1786 и 1795 годовъ. Ц. за оба тома 6 р.

Ивановъ А. Руководство къ изъяснительному чтенію Апостольскихъ посланій и Апокалипсиса. Изд. 4-е *одобрено Учебн. Комит. при Св. Сѵнодѣ для употребл. въ семин.* Спб., 1893 г., ц. 2 р. 50 к.

— Руководство къ изъяснительному чтенію четвероевангелія и дѣяній Апостольскихъ. Изд. 2-е съ приложеніемъ карты Палестины во время жизни Іисуса Христа Спб., 1894 г., ц. 2 р. 50 к. *Учебн. Ком. при Св. Сѵн. одобр. для употребл. въ семинар.*

Игнатій еп. (Брянчаниновъ) сочиненія. Съ прилож. портрета автора. Изд. 2-е. 6 т. Спб., 1886—91 г., ц. 13 р., въ коленк. переп. 19 р

— О кончинѣ міра. Три поученія. 1) О Царствѣ Божіемъ; 2) О причинѣ отступленія человѣковъ отъ Бога. 3) О второмъ пришествіи Христовомъ. *Учен. Ком. Мин Нар. Просв. одобрено для учен. библ. средн. и низш. учебн. заведеній* Изд. 3-е. Спб., 1891 г., ц. 50 к.

— О терпѣніи скорбей.. Ученіе св. отцевъ. Изд. 3-е. Спб , 1893 г., ц. 20 к. въ коленк. переп. 1 р. *Мин. Нар. Просв. одобрено для ученическ. библ. средн. и низш. учебн. зав.* 2 сентября 1881 г., № 12959.

— Отечникъ. Избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ собранныя. Спб., 1891 г., ц. 3 р. въ коленк. пер 4 р.

— Правила наружнаго поведенія для новоначальныхъ иноковъ. Изд. 5-е. Спб., 1894 г., ц. 20 к.

— Приготовленіе къ таинствамъ исповѣди и святаго причастія. Изд. 2-е. Спб., 1883 г., ц. 30 к.

— Слово о смерти и прибавленіе къ нему. Спб., 1886 г., ц. 1 р. 25 к. въ коленк. пер. 2 р.

Игнатьевъ П. Благочестивыя размышленія православнаго христіанина о своей душѣ. На каждый день мѣсяца.

нодомъ и Мин. Народ. Просвѣщ. Спб. 1893 г., ц. 20 к.

— Св. Іосифъ Обрученникъ. Издан. 2-е, ц. 10 к.

— Св. Филаретъ Милостивый, какъ земледѣлецъ. Съ изображеніемъ, ц. 5 к.

— Смерть Іисуса Христа, какъ доказательство Его божественности Изд 3-е, ц. 10 к.

— Сократъ и Іисусъ Христосъ. Съ нѣмѣц., ц. 20 к.

— Состояніе рода человѣческаго предъ явленіемъ Христа на землю и основаніе христіанской церкви. Издан. 2-е, ц. 20 к.

Комарскій Ф. С. Карта Палестины по новѣйшимъ картамъ Киперта (1892 г.), д-ра Фишера и проф. Гуте (1892 г.) и друг. Согласно библейскимъ названіямъ (русскаго Сѵнод. изд. 1892 г.). Съ планами древняго и современнаго Іерусалима и съ приложеніемъ алфавитнаго указателя. Спб., 1893 г., ц. 75 к.

Ландышевъ Е., свящ. Краткій объяснительный словарь малопонятныхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ святомъ Евангеліи, часословѣ, псалтири и другихъ богослужеб. книгахъ. Спб., 1891 г., ц. 10 к.

Леонтій, митр. Моск. бывшій архіеп. Холмско-Варшавскій. Слова и рѣчи. Изданіе 3-е, въ двухъ томахъ, съ портретомъ авт. Спб., 1888 г., ц. 3 р, въ коленк. пер. 4 р.

Лопухинъ А. П. Библейская Исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Ветхій и Новый завѣтъ въ 3-хъ большихъ томахъ, издан. иллюстр. содерж. около 900 политип, снимк. съ древнихъ памятн., ландшафтовъ и картинъ восточн. жизни, нѣск. рисун. худ. Густава Доре, съ прил. больш. карты Палестины. Роск. изд отпеч. на велен. глазир. бумагѣ. Спб., 1889—95 г., цѣна 26 руб., въ изящн. коленкор. перепл. 32 р.

— Руководст. къ библейск. исторіи Новаго Завѣта. Спб., 1889 г., ц. 2 р.

Лунинъ А., свящ. Христіанскій Путь. (Сборникъ для назидательн. чтен.) Спб. 1892 г., ц. 1 р.

Лѣсковъ Н. С. Русскіе богоносцы, религіозно-бытовыя картины. 1) На краю свѣта. 2) Владычный судъ (оба разск. вновь авторомъ пересмотрѣны и исправлены), Спб., 1880 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р.

Лютардтъ Х. Э., ордин. проф. Лейпц. универ. Апологія христіанства. Публ. чтенія. Перев. съ XI нѣмец. издан. А. П. Лопухина. Спб., 1892 г., ц. 4 р., въ коленк. пер. 5 р.

Макарій архим. (нынѣ еп.) Слова, бесѣды и поученія. Спб., 1881 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. *Учен. Комит. Нар. Просв. одобрено для ученич. библ. среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.*

Макаровъ П., свящ. Катихизическія поученія къ простому народу. На сумволъ вѣры, молитву Господню, блаженства Евангел. и на десять заповѣдей Божіихъ. Спб., 1892 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 25 к. *Мин Нар. Пр. одобрено для ученич. библ. сред и низш. учебн. заведен.* 2 сент. 1889 г № 12959.

Малицкій П. Руководство по исторіи Русской церкви. (Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій). Вып. I. Курсъ V класса. Ц. 90 к Вып. II—III въ одной книгѣ. Курсъ VI кл. Ц 75 к. *Учебн. Ком. при св. Синодѣ кн. одобрены къ употр. въ дух. Семин. въ качествѣ учебнаго пособія.* Мин. Нар. Пр. рекомендована въ ученич. библ. сред. учебныхъ заведеній.

Мансветовъ Г., прот. Краткое изъясненіе на литургію, собранное изъ разн. писател. Изд. 9-е. Спб., 1894 г., ц. 20 к.

— Обязанности домашняго общ. по Слову Божію. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 60 к.

Марсальскій Л., свящ. Объясненіе св. Таинствъ и церковныхъ требъ (въ формѣ народныхъ поученій). Спб., 1892 г., ц. 30 к.

Мартенсенъ Г., докт. богосл. Еп. Зеландскій, въ Даніи. Христіанское ученіе о нравственности. Пер. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ томахъ. Спб., 1890 г., ц. 5 р., въ коленк. пер. 7 р.

Медвѣдицынъ Е., священ. Объясненіе всенощнаго бдѣнія и божеств. литург. (Іоан. Злат.), въ бесѣдахъ для домаш. чтенія своимъ сельск. прихожан. Спб., 1891 г., ц. 50 к

— Поученія на Символъ вѣры, молитву Господню, блаженства евангельскія и на Божественное десятословіе, составленныя по руководству пространнаго катихизиса для домашняго чтенія своимъ сельскимъ прихожанамъ, для большаго уясненія таковыхъ,—преподаваемыхъ имъ съ Церковной каѳедры. Изд. 2-е. Спб, 1893 г., ц. 1 р.

Мильтонъ. Потерянный Рай Поэма. Перев. стих. С. И. Писаревъ Спб., 1871 г., ц. 2 р., въ коленк. пер. 3 р.

Митрофанъ монахъ. Какъ живутъ наши умершіе и какъ будемъ жить и мы по смерти. По ученію правосл. церкви, по предчувствію общечеловѣч. духа и выводамъ науки. Въ 3-хъ бол. томахъ. Спб., 1889 г., ц. каждаго тома 2 р., въ коленк. пер. 3 р.

Москалевичъ Р., свящ. Двѣ ночи и два дня изъ земной жизни Богочеловѣка Господа нашего Іисуса Христа. Размышленіе христіанина, посвященное юношеству. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 25 к.

Романовъ І., прот. Уроки Закона Божія по катехизису. Изъ. 3-е Спб., 1893 г., ц. 30 к. *Мин. Народн. Просв. одобрено для пріобрѣтен. въ учен. библ. средн. учеб. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— Уроки о богослуженіи православной церкви. Съ 98-ю рис. въ текстѣ. Спб., 1886 г., ц. 50 к.

— Уроки по церковной исторіи. Изд. 2-е. Спб., 1886 г., ц. 60 к.

Руновскій И., свящ. Сборникъ поученій. Спб., 1887 г., ц. 1 р.

— Значеніе христіанства въ духовно-нравственномъ развитіи и отношеніе его къ благоустройству земной жизни человѣчества. Спб., 1889 г., ц. 40 к.

— О Богѣ и о домостроительствѣ Божіемъ. Чтеніе для Русскаго православн. народа Спб., 1887 г., ц. 40 к.

Русановъ Н., прот. Катихизическія поученія, приспособл. къ поним. прост. народа. ц. 1 р. 20 к.

— Краткія поученія къ православному народу. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Поученія изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта. Спб., 1893 г., ц. 50 к.

— Поученія (произнесенныя въ гор. Бугусланѣ и Самарѣ). Спб., 1893 г., ц. 50 к.

— О православной христіанской вѣрѣ по ученію слова Божія. Противъ молоканъ, баптистовъ. и штундистовъ. 2 вып. Спб., 1891--96 гг., ц. 60 к.

Свирѣлинъ А., прот. Православное исповѣданіе христіанской вѣры въ четіихъ-минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Спб., 1893 г., ц. 60 к

Свѣтила Церкви. Солнце правды.—Христосъ Богъ нашъ.—Святые Апостолы Христовы.—Святые Отцы церкви. Спб., 1886 г., ц. 1 р.

Свѣтловъ П. проф. Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христіанской религіи и философіи Спб., 1897 г., ц. 1 р.

Святый Димитрій Ростов. и его избранныя творенія, переведенн. на русск. языкъ. Спб., 1888 г., ц. 1 р. 25 к. въ коленк. переп. 2 р.

Семейство Виѳаніи. Размышленія о болѣзни, смерти и воскреш. Лазаря. Спб., 1871 г., ц. 50 к.

Сильвестръ, архіеп. Кавказ. и Астрах. Притчникъ Евангельскій. Объясн. находящ. въ св. Евангеліи притчей, основанъ. на священ. пис. и мнѣніи св. отцовъ и учител. церкви съ прилож. нравствен.-назидат. размышленій. Изд. 4-е (пересмотр.). Спб., 1894 г., ц. 1 р.

Славинъ А. Помилуй мя, Боже помилуй мя! Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника. Изд. 2-е. Спб., 1875 г., ц. 30 к.

— Размышленія кающагося грѣшника о страшномъ Судѣ или о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа на землѣ и всеобщемъ воскрес. мертв. Изд 3-е Спб., 1885 г., ц. 15 к.

Смирновъ П., прот. (Исаак. каѳедр. собора). Слова и рѣчи. 2 части. Спб., 1887 г., ц. 2 р.

— Народное образованіе. Спб., 1896 г., ц. 10 к.

— Объ учительствѣ въ церкви православной Спб, 1894 г., ц. 10 к.

— О православіи вообще и въ частности по отношенію къ православнымъ народамъ Спб., 1893 г., ц. 10 к.

— Раціонализмъ и правосл. Спб., 1894 г., ц 15 к.

— Раціонализмъ и школа. Спб., 1893 г., ц 10 к.

Снессорева Софія. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе св. чудотворныхъ иконъ чтимыхъ православной церковью. На основаніи Священ. Писанія и церковн. преданій. Съ изображен. въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Роскошн. иллюстр. изд, отпеч. на веленев. бум. Спб., 1892 г., ц. 3 р., въ коленк. перепл. 4 руб.

Соколовскій А. А., прот. Всѣмъ сомнѣвающимся. Религія любви и эгоизмъ. М., 1891 г., ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ А., прот. Священная исторія въ простыхъ разсказахъ для чтенія въ школѣ и дома. Ветхій и Новый Завѣтъ. Съ 40 рис. по оригиналамъ Доре и Плокгорста и съ 109-ю политип. въ текстѣ. Спб., 1892 г., ц. 1 р., въ коленк. переп. 2 р.

Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ. Изд въ русск. перевъ. со введен. и примѣч. прот. П. А. Преображенскимъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 1 р. 50 к.

Стихотворное переложеніе псалмовъ Пророка и Царя Давида, составляющихъ псалтирь. съ объясненіемъ истор., таинственнаго и нрав. ствен. смысла псалмовъ. Изд. 2-е. Спб., 1874 г., ц. 40 к., въ коленк. переп. 1 р.

— Тоже, изд. напеч. болѣе крупнымъ шрифтомъ, на веленев. бум. съ изображ. царя Давида, ц. 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р. 50 к.

Стратилатовъ К., свящ. Катихизическія бесѣды къ сельскимъ прихожанамъ. Изд. 5-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе церковныхъ поученій для сельскаго народа. Удостоенные преміи Св. Сунода. въ 2 част. Изд. 2-е. Спб., 1890 г., ц. 1 р. 75 к.

Терлецкій Г. Секта Пашковцевъ. Спб., 1890 г., ц. 60 к.

Толстой М. В., графъ. Книга глаголемая описаніе о Россійскихъ святыхъ, гдѣ и въ которомъ градѣ или области, или монастырѣ и пустыни поживе и чудеса сотвори всякаго чина св. М., 1888 г., цѣна 1 р. 80 к.

Тренчъ, архіеп. Дублинскій. Толкованіе притчей Господа Нашего Іисуса Христа. Переводъ съ англ. Зиновьева. Спб., 1888 г., ц. 2 р., въ коленк. переп. 3 руб.

— Чудеса Господа нашего Іисуса Христа Объяснительныя примѣчанія къ Евангельскимъ повѣствованіямъ о чудесахъ Христовыхъ. Перев. А. З, Зиновьевымъ. М., 1883 г., ц. 1 р. 30 к.

Успенскій Н., свящ. Памятов. о страданіяхъ Спасителя какъ утѣшеніе въ несчастіяхъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., ц. 5 к.

— Утѣшеніе въ болѣзняхъ и смерти близкихъ сердцу. Изд. 2-е Спб., 1895 г., ц. 5 к.

Училище благочестія, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житіи святыхъ Съ 16-ю рис. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Изд. 17-е (3-е Иллюстр.). Спб., 1896 г., ц. 1 р. въ коленк. пер. 1 р. 75 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для пріобрѣт. въ учебн. библіот. средн. учебн. завед.* 21 Іюля 1894 г. № 14375. *Внесена въ списокъ книгъ для церковно-приходскихъ школъ.* Церк. Вѣд. № 2, 1896 г.).

Фарраръ Ф. В. Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Перев. съ. англ. А. П. Лопухина. Спб., 1897 г., ц. 3 р., въ коленкор. перепл. 4 р.

— Въ дни твоей юности. Духовно-нравственныя бесѣды. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г. ц. 2 р. въ коленк. пер. 2 р. 50 к.

— Голосъ съ Синая. Вѣчное основаніе нравственнаго закона Духовно-нравственныя бесѣды. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к. въ коленк. пер. 2 р.

Фарраръ Ф. В. Жизнь Ісуса Христа. Новый перев. съ 30-го англ. изд. А. П. Лопухина, съ прил. ученыхъ изысканій по отдѣльн. вопросамъ изъ жизни Іисуса Христа и прим. къ тексту. Изд. 5-е, испр., со множествомъ иллюстр. и прилож. раскрашен. карты Палестины. Роскошн. изд., отпеч. на велен. бум. Въ 2-хъ т. Спб. 1890 г., ц. 8 р. въ коленк. пер. 10 р.

— Жизнь Іисуса Христа. Перев. А. П. Лопухина 6-е общедоступное изданіе. Съ прил. 16-ти полит. Въ 2-хъ част. Спб., 1893 г., ц. 2 р. 50 к. въ коленк. пер. 3 р. 50 к. *Мин. Народн. Просв. одобрено для пріобрѣт. въ ученич. библіот. средн. учебн. завед.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

— Жизнь и труды св. апост. Павла. Полный переводъ съ послѣдняго англ. изданія. А. П. Лопухина. Со множествомъ иллюстрацій и съ приложеніемъ 4-хъ раскраш. картъ. Роскош. изд. Спб., 1887 г., ц. 8 р. въ коленк. пер. 10 р.

— Жизнь и труды св. апостола Павла. Перев. съ 19 англ. изд. А. П. Лопухина. 3-е общедоступное изд. въ 2-хъ частяхъ. Спб., 1893 г., ц. 3 р. въ коленк. пер. 4 р. *Мин. Нар. Просв. одобрено для пріобрѣт. въ ученик. библіот. средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г. № 14375.

— Жизнь и труды св. отцовъ и учителей Церкви. Перев. съ англ. А. П. Лопухина. Спб., 1891 г., ц. 4 р. въ коленк. пер. 5. р.

— Молитва какъ средство къ утоленію печали. Спб., 1888 г., ц. 10 р.

— На зарѣ христіанства или сцены изъ временъ Нерона. Историч. разсказъ. Перев. съ англ. А. П. Лопухина съ пояснит. прим. отъ переводч. Спб., 1892 г., ц. 3 р., въ коленк пер. 4 р

— Первые дни христанства. Перев. съ послѣдняго англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ част. Спб., 1892 г., ц. 4 р. въ коленк. пер. 5 р. *Мин. Нар. Просв. одобрено для пріобрѣт. въ ученич. библіот. средн. учебн. завед.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

Фатѣевъ А. С. Пособіе къ изученію начальн. правилъ нотнаго пѣнія, составлено для народнаго хора. Спб. 1889 г., ц. 65 к.

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниговск. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ портр. автора. Въ 2-хъ част. Изд. 3-е. Спб., 1884 г., ц. 3 р. въ коленк. пер. 4 р.

— Гласъ Божій къ грѣшнику. Учебн. Ком. Мин. Нар. Прав. рекомендовано для библіот. средн. учебн. заведеній Спб., 1882 г., ц. 30 к.

— Житіе святыхъ Кирилла и Меѳодія, Славянскихъ просвѣтителей. Спб., 1885 г, ц. 10 к.

— Житіе святыхъ подвижницъ Восточной Церкви. Изд. 2-е съ изображ. святыхъ подвижницъ акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1885 г., ц. 1 р. 50 к. въ коленк. пер. 2 р. 25 к.

— Житія святыхъ, чтимыхъ правосл. Церк., съ вѣдѣн. о праздн. Господск. и Богородичн. и о явлен. чудотворныхъ иконахъ съ дополн. изъ другихъ. Съ изображ. святыхъ и праздник. акад. Ѳ. Г. Солнцева и др. Съ прилож. портр. преосв. Филарета. На русск. языкѣ, за круглый годъ 12 мѣс. Спб., 1892 г., ц. за всѣ 12 книгъ 15 р. въ коленк. переп. въ 6 книгахъ 20 р. въ 12-ти книгахъ 24 р.

— Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой Церкви. Изд. 2-е съ дополненіемъ. 1866 г., ц. 1 р. 50 к.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви. Въ 3-хъ томахъ (860 стр.). Спб., 1882 г., ц. 5 р. въ коленк. пер. 6 р.

— Историч. ученіе объ отцахъ Церкви. (въ сокращеніи) Черниговъ 1864 г. ц. 1 р. 25 к.

— Исторія русской церкви. Въ пяти періодахъ (988—1826). Періодъ I. Отъ начала христіанства въ Россіи до нашествія Монголовъ.—Періодъ II. Монгольскій, отъ опустошенія Россіи до раздѣленія митрополіи.—Періодъ III. Отъ раздѣленія митрополіи до учрежденія патріаршества.—Періодъ IV, періодъ патріаршества. —Періодъ V. Сунодальное управленіе. Изд 6-е Большой томъ 840 стран. Спб., 1894 г. ц. 3 р. въ коленкор. переп. 4.

— Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е съ поправками и дополн. автора Спб., 1884 г., ц. 3 р. въ коленк. переп. 4 р.

— Опытъ объясненія на посланіе апостола Павла къ галатамъ. Въ 3-хъ частяхъ. Черниговъ. 1862 г. ц. 75 к.

— Православное догматическое богословіе. 2 тома. Изд. 3-е. Спб., 1892 г., ц. 3 р. въ коленк. пер 4 р.

— Святые южныхъ славянъ. Описаніе жизни ихъ. Съ озображеніемъ свят. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб, 1893 г., ц. 1 р. 50 к. въ коленк. пер. 2 р. 50 к.

Слова, бесѣды и рѣчи Въ 4-хъ, частяхъ. Изд. 3-е Спб, 1883 г., ц. 3 р. 50 к. въ коленк. пер. 4 р. 50 к.

— Ученіе евангелиста Іоанна о словѣ. Черниговъ. 1869 г., ц. 1 р. 25 к.

Чепурковскій Д. В. Подготовка къ вѣчному блаженству. Спб., 1891 г., ц. 20 к.

Шаффъ. Филиппъ докторъ, профес. богосл. Іисусъ Христосъ чудо исторіи. сочиненіе заключающее въ себѣ опровержение ложныхъ теорій о лицѣ Іисуса Христа, и собраніе свидѣтельствъ о высокомъ достоинствѣ, характерѣ, жизни и дѣлъ его, со стороны невѣрующихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб., 1896 г., ц. 1 р. въ коленк. переп. 1 р. 75 к.

Янышевъ І. Л. протопресв. Руководство къ обученію коволичеокой вѣрѣ въ высшихъ школахъ. Изд. по порученію старо-католическаго сунода. Боннъ 1875 г., Спб., 1876 г., ц. 50 к.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по 20 к. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ.

Каталогъ на 1897 годъ высылается за 35 коп.

Требованія Гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.